

А. ДЖ.ТОЙНБИ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ПЕРЕД СУДОМ
ИСТОРИИ

« Известная латинская поговорка гласит:
«Когда мир выносит приговор, последнее
слово всегда за ним».

...Как бы ни различались между собой
народы мира по цвету кожи, языку, религии
и степени цивилизованности,
на вопрос западного исследователя об их отношении
к Западу все – русские и мусульмане, индусы и китайцы,
японцы и все остальные – ответят одинаково.
Запад, – скажут они, – это архиагрессор
современной эпохи, и у каждого найдется
свой пример западной агрессии».

А. ДЖ. ТОЙНБИ

"ДОМ КНИГИ" 170.00

0 220846 210016

Тойнби
А. Дж. Ц
ивилиза
ция пер
ед с...

А. ДЖ.ТОЙНБИ

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ПЕРЕД СУДОМ
ИСТОРИИ**

A. J. TOYNBEE

**A STUDY
OF HISTORI
✧
CIVILIZATION
ON TRIAL
✧
THE WORLD
AND THE WEST**

А. ДЖ.ТОЙНБИ

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ПЕРЕД СУДОМ
ИСТОРИИ**

СБОРНИК

Перевод с английского

Под редакцией д.и.н., проф. В. И. Уколовой
и к.и.н. Д. Э. Харитоновича

МОСКВА
АЙРИС ПРЕСС
2003

ББК 63.3(0)
T50

Переводчики:
Е. Д. Жарков
А. Д. Харитонович
И. Е. Киселева

Вступительная статья: *д. и. н., проф. В. И. Уколова*
Научный комментарий: *к. и. н. Д. Э. Харитонович*
Редактор-составитель: *Н. И. Колышкина*

Оформление: *А. М. Драговой*

Тойнби А. Дж.

T50 Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. —
2-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 592 с.

ISBN 5-8112-0223-7

В сборник включены завершающие тома трактата видного британского историка А. Дж. Тойнби «Постижение истории», в том числе наиболее актуальные фрагменты тома 12 «Переосмысленное», освещающие роль ислама, мирового еврейства и России в развитии человечества и впервые переведенные на русский язык.

В книгу вошли также два близких по тематике произведения Тойнби — «Цивилизация перед судом истории» и «Мир и Запад», которые посвящены, главным образом, вопросам столкновения цивилизаций в современную эпоху, проблеме мировой экспансии Запада и ответственности Западной цивилизации за нынешнее состояние дел на нашей планете.

ББК 63.3(0)

ISBN 5-8112-0223-7

© Перевод на русский язык,
составление, вступительная
статья, научный комментарий,
оформление, Айрис-пресс,
2001, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Суд истории как поиск истины (В. Н. Уколова)..... 5

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Том восьмой. **Героические века** (Пер. Е. Д. Жаркова)

Варварское прошлое 23

Образ реальности 36

Том девятый. **Контакты между цивилизациями** (Пер. Е. Д. Жаркова)

Контакты между цивилизациями в пространстве 39

 Современный Запад и Россия 46

 Современный Запад и Восточная Азия 52

 Контакты эллинистического общества 57

Социальные последствия контактов между современными друг другу цивилизациями 63

Психологические последствия контактов между современными друг другу цивилизациями 73

Контакты цивилизаций во времени 86

 Ренессанс институтов, правовых систем и философии 86

 Ренессансы языка, литературы и изобразительного искусства.. 92

 Религиозные ренессансы 99

Том десятый. **Вдохновение историков** (Пер. Е. Д. Жаркова)

 Взгляд историка 104

 Привлекательность фактов истории 105

 Восприимчивость (105). Любопытство (107). Блуждающий огонек всеведения (113).

 Импульс к исследованию отношений между фактами 121

 Критические реакции (121). Творческие ответы (127).

Том двенадцатый. **Переосмысленное** (Пер. А. Д. Харитоновича)

Место ислама в истории 131

История и перспективы еврейства 149

 I. Относительность интерпретации истории евреев 149

 II. Высшая цель евреев. Религиозные и психологические последствия в случае успеха в достижении ее 157

 III. Изменение еврейской концепции характера Яхве 163

IV. Новая интерпретация израильской и иудейской литературы периода до Изгнания	173
1. Общие последствия угасания царства Иудейского и депортации евреев в Вавилонию (173). 2. Синагоги (177). 3. Фарисеи (178). 4. Фарисейская концепция сущности еврейских Писаний (184). 5. Фарисейский метод толкования писаной Торы (186).	
V. Между национализмом и универсализмом	190
История и перспективы Запада	198
Место России в истории	220
Пересмотр классификации цивилизаций	232
Следующий уступ	249

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

(Пер. И. Е. Киселевой)

Предисловие	265
Мой взгляд на историю	266
Современный момент истории	275
Повторяется ли история?	284
Греко-римская цивилизация	292
Унификация мира и изменение исторической перспективы	304
Европа сужается	326
Будущее мирового сообщества	344
Цивилизация перед судом	360
Византийское наследие России	369
Ислам, Запад и будущее	381
Столкновения цивилизаций	400
Христианство и цивилизация	407
Значение истории для души	425
Theologia Historici	425
Чисто приземленный взгляд	425
Чисто потусторонний взгляд	427
Третий взгляд: мир как провинция Царства Божьего	430

МИР И ЗАПАД

(Пер. И. Е. Киселевой)

Предисловие	435
Россия и Запад	436
Ислам и Запад	443
Индия и Запад	451
Дальний Восток и Запад	459

Психология столкновений	466
Греки, римляне и остальной мир	475

НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Постижение истории	485
Том восьмой. Героические века	485
Том девятый. Контакты между цивилизациями	485
Том десятый. Вдохновение историков	490
Том двенадцатый. Переосмысленное	492
Цивилизация перед судом истории	531
Мир и Запад	579

СУД ИСТОРИИ КАК ПОИСК ИСТИНЫ

Суд истории... на первый взгляд понятие жесткое, даже жестокое, влекущее за собой приговор или во всяком случае окончательную оценку, таящее в себе устрашающую беспелляционность. Однако бесполезно вспомнить, что слова «история», «истина» и «истец» имеют общий корень и что первоначально история — это не только рассказ, но и разыскание, а следовательно, предполагает подведение итогов и предъявление их общественности. Вспомним, что муза Клио совсем не похожа на Фемиду. Покровительница истории смотрит на мир широко открытыми глазами, запечатлевает события на свитке времени. В сущности, не она судит, а ее обсуждают и судят. И цивилизации — вот они, на свитке времени... Стоит его развернуть, и предстанут истинные свидетельства, подлинные факты. Но свиток Клио волшебный. Все, что на нем изображено, может таинственным образом менять облик, казаться тем или иным, как бы «течь», подобно воде или времени. И действительно, свиток Клио, ткань и пространство истории — время. И только время выявляет истинный смысл событий, проясняет сущность происшедшего, приоткрывает прошлое, впрочем никогда до конца не обнажая его тайны.

Итак, суд истории — это открытие и откровение времени, ибо А. Дж. Тойнби, выдающийся английский историк и мыслитель-гуманист, вовсе не претендовал на то, чтобы раздавать оценки и осуждать цивилизации и эпохи. В доступных ему пределах он хотел выявить их смысл, раскрыть закономерности и случайности их существования, показать человека в них и попытаться прояснить некоторые исторические перспективы. А. Дж. Тойнби вполне в духе античника-романтика попытался выступить их адвокатом прежде всего перед своими современниками, которые далеко не всегда понимали его, как, впрочем, и исполненные тайн узоры на свитке кажущейся такой простой, но нередко такой вероломной и сложной музыки Клио.

Среди важнейших функций исторической науки принято называть прогностическую, обычно оказывающуюся самой проблематичной и трудно подтверждаемой. В случае с А. Дж. Тойнби эта прогностичность проявлена весьма убедительно, что связано с особенностями универсалистского, подлинно глобального подхода к истории, позволяющего обозреть все ее временное пространство, как

выражается А. Дж. Тойнби, — «проследить все течение реки» от истоков до устья. Любопытно, в каких берегах течет река, занимательно, что несет она на поверхности своих вод, но главное — это сама река, направленное течение ее вод, составляющее в целостности ее сущность и ее смысл. Так и сущность истории заключена в течении времени, но времени не абстрактного, физического, а нераздельно слитого с человеческим существованием, смысловой тканью событийности, при этом форма свершающегося, хотя и привлекает сама по себе (заметим, что именно форма прежде всего становится предметом многих исторических исследований. — *В. У.*), на самом деле скорее скрывает, маскирует, чем выявляет истинный исторический смысл. Для постижения истории важнее раскрытие сокрытого, выявление того, что определяет природу происходящего и направляет движение в истории, отпечаток вечности во времени.

Среди историков укоренился довольно банальный спор о том, изменяется ли человек в истории, или его природа остается неизменной, и научно ли сравнивать выглядящие сходными ситуации в разных исторических эпохах. А. Дж. Тойнби принадлежит к тем, кто пытается выявить константы истории, тем самым отстаивая ее единство и глобальность, хотя существует некий парадокс — более привлекательными и для последователей, и для критиков А. Дж. Тойнби оказались его искания в сфере определения специфики локальных цивилизаций, являющиеся лишь частью его, в целом универсалистской, исторической концепции. В этом парадоксе мы сталкиваемся со случаем разъятого исторического мышления, при котором за деревьями не видно леса. Ибо локальные цивилизации А. Дж. Тойнби — это исторические модели, которые самими ритмами своего существования призваны подтвердить общий ритм хода истории, ее универсализм. Локализация выступает не отрицанием, но, напротив, естественной составной частью универсализма.

В свою очередь изначальная и конечная всеобщность истории делает возможным прогнозирование будущего. А. Дж. Тойнби использует метод «прогнозов прошлого и о прошлом» для возможности прогнозирования будущего. Он совершенно не стремится предстать пророком, напротив, в своих «конструкциях будущего» старается проявить максимальную осторожность и деликатность, предполагая даже заслужить упреки в сентиментальности. Это касается прежде всего тойнбианской интерпретации перспектив Запада, которому, как он надеется, удастся избежать неотвратимости исторической судьбы большинства цивилизаций. Однако, если его очень далекий прогноз будущего может выглядеть довольно оптимистическим, хотя и религиозно окрашенным, прогнозы же на конец двадцатого и начало двадцать первого века оказались тревожными, ибо предрекали размежевание цивилизаций при кажущемся нарастании глобальности,

инспирируемом прежде всего США и внешне послушно следующей за ними Западной Европой, и более того — столкновение цивилизаций. При этом главный разлом А. Дж. Тойнби усматривал не между Западным миром и миром коммунистическим, а между Западом и Исламским миром. Показательно, что Тойнби, как правило, не говорит о Советском Союзе, в центре его исторических исканий Россия, прошлая, современная и будущая. И в том, что именно Россия, а не СССР представлена одним из ведущих субъектов истории, усматривается прогностическая прозорливость английского историка, ибо в его время существование СССР казалось почти незыблемым.

А. Дж. Тойнби предупреждает против абсолютизации истории одной цивилизации или одной страны. Убежденность в собственном «совершенстве», как это имеет место, по мнению Тойнби, в самоощущении современной Западной цивилизации, объективно может ее ослабить, ибо лишает способности правильно оценить направление и масштабы грядущего надлома или противостояния.

В подтверждение этого космически мыслящий Тойнби приводит совершенно житейский пример, делающий для нас более понятным не только ход его мысли, но и Тойнби-человека. «Я вспоминаю, — пишет он, — как в начале университетского семестра во время Боснийского кризиса 1908—1909 годов профессор Л. Б. Нэмир, тогда еще студент колледжа Бейллиол, вернувшись с каникул из родительского дома, расположенного буквально рядом с галицийской границей Австрии, рассказывал нам, остальным студентам Бейллиола, с напыщенным (как нам казалось) видом: «Ну что ж, австрийская армия стоит наготове во владениях моего отца, а российская армия буквально в получасе ходу, прямо с другой стороны границы». Для нас это звучало, как сценка из «Шоколадного солдата», но отсутствие взаимопонимания было всеобщим, ибо среднеевропейский наблюдатель международных событий с трудом мог представить себе, что эти английские студенты совершенно не осознают, что буквально в двух шагах, в Галиции, творится их собственная история*.

Впрочем, и «среднеевропейский наблюдатель», фиксировавший нарастание международного напряжения, не совсем отдавал себе отчет в том, где и как творится европейская и, более того, — мировая история. И, быть может, именно такое непонимание явилось одной из серьезнейших причин того, что в конце XX века Европа и мир оказались лицом к лицу с теми же проблемами, что и в начале столетия, — боснийским кризисом, очередным переделом «сфер влияния», смещением «полюсов силы», поисками снова перестраивающейся Россией своего исторического пути, обострением противостояния в

* Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Гл. «Мой взгляд на историю».

мировом сообществе, которому, однако, стараются придать внешне благопристойную форму. Мировая война 1914 года заставила А. Дж. Тойнби почувствовать себя «в процессе истории». Но это стремительное «включение в историю» приобрело у него весьма своеобразную форму, породив чувство «философской одновременности». «На таблице времени, развернутой перед нами современной геологией и космогонией, — замечает он, — пять или шесть тысячелетий, прошедших со времени первых проявлений тех разновидностей человеческого сообщества, которые мы обозначаем как «цивилизации», оказались бесконечно малой величиной по сравнению с возрастом человеческой расы вообще или жизни на планете, возрастом самой планеты, нашей Солнечной системы, той Галактики, в которой эта система не более чем пылинка, или возрастом неизмеримо более широкого и более древнего общего звездного пространства. В сравнении с этими порядками величин пространства и времени цивилизации, возникавшие во втором тысячелетии до н. э., как греко-римская, или в первом тысячелетии христианской эры, как наша собственная, являются поистине современницами»*.

Этим чувством был вдохновлен главный труд жизни Тойнби — «Постижение истории», первые три тома которого вышли в 1934 году, а последний, двенадцатый, — в 1961 году, и в нем наиболее полно и последовательно представлена цивилизационная теория. Однако многие идеи, связанные с этой теорией, с пониманием А. Дж. Тойнби задач истории как науки и роли историка в обществе, с оценкой того, что получило название «современная история», были рассмотрены английским мыслителем в многочисленных статьях, лекциях и заметках. В данный том, озаглавленный по одной из работ Тойнби «Цивилизация перед судом истории», вошли небольшие теоретические статьи, в основном относящиеся к 1947 году. Главным образом это обработанные записи лекций. При их подготовке к публикации Тойнби руководствовался не только стремлением прояснить важные для него и для его современников проблемы философии истории, но и трогательным убеждением, что «для души весь смысл существования заключается в истории». В этот том вошли также фрагменты «Переосмысленного», составляющего 12-й том фундаментального труда Тойнби «Постижение истории». Личностно окрашенный подход к тому, о чем писал историк, не помешал ему, однако, подвести некоторые фундаментальные итоги предшествующего развития человечества и попытаться обрисовать его дальнейшие перспективы.

К 1947 году мир вышел из многолетней войны, самой кровопролитной в истории человечества. Создавалась новая система ми-

* Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Гл. «Мой взгляд на историю».

ропорядка, в которой Соединенные Штаты Америки и Советский Союз представляли собой «альтернативное воплощение огромной материальной силы человечества. Граница между ними прошла через всю землю, и голос их достиг края света», как заметил Тойнби. Было изобретено ядерное оружие. И в начале «холодной войны», в атмосфере великого противостояния буржуазного Запада и коммунистического Востока, английский историк полагал, что земное спасение человечества заключается в поисках среднего пути — «в политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма». Чрезвычайно важной в этом спасении будет роль религий, которые должны способствовать духовному совершенствованию человечества.

Тойнби не пытается выглядеть пророком, напротив, английский историк постоянно подчеркивает, что он лишь «средний англичанин», «живой обломок в бурном потоке времени», что его суждения — это результат неустойчивого и фрагментарного видения происходящих событий, истинный смысл которых открыт только Богу.

Бог, однако, не создал мир неизменным и не сделал существование человечества неподвижным. Автор библейской Книги Иисуса Навина не зря полагал, что остановка движения солнца, т. е. времени, есть чудо, которое не может длиться вечно: «И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слышал бы глас человеческий». Мысли Тойнби возвращаются к концу XIX века, к одному из дней 1897 года, когда он вместе со своим отцом наблюдал за маршем канадских и австралийских кавалерийских полков, приуроченным к шестидесятилетию правления королевы Виктории. Тогда «люди считали, что над ними солнце в зените, и полагали, что так будет всегда без всякой с их стороны необходимости хотя бы произнести магическое слово повеления, как это сделал Иисус Навин»*. Англичане конца XIX века были охвачены чувством «завершенности истории», продиктованным тем, что в 1897 году английский, американский и германский «средние классы» были фактически «политическими и экономическими хозяевами мира». Однако эта иллюзия кажется Тойнби «чистым помешательством», которое должно было приводить в изумление большую часть населения Земли; у нее, этой остальной части, сложившаяся историческая ситуация не только не вызывала никакой эйфории, но, напротив, породила нарастающую неудовлетворенность тем, как «разложились карты истории». Англичане, считал

* Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Гл. «Мой взгляд на историю».

Тойнби, были ослеплены самообманом, не позволившим им всерьез отнестись к тому, что в волнение приходила и Австро-Венгрия, и вся Юго-Восточная Европа, что поляки и финны были полны решимости отстаивать свою национальную независимость, что уже зрели в недрах Европы страшные зерна, обещавшие кровавый посев Первой мировой войны. «Социальные сейсмологи» того времени не пожелали приложить ухо к земле и почувствовать нарастающий гул социальных и политических потрясений, сигнализовавших о том, что «колесница истории снова сдвинулась с места».

В 1947 году, после Второй мировой войны, Тойнби надеется, что Запад больше не впадет в абсолютизацию достижений западной демократии и не провозгласит новый благополучный «конец истории». Однако автор классического «Постижения истории» не постиг в полной мере особенности западной ментальности. В 1989 году новый голос о «конце истории» прозвучал из сверхдержавы современного мира — Соединенных Штатов Америки. Фрэнсис Фукуяма, американский историк японского происхождения, недолго работавший в госдепартаменте США, заявил, что история как движение закончилась, ибо в мире окончательно восторжествовала идея либеральной демократии и потребительской культуры, что знаменует «триумф Запада, западной идеи». Чтобы как-то смягчить обрушившиеся на него возражения, Фукуяма решительно заявил, весьма своеобразно проинтерпретировав философско-историческую концепцию Гегеля, что «конфликты между государствами, все еще находящимися в истории, и теми, которые находятся у конца истории, остаются возможными... Но крупномасштабные конфликты должны втягивать большие государства, все еще находящиеся во власти истории, а они постепенно исчезают со сцены»*. Наивная с точки зрения научной истории позиция Фукуямы тем не менее отразила завышенную историческую самооценку западной либеральной демократии, прежде всего американской, «растворенную» в стереотипах мышления и политического действия, что подтвердили события последнего десятилетия двадцатого века и начала века двадцать первого.

А. Дж. Тойнби проанализировал главное противостояние двадцатого столетия — противостояние Западного мира и коммунизма. Как настоящий историк, а не какой-нибудь вульгарный идеолог, Тойнби уходит от упрощенной интерпретации, заявляя, что «страх Запада перед коммунизмом — это отнюдь не боязнь военной агрессии, как это было перед лицом нацистской Германии или милитаристской Японии... Оружие коммунизма, которое так нервирует Америку (и, как ни странно, она реагирует на эту угрозу более тем-

* Фукуяма Ф. Полемика о статье «Конец истории» // Диалог-США. 45. 1990. С. 12.

пераментно, нежели менее защищенные страны Западной Европы), — это духовное противостояние пропагандистской машины». Идет борьба за влияние на подавляющее большинство человечества, «которое не является ни коммунистическим, ни капиталистическим, ни русским или западным, но живет сейчас в тревожном мире, на ничейной земле между двумя враждующими твердынями противоположных соперничающих идеологий»*.

Соперник Запада, по мнению английского историка, опасен больше всего тем, что обнажает недостатки «вестернизированного мира». Вызов, бросаемый коммунизмом Западу, исходил не столько из природы коммунизма, сколько из самой сущности исторического развития Запада, переживающего колоссальный подъем в области технологии и «фантастический» прогресс в области «ноу-хау». Именно мощный технологический прогресс, сопровождавшийся демократической либерализацией общества, позволил Западу наивно полагать, что «история завершилась».

Крах коммунизма, распад Советского Союза, нарастание глобализационных процессов, определившие специфику последнего десятилетия XX века, казалось бы, должны были опровергнуть идеи А. Дж. Тойнби о столкновении цивилизаций. Тем не менее, сначала теоретически, они были подхвачены американским социологом С. Хантингтоном, а затем стали осуществляться и в реальности.

И для Тойнби в середине XX века, и для Хантингтона в конце этого века и на пороге третьего тысячелетия наиболее вероятной, хотя и крайне нежелательной перспективой для человечества представляется столкновение цивилизаций. Тойнби — историк старой классической школы, однако он предпочел отказаться от ее традиционных подходов и рассматривать историю в понятиях цивилизаций, а не в понятиях государств и наций, полагая их частными феноменами жизни цивилизаций. За это на Тойнби обрушились потоки обвинений, да и сегодня именно за это он не в чести у многих европейских и американских историков. Однако ведь не случайно Хантингтон, правда не акцентируя свою связь с Тойнби, провозгласил как новую истину: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим

* Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Гл. «Современный момент истории».

фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов»*.

Показательно, что и Тойнби, и Хантингтон видят главное направление цивилизационного противостояния в конфликте между Западом, т. е. широко понимаемой европейской цивилизацией (включая и США), и остальным миром. Английский историк подчеркивал, что современное ему (и нам. — *В.У.*) видение истории остается по преимуществу европоцентристским. Западная цивилизация, достигшая в своем развитии высочайшего технологического и научного уровня, породившая либеральную демократию, тем не менее не кажется ему идеальной. Напротив, для Тойнби совершенно очевиден ее экспансионистский характер. Он считал, что всеми доступными ей средствами она на протяжении многих столетий стремилась поглотить иные культуры и цивилизации, в результате ей практически удалось захватить весь мир. И если в 1947 году Тойнби заметил, что есть основания полагать, что достигшие огромной материальной мощи Соединенные Штаты будут претендовать на роль не только политического, но и цивилизационного гегемона в мире, то в конце XX века мы видим, как это предположение подтверждается.

Теперь уже Запад приходится считать не европейской по преимуществу цивилизацией, но цивилизацией евро-американской, в которой США доминируют во многих областях. Как ни пытается Европа гордиться своими великими культурными достижениями, как ни стремится защитить свой образ жизни, свое отношение к миру и истории, старый континент все больше американизируется. Цивилизационный экспансионизм Европы обернулся против нее самой. «В столкновении между миром и Западом, — писал Тойнби, — которое длится к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно Запад, а не остальной мир обрел наиболее значительный опыт. Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар, и очень сильный, остальному миру... Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии»**. Рассуждения Тойнби сегодня кажутся чересчур резкими и никак не укладываются в представления о респектабельном английском профессоре. Но и С. Хантингтон, правда, в более «гуманизированной» форме вынужден сказать о том, что мир пресытился цивилизационным экспансионизмом Запада.

* Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994. № 1. С. 33.

** Тойнби А. Дж. Мир и Запад.

Тойнби считал социализм и коммунизм порождением Запада и в то же время его «самонаказанием». Коммунизм — это «контрудар», отбивающий назад то, что Запад в свое время выработал в своих недрах и «передал» России. «Русские восприняли западную светскую общественную философию, а именно марксизм, — писал он, — с таким же успехом мы могли бы назвать марксизм христианской ересью, листом, вырванным из книги христианства и трактуемым как единственно верное Евангелие. Русские приняли эту еретическую западную религию, трансформировали ее в нечто свое и теперь отпасовывают ее обратно нам. Это первый выстрел в контрнаступлении по Западу, однако не исключено, что русский залп в форме коммунизма покажется нам чем-то несущественным...»* Английский профессор оказался поразительно точным в своем предвидении. В противостоянии России и Запада коммунистическое оружие все больше слабело и наконец вообще было выбито из рук России. Советский Союз потерпел поражение в «холодной войне», приведшее не только к краху господствовавшей идеологии, но и к распаду государства. Однако, если следовать логике Тойнби, противостояние Запада и России не исчерпано, ибо оно имело идеологическую и государственную форму, но сущность его составляли глубинные цивилизационные противоречия «между Западной цивилизацией как агрессором и другими цивилизациями как жертвами»**.

Столкновения между цивилизациями, неоднократно повторяет Тойнби, — наиболее вероятный путь, по которому может в будущем пойти человечество. Влияние Запада на остальной мир и ответные контрудары, контрвлияние других цивилизаций будут определять облик и перспективы мира уже в обозримом историческом будущем. Делая подобное умозаключение, Тойнби руководствуется не политическими пристрастиями, но опирается, как и подобает историку, на опыт нескольких тысяч лет со времени появления первых цивилизаций. Шесть тысяч лет — короткий срок, но он дает немало примеров столкновения цивилизаций. Парадигматическое значение, по Тойнби, имеет опыт Греко-римской цивилизации, распространившейся на большей части Старого Света вплоть до Индии, Британии и даже Китая и Скандинавии. Экспансия и мощь распространения этой цивилизации впечатляют даже по современным масштабам. Римская империя в своем зените была удавшейся попыткой продвижения человечества по пути универсализации пространства обитания и собственной истории. Греко-римская цивилизация в течение нескольких веков успешно отражала контрудары

* Тойнби А. Дж. Мир и Запад. Гл. «Россия и Запад».

** Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Гл. «Столкновение цивилизаций».

оружия, но потерпела поражение от другого контрнаступления — ненасильственного, духовного. Это было наступление новых религий, в особенности христианства. Этому натиску сдались не крепости, а сердца и души людей, а падение вслед за этим городов и укреплений, а затем и самой империи было делом времени. С империей рухнула и цивилизация.

С. Хантингтон определял понятие «цивилизация» следующим образом: «Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности... Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека Западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации»*.

В этом определении слышатся отголоски рассуждений Тойнби, полагавшего, что цивилизации есть определенные типы человеческих сообществ, «вызывающие определенные ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев — словом, в области культуры». И если у Хантингтона цивилизация — это культура, дошедшая до естественных границ своего распространения, то у Тойнби под цивилизацией понимается «наименьший блок исторического материала, к которому обращается тот, кто пытается изучить историю собственной страны». Именно эти пределы во времени, пространстве, культуре дают интеллигибельную единицу цивилизации; например, «если вы идете от Греции, Сербии или России, пытаясь понять их историю, вы приходите к Православному христианству или Византийскому миру»**. Таким образом, и для Тойнби цивилизация — это достигшая пределов самоидентификации культура.

Тойнби указывает основные линии, по которым будет происходить «разлом цивилизаций». Прежде всего он говорит о Западе и России.

* Хантингтон С. Указ. соч. С. 34.

** Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Гл. «Столкновение цивилизаций».

Запад всегда с опаской относился к России, но особенно страх перед ней, считал Тойнби, обострился после ее победы во второй мировой войне. Для него было очевидным, что именно Россия была главной ударной силой победы. В глазах же западных европейцев Россия всегда представлялась агрессором, хотя у России в ее тысячелетней истории было, по мнению Тойнби, гораздо больше оснований считать агрессивным Запад. Запад и Россия принадлежат к Христианскому миру, но к двум его противостоящим частям — католической и православной. История России глубочайшими корнями уходит в Византию, а Византия и Запад всегда были враждебны друг другу. Лишь раннее средневековье можно считать относительно благополучным периодом отношений между Западом и Древней Русью, затем началось, по существу, непрекращавшееся противостояние России и Запада, сохранившееся и даже обострившееся после Второй мировой войны, несмотря на то что обе стороны находились в «постхристианской» стадии своего развития. Эти рассуждения Тойнби слишком общи, чтобы быть исторически строго точными. Но совсем парадоксальным выглядит его утверждение, что «западные завоевания средневекового периода отразились на внутренней жизни России и на ее отношениях с западными обидчиками. Давление Запада на Россию оттолкнуло ее от Запада: оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться новому игу, — игу коренной русской власти в Москве, ценой автократического правления навязавшей российским землям единство, без которого они не могли бы выжить»*. Итак, российская автократия, полагал Тойнби, — порождение не столько азиатской традиции (как думали и продолжают думать многие российские историки и вообще те, кто любит порассуждать о «российской тирании»), а в значительной степени результат западной экспансии, контрудар российской цивилизации, нанесенный цивилизации западноевропейской. Тойнби был убежден, что у России всегда были и сохранились в середине XX века все основания смотреть на Запад с не меньшим подозрением, чем Запад смотрит на Россию.

Совершенно нетривиально он оценивает деятельность Петра I, которого считает «ключевой фигурой для понимания взаимодействия остального мира с Западом не только в отношении России, но и в мировом масштабе». Тойнби усматривает в Петре I архетип автократического реформатора в западном духе, сверху навязавшего своей стране техническую революцию и грандиозные социальные реформы. Именно Петр запустил Россию на орбиту технологического соревнования с Западом. Петр I ответил на вызов Запада западными же методами, но от этого Россия не волилась в западноевропейскую

* Тойнби А. Дж. Мир и Запад. Гл. «Россия и Запад».

цивилизацию, напротив, она обрела новые возможности для противостояния и контрнаступления. Наиболее впечатляющим и вместе с тем «ужасным» повторением вестернизации России были большевистская революция, а затем бросок по воле автократического правителя Сталина вдогонку за западной технологией, что сопровождалось тяжкими испытаниями и жертвами. Однако Тойнби осмелился утверждать, что «коммунистическая техническая революция в России предопределила победу над германскими захватчиками во Второй мировой войне так же, как петровская техническая революция обеспечила победу над шведскими агрессорами в 1709 году и французскими — в 1812 году»*. После Второй мировой войны Россия снова должна была ускоренным маршем догнать сделавшую бросок западную технологию. Для Тойнби исход такого броска еще сокрыт в тумане будущего, для нас он очевиден. Россия была истощена в этой технологической и идеологической гонке настолько, что это угрожает самому ее существованию (речь идет даже и о сегодняшней России, хотя для Тойнби Россия ассоциируется с Советским Союзом). СССР пал жертвой последнего западного Вызова, и это падение, с ликованием воспринятое Западом как торжество его модели мироустройства и либеральной демократии, на самом деле может обернуться началом его цивилизационного поражения, ибо контрудар находящейся в тяжелом положении России грозит гораздо больше расшатать устои Западной цивилизации, чем постоянное балансирование в послевоенном двухполярном мире.

Тойнби полагал, что Россия всегда находилась в русле византийской исторической традиции, имперской и православно-христианской. И даже большевикам не удалось преодолеть ее. Напротив, по мере укрепления Советского Союза он все более представлялся Тойнби современным и технологическим вариантом Византийской империи. Тысячелетние отношения Запада с Византией и с Россией уже выработали системы взаимных ударов и контрударов и методы защиты друг от друга. В рассуждениях английского историка просматривается мысль, что резкий рывок России в сторону Запада способен привести скорее к разрушению российской цивилизации, чем к ее совершенствованию. Но в продолжительность такого рывка он не верит. Со свойственной ему скрытой иронией Тойнби в статье «Византийское наследие России» писал: «Если бы эти приступы вестернизации были стихийными и добровольными, то, вероятно, их можно было бы рассматривать как новый курс. Однако была ли вестернизация России добровольной или совершалась по принуждению?.. Российские члены византийской семьи всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние Западного мира и продолжают

* Тойнби А. Дж. Мир и Запад. Гл. «Россия и Запад».

противиться по сей день. Чтобы обезопасить себя от завоевания и насильственной ассимиляции со стороны Запада, они постоянно заставляют себя овладевать достижениями западной технологии. Этот рывок был совершен по крайней мере дважды в русской истории: первый раз Петром Великим, второй — большевиками. Эта попытка должна была повторяться, ибо западные технологии развивались и уходили вперед... Все это ставит русских перед дилеммой. Чтобы спастись от опасности принудительной и полной вестернизации, они предпочитают перенимать у Запада кое-что выборочно, и здесь им приходится брать инициативу на себя, чтобы этот неприятный процесс прошел вовремя и держался в нужных рамках. Возникает, естественно, судьбоносный вопрос: может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно поглощенным ею целиком и полностью?»*.

Английский мыслитель одним из главных системообразующих факторов цивилизации считал религию. Отсюда фундамент Российской цивилизации он усматривал в православии и византинизме, а фундамент Исламской цивилизации видел в учении пророка Мухаммеда. Однако религия не только фундамент, она и определяющий фактор специфики отношений цивилизации с миром, с другими цивилизациями, перспектив ее интеграции в универсальную (глобальную) цивилизацию или ее дезинтеграционных устремлений.

Еще одной великой силой, противостоящей Западу, полагает А. Дж. Тойнби, является ислам. Собственно, европейская цивилизация обретала свою самостоятельность в борьбе с Исламским миром, ибо еще в раннее средневековье произошло их столкновение, закончившееся поражением арабов от европейцев в битве при Пуатье, а далее это враждебное взаимодействие развивалось по нарастающей. В XX веке Исламский мир тоже вступил на путь вестернизации, однако, усваивая многие внешние атрибуты Западной цивилизации, он все больше укрепляется в своей религиозной и культурной самобытности. И не исключено, что «исламская традиция братства человеческого может оказаться более привлекательным идеалом, нежели западная традиция суверенитетов для десятков отдельных национальностей»**.

Для А. Дж. Тойнби очевидно, что Арабский мир — это, по определению, Исламская цивилизация, которая может усвоить самые передовые западные технологии и, более того, — допустить даже формы общественного существования, внешне следующие западным либеральным образцам, однако сущность этой цивилизации останется исламской, с присущим исламу, как, впрочем, и другим мировым

* Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Гл. «Византийское наследие России».

** Тойнби А. Дж. Мир и Запад. Гл. «Ислам и Запад».

религиям, религиозным эгоцентризмом и непоколебимой верой в исключительную правильность избранного ими пути, на который желательно подвинуть как можно большую часть человечества. И если такое «обращение» в современных условиях может осуществляться довольно мирно, то любое посягательство на ислам в его не только высоком, но и во вполне бытовом понимании встретит решительный отпор, не исключая военных форм сопротивления в отстаивании самоидентичности Исламской цивилизации.

Тойнби указывает на особенно опасный аспект противостояния арабского и еврейского народов в цивилизационной перспективе, грозящего нарастающим обострением, тем более болезненным, что определяющие эти цивилизационные феномены религии имеют общий корень. А. Дж. Тойнби даже прибегает к психоаналитическому образу, подчеркивая, что это борьба между народами-братьями, в которой ущемленный Измаил (точнее — его потомки) так и не пережил отцовского пренебрежения и изгнания и затаил, быть может, даже для самого себя не вполне проявленное желание одержать верх над Исааком, перехватив у него дар Божьего избранничества.

Неустойчивое равновесие между Западом и Исламским миром может быть в любой момент нарушено, причем открытое столкновение будет спровоцировано всей предшествующей историей отношений Западной цивилизации к Исламской, перманентным стремлением Запада к доминированию в мире. Ислам может попытаться ответить на это импульсивным действием, которое может инспирировать в дальнейшем его духовную и цивилизационную консолидацию. Трагично, что события сентября 2001 г. подтвердили это казавшееся вполне теоретическим предположение А. Дж. Тойнби.

Английский историк также указывает на возможность будущих столкновений между Западом и Индийской цивилизацией, между Западом и цивилизациями Дальнего Востока. Особое будущее он предсказывает Китаю, стране, которая сама по себе есть целая цивилизация и которая, быть может, будет доминировать в XXI веке.

Западу предстоит выдержать множество контрударов со стороны различных цивилизаций. Он больше не сможет быть мировым лидером, ибо будущее — за выявлением самобытности и подъемом конкурирующих с ним цивилизаций. Более того, Запад будет подвергаться не только цивилизационной экспансии с их стороны, но и экспансии «переселенцев». Достаточно сегодня взглянуть на улицы Лондона или Парижа, заполненные выходцами из азиатских и африканских стран, чтобы убедиться в справедливости предположений английского профессора.

Через полвека С. Хантингтон, по существу, указывает на те же, прогнозировавшиеся еще Тойнби разломы цивилизаций, добавляя противостояние Запада и латиноамериканских стран и, возможно,

также еще и Африканской цивилизации. Делая выводы относительно Запада, он отмечает, что «в долгосрочной перспективе надо ориентироваться на другие критерии. Западная цивилизация является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологии, квалификацию, оборудование, вооружение — все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада — сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержки его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуются и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций»*.

Ученый-гуманист усматривает исторические корни цивилизационных противостояний не столько в экономических или политических причинах, сколько в психологии народов и человека. Войны, бывшие в течение тысячелетий естественным состоянием человечества, порождались прежде всего этническим эгоцентризмом, ощущением избранности, чувством того, что «мы выше всех». А. Дж. Тойнби даже изобретает для обозначения этого особый термин «*nosism*», производя его от латинского местоимения «*nos*» (мы). Упразднить возможность войны можно, только преодолев чувство национального превосходства, поставив самоидентификацию всего человечества над этнической, национальной и политической. Как показывает современная ситуация — предложение весьма и весьма утопическое.

Заключена ли в таком ходе вещей историческая неизбежность, непреодолимая заданность? А. Дж. Тойнби, при несомненной вере в божественное Провидение, — решительный сторонник свободы человеческой воли и свободы выбора. Пользуясь термином «обусловленность» (сейчас нам ближе аналогичный термин «запрограммированность»), английский историк проводит своеобразную градацию уровней обозначаемого им состояния. Божественную заданность, «запрограммированность» он считает возможным связать с ангелами, существами, относящимися больше к сферам религиозно-романтическим, чем реально-историческим. Бессознательная запрограммированность усматривается им в действиях, например, муравьев, «общественных

* Хантингтон С. Указ. соч. С. 48.

насекомых». Человеку дана возможность выбора, но он сознательно пытается лишиться этой возможности себя самого и других. В современной цивилизации с ее мощными средствами массовой информации, политического, идеологического и психического воздействия на индивида и массы процесс «программирования», по мнению А. Дж. Тойнби, приобрел угрожающие самой человеческой цивилизации размеры. (Отметим, что А. Дж. Тойнби не дожил до торжества компьютеризации и всемирной информационной сети.) «Запрограммированный», «обусловленный» человек утрачивает существенные характеристики своей природы — способность свободно мыслить, свободно действовать и в конце концов — творить себя самого, свою жизнь и историю. Таким образом, человек перестает быть «подобием Божьим», ибо главное в этом подобии — способность быть творцом, а следовательно, в самом глубинном метафизическом смысле перестает быть человеком. «Запрограммированность» ведет к исчерпанию истории как живого развивающегося сочетания божественного Провидения и человеческого выбора, история перестает быть человеческой и культурно-цивилизационной, превращаясь в информационно-индустриальную и тем самым отрицая себя самое. «Запрограммированное» человечество не заметит своего собственного исчезновения, сохранив внешнюю оболочку своего существования, но утратив его истинный смысл, делающий человечество историческим. Для гибели истории не понадобится мировая война и физическое уничтожение.

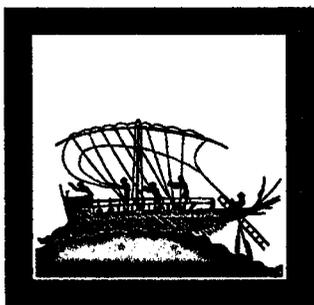
Для А. Дж. Тойнби, историка старой классической школы, самое ужасное в истории даже не грандиозные катаклизмы, а утрата ее собственно человеческого смысла, «забывание» человеком самого себя. Для теоретика и исследователя цивилизаций в конечном итоге самым главным в истории остается человек, в чей разум он верит, а следовательно, — верит и в то, что история не прервется трагически, что она имеет истинно человеческое будущее.

В. И. Уколова,
д. и. н., профессор

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ

ТОМ ВОСЬМОЙ

ГЕРОИЧЕСКИЕ ВЕКА

ВАРВАРСКОЕ ПРОШЛОЕ

В предыдущих частях нашего исследования мы занимались универсальными государствами, созданными правящими меньшинствами, и вселенскими церквами, построенными внутренним пролетариатом. Предметом данной части станут так называемые героические века, которые, с точки зрения историка, не более чем эпизоды краткой жизни варварских боевых отрядов. Героический век рождается в социальном и психологическом климате эпохи установления границ. На этот период мы уже обращали внимание, когда касались цивилизаций, пребывающих в процессе распада. Если культурные границы растущей цивилизации воспринимаются как двери, гостеприимно распахнутые для двустороннего движения, то военные границы распадающейся цивилизации можно сравнить с забором, наглухо перекрывающим входы и выходы. Символически обозначенный рубеж более надежен, чем прочная стена; но неодолима преграда есть отрицание природы, а оно всегда грозит человеку злыми последствиями. Прорыв варварских отрядов через границы — обычная судьба универсальных государств. Однако является ли эта социальная катастрофа действительно неизбежной трагедией или ее можно предотвратить? Прежде чем ответить на этот вопрос, проанализируем социальные и психологические последствия строительства военных заградительных сооружений, а также естественное развитие отношений между цивилизацией и ее внешним пролетариатом.

Первое следствие строительства подобных сооружений — это создание как бы резервуара, запасника, прерывающего естественные динамические процессы. В природной среде в резервуаре скапливается вода с определенной площади. При этом часть земли, затопленная водой, выбывает из естественного оборота. Тем не менее

выше плотины всегда остаются обширные незатопленные территории. Если использовать этот образ применительно к социальной действительности, то можно сказать, что благодаря заграждению происходит как бы разделение народов на «затопленные» и «незатопленные». На Европейском континенте, например, северные славяне продолжали мирно существовать, ведя примитивный образ жизни под прикрытием припятских болот. И так продолжалось в течение двух тысячелетий, пока они не почувствовали близость ахейских варваров, а через восемнадцать столетий — близость тевтонских варваров¹. Ахейцы и тевтоны оказались как бы в «резервуаре» границ эгейской цивилизации и Римской империи. Славянские земли были выше этого «затопленного резервуара», поэтому славяне мирно и спокойно жили на своих исконных территориях, а ахейцы и тевтоны стали метаться в поисках других земель.

Почему варвары резервуара так взволнованно реагировали на близость военной границы, служившей одновременно и культурным рубежом? И в чем был источник того взрыва, который позволил им в конце концов прорвать границы?

Продолжим нашу аналогию. Попробуем объяснить, почему растет давление на плотину. Верховья реки постоянно отдают воду, питая низовья и океан, куда впадает река. Следовательно, основной резервуар и накопитель воды — океан. Однако, чтобы вновь попасть из этого резервуара в верховья, вода должна испариться, сконденсироваться и пролиться на холмы дождем. Таким образом, цена, благодаря которой вода совершает свой круговорот, — это потеря первоначального состояния и состава, ибо при испарении соль остается в океане, а, попав на холмы, вода насыщается другими солями.

Этот физический феномен является точной аналогией общественного феномена. Резервуар варваров, окруженный военными границами соседних цивилизаций, заряжается энергией, которая накапливается и в конце концов прорывает плотину. Причем большая часть энергии варваров получена из запасов самой цивилизации, казалось бы надежно отгородившейся от варваров. Однако именно гигантский поток энергии, исходящий от цивилизации, и порождает то давление внутри резервуара, с которым не в состоянии справиться воздвигнутая дамба. Ирония истории в том и состоит, что вода, сметающая все на своем пути, берет свое начало из того района, который позже безжалостно затопляет. Если при нормальных обстоятельствах вода течет вниз мерно, спокойно питая лежащие окрест земли, что же превращает вдруг ее благодатные струи в разрушительный поток? Ответ кроется в самом факте воздвижения барьеров, ибо это искусственный акт вмешательства человека в естественный ход природы. Кроме того, происходит трансформация

человеческой энергии из культурного мира в пределах границ в варварский резервуар за его пределами.

Некоторая трансформация является неизбежным следствием проникновения культуры одного общества в культуру другого, но степень и характер трансформации варьируются в зависимости от обстоятельств. Изменения носят минимальный характер, когда излучение культуры идет от растущего общества к статическому, еще не вступившему в фазу строительства цивилизации; максимальные же изменения характерны для взаимодействия цивилизованных обществ, когда обе цивилизации находятся в процессе распада. Случай, который мы здесь рассматриваем, очевидно, находится где-то между этими двумя крайностями. Источник излучения — это цивилизация, находящаяся в процессе распада, а варвары резервуара, находящегося за пределами границ, — это представители нецивилизованного общества, сопротивляющиеся культурной экспансии соседней цивилизации вовсе не потому, что они стремятся защитить свою собственную культуру, а лишь в силу враждебного отношения к чужой культуре, которая, надломившись, утратила свою былую привлекательность.

Трансформация энергии происходит благодаря процессу разложения. Вторгающаяся культура разлагается на составные части, синтезируясь затем в ином порядке. Цивилизацию, находящуюся в процессе роста, можно определить как цивилизацию, у которой культурные компоненты гармонически сочетаются в единое целое. Распадающуюся цивилизацию можно по этому же принципу определить как цивилизацию, элементы культуры которой рассогласованы. Расщепление культуры, таким образом, — это симптом социального недомогания, причина которого не в том, что цивилизация воздействует на чужое общество, а в том, что она сама пережила надлом и начала распадаться. Компонентами культуры общества являются экономический, политический и собственно культурный элементы. Когда одна культура вторгается в другую, проникающая сила каждого из элементов прямо противоположна его социальной ценности. Так, экономический элемент воспринимается чуждой культурой с наибольшей готовностью, за ним следует политика, а на последнем месте оказывается культурный элемент. И в этом причина того, что разложение интегральной культуры кончается социальной катастрофой. Война и торговля — вот два главных канала отношений между распадающейся цивилизацией и ее внешним пролетариатом. Причем господствующая роль принадлежит войне.

Проникновение варваров в цивилизацию осуществляется, во-первых, через поток военнопленных, во-вторых, с группами заложников, в-третьих, через торговцев и, наконец, через завоевателей. В сфере экономики оно выражено во встречных потоках денег.

Награбленные ценности, военные репарации и субсидии со временем вновь возвращаются в цивилизацию в виде платы за товары, которыми торгуют купцы. Контакты такого рода легко подчиняют варваров внутреннему механизму экономики общества, которое они разоряют. Установление коммерческих контактов через военную линию, правда, не всегда поощряется имперскими властями. Очевидная выгода приграничной торговли признается всеми при наличии определенного паритета и взаимных интересов. Но, поскольку общий интерес таит в себе смертельную опасность для цивилизации, «граница империи... фактически имеет двойное назначение. Она служит не только для того, чтобы преграждать путь соседям, но и для того, чтобы не выпускать своих жителей за пределы страны... Считалось необходимым ограничивать деятельность китайцев по ту сторону Великой стены... чтобы не утрачивалась их связь с государством. Сельское хозяйство или торговля, которыми они занимались за пределами Великой стены, шли более на пользу варварам, чем китайскому обществу. Они как бы соскальзывали с китайской орбиты... Китайцы, покинувшие китайскую орбиту и приспособившиеся к некитайскому экономическому и социальному порядку, либо подчинялись варварским правителям, либо сами начинали практиковать варварские формы правления, ослабляя тем самым Китай»*.

Эти соображения вынуждают императора ограничивать торговые потоки через границу. Такая торговля тормозится в свою очередь и тем, что варваров, как правило, интересуют лишь два вида товаров: предметы роскоши для вождей и их приближенных и оружие. Торговля через границу и рискованна, и болезненна, потому что из-за взаимной враждебности стычки на границе почти никогда не прекращаются, ибо ненависть друг к другу — доминанта отношений отчужденного внешнего пролетариата и распадающейся цивилизации.

При столь напряженных отношениях внешний пролетариат добровольно становится на путь подражания правящему меньшинству, так как варвары политически свободны. «Потребности и мотивы общества и государства отличаются от потребностей и мотивов людей, живущих по ту сторону границы. Сам факт проведения границы означает признание того факта, что часть людей выведена из-под контроля и не обязана подчиняться власти»**. Варвары, заимствуя элементы чуждой им культуры, своеобразно перерабатывают их, приспособивая к своим нуждам. Эти преобразования частично

* *Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. London and New York: Oxford University Press, 1948. P. 184–197.*

** *Ibid. P. 243.*

определяются враждебностью к культурному излучению цивилизации, что делает нежелательным открытое признание чужеродных заимствований. Отрицательный мотив вполне уживается с положительным стимулом и желанием приспособить заимствования к собственным нуждам.

Таким образом, ксенофобия и утилитаризм являются факторами, способствующими адаптации элементов чужеродной культуры. Однако даже явно полезные заимствования не имеют решающего значения для варварского общества. К тому же все культурные достижения варваров отмечены следами душевной смуты — той социальной болезни, которой поражена цивилизация, общающаяся с ними. Психологическая революция, перебрасывающая варвара из примитивной жизни в героический век, влечет за собой разрушение традиционной гармонии безмятежного статического общества и порождает напряженную поляризацию индивидуализма и растущего чувства единства.

Феномен, который можно назвать «переносом энергии», дает ключ к ответу на вопрос, является ли катастрофический прорыв границ варварами исторически неизбежной развязкой. Вернувшись к нашей аналогии, можно сказать, что на случай, когда уровень водохранилища поднимается слишком высоко, угрожая прорвать дамбу, создается система шлюзов, с помощью которых регулируется уровень воды. Это важное защитное приспособление, предохраняющее плотину, как мы увидим, хорошо известно и политическим строителям военных границ. Но в данном случае оно лишь ускоряет катаклизм, так как социальный и психологический материал, из которого конструируется граница, настолько хрупок и слаб, что стоит выпасть одному кирпичу, как мощный поток варварской энергии устремляется в прореху, сметая в конце концов все сооружение. Когда воздвигается социальный забор, невозможно предусмотреть меры, способные ослабить давление на него живых вод. А поскольку перенос энергии от цивилизации к варварам постоянно нарастает, увеличивая тем самым силу давления на границу, рано или поздно происходит прорыв ее, и тогда катастрофа неизбежна.

Другим средством предупреждения прорыва границы могло бы быть ее укрепление. Однако и эта контрмера может лишь отодвинуть беду. Время работает на варваров, постоянно тревожащих своими набегами большую цивилизацию.

Таким образом, установление границ как бы включает в игру социальные силы, обрекающие создателей на поражение. Единственное средство, обещающее цивилизации хоть какую-то защиту, — это полное разделение двух несовместимых обществ. Политика необщения действительно наиболее приемлема для имперского правительства. Однако на практике произвольно прочерченная военная

граница не может долго оставаться неприкосновенной, поскольку и варвары, и жители приграничных внутренних областей, как правило, находятся вне сферы действия официального правительственного контроля. «Сам факт, что варваров обычно называют грабителями, разбойниками и захватчиками, свидетельствует, что географические рубежи, которые воспринимаются как «естественные границы» одним обществом, вовсе не воспринимаются так другим обществом, которое видит в них искусственные рубежи, созданные чисто политическими средствами»*. Кроме того, «политика (универсального) государства, нацеленная на установление границ, наталкивается на препятствия и внутри страны, со стороны торговцев, преследующих свои частные интересы, а также бывших колонистов, честолюбивых политиков и военных и т. п., которые ради своих личных интересов посматривают за границу. Таким образом, завязывается узел приграничных интересов, — интересов, прямо противоположных устремлениям центра»**.

На практике существование границ не может прекратить, а часто даже порождает социальное общение между сторонами, для разделения которых изначально предназначалась граница. Наиболее распространенной формой контакта является война, а не торговля. Универсальное государство не в состоянии удерживать варваров под контролем, не сражаясь с ними. И в то же время, сражаясь с ними, оно неизбежно обучает их своим техническим достижениям и современным способам ведения войны. Искусство войны проникает в среду варваров быстрее и глубже, чем любая другая отрасль техники. Оружие быстрее, чем другие технические новинки, находит себе рынок. Попав в руки варваров, оружие быстро начинает копироваться местными мастерами, причем с поразительной точностью и мастерством. Евразийские номады вообще не смогли бы вести широкомасштабные оборонительные операции без чужого оружия. Даже монголы XII в. — самый воинственный из народов — и то вынуждены были импортировать оружие из Китая и Хорасана.

Эффективность заимствованных средств и техники усиливается готовностью варваров приспособить их к своим местным условиям. Уже с самого начала варвары обладают некоторым преимуществом в ведении войны, так как театр военных действий менее знаком противнику, поскольку граница пролегает по варварской территории, захваченной цивилизацией в предыдущей исторической главе.

Другим фактором, способствующим ускорению распада цивилизации в ходе ее столкновения с агрессивным варварским обще-

* *Lattimore O. Op. cit. P. 243.*

** *Lattimore O. Op. cit. P. 243—244.*

ством, является влияние войны на сложную экономику воюющего общества. В то время как варварское общество может и профессионально, и организационно полностью переориентироваться на войну, энергия цивилизованного общества рассредоточена по сложному спектру внутригосударственной деятельности. Слишком затянувшийся военный конфликт повышает напряженность в его внутренних структурах. Так, повышение численности вооруженных сил влечет за собой соответствующее повышение налогообложения и тем самым снижение уровня жизни гражданского населения. Неустойчивый национальный доход в сочетании с ненасытно растущими потребностями армии и других государственных служб — одна из наиболее известных социальных болезней. Именно она привела к гибели Римскую империю в V в. на Западе и в VII в. на Востоке. Злокачественный рост фискального бремени за счет подданных Римской империи приводил к непомерному росту количества имперских гражданских чиновников, заполняющих административный вакуум, возникший вследствие распада местных органов самоуправления. С другой стороны, происходил непрерывный рост численности имперской армии, которая требовалась для того, чтобы сдерживать нарастающий военный натиск варваров.

Если затяжная война между нарушителями и защитниками границы начинает превращаться в борьбу за приграничную власть, защита рано или поздно рухнет, потому что цивилизация не в состоянии поддерживать все нарастающий темп военного самосовершенствования, вполне доступный варварам. В данной ситуации есть только два пути, чтобы остановить прогрессирующее отставание. Необходимо либо мобилизовать на защиту границ все технические и организационные ресурсы, которых у цивилизации, безусловно, больше, чем у варваров, либо же привлечь на свою сторону других варваров. Эти два подхода не исключают друг друга, и обычно они используются одновременно. Так, на последних этапах борьбы эллинская цивилизация, которая уже не была технически очень мощной, делала ставку на реорганизацию через реформы Диоклетиана, призванные решить жизненно важные проблемы спасения Римской империи.

Реформы Диоклетиана предусматривали полную реорганизацию системы обороны Римской империи, в принципе не знавшей изменений в течение трех веков со времен Августа.

К периоду правления Диоклетиана экономика Рима пришла в упадок. В пограничных конфликтах варвары все чаще прорывали римские границы. Единственным реальным средством защиты была переброска войск с одного участка границы на другой. Диоклетиан ввел резервную армию, которая по численности составляла не менее двух пятых всей действующей римской армии. Армия Диоклетиана

отличалась подвижностью и предназначалась для борьбы с варварскими отрядами. Она способна была преследовать отряды варваров и уничтожать их.

С точки зрения военного искусства система Диоклетиана представляет собой замечательное нововведение. Несомненно, военная реформа продлила жизнь империи, которая уже полвека была на грани развала. Однако цена этого новшества оказалась очень высокой, и платить пришлось мирному населению. Масштабная реорганизация армии нанесла гражданскому населению двойной удар. Расширение военной структуры повышало налоги, а это в свою очередь повлияло на цены, что вызвало серьезное общественное беспокойство. Один из современников Диоклетиана писал: «Число людей, живущих на налоги, стало значительно превышать число тех... кто их платит»*. С другой стороны, концентрация армейской элиты в мобильном резерве еще больше подрывала дисциплину пограничных войск, дислоцированных на окраинах, дурно сказывалась на нравах. Армейские претензии переломить ход событий были явно безнадежны. Театр военных действий прочно переместился на внутренние районы империи. Понятие «глубинная оборона» фактически утратило изначальный смысл, теперь за ним скрывался унижительный и ужасный факт, что гражданское население, которое правительство грабило под предлогом необходимости усиления обороны, все чаще подвергалось грабежам и со стороны варварских отрядов.

Имперская армия не в силах нанести варварам сокрушительный удар еще и потому, что варварские отряды очень мобильны, практически они неуловимы. Это особенно характерно для варваров-кочевников. Номадические племена легко снимаются со стоянок перед лицом приближающейся армии врага. Однако в некоторой мере это справедливо и для оседлых варварских обществ, потому что ресурсы их скромной жизни легко и быстро восстанавливаются даже в случае их полного уничтожения. Большой урон от войны всегда несет цивилизованная сторона; победа ее пиррова, ибо она истощает ресурсы победителя, тогда как поражение варваров никогда не бывает окончательным в силу высоких рекреационных способностей примитивной экономики варварского общества. Тактика партизанской войны вполне оправдывает себя даже в современных войнах. Хотя нынешние партизаны далеко не варвары, они очень искусно пользуются именно этими методами ведения войны, демонстрируя их явные преимущества в борьбе против врага, технически лучше оснащенного.

* *Balsdon J.P.V.D.* Rome: the Story of an Empire. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. P. 225.

Отношения между цивилизацией и варварами постепенно перерождаются. Цивилизация уже не стремится к захвату территорий, сосредоточивая свои силы на охране границы. Если раньше варвар обучался искусству войны в целях самообороны, то теперь, когда он достаточно преуспел в воинском деле, а цивилизация надорвалась и стала отступать в свирепом бессилии, походы варваров стали носить откровенно грабительский характер. Варваров вполне устраивала перспектива добывать жизненные блага с помощью меча и копья. Отсюда становится понятным, почему варвар — это прежде всего воин и только во вторую очередь — землепашец. Близость с цивилизацией приучает его жить за чужой счет. Он становится паразитом цивилизации.

Деморализующее действие близости военной границы сказывалось не только на сельском хозяйстве варваров, но и на их политических институтах. Так, например, юго-западные германцы в резервуаре скатились к первобытной и неустойчивой форме подчинения вождю боевой дружины, тогда как общины севера и востока оставались верными своей традиционной системе патриархального королевства.

Милитаризация варваров в резервуаре — это их козырь. Вследствие экономической деградации они все меньше и меньше ощущают практические тяготы и лишения войны. Напротив, война становится им выгодна, и они даже стремятся к ее эскалации. Это удивительное неравенство материальных последствий пограничной войны для противоборствующих сторон нашло свое отражение и в морали воюющих народов. Для граждан цивилизации, находящейся в обороне, пограничная война означает лишь растущее финансовое и психологическое бремя при тщетных попытках решить свои военные и политические проблемы. Для варваров, напротив, война — это не бремя, а удобный случай обогатиться, это не время лишений и забот, а пора подвигов и приключений. Борьба истощает цивилизацию, тогда как для воинственного варвара она — дыхание жизни. Этот огромный и постоянно растущий разрыв в психологическом настрое обрекает цивилизацию в конце концов на неизбежное поражение.

Не удивительно, что в такой ситуации цивилизация решается на крайние меры в попытке избежать своей трагической судьбы. Когда все ресурсы исчерпаны, остается последнее средство — попытаться использовать военные достоинства варвара против него самого. «Политика Срединного царства должна использовать варваров против варваров»*, — писал китайский философ II в. до н. э.

* *Franke O. Geschichte des Chinesischen Reiches. Berlin: De Gruyter, 1930. I. S. 132–133.*

Подобная политика действительно имеет шанс на успех. Во-первых, воин-варвар имеет существенные преимущества в пограничной войне потому, что он сражается на знакомой ему земле в знакомых условиях. Кроме того, он превосходит обычного имперского воина в храбрости, потому что в нем свежа любовь к оружию, тогда как имперский воин охладевает к оружию и войне. К тому же варвара можно купить дешевле, чем гражданина империи. Таким образом, обращение вооруженного врага в дружественного наемника выгодно вдвойне. Варварские отряды заметно слабеют с переходом части варваров на службу цивилизации. Кроме того, возможность постоянного дохода подрывает агрессивность варвара.

Все эти соображения побуждают правителей универсальных государств вербовать варваров в имперские войска и расселять их во внутренних районах империи. В этом отношении характерна политика Рима, кроме того, политика империи Хань, а также политика Османов. Однако подобное средство защиты чревато катастрофой, которую оно и призвано было предотвратить. Объяснение этого мнимого парадокса частью заключено в том, что противоположная сторона быстро принимает во внимание сложившуюся ситуацию и начинает усиленно готовить и обучать своих подданных, с тем чтобы использовать заинтересованность в них к своей выгоде. Рим впервые столкнулся с этой проблемой в IV в. н. э., когда вспыхнуло восстание наемников². С тех пор история пестрит аналогичными восстаниями и бунтами. Если верить автору, весьма враждебно относившемуся к Феодосию I³, то политика приобщения варваров к римскому военному искусству не оправдала себя. «Дисциплина в римской армии пришла в полный упадок, а разница между римлянином и варваром исчезла. Войска разных типов перемешались, даже командиров нельзя различить. Варвары-дезертиры, пришедшие в римскую армию из-за границы, чувствовали себя вольготно и могли спокойно вновь уходить домой, присылая вместо себя замену. Они это делали по собственному усмотрению, сами назначая сроки своей службы. Крайняя распущенность, охватившая войска, не была секретом для варваров, поскольку дверь была распахнута настежь и дезертиры передавали своим все необходимые сведения. Варвары видели, что римская политическая система столь дезорганизована, что самое время напасть на нее»*.

Когда наемники так хорошо осведомлены о положении дел, они могут в один прекрасный день поменять хозяев и нанести удар по своим вчерашним патронам. Но все-таки следует пояснить, что же заставляет их выступить против своих нанимателей. Разве их личный интерес не совпадает с добросовестной профессиональной

* *Zosimus. Historiae. IV. XXXI. 1–3.*

службой? Ведь они получают регулярное жалование из имперской казны, и доход этот больше и надежней, чем добыча, награбленная в результате случайных набегов. Да и жизнь их не была в большей безопасности, когда они искали удачи в постоянных стычках с империей. Если условия службы были столь благоприятны, почему же наемники становились предателями и возвращались назад к тем, от кого только что защищали римскую границу?

Выступая против империи, нанявшей его для защиты собственных интересов, варвар действительно пренебрегал своими материальными интересами. Однако, поступая таким образом, он фактически реагировал на импульс более сильный, чем простой экономический интерес. Главным фактором, толкающим его на этот с первого взгляда непродуманный шаг, было то, что варвар, живущий в империи, чувствовал себя отчужденным от надломленной цивилизации. А моральный ущерб нельзя компенсировать экономическими средствами. Имперская власть подходила к новой ситуации с устарелыми мерками прошлого века, когда цивилизация находилась в процессе роста и окружающие общества охотно общались с ней на основе взаимного интереса. После надлома цивилизации и создания границ завербованные варвары далеки от проявления лояльности, поскольку их деловые контакты не подкреплены интересом к ценностям чужой культуры.

Механизм мимесиса не работает, вернее, работает с обратным эффектом. Цивилизация в глазах варваров утратила свой престиж, а варвары, напротив, начинают вызывать все большее восхищение в глазах правящего меньшинства. Изменение направления мимесиса имеет фатальное значение. При таком психологическом настрое войска варварских союзников никогда не станут надежными подразделениями имперской регулярной армии. Они останутся варварскими отрядами, сохраняющими свое оружие и тактику, выполняющими приказы своих вождей, со своим собственным моральным кодексом и собственными амбициями. Короче говоря, политика найма варваров для борьбы с варварами обречена на неудачу, а поскольку это — последнее средство, к которому может обратиться империя, чтобы защитить покачнувшиеся границы, вслед за этой неудачей немедленно начнется крушение границ. Если вновь вернуться к нашей аналогии с плотиной и водохранилищем, то можно сказать, что прорыв плотины имеет катастрофические последствия. Во-первых, поток разрушает сооружения, созданные руками человека на землях ниже плотины. Во-вторых, мощные потоки воды растрачивают свою энергию не только бесполезно, но и с большим ущербом для человека. В-третьих, прежде цветущие земли оказываются разоренными, заваленными камнями.

Эта природная катастрофа вполне сопоставима по своим последствиям с социальной катастрофой прорыва военных границ. Результаты этого болезненного катаклизма касаются всех, хотя и не в равной мере. Фактически происходит парадоксальная смена ролей. Как мы уже видели, цена, которую платит распадающаяся цивилизация за сохранение своих границ, оказывается в конце концов ей не по силам. С другой стороны, граждане обреченной цивилизации, которую постигло варварское вторжение, не становятся главными страдальцами. Наибольший ущерб в конце концов выпадает на долю варваров-победителей. В конечном итоге оказывается, что именно они потерпели поражение.

Объяснение этому парадоксальному результату следует искать в том, что победа варваров высвобождает демонические саморазрушительные силы, которые ранее находились под определенным контролем соседней цивилизации. Мы видели, что близость границ пагубно сказывается на варварском обществе, потому что его рудиментарная экономика и институты деформируются под воздействием политических и культурных влияний, исходящих от надломленной цивилизации. Мы видели также, что варвары могут в некоторой степени приспособиться к этим влияниям и что эти влияния могут даже стать стимулом для творчества. Способность к адаптации и творчеству является признаком того, что психологические факторы продолжают работать, несмотря на надлом механизма мимесиса. Роль спасительной узды играет до определенной поры и наличие границы, которая, пока она есть, служит заменой необходимой в обществе дисциплины, столь недостающей варварам, еще не усвоившим правил цивилизованных соседей, но утратившим драгоценный кристалл обычая.

Но вот неожиданно сметены границы, сломаны рамки страха, и варвар предстает перед совершенно неведомым ему кругом проблем. Он должен решать новые задачи, которые и слишком велики, и слишком тяжелы для его незрелых творческих сил. В момент замешательства варвар пытается обрести былую уверенность, извлекая из глубины души качества, которые всегда ему помогали. Но, с тех пор как варвар покинул ничейную землю и ступил в разрушенный мир, показавшийся ему поначалу земным раем, смелость его выродилась в свирепость и неводержанность, неприхотливость — в ограниченность и лень.

В качестве примера этого демонического переворота в душе варвара можно привести духовную катастрофу, которая постигла скандинавов, когда они захватили империю Каролингов⁴. В эпоху викингов они безжалостно обрубили свои традиционные корни и отправились на поиски приключений. Платой за беспредельную свободу стала роковая потеря равновесия. «Когда королевский дом

обосновался на чужих землях и стал питаться дарами чужих полей и пастбищ, жизнь незаметно превратилась в вереницу сражений и пьяных кутежей»*. В экзотическом окружении варвар легко предаётся порокам паразитизма и лени, которые не были чужды ему и ранее. Однако в пору жизни его на границе склонность к порокам подавлялась необходимостью оплачивать минуты роскоши и лени тяжкой службой наемника.

Причина деморализации варвара-победителя кроется во внезапном освобождении его от напряжения границы, к чему победитель оказывается психически и морально не готовым. К тому же, даже если варварская военная монархия успешно осваивает роль буферного государства под покровительством империи, история показывает, что внутренние государства-последователи, образовавшиеся на территории бывшей цивилизации, оказываются не в состоянии нести бремя и решать проблемы экуменического характера из-за отсутствия политического опыта. Какова же реакция на вызов? Варварское государство-последователь начинает слепо следовать всему тому, в чем универсальное государство уже потерпело крах. А неизбежные административные неудачи приводят к бурным взрывам недовольства. Политическая система, которая опирается единственно на преданность отряда своему вождю, весьма эффективна для военного похода или, может быть, для обороны, но она совершенно непригодна для управления обществом бывшей цивилизации.

Варвары, захватившие цивилизацию, фактически приговорены к нравственному надлому. И это есть неизбежное следствие их авантюристического акта. Однако приговор истории они принимают в духовной борьбе, следы которой остаются в литературных мифологических памятниках, ритуалах и нормах общественного поведения. Один из главных мотивов варварских мифов — борьба героя с чудовищем, похитившим у людей сокровища. Этот сюжет представляется проекцией во внешний мир психологической борьбы, происходившей в душе варвара. Эта борьба начинается тогда, когда варвар переходит из относительно безопасной жизни за границами империи в шаткий мир, в который он попадает после прорыва границ. Появление некоторых нестандартных норм поведения в героический век свидетельствует о попытках сконструировать какую-то особую этику. Но если, как мы видели, героический век — всего лишь временный период, то все его добродетели не являются самодостаточным этическим кодексом, они не более чем временная замена ценностям цивилизации. Поэтому исчезновение этических символов победивших варваров не становится трагедией.

* *Grönbech V. The Culture of Teutons. London: Oxford University Press, 1931. Pt II. P. 305.*

Это, скорее, сознательный отказ от них в ожидании прихода цивилизации, которая, возвращаясь, предлагает другие, более конструктивные ценности.

Главная слабость варварского этического кодекса состоит в том, что он носит личный, а не общественный или институциональный характер. Преданность вождю, которая опирается на ряд индивидуальных нравственных императивов, не может считаться равноценной заменой цивилизованной социальной системе. Варвары абсолютно не способны создать устойчивые длительные социальные и политические институты. Попытки такого рода творчества с их стороны всегда сопровождаются распрями и вспышками зверств. Внезапное падение с высот всемогущества в трясину разброда — обычная судьба варварской власти. Ярким историческим примером подобной судьбы может служить падение западных гуннов после смерти Аттилы. Политическая мощь варваров, выразившаяся в укреплении их господства над обширными территориями опустошенной цивилизации, может оказаться на волоске со смертью их вождя. Кончина одной незаурядной личности может положить начало анархии. Варварское государство-преемник умирающего универсального государства может получить контрудар от своей жертвы. Оно может также принять насильственную смерть от своих братьев-варваров. Но может случиться и так, что оно будет прозябать в бессилии, пока его не сметет с исторической сцены возвратившаяся старая цивилизация или народившаяся новая.

ОБРАЗ РЕАЛЬНОСТИ

Что же добавить еще об этой несчастной поре порока и насилия? Сравнение исторических событий с описанием их в варварской эпической поэзии показывает, что, даже если какое-либо историческое событие воспроизведено в эпическом рассказе достаточно точно, реальный масштаб его и влияние на жизнь современников были, как правило, куда скромнее, чем это отражено в эпосе. Например, бургундский вождь Гунтер, личность которого опоэтизирована в эпосе «Песнь о Нибелунгах», в жизни играл весьма скромную роль в деле проникновения варваров в Галлию в V в. н. э.⁵ Что же касается еще более популярного литературного героя, Зигфрида, то его прототип видели в самых разных исторических деятелях, однако к окончательному суждению так и не пришли⁶. Отнюдь не военные или политические заслуги реального исторического лица определяют славу его в веках и долговечность созданного на основе его жизни литературного произведения. Литературная судьба

персонажа «героической» поэзии начинается с отрыва от действительной истории. В сущности, чем утонченнее этот тип поэзии, тем дальше отходит он от фактов истории и реалий жизни и тем больше у него шансов пережить века. Шедевром поэтического переосмысления исторической правды, пожалуй, может считаться героический эпос сербского внешнего пролетариата. Вопреки историческим фактам реальный герой Вук Бранкович превратился благодаря поэтическим вольностям в предателя, а исторический предатель Марко Краевич предстал героем⁷. Кроме чрезвычайно свободного обращения с историческими личностями и событиями, героическая поэзия склонна упускать из виду весьма важные исторические факты и события, умалчивать о деятельности действительно выдающихся личностей, а иногда и целых народов.

Для историка парадокс, что «франки, ставшие господствующим народом, очень слабо представлены в тевтонском эпосе»*. Но это еще не самый странный из парадоксов, которые ставит перед историком тевтонский эпос. Пожалуй, самым удивительным может считаться тот факт, что тевтонский эпос почти полностью игнорирует существование Римской империи и в еще большей степени равнодушен к эллинистической цивилизации, для которой Римская империя была универсальным государством. Как можно объяснить это молчание, если эпоха, нашедшая отражение в тевтонских героических поэмах, как раз и есть постэллинистическое междуцарствие, заполненное движением племен североевропейских и прочих варваров, рвавшихся в Римскую империю? Ведь тевтонский эпос — это прежде всего непосредственное отражение опыта движения племен. И что иное, если не завоевание опустошенной империи, вдохновило романтическое воображение варварского поэта? И что же в таком случае заставило авторов тевтонского эпоса умолчать о римском источнике их собственного искусства, да и самого варварского мира?

Опытному историку трудно поверить, что варварские поэты не виновны в заговоре молчания, подсказанном, возможно, каким-то неизвестным нам предрассудком, а может быть, и просто прихотью. Однако историку следует помнить о принципе историзма и не ставить перед собой неразрешимых проблем, приписывая свои собственные интересы и современное мировоззрение авторам, тем более что они были поэтами, а не историками. Чтобы не впасть в ошибку, следует помнить и о том, что социальным окружением этих анонимных поэтов была отнюдь не цивилизация, а военный отряд. Фактически нет никаких оснований утверждать, что авторы героической поэзии вообще задумывались об исторической правде или о

* *Chadwich H. M. The Heroic Age. Cambridge: University Press, 1912. P. 39.*

том, чтобы оставить для потомства точное описание своей эпохи. Молчание тевтонского эпоса о Риме не может быть ни случайным, ни преднамеренным, потому что поэт героической эпохи ищет подходящую тему для своего искусства в жизнеописании героев, а судьба Рима его просто не интересует. Он еще не может отличать факт от фикции, а значит, его произведение нельзя судить по критерию истины. Эту особенность творческого метода поэтов, воспевающих героический век, очень тонко подметил Аристотель, предостерегавший, что не стоит искать истину в фантастическом мире эпических образов. «Гомер — великий мастер искусства рассказывать правдоподобные небылицы... Он учит предпочитать невозможное, но правдоподобное возможному, но невероятному» (*Аристотель. Поэтика. XXIV, 18*).

Только благодаря поэтическому волшебству скудные реалии бедного быта варварского воина, расцвеченные фантазией героизма, пережили века. Эта жемчужина варварского наследия высоко ценится потомством, тем более что она существенно отличается от всего, что осталось от варварства. Варварский бард своей посмертной литературной жизнью, дарованной ему через канонизацию его произведений, хитро мстит своим бывшим сотоварищам, варварскому вождю и воину, силой своего художественного творчества лишая их славы. Очарование героической поэзии обманывает ее нынешних поклонников именно тем, что переворачивает истинную историческую реальность, рисуя ложный героический век. Литературный образ героического века — это лишь своенравное дитя творческого воображения поэта. Магический дар поэта улавливает «свет, которого не было ни на море, ни на суше»*, в недобром взгляде варвара, разжигающего пожар в опустошенном мире. Это маскарад, хотя и великолепный.

* *Wordsworth W. Elegias Stanzas suggested by a Picture of Peele Castle in a Storm.*

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ В ПРОСТРАНСТВЕ

В предыдущих частях настоящего исследования мы рассматривали природу и процесс распада цивилизаций, обращая внимание на группы, образующиеся в результате разложения социальной системы. В ходе анализа мы искали ответ на вопрос, поставленный в самом начале исследования, а именно: являются ли цивилизации умопостигаемыми полями исторического исследования? Суть ответа сводится к тому, что цивилизации могут считаться умопостигаемыми полями, пока они рассматриваются в процессах их генезиса, роста или надлома изолированно. В самом деле, на примере историй надломов цивилизаций мы замечали, что основная причина этих феноменов состоит в потере способности к самодетерминации и только в редких случаях надлом являлся следствием внешнего удара. Однако, перейдя к изучению распадов, мы убедились, что значительную роль здесь играют сторонние влияния. Например, на историческую арену выходит внешний пролетариат, находившийся ранее за границей цивилизации, но теперь постоянно тревожащий цивилизацию. Кроме того, невозможно не заметить чужеродное влияние, исходящее от внутреннего пролетариата, который был инкорпорирован цивилизацией в ходе ее завоевательных акций. При этом нельзя недооценивать важности того творческого вдохновения, что берет свое начало в чужеземных источниках, когда внутренний пролетариат начинает порождать высшую религию. Обнаруживается также, что универсальные государства, непреднамеренно и не отдавая себе отчета в этом, совершают свою работу не для себя, а для чужестранных потребителей. Наконец, высшие религии, создающие проект общества, принадлежащего виду, отличному от вида

цивилизаций, собранных под эгидой универсального государства, являются как бы новыми обществами. И до тех пор, пока институты универсального государства продолжают функционировать на благо вселенских церквей, они трудятся на благо варваров или чужестранных цивилизаций.

Эти чужестранные цивилизации, как и варвары за границей, оказались чужестранными лишь по тому простому и очевидному признаку, что место их происхождения находилось за границей государства. В период распада государства, ставшего к тому времени для них уже не столь чуждым, они проникали в распадающееся общество, нарушая его границы и оказывая на него влияние, но так и не принадлежа ему окончательно. Такая отчужденность являлась психологическим выражением того исторического факта, что вдохновение религии, зарождающейся внутри некоторой культурной традиции, изначально имело иностранное происхождение. Римская империя была колыбелью, изготовленной по эллинскому образцу для вдохновленного сирийским творчеством христианства, а кушанское варварское государство-последователь аналогичным образом являлось колыбелью, созданной эллинскими руками для махаяны, рожденной в индских сердцах. Хотя, с другой стороны, справедливо, что ислам и индуизм взлелеяны в своей собственной политической колыбели, но также истинно и то, что обе эти высшие религии зародились в предыдущей исторической фазе, когда в соответствующих регионах взаимодействовало более одной цивилизации. Ислам и его политическое лоно — халифат — представляли собой в религиозном и политическом планах сирийскую реакцию на длительное вторжение эллинизма в Древнесирийский мир. А более позднее, хотя и более кратковременное вторжение эллинизма в Индский мир аналогичным образом вызвало как индуизм, так и империю Гуптов. Таким образом, можно видеть, что происхождение четырех высших религий, существующих в сегодняшнем мире, становится понятным только через расширение поля исследования, когда наблюдается столкновение двух и более цивилизаций.

Роль, которую играют столкновения различных цивилизаций в процессах возникновения высших религий, — весьма примечательный факт исторической географии. Если отметить на карте места рождения высших религий, можно заметить, что они тяготеют к двум небольшим областям на территории Старого Света — бассейну Окса — Яксарта и Сирии (покрывая территорию, ограниченную Северо-Аравийской пустыней, Средиземноморьем и южными отрогами Анатолийского и Армянского нагорий). Бассейн Окса — Яксарта был местом рождения махаяны в том виде, в каком эта религия распространилась по Восточной Азии. Еще раньше район этот был местом рождения зороастризма. В Сирии христианство,

распространявшееся по Эллинистическому миру в том виде, какой оно приняло в Антиохии, представляло собой разновидность фари-сейского иудаизма, возникшего в Галилее. Сам иудаизм и его сестринская религия самаритян¹ возникли в Южной Сирии. Монофелитское христианство маронитов² и хакимская разновидность шиизма друзов³ выросли в Центральной Сирии.

Если расширить горизонт рассмотрения, концентрация мест рождения высших религий становится еще более наглядной. Например, несторианская и монофизитская разновидности христианства возникли в Месопотамии, в районе Урфы⁴, а Хиджаз Южной Сирии увидел рождение ислама в Мекке и Медине. Шиитская ересь ислама возникла на восточном берегу Северо-Аравийской пустыни. Если расширить сектор обзора в бассейне Окса — Яксарта, где зафиксировано место рождения махаяны — на первый взгляд философской ветви первоначального буддизма, — мы увидим, что истоки ее — на берегах Инда; а зарождение первоначального буддизма произошло на берегу Среднего Ганга, приблизительно там, где родился и постбуддийский индуизм.

Всем этим примечательным фактам можно дать географическое объяснение. Сирия, как и бассейн Окса — Яксарта, представляет собой своеобразный поворотный пункт, как бы центр, где сходятся дороги со всех концов света. Природные условия способствовали превращению этих мест в международный перекресток.

Бассейн Окса — Яксарта был ареной нескончаемой череды столкновений между Иранской, Евразийско-номадической, Древнесирийской, Индской, Эллинистической, Древнекитайской и Русской цивилизациями начиная примерно с VIII в. до н. э. Евразийско-номадическое движение племен в VIII—VII вв. до н. э. расчистило путь из бассейна Окса — Яксарта в Индию и Юго-Западную Азию. Позднее этот регион был занят империей Ахеменидов и ее селевкидским государством-преемником в Азии. Последователями империи Селевкидов стали Бактрийское царство и Кушанская империя, которые политически объединили земли бассейна Окса — Яксарта с территорией в Северо-Западной Индии. Арабская империя вновь объединила его с Юго-Западной Азией и Египтом. Монгольская империя включила бассейн Окса — Яксарта в свое универсальное государство, которое на некоторое время объединило почти весь Евразийский континент.

Тамерлан в XIV в. не смог, а русские в XIX в. сумели включить все окраинные районы Евразийской степи в единое ненномадическое государство-преемник Монгольской империи. Если бы история отвела Тимуру больший срок для осуществления его имперских планов, то, возможно, бассейн Окса — Яксарта, а не бассейн Волги стал бы ядром империи, границы которой совпадали бы с

территорией нынешнего Советского Союза. На деле же случилось так, что Россия разделила бассейн Окса — Яксарта с Афганистаном — государством, простершимся между Оксом и Индом. Политические превратности судеб государств этого региона дают представление о роли, которую сыграл данный район в культурном становлении ряда цивилизаций.

Роль Сирии еще более необычна. Первоначально цивилизации сталкивались непосредственно вокруг Благодатного Полумесяца⁵. Сирия располагалась между центрами двух древнейших цивилизаций — Шумеро-аккадской в Ираке и Древнеегипетской в долине Нижнего Нила. Успех сирийцев в создании собственной цивилизации был замечательным фактом, глубоко повлиявшим на ход мировой истории. Сирийские культурные достижения несоизмеримы с превратностями политической судьбы народов, населявших бассейн Окса — Яксарта. В III тыс. до н. э. империи, возникшие в Шумеро-аккадском и Древнеегипетском мирах, претендовали на земли Северной и Южной Сирии, не вступая при этом в серьезные конфликты. Во второй половине II тыс. до н. э. египтяне впервые заняли всю Сирию на северо-востоке вплоть до западного изгиба Евфрата. Они были вынуждены разделить Сирию с хеттами, и, хотя египтяне оказали на Сирию более сильное политическое влияние, чем аккадяне, культурное влияние со стороны Аккадской цивилизации во II тыс. до н. э. было неизмеримо сильнее.

В течение тысячелетия тянулся мучительный процесс становления самостоятельной Древнесирийской цивилизации. Наконец ее час пробил благодаря движению племен из Аравии, Европы и Северо-Западной Африки, захлестнувшему Левант. Египет, Ассирия и Вавилония временно оказались в бездействии, и в этом пространственно-временном вакууме стала набирать силы Сирийская цивилизация. Будучи обладательницей богатого культурного наследия, почерпнутого из аккадского, древнеегипетского, эгейского и хеттского источников, она оказалась весьма творческой в культурном плане. Тем не менее она была очень разобщена в политическом плане, чем напоминала свою эллинскую современницу. Сирийцы изобрели алфавит. Кроме того, они были великолепными навигаторами и намного превзошли шумеров и египтян в умении совершать длительные морские экспедиции. В области религии они приблизились к монотеизму, что было крупным духовным и интеллектуальным завоеванием.

Период политической независимости Сирийской цивилизации был краток. Все сирийские общины, за исключением самаритян и евреев, утратили свою самобытность после разрушения элинами империи Ахеменидов. Однако культурный слой, образовавшийся в результате смешения осколков Сирийской и Эллинистической

цивилизаций, оказался в высшей степени плодородным. Он явился той почвой, на которой дали всходы семена Православной, Западнхристианской и Мусульманской цивилизаций. А Сирии вновь пришлось платить непомерную политическую цену за свое ключевое положение на карте Старого Света. Начиная с VIII в. до н. э. Сирия постоянно подвергалась нападениям и захватам со стороны соседей. В разные времена истории ее территорию рвали на части то Ассирийская империя и ее Нововавилонское государство-преемник, то империя Ахеменидов и ее Птолемеевское и Селевкидское государства-преемники, то Римская и Арабская империи, то Фатимидский халифат и Восточная Римская империя, то княжества крестоносцев и их исламские соседи, то Оттоманская империя и ее государства-последователи, арабы и израильтяне⁶. И лишь две из империй-захватчиков — империя Селевкидов и империя Омейядов — управлялись из столиц, находившихся на территории Сирии. Однако при всех этих политических зигзагах и хитросплетениях Сирия продолжала играть лидирующую роль в мировой истории. При чем началось это с III тыс. до н. э., а возможно, и с последней фазы ледникового периода.

Итак, история Сирии и государств бассейна Окса — Яксарта убедительно свидетельствует, что для успешного исследования высших религий умопостигаемое поле должно быть шире, чем область любой отдельно взятой цивилизации. Это должно быть поле, где встречаются, сталкиваясь и взаимодействуя, две или более цивилизации-современницы. Однако возможна и другая форма контактов — через так называемый ренессанс, когда цивилизации разделены во времени. Можно было бы рассмотреть также возможность сложного типа связи, когда контакт осуществляется и во времени, и в пространстве. Примером могло бы служить возрождение Эллинистической цивилизации в Западном мире. Но мы оставим пока феномен ренессанса и сконцентрируем наше внимание на контактах в пространственном измерении.

Прежде чем обратиться к анализу некоторых примеров из истории общения современных друг другу цивилизаций, полезно бросить общий взгляд на интересующее нас поле исследования. Очевидно, что это поле представляет собой в высшей мере запутанный лабиринт. Максимальное число цивилизаций, которые нам удалось нанести на культурную карту, равнялось 37. Географически их можно разделить на две группы — цивилизации Старого Света и цивилизации Нового Света. До сравнительно недавнего времени они были разделены между собой. Затем цивилизации Старого Света можно было бы подразделить по признаку поколений. Максимальное число установленных нами поколений равняется трем. Подобное разделение цивилизаций явно ограничивает возможное число географических

контактов между современниками. Однако оно все же больше, чем общее число цивилизаций. Цивилизации-современницы могут иметь более одного контакта за свою историю. Наблюдаются, кроме того, хронологические пересечения цивилизаций, принадлежащих к различным поколениям, а сохранившиеся реликты или диаспора мертвой цивилизации, случается, сохраняют свои черты, будучи включенными в иное общество. Следует добавить, что фактором, чрезвычайно увеличившим число контактов и конфликтов между цивилизациями, стало взаимопроникновение цивилизаций Нового и Старого Света в результате открытия Америки в XV в. Это достижение Западной цивилизации справедливо считается исторической вехой, и именно от нее мы двинемся в поисках входа в сложный исторический лабиринт интересующих нас явлений и процессов.

Западноевропейский мир как отправная точка общемировой экспансии, конечно, в некоторой мере иллюзия западного наблюдателя. Он выпускает из поля зрения исторические процессы, имевшие место в других частях мира за пределами сравнительно узкого сектора средневекового западного общества.

В Юго-Восточной Азии, например, китайские, индийские и арабские торговые и военные экспедиции создали целую сеть устойчивых контактов и взаимосвязей между обществами задолго до появления западных захватчиков. Африканский континент был в не меньшей степени местом встречи различных культур. Однако, даже если не принимать в расчет эти данные, очевидно, что Западная цивилизация захватила приоритет в области культурного и политического проникновения в другие регионы Земли лишь в последние пятьсот лет. Когда в XV в. западноевропейские мореходы овладели приемами навигации открытого моря, это дало материальные возможности для покорения заокеанских земель. Таким образом, покорение океана привело к установлению регулярных контактов между Западом и Новым Светом, между цивилизованными и нецивилизованными обществами. Глобальное значение Запада стало реальностью истории планеты, а «западный вопрос» стал в некотором смысле роковым. Наступление Запада коренным образом повлияло на облик современного мира. Причем не только в доцивилизованных обществах рушились хрупкие социальные структуры. Вполне развитые незападные цивилизации также конвульсировали и деформировались под влиянием этой в прямом смысле слова мировой революции, инспирированной Западом.

Неудача второй оттоманской осады Вены в 1683 г. положила конец эпохе решающего влияния незападных обществ на Западную цивилизацию. Политическое значение Западного мира с тех пор неуклонно возрастало, и к нашему времени роль его в мировом масштабе столь велика, что ни отдельно взятое общество, ни группа

незападных обществ уже не в силах реально угрожать ему. На современном историческом этапе такие западные державы, как, например, Россия или Япония, способны сыграть определенную роль в западной политике, но лишь в той мере, в какой они сумели вестернизироваться. В течение двух с половиной столетий западные государства практически не принимали во внимание чьих-либо интересов за пределами своего собственного мира. До конца Второй мировой войны судьбы всего человечества практически определялись взаимоотношениями между западными государствами. Однако с 1945 г. западная монополия на власть закончилась. На мировую арену выступили Япония, Советский Союз и Китай. Эти державы обрели всемирное значение не только потому, что сумели в короткий срок вестернизироваться, но и благодаря собственным успехам и достижениям. Мировую политику с 1945 по 1972 г. в основном характеризует политическое, экономическое и идеологическое состязание между группами обществ, представленных Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки, Китаем и Японией. На первый взгляд может показаться, что подобное развитие — это результат хитросплетений мировой политики. Однако тщательный анализ ситуации показывает, что перераспределение политических сил, происшедшее после 1945 г., качественно отличается от исторических процессов такого рода начиная с 1683 г. После окончания Второй мировой войны, впервые с 1683 г., западные державы вновь получили главные роли на арене мировой политики, причем не в рамках Западного мира, а проводя в жизнь свои собственные решения. Столь радикальное изменение ситуации выдвинуло на передний план конфликт в сфере культуры, — конфликт, который первоначально не был воспринят как политический. Приблизительно два с половиной столетия культура считалась делом сугубо внутренним, политические разногласия между державами воспринимались как спор между членами единого современного западного культурного круга.

Однако к моменту появления трех главных западных держав, отчетливо демонстрирующих свою собственную культурную окраску, и в других частях мира начинают проследиваться аналогичные тенденции. Государства Юго-Восточной Азии, Африки и Индия, также подвергшиеся мощному натиску Запада, в послевоенный период начинают отстаивать право на независимый политический и культурный статус. Если мы прибавим к ним национальные государства в центре Исламского мира, то еще более ясно увидим, что новое соотношение сил на международной арене, сложившееся после 1945 г., выдвинуло проблему контактов между цивилизациями, — проблему, которая отсутствовала в течение двухсот пятидесяти лет.

Итак, памятуя о вышесказанном, начнем изучение контактов между цивилизациями с отношений современного Запада с другими

живыми цивилизациями. Затем, по-видимому, целесообразно будет обратиться к истории ныне мертвых цивилизаций, ибо их судьбы также несут на себе отпечаток влияния других цивилизаций, что вполне может быть сравнимо с влиянием Запада на своих современников. Этот пример особенно нагляден и полезен при изучении психологии межкультурных контактов. Время — лучший судья, и поэтому надежнее и вернее всего проследить интересующий нас процесс с момента зарождения контактов до последних всплесков его на примере истории отношений мертвого общества со своими современниками.

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД И РОССИЯ

Мы датировали начало современной главы западной истории приблизительно рубежом XV—XVI вв., а создание Московией русского универсального государства — концом XV в. Таким образом, можно сказать, что это крупное событие в политической судьбе России свершилось до того, как она стала испытывать на себе давление со стороны Западной цивилизации. Однако «западный вопрос» в том виде, в каком он тогда существовал, уже был знаком русским. В XIV и XV вв. западнохристианское польско-литовское правление распространилось на значительные исконно русские области, превратив Москву в пограничную крепость, противостоящую экспансии западного христианства. Политическое наступление Запада на русские владения подкреплялось церковным вторжением путем заключения в 1594—1596 гг. унии с римскими католиками в областях с первоначально православным населением⁷. Эти две институциональные структуры — политическая и религиозная — склонили на сторону Запада часть населения России и открыли пути западному культурному влиянию.

Исконно русские территории, подвергшиеся облучению западноевропейской культурной радиацией, стали предметом неугасающего военного спора между русским универсальным государством и западноевропейскими державами. В результате борьбы России удалось вернуть под свой суверенитет земли, которые долгие годы находились под западным правлением. Однако военные и политические победы еще не гарантировали возвращения этих территорий в лоно прежней культуры. Более того, благодаря последовательной пропаганде западной культуры вестернизации начинали подвергаться даже внутренние земли Московии.

Другим — и, пожалуй, более значительным — полем столкновения между Россией и современной Западной цивилизацией являлось побережье Балтийского моря. Прибалтийский регион заселяли

воинственные народы, которые издавна владели приемами навигации. Еще на рубеже XV—XVI вв. они отняли у итальянцев первенство в экспансионистских предприятиях Западной цивилизации.

Балтийское побережье от Курляндии до Финляндии в XVIII в. перешло под русское правление и стало служить центром излучения западной культуры. Безусловно, западногерманские бароны и бюргеры, колонизировавшие балтийские провинции, не могли не влиять на русскую жизнь, но это была капля в море по сравнению с влиянием, передававшимся непосредственно через морские порты, которые усиленно строило на побережье русское имперское правительство.

Одним из таких морских ворот, распахнутых навстречу современной Западной цивилизации, был город в устье Северной Двины на берегу Белого моря. Это был первый русский северный порт, принявший в 1553 г. английский корабль. Московское правительство с тех пор расширяло и укрепляло порт Архангельск, и вскоре носители западной культуры устремились этим путем в глубь России. В предместье Москвы было целое поселение иностранцев, так называемая Немецкая слобода⁸. Таким образом, прямой контакт между Западной Европой и Россией был установлен в XVI в. по инициативе западноевропейских моряков, овладевших к тому времени искусством навигации в открытом море. Интенсивность западного влияния существенно возросла к началу XVIII в., когда морской путь из Западной Европы в Россию был сокращен в связи с основанием Санкт-Петербурга. Одновременно поле, внутри которого официально допускалось иностранное влияние, расширилось за узкие границы Немецкой слободы. Постепенно оно распространилось на всю территорию России, которая во времена Петра Великого простиралась от Балтики до Тихого океана.

В затянувшемся акте этого воздействия, продолжавшемся более 250 лет, самым драматическим моментом было непрекращающееся балансирование между стремительным развитием технологии на Западе и упорным желанием России сохранить свою независимость и, более того, расширить свою империю в Центральной и Восточной Азии. Вызов Запада породил две противоположные реакции.

Немногочисленное и не имеющее политического веса «зилотское» меньшинство оказывало сопротивление западному вторжению, отстаивая исключительность и неповторимость Святой Руси, которая, по их убеждению, была Третьим Римом, последним оплотом истинного Православия. Это были фанатически настроенные староверы, порвавшие с московской официальной Церковью и государством из-за своего упорного нежелания признать реформированный московский православный ритуал, приведенный к норме

греческой Церкви в XVII в. Они ни на йоту не желали отступить от устоявшегося местного московского обычая в церковной практике. Непримируемость староверов из этой, казалось бы, «семейной ссоры» переросла в политику абсолютного неприятия ими всего, что исходило от Западного мира. Они полностью отрицали западные технологии и западное оружие. Их не могли сломить даже доводы о возможной потере Россией независимости перед лицом более сильного врага.

Тоталитарный «зилотский» ответ на давление современного Запада был логичным и искренним. Староверы беззаветно верили в Бога и были готовы поставить на карту существование православно-христианской России, полагая, что Бог защитит Свой народ, пока тот соблюдает Его закон. Их вера в данном случае не подверглась испытанию практикой в силу малочисленности старообрядцев. И хотя старообрядчество было подавлено, оно, несомненно, оказало некоторое внутреннее влияние. Например, славянофильское движение — один из культурных феноменов послепетровского режима — режима «иродианского»⁹ толка — обладало определенной двойственностью. Его можно объяснять и как движение, схожее с современными романтическими движениями на Западе, и как своеобразное выражение местной русской «зилотской» враждебности к западной культуре, — враждебности, весьма широко распространенной в эпоху вестернизации и направленной главным образом против индустриализма.

Петровская политика ставила своей целью превращение русского православного универсального государства в одно из местных государств современного Западного мира, с тем чтобы русский народ мог занять определенное место среди других западных наций. Стратегия Петра Великого была направлена на то, чтобы при включении России в западное сообщество в качестве равноправного члена сохранить ее политическую независимость и культурную автономию в мире, где западный образ жизни уже получил широкое признание. Это был первый пример добровольной самовестернизации незападной страны.

Призывно играла сладкозвучная музыка Запада, под которую учились танцевать русские. Иродианская политика Петра Великого и его последователей представляла собой импровизированный ответ на западное давление, которое принимало болезненную форму военных ударов. Уже первые столкновения продемонстрировали относительную слабость России и насущную необходимость освоения ею западной техники. Однако время показало, сколь поверхностной была эта политика вестернизации.

Серия военных столкновений началась в XVI—XVII вв., когда Московия, пытаясь объединить и расширить свои западные территории, вступила в конфликт со Швецией и польско-литовским

воинством. Хотя Русское государство и добилось в ходе этих войн некоторых территориальных приобретений, реальное соотношение сил было не в пользу России. Явное технологическое превосходство западных армий не позволяло России уверенно чувствовать себя на своих обширных территориях. Неудовлетворительное состояние русской военной техники явилось тем вызовом, ответом на который стала петровская революция. Петр поставил перед собой нелегкую задачу приблизить гражданское и военное устройство России к западному уровню и стандарту тех времен. Успех этой политики увенчался разгромом шведской армии на Украине в 1709 г., а позже, век спустя, изгнанием из России армий Наполеона.

После разгрома Наполеона Россия оказалась на вершине успеха и власти. Однако это была лишь иллюзия, ибо череда войн 1792—1815 гг. завершала период, который можно назвать доиндустриальным. В Крымской войне (1853—1856) Россия еще могла противостоять своим западным противникам более или менее на равных, да и то лишь в силу консерватизма французских и британских военных стратегов. Однако Гражданская война в Америке и агрессивные войны Пруссии (1861—1871)¹⁰ уже велись на новой индустриальной основе, с применением новейшей техники. И очень скоро обнаружилась неспособность России к перевооружению на уровне западных технологий, что вылилось в унижающее поражение 1905 г. в войне с вестернизированной Японией. Полное крушение постигло Россию, когда она столкнулась с военной машиной Германии в Первой мировой войне. Все это подтверждало недостаточность петровских реформ для успешного противостояния быстро индустриализирующемуся миру. Ответом явилась русская коммунистическая революция. Неудачная революция 1905 г. была реакцией на поражение империи Петра в русско-японской войне. Катастрофа 1914—1918 гг., сделавшая очевидной и общепризнанной промышленную и социальную отсталость России, способствовала приходу к власти большевиков, определив в некоторой степени и их программу.

Таким образом, позитивные результаты иродианства в России оказались весьма ничтожными, и, хотя политика эта проводилась более двух веков, она привела Россию Петра Великого к полному краху. Одно из объяснений подобного развития событий видится нам в том, что процесс вестернизации не затронул всех сторон жизни России и был жестко ограничен определенными рамками. Собственно, Запад так и не оказал глубокого влияния на жизнь и культуру России. «Отсталая страна осваивает материальные и интеллектуальные достижения развитых стран. Но это не означает, что она раболопно следует чужим путем, что она воспроизводит все стадии их прошлого... Возможность перешагнуть через несколько ступеней, разумеется, ни в коей мере не абсолютна и в значительной степени

определяется всем ходом экономического и культурного развития страны. Отсталая нация, кроме того, нередко вульгаризирует заимствованные извне достижения, приспособлявая их к своей более примитивной культуре. При этом сам процесс ассимиляции приобретает противоречивый характер. Таким образом, усвоение некоторых элементов западной науки и техники, не говоря уже о военных и промышленных заимствованиях, привело при Петре I к усилению крепостничества. Европейское оружие и европейские займы — продукты более высокой культуры — привели к усилению царизма, который становился тормозом развития страны»*.

Таким образом, вестернизация некоторых сторон русской жизни на деле лишь помогала силам, сдерживающим прогресс. Мощные традиционные культурные пласты оказывали сопротивление процессам вестернизации. Петровские реформы были половинчатыми, ибо царский режим не мог допустить полной либерализации русской политической и социальной жизни, хотя принятие западной индустриальной техники могло потребовать этого в качестве цены за сохранение русской независимости и военного паритета с Западом.

Когда конфронтация отсталой России с обществом, которому она столь неудачно пыталась подражать, достигла апогея, была выработана альтернативная политическая модель, причем также западного образца, подчинившая себе русское революционное движение. Марксизм появился как форма западной футуристической критики индустриальной западной жизни, тогда как романтизм атаковал индустриализм с архаических позиций. Русская революция 1917 г. представляла собой сочетание как субъективных, так и объективных факторов. Восстание против царской автократии, как момент субъективный, соединилось с объективной необходимостью пролетарского движения против капитализма. Иными словами, радикальные формы политической оппозиции, выработанные на Западе, проникли в русскую жизнь столь глубоко, что борьба за политические свободы в России вполне может считаться движением западного происхождения. Революция была антизападной только в том смысле, что Запад в определенной мере отождествлялся с капитализмом. Однако в любом другом проявлении враждебность по отношению к Западу или какой-либо иной цивилизации отсутствовала. Марксистское учение не признает наличия границ между нациями или между обществами по вертикали, но проводит четкие горизонтальные линии, разделяя общество на классы, которые в свою очередь не знают межнациональных и культурных границ.

* *Trotsky L. The History of the Russian Revolution. London: Gollenez, 1965. P. 24.*

Подобно историческим высшим религиям, марксизм содержит в себе некоторое вселенское обетование.

Коммунистическая Россия была, пожалуй, первой незападной страной, признавшей возможность полного отделения сферы промышленного производства от западной культуры, заменяя ее эффективной социальной идеологией. Петровская Россия пыталась посеять семена западного индустриализма на неблагоприятную почву русского православно-христианского общества, однако потерпела неудачу, ибо программы модернизации проводились половинчато. Марксизм пришел в Россию, обещая превратить ее в развитую промышленную державу, но не капиталистическую и не западную. Будущее покажет, сможет ли коммунизм на практике предложить гуманное решение тех проблем индустриализма, которые капитализму до сих пор были не по плечу.

Однако будет ли такое решение найдено именно в коммунистической России — это отдельный вопрос. Накануне пролетарской революции она неожиданно оказалась охваченной возрожденным зилотизмом. Нетрудно заметить, что изоляционизм России после гражданской войны явился логическим продолжением событий. Однако интернациональная идеология марксизма с трудом сочетается с этим русским зилотским движением. Коммунизм для марксистов всех капиталистических обществ на определенной ступени их развития был «волной будущего», но сталинская Россия продемонстрировала уникальный исторический опыт диктатуры пролетариата. Будучи первопроходцем, она попыталась приспособить марксистскую идеологию исключительно для себя. В секуляризованном варианте повторив метод староверов, русский коммунистический режим объявил себя единственной истинной марксистской ортодоксией, предполагая, что теория и практика марксизма могут быть выражены в понятиях только русского опыта. Таким образом, приоритет в социальной революции вновь дал России возможность заявить о своей уникальной судьбе, возродив идею, которая уходит корнями в русскую культурную традицию. К славянофилам она перешла в свое время от русской православной Церкви, хотя никогда ранее она не получала официальной секулярной санкции.

Русская коммунистическая доктрина несет в себе идею русского первенства, что признается и блоком коммунистических стран Восточной Европы, находившихся ранее под западным влиянием, однако оказавшихся в орбите влияния России. Серьезность, с которой Россия играет роль лидера, можно оценить по вызывающим горечь фактам расправы над «инакомыслящими», будь то отдельные лица или даже целые народы.

Таким образом, послереволюционная Россия представляет собой парадоксальную картину общества, которое получило иностранную

иродианскую идеологию, чтобы использовать ее как движущую силу в проведении зилотской политики культурной самодостаточности.

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Русская цивилизация уже имела некоторый опыт контактов с западным обществом до начала всеобщей западной культурной экспансии. Однако жителям Китая и Японии само существование Запада, напротив, было совершенно неизвестно вплоть до того момента, когда первые западные мореплаватели достигли их берегов. Полное незнание Западного мира, возможно, в какой-то мере объясняет тот парадоксальный факт, что эти отдаленные цивилизации при первой встрече проявили большую готовность к контакту и гостеприимству, чем непосредственные соседи Запада. Иудеи, православные христиане и мусульмане испытали на себе всю силу западного религиозного фанатизма в эпоху, предшествующую секуляризации западного общества. Признание и принятие их обществами западной культуры началось только тогда, когда западный образ жизни предстал в обновленной и заманчивой форме — с технологией, вытеснившей религию и поставленной на вершину западной пирамиды ценностей. Китайское и японское общества, а также местные общества Нового Света к моменту встречи с западным пришельцем имели совершенно иной исторический опыт. Они не испытали западного религиозного фанатизма и поэтому встретили гостей с открытой душой и распростертыми объятиями, не ведая, что они несут с собой отнюдь не иссякший еще запас религиозной агрессивности и нетерпимости.

Несмотря на то что китайское и японское общества были весьма слабы в первой половине XVI в., когда замаячили на горизонте первые западные мореплаватели, им удалось устоять, отразив западное давление. Они сумели распознать намерения Запада, изгнать его, вооружиться и в дальнейшем последовательно проводить политику строгого ограничения контактов. Так выглядит первая глава истории этого общения; но далее начинается нечто совершенно иное.

В начале новой истории, порвав отношения с Западом, китайцы и японцы не закрыли тем самым «западный вопрос» окончательно. Секуляризация западной культуры открыла на рубеже XVII—XVIII вв. новую главу в западной истории. Вытеснение религии технологией как высшей западной культурной ценностью вновь поставило перед Китаем и Японией «западный вопрос». Сняв традиционное требование, согласно которому иностранцы обязаны были принять одну из форм западной религии, чтобы чувствовать себя на равных в западном обществе, Запад стал понятнее и доступнее китайцам и

японцам, которые раньше попросту боялись контактов с ним. Технологическое превосходство Запада на ранней ступени общения было чрезвычайно привлекательным моментом для Китая и Японии. Однако, подняв на достаточно высокий уровень свой собственный потенциал, восточноазиатские народы, как и народы Индийского, Исламского и Православно-христианского миров, оказались перед необходимостью выбирать между двумя возможными путями развития — попытаться овладеть достижениями Запада или подчиниться им.

Реакция китайцев и японцев в серии последовательных столкновений с Западом в чем-то идентична, однако есть и различия. Общее можно усмотреть в том, что в период второй встречи с Западом инициатива принятия секулярной западной культуры шла не сверху вниз, а снизу вверх. С другой стороны, вестернизация Японии в XIX в. не встречала столь откровенного и яростного сопротивления официальных правительственных кругов, как это было в Китае. Отличало процессы вестернизации в этих двух странах также и то, что в китайском обществе инициатива шла сверху вниз, а в японском — снизу вверх.

Если попытаться графически представить пути реакций двух обществ на западное воздействие начиная с первой половины XVI в. до настоящего времени, обнаружится, что китайская кривая относительно плавно ползет вверх, тогда как японская линия выглядит весьма ломаной. Китайцы никогда не отдавались столь безоговорочно западной культуре и никогда не восставали столь решительно против общения с Западом, как это случилось в разные периоды японской истории.

В обоих обществах первые западнохристианские миссии сумели обрести последователей, которые верили столь искренне, что готовы были пожертвовать жизнью своей, сопротивляясь правительству, отвергающему экзотическую веру. И тем не менее нельзя сказать, что основным мотивом, предопределившим принятие современной западной христианской культуры в обоих обществах, стала религия. Как китайское, так и японское общество терпимо относились к пропаганде чуждых религиозных идей только благодаря материальным выгодам, которые сулило общение с Западом. В этой главе истории китайский императорский двор относился к росту числа иезуитов в стране менее утилитарно или более поверхностно — этот процесс можно оценивать двояко, — чем японские официальные круги. Главным стимулом китайцев, побуждающим их к заимствованиям, была любознательность. И хотя в области вооружения как китайцы, так и японцы руководствовались вполне практическими соображениями, стремление режима Мин укрепить при помощи западного оружия свой покачнувшийся авторитет было не столь очевидным, как желание японской военщины того времени

переворужиться любой ценой в преддверии предстоящей борьбы за власть.

Ни Мин, ни маньчжурское императорское правительство не усматривали явных преимуществ в торговле через западных посредников, тогда как японцев это чрезвычайно возбуждало. К концу XVI в. могло показаться, что принятие японцами западных методов ведения войны и оживление торговли с Западом перевели Японию из узкой сферы местных контактов на международную орбиту, которая благодаря трансокеанским связям стала всемирной. И до появления в Японии западных моряков японцы знали мореплавание и имели достаточный флот, чтобы отражать попытки монголов захватить Японию, что, например, имело место в 1274 и 1281 гг. Кроме того, японцы совершали пиратские набеги на китайское морское побережье. А в конце XVI в. японские мореходы быстро освоили опыт западных пришельцев и развернули свою заморскую торговлю.

Однако следствием подобной активности явилось то, что на рубеже XVI—XVII вв. Япония, политическое единство которой не в полной мере гарантировалось местными вооруженными силами, оказалась перед угрозой иностранного вмешательства в ее внутренние дела. Захват Филиппин испанцами в 1565—1571 гг., присоединение Португалии к Испанской Короне в 1581 г.¹¹ и завоевание Формозы голландцами в 1624 г. преподали урок и предостерегли от повторения горестной судьбы тех тихоокеанских островов, на которых португальцы утвердили свое правление в середине XVI в. Обширный Китайский субконтинент, напротив, перестал к XVI—XVII вв. опасаться нашествия западных пиратов, как он опасался японских пиратов на протяжении XIV и XV вв. Западные моряки того времени не представлялись китайцам потенциальными завоевателями, хотя, возможно, они и вызывали раздражение в определенных кругах общества. Китайское имперское правительство того времени куда серьезнее относилось к угрозе местных народных восстаний и вторжений обитателей Евразийской степи и маньчжурских лесов. Когда в XVII в. на смену ослабленной династии Мин пришла полуварварская могущественная маньчжурская династия, боязнь восстания и вторжений отступила и не появлялась на китайском политическом горизонте в течение последующих двух столетий.

Различие в геополитической ситуации Китая и Японии в самом начале западной заокеанской экспансии хорошо объясняет, почему в Китае не наблюдалось преследований римско-католической Церкви вплоть до XVII—XVIII вв. И наоборот, в Японии христианство последовательно и жестоко подавлялось. Были обрезаны все нити, связывающие Японию с Западным миром, кроме единственно уцелевшей — голландской. Вновь созданное японское имперское

правительство распоряжением о запрете деятельности в Японии западнохристианских миссий от 1587 г. открыло серию ударов, кульминировавших в законах 1636 и 1639 гг. Эти законы запрещали японским подданным путешествовать за границу, а португальцам — оставаться в Японии.

Как в Японии, так и в Китае победа прозападных настроений исподволь подготавливалась инициативами, идущими снизу. Эти инициативы вдохновлялись чисто интеллектуальным интересом к современной западной науке, позволившей Западу обрести беспрецедентную экономическую и военную мощь. Подобно первым японцам, принятым в лоно римско-католической Церкви в XVII в., страстные и бескорыстные адепты западной светской науки XIX в. демонстрировали свою приверженность ей зачастую с риском для жизни.

Режим Токугавы в последние годы своего существования прославился запретом всех исследований, проводимых голландцами, исключая область медицины. Официально это мотивировалось непрактичностью подобных изысканий. Однако эта политика была лишь косвенным результатом общей культурной стратегии. Стремясь законсервировать общественную жизнь страны в традиционных формах, сёгуны нащупали альтернативные сферы приложения энергии японцев. Поощряемая ими дисциплина ума способствовала возрождению неоконфуцианства, представлявшего собой культурное наследие эпох Сун и Мин.

Если вестернизирующее движение в Японии XIX в., шедшее снизу вверх, питалось западной секулярной научной мыслью, аналогичный процесс в Китае опирался на западную протестантскую идею, поскольку именно протестантские миссионеры сопровождали британских и американских торговцев, наводнивших к тому времени китайские порты. Тайпинское восстание 1850—1864 гг.¹², чуть было не свергнувшее маньчжурский режим, представляло собой не просто местный зилотский протест против усиливающегося влияния Запада: это был своеобразный перевод протестантизма на местные китайские понятия. В последние десятилетия XIX в. китайские зачинатели движения за секулярную политическую реформу также подпали под влияние западных протестантских миссий. Сунь Ятсен, основатель Гоминьдана, был сыном протестантского священника, из протестантской семьи была и его жена.

Таким образом, китайское движение вестернизации с самого начала отличалось от аналогичного движения в Японии. В Китае оно базировалось на протестантской идейной основе, тогда как в Японии — на секулярно-научной. Кроме того, наблюдались существенные различия и в политическом плане. Оба движения столкнулись с задачей ликвидации местного ойкуменического режима,

который доказал свою несостоятельность в условиях растущей необходимости достойно ответить на давление со стороны Запада. В столь непростых политических обстоятельствах японские вестернизаторы проявили себя как более гибкие, дальновидные и деятельные — по сравнению с китайскими — политики. Китайцам потребовалось 118 лет, чтобы получить хотя бы негативный политический результат, тогда как японцам для этого потребовалось всего 15 лет¹³.

Потрясение, которое обрушилось на восточноазиатские народы в XIX в., было вызвано появлением нового высокоэффективного западного оружия. Успешный рывок Японии в ее состязании с Китаем за экономическую и политическую вестернизацию обеспечил военное превосходство Японии над Китаем. Начиная с китайско-японской войны 1894—1895 гг. и вплоть до Второй мировой войны Китай был зависим в военном отношении от Японии. Хотя захват всего Китая в конце концов оказался не по зубам японской военщине, совершенно очевидно, что, если бы японская военная машина во время Второй мировой войны не рухнула под воздействием Соединенных Штатов, китайцы без сторонней помощи никогда не смогли бы вернуть себе захваченные Японией порты, промышленные районы и железные дороги, игравшие ключевую роль в промышленном развитии Китая.

Казавшиеся поначалу легкими победы японцев над Китаем лишь поощряли милитаризм Японии, который уже через полвека привел страну к полной военной и политической катастрофе. Поначалу Япония извлекала военные дивиденды из процесса технологической вестернизации с виртуозностью, затмившей даже успехи петровской России, которых та достигла после победы в Северной войне 1700—1721 гг. Победоносно завершив русско-японскую войну 1904—1905 гг., Япония заявила о себе как о великой державе и была признана таковой в западном содружестве государств, как два столетия тому назад была признана Россия, победившая Швецию.

Япония совершила рывок, став одной из трех ведущих морских держав XX в. Последний всплеск ее мощи проявился в попытке уничтожить флот Соединенных Штатов в Пёрл-Харборе и захватить все колониальные владения западных держав в Юго-Восточной Азии. Однако все это закончилось для Японии катастрофой.

Прострация охватила и Китай, и Японию после второй мировой войны, однако проявлялась она в каждой стране по-своему. Япония приняла западный образ жизни столь основательно и глубоко, что вскоре вновь стала состязаться с западными державами в сфере как экономики, так и политики. Китай же стал выступать против западной политической модели. С 1945 г. китайское общество начало выработать новые подходы к проблеме отношений с Западом.

Катастрофа, постигшая Японию в ее войне с Западом, увенчалась превращением этого региона в испытательный полигон новейших западных военных технологий. В дальнейшем это привело Японию к отказу от своего собственного наследия. Все силы нации были сосредоточены на достижении экономического превосходства над Западом. Крайнее напряжение внутренней жизни всего японского общества можно проследить по политическим выступлениям японских лидеров начала 60-х годов. Все это нашло отражение в целом спектре экологических и психологических проблем, возникших в ходе форсированного роста промышленного производства. Возможно, кто-нибудь возьмется утверждать, что так называемое японское чудо — это не более чем результат растерянности западного общества, обнаружившего, что его культурная экспансия обернулась непредсказуемыми результатами. Покоренная и, казалось бы, обезоруженная Япония в свою очередь обезоружила своего обидчика. Суждено ли современной японской культуре развиваться в направлении слияния западных и местных традиций? На этот вопрос трудно ответить определенно, ибо давление Японии на мировое сообщество еще только набирает силу.

Китай предстал перед еще более сложным вызовом, чем Япония. Коммунистическому Китаю приходится учитывать «западный вопрос» в его русском обличье, а кроме того — «западный вопрос», который ставит собственно Запад.

Мы еще коснемся возможного пути развития Китая, а пока отметим лишь то, что в настоящее время Япония и Китай отстаивают альтернативные общественные формы — капитализм и коммунизм, причем обе эти формы можно рассматривать как заимствования у Запада.

КОНТАКТЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Время Александра Великого было своего рода рубежом, положившим начало новой эллинистической истории, что почти в точности соответствует, с точки зрения современного историка, периоду перехода от средневековья к новому времени — периоду, отмеченному серией открытий и изобретений на рубеже XV—XVI вв.

Эти исторические главы объединяет явная недооценка достижений прошлого, подкрепляемая неожиданно мощным ростом успехов в области науки, техники, технологии, что было вызвано не только милитаризацией общества, но и серией географических и естественнонаучных открытий. «Конкистадоры» Александра Македонского, разрушившие империю Ахеменидов, напоминают в чем-то испанских конкистадоров, разрушивших империю инков¹⁴. Если

горстка военных авантюристов может одним ударом подкосить универсальное государство, то общество, давшее миру этих смельчаков, может показаться колыбелью будущего Человечества. А в самом факте разрушения гиганта можно усмотреть проявление закона мирового порядка. Однако, если бы эллин III в. до н. э., равно как и житель Запада XVI в. н. э., попытался описать обуревающие его чувства, вернее, предчувствие наступления новой эры, он, скорее всего, оставил бы без внимания материальную мощь его общества, придав решающее значение расширению своих интеллектуальных интересов и познаний. Чувства, пробужденные в Эллинском мире прозрениями Аристотеля и Теофраста, а в Западном мире — открытиями Коперника и Галилея, были осознанием силы, рожденной удивительным приращением нового знания.

Сравнение Эллинистического мира с современным Западным миром справедливо в самых общих понятиях, однако необходимо уточнить частности, указав при этом и на принципиальные различия. Контакт современной Западной цивилизации с ее современницами совпал с периодом, когда на Западе господствовало христианское мировоззрение. Культура, излучаемая Западом, включала религиозный элемент, который, собственно, и составлял ее изначальную суть. Однако к концу XVII в. западное общество вступило в процесс самосекуляризации. Таким образом, культура, которую распространял Запад, оказалась секулярной частью прежней интегральной культуры. Эллинистическая история не знала подобной проблематики, ибо Эллинистическая цивилизация успела освободиться от религиозного элемента в более ранний период. Эллинское просвещение пришлось на конец V в. до н. э., то есть к эпохе Александра оно уже насчитывало сто лет. Одной из возможных причин столь ранней зрелости Эллинистической цивилизации могла быть бедность религиозного наследия эгейского общества доэллинского периода в сравнении с богатством христианского наследия, переданного западному обществу эллинизмом, который сам обратился к христианству на своем смертном одре. Сравнительная малозначимость религиозного наследия эллинской истории имела двойственный эффект. С одной стороны, это ускорило рост рационализма, но с другой стороны, интеллектуально просвещенный эллинистический мир никогда не демонстрировал, подобно секуляризованному Западному миру, склонности к интеллектуальной гордыне.

Рационалисты Западного мира упорствовали в своей долгой и изнурительной борьбе с хорошо вооруженной институционализованной Церковью. Победа, доставшаяся в результате затяжной и мучительной борьбы, вскормила их гордый и высокомерный дух. Хотя, по иронии судьбы, надменность современного Западного просвещенного мира частично восходит к духу иудейской религии,

которая столь решительно отвергалась. Во второй фазе своей экспансии Западный мир обрел склонность игнорировать любые нехристианские религии, подобно тому как западные рационалисты игнорировали религию в лучшем случае как иллюзию и заблуждение, а в худшем — как умело сконструированную ложь. Незападные религии привлекали рационалистов как предмет интеллектуальных упражнений. Христиане же изучали их с полемическими целями. Но ни рационалисты, ни западные христиане не относились к этим религиям серьезно. Они не искали и не видели в них духовных откровений, способных обладать внутренней самоценностью.

Эллинистический опыт был совершенно иным. Когда мощная волна военных и интеллектуальных завоеваний изменила мир настолько, что эллинам пришлось вступать в контакт с неэллиническими религиями, эллинское общество, пожалуй, охватила зависть, что не ему принадлежит духовная жемчужина столь высокой ценности.

В конце концов Эллинистический мир был обращен в религию еврейского происхождения, которая как была, так и осталась по сей день иудейской по своему духу и принципам, несмотря на сближение с эллинизмом и известные компромиссы в области теологии и атрибутики. Принятие Эллинистическим миром христианства положило конец Эллинистической цивилизации. В результате этого процесса эллинизм утратил все свои специфические черты и признаки самостоятельности.

Таким образом, насколько об этом позволяет судить современный уровень знания, Эллинистическая цивилизация распалась, в отличие от Запада, именно в результате тесного контакта с современниками. Сирийская цивилизация фактически захватила своего завоевателя, опутав его тонкими сетями культурного взаимодействия. Обоюдное влияние двух цивилизаций продолжалось в течение длительного периода, все сильнее и сильнее нарастая со временем. Окончательным результатом стало разложение каждой из цивилизаций. Однако разрушенные ткани, регенерировав, дали новые формы, причем формы эти выглядят столь органичными, что трудно теперь вычленивать их составные элементы. По крайней мере в VIII в. до н. э., за 400 лет до кампании Александра, Сирийская цивилизация произвела сильнейшее воздействие на Эллинскую, дав ей финикийский алфавит. В VII в. до н. э. она распространила финикийский стиль в искусстве, — стиль, представлявший собой смешение египетского и аккадского стилей. В IV в. до н. э. она дала финикийский свод этических правил и систему космологии, то есть стоическую философию, основатель которой, Зенон, был гражданином кипро-финикийского города-государства¹⁵. Культурное общение между

Сирийским и Эллинским мирами было взаимным, причем эллинизм воздействовал на Сирию задолго до походов Александра Великого. В V в. до н. э. в Сирию ввозились эллинские гончарные изделия, многочисленные товары и произведения искусства. Кроме того, в Сирии был принят аттический стандарт чеканки монет. «К середине IV в. греческие монеты воспроизводились персидскими царями, а также местными правителями Киликии, Сирии и Палестины... Даже на юге Аравии обнаруживаются грубые имитации аттических монет»*. Сила и продолжительность излучения эллинской культуры в пределы Сирийского мира объясняет, почему Сирийский мир подчинился эллинизму после завоевания Александром владений Ахеменидов в Юго-Западной Азии и Египте. Однако окончательным результатом стал все-таки распад эллинизма.

Для Сирийской цивилизации отмирание было посмертным. Она уже не смогла возродиться для ответного удара. Распад эллинизма произошел потому, что сам эллинизм стал к тому времени как бы полуэллинистическим. Когда Эллинистическая цивилизация, разложившая Сирийскую цивилизацию, оказалась в своей собственной ловушке, выяснилось, что ловушка была сплетена как из сирийских, так и из эллинских прутьев. Окончательное исчезновение эллинизма произошло благодаря христианству. Причем примечательно, что из всех неэллинистических религий, боровшихся за эллинские души в эпоху эллинистического универсального государства, христианство эллинизировалось в последнюю очередь.

Примечательно также, что ислам, который родился как сознательная и продуманная реакция на христианство, эллинизированное и ушедшее от еврейского монотеизма, не был тем не менее возвратом к иудаизму в строго антиэллинистической традиции. Когда ислам ощутил потребность в систематической теологии, исламские богословы обнаружили, как, впрочем, и их христианские предшественники, что им прежде всего следует обратиться к эллинской философии, а для этого необходимо исследовать некоторые эллинские первоисточники. Начиная с IX в. н. э. труды эллинских философов и ученых становятся частью признанного и даже обязательного аппарата исламской культуры, как они стали некогда частью христианской культуры. Даже в исламских текстах подчеркивается, что сначала труды эллинских философов были замечены средневековым западным обществом. Таким образом, мы не уклонимся от истины, утверждая, что ислам и христианство имеют общие корни, уходящие в эллино-иудейскую почву.

* *Albright W. F.* From Stone Age to Christianity. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1957. P. 337–338.

Именно сложный состав этой почвы и является ключом к пониманию причин распада иудейской религии на три враждующие ветви. Объяснение несчастного пути иудейской религиозной истории следует искать также в частичной несовместимости сирийского и эллинского элементов. Соединение двух элементов было почти полным, однако не абсолютным. В результате сложившаяся культурная смесь была приемлема для многих народов, но все-таки не для всех. Таким образом, некоторая психологическая несовместимость, постоянно воспроизводившаяся в силу неполного культурного слияния, стала причиной напряжений, и эти напряжения частично предопределили религиозный раскол.

Евреи и иранцы (кроме иранцев в бассейне Окса — Яксарта) не воспринимали эллинистический ингредиент в этой смеси. Они упорно тяготели к своей доэллинской отеческой традиции. Население Юго-Западной Азии, равно как и жители Египта, также не скрывало своих антиэллинистических религиозных настроений. Несторианские христиане, а затем и их братья-монофизиты порвали с греко-римской христианской Церковью. Мусульмане затем вовсе порвали с христианством. Однако, как уже было отмечено нами, ни ислам, ни тем более христианские секты не могли полностью порвать с эллинской философской традицией и постоянно обращались к ней в своих богословских рассуждениях.

Именно эта их неспособность отрешиться от эллинизма не позволила несторианству, монофизитству и исламу присоединиться к антиэллинистической реакции иудаизма, который является самой непримиримой антиэллинистической формой сирийской религии. Ирония судьбы здесь проявилась в том, что в результате своей нетерпимости сами евреи оказались меньшинством, распыленным в огромных пространствах Старого и Нового Света и вынужденным приспособляться к большинству, приверженному одной из двух нееврейских вер, восходящих, однако, к иудаизму, — христианству или исламу.

Сирийский и эллинский элементы невозможно изъять не только из христианства или ислама, но и из Христианской и Исламской цивилизаций, для которых они сыграли роль куколок. Обе эти религии имеют предшественниц — сирийскую и эллинскую, что представляет собой момент принципиальной важности. Ислам, христианство и ряд цивилизаций, возвращенных этими двумя религиями, — все это продукты одного и того же культурного слоя, состоящего как из сирийских, так и из эллинских элементов.

Конечный результат влияния эллинистического общества на другие цивилизации представляет существенный интерес для современных жителей Запада. Особенно если иметь в виду то обстоятельство, что история контактов эллинистического общества с современными

ему цивилизациями предстает в завершенном виде, тогда как современная Западная цивилизация еще не приблизилась к своему концу. В эллинистическом случае контакт начался с военных завоеваний, а закончился религиозным обращением завоевателей, что и привело к распаду отечественной культуры завоевателей. Существенным здесь является то, что первоначальный удар и победоносный контрудар были произведены в различных сферах. Удар имел военный характер, а контрудар — религиозный.

Следует также отметить, что религиозный контрудар, направленный против эллинистических захватчиков, был не единственной реакцией со стороны завоеванных обществ. Первой реакцией была попытка ответного военного удара. Спустя почти два столетия после разрушения Александром Ахеменидской империи греческое правление в Иране и Ираке было ликвидировано, однако эта военная акция не была доведена до конца. Это не положило конец эллинскому правлению ни в Леванте к западу от Евфрата, ни в бассейне Окса — Яксарта. Да и окрестности Сирии оставались под греческим правлением. Политические преемники греческих наследников Ахеменидов заплатили за политическое изгнание греков принятием греческой культуры.

Что касается бассейна Окса — Яксарта, он оставался под греческим правлением с тех пор, как бактрийские греки охраняли эллинизм в парфянском государстве; а еще раньше, во II в. до н. э., греко-бактрийские завоеватели пересекли Гиндукуш и установили греческое правление на значительной части Индии, причем на более длительный период, чем это удалось Александру в результате его непродолжительного похода в долину Инда. Под властью бактрийских греков и их последователей, бывших евразийских кочевников-кушанов, на индо-греческом культурном слое выросла махаяна — северная ветвь буддизма.

Таким образом, во II в. до н. э. влияние эллинизма распространялось от Индии до Атлантического побережья Африки и Европы. Западная цивилизация сегодняшнего дня находится в схожем положении. Незападное большинство человечества к настоящему времени уже вышло из непродолжительного, но революционного подчинения западному колониальному правлению. Однако Западная цивилизация продолжает укреплять свои позиции вне пределов западного общества. Будет ли процесс налаживания контактов Запада с остальным миром продолжителен? Создаст ли новый культурный слой новые религии? Вполне правомерно ставить сегодня эти вопросы, хотя ответы на них пока еще скрыты за горизонтом. Исходя из того, что в технологическом плане ситуация, в которой оказался Западный мир, несопоставима с условиями развития эллинистического общества, можно предположить, что мы идем к иному финалу.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНТАКТОВ МЕЖДУ СОВРЕМЕННЫМИ ДРУГ ДРУГУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

Как мы показали в предыдущей главе, платой за успешную агрессию становится проникновение в культуру победившей цивилизации экзотической культуры ее жертв. Внутренний пролетариат победившего общества с готовностью воспринимает элементы чуждой культуры, в результате чего нравственная пропасть между отчужденным пролетариатом и бывшим доминирующим меньшинством еще более углубляется.

Эти пагубные процессы имеют двусторонний характер, что, в общем, отражено в поговорках: «Что полезно одному, то вредно другому» и «Одно влечет за собой другое». Иными словами, элементы культуры, вполне безвредные и даже благотворные на родной почве, могут оказаться опасными и разрушительными в чужом социальном контексте. С другой стороны, стоит чужеродным элементам утвердиться в новом окружении, они обретают тенденцию привлекать к себе другие элементы своей собственной культуры.

Аналогию этому процессу легко найти в области точных наук. Судьба Хиросимы и Нагасаки продемонстрировала, что изначально безобидные вещества превращаются в смертельно опасные, стоит нарушить естественную связь ядра с электронами. Физическая энергия гигантской мощи, высвобожденная благодаря расщеплению атома, таилась во внутренней структуре целостного атома, пока не было нарушено равновесие сил. Атом социальной жизни также поддерживает равновесие сил, и, пока это равновесие не нарушено, выбросов энергии не наблюдается. Взаимозависимость и обоюдные обязательства между различными частями поддерживают здоровое равновесное состояние любого организма. Как только происходит сбой и какие-то клетки организма начинают неконтролируемо расти, над организмом нависает смертельная угроза.

Очевидно, разрушительная работа, производимая частицей или клеткой, вырвавшейся из своего естественного ритма, связана с неспособностью всего организма приспособиться к новой динамической силе. Мы уже не раз показывали на конкретном эмпирическом материале, что нельзя без ущерба игнорировать вызов, брошенный социальному организму какой-либо новой силой. В подобной ситуации удастся сохранить социальное здоровье, только приспособив старые структуры к новому элементу. А это часто равносильно замене всей старой структуры. Иными словами, чтобы выжить в новых условиях, необходимо прибегнуть к тщательной реконструкции социальной структуры. Если игнорировать создающуюся

ситуацию или искать пути уклонения от вызова, расплатой будет либо революция (и тогда вновь родившаяся динамическая сила разрушит традиционную культурную структуру, оказавшуюся слишком ригидной), либо верх возьмет преступность (возведенная в норму социальной жизни, она окончательно разест обветшалые ткани старой структуры). Столкновение нового культурного элемента со старой структурой всегда протекает при одних и тех же обстоятельствах, независимо то того, появился ли этот элемент изнутри или внедрился извне. В обоих вариантах складывается одинаковая ситуация: новый элемент самым фактом своего появления обрекает старую структуру на перемены. Если призывы к необходимости перемен долго остаются неслышанными, а старые культурные формы не претерпевают эволюционных изменений, новый элемент, который мог быть вполне безобидным и даже полезным в другом социальном контексте, неизбежно начинает свою разрушительную работу.

В данном случае мы возьмем ситуацию, когда новая динамическая сила иностранного происхождения лишилась связи с родной почвой и оказалась в чужой и враждебной среде. Изолированный блуждающий элемент, помещенный в чуждое ему социальное тело, начинает производить хаос, ибо он утратил свою первоначальную функцию и смысл, а также лишился привычных противовесов и связей.

Проиллюстрируем это, рассмотрев, какое действие оказало на Африканский мир введение западного института демократического правления, — института, имеющего весьма славную историю в своем родном культурном контексте. Традиционно основным институтом африканского правления была монархия — система, предусматривающая строгое различие между правителем и подданными. Среди африканских общин, не знающих никаких иерархических политических структур, авторитет власти распространялся непосредственно от индивидуума к индивидууму, без прохождения через специализированные учреждения. Для современной Западной цивилизации демократия — это постоянный и хорошо отлаженный институт правления. В теории демократия предусматривает стирание различий между правителем и подданными, однако на практике атрибуты власти оказываются в руках небольшой группы специалистов — юристов, судей, полицейских и т. п. Западная демократия и африканская система власти являются, таким образом, политическими системами, имеющими между собой очень мало общего. А если добавить к этому, что границы современных африканских государств не совпадают с традиционным и племенным делением, а вследствие этого отсутствует осознание территориальной целостности и национальной общности, становится очевидным, как мало сходства между тем, что называется демократией здесь, и западной демократией.

С точки зрения западных демократий налицо явный кризис политической системы освобожденной Африки. Кроме того, существует тенденция возлагать вину за него на колониальные державы, которые так и не сумели ввести в Африке «цивилизованное» правление. «Часто можно было слышать рассуждение, что политические системы, существовавшие до колониального режима, развивались естественным путем и их нужно было поддерживать, а не разрушать, что делалось якобы во имя чего-то более подходящего для современного мира. Теперь нам говорят, что признание традиционной системы власти также явилось ошибкой, ибо возродились наиболее консервативные силы, которые подогревали чувство племенного сепаратизма. Тенденции эти оказались весьма разрушительными»*. Аргумент этот может показаться спорным, однако в любом случае нельзя не признать, что «истина состоит в том, что не существует единого для всех пути развития, что применимо и к истории колониального правления в Африке. Идеалом является гибкость, однако это вряд ли возможно при чрезмерно громоздких организациях. Все это довольно просто в теории, но куда сложнее оказывается провести теорию в жизнь. Когда Африка была независимой, местные вожди пользовались уважением всего народа. Смещение их также было невозможно без народного возмущения. В настоящее время столь же естественным кажется то, что народ проклинает политику властей. Под влиянием колониальных правительств часть африканцев стала выступать с критикой традиционного образа жизни и традиционных форм правления. Если бы колониальные правительства обладали сверхчеловеческой мудростью, они бы поддержали недовольных. Да разве обычный человек может предугадать ход событий?»**

Иными словами, наступает момент, когда разрушительные последствия введения чужеземных заимствований можно свести к минимуму, если правильно использовать создающуюся ситуацию. В приведенном нами примере этого не случилось. Переход власти от колониального к независимому режиму осуществлялся недостаточно постепенно. А форма правления, полностью заимствованная у Запада, функционировала донельзя плохо.

Таким образом, в политической структуре современной Африки можно выделить три ключевых элемента: разлагающаяся местная традиция; колониальное междуцарствие, в котором с трудом опознаются искусственно созданные политические единицы; экзотический налет западной культуры. Порочность объединения иноземных

* *Mair L. Primitiv Government. Harmondsworth: Penguin, 1962. P. 254–255.*

** *Mair L. Op. cit. P. 255.*

заимствований с местной культурой иллюстрируется, например, широкомасштабной коррупцией, выражающейся в раздавании должностей и постов своим родственникам, что совершенно недопустимо, с точки зрения западного демократа (по крайней мере в теории), но считается вполне нормальным и даже поощряемым явлением в африканской общественной жизни*. Опять-таки неприемлемость политической структуры, которая содержит в себе непонятную идею «законной оппозиции», привела в большинстве государств к ликвидации многопартийной системы сразу же после получения независимости. В этих условиях создание эффективной демократической системы является действительно очень сложной проблемой.

Все это показывает, каких трудностей следует ожидать, когда отдельный культурный элемент внедряется в чужеродную среду. Между отвлеченным идеалом демократического правления и действительностью, не готовой к демократии, лежит труднопреодолимая и весьма опасная пропасть. Западный культурный элемент обесмысливается и утрачивает свою ценность в отрыве от родного культурного окружения.

Второй ступенью контактов между двумя современными цивилизациями становится тенденция создания общей культурной формы через реинтеграцию культурных элементов, ранее разобщенных. Этот процесс встречает сопротивление со стороны противоположной тенденции — препятствовать всякому проникновению чуждых культурных элементов, а если допускать их, то в минимальных дозах. Когда какой-либо чужеродный элемент проник в структуру, преодолевая внутреннее напряжение системы, он увлекает за собой другой элемент, также изолированный и оторванный от своей культурной среды. Сопротивление болезненному процессу внедрения элементов чужой культуры в социальное тело абсолютно неизбежно. Однако столь же неизбежно и окончательное поражение. Рекомбинация искаженных элементов тяготеет к созданию новой целостности, а не просто к механическому соединению, поскольку культуре свойственно стремиться к самоструктурированию. Общество ассимилирует воздействующую на него силу. Единственное, на что ему остается надеяться, — это замедлить процесс реинтеграции. Однако на деле такая тактика обычно не приостанавливает агонии собственной культуры.

Развитие событий, таким образом, зависит от первого воздействия. Общества, переживающие такой момент, иногда весьма чувствительны к воздействию даже самых безвредных чужеземных влияний. Мы уже обращали внимание на зилотскую реакцию русского

* См.: *Maguet J. Power and Society in Africa*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 122–123.

общества, ощутившего на себе внешнее культурное давление. Бескомпромиссная политика тщательного самосохранения и самоизоляции встречается довольно часто. Правда, редко она бывает успешной. Этос зилота эмоционален и интуитивен, и его броня в конце концов разбивается об эмпирическую истину, управляемую социальным законом: «Одно влечет за собой другое». Классическим примером подобной рационалистической разновидности зилотизма может служить развитие отношений между Японией и Западным миром в конце XVI — начале XVII в. Период этот захватил полвека и длился до 1638 г. Столь же ревностное следование политике зилотизма наблюдается в современном Китае. Оно достигло своего апогея в период «великой культурной революции», начавшейся в 1966 г. «Подобно России в последние годы сталинской эры, Китай встал на путь самоцентрированного изоляционизма и национализма. Он еще решительнее, чем когда-либо, отгородился от политических и культурных влияний внешнего мира»*. Националистическое отрицание некитайских стилей и идей сочеталось с политическим противоборством культуры коммунистической с культурой буржуазной. Учение коммунизма — западного происхождения, и этот непреложный факт стал для творцов «великой культурной революции» противоречием, скрыть которое оказалось невозможным.

Истина заключается в том, что вторгшийся иностранный культурный элемент невозможно выхолостить, лишив его тем самым опасной способности притягивать к себе другие элементы своей культуры. Однажды завоевав определенное место в сфере общества, чужеродный культурный элемент укореняется там и, обрастая другими, родственными себе элементами, чувствует себя вскоре хозяином положения. Если воспринимающая сторона не в состоянии нейтрализовать эти вкрапления, остается единственная надежда — попытаться перехитрить врага. Здесь не годится воинственная тактика зилотизма — неистово сопротивляться всему новому. Вместо этого лучше предпринять противоположный маневр и тактику ирдианства: сражаться с более сильным противником его же собственным оружием. Причем, не ожидая нападения, выйти ему навстречу с распростертыми объятиями. Практическая ценность такой политики просматривается в двух сериях контактов между османами и современным Западом. Политика минимальной вестернизации, избранная турецким султаном Абдул-Хамидом, когда западная культура провалилась в Порту¹ и заполнила даже военную сферу, не имела практического успеха, тогда как политика максимальной вестернизации,

* *Deutscher I. Russia, China and the West. Oxford University Press, 1970. P. 333–334.*

проводимая Мустафой Кемалем Ататюрком, вывела османов на реальный путь спасения.

Политика модернизации османской военной машины, предпринятая Абдул-Хамидом, основывалась на ложном мнении, что можно ограничиться в преобразовании сухопутных и морских вооруженных сил лишь необходимым минимумом профессиональных технических инструкций, игнорируя при этом другие западные идеи. Оттоманское государство стояло перед дилеммой. Чтобы сражаться с более сильным в военном отношении противником, необходимо было перевооружиться по современному западному образцу. Но этот путь был чреват многими опасностями. Угроза на сей раз исходила не от иностранных армий, а от местной революционно настроенной части общества, которую под влиянием западных политических идей могли возглавить получившие западную подготовку военные офицеры. Ошибка султана была выявлена и исправлена в 1908 г., когда политический переворот, стоивший ему трона, возглавили младшие офицеры, набравшиеся «опасных идей» в стерильной военной академии, созданной невежественным оттоманским деспотом². Дилемма, что стояла перед Абдул-Хамидом, была разрешена появлением весьма характерной фигуры — либерально настроенного революционного военного офицера. Это явилось естественным порождением социальной «ничейной земли» между двумя конфликтующими культурами, хотя с западной точки зрения соединение понятий «либеральный» и «военный» представляется парадоксом. Однако такую фигуру знала и дореволюционная Россия. Аналогии ее можно наблюдать и сегодня среди военных, например, в Африке или на Ближнем Востоке, где внутренний конфликт между реалиями местной культуры и идеалами Запада часто выливается в революционный взрыв, который возглавляется офицерами, получившими западное образование.

Последствия активного распространения вируса западной культуры во всех областях общественной жизни можно наблюдать и на ранних этапах контактов между Западом и Оттоманской империей. В начале XIX в. Мухаммед Али поставил перед собой вполне определенную цель — вестернизировать вооруженные силы, с тем чтобы не утратить позиций во все более вестернизирующемся мире. Однако время показало, что нововведения в военной области не могут успешно осуществляться, если они не поддерживаются целым рядом мероприятий в других областях социальной жизни. «В ранний период своей военной деятельности Мухаммед Али убедился в преимуществах европейской военной тактики, ибо он принимал участие в операциях против французской армии в Египте. Там и сложилось у него весьма высокое мнение о воинской науке. Введение принципов западной организации в армии Леванта имело

многие важные последствия... Переход от неуправляемой и недисциплинированной орды к обученным войскам, строго субординированным и хорошо дисциплинированным, прежде всего означал установление некоторого нового порядка, распространявшегося на все общество»*. Таким образом, в Египте периода Мухаммеда Али, как и в России периода Петра Великого, первоначально узкая цель приводила к весьма обширной и амбициозной иротианской программе. Мухаммед Али понял необходимость создания резерва, для чего были открыты специальные подготовительные школы, где подростки получали начальное военное образование. В то же время он сознавал, что, сколь бы эффективным ни был образовательный процесс в кадетских училищах и подготовительных школах, сами по себе эти учреждения не способны коренным образом преобразовать вооруженные силы, что, собственно, и составляло основную практическую цель его образовательной реформы. Вооруженные силы западного образца требовали многочисленных дополнительных служб, а те в свою очередь требовали технически грамотного персонала. Эти дорогостоящие нововведения не могли быть осуществлены без повышения налогов. Однако, для того чтобы реально поднять доходы, требовалось в свою очередь повысить объем производства общественного продукта, а этого нельзя было добиться без технических нововведений в сельском хозяйстве и промышленности. И весь этот спектр проблем требовал безотлагательного притока хорошо обученных государственных служащих и экономических экспертов.

Следовательно, вестернизация образования стала естественным продолжением первоначально ограниченной политики военных преобразований. Пехотные, кавалерийские и артиллерийские училища, возглавляемые западными командирами, пришлось дополнить техническими и морскими училищами, а вслед за ними были открыты математическая и чертежная школы, а также освоено пушечное литейное производство. Техническое обучение персонала для вооруженных сил и их вспомогательных служб было подкреплено введением системы общего образования по французской модели, которая затем была усовершенствована путем выделения элитарной группы студентов, проходивших курс учебы непосредственно в Европе.

Первая школа была создана в Каире в 1812 г., а через четыре года Мухаммед Али открыл хорошо оборудованную инженерную школу в своем дворце, где под руководством западных наставников обучалось 80 египетских студентов. В 1833 г. была открыта политехническая подготовительная школа для курсантов кадетских училищ.

* *Bowring J. Report on Egypt and India dated 27 March 1839 and addressed to the Right Hon. Lord Viscount Palmerston. London: Clowes and Clowes, 1849. P. 49.*

Чтобы обеспечить достаточно высокий уровень абитуриентов политехнической школы, в Каире, Александрии, а позже и в каждом провинциальном департаменте стали создаваться начальные школы. Ученики в эти школы вербовались, как в армию, да и порядок в них поддерживался военный. Кроме того, учеников кормили и одевали за государственный счет. Согласно регистрации 1839 г., в невоенных специальных школах, где изучались иностранные языки, медицина, сельское хозяйство, делопроизводство, в общей сложности обучалось 1215 учеников. Создание сети специальных и общих образовательных учреждений западного типа было окончательно завершено в 1867 г. Помимо развития системы образования внутри страны, правители Египта открыли в Париже египетскую научную миссию, куда с 1826 по 1870 г. ежегодно направлялся контингент студентов для завершения своего образования. Постоянно расширяющаяся система западного образования, первоначально преследовавшая чисто технические цели создания современной армии, в какой-то мере объясняет причины возникновения среди египетской интеллигенции националистического движения, а также и его первые неудачи. Уже на первом этапе приобщения к западной культуре интеллигенция оказалась отчужденной от неграмотных масс крестьянства, а значит, была не в состоянии привлечь их на свою сторону*.

Другой пример из этой же области показывает, как быстро можно разложить традиционную социальную структуру с помощью вмешательства иностранного культурного элемента. В 1825 г. французский военный врач д-р. А. Б. Клот прибыл в Египет для организации медицинской службы в египетской армии. Он сумел добиться принятия норм французской армии в сфере медицинского обеспечения и многих других новшеств в военной медицинской системе. Однако самым большим достижением его биографии стал выход за пределы армейской медицины. Несмотря на сильную оппозицию, вдохновляемую общим духом исламского консерватизма, и в частности исламским предрассудком, запрещающим изучение анатомии с помощью хирургического вмешательства, Клот сумел убедить Мухаммеда Али открыть в 1827 г. медицинскую школу, а затем школу акушерства, родильный дом, фармацевтическую школу, подготовительную школу и школу французского языка (на котором велись медицинские консультации). В конце концов Клот переоборудовал военный госпиталь в гражданскую больницу, значительно расширив при этом число коек как для военных, так и для гражданских лиц. Создание больничной системы, включающей родильный дом, привело к тому, что менее чем через 50 лет оказалось подорванным

* См: *Vatikiotis P. J. The Modern History of Egypt. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. P. 49–125.*

самое сильное из всех традиционных исламских табу. Медицинское освидетельствование и лечение мусульманских женщин, ранее в большинстве случаев невозможные в силу традиционных запретов, стали постепенно нормой. Успех Клоута, таким образом, можно назвать революционным.

Прогресс вестернизации стран «третьего мира» на первый взгляд может служить подтверждением нашего тезиса, что в культурных контактах «одно влечет за собой другое». Первоначально вестернизация слаборазвитых стран означала индустриализацию, то есть освоение западных технологий в целях экономического развития. Однако уже тогда отмечалось, что промышленную революцию нельзя «экспортировать из одной страны в другую по частям, затем собрать ее и запустить, подобно машине»*. Подчеркивалось, что «процесс индустриализации — это комплексный процесс... Чтобы успешно включить процесс индустриализации... необходимо определенным образом предварительно видоизменить общую ситуацию»**. Пытаясь создать у себя западную промышленную систему, страны Южной Америки, Африки и Азии оказываются перед необходимостью поощрять вестернизацию практически во всех сферах общественной и даже личной жизни. Например, приходится вводить западные стандарты здравоохранения, образования и городской организации, без чего невозможно создание рынка надежной рабочей силы. Структуры политического управления и общественной жизни начинают оцениваться по западным меркам, при этом каждая нация должна найти свое собственное место в мировой системе экономических и политических отношений.

Неразвитые страны становятся на путь вестернизации в значительной мере в силу необходимости принятия западных стандартов в области экономического производства. Однако их отношения с Западным миром не ограничиваются только этим.

В колониальную эпоху Западная цивилизация представляла собой относительно конкретное, хотя и сложное целое. Технологическое превосходство успешно обеспечивало ее культурную экспансию в другие регионы мира. Прозападно настроенная элита поработенных стран приветствовала приход западной культуры, тогда как зилотские экстремисты предавали анафеме культуру-завоевательницу, отстаивая свое право развивать местные традиции. Однако в обоих случаях Западная цивилизация воспринималась как постоянная и четкая целостность. В современном мире, однако, Западная цивилизация уже не является такой интегральной целостностью. И ценности,

* *Mason E.S.* The Planning of Development // *Scientific American*. September 1963. P. 235.

** *Brown M.B.* After Imperialism. London: Heinemann, 1963. P. 407.

и цели технологической культуры Запада становятся менее определенными. Даже рожденная Западом доктрина марксизма оказалась пропущенной через фильтры незападных обществ. Все это признаки того, что мир ищет альтернативные незападные пути решения проблем социального и нравственного характера, — проблем, столкнувшись с которыми Запад не смог дать удовлетворительного решения.

Нынешний контакт Западной цивилизации с незападными обществами «третьего мира» существенным образом отличается от более ранних контактов Запада с Россией, Японией и Китаем. Отношение к обществу, из-под политического контроля которого вырвались бывшие колонии, в целом не изменилось, и это общество все еще распространяет по миру свои культурные ценности. Однако технология, прежде бывшая ключом западного превосходства, оборачивается теперь против себя самой, принося вред там, где раньше она приносила пользу. Социальная несправедливость, духовное отчуждение, утрата человеком естественных связей с природой — все это плоды расширяющейся индустриализации Западного мира. В связи с этим число добровольных приверженцев западной веры стало снижаться, ибо никто не хочет делить с Западом горькую плату за рост материального благополучия. Например, в Танзании борьба за накопление капитала и развитие промышленности отошла на второй план, уступив место политике сельскохозяйственной реорганизации на основе крестьянских кооперативов. Изменения эти весьма примечательны, ибо они говорят о том, что стратегия экономического развития, первоначально копируемая с западной модели, теперь начинает формироваться с помощью средств, отличных от западных.

Разумеется, всякая модернизация любого аспекта жизни этих обществ неизбежно повлечет за собой изменение всей структуры. Модернизация сельскохозяйственного производства также немыслима без использования механизации и искусственных удобрений. Их придется либо производить, либо ввозить из-за границы, и, таким образом, не удастся полностью избежать индустриализации. Индустриализация в свою очередь потребует изменения программ образования и здравоохранения. Однако наметившееся различие в расстановке акцентов подчеркивает различие в сфере духа. Ибо попытка отодвинуть технологию на второй план в системе культурных ценностей, в сущности, означает, что ей найдено место, где ей и надлежит быть. Если подобная трактовка событий справедлива, то можно утверждать, что незападные общества пошли путем выборочного усвоения элементов западной культуры. Тщательный отбор положительных ценностей Западной цивилизации может оказаться поворотным пунктом в истории человека, в его многотрудных попытках стать хозяином своей судьбы.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНТАКТОВ МЕЖДУ СОВРЕМЕННЫМИ ДРУГ ДРУГУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

Когда две или более цивилизаций вступают между собой в контакт, они чаще всего обладают разными потенциальными силами. Человеческой природе свойственно пользоваться своим превосходством. Поэтому и цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть.

Представители агрессивной цивилизации, успешно проникшей в чужую социальную систему, уподобляются надменному фарисею, благодарившему Бога за то, что он не такой, как другие. Однако судьба иронична. Самовозвышение, бессознательно выливаясь в унижение других, приводит к отрицанию равенства человеческих душ. Однако невозможно, совершив грех отрицания человека в другом, не дегуманизировать тем самым самого себя. Правда, существуют разные степени бесчеловечности.

Наименее жестокой формой бесчеловечности поражены представители агрессивной цивилизации, в культуре которой религия занимает главенствующее место. В обществе, где жизнь не секуляризирована, унижение принимает форму религиозной беспричастности. Однако, признавая, что «низший» человек также обладает религией, хотя и ошибочной, «высший» человек тем самым признает, что у антагониста его есть все же человеческая душа; а это означает, что пропасть не столь велика. Унижающая человеческое достоинство грань между «высшими» и «низшими» легко может быть стерта через принятие в лоно господствующей религии «неправедно» живших. А заповедями большинства высших религий не только теоретически допускается, но и вменяется в обязанность верующим привлечение в храм Божий новых душ.

Потенциальная всеобщность христианской церкви символизировалась в средневековом западнохристианском изобразительном искусстве условным изображением одного из волхвов негром¹. А католическая церковь не раз на деле доказала искренность своих претензий на универсальность. Испанские и португальские конкистадоры пренебрегали дистанцией в социальных отношениях, допуская смешанные браки при условии добровольного принятия римского католицизма. Мусульмане также заключали браки с новообращенными, не обращая внимания на расовые или языковые различия.

Шариат провозглашал, что, если «люди Писания» (под ними первоначально подразумевались христиане и иудеи) подчиняются мусульманскому закону и согласны платить налоги, они тем самым

получают право защиты со стороны мусульманской власти, не отказываясь от своей немусульманской веры.

Позитивное отношение к другой религии, проявленное в исламском понятии «люди Писания», можно противопоставить отрицательному отношению, выраженному христианскими понятиями «раскольники» и «еретики». С этой точки зрения еретическая вера, имеющая духовные связи с ортодоксией, не заслуживает терпимости; ересь, несмотря на духовное родство, рассматривается как извращение, которое надлежит уничтожить физически, если не удастся дискредитировать морально. Ислам, подобно христианству, разделял эту установку по отношению к своим сектам. Платой за отступничество в исламской общине была смерть. Существовала к тому же и обратная сторона западнохристианской терпимости ко всем возможным различиям, кроме религиозных. Принятие христианской веры служило входным билетом в общество, однако отказ означал исключение из него. Для язычника в Новом Свете, как зачастую и для еврея в Старом Свете, выбор был однозначен: крещение или истребление. При этом истребление рассматривалось не как плата за строптивость. В глазах христианина смерть была лишь альтернативой спасению. В средневековом христианстве во времена разгула антисемитской воинственности любой еврей мог спасти свою жизнь, крестившись*, однако тысячи предпочитали смерть отступничеству. Выбор, конечно, предлагался весьма бесчеловечный, поскольку он предполагал или глубокие духовные страдания, или страдания физические. Но если проанализировать другие формы бесчеловечности со стороны «высших» людей, то в сравнении с ними религиозная форма покажется относительно гуманной.

Одной из форм бесчеловечности можно считать утверждение культурной дискриминации в обществе, которое секуляризировало свою культуру. В современном мире различные националистически настроенные проводники западной культуры склонны проводить различие между Цивилизацией с большой буквы и «варварами» или «дикарями», которых Запад облагодетельствовал в разных местах земного шара. Такое отношение привело к политическому и культурному патернализму в колониальных империях Запада, отрицанию гражданских прав подчиненных народов и возвело культурный барьер, который нельзя преодолеть простой магической формулой, превращающей язычника в верующего. Тем не менее возможность «цивилизации дикаря» полностью никогда не отвергалась. В западных колониальных империях способность «дикаря» подняться до уровня «цивилизации» определялась его способностью к обучению.

* См.: *Cohn N. The Pursuit of the Millenium. London: Temple Smith, 1970. P. 80.*

Те, кто овладевал грамотой и усваивал манеры поведения, могли занять определенное место в ряду «цивилизованных». Однако культурные различия отнюдь не являлись единственным критерием, по которому агрессивное западное общество утверждало свое превосходство над остальным человечеством.

Империалистические завоеватели долгое время видели в местных жителях только «туземцев» (слово это, ныне почти утратившее унижительный оттенок, раньше означало нравственный ноль). В понятии «туземец» содержалось отрицание личности через полное отрицание политического и экономического статуса аборигена. Называя исконных обитателей завоеванных земель «туземцами», «цивилизованный» человек лишает их человечности, полностью отождествляя с флорой и фауной. А отношение к фауне и флоре может быть двояким. Либо это гнус и сорная трава, подлежащие искоренению, либо же это ценные природные ресурсы, которые нужно оберегать и разумно эксплуатировать. Выбор экономической политики частично определяется естественным окружением, а частично — темпераментом захватчика, но, какую бы политику он ни избрал и какими бы мыслями и чувствами при этом ни руководствовался, он будет действовать на основании презумпции полной моральной свободы в удовлетворении собственных интересов.

От равнодушно-безжалостного отношения к человеку как «туземцу» всего лишь один шаг до еще более сильного унижения людей, когда в индивидууме не видят личности в силу его принадлежности к определенной расе. Это худшая и наиболее безнравственная форма бесчеловечности. Во-первых, она полностью отрицает наличие человеческих прав за какой-то группой лиц, считая это не требующим объяснений. Во-вторых, эта расовая дихотомия человечества отличается от всех религиозных, культурных, политико-экономических дихотомий установлением абсолютной и непреодолимой пропасти между людьми. В-третьих, расизм уникален в выборе критерия, принимая за него наиболее поверхностный, тривиальный и малозначительный признак человеческой природы.

На практике в современном мире культурные, политико-экономические и расовые подходы перекрещиваются. Так, расовая гипотеза выводится из иллюзии культурного превосходства западного общества — особенно его англоговорящих представителей. Расовые теории и идеи культурного превосходства взаимно поддерживают и подкрепляют друг друга. Расист зачастую упорствует в своем предрассудке, ссылаясь на примеры примитивных культур как на наилучшую иллюстрацию расовой неполноценности. Или наоборот — расовую неполноценность он выводит из неразвитости примитивной культуры. Кроме того, расизм готов взять на вооружение любой аргумент для доказательства превосходства одних над другими.

Порочным последствием этого самого гнусного из всех моральных преступлений нашего времени является то, что на памяти ныне живущего поколения расизм физически истребил в западном обществе многие миллионы людей, которым был навязан ярлык «недочеловеков». Он также несет ответственность за продолжающееся и в наши дни духовное и физическое преследование черной расы.

Агрессивное общество, выработавшее столь порочную психологическую реакцию, становится на бесповоротную дорогу в ад. Но душа, оказавшаяся в этом бесчеловечном поединке в стане страдающих, избирает иной путь. Ее ответы на успешный удар могут быть различны, причем не только различны, но и противоположны.

В предыдущих главах мы уже касались подобных реакций, назвав их «зилотизмом» и «иродианством». Эти названия должны быть понятны всякому, получившему образование в христианской традиции, поскольку они восходят к историческому опыту Древнесирийского мира, давшему две противоположные еврейские реакции на удары эллинизма.

Эллинизм оказывал давление на еврейство во всех планах социальной жизни — не только в экономике или политике, но и в искусстве, этике и философии. Ни один еврей не мог пренебречь проблемой наступления эллинизма. Исторически сложилось так, что народ выработал две, причем противоположные, реакции на этот непрекращающийся вызов.

Зилотская группировка состояла из людей, которые, столкнувшись с более сильной и более энергичной цивилизацией, преисполнились решимости оказать отчаянное сопротивление смертельному агрессору. Чем сильнее давил эллинизм, тем упорнее стремились они освободиться от него. Понимая, что им не выдержать открытого боя, они спасали себя и свое будущее в убежище прошлого, где, замкнувшись в интеллектуальной башне, тесно сомкнув ряды, они искали и находили вдохновение в себе. Мерой их верности и искренности стало соблюдение всех букв традиционного еврейского закона. Верой, вдохновлявшей зилотов, было убеждение, что если они не отступят ни на йоту от отеческого предания и сохранят его в нетронутой чистоте, им воздастся божественной благодатью и спасением от врага. Зилоты вели себя подобно черепахе, прячущейся под панцирь, или ежу, сворачивающемуся при опасности в колючий шар. Правда, иродиане считали подобную тактику страусиной.

Антизилотская группировка состояла из слуг, сторонников и поклонников царя Ирода Великого. Его подход к проблеме отношения еврейства к эллинизму заключался, во-первых, в трезвом признании непобедимости превосходящего по силе врага, во-вторых, в необходимости учиться брать у противника все, что может

быть полезным для евреев, если те хотят выжить в неизбежно эллинизируемом мире.

С точки зрения зилотов, иродианство было опасным, грязным и трусливым компромиссом. Однако следует признать, что подобная политика явно имела свои плюсы, так как в силу своей гибкости она открывала возможности для определенного маневра. Она открывала простор для активного участия в жизни, а не приговаривала своих последователей к пассивному бездействию. Дух же зилотской линии был безнадежно пассивен, какими бы ни казались активными случайные взрывы насилия, сопровождавшие это движение. К тому же сторонники Ирода с полным правом могли утверждать, что, следуя своей тактике, они демонстрируют куда больше нравственной смелости, чем зилоты, ибо их политика, отвергаемая зилотами как оппортунизм, на деле была честным реализмом, обязывающим признавать неоспоримые факты и на этой основе действовать. Невозможно углубляться в аргументы иродиан и зилотов, не выяснив два вопроса. Как эти противоречащие одна другой установки соотносятся между собой в действительности? И стала ли хоть одна из них эффективным ответом на агрессию чужой цивилизации?

В истории столкновения евреев с эллинизмом феномен иродианства просматривается более чем за двести лет до прихода Ирода к власти в 40 г. до н. э. Еврейские писания были переведены с древнееврейского и арамейского на греческий семьдесятю толковниками по приказанию Птолемея Филадельфа (283—245 до н. э.), и, даже если не все точно в этой легенде, начало добровольной самоэллинизации еврейской общины в Александрии восходит к дате возникновения этого города, игравшего роль плавильного котла².

Многочисленные проявления как зилотства, так и иродианства можно наблюдать и в более поздней главе истории еврейской диаспоры, когда просвещенное западное общество стало проводить в жизнь политику, направленную на ликвидацию всех гражданских различий между евреями и неевреями. Современные еврейские последователи Ирода ухватились за возможность, предоставленную им западным либерализмом, и стали насаждать в своих общинах принципы добровольной ассимиляции, призывая евреев оставить свою веру и принять обряд крещения, что являлось как бы входным билетом в западное христианское общество (хотя крещение и было признаком респектабельности, иудеи и бывшие иудеи продолжали воевать с антисемитами). Отмена официальных гражданских ущемлений в Западной Европе в XVIII и XIX вв. позволила евреям участвовать в общественной и государственной жизни наравне с другими гражданами. Опыт многовековой горькой дискриминации побудил евреев испробовать путь ассимиляции, как только путь этот

стал практически доступен. Благодаря этому процессу к концу XIX в. многие евреи полностью слились с окружающим их обществом. Однако это вновь образованное единство постоянно размывалось из-за наплыва евреев-традиционалистов из неэмансипированных еврейских общин Восточной Европы.

Сионистское движение, напротив, тщательно оберегало еврейское политическое сознание, четко придерживаясь традиции зилотства. Однако эти сионистские неозилоты оказались заклятыми врагами ритуалистической зилотской традиции, которая все еще была жива в еврейских гетто. С точки зрения традиционалистов, сионисты повинны в нечестивом присвоении себе божественной прерогативы физического возвращения еврейского народа на Землю обетованную в Палестине, ибо только Бог может свершить это, когда придет время. С другой стороны, с точки зрения ассимиляционистки настроенных евреев, политические амбиции сионистов, пытающихся создать еврейское национальное государство западного типа, не согласуются с зилотской струей в сионизме, которая ассимиляционистам казалась особенно ретроградной. Ассимиляционисты не могли принять сионистскую иррациональную веру, восходящую к вере их общих предков в то, что евреи — «избранный народ». Таким образом, в настоящее время мировая еврейская община разделена на большинство, живущее за пределами Израиля (хотя не во всех случаях в силу свободного выбора), и на меньшинство, живущее в Израиле и распадающееся в свою очередь на две группы. Постоянное напряжение в Израиле между евреями, скрупулезно следующими каждой букве древней традиции, и растущим числом секулярно мыслящих приверженцев сионизма свидетельствует о неоднородности движения сионизма. Секулярный сионизм действительно может достичь иродианской цели ассимиляции через совместное преобразование еврейской общины в Израиле в некое подобие «всех народов» (3 Царств. 8, 5 и 20), хотя корень этого все равно неразрывно связан со стремлением «избранного народа» унаследовать, по божественному обетованию, земли Израиля. В любом случае все попытки решить проблему «избранности» окажутся неудачными, пока евреи не отрекутся от своей политики национальной и религиозной исключительности.

Возвращаясь к культурному контексту, в котором зародились зилотские и иродианские ответы, можно обнаружить и другие примеры подобной реакции на эллинизм со стороны других восточных обществ. Еще до вспышки еврейского зилотизма в Иудее в первой половине II в. до н. э. произошел зилотский бунт в Египте, что случилось во второй половине III в. до н. э.

В посталександровской Вавилонии группа священников-астрономов, безнадежно борющаяся за сохранение эзотерического шумеро-

аккадского культурного наследия от разрушительного влияния наступающей сирийской культуры, изо всех сил старалась уклониться от нечестивого соприкосновения с сирийским агрессором, обращаясь к иродианскому эллинофильству³.

В Индском мире, втянутом помимо воли в близкие контакты с эллинизмом греко-бактрийским царем Деметрием, захватившим империю Маурьев приблизительно в 200—183 гг. до н. э., также можно наблюдать аналогичные проявления двух реакций — эллинофильское иродианство буддийской махаяны и зилотскую установку некоторых форм индуизма.

Наличие противоположных психологических реакций просматривается также в истории контактов оттоманского православного христианства и Индского мира с агрессивной Исламской цивилизацией. В основной области православного христианства при режиме *Pax Ottomanica* большинство населения сохраняло свою религию. Духовная независимость была получена ценой подчинения чужой политической власти. Однако этот зилотизм частично компенсировался даже в религиозном плане иродианством меньшинства, которое переходило из христианства в ислам за социальные и политические привилегии, щедро отпускаемые оттоманскими властями прозелитам новой веры. Политическая приманка иродианства стала еще сильнее, когда в XVII в. усилилось давление западнохристианских держав на Оттоманскую империю и Порты вынуждена была создать высший эшелон государственных деятелей, чтобы удерживать православное население, не требуя обязательного отказа от веры отцов. В то же время большая часть простых православных, не принявшая ислам и не поступившая на государственную службу, подчинялась тем не менее иродианству через изучение языка своих оттоманских господ и через подражание им в одежде.

История индуистской психологической реакции на правление исламских властей в Индском мире напоминает оттоманскую. Если большинство индуистского населения Индии при Тимуридах и их афганских и тюркских мусульманских предшественниках, подобно православным, упорно не поддавалось на различные социальные и политические приманки и не изменяло вере отцов, все же имели место массовые местные обращения в ислам — особенно в среде ранее социально ущемленных неиндуистских жителей Восточной Бенгалии. В сравнении с обращениями в ислам православных Порты это были куда более крупномасштабные события.

Рассматривая контакты современной Западной цивилизации с внешним миром, можно заметить, например, что реакция Японии на давление Запада также идет по двум альтернативным руслам. Сила иродианской струи в Японии впечатляет упорством в противостоянии судьбе. Принятие западного оружия, одежды и религии, завезенных в

страну в конце XVI в. португальскими купцами, поначалу выглядело не более чем курьезом. И тем не менее вскоре все иноземное было запрещено режимом Токугавы, который приказал своим подданным отказаться под страхом смерти от любых сношений с Западом и отречься от западной религии. Лишь небольшая группа японских тайных христиан скрытно исповедовала новую веру в течение более двух столетий, пока в 1868 г. не была официально провозглашена веротерпимость.

Второй взрыв иродианства в Японии относится к середине XIX в. Мы уже касались этого периода в истории Японии и отмечали, что он породил своих героев и мучеников, рисковавших жизнью на тернистом пути тайного изучения современной западной науки.

Сила зилотской струи в Японии поначалу проявилась в усердии, с каким японцы изучали и осваивали западное огнестрельное оружие. Тем более примечательно, что, когда правительство Токугавы решило порвать отношения Японии с Западом, оно, отказавшись от использования западного оружия, не рискнуло распространить этот запрет на предметы быта. Результаты этой непоследовательности не замедлили сказаться. Династия Токугавы в конце концов утратила политическую власть, продемонстрировав в 1853 г. военную несостоятельность режима. Благодаря столь красноречивому свидетельству военной немощи Япония осознала, что 215-летний период изоляции задержал ее развитие и оставил безоружной и беззащитной перед лицом растущей силы Запада. Между 1853 и 1868 гг. созрело общественное требование, обращенное к правящей династии, выполнить свою зилотскую миссию, что выразилось не только в демонстративном неподчинении скомпрометировавшим себя властям, но и в явной ксенофобии.

Если японскую революцию, свергнувшую режим Токугавы, с одной стороны, можно представить как победу иродианства в том смысле, что ее экономическая и политическая программы вдохновлялись западным примером и были направлены на вестернизацию, с другой стороны, ее можно представить и как триумф зилотизма, поскольку сверхзадачей движения было обеспечение конечной власти над необратимо вестернизирующимся миром.

Можно проследить, как в течение четырех столетий японская психологическая реакция на контакты с Западом становилась все более и более раздвоенной. Опираясь на рассмотренные исторические примеры, приходится признать, что подобная раздвоенность реакции — явление типичное. В ряде случаев мы видели, что эти противоположные установки имеют тенденцию чередоваться, периодически сталкиваясь на некоторой промежуточной платформе. Эта янусоподобная двойственность, однако, может дать ключ к толкованию и объяснению отмеченных феноменов. Попытаемся понять

суть зилотизма и иродианства, рассматривая их не как отдельные течения, а как стороны одного процесса.

Если проследить истоки и движущие силы этого процесса, можно убедиться, что двойственность его не столь уж удивительна и даже вполне объяснима. Процесс этот не что иное, как контрнаступление на врага, находящегося внутри. Общая цель как зилотских, так и иродианских защитников своего дома — выправить ситуацию, ставшую опасной. Реакция на надвигающуюся угрозу проявляется в различных подходах к решению одной и той же стратегической задачи. Хорошо известно, что нельзя надеяться на достижение реальной практической цели, возведя однажды выработанную тактику борьбы в абсолютизм, доведя ее до логического абсурда. Если иродианин будет последовательно и упрямо проводить в жизнь свою теорию, не замечая иных идей, он придет в конце концов к самоотрицанию. Даже те иродианские деятели, которые целиком посвятили себя распространению культуры агрессивной цивилизации, дойдя до определенных пределов, убеждались, что дальнейшее продвижение по избранному пути чревато утратой независимости и непрерывности развития общества, за которое они в ответе. Иродиане-непротивленцы, деятельность которых не была ограничена политической ответственностью, обычно стремились сохранить какой-либо элемент своей традиционной культуры, например религию или свидетельства исторической памяти о былых победах своего общества. Равным образом каждый здравомыслящий зилот вынужден делать уступки иродианству, чтобы избежать печальной судьбы пасть жертвой самого себя. В этом смысле зилотская и иродианская платформы не столь уж удалены друг от друга. Если справедливо заключение о том, что контраст между зилотством и иродианством скрывает их родственные черты и что эти две психологические реакции на вторжение чужой культуры — всего лишь вариации на одну и ту же тему, значит, следует искать то общее, что проистекает из их политики. Фактически мы уже определили, что, безусловно, общим для зилотства и иродианства является их конечное поражение.

Безуспешность зилото-иродианского ответа на вызов культурного нападения мы уже показали на ряде исторических примеров. Так, при столкновении еврейства с посталександровым эллинизмом ни один из указанных путей не вывел еврейство на решение эллинской проблемы. Ирод Великий и его школа иродиан оказались не в состоянии убедить или заставить своих зилотски настроенных соотечественников сохранить политическую автономию под римской гегемонией, что могло дать палестинскому еврейству шанс выжить в контакте с эллинизмом, не теряя при этом своей самобытности. Зилоты вполне преуспели в подрыве политики иродианства и привели в конце концов палестинское еврейство к гибели, что,

впрочем, иродиане предвидели, считая подобный исход неизбежным следствием политики зилотов. Катастрофы 70 и 135 гг. н. э. доказали как и крах иродианства, напрасно уповавшего на возможность культурного компромисса между иудаизмом и эллинизмом, так и безумство зилотства, приведшего к столь позорному концу, что даже священный город Иерусалим лишился своего исторического имени. После такого несчастья евреям оставалось одно из двух: либо отказаться от иудаизма и перейти в христианство, либо окунуться в диаспорное фарисейство.

Обреченность зилотства и иродианства можно объяснить, если внимательно проанализировать природу этих двух установок, а также исторический контекст, в котором они зарождаются. Как мы уже говорили, на практике это прежде всего оборонительные попытки с целью избежать нежелательного развития ситуации путем введения своего динамического элемента в общественную жизнь. Действие чуждых сил, вторгающихся в общество извне, аналогично действию внутренних сил, поднимающихся изнутри, а мы уже не раз наблюдали, что неспособность контролировать возникающие напряжения приводит либо к революции, либо к разгулу преступности. Зилотство и иродианство заведомо обречены, поскольку они ошибочно отождествляют поверхностные признаки вторжения с глубоко лежащей сущностью межкультурной коллизии. Зилот, подобно архаисту, пытается заморозить ситуацию, а иродианин примеряет к себе культурную программу пришельца. Однако эти замаскированные маневры не могут даже затормозить победоносного продвижения противника. Таким образом, ответы обречены на неудачу.

Однако даже победоносное шествие истощает силы, поэтому победа, как правило, оказывается в конце концов эфемерной. Наоборот, сторона, подвергшаяся нападению, отступая, постепенно оказывается на территории врага.

В истории столкновения Эллинской и Сирийской цивилизаций новое, родившееся из конфликта эллинизма с иудаизмом, обогатило религиозные учения, практику и институты. Эллинско-сирийский «культурный компост» стал благодатной почвой для рождения христианства и ислама. Современное столкновение между Западом и всеми остальными незападными цивилизациями может дать еще более сложный и, возможно, более плодотворный «культурный компост», после того как исчезнет западное, без сомнения эфемерное, превосходство.

Сегодня весь мир опутан сетью западных технологий — военных и гражданских. Это кажущееся объединение человечества предопределило весьма драматическую судьбу многих обществ. Западное общество, а также вестернизированные или частично вестернизированные общества охватывают ныне не более четверти всего

человечества. Три четверти человечества — это крестьянство с уровнем технологии каменного века. Полярные противоположности представлены сверхпромышленными западными странами, с одной стороны, и Китаем — с другой.

Ультразападный и китайский образы жизни потенциально саморазрушительны. Западный образ жизни взрывоопасен, китайский (имеется в виду традиционный китайский образ жизни) — окаменел. При всей их противоположности оба эти образа жизни несут в себе нечто неизбежное для судеб человечества. Если нынешнее доминирование Запада будет продолжаться, что наиболее вероятно в свете последних событий, а значит, будет продолжаться и процесс объединения и слияния культур, то, возможно, западный динамизм соединится с китайской стабильностью в сбалансированных пропорциях, а это в свою очередь породит новый образ жизни, который не только даст человечеству возможность выжить, но и гарантирует ему благополучие.

За последние пятьсот лет Запад не раз демонстрировал, что он способен потрясти мир и пробудить его от оцепенения. Запад, наконец, расшевелил даже Китай, который считался наиболее статичной из всех живых незападных цивилизаций. Китайское общество на 2060 лет превзошло древнеегипетское общество по длительности своего существования, если пределом считать начало опиумной войны 1839 г., и с этого времени кончился период стабильности, продолжавшийся тысячелетия. Если бы древнеегипетское общество дожило до времен, когда мир охватила западная экспансия, то, возможно, оно, как и китайское общество, было бы гальванизировано им. Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять. История Запада была в той же мере нестабильна, в какой китайская и древнеегипетская истории статичны. Разрыв непрерывности между западной историей и историей эллинского общества был намного глубже и заметнее, чем в случае с православно-христианским обществом. В древности наблюдался значительный разрыв непрерывности между эллинской историей и историей предшествовавшего ему эгейского общества. Древнеегипетское общество, сформировавшись раньше, чем эгейское, продолжало жить до конца эллинистической истории; а китайское общество оформилось раньше, чем эллинское, и существует по сей день, несмотря на усиливающееся давление Запада.

Если обратить внимание на внутреннюю историю западного общества, то мы увидим, что оно было политически расколото с момента падения Римской империи, то есть в течение пятнадцати веков. Насколько нам известно, ни одна другая цивилизация не пребывала в состоянии политической разобщенности столь длительное время. К тому же западная политическая разобщенность усугублялась

религиозной разобщенностью, а с приходом промышленной революции — классовыми конфликтами еще более сильными, чем конфликт между крестьянством и «верхами» в доиндустриальных обществах.

Отсюда можно заключить, что человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путем. В то же время совершенно очевидна насущная необходимость объединиться, ибо в наши дни единственная альтернатива миру — самоуничтожение, к чему подталкивают человечество гонка ядерных вооружений, невозполнимое истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и демографический взрыв.

Со времен португальских и испанских морских экспедиций XV в. и в еще большей мере в результате британской промышленной революции XVIII в. сущностью современного западного образа жизни стали постоянный экономический рост и территориальная экспансия. Некоторые незападные страны сумели приспособиться к этим процессам. Экономическая жизнь России, например, пошла по пути индустриализации. Кроме того, русские заселили относительно безлюдные окраинные территории. Япония еще с большим успехом, чем Россия, провела индустриализацию. Однако ей меньше удалось освоение новых земель. Но вряд ли стоит и остальному человечеству следовать за Россией и Японией курсом вестернизации. Прежде всего природные ресурсы не позволят человечеству сделать это. Даже если индустриализация ограничивалась бы лишь западными странами, а также Россией и Японией, экономический рост и территориальная экспансия в нарастающих масштабах и темпах могли бы продолжаться только за счет отсталости других стран и хищнического использования невозполнимых природных ресурсов. Пока что западные и вестернизированные страны упрямо следуют этим катастрофическим путем, словно зашоренные, не прилагая даже малейших усилий, чтобы спасти себя и человечество от неизбежного краха в конце пути. Хотелось бы надеяться, что Запад переключится в конце концов на свои внутренние социальные и экономические проблемы, которые он столь успешно и упорно создает для самого себя. Если бы жизнь человечества, взбудораженная западным динамизмом, была вновь стабилизирована и если бы западный динамизм смог удержаться на той ступени, когда он созидателен, а не пожирает самого себя, тогда можно было бы за пределами Запада поискать инициаторов следующего витка движения. Не исключено, что они появятся в Китае.

Со времени установления в Китае коммунистического режима, в 1949 г. (исключая Тайвань), пекинское правительство и Вашингтонская администрация, бывшие между собой в разногласии по всем другим вопросам, сходились в одном — не допустить,

чтобы остальное человечество поняло, что же все-таки происходит в Китае. Некитайцам до сих пор, например, неясно, каковы были цели и последствия «великой культурной революции» председателя Мао. С одной стороны, режим стремился не дать возродиться традиционным политическим и социальным формам. Однако справедливо и то, что вожди коммунистического режима в Китае, вынужденные окончательно порвать с традиционной социальной структурой доиндустриального крестьянского общества, не намерены следовать и за русскими или японцами, осуществившими индустриализацию и урбанизацию своей жизни, во многом дойдя в этом до крайностей.

Представляется, что китайцы ищут средний путь, который соединил бы добродетели традиционного доиндустриального образа жизни, отвергнув его пороки, с позитивным опытом современного индустриального образа жизни в западных и вестернизированных странах. Традиционный путь способен обеспечить относительно низкий уровень общественного производства при обязательном воспроизводстве паразитической элиты, эксплуатирующей крестьянство. Индустриальный образ жизни не снимает традиционного раскола общества на привилегированный и эксплуатируемый классы, однако он создает напряжение в обществе, которое, если его не разрядить, рано или поздно приведет к надлому. Если коммунистический Китай сумеет одержать победу в этой социальной и экономической борьбе, он может преподнести миру дар, в котором нуждается и Китай, и все человечество. Этот дар будет счастливым соединением современного западного динамизма с традиционной китайской стабильностью. Судьба китайского опыта в его авантюристическом социальном экспериментировании все еще лежит на весах незападных богов. Невозможно сейчас предсказать, сумеют ли китайцы или другая часть человечества произвести необходимый синтез, чтобы дать возможность человечеству выжить. Однако, даже если китайский или какой-либо другой незападный народ сумеет удачно совместить современный западный динамизм с традиционной стабильностью, все равно найдутся упрямы, которые не согласятся идти ни на какие компромиссы. История свидетельствует, что отделившееся меньшинство, как правило, оказывается поначалу слишком малочисленным и слабосильным, чтобы стать препятствием на пути синтеза нового, того, что принимается решающим большинством. История предупреждает также, что в будущем, как и в прошлом, ущемление и преследование этих отделившихся меньшинств приводит к гнусным и отвратительным преступлениям. Человечество нуждается в единстве, но внутри обретенного единства оно должно позволить себе наличие многообразия. От этого культура его будет только богаче.

ибо совершенно ошибочно считать событие или факт уникальным, когда на деле это не более чем пример постоянно повторяющегося исторического феномена. Эвокация мертвой или устаревшей фазы живой культуры представителями какой-либо цивилизации — это не уникальное событие истории, а повторяющийся исторический процесс, поэтому следует говорить не «ренессанс», а «ренессансы».

Ренессанс, как мы уже отмечали, есть одна из форм контактов. Но этот контакт осуществляется не в пространственном измерении, а во временном. Контакт имеет место между живой цивилизацией и призраком мертвой цивилизации или же ушедшей в прошлое фазой живой цивилизации.

Эвокация такого призрака — дело рискованное. В лучшем случае это может внести стимулирующий элемент в чужой социальный контекст. Однако может произойти и эффект удушья того местного гения, который и вызвал призрак к жизни. Расширив поле нашего видения за границы единичного примера позднесредневекового итальянского ренессанса, поищем ренессансы в других сферах культурной жизни. Для удобства сгруппируем их следующим образом: ренессансы политики, права и философии; ренессансы языков, литературы и изобразительного искусства; религиозные ренессансы.

Политические проявления позднесредневекового итальянского ренессанса редко привлекали к себе внимание исследователя, несмотря на то что они предшествовали изменениям в сфере культуры, которые и запомнились как возрождение. В эстетическом плане итальянский ренессанс эллинизма начался с поколения, давшего миру Данте, Джотто и Петрарку, то есть на рубеже XIII—XIV вв. Политический же ренессанс заявил о себе уже в XI в., когда правление городами Ломбардии перешло от епископов к магистрату. Возрожденный эллинистический политический идеал, восторжествовав в XI в. в западнохристианских городских общинах Северной Италии, распространился затем и на феодальные монархии трансальпийской Европы, завоевав в конце концов все западное христианство. Влияние эллинистического призрака на западную политику проявлялось как в большом, так и в малом, захватив в результате всю общественную жизнь. Несколько поверхностный эффект заключался в пропагандировании культа конституционного самоуправления, что сказалось даже в обращении к аттическому понятию «демократия». Вызванный призрак доказал свою силу, стимулировав английскую, французскую и американскую революции. К концу XIX в. казалось, что демократия одержала в Западной Европе окончательную победу. Однако конечный идеал интернационального братства так и не был достигнут, отодвинутый тем обстоятельством, что демократия на современном христианском Западе оказалась национализированной и дегуманизированной.

Кроме того, даже во второй половине XIX в., когда, казалось бы, демократия торжествовала победу в Европе, остатки автократии все еще сохранялись в Западном мире в режиме Габсбургов в Австро-Венгрии и Гогенцоллернов в Пруссии-Германии. И хотя обе эти анахронические автократии в конце концов пали, поверженные в ходе Первой мировой войны, трансплантированная система ответственного парламентарного правительства так и не сумела там прижиться. Трагическая развязка европейской драмы, развившаяся в 1939 г., явилась шоком для либеральных сторонников парламентарной демократии. Однако исторически это была реанимация абсолютистского призрака, таившегося в сердцевине западного общества, с тех пор как он впервые был вызван из эллинистической могилы одиннадцать веков назад. В настоящее время есть некоторые основания полагать, что с призраком покончено. Образ единства не утратил своей привлекательности, но решение объединиться через добровольную кооперацию в системе Европейского экономического сообщества представляет собой разрыв с кармой прошлого.

В незападном мире также можно наблюдать соответствующие ренессансы в политическом плане. Призрак Римской империи — универсального государства эллинского общества — вызывался и православными христианами, и западнохристианским эллинистическим обществом. В православном христианстве этот рывок был совершен столь мощно, что общество надломилось.

Перейдя от политики к праву, начнем обзор ренессансов с западной истории. Мы видели, что после того, как постэллинистическое междуцарствие в политическом плане заявило о себе расколом целостной Римской империи на мозаику государств-последователей, появление двух новых эллинистических христианских цивилизаций политически выразилось в попытках возродить павшую империю. Римское право, которое постепенно и тщательно разрабатывалось в течение десяти веков вплоть до поколения Юстиниана, с крахом Римской империи быстро вышло из употребления.

За разложением и смертью последовало появление новой жизни, что скоро проявилось как в правовом, так и в политическом плане. Однако как нарождающееся православие, так и западное христианство не сделали даже попытки возродить систему римского права. Каждое из этих обществ, демонстрируя искреннюю преданность своей религии, пыталось создать для христианского народа особое христианское право. Однако первоначальный импульс вскоре иссяк, и наступил ренессанс сначала закона Израилева, присутствовавшего в христианстве как часть еврейского письменного наследия, а затем и Кодекса Юстиниана, адекватность которого возрастала по мере взросления новых цивилизаций.

римскую правовую историю, законотворцы показали себя истинными православными христианами, признавая, что ни один закон не может быть обоснован иначе, как через участие Бога. Иными словами, они свято верили в «божественную догму» как правовую основу.

Другая великая правовая школа, прошедшая тем же путем заката и возрождения, — школа исламского права. Арабский шариат халифата был частично заменен варварскими кодексами в тех частях Исламского мира, которые оказались под монгольским и оттоманским правлением², оставаясь в полной силе лишь в египетской империи мамлюков. Однако, когда Оттоманская империя стала расширяться в густонаселенные земли, где арабский язык и шариат никогда не теряли своей силы, шариат стал возрождаться и устанавливаться во всех обширных оттоманских владениях. Полная кодификация, предпринятая в XVI в. по приказу султана Сулеймана I, сохранялась затем в качестве основы оттоманского права вплоть до современных реформ XIX в.

Итак, нам осталось рассмотреть ренессансы философии. В ином контексте мы уже наблюдали, как конфуцианские ученые, пережившие исчезновение ханьского воплощения китайского универсального государства и окончательно закрепившие за собой монополию имперской государственной службы, после того как династия Суй восстановила империю Хань, сохранили этот статус и при последующей династии. Совершив столь замечательное возрождение в сфере государственной службы, конфуцианцы одержали одновременно победу над даосскими и махаяно-буддийскими соперниками. Восстановление в 622 г. официальных экзаменов по конфуцианской классике как метода отбора кандидатов на императорскую государственную службу³ означало, что даосы и буддисты явно проигрывают, ибо конфуцианцы были, конечно же, лучше подготовлены. Контраст между политическим поражением махаяны в период междоусобицы и политическим успехом христианской Церкви, когда она в постэллинские времена использовала буквально каждый шанс, чтобы возвыситься в Западной Европе, подтверждает тот факт, что махаяна — по крайней мере в сравнении с христианством — политически несостоятельна. Несмотря на патронат местных царей Северного Китая в период от надлома империи Цзинь и 316 г.⁴ до реставрации при династии Суй в 589 г., махаяна так и не смогла дать из своей среды дееспособных политиков. Однако, как только соперничество между махаяной и конфуцианством перешло из чуждого им политического плана в духовный, роли их самым драматическим образом переменились.

Конфуцианцы пошли на риск смены ролей, попытавшись свой политический триумф на государственной службе повторить в сфере

духовной, реанимируя наследие, скрытое в книжном каноне. Процесс реконструирования философии из предмета, по которому они сдавали экзамен, начал неоконфуцианский мыслитель Хань Юй (768–824)⁵. Неоконфуцианство началось и закончилось нападками на даосизм и махаяну, однако на деле оно впитало в себя наиболее фундаментальные заповеди этих соперничающих школ религиозной мысли. Даосская космология Инь — Ян вошла в систему неоконфуцианства, а школа Чань (Дзен) махаяны оказала наиболее мощное влияние на постбуддийское конфуцианство⁶. Неоконфуцианство, таким образом, взяло у махаяны метафизический элемент, которого ему всегда недоставало. И хотя в некоторых отношениях оно пыталось восстановить подлинный дух конфуцианства, возрождение которого и было его первоначальной целью, такие попытки тем не менее оказались слабыми и робкими по сравнению с усердием буддизма махаяны, не прекращавшего заниматься философией, первоначально предназначенной для возрождения добуддийской идеологии. Таким образом, дух махаяны захватил неоконфуцианский философский ренессанс, а попытки императорских конфуцианских чиновников изгнать экзотическую махаяну оказались обреченными на провал. Махаяна еще более окрепла в воссоединенной и социально более развитой империи.

Конфуцианская попытка подавить и по возможности ликвидировать махаяну в Китае оказалась неудачной. Однако, даже если бы махаяна и была разрушена одиннадцать веков назад, эта бесславная политическая победа оказалась бы в результате сильно обесцененной уступками неоконфуцианцев, позволивших увлечь себя в метафизические сети. Как мы видели, лидеры неоконфуцианства поддались влиянию махаяны еще до начала великих преследований 842 г.⁷, а элементы изысканно китаизированного чань-буддизма продолжали и после этого проникать в неоконфуцианский интеллектуальный канон.

Можно вывести общую мораль из исторических примеров, свидетельствующих о попытках превратить призраки мертвых идей в живые идеи или институты. Некрофил может вызвать призрак, но его ждет неудача, если он станет отождествлять его с самим собою. Ведь призрак бесплотен и незрим, и тщетны попытки живого существа укрыться за ним. Так и форма махаяны видна сквозь слабое мерцание неоконфуцианства.

С другой стороны, если проследить ренессанс эллинской философии Аристотеля в западнохристианской истории, то мы увидим иной сюжет. Конфуцианство подчинилось религии, которая с официально конфуцианской точки зрения императорского режима была чужим и непрошеным пришельцем; неоперипатетизм проник в теологию, считавшую Аристотеля — даже Фома Аквинский обычно

ссылался на него как на «философа» — язычником, к которому следует относиться с подозрением и осторожностью. Фактически же призрак эллинского философа завоевал христианскую Церковь, он проник в ее лоно, наполнив собою богословие. Призрак китайского философа, напротив, был завоеван махаяной, которую конфуцианцы хотели изгнать из Китая, упорно считая только себя хозяевами страны. Таким образом, общее у этих двух историй с призраками сводится к тому, что более сильной оказывается сторона, не находящаяся у власти: именно на этой стороне и происходит ренессанс идей.

РЕНЕССАНСЫ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Ренессанс литературы и искусства сильно отличается от аналогичных процессов в области права и политики. Художественный стиль в отличие от системы правления или правовой системы формируется не как отражение конкретных запросов и насущных нужд, возникающих в данном пространстве и в данное время. Без сомнения, социальная среда оказывает существенное влияние на форму и содержание произведения искусства. Художник в этом смысле является узником своего века и своего сословия. Однако субъективный опыт подсказывает, что элемент произвольности и непредсказуемости в изящных искусствах затрудняет точные определения и классификации, сколь бы тщательным ни был анализ. Искусство опосредует человеческие восприятия и рефлексии таким образом, что значение его интуиции и прозрений не ограничивается локальными обстоятельствами исторического времени и пространства, в которых оно рождено. Хотя произведение искусства вписывается в исторический контекст через определенный стиль и предметы — и это зачастую воспринимается как наиболее безошибочный признак тождества с социальной средой, — тем не менее сущность того, что мы называем искусством, остается неисповедимой и непознаваемой тайной, истинный смысл которой совсем не зависит от эпохи, ее породившей.

Изящные искусства, таким образом, соединяют и примиряют логически несовместимые категории необходимости и свободы. Именно эта двойственность и содержит секрет влияния литературы или произведений изобразительного искусства на жизнь общества. Эта магическая сила обладает способностью становиться еще действеннее в жизни сыновне родственного общества, куда проникает призрак искусства отцов. Эстетический стиль, в определенном смысле изначально произвольный, оказывается вдвойне произвольным,

когда он возрождается в чужой социальной среде, где уже народился свой собственный стиль. У представителей местного эстетического стиля, как правило, мало аргументов в споре с пришельцем. Ни один художественный стиль не может апеллировать, подобно системе власти или права, к общепринятой практике решения местных социальных проблем. Он не может также апеллировать к естествознанию или технологии, претендующим на единственно рациональную интеграцию знания в той или иной области. Спор между своим и чужим в искусстве может разрешиться выяснением одного вопроса, удовлетворяет ли данный стиль духовным потребностям общества? Достоинства сторон взвешиваются на весах вечных и всеобщих ценностей. При подобных условиях ставки выравниваются. Пришелец из прошлого имеет равный шанс на успех с живым стилем современности.

Живой язык имеет свою собственную жизнь, отличную от жизни литературы, для которой он служит посредником. Являясь одним из условий возникновения литературы, язык может развиваться и своим собственным путем, как средство устной человеческой речи, независимо от развития письменности. Первоначальная связь между языком и литературой обращается в свою противоположность, когда литература и язык воскресают из мертвых, ибо призрак языка может посетить живой мир только как паразит на призраке литературы. Касаясь ренессанса языка и литературы, нельзя отделять одно от другого. Тяжкий труд изучения мертвого языка в принципе возможен только благодаря наличию памятников литературы, написанных на этом языке. Литературный ренессанс, стало быть, сводится не к тому, чтобы научиться говорить на мертвом языке, а к тому, чтобы научиться на нем писать.

Первый шаг в этом многотрудном деле — восстановление памятников «мертвой» литературы; второй шаг — изучение их, толкование; третий шаг — создание подделок, которые могут выглядеть как пародии, если они не озарены мощным светом вдохновения и преклонения перед авторитетом оригинала. Если проследить последовательность этих ступеней, то можно убедиться, что стадии пересекаются и что каждая стадия отличается от других не только хронологически.

В самом начале литературный ренессанс предстает как результат труда коллективного, а не индивидуального. Типичный памятник литературного ренессанса этой ступени — антология, тезаурус, свод, словарь или энциклопедия. Труды эти, как правило, создаются учеными по указанию государя. Августейший покровитель коллективных трудов такого рода — это обычно правитель возрожденного универсального государства, которое само по себе является продуктом ренессанса в политическом плане.

Самыми активными собирателями и издателями сохранившихся произведений «мертвой» классической литературы были, пожалуй, императоры последовательно возрождавшихся китайских универсальных государств. В сравнении с их трудами заслуги в этой области императора Константина Багрянородного (912—959) выглядят куда скромнее, хотя по другим стандартам его собрание и классификация сохранившихся памятников эллинской классической литературы могли бы считаться значительным вкладом в науку⁸.

В более второстепенном деле толкования смыслов антологизированной литературы китайская ученость также оставляет всех позади. По крайней мере три известные энциклопедии китайского знания были составлены в эпоху правления династии Тан и четыре — Сун. В эпоху Мин и маньчжурского завоевания их использовали как базу для еще более полного собрания китайской лексикографии. Византийские ученые также не пренебрегали подобными занятиями, но ни один из них не может сравниться по широте охвата материала и по учености с китайскими исследователями.

Следующая ступень в развитии литературного ренессанса — это подделки под классическую литературу. Здесь пальма первенства должна быть отдана группе византийских ученых-историков, которые начиная с XI в. избрали посредником литературного возрождения устаревший аттический диалект койне.

Если бросить общий взгляд на китайский, православный и западный ренессансы классических языков и литератур, легко заметить, что китайский и православный ренессансы схожи между собой, однако от западного они отличаются в двух отношениях. Во-первых, каждое из двух незападных движений успешно и последовательно продвигалось вперед, не зная перерывов, тогда как западный литературный ренессанс, имевший место в Италии в XIV—XV вв., был предвосхищен неудачным ренессансом в Нортумбрии в VIII в.⁹ Во-вторых, контрдвижение, положившее конец каждому из двух незападных ренессансов, не было порождено соперничавшей местной культурой. В китайском мире и православном христианстве общество даже не пыталось изгнать призрак. В этих случаях чужеродный пришелец был изгнан другим чужаком, явившимся в обличье Западной цивилизации, которая захватила православие в XVII в., а Китай — на рубеже XIX—XX вв. В отличие от этого современный западный ренессанс эллинской литературы прекратился к концу XVII в. благодаря внутреннему вдохновению, охватившему местную западную литературу, за чем последовала решительная победа антиэллинской «контрреволюции».

Неудачная попытка первого литературного ренессанса эллинизма в западном христианстве произошла одновременно с рождением самой Западной цивилизации. Островным пророком этого движения

в Нортумбрии был Беда Достопочтенный (ок. 675—735). Континентальным апостолом возрождения в Каролингии был Алкуин Йоркский (ок. 735—804), начавший возрождать эллинизм в его греческих и латинских одеяниях. Алкуин мечтал возродить призрак Афин при поддержке Карла Великого¹⁰. Однако видение исчезло, не успев родиться, и когда семь столетий спустя оно снова возникло в узком кругу гуманистов, то оказалось весьма призрачным и эфемерным, как, впрочем, и положено быть тени.

Иллюзорное сходство с реальной основой, которое демонстрировал этот призрак при своем втором появлении, несколько извиняет гуманистов за их слепую веру в то, что сбывается мечта Алкуина. Это заблуждение можно было бы оправдать в том случае, если бы искреннее убеждение гуманистов, что Западная цивилизация и эллинизм представляют собой два лика одной сущности, доказало свою истинность.

Подобное предположение гуманистов есть одна из заповедей некроманической идеологии. Мотивом эвокации призрака является желание изменить мировоззрение и поведение современников. Если желанных изменений не происходит, то и эвокация бесполезна. Мера некроманического успеха — это степень, в какой изменяется предыдущий курс. Однако всегда следует помнить, что призрак, вызываемый из прошлого, не путеводный маяк, а всего лишь обманчивый блуждающий огонек, способный сбить с проторенного пути; и поэтому польза от него возможна лишь тогда, когда, сбившись с пути, человек или общество способны вновь нащупать свою главную дорогу. В этом состоит смысл западного литературного ренессанса эллинизма, нашедшего широкий отклик в умах, отзвуки которого слышатся до сих пор.

Призрак эллинизма, изгнанный из Европы к концу XVII в., то есть через каких-нибудь два или три столетия после своего посещения Западного мира, оказал к тому времени столь сильное воздействие на общество, что мы с полной уверенностью можем сказать, что глубокий след ренессанса заметен и по сей день.

Культурная гражданская война против эллинизма развернулась в XVI в. Начатая Боденом, она была с еще большей смелостью продолжена Бэконом и Декартом, а окончательно победу одержали Фонтенель во Франции и Уильям Уоттон в Англии¹¹.

Многочисленные энциклопедии, которые с 1695 г. неоднократно издавались и переиздавались на Западе, все увеличивая свои объемы и все сокращая интервалы между переизданиями, как могли принижали мудрость эллинов, безмерно возвышая достоинства западных достижений в новейших областях знаний. В математике, естествознании и технологии западные претензии на первенство, возможно, вполне обоснованны. Что же касается эстетики, морали

и религии, то есть сфер, где неприменимы понятия прогресса и новизны, весьма сомнительно, чтобы западный Фауст был признан более достойным божественной благодати, чем эллинский Прометей. Однако одно совершенно неоспоримо: в конце XVII в. Западный мир вышел из-под влияния призрака эллинизма.

Можно ли указать какую-либо определенную черту, позволившую Западу освободиться от призрака прошлого без посторонней помощи, но не проявившую себя подобным образом в Китае и православии? По крайней мере одну такую черту мы уже обнаружили. На Западе наблюдалась прерывность попыток возрождения эллинизма, тогда как в православии и Китае процесс имел непрерывный характер. Интервалы в западном литературном ренессансе позволяли свободно развиваться местным литературам. Западная поэзия на местных языках противопоставлялась эллинской традиции, вводя тоническое стихосложение, основанное на ударных слогах, что характерно для романских и тевтонских языков Западной Европы. Западнохристианский тонический стих обогатился также принятием арабского ритмического типа стихосложения. Революционный переворот был подкреплён успехами провансальских трубадуров. Впоследствии Данте в «Божественной комедии» предпочёл рифмованные терцины латинскому гекзаметру. Сделав этот исторический выбор, Данте сумел выразить дух своего времени, соединив приемы местной поэзии с культом возрожденного эллинистического наследия. Он сумел стать одновременно представителем и ренессанса, и новой жизни. Его способность достичь столь удивительной творческой гармонии в некоторой степени объясняется тем счастливым фактом, что в Италии на рубеже XIII–XIV вв. влияние возрожденной эллинской культуры не было тотальным.

Средневековая латинская поэзия, написанная между XII и XV вв., производит впечатление местной поэзии, маскирующейся в латинские одеяния. Хотя слова латинские, но ритм, рифма, чувство и дух — уже не латинские, а местные. Итальянские гуманисты XV в., с усердием и педантизмом возрождавшие эллинизм, владели латынью столь совершенно, что их стихи можно было перепутать с поэзией Лукиана или Овидия. Однако они тем самым просто убили местную поэзию на латыни, не достигнув своей главной цели — вытеснения свободно развивавшейся поэзии на местном языке классической латинской поэзией. Как ни парадоксально, но за изящным искусством классической верификации гуманистов последовал не закат местной западной литературы, а новый ее взлет, легко затмивший своим сиянием академические упражнения гуманистов.

В XIX в., когда греко-православное чувство презрения и враждебности к Западу сменилось восхищением и подражательством, можно было ожидать, что одним из первых плодов этого культурного

процесса будет освобождение новогреческого языка от мертвой руки эллинизма, возрожденного в греко-православном христианстве до того, как оно вступило в контакт со своей сестрой на Западе. Однако, к сожалению, греки отравились ядом национализма из того же самого западного источника. Следствием этого явилось укрепление в сознании греков идеи, что их язык является прямым потомком древнегреческого, а Православно-христианская цивилизация дочерне родственна Эллинской цивилизации. Эта не совсем точная интерпретация исторических фактов завела греков в сети лингвистического архаизма. Они стали искусственно пополнять свой родной язык аттической лексикой, усложнять его грамматические правила и нормы. Таким образом, в лингвистическом и литературном плане «восприимчивость» греков к западной культуре привела к парадоксальному результату закабаления, а не освобождения живого греческого языка.

В Китайском мире популярная литература, написанная на разговорном живом языке, также выросла на руинах классического языка и литературы. Однако авторитет лингвистической и литературной классики в Китае был чрезвычайно устойчив и постоянно укреплялся тем, что классический язык и стиль были официальными посредниками образования и администрации. В силу этого расцвет местной литературы тормозился даже самими авторами; она считалась вульгарной и презираемой. Права местной китайской литературы были восстановлены лишь в 1905 г., когда были упразднены экзамены по китайской классической литературе для поступления на государственную службу. Живой *lingua franca* «мандаринов», на котором развивалась местная литература, стал претендовать на статус законности, когда упразднили обязательность мертвого языка конфуцианской классики.

Перейдя к изобразительным искусствам, можно заметить, что ренессанс этой области — относительно общий феномен. Среди наиболее известных примеров — возвращение к аккадскому стилю барельефов в IX—VII вв. до н. э., когда возрожденное аккадское искусство стало с величайшим успехом распространяться в Ассирии¹²; возрождение в X—XII вв. в миниатюре эллинского стиля изготовления барельефов, среди которых наиболее впечатляющими образцами были аттические шедевры V и IV вв. до н. э., на византийских диптихах, которые делались не из камня, а из слоновой кости¹³. Эти художественные ренессансы, однако, ни по размаху, ни по беспощадности уничтожения предшествующих стилей несопоставимы с ренессансом эллинистического изобразительного искусства в западном христианстве. Эвокация призрака эллинского искусства имела место в архитектуре, скульптуре и живописи. Во всех этих областях ренессанс утвердился до такой степени, что, когда эпоха

его закончилась, западные художники оказались в растерянности и долго еще не знали, как поступить с вновь обретенной свободой.

Местный гений был парализован во всех трех сферах изобразительного искусства. Однако самым необычным оказался триумф эллинистического ренессанса в скульптуре. В этой области французские произведения XIII в., исполненные в оригинальном западном стиле, достойны сравнения с шедеврами эллинистической, древнеегипетской и махаяно-буддийской школ периодов их расцвета. В области живописи, напротив, западные художники не сумели сбросить с себя опекунство более зрелого православного искусства; а в области архитектуры романский стиль — который самим названием указывает, что он наследник последней фазы Эллинистической цивилизации, — уже был перекрыт распространяющимся новым «готическим» стилем, который независимо от своего неверного названия на самом деле пришел из Сирийского мира.

Готическая архитектура, уже давно выйдя из моды в Северной и Центральной Италии, продолжала развиваться в Северной Европе до первой четверти XVI в. В Италии она не сумела столь решительно, как в трансальпийской Европе, заменить собой романский стиль. Италия была мостом, по которому чужое влияние, извлеченное из умершего эллинистического прошлого, впервые попало на западную почву. Последовательные этапы продвижения в архитектуре эллинистического стиля, вытеснявшего как романский стиль, так и готический, можно проследить в истории строительства кафедрального собора Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции в 1296—1461 гг. Решение флорентийцев от 1294 г. снести средневековый кафедральный собор, чтобы возвести на его месте новое сооружение, воспринимается как символический акт воинственного наступления эллинизаторов на господствовавший средневековый стиль. Кульминацией этой длительной архитектурной драмы была победа Филиппо Брунеллески (1377—1446), отстаивавшего в публичной борьбе свой проект купола для нового собора, в котором были использованы секреты поздней эллинистической архитектуры.

Купол Брунеллески произвел сильное впечатление на воображение Западного мира. В течение четырех столетий после Брунеллески, когда его последователи исчерпали все ресурсы возрожденной эллинистической техники, цель их технических нововведений сместилась в сторону усиления эстетических достоинств. Местный романский и иностранный готический стили угасли задолго до того, как были исчерпаны запасы эллинистического рога изобилия.

Сила влияния эллинистического ренессанса на западный гений прослеживается и в тех трудностях, с которыми встретилось распространение достижений промышленной революции. Промышленная революция принесла Западному миру несравненно более удобный

строительный материал, предложив металлические балки. Однако западные архитекторы XIX в. упорно продолжали придерживаться классического и готического стилей, избегая в своих конструкциях металл. И лишь значительно более позднее поколение архитекторов открыло для себя всю широту возможностей применения стальных конструкций, освобождающих творца от строгих норм классического или же готического образца.

Если в области архитектуры художественный гений Запада столь долго находился под влиянием эллинистического ренессанса, то в не меньшей мере это сказалось и на живописи или скульптуре. Со времен Джотто (1266—1337), то есть более чем полтысячи лет, современная западная школа живописи, бесспорно, придерживалась натуралистических идеалов эллинского изобразительного искусства, его постархаического периода. Изобразительное искусство тщательно разрабатывало множество различных способов передачи света и тени, пока наконец эти затянувшиеся попытки, имеющие своей целью приближение к фотографическому эффекту с помощью художественной техники, не были прерваны неожиданным изобретением самой фотографии. Таким образом, когда наука выбила почву из-под ног художников, некоторые из них обратились в поисках дорафаэлевского стиля к византийскому искусству. Другие выработали принципиально новый подход, также открытый достижениями науки. От фиксации визуальных впечатлений они обратились к поискам художественных способов передачи духовного опыта. Аналогичное движение охватило и скульптуру.

Таким образом, к моменту написания этих строк влияние ренессанса эллинизма на западный гений утратило свою силу во всех областях изобразительного искусства. Однако трудность и длительность лечения показывают, сколь серьезным и глубоким было вмешательство.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕНЕССАНСЫ

В области религии классический пример дает иудаизм в его многовековом победоносном самораскрытии нежелательного, хотя и неистребимого присутствия внутри христианства. Отношение христианства к иудаизму евреями воспринимается с горькой ясностью, а для христианского сознания оно всегда было озадачивающе двусмысленным. В понимании евреев христианская Церковь была сектой отступников, воспринявших ложное учение заблуждающихся, хотя и идеалистически настроенных галилейских фарисеев. Христианизация эллинистического мира для них казалась не божественным чудом, а языческой уловкой, ибо успех этот был достигнут

богословская война на внешнем фронте вновь вспыхнула в VI—VII вв. как результат пуританского самоочищения, начавшегося в конце V в. в палестинской еврейской общине. Местная реакция еврейства, направленная против распущенности внутри своей общины, допускаящей под влиянием христианства изображения в синагогах животных и даже изображения людей, была лишь эпизодом в длительной христианско-иудейской борьбе. Если посмотреть на череду разногласий между христианскими иконопочитателями и христианскими же иконоборцами, невольно поражаешься упорству и размаху борьбы. С самого начала, с момента победы христианской Церкви над языческим режимом императора Диоклетиана, мы видим, как конфликт, вспыхнув, почти ни разу не угасал полностью, продолжаясь из века в век в течение всей христианской эры.

Исторические свидетельства подтверждают витальность иконоборческого движения как в центре, так и на окраинах христианства в течение четырех столетий, вплоть до того момента, когда византийский император Лев Исавриец сам присоединился к нему; и они объясняют также, как случилось, что в православном христианстве этот призрак иудейской иконофобии смог столь резко самоутвердиться. В 726 г., когда началась кампания разрушения образов, это уже была не эвокация призрака из мертвых, потому что призрак к тому времени был успешно вызван и витал в течение нескольких столетий. Это был удобный случай дать призраку завладеть сознанием своей жертвы.

Ренессанс иудейской иконофобии в православном христианстве похож на литературный ренессанс эллинизма на Западе. Он наступал двумя волнами: в 726—787 и 815—843 гг. Между активными фазами был период временного затишья. Предчувствием поражения, например, наполнено компромиссное соглашение, заключенное в 843 г., когда наконец на театре действий этого пятивекового конфликта наступил продолжительный мир.

Но это соглашение не явилось окончательным решением вопроса. Временное восстановление иконопочитания в православном христианстве решением Никейского Собора 787 г. вызвало несогласие и протесты в землях Карла Великого¹⁴. И хотя официальный протест был отклонен папой Адрианом I (772—795), не поддержавшим предложения Карла Великого объединить усилия против актов второго Никейского Собора, взрыв в Европе все-таки произошел, хотя и намного позже. Этот взрыв разразился в XVI в. в виде взлета ориентированной на Ветхий Завет иконофобии в Германии. И был он не менее мощным, чем взрыв VIII в. в Анатолии. Исторические последствия его ощутимы до сих пор.

В протестантской реформации западного христианства иконоборчество было реализацией одной из двух фундаментальных заповедей

иудаизма, но это был не единственный призрак, вынесенный на поверхность иудейским ренессансом. Раскольники римского католичества XVI в. были охвачены, например, субботничеством. Правда, возрождение этого иудейского элемента в протестантизме объяснить куда труднее. Обязательное соблюдение суббот и других обрядов в еврейской диаспоре явилось эффективным ответом на вызов сохранения своей самобытности в условиях крайне враждебного окружения. И тем не менее феномен субботничества в Западном христианском мире нельзя отнести только на счет необычных обстоятельств еврейского рассеяния.

Главная цель протестантов заключалась в возвращении к древним обрядам первоначальной Церкви. И здесь мы наблюдаем стирание различий между практикой древней христианской Церкви и иудаизмом, что в период раннего самоутверждения Церкви было важной отличительной чертой. Так, ранняя Церковь, отделяясь от иудейства, перенесла «день Господень» с субботы на начало недели. А протестанты вдруг начали воскресенье называть «субботой», прилагая к этому дню все древнееврейские субботние табу. Могли ли «библейские христиане» не знать, что «суббота дана человеку, а не человек субботе» (Марк. 2, 27)? Могли ли они, не вникая в смысл, читать те многочисленные места Евангелий, где подчеркивается факт разрыва Иисуса с обязательностью субботних обрядов? Могли ли протестанты не заметить, что Павел, почитаемый ими выше других апостолов, отверг и отменил закон Моисея? Ответ на эти вопросы кроется в том, что, заменяя авторитет папства авторитетом Библии, протестанты реанимировали не только Новый Завет, но также и Ветхий завет. И в борьбе между двумя возрожденными силами за господство над протестантской душой победу одержал дух иудаизма.

Таким образом, ренессанс субботничества стал впечатляющим свидетельством неослабевающей силы призрака, который не прекращал сеять смуту с самого момента своего появления.

Хотя ренессанс элементов иудаизма в христианстве впечатляет, это не единственный пример проявления данного феномена в области религии. Чаше всего религиозный ренессанс принимает форму возрождения отдельных черт религии предков. Западный христианский мир пережил несколько движений этого рода, иногда ради лишь незначительных сдвигов в сторону какой-либо ортодоксальной черты. Однако время от времени вспыхивало яростное пламя, раздуваемое страстью к реформам и самоочищению. Кульминацию подобного порыва можно видеть в протестантской реформации XVI в.

Япония, пережив катастрофу Второй мировой войны, породила множество новых религиозных сект. Большинство из них основывалось на каком-то элементе, взятом из традиционного синтоизма или буддизма, приспособившая его к психологии народа, деморализованного

фактом лишения императора божественного статуса и последующим выхолащиванием официальной государственной религии. Таким образом, предпринимались попытки заполнить духовный вакуум искусственно восстановленной верой¹⁵.

Сколь бы ни расширялась пропасть между традиционной религиозной ортодоксией и текущим непосредственным опытом, она в конце концов преодолевается некоторой формой религиозного возрождения. Обветшалость религиозного учения в какой-то период может предстать как подтверждение взгляда, согласно которому религия не нужна и иллюзорна. Однако в обществе никогда не исчезает тенденция искать духовные ресурсы для своего самоутверждения через возрождение веры прошлого, — прошлого еще более далекого, чем та эпоха, когда зародилась их дискредитированная ныне вера. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, например, современная реакция на процессы загрязнения окружающей среды порой выражается в понятиях древней веры в священность Природы. Еще наши предки интуитивно чувствовали, что человек не может безнаказанно вредить Природе. А наш собственный опыт с полной очевидностью доказывает, что природный мир — это не бездонный источник, из которого человек может черпать до бесконечности, а целостная экологическая система, частью которой является сам человек и которую он не может нарушить без катастрофических последствий для самого себя.

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ВДОХНОВЕНИЕ ИСТОРИКОВ

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

Почему люди изучают Историю? Ради чего — если адресовать вопрос конкретному человеку — автор этой книги писал ее тридцать лет? Рождаются ли люди историками или становятся ими? Каждый даст собственный ответ на этот вопрос, ибо каждый опирается на свой личный опыт. Автор данного труда, например, пришел к заключению, что историк, как и все, кому посчастливилось обрести цель жизни, идет к этой цели, доверяясь зову Господа чувствовать и находить вслед за Ним (Деян. 7: 2—7).

Если ответ этот удовлетворит взыскательного читателя, возможно, он несколько прояснит и следующий из поставленных нами вопросов. Спрашивая себя, почему мы изучаем Историю, попробуем для начала определить: а что подразумевается под Историей? По-прежнему, опираясь только на личный опыт, автор попытается изложить свой собственный взгляд на предмет. Возможно, взгляд его на Историю кому-то покажется неточным или даже неверным, но автор смеет заверить читателя, что через постижение действительности он пытается постичь Бога, который раскрывает Себя через движения душ, искренне ищущих Его. Поскольку «Бога не видел никто никогда» (Иоанн. 1: 18), а наши самые ясные взгляды — всего лишь «преломленные лучи» Его, то взгляд историка не более чем одно из множества множеств существующих мнений, которыми обладают разные души с разными дарованиями и разным уровнем постижения «высоких трудов» Его. Помимо историков, есть на Земле астрономы, физики, математики, поэты, мистики, пророки, администраторы, судьи, моряки, рыбаки, охотники, пастухи, земледельцы, ремесленники, инженеры, врачи... Список, собственно, бесконечен, ибо человеческие призвания многочисленны и многообразны. Присутствие Господа в каждом из них неявно и неполно. И среди всех этих бесчисленных судеб людских и взглядов точка

зрения историка — один из возможных опытов, но, как и другие, она дополняет понимание творимого Богом для человека. История позволяет видеть божественную творящую силу в движении, а движение это наш человеческий опыт улавливает в шести измерениях. Исторический взгляд на мир открывает нам физический космос, движущийся по кругу в четырехмерном Пространстве-Времени, и Жизнь на нашей планете, эволюционирующую в пятимерной рамке Пространства-Времени-Жизни. А человеческая душа, поднимающаяся в шестое измерение посредством дара Духа, устремляется через роковое обретение духовной свободы в направлении Творца или от Него.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ФАКТОВ ИСТОРИИ

Восприимчивость

Если мы не ошибаемся в рассмотрении Истории как взгляда на божественное творение, находящееся в движении от божественного источника к божественной цели, нас не должно удивлять, что в умах существ, наделенных сознанием, История пробуждается как простое свидетельство того, что они живы. Но, поскольку Время — это вечно бурлящий поток, то ускоряющий, то замедляющий свой бег, мы ничуть не удивимся, обнаружив, что внутренняя восприимчивость человека к впечатлениям Истории остается всегда примерно на одном и том же уровне. Колебания этой восприимчивости зависят, как правило, только от конкретных исторических обстоятельств.

Например, мы не раз убеждались, что живость исторических впечатлений пропорциональна их силе и болезненности. Возьмем поколение, детство которого совпало с переходом нового западного общества к новейшему, то есть пришлось на конец XIX в. Человек, ребенком переживший Гражданскую войну в южных штатах Америки, несомненно, обладал более глубоким историческим сознанием, чем его современник, проведенный детство свое на Севере. По этой же причине француз, взрослевший в период франко-прусской войны и Парижской коммуны, переживший все взлеты и падения 1870—1871 гг., оказывался наделенным куда более острым историческим сознанием, чем любой из его современников в Швейцарии, Бельгии или Англии.

Однако История способна оказывать влияние на человеческое воображение и сквозь века, возбуждая память об ушедшем прошлом. История воздействует на восприимчивые души своими памятниками и мемориалами, названиями улиц и площадей, архитектурой, изменениями в моде, политическими событиями, традиционными праздниками, церемониями и парадами, литургиями.

Консерватизм церковных учреждений, призванный облечь в стройные формы высшие религии, несомненно, сделал их наиболее мощными излучателями впечатлений, хранилищами духа исторических событий и исторических характеров. Основная проблема, с которой сталкивались все сотериологические религии¹, — это проблема просвещения масс. И эта проблема успешно решалась через преподавание истории и передачу нравственного закона в наглядной форме. Даже в мечети, где возможности использования изобразительных искусств в целях просвещения были ограничены верностью пророка Мухаммеда второй заповеди Моисея, архитектурные линии искусно воздействовали на религиозное чувство верующих. В христианской Церкви — пока она не превратилась в молельню одной из западнохристианских сект, где вторая заповедь соблюдается с мусульманской строгостью, — пророки, апостолы и мученики помещались вокруг изображения Господа во всеоружии своих традиционных атрибутов: с крестом, мечом, колесом или книгой и пером в руке.

Нетрудно заметить, что в те дни, когда живые цивилизации сохранялись под эгидой живой высшей религии в своей традиционной форме, посещение церкви (мечети, синагоги, индуистского или буддийского храма) автоматически приобщало верующего к Истории. Образование было столь же эффективным, сколь и неформальным, охватывая самые широкие слои населения, не имевшего возможности посещать школу. Христос и его апостолы, святые и мученики, патриархи и пророки, библейская перспектива истории от сотворения через грехопадение и искупление до Страшного Суда — все это воспринималось как истинная реальность, более важная для христианских душ, чем местные светские курсы истории.

Ссылаясь чистосердечно на свой личный опыт, признаюсь, что, чем дольше живу я, тем глубже ощущаю, как счастлив я тем, что родился в ту пору Западной цивилизации, когда было нормой водить детей в церковь каждое воскресенье, что я получил классическое образование, изучая латынь и греческий в школе и университете. Во дни моего детства латынь и греческий не были еще вытеснены из системы образования западными местными языками и литературами, средневековой и современной западной историей и естествознанием.

Автоматический стимул социального окружения, в котором рождается и растет человек, и есть самый ранний и наиболее мощный источник вдохновения потенциальных историков. Однако этого оказывается недостаточно по двум причинам.

Во-первых, даже в цивилизациях третьего поколения, выросших из куколок-церквей, неформальное обучение истории при посредстве церковного института никогда не пронизывало общество до его глубин, поскольку подавляющее большинство населения

любого общества — это крестьяне. Так, к 1952 г. крестьянство составляет три четверти всего ныне живущего человечества. А крестьянству, как известно, история всегда представляется ничего не значащей сказкой, несмотря на всю ее поучительность и основательность. Крестьянство, захваченное вихрем Истории, втянутое в цивилизацию, чтобы материально обеспечить привилегированное меньшинство, и по сей день остается самым несчастным братом тех примитивных обществ, которые цивилизации еще просто не успели поглотить. В крестьянском сознании правительство всегда было таким же неизбежным и безжалостным бичом, как, например, война, чума или голод.

Таинственный отрывок Истории, к которому крестьянство могло бы почувствовать какой-то интерес, — это доисторическая эпоха, когда дочеловек стал человеком — явление по своей исторической значимости более выдающееся, чем возникновение цивилизаций. Однако это историческое событие, извлеченное на свет Божий западными археологами, антропологами и психологами не так уж давно, угасло в памяти народной еще много веков назад, и практически примитивная подпочва ныне живущих цивилизаций все еще остается абсолютно лишенной всякого исторического сознания. По сути дела, для трех четвертей населения нашей планеты и сейчас, то есть в 1952 г., История не существует. И это случилось не потому, что большинство демонстрирует меньшую восприимчивость к просвещению, но потому, что большинство до сих пор живет не по законам Истории, а в ритмах Природы.

Однако даже для меньшинства, социальное окружение которого нацелено на изучение Истории, эта предрасположенность к радиации исторического социального окружения сама по себе не является достаточной, чтобы побудить ребенка стать историком. Пассивная восприимчивость, без которой он никогда бы не стал на истинный путь, также недостаточна, чтобы достичь намеченной гавани, — для этого необходимо вдохновение и желание поднять собственные паруса.

Любопытство

Ум потенциального историка подобен самолету с реактивным двигателем. После получения первого импульса к изучению Истории, когда он узнает о ее существовании через воздействие исторически настроенного социального окружения, ум вырабатывает свой собственный следующий импульс, превращая восприимчивость в любопытство. Этот переход от пассивной к активной фазе заставляет ученика Истории взять инициативу в свои руки и далее следовать на свой риск и страх, пролагая курс в неведомые небесные сферы.

Без творческого пробуждения и любопытства даже самые известные, впечатляющие и величественные памятники Истории не произведут на воображение должного воздействия, ибо глаза, обращенные к ним, будут слепы (Исайя. 42, 20; Иер. 5, 21; Иез. 12, 12; Матф. 13, 14; Марк. 4, 12; Лука. 13, 10; Иоанн. 12, 40; Деян. 28, 26; Рим. 11, 8). Эта истина была подтверждена западным философом-путешественником Вольнеем, посетившим Исламский мир в 1783—1785 гг. А в 1798 г. целая группа ученых воспользовалась приглашением Наполеона сопровождать экспедиционные силы в Африке. В отличие от этих бесстрашных людей науки ни сам Наполеон, ни его армия не были влекомы в Египет зовом Истории. Движущими силами захватчиков был варварский непокой и честолюбие. Однако Наполеон сознавал, что прикоснулся к струне, звук которой способен тронуть даже невежественное сердце самого грубого солдата. Поэтому перед решающей битвой он счел нужным обратиться к армии со следующими словами: «Солдаты, сорок веков взирают на вас», — имея в виду пирамиды, открывшиеся взору во время их марша на Каир. Можно быть уверенным, что Мурат-бей, командующий вооруженными силами мамлюков, и не подумал подбодрить своих нелюбознательных товарищей аналогичным напоминанием.

Французские ученые, посетившие Египет вместе с войсками Наполеона, обнаружили новое измерение Истории, которое должно было удовлетворить западное любопытство. Научный интерес той эпохи сосредоточился прежде всего на классических языках и литературе Эллинской цивилизации. 1798 год принес неожиданную победу. Были обнаружены истоки своего собственного культурного наследия. После вторичного освоения под новым углом зрения латинской и греческой классики западные ученые стали осваивать арабскую и персидскую классику исламского общества, китайскую классику дальневосточного общества, санскритскую классику индустского общества, и, не удовлетворившись изучением древнееврейских оригиналов Библии, которую христианская Церковь разделяла с иудейской диаспорой, западные ученые к тому времени освоили также древнеиранский язык писаний парсийского зороастризма. Таким образом, будучи обладателями всех богатств прошлого, которые сохранялись в культурном наследии живых цивилизаций, западные ученые принялись откапывать скрытые богатства, тысячами находившиеся под землей, преданные полному забвению.

Это было мощным интеллектуальным прорывом, ибо давным-давно нарушилась непрерывная цепь традиции и не было того, кто мог бы посвятить новообращенного в ее тайны. Без сторонней помощи ученые должны были расшифровывать забытые письмена и открывать структуру, словарь и значение мертвых языков, мертвых в прямом смысле этого слова в отличие от латыни и санскрита,

которые называются мертвыми, ибо вышли из речевого употребления, но тем не менее продолжают использоваться в литургии и классической литературе. Постигание Древнеегипетской цивилизации западными учеными, начавшееся в 1798 г., было, таким образом, значительно более существенным достижением в развитии современного западного исторического интереса, чем итальянский ренессанс латинской и греческой литературы XIV—XV вв. Сегодня известно не менее одиннадцати умерших цивилизаций — Древнеегипетская, Вавилонская, Шумерская, Минойская, Хеттская, а также индская культуры и культура Шан в Старом Свете и Майянская, Юкатанская, Мексиканская и Андская цивилизации в Новом Свете. В течение жизни моего поколения было сделано четыре замечательных открытия: Индская культура, культура Шан, Хеттская и Минойская цивилизации. И следует признать, что это заметно продвинуло наши знания и понимание Истории.

Разумеется, это не вершина и не граница достижений западных интеллектуальных первопроходцев. Их успех не мог не заразить любопытством те незападные народы, которые еще полтора века назад, во дни Вольнея и Наполеона, жили и работали под сенью памятников прошлого, не обращая на них никакого внимания. В 1952 г. японские, китайские, египетские и турецкие филологи, историки и археологи трудились рука об руку с западными энтузиастами на полях, уже «готовых к жатве» (Иоан. 4, 35; Матф. 9, 37—38; Лука. 10, 2). Поразительные успехи и достижения ученых не только не замыкали их в своей среде, но и, возбуждая интерес к науке, все более расширяли круг любителей-непрофессионалов.

Популярность археологии в наши дни стала столь широкой, что даже газетчики не проходят мимо ее открытий, давая читателям подробную информацию с мест раскопок. Открытие 4 ноября 1922 г. гробницы Тутанхамона (1362—1352 до н. э.) произвело в Англии почти такой же фурор, как рождение белой медведицей медвежонок в зоологическом саду в 1950 г. В наши дни, когда занятия греческим отодвинуты официальной школой на задний план, Англия остается единственной страной, где наблюдается рост числа желающих изучать греческий и латынь среди детей, а всеобщий интерес к классической истории и литературе стимулируется все возрастающим числом переводов, качество которых также неуклонно растет.

В сознании автора героическим примером ответа непобедимого любопытства на вызов терзающих душу обстоятельств всегда был Генрих Шлиман (1822—1890). Началось это с того памятного дня в Уинчестере, когда автор мальчиком слушал лекцию своего учителя М.Дж. Рендалла, который, рассказывая об «Илиаде», останавливался и на выдающихся событиях этой романтической жизни. Родившись за год до смерти Шлимана, автор этих строк не мог, таким

образом, быть знакомым с этим героем Истории, но зато он имел счастье лично знать двух его младших современников.

Г.У. Бэйли (р. 1899), всемирно известный филолог, в 1952 г. профессор санскрита в Кембридже, детство свое провел на ферме в Западной Австралии. Трудно себе представить менее подходящее окружение для будущего ученого — специалиста в области восточных языков. Суровость целинных, недавно освоенных земель не располагала к сказкам и легендам. И как небесный дар воспринял мальчик книги. На западноавстралийской ферме появились семитомная энциклопедия и четыре учебника по французскому, латыни, немецкому, греческому, итальянскому и испанскому. Позднее мальчик увлекся арабским и персидским языками, однако персидский взял верх и перешел затем в интерес к санскриту.

Это была первая искра, разжегшая любопытство Бейли. В 1943 г. скромный ученый рассказывал мне, как семья добродушно и в то же время с некоторым удивлением посматривала на него, когда в полдень после полевых работ он зубрил на сеновале восточную грамматику. Достигнув университетского возраста, молодой ученый осознал, что он у определенного предела и дальше изучать восточные языки самостоятельно, опираясь только на книги, вряд ли возможно. Каков же был его следующий шаг? В то время в университете Западной Австралии восточные языки не преподавались. Оставалось ехать в Западную Европу или Северную Америку. Бейли решил усовершенствовать латынь и греческий, для чего поступил в местный университет, где получил стипендию, а вскоре и возможность поехать в Оксфорд для углубленного изучения восточных языков.

Однако даже в Кембридже не оказалось кафедры, которая могла бы оказать помощь в изучении хотанского языка², — языка, родственного персидскому и санскриту. Этот язык был открыт западными учеными, пока Бейли на сеновале в Западной Австралии изучал «Авесту». Но именно этот язык стал тем полем деятельности, на котором позже Бейли продемонстрировал свои блестящие возможности исследователя и ученого.

Опыт Бейли в некоторой степени перекликается с опытом другого современного исследователя, специалиста по современной истории Дальнего Востока Ф. С. Джоунса. Будучи аспирантом, Джоунс случайно обнаружил в университетской библиотеке собрание книг по истории Дальнего Востока, подаренных некогда университету Ф. В. Диккенсом, англичанином, служившим в 1866—1870 гг. военным врачом в Китае и Японии, а впоследствии преподававшим в университете японистику. Пыль, покрывавшая книги, сказала молодому ученому, что он был первым, проявившим к ним интерес; и эта покинутая всеми стопка книг оказала решающее воздействие на интеллектуальные искания молодого человека. Не отказываясь от

своей постоянной академической работы, Джоунс с тех пор систематически занимается Дальним Востоком. Это стало предметом его личного интереса. Воспользовавшись помощью фонда Рокфеллера, он поехал в Китай и провел там около двух лет — с осени 1935 до лета 1937 г., изучая китайский язык в колледже китайских исследований в Пекине и даже путешествуя по стране, несмотря на то что в Китае в то время были большие беспорядки. В конце 1937 г. он поступил на дальневосточное отделение Королевского института международных отношений в Лондоне, откуда вернулся в свою альма-матер в Бристол. Я работал с ним в течение четырнадцати лет и ни разу не замечал, чтобы у него хоть на время пропал интерес к любимому предмету.

Должен сказать, что и моя душа была в свое время опалена тем же огнем. Я никогда не забуду памятное зимнее утро начала 1898 г., когда в лондонской квартире моих родителей появилось на книжной полке четыре тома в одинаковых переплетах. Это была серия Фишера Унвина «История наций». Я имел вполне благоприятное окружение, для того чтобы сознание мое проснулось на рубеже девяти-десяти лет и призвало меня стать историком. Моя мать была историком. Я хорошо помню, как она писала в 1898 г. «Невыдуманные рассказы из шотландской истории», и помню восторг, охвативший меня, когда я взял в руки книгу с яркими картинками. Мать написала эту книгу, чтобы оплатить долг няне, которая присматривала за мной, когда мне было четыре или пять лет. И хотя мне было жаль расставаться с няней, я был вознагражден тем, что больше времени стал проводить с матерью. Каждый вечер, когда мама укладывала меня спать, она рассказывала мне историю Англии до битвы при Ватерлоо. Я был очень восприимчив к родной истории, но то памятное утро произвело решающее воздействие на мое дальнейшее интеллектуальное становление. Ибо открытие сияния древнеегипетского и вавилонского светил вывело меня из состояния Инь и привело в динамику Ян, пробудив неугасающее любопытство. И это продолжается более пятидесяти четырех лет.

Шхуна вышла в открытый океан (в детстве я как-то убежал на берег моря, но няня догнала меня и вернула домой; теперь уже не было няни, чтобы вернуть меня из предпринятого интеллектуального путешествия в океан Истории). В школе любопытство мое было подогрето знакомством с опытом Геродота, отправившегося в Ахеменидскую империю, и я стал изучать разновидности христианства в Грузии и Абиссинии. Университет открыл мне новый мир Дальнего Востока и Великой евразийской степи. Когда я сдал последние экзамены, мое любопытство увлекло меня в театр красочной эллинской истории — я стал сотрудником Британской археологической школы в Риме и Афинах. Там я сделал открытие тогда

еще живого Османского мира. Это дало мне место в турецкой секции иностранного отдела британской делегации на Парижской мирной конференции 1919 г. Между первой и второй мировыми войнами мое любопытство подтолкнуло меня к интенсивным занятиям международными отношениями. Это расширило мой кругозор. Но чтобы добавить еще одно измерение к своей интеллектуальной вселенной, я вместе с К.Г. Юнгом совершил погружение в бездну Подсознательного. После Второй мировой войны то же неумное любопытство завлекло меня в область экономики. Я стал исследовать производственные циклы, надеясь, что это позволит мне лучше понять зависимость между Законом и Свободой в Истории. А 15 сентября 1952 г., перевалив на вторую половину шестидесяти четвертого года жизни, я ощутил, как подступающее Время еще настойчивее толкает меня в путь на поиски новых миров.

В этом возрасте меня вдохновил пример историка, банкира и государственного деятеля Георга Грота (1794—1871), который за два года до завершения последнего заключительного тома своей двенадцатитомной истории Греции увлекся новой работой. В результате этого увлечения появились три тома о Платоне. Не успел выйти последний из них, как автор принялся за Аристотеля. Однако он не смог новым изданием ответить на вызов Времени — смерть прекратила гонку.

Всем сердцем преданный примеру Георга Грота, я старался не отстать и от лорда Брайса (1838—1922), который, не успев закончить одну книгу, уже планировал следующую. Свой последний подвиг — исследование «Современные демократии» — он совершил, когда ему было уже за восемьдесят. Он намеревался еще написать о Юстиниане I и его супруге Феодоре, когда смерть прервала его замыслы.

Вдохновленный примерами Брайса и Грота, я, перешагнув в декабре 1950 г. порог двенадцатой части всего труда из тринадцати запланированных, принялся обдумывать «Религию историка» и «Историю Эллинской цивилизации», которую начал еще в 1914 г., но прекратил из-за Первой мировой войны.

В 1952 г. мое любопытство заставило меня переключиться с изучения арабского и турецкого языков на изучение новоперсидского. Мне вполне удавалось совмещать изучение трех языков в 1924 г., когда приходилось участвовать в издании «Хроники международных отношений». К 1927 г. относятся систематические заметки для настоящего исследования, которое я начал писать регулярно в 1930 г. Пять лет, проведенных в свое время в Уинчестере (1902—1907), дали мне достаточное знание греческого и латыни, чтобы свободно разбираться в античной классике, однако меня не покидала мечта столь же свободно ориентироваться в исламской классике. Первые шаги к этому я сделал в 1915 г. в Лондонской школе восточных исследований,

но в 1924 г. вынужден был прекратить свои занятия турецким и арабским языками. К 1952 г. желание, отодвинутое в 1924 г. на задний план, переросло уже в настоятельную потребность. Я буквально сгорал от стыда, когда вспоминал, что мой любимый герой Генрих Шлиман выучил самостоятельно тринадцать языков.

В 1952 г. мною овладело также страстное желание совершить путешествие по наиболее примечательным историческим местам, которых я никогда не видел или которые приворожили меня однажды.

Каждый раз, когда я задумываюсь о своих геродотовских амбициях, я вспоминаю анекдот, рассказанный лордом Брайсом. Лорд Брайс, завзятый путешественник, объездивший к тому времени уже полмира, почувствовал как-то легкое недомогание. Это навело его на мысль, что дальнейшие путешествия могут оказаться под вопросом. Тогда они с леди Брайс решили избрать для следующего путешествия наиболее суровый край, чтобы испытать свои физические силы. Выбор пал на Сибирь. Успешно преодолев сибирские просторы, они решили, что им вполне по силам и остальная часть мира. Пример лорда Брайса тем сильнее вдохновлял меня, чем ближе я продвигался к окончанию «Постижения истории». И вот в середине шестидесяти четвертого года жизни я благодарю Бога за любопытство, которым Он наделил меня пятьдесят четыре года назад и которое так и не покидает меня с тех пор.

Блуждающий огонек всеведения

Без вдохновения, которое подстегивается любопытством, никто не может стать историком, поскольку без него невозможно разорвать состояние Инь, — состояние инфантильной восприимчивости, невозможно заставить свой ум метаться в поисках разгадки тайны Вселенной. Невозможно стать историком, не имея любознательности, как невозможно и оставаться им, если ты утратил это качество. Однако любознательность — вещь необходимая, но явно недостаточная. И если любопытство — это Пегас, то, раз оседлав его, историк должен постоянно помнить об узде и не позволять своему крылатому коню скакать, что называется, куда глаза глядят.

Ученый, допустивший бесконтрольное развитие своей любознательности, рискует растерять свою творческую потенцию. Особенно это опасно для западного ученого, который в силу сложившейся на Западе традиции образования склонен зачастую считать целью образования не сознательную и полнокровную жизнь, а экзамен. Институт экзамена, формировавший ученые умы в течение последних восьми столетий западной истории, был введен в западных университетах отцами раннего средневековья. Образовательная система формировалась на базе теологии. А миф о Страшном Суде

был частью наследия, полученного христианской Церковью от культа Осириса, а также через зороастризм. Но если египетские отцы культа Осириса рассматривали Страшный Суд как этическое испытание, символически представленное весами Осириса, на чашах которых лежали добрые и дурные поступки отлетевшей души, то христианская Церковь, пропитанная, кроме того, и эллинистической философией, дополнила вопрос Осириса: «Плохо или хорошо?» — аристотелевской интеллектуальной задачей: «Истинно или ложно?».

Когда мерзость интеллектуализма овладела западным секулярным образованием, равно как западной христианской теологией, страх не выдержать экзамен стал основываться не на том, что публично обнаружится нечто неправомерное в мирской жизни ученика, и не на том, что его лишат степени, что входило в юрисдикцию университета, а на том, что проваливший экзамен будет обречен на вечные муки в аду, ибо средневековая, да и ранняя новая западная христианская вера предусматривала обязательное наказание за неортодоксальные взгляды. Поскольку поток информации, поступающей в распоряжение западного экзаменатора для его непрекращающейся интеллектуальной войны с учеником, нарастает в геометрической прогрессии, экзамены на Западе превратились в кошмар, который можно сравнить с кошмаром средневековых допросов инквизиции. Однако самый худший из ожидающих нас экзаменов — это посмертный экзамен; ибо даже отличник, похвально прошедший все испытания, которые обрушила на него альма-матер, выходит в жизнь не с тем, чтобы применять свои знания в практических делах, но с тем, чтобы продолжать их накапливать и в конце концов унести их в могилу.

Мучительная гонка за блуждающим огоньком всеведения содержит в себе двойной моральный изъян.

Игнорируя ту истину, что единственная законная цель всякого знания — это его практическое использование в рамках отпущенной человеку жизни, ученый-грешник частично отрекается от своей социальности. Отказываясь признать тот непреложный закон, что человеческой душе не достичь совершенства в посюстороннем мире, человек теряет смирение. Причем этот грех не только более серьезен, он еще и более коварен, ибо здесь интеллектуальный гибрид ученого скрывается под маской ложного смирения. Ученый подсознательно хитрит, утверждая, что не может ни опубликовать, ни написать, ни сказать ничего о том, в чем он не убежден до конца, пока он не познал все досконально. Эта профессиональная добросовестность не более чем камуфляж трех смертных грехов — сатанинской гордости, безответственности и преступной лени.

Этот смиренник охвачен на деле гордыней, так как стремится он к заведомо недостижимому интеллектуальному уровню. Все-

дение — это удел Всемогущего Бога, а человеку надлежит довольствоваться знанием относительным, частичным.

Интеллектуальная ошибка, присутствующая в стремлении ко всеведению, напоминает нравственную ошибку, возведенную в степень; и началом зол здесь является непромерное отождествление множественности с бесконечностью. Правда, человеческой душе свойственна потребность искать гармонию между собой и бесконечностью. Однако всеведение, как обнаружил Фауст своим прозорливым умом, не может быть достигнуто через последовательное прибавление знания к знанию, искусства к искусству, науки к науке, образующих дурную бесконечность.

Со времен Данте западные ученые ломали голову над неразрешимой проблемой, применяя к ней формулу: «Знать все больше и больше о все меньшем и меньшем»; но этот путь оказался бесплодной даже метода гётевского Фауста, не говоря уже о том, что утрачивалась практическая значимость научного поиска. По мере того как ученый уменьшает сектор своего видения в надежде докопаться до сути, наука в целом оказывается расчлененной на бесчисленное множество сегментов, каждый из которых не становится от проделанной процедуры менее сложным, чем целое. Но, даже если бы попытки углубления в эти бесконечно малые величины были менее химеричными, чем попытки охватить и познать целое, все равно конечная цель всех этих академичных упражнений осталась бы недостигнутой, поскольку, как мы уже не раз отмечали в нашем исследовании, человеческому уму не дано состязаться с вечным божественным пониманием бесконечного.

С точки зрения историка, приговор идее энциклопедизма был вынесен самой Историей. Этот ложный идеал стал последним интеллектуальным заблуждением, которое отвергла старая цивилизация, и первым — из отвергнутых новой, как только пришло время расстаться с детскими забавами (1 Кор. 13: 11).

В жизни автора этих строк был эпизод, который в какой-то мере иллюстрирует сказанное выше. В декабре 1906 г., когда мне исполнилось восемнадцать лет, я оказался в обществе двух выдающихся ученых. Это были П. Тойнби, автор «Словаря собственных имен и примечательных мест в произведениях Данте», и Э. Тойнби, издательница писем Горация Уолпола. Кроме того, они приходились мне родными дядей и тетей. За время их визита, чрезвычайно приятного и интересного для меня, я не заметил, как раскрыл все свои разнообразные исторические интересы, начиная от ассирийцев и кончая четвертым крестовым походом. Однако я был несколько обескуражен прощальным советом, который по доброте сердечной дядя дал впечатлительному племяннику перед отъездом. «Твоя тетя Нелли и я, — сказал специалист по Данте, — пришли к заключению,

что ты слишком распыляешься. Мы бы советовали тебе выбрать что-нибудь одно и сосредоточиться на этом предмете». И сейчас, в 1952 г., автор этих строк все еще хранит в душе воспоминание о том, как все в нем воспротивилось этому совету и он твердо решил не следовать ему. Случилось так, что впоследствии, когда тетя преждевременно умерла, так и не закончив публикацию писем Уолпола, дядя сам нарушил свои интеллектуальные принципы, принеся их в жертву на алтарь любви к жене. После ее смерти он продолжил ее дело, и надо сказать, что его непрофессиональная литературная работа не прошла незамеченной. После публикации писем в «Таймс» они очень широко цитировались. Между тем его племянник, несмотря на благое решение не следовать неверным советам, чуть было не зашел в интеллектуальный тупик, из которого специалист по Данте благополучно вышел благодаря трагическому событию в собственной семье.

Одиннадцать лет своей юности, с осени 1900 до лета 1911 г., провел я в непрекращающейся гонке, то готовясь к экзаменам, то сдавая их. Общий деморализующий эффект этих трудов был тот, что я медленно, но верно забывал о первоначальном решении никогда не становиться специалистом. В 1911 г., будучи аспирантом последнего года обучения, я вдруг с удивлением обнаружил, что поразивший меня порок узкой специализации охватил и моего старшего друга Г. Л. Чизмена, некогда вдохновлявшего меня своим примером и разбудившего мой интерес к поздней Римской империи.

С памятью о былых интеллектуальных пристрастиях Чизмена я направился в Нью-Колледж, где он работал ассистентом по римской истории. Этой поездке предшествовала встреча с д-ром Бусселем, весьма талантливым ученым, который вынашивал идею всколыхнуть в Оксфорде волну интереса к истории Византии. При расставании мы решили расширить круг приверженцев этой идеи. Я не сомневался, что в Нью-Колледже предложение д-ра Бусселя найдет горячую поддержку. К моему удивлению и разочарованию, эта идея вызвала самый резкий протест, словно в моем лице к ним явился Мефистофель, искушая разрушить устоявшийся монастырский порядок. Ассистент Чизмен популярно разъяснил мне, что его долг состоит в том, чтобы как можно глубже овладеть тем предметом, преподавание которого на него возложил колледж. Расширение же границ научной деятельности ему совершенно не под силу. Одним словом, Византия его решительно не интересовала.

Летом 1911 г. автор этих строк был назначен ассистентом по греческой и римской истории в Баллиоле. Сдав последний академический экзамен, он посчитал себя достаточно просветленным, чтобы уже больше никогда не сдавать экзаменов. И этого правила он придерживается с тех пор неукоснительно.

В том же 1911 г. я решил использовать полагающийся мне после сдачи экзаменов довольно длительный отпуск для штудирования источников по римской истории. Занятия свои я прерывал только ради поездок в Париж, Рим и Афины, а в 1912 г. вернулся в Оксфорд уже в качестве члена совета колледжа. Оценив всю прелесть дальних странствий, я стал отдавать минимум времени музеям и библиотекам. Во мне проснулась дремлющая страсть к общению с природой, которую я старался удовлетворить, путешествуя по возможности пешком. К счастью, у меня хватило ума, чтобы понять, что ландшафт эллинского мира стоит того, чтобы его видеть своими глазами, ибо он являет собой картину, не имеющую равных.

Однако жизнь вторгалась в академический мир ученого-странника и преподносила задачи совсем иного рода. Вечером 8 ноября 1911 г., возвращаясь в Рим из экспедиции на этрусские могильники в Черветери и Корнето, юный открыватель древностей неожиданно для себя заметил, что соседи его по вагону, неаполитанцы, весьма недружелюбно поглядывают на солдат, заплонивших вагон. Это был своеобразный отголосок военных действий, развернувшихся в Триполитании³. 18 ноября 1911 г. мне предстояло пересечь с итальянского судна на греческое. Я должен был плыть в Патрас, а итальянское судно не осмеливалось приближаться к враждебному турецкому берегу. Проведя следующие восемь месяцев в греческих деревушках, я наслушался в местных кафе разговоров о «международной политике сэра Эдуарда Грея». Вовсю дискутировался вопрос, когда начнется война — этой весной или следующей. Пастухи и землепашцы, торговцы и ремесленники, казалось, все, включая малых детей, имели свой взгляд на эту проблему. И только автор этих строк упивался ландшафтами континентальной Греции и Крита, где средневековые французские замки и более поздние венецианские крепости состязались в таинственности с эллинскими храмами и минойскими дворцами.

Дважды во время этого бесшабашного путешествия оксфордский лектор подвергался аресту как турецкий шпион. Первый раз, вечером 16 ноября 1911 г., он был задержан итальянским карабинером, а второй — 21 июля 1912 г. — остановлен греческим военным патрулем.

Под конец своего путешествия я оказался в больнице с дизентерией, после того как напился из ручья кристально чистой на первый взгляд воды. Там я снова обратился к чтению, которое прервал прошлой осенью. За время болезни я проштудировал «Географию» Страбона и приступил к «Описанию Эллады» Павсания. Когда уже в Оксфорде я домучивал Павсания, меня охватил вдруг приступ щемящей тоски от осознания той непомерной платы, которую неизбежно приходится платить за свое желание познать беспредельное.

Ученого, который стремится к интеллектуальному всеведению, поджидает та же судьба, что и душу, стремящуюся к духовному

совершенству. Каждый новый шаг в неведомое, вместо того чтобы прояснить путь и приблизить к цели, еще более затуманивает и удаляет идеал. Как стремящийся к святости все более и более убеждается в собственной греховности по мере духовного прозрения, так и стремящийся к всеведению все яснее видит собственное невежество по мере накопления знаний. В обоих случаях пропасть между целью и идущим к ней становится шире. Погоня эта неизбежно обречена на поражение, ибо конечная человеческая природа теряется перед несоизмеримой Бесконечностью Бога, а взамен остается лишь моральная регрессия — от усталости через разочарование к цинизму. Испытав муки этой безнадежной гонки за призраком, автор сих строк освободился от ужаса перед воображаемым посмертным экзаменатором с помощью одного примечательного события в своей жизни, — события, не имевшего ничего общего ни с войнами, ни даже со слухами о войнах (Матф. 24, 6; Марк. 13, 7; Лука. 21, 9).

Летом 1911 г. в ходе напряженного изучения оригинальных источников по истории Эллинского мира IV в. до н. э. автор не раз прибегал к методу сопоставления одних и тех же фактов, данных в разном изложении. Сведения об организации и численности лакедемонской армии, приводимые Ксенофонтом, вступали в противоречие с тем, что осело в голове автора за время его подготовки к экзаменам, когда он изучал этот метод по Фукидиду. Кроме того, даты, приводимые Ксенофонтом, также расходились со свидетельствами Фукидида. Одним словом, чтение источников рождало ряд вопросов, которые можно было решить только в результате тщательного эмпирического анализа.

Впоследствии, когда несколько месяцев спустя автор оказался в Греции, теоретическое исследование, оплодотворенное красотами ландшафтов Лакедемона, дало новое представление о городах-государствах IV в. до н. э. и их владениях. Полевая и книжная работа активизировала мой ум до такой степени, что в 1913 г. возникла настоятельная потребность обобщить собранный материал. В том же году я написал и опубликовал статью «Развитие Спарты». Я не мог больше тратить время на бесцельное чтение. Первая мировая война прервала мои занятия историей Эллинского мира, а начавшаяся инфляция требовала все больших средств для поддержания семейного бюджета. И я занялся журналистикой.

В 1952 г., через тридцать семь лет после столь крутого поворота своей интеллектуальной деятельности, автор может констатировать, что избранный путь не был ошибочным. С тех пор я приучил себя писать, а не читать, и это стало системой. Чтение и путешествие я по-прежнему считаю необходимыми подготовительными этапами для творчества. Однако я со временем научился работать так, что письмо, путешествие и чтение стали как бы независимыми друг от друга

процессами. Для того чтобы писать, мне уже не требовалось специальной подготовки.

С 1916 г. я начал собирать библиографическую картотеку исторических исследований, причем в термин «история» я вкладываю самый широкий смысл. Однако я всегда заботился о том, чтобы очертить эту сферу интеллектуальной деятельности определенными границами, пытаясь избежать свойственных многим профессионалам претензий на полноту, ибо неудачи потенциально творческих умов научили меня, что слишком педантичное собирание карточек, имен, названий, да и самих книг, приводит к стерилизации. Таким образом, стараясь не растерять любознательности, я в то же время держал ее в определенных рамках. Любопытство дано человеку, как тетива луку: лук способен стрелять, только когда тетива натянута. Так же и любопытство поддерживает человеческий ум в работоспособном состоянии. Ибо цена творчества — постоянное напряжение.

Автор совершил свой интеллектуальный поворот, завершая курс классического западного образования, основанного на экзаменационной системе. Ему открылась истина, которую, возможно, приняв ее за трюизм, просмотрели многие выдающиеся мыслители. Истина, вполне очевидная и в то же время упорно игнорируемая учеными, состоит в том, что Жизнь — это Действие. Жизнь, когда она не превращается в действие, обречена на крах. Это справедливо как для пророка, поэта, ученого, так и для «простого смертного» в расхожем употреблении этого выражения.

Почему же среди ученых понимание глубинности действия, его абсолютной необходимости менее широко распространено, чем среди «практических людей»? Почему боязнь действия даже считается отличительной профессиональной чертой ученого?

Платон считал единственно возможным путем для философа «напряженное интеллектуальное общение». А Илия, услышав тихий голос, долетевший до него после молнии, землетрясения и бури, был абсолютно уверен, что это есть непосредственное присутствие духовной силы, являющейся источником всякого действия во Вселенной (3 Царств. 19, 11–13). «Великий и сильный ветер», который «двигал горы и разбивал камни перед Господом», пришел и ушел перед Создателем своим и Творцом, чтобы заставить проявиться пророческую интуицию Илии. Илия, ожидавший Господа, должен был показать, что физическая сила — это только одно из проявлений Бога, но не Сам Всемогущий Бог. Илия знал, как знал Лаоцзы, что тишина Источника Жизни (увэй), по сути, есть полнота деятельности, которая кажется недеянием лишь непосвященному.

Пророки, поэты и ученые — это избранные сосуды, призванные Творцом совершить человеческое действие эфиризованного

вида, которое, быть может, более походит на собственное Божие деяние, чем какое-либо из действий, производимых Человеческой Природой. В этой, как и в любой другой, форме встречи божественного и тварного испытание есть цена привилегии; ибо истина, согласно которой Жизнь есть Действие, столь же трудна для того, кому открылось высшее духовное призвание, сколь очевидна для человека действия, пребывающего на духовно более низком уровне. Сам Илия был призван Словом Господа, чтобы не свершился преступный акт накликаания смерти в момент отчаяния, которое наступает, когда утрачена вера (3 Царств. 19: 1–18). Но этот грех, который является горьким опытом поэтов, пророков и ученых, не характерен для деловых людей или военных. Примером этому может служить поединок Гектора с Аяксом.

Гектору и Аяксу ясно без слов, что жизнь их полностью зависит от действий друг друга. В противоположность этому пророк, поэт или ученый напоминают лучника, посылающего стрелу в цель, которая находится так далеко, что и разглядеть-то ее невозможно.

«Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять его найдешь» (Еккл. 11: 1). Гектор или Аякс не задумываются о цели, ибо она рядом. Однако лучник, который не видит своей цели, или мыслитель, который не знает последствий своих отвлеченных раздумий, обречены на мучительные колебания.

Таким образом, за пределами «практического» действия в рамках Пространства и Времени находится духовное действие, которое представляется значительно более богоподобным в двух аспектах. Агамемнон, проживший короткую и неяркую жизнь, обязан своим литературным бессмертием поэту, который умер в полной неизвестности⁴. Поэмы Гомера продолжают трогать сердца людей и возбуждать их воображение через много веков после того, как эфемерная Микенская империя распалась, не оказав ощутимого воздействия на всю последующую политическую жизнь; а сколько сильных и мужественных людей, живших до Агамемнона, оказались полностью преданными забвению только потому, что на их время не выпало родиться поэту, который бы увековечил их в своих творениях.

Однако именно в силу того, что духовная активность человеческой природы обладает божественной способностью производить действия через тысячи миль и лет, души, призванные Богом к подобным духовным действиям, имеют склонность медлить и колебаться, бесцельно тратя время жизни и не видя кардинальных различий между действием и бездейтельностью. Именно потому, что цель лучника находится вне пределов видимости, лучник может отложить лук в сторону, так и не выпустив стрелы, тогда как воин не может отбросить свой меч в ходе поединка.

Человек не знает Вечности — Божественного Вечного Сейчас — в конечной земной жизни. Вечность вряд ли доступна даже Коллективному Человечеству, упорно собирающему и накапливающему из века в век плоды трудов и достижений науки и техники; ибо даже этот людской коралловый риф никогда бы не существовал, если бы каждый из бесчисленных составляющих его организмов не совершал своего отдельного индивидуального действия в рамках своего собственного краткого земного пути и узкого поля действия. В этом плане коллективные плоды науки и техники не обладают существенным внутренним отличием от даров Поэзии и Пророчества. Как и последние, они обязаны своим существованием индивидуальным творческим актам отдельных душ, озаренных смыслом и благодатью, которые ниспослал им Творец.

Ученому, равно как и работнику физического труда, дарована всего одна жизнь, и эта жизнь по разным причинам может оказаться весьма короткой. В любой момент человек должен быть готов к смерти, ибо никто не ведает, придет ли она через год, через месяц, на следующей неделе, а может быть, и сегодня. Строя планы на будущее, человек обязан постоянно помнить о быстротечности жизни. Нельзя рассчитывать на чудо, которое поможет совершить невозможное, раздвинув рамки Жизни или Интеллекта. Следует всегда помнить, что одним из фундаментальных законов человеческой природы является закон, согласно которому любое начинание, выходящее за рамки возможностей смертного, оказывается эфемерным. Действительно, интеллект, способный извлекать уроки из собственного опыта, обнаружит, что даже самое грандиозное произведение искусства, когда-либо созданное человеческой душой, не поглотило всю жизнь творца без остатка. Ограничения, которые накладывают на творческие возможности человека перемены в его судьбе, и сама кратковременность жизни носят всего лишь внешний и негативный характер. Ритм же работы художника соотносится с его психическим хронометром, двумя стрелками которого являются Интеллект и Подсознательный Родник Духовного Творчества. Вслушиваясь в ритм беспощадного Времени, человек действия бросает вызов самой Смерти.

ИМПУЛЬС К ИССЛЕДОВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФАКТАМИ

Критические реакции

Исследуя вдохновения историков, мы обнаружили, что тот, кому суждено стать историком, от пассивного восприятия окружающей его действительности переходит к активному стремлению познать факты истории. Кроме того, мы обнаружили, что невозможно стать

историком, как невозможно и оставаться им, если умственная мельница не запущена в ход мощным потоком любознательности. Мы заметили также, что, если будущий историк не сдерживает своего неумного любопытства, он пускается в погоню за блуждающим огоньком всеведения, а это ложный путь, который ведет в никуда.

В чем же состоит правильный подход? Человек, призванный стать историком, должен научиться обуздывать свое любопытство. Его интерес к фактам проявляется и удовлетворяется не ради самого этого интереса, а в конечном счете ради творчества. Историк должен вдохновиться стремлением не просто узнавать факты, но постигать их смысл. Высшим смыслом творческого поиска является поиск Бога, действующего в Истории, а первым слепым шагом на этом паломническом пути является стремление понять, каким образом факты Истории соединены между собой. Первое умственное движение историка, исследующего отношения между фактами, — критическая реакция на очевидные противоречия, а второе — творческий ответ на феномены, бросающие вызов.

Изучая пробуждение критической способности в уме историка, автор вынужден обратиться к собственному опыту, ибо он не располагает какими-либо иными свидетельствами из первых рук.

Так, в марте 1897 г., неполных восьми лет от роду, он, будучи в гостях, громко выразил свое недоверие, услышав, как кто-то из взрослых расхваливает прелести только что проделанного трансатлантического рейса. Утверждение это явно противоречило тому, что мальчик слышал от своего двоюродного деда Гарри, который был, бесспорно, более весомым авторитетом, если учесть, что он был не просто пассажиром, а капитаном судна. Дитя вдоволь наслушалось рассказов старика о заплесневелых корабельных галетах, источенных долгоносиком, об открытой войне с корабельными крысами и о том, что бифштексы из солонины и пудинг годились разве что на крысиную приманку. Поэтому рассказ об очень хорошем питании показался мальчику явным преувеличением со стороны пассажира. Правда, капитан Тойнби ушел в отставку в 1866 г., да и плавал он на судах совсем иного класса. Поэтому после разъяснений, данных не без юмора критически настроенному ребенку, недоверие, вспыхнувшее в детском уме, рассеялось, и впервые дитя почувствовало, что человеческие отношения не стоят на месте и движение это может быть настолько быстрым, что в течение одной человеческой жизни могут произойти разительные перемены.

Следующее противоречие, возникшее в детском уме автора, произошло, когда он делал свои первые шаги в познании истории. Произошло это на исходе девятого года его жизни. Прочитав к тому времени четыре тома «Истории наций» З. А. Рагозиной, в которых описывалась история того, как ираноязычные народы вышли на

авансцену всеобщей истории в период между падением Ассирийской империи и столкновением империи Ахеменидов с эллинами, он с интересом углубился в предыдущие и последующие главы иранской истории. Тетушка Эльзи Маршалл как раз подарила своему племяннику на день рождения томик Бенджамина под названием «Персия». Жадно вчитываясь в эту новую книгу, он обнаружил, что движется по совершенно ему неизвестным тропам. Даже сейчас, через пятьдесят три года, автор этих строк отчетливо помнит, как потрясло его то, что факты иранской истории в изложении Рагозиной и Бенджамина оказались совершенно несовместимыми. Этот первый интеллектуальный шок несколько развенчал в глазах юного историка ранее непререкаемые авторитеты, которые столь легко дискредитировали себя, противореча друг другу. Это печальное открытие стало для него болезненным началом исторической мудрости, ибо он понял, что никогда не следует слепо верить «авторитету», как если бы он был непогрешимым оракулом евангельской истины.

Спустя год или чуть более того мне пришлось пережить еще один удар, познакомившись с картой, которая висела в самом большом классе подготовительной школы Уотон-Корт, что близ Кентербери, куда я был отдан в возрасте одиннадцати лет. Из десятой главы Книги Бытия я к тому времени хорошо усвоил, что человечество представляет собой единую семью, а история — единую последовательность событий. Однако совершенно неожиданно карта, вывешенная в классе, поставила передо мной проблему, о которой я раньше не задумывался.

Глядя на карту, я прежде всего был поражен точностью даты — 4004 г. до н. э., которая значилась как год Творения (эта дата Творения была, разумеется, продуктом творчества архиепископа Ушера)⁵. Всматриваясь в эту громадную карту, которая обрывалась на каком-то событии XIX в., я отметил для себя среди множества различных цветов, представлявших истории различных народов и государств, одну довольно широкую область, которая называлась «Китай». От кого же произошли китайцы — от Сима, Хама или Яфета? Раньше мне почему-то не приходило в голову задаться этим вопросом. Однако теперь, когда перед глазами была карта, захотелось вдруг проследить, каким образом Китай связан с тремя сыновьями Ноя, и попробовать увязать китайцев с Адамом и Евой. Эта процедура поначалу казалась довольно простой. Однако волосы на голове юного исследователя встали дыбом, когда взгляд его, начавший путешествие по карте от трехтысячелетнего китайского дракона, внезапно остановился, не обнаружив никакой связи с Яфетом, Хамом или Симом. Получалось, что четыре сотни миллионов китайцев⁶ появились на свет Божий спонтанно, буквально ниоткуда.

И тут юному исследователю стало ясно, что либо картографы допустили преступную небрежность, либо дело в том, что просто невозможно проследить результат плодовитости Ноя и его сыновей (Быт. 9, 1 и 7) во всем многообразии человечества, которое заселило Землю. Это поразительное открытие впервые заставило будущего историка усомниться в том, является ли генеалогическое дерево той истинной схемой, которая без ошибок отражает историю прогрессирующего разделения человеческой семьи.

По мере того как это сомнение укреплялось, автор стал пробовать альтернативные системы классификации, которые могли бы обнять все живые и вымершие ветви человечества и в то же время устанавливали бы степень различия и точки соприкосновения между ними. Лежал ли ключ к этой исторической загадке в физической природе? Или его следовало искать в языке? С тех пор как автор этих строк был потрясен нелепостями школьной карты, ум его неустанно трудился над этими вопросами, отбрасывая один аргумент за другим. И следует сказать, что потребовалось десять или двенадцать лет, чтобы прийти к заключению, что лингвистический и расовый подходы к проблеме являются столь же неудовлетворительными, как и забракованный еще в юности генеалогический подход. Вновь и вновь возвращаясь к озадачившей его еще в юности проблеме, автор трижды вычерчивал различные схемы, пытаясь нащупать правильный путь. Результатом этих трудов явилось настоящее исследование, в котором автор, как ему кажется, приходит к положительному решению вопроса. Окончательный вывод его сводится к тому, что наиболее существенным в человеческих взаимоотношениях является не раса или язык, а секулярная и религиозная Культура.

Вспоминается еще одно яркое противоречие, поразившее мой ум в юности. Это было в годы Первой мировой войны. Как-то я бродил по Музею Виктории и Альберта в Южном Кенсингтоне. Взгляд мой упал на бюст девушки, выполненный из майолики в современном западном стиле. Я не удивился тому, что скульптура была из Италии, но полной неожиданностью явилось то, что работа эта, такая современная, оказалась выполненной в XIV в. Передо мной было материальное свидетельство того, что Италия XIV в. в чем-то уже достигла уровня современной эпохи, тогда как западное христианство в целом, за исключением, пожалуй, Фландрии, не демонстрировало подобных успехов вплоть до конца XV в., а может быть, даже до начала XVI в. Таким образом, Италия как бы обогнала остальное западное христианство примерно на два века. Этот пример показывает, что внутри одного и того же общества вполне возможны различные «сектора», исторически имеющие различные темпы развития. Хронологически будучи современниками, фактически люди могут принадлежать к разным культурным эпохам.

Эти думы, навеянные итальянской скульптурой XIV в., долгое время не покидали автора и вновь посетили его, подтвердив свою истинность, когда через тридцать лет, в конце Второй мировой войны, он еще раз посетил этот музей, чтобы посмотреть экспозицию произведений искусства из капеллы английского короля Генриха VII в Вестминстерском аббатстве. На сей раз я был еще более поражен той культурной пропастью, что разделяла средневековую западную Англию и мятежных наследников Эллады. Эта цепь наблюдений, подтвердившая наличие культурного несоответствия между Северной и Центральной Италией в позднее средневековье, подтолкнула автора к осмыслению особой исторической роли творческого меньшинства.

Правильному постижению Истории может способствовать также критический взгляд на противоречия, не доказанные, но подозреваемые. И сейчас, в сентябре 1952 г., автор этих строк не забыл еще тот мартовский день 1899 г., когда мать читала ему вслух книгу З. А. Рагозиной «Халдеи». Ассириологи и египтологи прошлого века находились под сильным впечатлением реальной длительности человеческой истории по сравнению с относительной краткостью библейской хронологической версии; поэтому древность «халдейской» (то есть шумерской) цивилизации была главной темой рагозинской работы. Свой тезис талантливая писательница обосновывала двумя открытыми к тому времени хронологическими утверждениями ассирийского царя Ашшурбанипала (669—626 до н. э.) и нововавилонского императора Набонида (556—539 до н. э.), не задаваясь вопросами, обладали ли советники этих суверенов достоверной информацией и можно ли положиться на их данные. В документе Ашшурбанипала утверждалось, что статуя богини Наны (то есть Инанны — первоначальное шумерское имя богини, чье аккадское имя было Иштар), которую Ашшурбанипал возвратил в Урук (Эрек) из Суз в 635 г. до н. э., 1635 лет пробыла в эламском пленении. Рагозина приходит к простому выводу: «Если к 1635 прибавить 645, то получим 2280 г. — неоспоримую дату»; и хотя она настаивает также на дате 3750 г. до н. э. как на времени процветания царя Аккада Нарамсина, подтверждая ее утверждением Набонида, будто Нарамсин правил за 3200 лет до него, она страшется здесь «возможностью ошибки гравера», составившего надпись, но не считается с возможностью, что сам император-археолог мог назвать эту дату наугад.

Категоричное утверждение Рагозиной, что Набонид и Ашшурбанипал знали, о чем они говорили, разумеется, не могло быть воспринято прилежно внимающим ребенком критически, но его сразу заинтересовало, как эти ассирийские и вавилонские «годы» соотносятся с годами, которыми мы сейчас измеряем свою жизнь.

Возможно, этот вопрос возник в его уме благодаря какому-то отголоску фундаменталистских споров, имевших место в западном христианстве XIX в.⁷ В спорах этих предпринималась попытка спасти библейскую хронологию предположением, что годы жизни, щедрыми сотнями даруемые в Библии праотцам, следует читать не как «годы», а как «месяцы». Возможно, если бы я рос в деревне, мне никогда бы не пришла в голову мысль, что допустим известный произвол в различных вариантах отсчета года, так как для фермера продолжительность года устанавливается не человеческой волей, а сезонным циклом. Однако дитя росло в городе и было глухо к ритмам Природы, бесстрастно вершащей свой круговорот в бесконечном чередовании весеннего цветения и осеннего увядания. В урбанизированном его мире «годы» воспринимались просто как отрезки Времени, столь же искусственно и произвольно выделенные людьми, как и все то, что люди могли придумать, создать или о чем они могли договориться, исходя из своей воли и по своему желанию.

Однако, прежде чем посмеяться над своим детским невежеством, я обнаружил, что вопрос был куда умнее, чем это могло показаться. Календарь вавилонского происхождения, доступный сознанию английского мальчика начала XX в., был построен на солнечном цикле. С течением веков календарь этот несколько раз подправляли, чтобы точнее совместить с солнечным циклом. Лунный календарь при этом оставался без изменений, лишь длина месяцев произвольно изменялась, чтобы уложить месяцы в рамки единого года. Английский мальчик обнаружил, что метод календарного исчисления, которым пользовались христиане, не был принятым во всем мире. Мусульмане, например, пользовались календарем, который основывается не на солнечном, а на лунном цикле, поэтому номинальный «год» лунных месяцев, игнорируя сезонное чередование и начиная мусульманскую эру с Хиджры, позволяет себе как бы скользить по циферблату христианско-вавилонских солнечных часов.

Однако вплоть до 1950 г., когда автор этих строк принялся за заметки по хронологии, он никак не мог полностью уяснить для себя то значение, которое имеет исламский лунный календарь для правильного решения вопроса о продолжительности шумерского года, — вопроса, впервые взволновавшего его более пятидесяти солнечных лет назад. И вот как-то осенью 1950 солнечного года я натолкнулся на статьи Пёбеля о недавних находках ассирийских царских списков в Хорсабаде. Надо сказать, я был поражен изобретательностью современных ассириологов. Затем я прочитал работу Сиднея Смита, в которой он критиковал пёбелевскую реконструкцию ассирийской хронологии, и был весьма удивлен, обнаружив, что известный современный археолог, по сути, повторяет вопрос, которым однажды дитя озадачило свою мать: как можно быть уверенным в том, что

«годы», которыми ассирийские хронологи измеряли время, отмечая череду событий, были действительно солнечными годами, а не какими-нибудь иными?

Весьма гипотетическое соответствие, которое Пёбель использовал как само собой разумеющееся в своей реконструкции ассирийской хронологии, изучая недавно открытый царский список в сочетании с другими документами, было убедительно оспорено выдающимся оппонентом. В Ассирии, как утверждает Сидней Смит, вавилонский солнечный календарь, который приближался к истинному солнечному году, не был принят для официального использования вплоть до правления Тиглатпаласара I (1114–1076 до н. э.). «В течение длительного времени, — пишет Смит, — этот календарь считается эквивалентным юлианскому... Но первоначально используемый ассирийский календарь обладает значительными отступлениями от вавилонского, и точный перевод ассирийских лет в юлианские просто невозможен». Сидней Смит полагает, что календарь, который был отменен в Ассирии в 1114 г. до н. э. в пользу вавилонского солнечного календаря того времени, был лунным, то есть имел ту же основу, что и календарь, который 1736 лет спустя все еще использовался в отдаленном и отсталом аравийском оазисе и который затем, волею случая сохранившись в своей пустынной цитадели, стал официальным календарем новой вселенской Церкви, созданной пророком из Мекки.

Творческие ответы

Если наблюдение или даже неподтвержденная догадка о том, что исторические факты противоречат друг другу, может вдохновить человеческий ум на интеллектуальные усилия в попытке разрешить возникший вопрос и установить истину, то тем более можно ожидать, что ум, побуждаемый к действию интуицией, уловившей связь между историческими фактами, придет к определенному положительному решению.

Традиционной исторической загадкой, способной разбудить фантазию и мысль историка, является наличие в далеко отстоящих друг от друга точках Пространства и Времени идентичных культурных элементов. Это могут быть и одинаковые одежды, и одинаковые слова, и даже одинаковые прически. Сходство, зачастую приближающееся к тождеству, вряд ли может быть случайным совпадением. Скорее, оно зависит от непрерывной цепи исторической традиции и географической диффузии, которая вполне поддается реконструкции и расшифровке.

Как, например, получилось, что на бронзовой медали, изготовленной в 1439 г. итальянским мастером Витторо Пизано (Пизанелло)

для восточноримского императора Иоанна VII Палеолога (1425—1448), и на фреске, написанной на западной стене церкви Сан-Франческо в Ареццо где-то между 1452 и 1466 гг. Пьеро делла Франческо, на которой тот же Иоанн VII представлен в образе Константина Великого, этот последний представитель императорского трона изображен в прическе, которая как две капли воды воспроизводит двойную древнеегипетскую корону, которая стала одним из символов власти фараона после объединения в 3100 г. до н. э. Верхнего и Нижнего Египта?⁸ Как этот сложный головной убор, весьма странный для каждого, кто незнаком с этим эпизодом египетской истории, появился через четыре с половиной тысячелетия, причем не на берегах Нила, где он был изобретен, а на берегах Босфора, да еще через тысячу лет после того, как исчезли последние остатки живой египетской традиции? Историк в поисках ответа на этот вопрос, безусловно, вспомнит, что дохристианские римские императоры претендовали на право считаться законными преемниками египетских фараонов. Однако было бы слишком причудливым предположить, что римские воплощения египетских фараонов действительно украшались древнеегипетской атрибутикой, включая и символическую двойную корону, и что, несмотря на последующее исчезновение египетской культуры и завоевание самого Египта и Римской империи мусульманскими полчищами, эти старинные египетские регалии были перенесены из Старого Рима в Новый, где и сохранялись как знаки восточноримского призрака вплоть до прихода последнего из Палеологов, которые возродили их в прическе, быть может не отдавая себе отчета ни в их происхождении, ни в их значении.

Интересно также проследить, как исторические одежды скифов и даков вновь появляются в мифических одеяниях гномов, героев западного фольклора⁹. Сами гномы, разумеется, появились как подсознательная реакция психики на вызов нового опыта добычи металлических руд из недр Земли, — опыта, требующего осмысления и внутреннего принятия, ибо это занятие не было вполне естественным для человека. Костюм, в который человеческая фантазия одела гномов, поселив их в волшебной стране, безусловно, должен был соответствовать какому-то реальному костюму живого народа, с которым встречались пионеры средневекового западного христианства в своем продвижении на восток. Если строить догадки о возможном месте обитания этого забытого племени, одежда которого оказалась увековеченной в нарядах бессмертных гномов, воображение рисует орду кочевников-пастухов, которая, нарушив границы своих традиционных пастбищ, вышла в долину Днестра и леса Галиции. Далее легко представить себе, как эти скотоводы, оказавшись в непривычном для себя физическом окружении, вынуждены

были переменить и образ жизни, и род занятий, обратившись к добыче руды. Исторические прототипы вымышленных карликов жили, таким образом, где-то в Прикарпатье и представляли собой шахтерскую общину, номадическое происхождение которой выдавала традиционная одежда их далеких предков. Агрессивные германские племена пришли сюда в поисках минералов и именно в таком виде застали бывших кочевников, ставших рудокопами.

Желание отыскать корни связей между историческими фактами, конечно, вызывается и фактами иного рода. В области языка, например, возникает вопрос, почему в лексиконе английского среднего класса конца XIX в. фигурирует имя шумерской богини — Инанна. История переноса Инанны из шумерского пантеона в английский обиход замечательна тем, что это имя сохранилось, несмотря на огромное Пространство и Время, правда потеряв первый звук. В викторианском обиходе, когда няня для ребенка значила больше, чем даже его собственная мать, было вполне естественно, что ребенок называл именем незабвенной матери-богини наиболее могущественную женскую фигуру его миниатюрного домашнего мирка¹⁰.

Мотив, побуждающий соединить между собой далеко отстоящие друг от друга, но равнозначные понятия или представления, иногда восходит не к желанию восстановить разорванное звено в цепи, а к желанию дойти до истоков ее. Например, кем были предки этрусков? Кто является потомком затерявшихся десяти колен Израилевых?¹¹ Почти нет таких народов, которые бы не подозревались эллинским или современным западным искателем древностей в том, что они являются предками этрусков; и еще меньше народов из исламского и христианского регионов, в которых современные ученые не выискивали бы родственную связь с потерянными десятию коленами.

Фантастичность подобных утверждений должна служить предупреждением о том, что потенциально творческие интеллектуальные импульсы могут породить серьезные ошибки и недоразумения; и благоразумный зрелый историк, конечно, слишком ценит свое время и энергию, чтобы заниматься заведомо неразрешимыми проблемами, даже если они некогда поразили его воображение, возможно еще в детстве. Однако существуют по крайней мере два основания, позволяющие в попытках разрешить эти вечные загадки Истории видеть нечто большее, чем пустое времяпрепровождение. Прежде всего, они могут пролить свет на общие исторические вопросы. Плутарховские вопросы относительно истории одежды раскрывают поразительно интересную истину, что кондуктивность социальной ткани человеческой жизни исключительно высока в двух социальных окружениях особого рода: в «универсальном государстве»

и в номадо-пастушеском обществе. Наши размышления относительно некоторых слов обиходного английского словаря раскрывают ту истину, что энергия, излучаемая элементами культуры, исключительно высока, если элементы эти восходят к именам божеств. Такие путеводные огоньки на ландшафте мировой истории оправдывают интеллектуальные усилия, затраченные на исследование связей между фактами, которые на первый взгляд могут показаться тривиальными; но главное оправдание для этого сходного с детской забавой интеллектуального поиска заключено в нем самом, ибо поставленная Вергилием задача «познать причины вещей» никогда не покидает сердце истинного историка.

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ **ПЕРЕОСМЫСЛЕННОЕ**

МЕСТО ИСЛАМА В ИСТОРИИ

Явление ислама в истории было более драматичным, нежели явление христианства или буддизма. Жизнь и смерть Иисуса прошли не замеченными в то время для всех, кроме маленькой группы его галилейских учеников-иудеев. Наши знания о его пастырском служении исходят исключительно из писаний христианской Церкви. Мы почти ничего не знали бы о явлении Христа, окажись единственными нашими источниками эллинистическая литература на греческом и латинском языках и еврейская литература на арамейском языке I в. н. э. Также и о служении Сиддхартхи Гаутама известно лишь из хинаянистских текстов на языке пали¹, хотя в соответствии с этими источниками Гаутама, в отличие от Иисуса, стал заметной общественной фигурой еще при жизни. Он был сыном царя; и во время своего служения, уже отказавшись от своего мирского наследства, продолжал общаться с царями. Буддизм не имел заметного политического влияния в мире на протяжении двух, а христианство — на протяжении трех столетий с момента возникновения до тех пор, пока они не достигли политического успеха благодаря обращению Ашоки и Константина. Ислам же, напротив, получил относительно большое влияние еще при жизни основателя, и политический успех был достигнут самим основателем.

На тринадцатом году своего служения Мухаммед поддался искушению, которому, согласно Евангелию, противостоял Иисус². Двенадцать лет Мухаммед был искренним, отважным, но крайне безрассудным пророком*. Он убедил только крошечную группу но-

* Филип Бэгби осмеял меня (в книге «Toynbee and History». P. 105) за то, что я констатировал этот неоспоримый факт, как будто я совершил нелепую ошибку. Констатация, конечно, банальна. Мы найдем ее в каждой

вообращенных; большинство из них в конечном счете было вынуждено бежать в Абиссинию; а сам Мухаммед ежедневно подвергался опасности повторить судьбу Иисуса. Приняв приглашение от народа Ясриба (позднее известного как Медина*) стать главой их государства, Мухаммед доказал, что он не только пророк, но и политический гений. Перед смертью он принудил коммерческую олигархию своего родного города-государства — Мекки — подчиниться ему и доказал свое искусство управлять государством, а также продемонстрировал благородство своей натуры, проявившееся в умеренности потребностей, которыми он довольствовался. Кроме того, он распространил свою власть из Ясриба на большую часть Аравийского полуострова, за исключением Мекки, а его войска совершили разведывательный рейд в трансйорданские владения Римской империи. Реакцией на этот дерзкий поступок было немедленное наказание, но это лишь предварило стремительные завоевания, которые были совершены непосредственными преемниками Мухаммеда³. Менее чем за двадцать лет после его смерти они завоевали всю Сасанидскую Персидскую империю и лучшую часть Римской империи — так можно сказать о Сирии в самом широком смысле слова, а также Египет.

Эти драматически скоропалительные военные и политические успехи ислама создают у некоторых, изучающих историю на Западе, впечатление, что явление ислама вызвало очень резкую перемену в истории Старого Света и что у этой религии не было ни предшественников, ни предпосылок. Изречение Кристофера Доусона, что история «позволяет внезапно изменить всю мировую ситуацию действиями одной личности, такой, как Мухаммед или Александр**», уже цитировалось мною. А. Л. Крёбер выразил ту же точку зрения: «У ислама не было ни детства, ни настоящего взросления, но он явился как Минерва⁴ и расцвел при жизни одного человека»***.

серьезной работе о деятельности Мухаммеда. В конце концов, Мухаммед был весьма удачливым человеком, но преуспел он не как пророк, а как государственный муж. Ислам в итоге добился успеха как религия, но его духовная удача была достигнута обращенными потомками христиан и зороастрийцев, ставших политическими подданными воинствующего исламского государства. Чтобы понять характер и деяния Мухаммеда, а также историю основанной им религии, мы должны делать различия 1) между успехом Мухаммеда как государственного деятеля и его провалом в качестве пророка и 2) между незамедлительно последовавшим подъемом исламского государства и конечным успехом самого ислама как мировой религии.

* То есть Мединат-ан-Наби, что означает «город Пророка».

** *Dawson Chr. The Dynamics of World History.* P. 257.

*** *Kroeber A. L. The Nature of Culture.* P. 388.

Если бы это было правдой, недостаток предшественников у ислама не мог быть объяснен лишь внезапностью его явления. Оно было не более внезапным, чем явление других религий и философий, у которых, как и у ислама, был единственный основоположник, имевший, правда, в отличие от Мухаммеда, за спиной долгую традицию. Например, у Иисуса в качестве предшественника была религия Израиля, Гаутаме предшествовало развитие индийской философии. Заявленное отсутствие предшественников в случае с Мухаммедом необъяснимо. Простое и четкое объяснение состоит в том, что западная картина событий — это иллюзия. В реальности предшественники у ислама были, и весьма значительные; было и несколько предпосылок, о чем и пойдет речь в настоящей главе. В то же время стоит разобраться и с тем, как возникло распространенное на Западе впечатление, свидетельствующее об обратном.

Один из исторических феноменов, создавших это ошибочное впечатление, — это масштаб, скорость и революционность военного и политического воздействия ислама на мир за тридцать лет, начиная с ухода Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. н. э. За эти тридцать лет исламское государство объединило, как уже было отмечено, всю Аравию, всю Сасанидскую Персию и владения Римской империи в Сирии и Египте. Эти огромные политические успехи способны произвести впечатление на современных западных ученых, особенно в силу того, что западное общество мыслит политически. Исламское государство завоевало обширные территории вместе с населением почти одним ударом, но в последующих преобразованиях религии, искусства и интеллектуальной жизни завоеванных народов ислам был не более скор и революционен, чем христианство или буддизм. Подданных убедить куда легче, чем новообращенных. Обращение подданных исламского государства в ислам было постепенным*. Оно заняло по меньшей мере шесть веков и даже тогда не было осуществлено полностью. Иудейские, христианские и зороастрийские меньшинства выжили в Исламском мире до сегодняшнего дня частично благодаря терпимости самого Мухаммеда, предписывавшего мусульманам в Коране иметь дело с немусульманскими «людьми Писания», которые подчинились правлению исламского государства⁵. Кроме того, по мере продвижения по своему пути ислам, как и все другие миссионерские религии, скрытно вбирал в себя элементы прежних религий обращенных. В этом случае, как и в иных, ценой обращения был компромисс.

* Ссылки на этот счет можно найти в следующих трудах: *Arnold T. W. The Preaching of Islam. London: Constable, 1913*; *Tritton A. S. The Caliphs and Their Non-Muslim Subjects. London: Milford, 1930*; *Browne L. E. The Eclipse of Christianity in Asia. Cambridge: University Press, 1933*.

Другой исторический феномен, который создал в западных умах впечатление, что пришествие ислама резко изменило ход истории, — это сопровождавший его выход арабского языка на главенствующие позиции. В правление халифа Абд-аль-Малика (прав. 685—705) арабский язык заменил греческий в качестве официального языка в тех владениях исламского государства, которые раньше принадлежали Римской империи. Но главный успех арабского языка проявился в неофициальной области — в сфере литературы. Источники для изучения исламской истории со времен жизни Мухаммеда и далее обильны, и многие из них имеют первостепенную важность с точки зрения профессиональных историков. Служение Мухаммеда, в отличие от служения Иисуса, можно проследить шаг за шагом, а в некоторые периоды даже день за днем — в точном свете истории. Но все эти ценные исторические записи имеются лишь на арабском языке; и это резко сбивает с толку западного историка, который следит за историей Юго-Западной Азии и Египта по греческим и латинским записям, сделанным за период примерно в двенадцать столетий, начиная с событий, предшествующих созданию Персидской империи Ахеменидов, как это описано по-гречески у Геродота, и вплоть до военных кампаний римского императора Ираклия, как это описано на том же языке Георгием Писидой⁶, который был бы соседом Геродота по Карию, окажись они современниками. Затем, по пришествии ислама, до конца правления Ираклия, западный историк, читающий по-гречески, внезапно обнаруживает, что языка, служившего ключом к истории двенадцати веков, больше недостает. Это подтверждает его представление, что здесь он столкнулся с резкой переменной в ходе истории*.

Так это кажется западному историку, воспитанному на источниках, написанных на греческом и латинском языках, чей отправной пункт — доалександровский Эллинский мир, и тот мир, который охватывает соседнюю империю Ахеменидов и эллинские государства — преемники с греческой точки зрения. Он не осознает,

* Первое издание «Истории поздней Римской империи» Дж. Б. Бьюри (*Bury J. B. A History of the Later Roman Empire*) преподносит нам историю почти вплоть до конца VIII в. от Р. Х. Второе издание обрывается на 565 г. н. э., т. е. на дату смерти императора Юстиниана и за несколько лет до даты рождения пророка Мухаммеда. После того, как второе издание было опубликовано, Бьюри сказал автору этих строк, что теперь он смотрит на первое издание, как на акт юношеской поспешности. Он попытался описать историю VII и VIII в., не изучив арабский язык. К моменту, когда он готовил к выходу второе издание, он по-прежнему не попытался ни изучить арабский, ни переписать историю тех двух веков. Поэтому на этот раз он поставил точку в самом удобном месте — перед датой начала деятельности Мухаммеда.

что эта эллинская точка зрения дает неадекватную картину истории Юго-Западной Азии и Египта от начала и до конца, поэтому, столкнувшись с очевидной необходимостью анализа исторических сведений на арабском языке для познания истории сердца Ойкумены начиная с VII в. от Р. Х., не придает этому должного внимания. Для меня же абсолютно очевидно, что и прочие языки, помимо греческого, точно так же необходимы при изучении истории прошедших двенадцати столетий.

Даже если историк заостряет свое внимание на политической поверхности истории, ему следует проверить правдивость греческого повествования Геродота, сравнив его с уцелевшими подлинниками официальных документов ахеменидских императоров на мидийско-персидском, эламском, аккадском, арамейском и египетском языках. Если он хочет проникнуть глубже политической поверхности, на экономический уровень, он должен изучить многочисленные клинописные записи на аккадском языке, которые были раскопаны в Вавилонии, а созданы были до режимов Ахеменидов и Селевкидов. Орошаемый аллювий низовьев бассейна Тигра и Евфрата был экономической основой каждой из этих империй по очереди; и именно аккадский, а не греческий является ключевым языком при любом изучении экономической истории Юго-Западной Азии этой эпохи — даже того периода, когда с политической арены Ахемениды были вытеснены грекоязычной династией Селевкидов. Если исследователь хочет докопаться до еще более глубокого, нежели экономический, а именно до религиозного уровня, он должен читать на иврите, арамейском, сирийском, авестийском и пехлевийском языках⁷, а также на пали и санскрите, если он собирается познать Индию, двигаясь по стопам Деметрия Бактрийского⁸. В самом деле, для любого исследователя истории Египта или Юго-Западной Азии, который собирается бросить всеобъемлющий взгляд на историю, прочие языки, кроме греческого, имеют первостепенное значение и имели всегда, а не только с пришествием ислама, а с ним и арабского языка в исламском обиходе. В такой перспективе очевидная необходимость арабского языка и недостаточность греческого начиная с VII в. от Р. Х. не должна рассматриваться как революционно-новая отправная точка. Самоутверждение арабского языка уже само по себе не позволяет и далее закрывать глаза на ситуацию, с которой постоянно сталкивается исследователь.

Давайте предположим, что Римская империя не оправилась от припадка анархии, который случился с ней в 235 г. н. э. Давайте в самом деле предположим, что Зенобия, царица североарабского города-государства Пальмира, оказалась в состоянии удержать территории, которыми она овладела молниеносно за счет Римской империи. Ее владения на момент наибольшей экспансии охватывали

треть восточной части Римской империи. Они тянулись на северо-запад почти до проливов Черного моря и на юго-запад — до Сирии. Давайте сделаем еще более смелое предположение, что Зенобия была христианкой и что она унаследовала свое христианство от месопотамского христианского царства Осроэна и, следовательно, приняла его на сирийском языке, а не на греческом. И наконец, давайте представим, что за полвека до Константина христианство получило статус официальной религии в ее владениях⁹. Ни одно из этих предположений не выглядит абсолютно нелепым. История легко могла принять такой оборот. И, если бы это случилось, возникновение христианства вызывало бы такое же впечатление у западных историков, какое сегодня вызывает возникновение ислама. Им казалось бы внезапным и непредсказуемым изменение лица мира, лишаящее западных историков лингвистического ключа к пониманию мировой истории. Гипотетическое христианство Зенобии могло возвести сирийский язык на место греческого, как исторически ислам Мухаммеда возвел арабский на его место через несколько сотен лет. Это породило бы в глазах Запада такое же впечатление революционной перемены; и это впечатление в случае воображаемого события, так же как и в случае исторического события, было бы иллюзорным. В третьем веке могло случиться примерно то же, что случилось в седьмом. «Псевдоморфозы» (термин Шпенглера¹⁰) были бы обвинены в камуфлировании всего того, что произошло на самом деле. Наличие всегда присутствовавшего неэллинского ядра в жизни Юго-Западной Азии под пластом эллинизма вышло бы наружу примерно на четыреста лет раньше той даты, которая у нас есть, когда этот слой действительно обнажился. Но это обнажение ядра, произошедшее оно в третьем веке, не совершило бы более революционной перемены в течении истории, чем оно произвело в седьмом. Приписываемое исламу отсутствие предшественников есть не более чем иллюзия западных эллинистов.

Если мы снова взглянем на предисламскую историю, но отнюдь не эллинскими глазами, то найдем избыток предпосылок и предшественников для всех основных феноменов, которые в совокупности явили миру ислам.

Неарабский мир сперва узнал о явлении новой религии через воинственные выступления семитоязычных кочевников Аравийского полуострова, но арабское великое переселение в VII в. н. э. было не первым взрывом такого типа, а, наоборот, последним. Сами арабы до этого исходили из Аравии дважды: во II в. до н. э., когда империя Селевкидов потеряла свою власть над Плодородным Полумесяцем, и еще раньше, в VII в. до н. э., когда Ассирийская империя начала испытывать трудности под тяжестью навязанных самой себе военных забот. Арамейско-халдейско-еврейский прорыв, имевший

место в XIII в. до н. э., когда Новая Египетская империя была в упадке, сравним с мусульманско-арабским исходом и по масштабам, и по неистовству. В начале II тыс. до н. э. амориты прорвались так же далеко, как проникли их арамейские преемники. За пять или шесть сотен лет до того аккадцы проложили себе дорогу из пустыни к плодородному аллювию, к северо-западу от Шумера, и поспешили на Тигр, в страну, которую они превратили в Ассирию. Ханаанеи вышли из Аравии не позднее, чем аккадцы, и занятие ими Сирии могло произойти еще раньше¹¹.

Обширная исламская империя за короткий промежуток времени, равный жизни одного поколения, выросла из крошечного ядра, одного города-государства, господствовавшего над одним оазисом. Но у Ясриба Мухаммеда были предшественники в виде Пальмиры Зенобии и в меньшем масштабе — Петры или Хатры¹². В каждом из этих более ранних случаев такой же город-государство в арабском оазисе реально обладал заметной политической властью. Римский император Траян уничтожил миниатюрную империю Петры и аннексировал ее территорию, но его попытка захватить Хатру потерпела неудачу. Следы безуспешной осады римскими завоевателями можно видеть на сохранившихся стенах Хатры до сегодняшнего дня. Хатра была под защитой трех богинь, которые во времена Мухаммеда являлись хранительницами Мекки. Их сила была так велика, что Мухаммед почти поддался искушению свести на нет свою миссию, провозгласив их дочерьми Единого Истинного Бога чистой религии Авраама¹³.

Под режимом Омейядов, которые сосредоточились в Сирии и избрали Дамаск своей столицей, исламское государство было первым и самым главным государством-преемником Римской империи. В этой роли ему предшествовало в VI и VII вв. н. э. княжество Бану Гассан¹⁴, которое охраняло границы Римской империи в пустыне, и в III в. — обширная, хотя и недолго просуществовавшая империя, которой Зенобия управляла из Пальмиры. Омейядам (за единственным исключением Омара II) эллинизм оказался более по вкусу, чем ислам, свидетельством чего является эллинистический декор на дворце Хишама¹⁵ на северной окраине Иерихона. В этом филэллинстве у них были предшественники — варвары — завоеватели ранее эллинизированных территорий, например: парфяне в Иране и Ираке, кушаны в Бактрии и Индии.

Через завоевание Ирака и Ирана, точно так же как Сирии и Египта, исламское государство сделало себя государством-преемником империи Сасанидов, равно как и Римской империи. Экономическое влияние Ирака на своих арабских завоевателей дало о себе знать, когда режим Омейядов сменился правлением Аббасидов и когда столица исламского государства была перенесена из Дамаска в новый

город Багдад. При Аббасидах исламское государство заняло свое место в ряду империй, основанных на экономических ресурсах Ирака. Ряд уходил своими корнями через Сасанидскую, Парфянскую, Селевкидскую, Ахеменидскую и Нововавилонскую империи в империю Агад¹⁶, которая дала политическое единство Плодородному Полумесяцу в третьем тысячелетии до н. э.

В первой главе своей истории исламское государство воевало против политического господства эллинизма в Юго-Западной Азии и Египте, — господства, которое поддерживалось властью Рима с последнего века до н. э. С другой стороны, в культурном плане ислам в конечном счете обрел необходимые силы для того, чтобы играть роль мировой религии, основываясь на эллинистических интеллектуальных ресурсах. Таким образом, его отношение к эллинизму было амбивалентно: тяготение к нему в культурном плане сочеталось с враждебностью в плане политическом. Но эта амбивалентность по отношению к эллинизму не была исключительно исламской. Такое же отношение было характерно для монофизитского и несторианского христианства, хотя ислам пошел в бой первым; до этого подобная позиция была у ортодоксального христианства, и она продержалась до тех пор, пока конкордат с властями Римской империи не понизил их до «имперской» мелькитской Церкви¹⁷ в глазах Сирии и Египта, недовольных христианских подданных Римской империи. До времен Константина и Феодосия ортодоксальная христианская Церковь была и эллинистической, и антиэллинистической одновременно. Она завоевала сердца обращенных из эллинизма, представ перед ними в эллинистическом одеянии. Ислам следовал этим христианским прецедентам, когда, завершив вытеснение эллинизма с политической арены в Юго-Западной Азии и Египте, он стал создавать собственную теологию, прибегнув к помощи эллинской философии.

Различные аспекты откровения и первых лет истории ислама, как представляется, имеют предшественников и предпосылки, подобно другим историческим явлениям. Более того, их можно вполне убедительно объяснить. Мы можем понять, почему Мухаммед именно в своем поколении осуществил свою религиозную миссию. Мы можем видеть, почему он был вынужден стать еще и политиком, помимо того, чтобы быть пророком. Мы можем видеть, почему исламское государство в первой главе своей истории оказалось в состоянии осуществить быстрые и стремительные завоевания. Наконец, мы можем видеть, как после установления мирового государства ислам развился в мировую религию того же порядка, что и христианство, и существует наравне с ним.

Пророческую миссию Мухаммеда можно объяснить как следствие накопленного воздействия постепенного, но неуклонного проникновения в Аравию цивилизации. Этот процесс, возможно,

начался еще до истечения II тыс. до н. э., когда одомашнивание верблюда сделало возможным переход человека через пустыню. В конце I тыс. до н. э. Йемен, как мы уже отмечали, был включен в поле Сирийской цивилизации. В VI в. до н. э. нововавилонский император Набонид установил границу Шумеро-аккадской цивилизации по северо-западному арабскому оазису Тайма¹⁸. Во времена Мухаммеда иудаизм и христианство энергично продуцировали свое влияние на Аравийский полуостров с северо-запада, юго-запада и северо-востока. В Хейбаре¹⁹ и Ясрибе были хорошо обосновавшиеся иудейские общины, а в Йемене преобладали общины христианские. Во времена Мухаммеда в Аравии получило широкое распространение чувство, что пришло время и арабам стать «людьми Писания», подобно иудеям и христианам. У Мухаммеда были столь же искренние, хотя и менее четко формулировавшие свои принципы предшественники среди ханифов²⁰, в числе его современников был и потенциальный соперник — пророк Маслама²¹. Если бы пророк Хиджаза Мухаммед потерпел неудачу, пророк Неджда Маслама проделал бы ту же работу, что и Мухаммед, а если бы и Маслама потерпел неудачу, поднялся бы какой-нибудь другой пророк в другой части Аравии, который бы надел туфли Масламы и Мухаммеда. Так что у «подобного Минерве внезапного появления и расцвета в течение одной жизни»* ислама есть, как и у христианства, долгая предыстория. Сравнение с нормальным рождением куда больше подходит для явления ислама, чем с легендарным рождением богини Афины. Нормальное рождение — событие внезапное и драматическое, но оно не происходит как гром среди ясного неба и поэтому не необъяснимо.

Во второй части своей общественной карьеры, начавшейся уходом из Мекки в Медину, Мухаммед успешно играл ту политическую и военную роль, которую евреи, после потери ими политической независимости, отводили ожидаемому Мессии.

Отведенная еврейскому Мессии задача была, говоря человеческим языком, почти безнадежным делом. Он должен был свергнуть мировую империю, в которой евреи были подданными, и установить на ее месте мировую еврейскую империю. Признавалось, что Мессия может преуспеть, только обладая силой, поддерживаемой всемогущей властью Яхве. Оставьте ему лишь его человеческие ресурсы, и он будет заранее обречен, и в самом деле, пока существовала Римская империя, любой еврейский политический лидер, который пытался играть роль обещанного Мессии, только навлекал тяжкие бедствия на себя и свою общину. Римская власть была непобедима и вездесуща. Одного лишь обвинения в стремлении стать

* *Kroeber A. L. The Nature of Culture. P. 462.*

Мессией было достаточно для осуждения на смертную казнь, о чем знали враги Иисуса, когда предъявили это обвинение против него перед судом Пилата. Как гласит евангельский рассказ, обвинение против Иисуса было беспочвенным. Он или вовсе не провозглашал себя Мессией в каком бы то ни было смысле, или провозгласил себя таковым в неполитическом и невоенном смысле, что изменяло традиционную концепцию роли Мессии вне всякого официального признания. Тем не менее Иисус был умерщвлен римскими властями. Они не захотели рисковать. На деле при режиме мирового Римского государства пророк был обречен, даже если он был ложно обвинен в намерениях идти в политику и взять в руки оружие. Его единственная надежда заключалась в идее строгого ненасилия, и даже это не смогло спасти Его.

Режим, при котором Мухаммед приступил к своей пророческой миссии, был в корне иным. Он был гражданином беспокойного города-государства. В Мекке его времен ненасилие, конечно, не спасло бы жизни пророку, который взялся бы проповедовать доктрину, неприятную местной правящей верхушке. Но, в отличие от Римской империи, город-государство Мекка не был вездесущим. Его юрисдикция ограничивалась одним-единственным оазисом. Было вполне реально уйти из Мекки туда, куда не могла дотянуться не такая уж и длинная рука курейшитов²², и, таким образом, когда Мухаммеду было предоставлено политическое лидерство в независимом городе-государстве Медина, он нашел эффективный способ отомстить враждебной олигархии. Мухаммед в Медине проявил себя как политический гений, и с тех пор его месть стала не только эффективной, но и разрушительной. Его политическую карьеру не стоит рассматривать дальше в настоящем контексте, так как это достаточно подробно обсуждалось в предыдущем томе. Однако стоит отметить, что в ней нет ничего необъяснимого.

Также нет никакой тайны в причинах быстрых и обширных военных успехов раннего исламского государства. Ключ кроется в разделении территорий, однажды отвоеванных Александром у Ахеменидов, между двумя соперничающими империями: одна была расположена в Ираке, а центром другой было Средиземноморье. Политическое равновесие уже просуществовало семьсот лет к тому моменту, когда второй политический наследник Мухаммеда Омар I (прав. 634–644) покорил империю Сасанидов и вырвал из Римской империи владения к юго-западу от Тавра. Обе империи навлекли эти беды сами на себя, позволив перманентным пограничным столкновениям из локальных стычек за владение пограничными крепостями и областями перерасти в борьбу не на жизнь, а на смерть, в которой само существование обеих противоборствующих сил было поставлено на карту. Сердце Ойкумены к северу от Аравии было

оккупировано в ходе двух долго тянувшихся и разрушительных римско-персидских войн (568—94 и 603—28)²³, которые закончились, как только были утверждены взаимоотношения двух воюющих сторон, по сути дела вернувшие ситуацию в исходное состояние. Эти события совпали большей частью с жизнью Мухаммеда (570—632). Результатом эффективных перемен стал баланс власти между двумя империями и арабскими варварами вдали от южных рубежей. Обе империи вышли из этой двойной великой войны ослабленными, а арабы, напротив, — значительно обогатившимися и обученными. Они сумели заработать деньги, служа наемниками у обеих сторон, значительную часть своих доходов они вложили в покупку современного военного оснащения; и, что важнее всего, они научились на практике использовать это оснащение и вести военные действия крупными силами и на обширном пространстве. Это ускоряло и завершало процесс, шедший уже несколько веков. Религия была не единственным элементом «цивилизации», проникшим в Аравию, — воинское оснащение и военные навыки также были хорошо усвоены, причем еще до того, как долгая история римско-персидских столкновений дошла до своей роковой кульминации. Самым мощным новым оружием, которое арабы приобрели в доисламский период, был конь, и конница сделала арабов почти неуязвимыми в бою — что произошло и с индейцами североамериканских равнин, когда те переняли коня у испанцев.

Таким образом, ко времени хиджры Мухаммеда в Медину арабы уже обладали всем необходимым для того, чтобы стать мировыми завоевателями, кроме одного — политического единства. Когда Мухаммед дал им и это, прорыв этой силы на арену мировой истории стал неотвратимым. Немногие арабы стали приверженцами ислама ради самого ислама, большинство сперва всерьез протестовало против того, чтобы исламское правление им навязывали — почему это их должна облагать налогом исламская власть? Почему они должны подчиняться правлению людей из Ясриба в союзе с кучкой беженцев из Мекки? Новость о смерти Мухаммеда в 632 г. н. э. стала сигналом для широкомасштабной войны в Аравии за отделение (риддах); и политическим наследникам Мухаммеда было непросто одним противостоять силой оружия. Арабские раскольники смирились с управлением исламского государства, понимая, что под единым командованием они обретут силу, чтобы завоевать Ойкумену и пограбить ее. Нищета пострадавшей в войне Персидской империи, которая остро ощущалась ее подданными, оказалась невероятным богатством, когда была оценена по стандартам их изнуренных арабских завоевателей.

Созданием мощной арабской военной власти, утверждающей политическое единство, Мухаммед сделал для арабов то, что Филипп

Македонский сделал для эллинов. Эти последние установили свое военное превосходство над персидской ахеменидской мощью так же, как это было сделано и в далекие 480—479 гг. до н. э., когда они блестяще отбили попытку Ксеркса завоевать континентальную европейскую Грецию. Успешный поход десяти тысяч греческих наемников Кира Младшего из Вавилонии на Черноморский берег Анатолии показал, чего можно достигнуть панэллиническими военными усилиями. Конечно, спартанский царь Агесилай мог опередить Александра на шестьдесят лет, если бы в 395 г. Афины и Фивы не объединились, чтобы напасть на лакедемонян с тыла. Эллинам пришлось ждать, пока Филипп Македонский не навязал им политическое единство, чтобы собрать урожай с того превосходства над империей Ахеменидов, которое они установили за 145 лет до того, как наследник Филиппа Александр — Омар эллинов — пересек Гелеспонт²⁴.

Изречение Крёбера, гласящее, что у ислама не было ни детства, ни настоящего взросления, также не соответствует историческим фактам. Безусловно, у ислама было детство, отнюдь не беспечное, но зато оно компенсировалось выдающимся взрослением.

Действительно, ислам, проповедуемый его основателем Мухаммедом, был по сути высшей религией: Мухаммед призвал своих соотечественников, людей из Мекки, предать забвению культ их местного пантеона, обретавшегося в Каабе²⁵, и посвятить себя Богу, провозглашенному Его пророком из Мекки Мухаммедом, Единому Истинному Богу всех людей и всей Вселенной. Это и доставляло Мухаммеду трудности в контактах с местной олигархией городогосударства Мекки. В то же самое время горизонты Мухаммеда были ограничены пределами его собственного народа, как и горизонты Иисуса, согласно фрагментам из Евангелия от Матфея*, в которых говорится, что Он наставлял своих учеников не посещать язычников или самаритян, но ходить к «заблудшим овцам дома Израиля». Стремление арабов стать людьми Писания, подобно иудеям или христианам, было националистическим, принявшим форму, характерную для варваров, обитавших на окраине цивилизации**. На арабов достаточно сильное впечатление произвела культура Римской империи, чтобы возжаждать религии такого же типа, как та, которую проповедовали жителям Римской империи. В то же самое время они достаточно независимо мыслили, чтобы не захотеть принять столь впечатлившую их религию соседей, без придания ей

* Мф. 10: 5—6; 15: 21—28. В Евангелии Марка (7: 24—30) об Иисусе говорится, что Он встал на тот же путь — и это, грубо говоря, — в его первой негативной реакции на воззвания к Нему ханаанейки.

** Такое мнение выразил Р. Коулборн в книге «Тойнби и история» (*Coulborn R. Toynbee and History*. P. 165).

арабского национального колорита. В глазах арабов поколения Мухаммеда христианство было национальной религией римлян, а иудаизм был национальной религией евреев, и образ Единого Истинного Бога, который Мухаммед представил своим соотечественникам, был, как и иудейский образ Его, двусмысленным. Помимо того, чтобы быть богом Вселенной, он должен был быть национальным богом арабов. Ислам должен был воскресить чистую религию Авраама, а значит, избранным народом колена Авраама должны были стать арабские потомки его сына Измаила вместо еврейских потомков его сына Исаака.

Имея этот оттенок варварского национализма, ислам походил на арианскую форму христианства, которая тремя веками раньше была принята восточногерманскими варварами накануне завоевания ими Римской империи с противоположной стороны света. Этот элемент национализма в исламе был, конечно, существенно усилен, когда Мухаммед расширил территорию своего Мединского государства не только на Мекку, но и на всю Аравию. И, как уже отмечалось, арабы были равнодушны к идеям и идеалам религии пророка, но они оценили ту военную мощь, которую он придал им, политически объединив их в общеарабское исламское сообщество. Так ислам был принесен из Аравии в бывшие владения Римской и Сасанидской империй в качестве национальной религии арабской завоевательной армии.

Завоеватели не особенно жаждали неарабских обращенных. Завоеванные народы казались им более полезными в качестве облагаемых налогом, чем в качестве собратьев по религии. Подданные, исповедовавшие зороастризм и ислам, подняли бурю в государстве арабов. Они проторили собственный путь в лоне ислама, лишили арабов их политического превосходства в исламском государстве и дали самому исламу организацию и теологию, раз и навсегда сменившие неопределенность, до этого момента сохранявшуюся в метаниях между несовместимыми идеалами национализма и универсализма. Таким образом, неарабские обращенные в религию Мухаммеда в конечном счете спасли для ислама то положение, которое подверг опасности сам основатель. Но для этих обращенных казалось возможным, что ислам может пойти тем же путем, что и арианское христианство. Как бургунды, вестготы и лангобарды, арабы рано или поздно забыли бы свою варварскую национальную религию ради мировой религии их христианских подданных, если бы эти подданные тем временем сами не переняли ислам как новую высшую религию для всех людей по образу христианства, которое ранее исповедовали обращенные потом в ислам христиане²⁶.

В конечном счете превращение ислама в мировую религию было огромным достижением, как культурным, так и религиозным. Это

сравнимо с тем, что произошло ранее с христианством; и это было сделано теми же людьми и теми же средствами. Люди, чьи благие усилия дали исламу такую же возможность, как и христианству, расти духовно и культурно, были носителями комбинированного сирийского и эллинского наследия в Юго-Западной Азии. Как мы указывали ранее, развитие как Сирийской, так и Эллинской цивилизации было прервано: Сирийской — через столкновение с эллинизмом, а Эллинской — через столкновение с сирийско-греческой религией — христианством. Народы, ранее причастные к обеим цивилизациям, утратили сознание себя как носителей различных культур, но не потеряли свое культурное богатство. Напротив, Сирийская и Эллинская цивилизации, потеряв свою характерную самоидентификацию, незаметно создали очень богатую культурную почву, не имевшую себе равных по питательной силе. Подвиг возвращения не одной, а двух высших религий до их зрелости, каждая из которых привлекала мир, — достижение, с которым было бы трудно состязаться.

Преобладающее пренебрежение исламом на Западе — остаток антиисламских предрассудков. Оно упрямо продолжает существовать даже в современных западных умах, именно поэтому я чувствую необходимость в данной работе исправить христианский уклон в культурном наследии подобного толка, так как многим представляется, что в своих интеллектуальных трудах, давая неблагоприятную оценку исламу, они действуют в соответствии с единым стандартом, беспристрастно и объективно осуждая ислам за его собственные недостатки. Крёбер, например, дает интерпретацию ислама как исторического феномена в свете своей гипотезы об истории распространения цивилизации в Старом Свете. Крёбер сравнивает цивилизацию Старого Света с пожаром, начавшимся в Плодородном Полумесяце и затем распространившимся по кругу все дальше от места возникновения. Язычки пламени заметны на все расширяющейся внешней кромке очага пожара и тогда, когда в месте первоначального зарождения пламя давно уже погасло, не оставив ничего, кроме серого холодного пепла. У этой гипотезы есть некоторые заметные достоинства. Главное в том, что она соответствует определенным историческим фактам. Почти равное первое достоинство заключается в том, что она возвышается над односторонним общепринятым западным предубеждением, которое принимает в расчет расширение цивилизации только на Запад из Шумера и Египта через Средиземноморье в Европу и оттуда в конечном счете в Америку и игнорирует ее одновременное продвижение в Индию и Восточную Азию. Движение вперед на внешней кромке после того, как оно увяло в точке зарождения, — это явление, которое мы можем наблюдать в различных ситуациях во внечеловеческой природе, а также

и в человеческих делах. Расширяющееся движение круга пламени имеет явную параллель с круговой волной, приведенной в движение камнем, брошенным в пруд. Волна продолжает свое движение вперед и после того, как водная гладь в месте, куда бросили камень, давно уже успокоилась. Город, подобно этому, иногда продолжает расти по периферии в то время, как его ядро, когда-то бывшее центром его жизни, впало в запустение или даже вовсе заброшено. А в Ойкумене есть один великий Град Зевса, в котором Град Кекропа²⁷ воспроизведен в крупном масштабе*¹⁾. Это так или иначе только поэтическое сравнение, и Крёбер сам предупреждает меня*²⁾, что сравнение не то же самое, что демонстрация явления.

Как мы уже отметили, за период времени в половину тысячелетия, оканчивающийся в IV в. от Р. Х., четыре цивилизации (три из них у себя дома в сердце Ойкумены²⁸ и четвертая — Эллинская, также долго пребывавшая здесь) постепенно исчезли в том смысле, что бывшие их носители утратили сознание неразрывности со своим культурным наследием. Также верно, что ислам обосновался в этом регионе как преемник христианства. Крёбер, конечно, прав, говоря*³⁾, что «ислам возник в регионе, который был средоточием, сердцем всей высшей цивилизации... на Ближнем Востоке, в центре неолитической революции, где было положено начало сельскому хозяйству и городам, царствам и письменности». Но он точно не прав, продолжая, что «он возник в то время, когда созидательные культурные импульсы уже далеко продвинулись из самого сердца»*⁴⁾. Утрата сознания культурной непрерывности не то же самое, что утрата самой культурной созидательности. Слияние различных элементов Сирийской и Эллинской цивилизаций обеспечило богатое удобрение, из которого проросло христианство; и его богатство было достаточно щедрым, чтобы произвести второй урожай сравнимой ценности — в виде ислама. Существовали ли когда-нибудь созидательные культурные импульсы, которые произвели бы лучшие плоды, чем две религии, обращенные ко всем?

Ислам как преемник христианства вошел в полную силу в сердце Ойкумены тогда, когда это сердце билось энергичнее, чем когда бы то ни было. Если бы Крёбер горел желанием познать ислам как феномен, равный христианству, то он бы не увидел его своими завистливыми глазами как «стесненную, способную сокращаться цивилизацию, цивилизацию антиэллинскую, антисасанидскую и

*1) *Марк Аврелий Антонин*. К самому себе. Кн. IV, гл. 23.

*2) *Kroeber A. L. The Nature of Culture*. P. 376

*3) *Ibid.* P. 381.

*4) *Ibid.*

антихристианскую, без искусства, без большой интеллектуальной любознательности или глубины, без сколь-нибудь заметных стремлений, присущих другим цивилизациям»*. Тогда бы он не пришел к объяснению мнимого чувства собственной неполноценности ислама, сделав ничем не оправданное предположение, что регион, в котором ислам вошел в полную силу, был к тому времени культурно потерянным. Во всяком случае, мы принимаем его сравнение с распространяющимся вширь пожаром, оставляющим выгоревший центр, как обоснованный ключ к географической истории цивилизации Старого Света. Конечно, пожар не был потушен в своем сердце ни до завоевания Юго-Западной Азии и Египта дикими арабами-мусульманами, ни в течение последующих созидательных веков, когда ислам вошел в полную силу благодаря местным обращенным неарабам из завоеванного зороастрийского и христианского населения. Даже в предыдущую эпоху политического разделения Ирак был двигателем империи Сасанидов, и Сирии, и Египта в составе Римской империи. Мощь этих трех стран заметно усилилась, когда арабское завоевание объединило их политически первый раз с момента распада империи Ахеменидов, примерно за тысячу лет до этого. Под режимом Омейядов и Аббасидов Юго-Западная Азия и Египет были все еще сердцем Ойкумены, как и в течение предыдущих трех-четырёх тысяч лет.

Этот исторический регион в конце концов попал в неблагоприятную ситуацию и страдает от запустения, из которого не выходит и в наши дни. Но этого не происходило до тех пор, пока ислам не вошел там в полную силу; и не ислам был причиной этого.

Мощь этого региона всегда базировалась, как, впрочем, и по сей день, на двух ценных качествах: его высокой продуктивности и географическом положении в центре сети коммуникаций Ойкумены. В прошлом его основной отраслью было сельское хозяйство, а богатством — урожай, выращенный на орошаемых полях. Сегодня основная отрасль — добывающая, а богатство — нефть, добываемая из его недр. Регион, судя по оценкам, содержит основную часть мировых запасов нефти, как в прошлом он производил основную часть мирового урожая хлебных злаков. Неизменно и столь благоприятное географическое положение региона Юго-Западной Азии и Египта — он является центральным узлом мировых коммуникаций. Этот регион вновь обретает свое изначальное положение центра Ойкумены, и это происходит менее чем четырехста лет спустя после того, как баланс Ойкумены был нарушен в результате двух одновременных революционных достижений Запада: открытия Нового Света на западном побережье Атлантики и открытия непрерывного

* *Kroeber A. L. Op. cit. P. 381–382.*

маршрута с Атлантического побережья Западной Европы в Южную и Восточную Азию вокруг мыса Доброй Надежды. С 1869 г. маршрут стал короче благодаря строительству Суэцкого канала²⁹. Это вновь открыло прямой судоходный путь между Индийским океаном и Средиземным морем, который существовал в эпоху Ахеменидов, когда инженеры императора Дария I соорудили канал из Суэца в дельту Нила. Суэцкий канал является кратчайшим морским маршрутом между двумя районами наибольшей концентрации населения XX в.: одного в Южной и Восточной Азии и другого в Европе и Северной Америке, и в наши дни его дополняет сеть авиамаршрутов, которые собираются в пучок, пересекая земной мост между Азией и Африкой.

Таким образом, сердце Ойкумены сейчас преодолело кризис, ставший следствием того, что западные моряки, искатели приключений XV в., совершили свои стремительные географические открытия. Благодаря открытию запасов нефти Юго-Западная Азия вновь находится на верном пути к восстановлению после удара, перенесенного в XIII в., когда в результате похода монголов было полностью подорвано сельскохозяйственное производство, из-за разрушения четырехтысячелетней системы ирригации в Ираке. Степень разрушения, причиненного монголами Юго-Западной Азии к востоку от Евфрата, можно оценить, сопоставив современное сельское хозяйство Египта, которое без сбоев продолжает действовать примерно с 3000 г. до н. э., и современное сельское хозяйство Ирака, которое только теперь начинает оправляться от удара, нанесенного монголами семьсот лет назад. Массовое уничтожение человеческих жизней было делом куда более губительным, чем разрушение инженерных сооружений. Посетите Хорасан, самую северо-восточную провинцию нынешней Персии, и побывайте на обширной пустоши среди четырех плоских стен домонгольского города Тус или домонгольского города Нишапур³⁰. Вы поймете, что даже по истечении семисот лет Юго-Западная Азия все еще не оправилась от удара, который ей нанесли монголы в XIII в. Эти разрушения сопровождались смещением западноевропейских морских путей от Леванта и Красного моря в XV в., что объясняет, между прочим, упадок и потускнение Юго-Западной Азии и Египта в XVI—XVIII вв. и вместе с тем делает новое открытие региона в XIX в. событием весьма удивительным и впечатляющим. В настоящем контексте временный упадок и постоянное восстановление — это процессы, последовавшие за явлением и вступлением в силу ислама. Даже хронология отвергает сомнительный тезис Крёбера, что ислам — продукт Мертвого моря, выросший в пустыне.

Каково отношение ислама как религии к Исламской цивилизации, ставшей столь заметным явлением на культурной карте

современного мира? Раштон Коулборн доказывает положение, «что Исламская цивилизация, пребывающая в стадии подъема, — это нечто явно новое. В ее подъеме ислам как религия играл лишь промежуточную роль». Заявление, как мне представляется, безусловное. Я сам, конечно, никогда не писал обратного и не стал бы оспаривать его, если оно подразумевает не больше, чем само говорит. У меня тем не менее создается впечатление, что Коулборн имеет в виду, что Исламская цивилизация начала свое существование одновременно с самим исламом, и в этом пункте есть отличие от отношения Христианской цивилизации и христианства. Если, интерпретируя его тезис в этом смысле, я верно уловил то, что он подразумевает, тогда я с ним не согласен. По моему мнению, отношение Исламской цивилизации к исламу такое же, как и у Христианской цивилизации к христианству. В обоих случаях, как я их вижу, религия придала свое лицо миру и продолжила набирать мощь в социальных и культурных рамках, существовавших ранее и еще до того, как предыдущая иная цивилизация, или цивилизации, выветрилась, и новая религия, казалось бы, неожиданно породила новую цивилизацию, которая закономерно названа была по имени религии, поскольку, несомненно, несла на себе ее отпечаток.

Подобное истолкование хода событий, я думаю, не оспорит ни один исследователь, изучающий отношения между христианством и христианскими цивилизациями. Каждый, безусловно, признал бы, что христианство появилось и вошло в полную силу в рамках Эллинистической цивилизации и что христианские цивилизации начали выходить на поверхность до того, как Эллинистическая цивилизация постепенно стала исчезать (приблизительно с конца VII в. от Р. Х.). Христианство в период своего становления было религией меньшинства, живущего как временные странники в мире, который не является их собственным. Ислам на заре своего становления, как мне представляется, был в такой же ситуации. Он вошел в полную силу в рамках чужих цивилизаций — в данном случае не Эллинистической цивилизации, а Несторианской христианской, Монофизитской христианской и зороастрийской Иранской. Действительно, христианское меньшинство в Римской империи жило в катакомбах, тогда как мусульманское меньшинство жило в мире, который не оно создало и в котором пребывало недолго.

После явления ислама, как и после явления христианства, должны были пройти века, чтобы новая религия могла удочерить новую цивилизацию; необходимо было, чтобы меньшинство стало большинством. В Средиземноморье это происходило в течение трех столетий и закончилось к VII в. от Р. Х., в Юго-Западной Азии и Египте — в течение трех столетий и кончилось в XIII в. от Р. Х. До этого мусульмане, включая обращенных неарабов, точно так же как и сами

арабы, были всего лишь меньшинством во владениях исламского мирового государства. Зороастрийские подданные исламского государства в Иране и бассейне Окса и Яксарта пришли к исламу в массовом порядке быстрее, чем христианские подданные к западу от Загроса³¹. Но массовое обращение в ислам не начиналось ни в одном из владений мирового исламского государства, пока оно не было опустошено варварскими вторжениями. Крестовые походы и последовавшее за ними внезапное вторжение монголов явились той причиной, которая подвигла большую часть населения Юго-Западной Азии и Египта кинуться в ислам как в спасительную духовную силу, которая, как многие надеялись, могла сплотить общество в том катклизме, в котором «исчезали основы Земли».

Поэтому, подводя итог, я продолжаю утверждать, что Исламская цивилизация (или цивилизации) поднялась в XIII в. от Р. Х., когда последние остатки мировой империи Аббасидов были уничтожены монгольским полководцем Хулагу. Чтобы определить исламу место в истории, мы должны четко разграничить три различных явления: исламскую религию, основанную и принятую пророком Мухаммедом и затем спасенную обращенными, его политическими наследниками неарабами; исламское государство, основанное государственным мужем Мухаммедом и разросшееся, подобно дереву, выросшему из горчичного семени из евангельской притчи и бросившему тень на всю землю*; и Исламскую цивилизацию (или цивилизации), которая явилась побочным культурным продуктом христианства. Если мы не различаем четко в нашем мышлении эти явления и процессы, мы близки к заблуждению в нашей интерпретации ислама и его культурных побочных продуктов.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРЕЙСТВА

I. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ

Интерпретация еврейской истории — классический пример зависимости мнения наблюдателя от его личного отношения к этой части человечества.

* Соединение абсолютной политической и абсолютной религиозной власти в личности Мухаммеда умерло с ним. Его политические преемники не унаследовали его прерогатив в сфере религии. Решения о практике и доктрине ислама достигались путем консенсуса (иджма) ученых (улама) священного закона³². Их роль и положение аналогичны роли раввинов в иудаизме.

Евреи рассказывали свою историю с точки зрения самопровозглашенного «избранного народа», в глазах которого все остальные люди (неевреи) — это, перефразируя Киплинга, «низшие племена без Закона». В христианско-мусульманской половине современного мира эта еврейская точка зрения была принята с условием, что еврейская история рассматривается как дохристианская или соответственно домусульманская эпоха.

Христианская Церковь, например, без критики переняла еврейскую версию истории предшественников евреев, народов Иуды и Израиля¹, как она была представлена в Торе (Ветхом Завете, по христианской терминологии)². Христиане, а также бывшие христиане³ рассматривают финикийцев, филистимлян, эдомитян, моавитян, аммонитян и дамаскинов⁴ так, как их описывают исторические книги Торы, и рассматривают селевкидского царя Антиоха IV и его политику так, как они представлены в Первой и Второй книгах Маккавеев. Если бы Тир и Газа⁵ последнего тысячелетия до н. э., как Израиль и Иуда, имели бы ныне живущих представителей, с которыми мы могли бы поговорить сегодня, они, без сомнения, дали бы свою версию отношений с этими двумя горными народами, проживавшими в отдалении от прибрежной полосы. И эту версию истории было бы очень трудно воспринять, потому что излагаемые события хорошо знакомы христианам в библейской трактовке. Однако принятая христианством версия этого периода истории евреев находит подтверждение, в частности, в результате открытия археологами документов, написанных в Сирийском мире, вне Иуды и Израиля, в последнем тысячелетии до н. э. Историческая ценность их может быть сравнима с ценностью документов, написанных в XIV в. до н. э. и раскопанных ранее в Рас-аш-Шамре⁶.

В устоявшейся исламской версии ветхозаветной истории с евреями все обстоит не так ладно. Мухаммед последовал примеру христианской Церкви в принятии того еврейского тезиса, что писаная Тора есть Слово Божие, но, когда евреи заметили, что некоторые истории Ветхого Завета истолкованы им неверно в важных деталях, Мухаммед объяснил разночтения тем, что это сами евреи сфальсифицировали свои священные писания, а кораническая версия — это восстановление изначального, и ислам есть «чистая религия Авраама». Таким образом, уступка Мухаммеда претензиям евреев была частично обесценена даже в отношении эпохи, предшествующей новому разделению по причине серьезных обвинений против еврейской благой веры⁷. Хотя Мухаммед, как и христианская Церковь, признавал авторитет писаной Торы как книги, вдохновленной Богом, однако едва ли ее текст мог быть подтвержден Мухаммедом как аутентичный; и обвинение, выдвинутое им против евреев, не касалось их предка Авраама. Мусульмане, подобно

евреям и христианам, относят свои религиозные корни к тому Откровению, которое Авраам принял от Бога. Как и христианство, ислам опирается на иудаизм, и само его возникновение было обусловлено существованием иудаизма.

Таким образом, мусульмане, как и христиане, в принципе принимают еврейскую веру в божественное откровение Торы и протекающую отсюда веру в особый статус еврейского народа, потому что именно ему было дано это Божественное Откровение. С другой стороны, Скрижали Завета были заново «открыты» евреям христианами и мусульманами, при этом с началом христианской или соответственно исламской эры происходила переоценка еврейской истории.

Христиане, а также мусульмане приняли еврейский отсчет еврейской истории и истории их предшественников — Иуды и Израиля — до начала христианской и мусульманской эр соответственно с той оговоркой, что иудаизм был порожден промыслом иудейского бога Яхве для подготовки христианства или соответственно ислама, а израэлиты и их преемники евреи были избраны Богом, чтобы быть лишь предтечей окончательно «избранного Им народа» — христиан или соответственно мусульман. С возникновением христианства или соответственно ислама «мандат» иудаизма и евреев «был исчерпан», если применить подходящую китайскую формулу⁸. Во времена торжества Истинного Бога, когда был явлен истинный избранный народ, стало очевидным предназначение евреев. Они должны были принять Иисуса (или, в ином случае, Мухаммеда) в соответствии с официальной доктриной иудейской религии и считать его учителем. Уклонившись от принятия таких условий, евреи потерпели поражение в Ответе на высший Вызов их истории и вследствие этого постоянно были обречены на скитания и рассеяние. История евреев и их израэлитских предшественников вплоть до начала служения Иисуса или соответственно Мухаммеда продолжала иметь значение прежде всего как установленная Богом прелюдия христианского или соответственно мусульманского освобождения. Еврейская история, начиная с одной или другой из этих двух критических дат, преподносится однозначно как классический пример упрямства части человечества, которую всем остальным народам в назидание следует лучше знать⁹.

Любому исследователю, воспитанному в христианской традиции, трудно высвободиться из пут официальной христианской идеологии. Человек может отвергнуть христианскую доктрину как таковую сознательно по каждому пункту; однако в своем индивидуальном восприятии он будет чувствовать, что все еще находится под неосознанным влиянием традиционной христианской точки зрения

на еврейскую историю. Взгляд Вольтера — классический случай*. Я отдаю себе отчет в том, что и мой собственный взгляд не свободен от подобного отношения. Если бы я был воспитан в мусульманской, а не в христианской традиции, нет сомнения, что мой взгляд также был бы соответственно искажен.

Это христианско-мусульманское прочтение еврейской истории раздражает евреев — отчасти из-за той крупницы истины, которая в нем заключается, и отчасти из-за заметной доли неверного истолкования, содержащегося в нем.

Зерно истины состоит в том, что пришествие как христианства, так и ислама, а также последующая история этих двух религий, без сомнения, стали двумя основными событиями в истории человечества — по меньшей мере той половины Ойкумены, которая лежит к западу от Индии. Израиль, Иуда, евреи и иудаизм не играли заметной роли в истории человечества до тех пор, пока не стали истоком двух «девиантных» мировых религий. Если бы христианство и ислам были порождены не при произвольном, но неоспоримом отцовстве иудаизма, сегодня иудаизм продолжил бы свое существование в окружении эллинского «язычества», как зороастризм продолжает существовать в среде индийского «язычества». Мы можем догадаться, что в такой ситуации положение иудеев в современном мире было бы больше похоже на современное положение парсов¹⁰, чем на нынешнее положение самих евреев. Евреи были бы менее заметны, нежели в современной ситуации, но им было бы спокойнее. Современные их важность, известность и лишения — все происходит из-за того исторического факта, что они произвольно породили две иудаистские мировые религии, миллионы приверженцев которых делают абсурдное, но не подлежащее сомнению заявление, что они сменили иудеев, пользовавшихся особой милостью иудейского бога Яхве в роли «избранного народа» перед лицом Единственного Истинного Бога.

Евреи — такие же искренние ретрограды, но в ином смысле. Как и самаритяне¹¹, они живые представители Сирийской цивилизации, которая в других своих проявлениях вымерла уже в III или II в. до н. э., если в качестве мерил времени взять тот факт, что арамейский койне вышел из употребления, когда Сирийская цивилизация прекратила свое существование. В целом Сирийская цивилизация, как и современная ей Эллинская цивилизация, сегодня «мертва», если не считать того, что ее наследие живет в нынешних Христианской и Исламской цивилизациях. Это кажется верным,

* Об этом напоминает раввин Дж. Б. Агус в книге «Judaism» (1956. P. 2). В «National Jewish Monthly», за ноябрь 1956, раввин Агус отстаивает ту же точку зрения в более общих терминах со ссылкой как на неортодоксальных иудеев, так и на неортодоксальных христиан.

потому что на западной оконечности Старого Света, в противоположность восточной, была серия «успешных» поколений цивилизаций с того момента, как впервые появились те разновидности человеческого общества, которые мы можем назвать цивилизациями, верно также и то, что иудаизм — религия того «поколения», представители которого, кроме самаритян и парсов, в других отношениях уже вымерли. Это исторический факт, и я был в здравом уме, когда в начале своего труда присвоил парсам* и иудеям (среди других сегодняшних общностей) ярлык «окаменелые». Мой выбор данного слова может быть удачным или нет для передачи того исторического факта, который я хотел описать. Но факт остается фактом.

Вместе с тем, конечно, неверно с приходом христианства или соответственно ислама снимать со счетов еврейскую историю. Отказываясь быть «куколкой» любой из двух «девиантных» мировых иудаистских религий и выживая как сопротивляющееся меньшинство в христианской и мусульманской среде, евреи оставили глубокий след в обеих историях — как христианской, так и мусульманской — в качестве современников, а не только в качестве мертвых предшественников христианства и ислама. Таким образом, евреи не утратили своего значения даже в пределах ислама и исламской истории, и тем более они не утратили значения в пределах своей собственной истории. И несмотря на то, что отношения евреев с нееврейским окружением сыграли заметную роль в приходе христианства и ислама, эти два потрясших мир события едва ли произвели сколь-либо ощутимое влияние на внутреннюю жизнь евреев или эволюцию иудаизма. Во время и после первого века христианства поток еврейской религиозной литературы хлынул обильнее, чем когда-либо раньше. По этому периоду еврейской истории документов у нас в избытке; и одно примечательное качество еврейских письменных источников того времени — это бледность отметин, оставленных на ней Иисусом или самим христианством.

Главным источником силы, трансформировавшей примитивную религию Израиля и Иуды в иудаизм, был «травматический удар», который «получила еврейская душа, когда еврейская вера в избранность испытала ужасное потрясение в результате национального краха и Изгнания»**. Такие удары наносились еще несколько раз: Навуходоносором во втором десятилетии VI в. до н. э., Антонием IV в четвертом десятилетии II в. до н. э., римлянами в римско-иудейских войнах в 66—70 и 132—135 гг. н. э.¹². Бедственный конфликт евреев с

* Спорный вопрос — можно ли рассматривать парсов как живых представителей характерной доисламской иранской культуры или мы должны считать, что эта иранская культура постепенно вошла в поле Сирийской цивилизации во время и после эпохи Ахеменидов?

** *Talmon J. L. Commentary. Juli 1957. P. 3.*

римлянами в первые два века христианства произвел много больший эффект на историю иудаизма, чем приход христианства*¹). Все это тяжело отразилось на иудаизме. Это ускорило разработку канона писаной Торы, кодификацию комментария к Торе (Мишна) и составление комментария (Гемара) на этот комментарий, которые вместе и составляют Талмуд. Период со времен Ирода Великого (прав. 40—4) до поколения патриарха Иехуды, который кодифицировал Мишну приблизительно в 220 г. н. э., был эпохой Таннаима*²). Иудаизм принял свои окончательные формы в течение ста пятидесяти лет, начиная с поколения рабби Йоханана бен Заккаи, который с позволения римлян в 70 г. н. э. основал школу в Ямнии. Канон писаной Торы предположительно был зафиксирован Синедрионом (неполитический орган, не смешивать с довоенным Синедрионом), который Галахи рабби Йоханан бен Заккаи учредил в Ямнии*³). Кодификация *hâlâchoth* (согласованных толкований предписаний, ясно изложенных или подразумеваемых в писаной Торе) была начата раввином Акиба*⁴), который принял смерть в 135 г. н. э., а завершена патриархом Иехудой около 220 г. Мишна была ответом фарисеев на бедствия 70 и 135 гг. н. э.¹³, так же как удар, нанесенный Навуходносором, вдохновил Иезекииля, Второ-Исайю и впоследствии также Ездру. Удар, нанесенный Антиохом IV, вдохновил фарисеев. Развитие иудаизма, побуждаемое этими ударами, было процессом, занявшим около тысячи лет (с VI в. до н. э. до V в. н. э.). Но приход христианства нельзя отнести к подобным побуждающим ударам.

«Ошибочно предполагать, что раввинов сильно интересовал Иисус или что они заботились о том, чтобы узнать о нем побольше»*⁵). В Мишне не содержится имени Иисуса или даже пренебрежительных прозвищ типа Бен Стада или Бен Пандира¹⁴. Раввиническая традиция относительно Иисуса в таком виде, как она есть, начинается, по-видимому, с рабби Элиезера бен Хоркеноса¹⁵, который был учеником рабби Йоханана бен Заккаи и чья деятельность, следовательно, пришлась на поколение, ведшее римско-иудейские войны 66—70 гг. н. э. Раввиническая традиция едва намекает на знание Евангелий, и «Евангельское учение не имело никакого влияния на раввинические учения»*⁶). «Удивительно, как мало Талмуд

*¹) *Herford R. Travers.* Judaism in the New Testament Period. P. 12.

*²) *Moore G. F.* Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. VII.

*³) *Oesterley W. O. E.* The Jews and Judaism during the Greek Period. P. 45.

*⁴) *Herford R. Travers.* Pharisees. P. 73.

*⁵) *Herford R. Travers.* Christianity in Talmud and Midrash. P. 359. Эта книга — авторитетное и исчерпывающее исследование предмета выдающимся унитарным ученым.

*⁶) *Montefiore C. G.* Rabbinic Literature and Gospel Teachings. P. XVII.

говорит об Иисусе»*. Согласно Талмуду, Иисус был рожден вне брака. Его мать Мириам была дамской парикмахершей. Ее мужем был Паппос бен Иехуда. Ее любовником был Пандира. Иисус высмеивал слова мудрецов, называя самого себя богом, и говорил, что поднимется на Небеса. Его судили и приговорили к побиению камнями в Лидде. Вину — или заслугу — за приговор Иисуса к смерти Талмуд приписывает иудеям, а не римлянам. В Талмуде также нет упоминания о каком-либо провозглашении себя Мессией со стороны Иисуса.

Талмуд обнаруживает некоторое опасение, что иудаизм мог быть подорван еретической сектой, называвшейся «миним», что, по-видимому, было пренебрежительным прозвищем иудео-христиан**. Начиная примерно с 80 г. н. э. и далее любой, кто добровольно вызывался, мог в субботнюю службу в синагоге прочесть отрывок из Торы и истолковать его, что требовалось в качестве меры предосторожности против скрытого внушения идей тайных «миним» ортодоксам, чтобы воплотить в жизнь формулу, выдвинутую рабби Шемуэлем ха-Катоном¹⁶: «Да не будет надежды для миним!». Опасения раввинов относительно «миним» утихли, когда иудео-христианская Церковь стала утрачивать свои позиции. С учетом того, что на эту несчастную общину искоса смотрели как христиане-неевреи, так и ортодоксальные иудеи, ее перспективы выглядели весьма ненадежными со времен миссии Павла неевреям. Раввиническая литература игнорирует нееврейское христианство, и, безусловно, иудейские религиозные авторитеты могли быть уверены, что еврейский народ останется невосприимчивым к еретическим формам иудаизма в тех случаях, когда их поборники не являлись сородичами-евреями, подобно «миним», но были неевреями, чья религия автоматически исключалась еврейскими умами после Изгнания из рассмотрения по причине ее нееврейского происхождения***. Короче говоря, ни ев-

* *Herford R. Travers. Op. cit. P. 347.*

** См.: *Herford. Указ. соч.,* особенно на с. 321–341. Г.Ф. Моор отмечает в своем труде «Иудаизм в первые века христианства» (т. III. С. 68), что в Талмуде и Мидрашах слово «миним» не всегда означает христиан Иудеи. Буквальный смысл слова «миним» — «род», «вид» (т. е. конкретный вид), и это был общий термин для иудейских еретиков.

*** Евреи и их предшественники — народы Иуды и Израиля — не были, конечно, защищены от нееврейских религий и идеологий. Со времен их первого вторжения в Палестину до времен упадка царства Иудейского их постоянно привлекала религия ханаанеян. Это было естественно, так как культура финикийцев, евусеев и других ханаанеян была выше, чем у сирийских общностей еврейского происхождения вне религиозной сферы и была, безусловно, не ниже в религиозной сфере до начала движения пророков в Иудее и Израиле в VIII в. до н. э. Иудаизм подвергся опасности коррозии под действием ряда чужеземных идеологий еще раз в Христианском и

рейское, ни нееврейское христианство не наложило никакого отпечатка на иудаизм*¹⁾).

Таким образом, если посмотреть внимательно на историю иудаизма изнутри,*²⁾ равно как и извне, становится очевидной абсурдность представлений, что его история могла потерять свою значимость с приходом христианства. В первые века христианства развитие иудаизма было все еще в полном разгаре. Палестинский Талмуд не был завершен до последней четверти IV в. от Р. Х., а вавилонский Талмуд не был оформлен еще сотню лет спустя*³⁾. Этот контраст между историческими фактами и общепринятым христианским и эксхристианским взглядом на историю евреев и иудаизма показывает, как трудно любому, выросшему в христианской среде, смотреть объективно на еврейскую историю. Наблюдатель из исламской среды находится не в лучшем положении. У наблюдателя из иудейской среды аналогичный недостаток, хотя, конечно, в своих утверждениях он будет склоняться в противоположную сторону. Правда, как среди еврейских, так и нееврейских ученых были люди, которые поднялись над предрассудками своих наследственных традиций. Ч. Г. Монтефиоре, Дж. Б. Агус, Г. Ф. Моор — яркие тому примеры*⁴⁾. Однако достаточная широта взглядов и великодушие слишком редкий дар у людей. И, чтобы добиться абсолютно объективного и просвещенного взгляда на еврейскую историю, нам следует дождаться появления какого-нибудь индийского или восточно-азиатского ученого, который одолел бы этот трудный предмет, будучи движим лишь бескорыстным интеллектуальным любопытством. Для большинства человечества, живущего к востоку от Сатледжа¹⁹, евреи и иудаизм не

Исламском мире с того момента, как христианство и ислам стали терять влияние на своих приверженцев. Это началось к концу XVII в., и в течение последней четверти I тыс. эта западная тенденция к агностицизму, рационализму и секуляризации активно влияла на остальное человечество, не исключая и евреев. Между VI в. до н. э. и XVIII в. от Р. Х. иудаизм был относительно невосприимчив к влиянию чужеземных вер и образа жизни. Крупным исключением за этот долгий период было влияние зороастризма¹⁷ на иудаизм в эпоху Ахеменидов.

*¹⁾ *Moore G. F. Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. 92.*

*²⁾ «Тойнби может сильно увеличить свои... достижения, используя понимание еврейского опыта, что он, естественно, обещал сделать» (*Rabby J. B. Agus. National Jewish Monthly. November. 1956. P. 14.*)

*³⁾ *Moore G. F. Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. 4.*

*⁴⁾ Херфорд такой же хороший ученый, как и Г.Ф. Моор, и так же объективно относящийся к евреям. В то же время Херфорд не совсем беспристрастен в своих суждениях относительно ссоры между фарисеями и Иисусом. Когда он имеет дело с этой проблемой, читатель чувствует отголоски другой ссоры — между унитариянами и тринитариянами¹⁸.

составляют практической проблемы, поэтому ученый из этой большей части Ойкумены не черпает из своей социальной или культурной среды ни антиеврейских, ни промусульманских или прохристианских предрассудков. Иное положение к востоку от Сатледжа, где две «девиантные» мировые религии, выросшие из иудаистского корня, в своем миссионерском рвении весьма агрессивно и широко распространили свое духовное влияние.

II. ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ ЕВРЕЕВ. РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В СЛУЧАЕ УСПЕХА В ДОСТИЖЕНИИ ЕЕ

Евреев можно определить как сознательных и осмысленных наследников и представителей народа царства Иудейского, которое уничтожил нововавилонский император Навуходоносор во втором десятилетии VI в. до н. э. С тех пор, как произошло это ужасное национальное бедствие, высшей целью иудеев, переселенных в Вавилон, и их потомков стало сохранение своей характерной национальной идентичности. В этом они весьма преуспели. Еврейский народ сумел выжить как единая общность после целого ряда тяжелых испытаний: уничтожения Иудейского царства; депортации ремесленной и образованной элиты в Вавилон; влияния Шумеро-аккадской цивилизации, которая была высшей по отношению к иудейскому варианту Сирийской цивилизации во всем, кроме религии и письменности²⁰. Далее последовали: попытка Антиоха IV присоединить евреев силой, провалившаяся в результате их сопротивления и нежелания примкнуть к эллинскому обществу со стандартизированной идеологией и образом жизни; истребление римлянами палестинских евреев во время и после двух римско-иудейских войн в 66–70 и 132–135 гг. н. э.; «вторжение» Эллинско-римской цивилизации, оказавшей большое влияние на еврейскую диаспору в городах обширно раскинувшегося Эллинского мира, особенно Александрии Египетской, и ощутимое даже среди палестинских евреев в 30-е и 40-е годы II в. до н. э.; последующий гнет со стороны христианства и (более мягкий) ислама, который евреи выдержали, присоединившись к одной или другой гигантской «девиантной» иудейской религиозной общности; воздействие Исламской, Византийской и Западной цивилизаций. Этот рекорд равно признают как дружелюбно, так и враждебно настроенные по отношению к евреям исследователи, воздавая дань стойкости или упрямству — исследователю виднее, какое из этих слов употребить. Это достижение стало возможно только потому, что евреи всегда ставили цель сохранения характерной национальной идентичности выше любой другой

цели. Еврейский автор назвал это «несгибаемо еврейским упорным стремлением остаться евреями в любых обстоятельствах»*.

Одной из составляющих этой цели было возвращение в страну Иудейскую и восстановление там государства, которое включит в себя не только исторические владения царства Иудейского, но и весь Эрец Исраэль (имеются в виду объединенные владения двух царств — Иудейского и Израильского в границах недолговечной империи²¹ двух иудейских царей Давида и Соломона). Во всяком случае восстановление государства Иудея считалось естественным результатом высшей цели евреев — сохранения своей характерной национальной идентичности. Когда переход к оседлому земледелию впервые укоренил народы на определенных участках земли, обладание характерной национальной идентичностью, как правило, сопровождалось обладанием локальной национальной территорией. Этот территориальный фундамент для поддержки характерной национальной идентичности тем не менее постепенно оказался не столь уж необходимым, начиная с того момента, как закат цивилизации принес с собой усовершенствование средств коммуникации (ментальных точно так же, как и материальных). Этому способствовал также рост городов, которые увеличивались в размерах все ускоряющимися темпами. Оглядываясь назад на ход истории цивилизации за последние пять тысяч лет и обращая особое внимание на историю Плодородного Полумесяца, где впервые и зародилась цивилизация, мы можем увидеть, что именно там стали возникать общности нового, не аграрного типа. Это общности — пост-аграрные в своих средствах жизнеобеспечения; они живут городской торговлей и промышленностью; но при этом они сходны с досельско-хозяйственными собирательскими общностями в том, что не привязаны к определенному клочку земли и держатся вместе посредством не территориальных, а культурно-идеологических связей — характерного общего стиля жизни и общей религии. Общности этого типа, способные сохранять свою идентичность в диаспоре, впервые появились, как можно было ожидать, в районе, где зародилась и сама цивилизация. Постепенно они множились, распространяясь по лику Земли. Еврейская диаспора после Изгнания была самой успешной из них. Живучесть еврейской диаспоры и ее значение для человечества в целом как вероятного прототипа «волны будущего» выявляются на контрасте между неизменным успехом диаспоры в выживании, вопреки поборам, гонениям и погромам, и безуспешностью всех позднейших (после вавилонского пленения) попыток восстановить еврейское государство на Палестинской земле.

Первые попытки были предприняты с разрешения и по доброй воле основателя империи Ахеменидов Кира — менее чем через полвека

* *Borkenau F. Commentary. May, 1955. P. 425.*

после того, как Навуходоносор уничтожил Иудейское царство и выселил его жителей в Вавилонию. Последняя попытка предпринята в наши дни. Тем не менее заслуживает внимания, что во все времена, когда перед евреями открывалась возможность уехать из диаспоры в еврейское государство в Палестине, большая часть их всегда предпочитала оставаться в диаспоре. Так было в 539–538 гг. до н. э., так остается сейчас и так происходило всегда в течение двадцати пяти веков. В любое время между 538 г. до н. э., когда Кир дал вавилонской диаспоре разрешение вернуться, до, по крайней мере, начала Первой римско-иудейской войны в 66 г. н. э. возвращение в Палестину было открыто любому члену еврейской диаспоры в Вавилонии. Но число вернувшихся с Зоровавелем в 538 г. до н. э., с Ездрой в 458 или 397 до н. э. и с Неемией в 445 или 384 г. до н. э.* было незначительным по сравнению с численностью диаспоры в Вавилонии, оставшейся оплотом могущества диаспоры на всем протяжении ахеменидских, македонских и римских веков истории Юго-Западной Азии. В течение полувека вавилонского пленения еврейские изгнанники не только создали новый стиль жизни и ряд новых установлений для самих себя в диаспоре, но и так крепко к ним привязались и были так уверены, что обнаружили эффективное средство сохранения характерной национальной идентичности в диаспоре, что сами не могли оторваться от корней, которые они пустили в Вавилонскую землю, хотя эти новые корни появились совсем недавно. Наряду с реэмиграцией еврейской диаспоры Вавилонии в Иудею была в те времена свежая эмиграция евреев из Иудеи в старые и новые города Эллинского мира, с которыми евреи Иудеи вступали в контакт в процессе формирования эллинских государств-преемников Ахеменидской империи. Еврейская община в Александрии Египетской была лишь одной, хотя и самой важной и заметной среди прочих еврейских общин, распространившихся так далеко на запад, как распространялись владения Рима. Новая, грекоязычная еврейская диаспора в Эллинском мире к западу от Палестины стала соперничать по численности и значимости с более старой, арамейскоязычной диаспорой в Вавилонии. А эмигранты из Иудеи в Эллинский мир были по большей части не выселенными, а добровольными переселенцами.

* Соответственные даты миссий Неемии и Ездры и их хронологическое соотношение не точны, поскольку каждая миссия датируется только годом правления ахеменидского императора Артаксеркса и в каждом случае мы не знаем, имеется ли в виду Артаксеркс I (прав. 465–424) или Артаксеркс II (прав. 404–359 до н. э.). Поэтому мы не знаем точно, следует ли считать датой миссии Ездры 458 или 397 г. до н. э., а датой миссии Неемии 445 или 384 г. до н. э. (см.: *Moore G. F. Judaism in the First Centuries of The Christian Era. Vol. I. P. 5*). Возможно, Неемия мог и предшествовать Ездре.

Современная еврейская диаспора в Соединенных Штатах по своей значимости является нынешним двойником еврейской диаспоры в Вавилоне с VI в. до н. э. по XIII в. от Р. Х., причем она точно так же реагирует на государство Израиль, возникшее в 1948 г. н. э., как это было прежде по отношению к филистимлянам, тевкрианским и евусейским районам Палестины²². Как и их вавилонские предки и двойники, сегодняшние американские евреи лелеют еврейское государство в Палестине, жертвуя деньги и осуществляя политическое лоббирование; но лишь незначительное меньшинство американских и европейских евреев в странах к западу от Германии изъявляет желание иммигрировать в Израиль. Также наличествует заметный поток обратной эмиграции из Израиля в Европейский мир.

Таким образом, восстановление Иудейского царства в том виде, в каком оно существовало до 586 г. до н. э., никогда не могло осуществиться в действительности, несмотря на повторяющиеся попытки, в том числе и начавшиеся полвека назад. До 586 г. до н. э. иудейская общность в мире была идентична царству Иудейскому. С того времени в Палестине никогда не было еврейской общности, пространственно совпадающей с еврейской общностью в мире. Еврейская общность, восстановленная в Палестине во время и после 539—538 гг. до н. э., как и ее наследница в наши дни, является ребенком, протеже и получателем пособия, по сути дела, побочным продуктом еврейской диаспоры. Начиная с Вавилонского пленения, диаспора была цитаделью и арсеналом евреев*. В 70 и 135 гг. н. э., как и в 586 г. до н. э., диаспора с триумфом выдержала разрушение еврейской общины на земле Иудейской. С тех пор не было периода, не исключая даже восьмидесяти лет суверенного царства Маккавеев (142/1—63 до н. э.) или тридцати семи лет правления Ирода Великого (40—4 до н. э.), под благосклонной властью Рима, когда бы еврейская община в Палестине могла существовать самостоятельно без финансовой и дипломатической поддержки со стороны диаспоры. Даже в сфере религии роль диаспоры доминировала, иудаизм — это усовершенствованная религия Иудеи до Изгнания, которая была создана в рамках и посредством вавилонской диаспоры и была оттуда навязана еврейскому населению Иудеи. Вавилонский еврей Ездра**

* Величие судьбы еврейской диаспоры было предсказано уже Иеремией. Он обращался с посланиями к еврейским изгнанникам в Вавилонии, побуждая их создать свой дом там и молить Яхве о благосостоянии Вавилона (Иер. 19: 4—7, цит. по: *Whitley C. F. The Exilic Age. P. 52*). Иезекииль также верит, что будущее будет за изгнанниками (*ibid. P. 93*).

** Ездра поставил целью сделать Тору определяющей силой в жизни евреев. Поэтому «он вполне ощущал себя истинным основателем иудаизма» (*Herford R. Travers. Judaism in the New Testament Period. P. 70. Ср.: Herford. The Pharisees. P. 56—57*).

дал иудаизму в Палестине религиозный толчок, который в конце концов привел к фарисейскому движению и раввинической системе²³. Выживание и энергия диаспоры были делом необычайной трудности, но благодаря этому диаспора была и все еще является главным инструментом поддержания характерной национальной идентичности евреев.

Это желание евреев выжить в качестве этнической общности всюду и в любых условиях с 586 г. до н. э. превосходило даже желание выжить в качестве общности на Палестинской земле, однажды занятой Иудой и Израилем. В сравнении с целью собственно выживания сионизм был вторичной целью евреев. Была еще одна цель — обратить нееврейский мир к культу Яхве под эгидой мировой империи с центром в Эрец Исраэль, управляемой «Помазанником Божиим», явленным царем, человеком из рода Давидова. Третья цель до настоящего времени была призрачной. Надежда на нее была сомнительна*, в поисках ее перемежались периоды подъема и упадка — в противовес настойчивым усилиям обеспечить выживание еврейского народа. Ожидание царства Мессии кажется одним из источников возобладавшей в конце концов еврейской веры в телесное воскресение, — веры, которая стала обязательной доктриной и была перенесена в таком виде из иудаизма в христианство**.

* Цит. по: *Oesterley W. O. E. The Jews and Judaism during the Greek Period.* P. 117.

** Вопрос о том, как вера в телесное воскресение стала национальной доктриной иудаизма, обсуждает Г.Ф. Моор в книге «Иудаизм в первые века от Христианства» (т. II). Традиционные еврейские взгляды на судьбы мертвых были похожи на взгляды раннего Эллинского мира, как они описаны в гомеровском эпосе. Души мертвых существовали в виде теней как в могилах, так и в подземном мире, называвшемся Шеол и являвшемся двойником эллинского Гадеса. Проблема судьбы человека медленно проникала в сознание людей, чьи усилия были сконцентрированы на выживании своей этнической общности в этом мире. Ожидания воскресения мы не найдем и в Книге Иова; а Экклезиаст полагает, что в момент смерти люди погибают, как и животные (Еккл. 3: 18–21; 9: 5–6 и, по сути, везде). Это ожидание, кажется, вошло в еврейские взгляды во время противостояния Антиоху IV в 40-е г. II в. до н. э. Книга Даниила (XII, 2–3) ожидает воскресения некоторых евреев, как хороших, так и плохих, а Семь Братьев представлены во второй Книге Маккавеев (VI–VII), как ожидающие будущего воскресения²⁴. Ожидание телесного воскресения для людей кажется логическим заключением ожидания царства Мессии. Это царство, которое приравнивалось к «спасению», было царством земным (*Herford. Judaism in the New Testament Period.* P. 19); праведные смертные, в особенности мученики за веру, должны восстать снова, чтобы участвовать в его деятельности (*Herford: The Pharisees.* P. 173; *Moore. Op. cit. Vol. II.* P. 312–313). За этим ожиданием Мессии логически последовало воскресение для

На всем протяжении своей истории евреи концентрировались на высшей для них цели: сохранении характерной национальной идентичности. Усилия евреев были вознаграждены успехом спустя более чем две с половиной тысячи лет. И этот успех в свою очередь имел революционные религиозные и психологические последствия. Он произвел радикальную перемену в общих представлениях евреев о характере их национального бога Яхве и коренные изменения в интерпретации литературы Израиля и Иуды периода до Изгнания*. Эти две религиозные перемены, особенно перемена концепции характера Яхве, установили психологическую напряженность в душах евреев — между национализмом, которому они посвятили себя и сердцем, и душой, и универсализмом, который явился побочным продуктом их национализма, — продуктом неопределенным и нежелательным, но в то же время служившим неизбежной ценой поддержки их веры в национализм, несмотря на травму, полученную в результате утраты политической независимости и пребывания в плену. Напряжение — неразрешенное и по сей день — это духовная борьба между противоречивыми требованиями двух несовместимых объектов культа. Который из этих двух объектов в конце концов должен завоевать преданность евреев? Культ их собственной общности, которому они служили и который символизируется национальным богом их предков до Изгнания? Или культ Единого Истинного Бога — абсолютной духовной реальности в Его личном выражении**, в которую преобразился, по их представлениям, их национальный Бог, — как результат революционного изменения

жизни в раю (*Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 116*). Но изначальной задачей воскресения было обеспечение отдельному еврею участия в последующей славной реабилитации еврейской общности и государства на земле Иудейской.

Вера в воскресение была нововведением фарисеев. Она не опиралась на авторитет Писания, и эту веру не принимали саддукеи. Саддукеи тем не менее исчезли вместе с Храмом в 70 г. н. э., и с этого времени у фарисеев было поле, сохраненное для мимолетного и слабого движения «миним». Согласно ортодоксальным иудейским верованиям, установленным решениями фарисейских раввинов, люди, отрицающие, что воскресение выводится из Торы, относятся к одному из трех классов, исключенных из грядущего мира (*Moore. Op. cit. Vol. II. P. 388*).

* Иудаизм стал религией Израиля как последствие Изгнания (*Moore: Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. 3; Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 14*). Он «вырос» из религии Израиля, но не был ей идентичен (*Herford. Ibid. P. 20*). Изменение было постепенным (там же). «Иудаизм был непрерывен на протяжении всей его истории» (P. 13).

** «Личность Бога — была так же существенна, как и Его единственность» (*Moore G. F. Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. P. 115*).

божественной концепции в свете их горького опыта? Вопрос, имеющий решающее значение для психологии индивида, — была ли группа избрана ради выживания идеалов или эти идеалы были важны, потому что они вытекали из жизни группы?*

Если бы еврейский культ еврейства в конечном счете возобладал над их культом Бога, тогда их необычный подвиг протяженностью в две с половиной тысячи лет по сохранению своей характерной национальной идентичности в диаспоре был бы бесполезным, в чем уверены и сами евреи. Культ самих себя, самообожествление («*nosism*»**), был самой распространенной сходной чертой всех религий человечества с того момента, как человек научился мобилизовать коллективную власть средствами политической организации. Таковыми были высшие религии Египетского и Андского миров; Уммы, Урука и Ура; Спарты, Афин и Рима; Венеции, Милана и Флоренции; Франции, Англии и Германии. Если бы евреи в конечном счете возложили свое сокровище подобному идолу, они бы подтвердили христианское и мусульманское суждение о них. Видение Единого Истинного Бога было произвольным продуктом еврейских несчастий, как жемчужина является произвольным продуктом какого-либо раздражителя, застрявшего в раковине устрицы. Еврейская душа была лишь раковиной, скудным духовным полем, а христиане и мусульмане были, по их утверждению, духовно бодрствующими и просвещенными искателями Бога, которые открыли драгоценную жемчужину и сделали это божественное сокровище своим достоянием. Этот выход был у евреев около двух с половиной тысяч лет, с того момента, как полное видение Единого Истинного Бога было осознано Второ-Исайей. «Иудаизм в одном из его аспектов был и является мировой религией»***. Евреи еще не сделали выбор между этими двумя несовместимыми противоречиями.

III. ИЗМЕНЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ХАРАКТЕРА ЯХВЕ

Радикальная перемена в концепции Яхве отражена в религиозной литературе, той, которую евреи унаследовали от Израиля и Иуды и дополнили комментариями в период до Изгнания. Эта литература постоянно переписывалась в течение четырнадцати сотен лет или

* *Rabby J. B. Agus. Judaism. 1956. P. 34.*

** Неологизм Тойнби, образованный от латинского *nos* — «мы», означает самообожествление, «ячество», самовосхваление, этнический эгоцентризм (*прим. науч. ред.*).

*** *Herford R. Travers. Judaism in the New Testament Period. P. 89; ср.: р. 96.*

даже больше, если старейшие напластования исторических книг Торы датировать не позднее X в. до н. э., с того момента, как началась компиляция, и до завершения вавилонского Талмуда в конце V в. от Р. Х.* Радикальная перемена неминуемо должна была произойти за такой долгий период, в течение которого почитатели культа Яхве пережили ряд важных событий, сильно изменивших социальные и культурные условия их жизни. В сопровождавших эти процессы изменениях концепции характера Яхве не было революционного перелома ни в одном пункте, и, хотя совокупная перемена образа оказалась радикальной, были, по меньшей мере, две важные черты, которые оставались неизменными. Со времен самых ранних свидетельств и до наших дней израэлиты, иудеи и еврейские почитатели культа Яхве представляли его в виде человека и верили, что эта божественная персона требует от своих адептов точного и беспрекословного послушания. Взгляд на Яхве сходен с самой незрелой израэлитской и самой величественной еврейской концепциями его природы. Тем не менее, когда евреи стали отождествлять его с абсолютной духовной Реальностью, они не дошли до того, чтобы думать о нем, как о безличной сущности. Преображение национального израильского бога войны в Единого Истинного Бога всего человечества оставило нетронутой древнюю божественную величественную личность — в противовес деперсонализации, которая постигла Зевса, эллинского бога неба, и Тянь, бога неба Китая после династии Шан, когда философы отождествили его с абсолютной Реальностью. Еврейский монотеизм не был метафизическим. Он был моральным и потому личностным**.

В эволюции концепции Яхве был важный элемент постоянства, который выстоял под натиском радикальных перемен в остальной картине природы Яхве. В течение четырнадцати или пятнадцати созидательных веков можно, однако, обнаружить явный водораздел. Решительные перемены произошли за короткий промежуток не более чем в два века, начиная от поколения пророка Амоса в VIII в. до н. э. до поколения Второ-Исайи, накануне завоевания Новоавилонской империи Киром. Это «осевое время»²⁵ в истории концепции Яхве есть иллюстрация понимания Эсхила, что «учение проходит через страдания»***. Этот период быстрой и созидательной перемены во взглядах на ведущие духовные начала религиозной жизни Израиля и Иудеи был также периодом, за который оба эти народа прошли через три серьезных испытания: экономическую

* *Moore G. F. Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. 4.* Палестинский Талмуд был завершен в Галилее в последнюю четверть IV в. от Р. Х.

** *Ibid. P. 260–261.*

*** Παθειματος (Эсхил, Агамемнон. II, 177–178).

и социальную революцию VIII в. до н. э.²⁶; потерю политической независимости и разрушение государства, произошедшие в Израиле в 722 г. до н. э. и в Иудее в 586 г. до н. э.; и как следствие — депортацию передовых элементов населения, закручивание гаек, которого не выдержала израильская диаспора, но которое перенесла еврейская. Каждое из этих событий оказало свое воздействие на концепцию характера Яхве.

Яхве, как он представлен в тех напластованиях Торы, которые старше, чем книги пророков VIII в. до н. э., выступает в привычном образе национального бога войны. Он являлся местным богом трех еврейских общин — Израиля, Иудеи и Эдома, и у него имелись двойники в виде Кемоша в Моаве, Милькома — в Аммоне, Афины Полиухос в Афинах, Афины Халкиойкос — в Спарте²⁷. В этом же качестве пребывали непризнаваемые, но ревностно почитаемые божества Британии, Франции, Германии и прочие коллективные идолы постхристианского Запада²⁸. Происхождение Яхве неясно. Ясно, что он не был изначально богом земледелия и плодородия. Возможно, он был богом кузнечного дела мидианитян, кенитян²⁹ или других кочевых народов севера Аравийской пустыни. Его писаная история начинается с того момента, когда он становится политическим божеством Израиля. Как и когда это произошло, тоже неясно. История о Завете, заключенном между ним и Израилем на горе Синай, в конечном счете стала ортодоксальной точкой отсчета его связи с этим народом, — но это не единственная точка отсчета, приведенная в Торе. Другой Завет возник между Яхве и Иисусом Навином в Сихеме (Иис. Н. 24); и в Сихеме бог Завета мог в реальности предшествовать израэлитской оккупации*. В любом случае Яхве выходит на арену как политический бог, почитаемый тремя еврейскими общинами, жившими в Ханаане в течение или ранее XIII в. до н. э.

В книгах Торы до VIII в. до н. э. Яхве представлен как божество хорошо известного первобытного типа. По традиционному представлению, суть Завета между Яхве и Израилем состояла в следующем: в обмен на преданность Ему, как услуга за услугу, дать Израилю во владение землю, которая ему никогда не принадлежала. Еврейские завоеватели Ханаана должны были поселиться там при помощи силы оружия, ибо наивысшая ценность Яхве заключалась в его военной удали: «Господь — муж брани» (Ис. 15: 3). «Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани» (Пс. 23: 8),

* С одной стороны, Моор придерживается точки зрения, что идея Завета между Яхве и Израилем не старше VIII в. до н. э. и что введение этой идеи так резко изменило отношение к богу израэлитов и иудеев, что оно стало отличаться от отношения соседних народов к почитаемым ими богам (*Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. 220*).

«Благословен Господь, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои — брани»* (Пс. 143: 1). Мощь Яхве была так или иначе обоюдоострая. Он карал и наказывал своих последователей за непослушание, и он был бойцом, принося им военные победы в тех случаях, когда они не навлекали на себя его немилость. Общая тема, идущая через серию эпизодов Книги Судей, в дошедшей до нас редакции такова, что Яхве неоднократно передавал Израиль в руки его врагов за непослушание и затем посылал избавителя всякий раз, когда они раскаивались в своих прегрешениях. Но этот примитивный Яхве хуже, чем карающий: он легко поддается переменам настроения, он капризен и импульсивен. Многие его действия настолько произвольны, что их не объяснить. Он еще и физически опасен для человеческой жизни, как какая-то слепая материальная сила, например как нынешний электрический кабель под высоким напряжением. Если бы этот Яхве внезапно устремился с горы Синай на гору Олимп, он бы провел там хороший матч, выступая против всего боевого отряда гомеровских богов. Его характер, как он описан на этом этапе — несомненно, рефлексия нравов и взглядов, преваляровавших у почитателей его культа. Если это так, последующие перемены в картине были бы рефлексиями перемены в нравах и взглядах его почитателей, а сами духовные перемены являлись Ответом на брошенный горьким опытом Вызов.

Первым горьким опытом стала экономическая и социальная революция, охватившая Израиль и Иудею в VIII в. до н. э. Денежная экономика, установленная до этого в финикийских и филистимлянских городах вдоль побережья Ханаана, и городской образ жизни, сформировавшийся там веком ранее, стали проникать в горные районы вглубь от прибрежных городов. Эта революция была сравнима с той, которая охватила Аттику в следующем веке, когда более утонченный образ жизни пришел из Ионии и торговых городов, выросших вокруг Истма Коринфского³⁰. В Сирийском мире социальные последствия экономической революции были такие же, как и в Эллинском. Деревня должна была нести груз растущих столиц — Самарии в Израиле и Иерусалима в Иудее. Богатое меньшинство населения, обретшее капитал, богатело отчасти благодаря ростовщичеству, в то время как бедное деревенское меньшинство беднело. Теперь общество было морально разделено, и это подняло вопрос о каре Яхве, которая не могла последовать до тех пор, пока он был богом войны и принадлежал общности, державшейся всегда вместе ввиду враждебных отношений с соседями. Теперь, когда народ

* Дата написания псалмов все еще оспаривается, но, когда бы они ни были написаны, два отрывка, приведенных здесь, точно представляют облик Яхве, каким он был до времен Амоса и Осии.

Яхве был разделен внутри себя в силу неразрешимых нравственных споров, Яхве должен был занять позицию между той и другой фракциями, а пророки VIII в. до н. э. уверенно и красноречиво провозглашали кару Яхве от его имени. Они уверяли, что он является поборником справедливости (каким уже был бог солнца в Египте и каким он должен был стать 600 лет спустя в Анатолии, когда Аристоник призвал угнетенных к оружию именем Гелиоса³¹). Пророки предсказывали, что, если угнетатели в Израиле и Иудее не раскаются и не исправятся, Яхве оплатит за их несправедливость наказанием, которое поразит весь народ. В то время эти пророчества оказались обращенными к глухим. Последующие бедствия: угасание государства и депортация выдающихся людей — воскресили в памяти предсказания пророков VIII в. до н. э. и произвели неизгладимый след в памяти мучимых совестью депортированных и их потомков. С момента Вавилонского пленения и далее еврейская концепция Яхве была концепцией всемогущего судьи, а не всемогущего тирана, правящего по своей прихоти.

VIII в. до н. э. видел начало конца независимости, а значит, и существования государств Сирийского мира. Четвертый, последний, но также самый жестокий удар ассирийского милитаризма был нанесен царем Тиглатпаласаром III (прав. 747–727 до н. э.). Более того, когда он нанес решительное поражение объединенным силам Урарту, самого грозного соперника Ассирии в то время, и ее анатолийских и северосирийских союзников, весь Сирийский мир находился в его власти и во власти его наследников³². Израиль был уничтожен его прямым наследником Саргоном в 722 г. до н. э.; и ассирийский меч висел над головой Иудеи целый век, пока ее в свою очередь в 586 г. до н. э. не постигла судьба Израиля от рук Нововавилонского государства — преемника Ассирии. И это был еще не конец политических бедствий. С момента вступления на престол Тиглатпаласара III и до наших дней народы Израиля и Иуды и их еврейские иудейские наследники оказались политически беспомощны перед лицом ряда сокрушающих имперских сил, и, как убеждены евреи, ситуация не изменялась, когда одна империя уступала место другой. За Ассирийской империей последовательно шли Нововавилонская, Ахеменидская, Птолемейская, Селевкидская, Римская. Режимы империй порой различались своим отношением к евреям: были сменяющие друг друга периоды относительной терпимости и относительного гнета; но на всем протяжении эпохи, в течение которой наблюдаются прогрессивные изменения в концепции Яхве, евреи всегда были под властью определенной империи — и не только в Палестине, но и в обширных районах на западе и на востоке, где они рассеялись в диаспоре и существовали как местное меньшинство.

Низведение почитателей Яхве до состояния перманентной политической ничтожности придало в их глазах исключительную важность вопросу о статусе их бога. В мире политических богов, где каждый символизирует коллективную человеческую власть какой-либо местной общности, судьбы богов подразумевали в себе судьбы их местных приверженцев. Война между Израилем и Ассирией была в то же время войной между богом Яхве и богом Ашшуром³³; и, когда Ассирия уничтожила Израиль, был сделан вывод, что такой военный исход означал, что Ашшур сверг Яхве. Разумное заключение, которое теперь следовало вывести, — потерпевшие поражение прежние почитатели этого бога должны перенести всю свою преданность на бога-победителя и полностью отказаться от собственного родового бога или, как крайний путь, продолжать почитать его лишь как второстепенного члена пантеона, которому бог-победитель навязал свое верховенство. Это был на самом деле путь, по которому пошли побежденные и изгнанные со своей территории народы соседних с Иудеей государств, например депортированные жители Израильского царства. Такой же была реакция иудейских беженцев в Египте после ликвидации царства Иудейского Навуходоносором. Несмотря на протесты пророка Иеремии, они отказались вновь перенести свою преданность Царице Небесной³⁴ на Яхве. На самом деле не было ли это проявлением здравого смысла евреев, так как теперь они почувствовали полную власть Вавилона и готовы были стать почитателями могущественных вавилонских богов Иштар и Мардук-Бела?³⁵

Это было затруднительно для почитателей Яхве, которые, несмотря ни на что, не хотели смириться с забвением культа своего родового бога. Так или иначе это был один из возможных путей выхода из угнетенного положения. Если Яхве не списывали за то, что он перестал быть могущественным в бою, ему должны были приписать куда большее могущество и много далее простирающуюся длань, чем даже мечтали придать ему поверженные предки евреев. В эпоху до Изгнания царство Яхве, как это представляли себе современные ему почитатели культа, ограничивалось территориями государств его почитателей*. Народы Израиля и Иуды до Изгнания, включая их пророков, признавали существование других богов с их собственной территорией, на которой те были, по-видимому, не менее могущественны, чем Яхве на своей**. Моав, Аммон и Тир, как Израиль, Иудея и Эдом, каждый из них мог быть более или менее верен своим национальным богам, но почитание бога

* *Oesterley W. O. E. The Jews and Judaism during the Greek Period. P. 124–125.* Оэстерли имеет в виду Израиль и Иуду. Эдом также следует включить в этот список.

** *Ibid. P. 94.*

только своей страны еще не есть вера в то, что он — единственный бог в мире*¹). Но предположим, что власть одного национального бога распространялась не только на один народ и одну национальную территорию, но и на другие нации, с которыми его собственная нация находилась в губительном противостоянии. Тогда поражение его нации и уничтожение его самого руками иноземцев оставляло власть национального бога нетронутой и в самом деле наглядно доказывало, что его власть была сильнее, чем они раньше представляли. Низвержение Иудеи и Израиля было преподнесено не от имени вавилонского бога-завоевателя Мардук-Бела, но от имени самого Яхве, бога завоеванного народа. Вавилонские завоеватели были как бы непреднамеренными и бессознательными инструментами, используемыми Яхве для своей цели. Всемогущество Яхве «сомкнулось с теологией истории»*²).

Новая вера в силу Яхве за пределами своего государства у его почитателей лишь усилилась в результате горького опыта политического поражения, нанесенного иноземными силами. Как бы далеко ни были евреи депортированы от Иерусалимского храма, который еще недавно был для них единственным местом во всем мире, где можно было правильно исполнить предписанный ритуал культа Яхве, они все еще чувствовали присутствие Яхве. Когда Яхве таким образом доказал, что он столь же вездесущ, как и всемогущ*³), мыслимо ли было после этого считать, что боги, почитаемые нееврейскими народами, реально существовали? По истечении пятидесяти лет принудительного изгнания и жизни в условиях режима Нововавилонской империи Второ-Исайя перешел от энотеизма³⁶ — веры в то, что Яхве имел исключительные права на преданность Израиля, — к монотеизму — вере в то, что он Единый Истинный Бог, чье царство включает в себя все человечество и совпадает с самой Вселенной*⁴). Но если и вправду этим всемогущим богом были

*¹) Moore G. F. *Judaism in the First Centuries of the Christian Era*. Vol. I. P. 222.

*²) Ibid. P. 375. Раввин Дж. Б. Агус замечает, что иудаизм учит готовой *интерпретации*, но не объективному пониманию. Еврейский народ был так глубоко убежден, что воля Бога отвечает за все события, что их интерес к подлинным событиям едва не угас.

*³) Как всемогущим, так и вездесущим Яхве провозгласил Иеремия (*Whitley C. F. The Exilic Age*. P. 49). «Иеремия был первым еврейским пророком, провозгласившим, что его необходимо почитать» (p. 54).

*⁴) *Oesterley W. O. E.* Op. cit. P. 95, 110–112. Уитли также придерживается мнения, что Второ-Исайя был первым пророком, который провозгласил, что исключительно Яхве — истинный бог (*The Exilic Age*. P. 135). Но он также придерживался мнения, что Яхве был чисто универсальным богом для Иезекииля (*ibid.* P. 100–101) и что Амос представлял Яхве имеющим власть над и вне границ Израиля (*ibid.* P. 134).

не Ашшур или Мардук-Бел, а сам Яхве, то есть бог Израиля и Иуды, связанный с ними Заветом, значит, он сознательно наслал эти тяжелые бедствия на свои собственные народы. Действительно, теперь они признали, что он был справедливым богом, как и то, что в конце концов меньшинство из них совершило те несправедливости, которые заслуживали наказания. Но наказание, которому их подвергли, было настолько суровым по сравнению с тяжестью их проступка, что было бы ужасной несправедливостью со стороны Яхве на этом и закончить дело. Так или иначе это не могло быть концом. Яхве должен был наказать свой народ не для своего удовлетворения, но для его же блага. Он должен был наказать их для того, чтобы дать им шанс покаяться; и, если они покаются, он, конечно, откажется от наказания и восстановит их бывшее государство относительного благополучия. Согласно этому толкованию мотивов Яхве, он не только справедливый, но и милостивый, помимо того, что всемогущий. Классическая формулировка этой еврейской теодицеи до Изгнания была воссоздана столетия спустя еврейскими «девиантами» — христианами: «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12: 6).

Может быть и так, что для евреев справедливость, а не любовь — преобладающая черта Яхве*. В еврейском видении Бога между этими двумя его чертами гармония, а не напряженность: «Справедливость и милость были не божественными атрибутами, а чертами характера личного бога, которого они не могли даже представить несправедливым и немилостивым. Милость, а над ней и вне ее — любовь были приписаны ему пророками в VIII в. до н. э. И обе эти черты с постоянно растущей настойчивостью и уверенностью в течение последующих четырнадцати веков проявились в последовательных приращениях к своду еврейской религиозной литературы. Это видение природы Яхве выражалось в мыслях о нем, как об отце и матери**, и в наименовании его «Отцом Небесным». Само это выражение родилось у фарисеев, которые появились в самом конце II в. до н. э. Это хорошо знакомый раввинический термин***. Он стал общепринятой формой обращения и всегда лично соотнесенной.

Зрелая еврейская картина Бога как Отца нашего Небесного, *miserans et miserator*, ар-рахман ар-рахим³⁷ антонимична примитивной израэлитской картине дикого капризного, мстительного Яхве.

* *Herford R. Travers. The Pharisees. P. 126; cp.: p. 154.*

** *Moore G. F. Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. 393.*

*** *Montefiore C. G. Rabbinical Literature and Gospel Teachings. P. 125–129.* Моор (указ. соч. т. II. С. 204) отмечает, что это термин раввинический, а не апокалиптический.

«Древняя цивилизация, трансформировавшаяся в мировую религию»*. В умах евреев под влиянием их опыта бог Авраама, Исаака и Иакова преобразился в видении Второ-Исайи в Бога Эхнатона³⁸, Иисуса и Мухаммеда. Одним из последствий такого преобразования было то, что этот бог потерял свое имя — в том смысле, что на губы евреев, то есть на произношение его имени, было наложено табу³⁹. Чтобы называться по имени, надо быть представителем класса, а имя призвано отличать одного представителя класса от другого. Имя «Яхве» замещают имена «Мильком», «Кемош» и прочие; и это сосредоточение имен через помещение их наравне с Яхве подразумевает признание истинности богов соседей. Когда о боге Израиля, Иудеи и Эдома евреи стали думать как о Едином Истинном Боге, к нему стали обращаться с помощью эпитетов и парафразов.

Преобразование имело еще одно последствие, которое оказалось не менее значимым. В собственной еврейской измененной концепции Бог слишком велик, слишком справедлив, слишком горд, слишком милостив, чтобы приковывать Его к традиционной обязанности служить национальным богом «избранного народа»**. Он — создатель и господин Вселенной, и все Его создания должны быть Его заботой. Если Он такой же щедрый, как и всемогущий, Он не может ограничивать Свою заботу крохотным меньшинством человеческих созданий и поворачиваться спиной к остальным***. Если весь мир — Его и Он охвачен его планами, главной целью Бога не может быть воссоздание еврейского государства на Палестинской земле. Это может быть высшей целью только такого бога, который всего лишь национальный бог, и, следовательно, бог утрачивал свое царство, профессию и разумное основание, когда нация, от чьего почитания он зависел, теряла свое политическое существование и разбредалась на все четыре стороны. Единый Истинный Бог, в которого преобразился бог Израиля и Иудеи, мог по желанию восстановить оба царства в один миг, и, без сомнения, он восстановит их, когда сочтет нужным. Но совершение этого местного акта справедливости и милости будет эпизодом осуществления Вселенского плана, в котором такие мелочи будут несущественны.

Таким образом, теодицея евреев завела их в тупик. Объясняя пути Яхве к евреям, они обнаружили неопределимое духовное сокровище для всего человечества. Их бог, такой, каким он преобразился

* *Rabbi J. B. Agus. Judaism. Vol. IV 1955. P. 332.*

** «В утверждении единства Бога и его справедливости израэлиты удостоверились, что их сфера влияния всегда будет обгонять их понимание» (*Rabbi J. B. Agus. Judaism. 1956. P. 38*).

*** Раввины пытались преодолеть эту трудность предположением, что там, на Синае, Тора была предложена всему человечеству, но принял ее только Израиль (*Moor. Op. cit. Vol. I. P. 277*).

в их сердцах и умах в результате страданий, не мог больше быть исключительно их богом*, и Его преображение не могло храниться в секрете от неевреев с того момента, как оно явилось в новых формах культа и стало явно провозглашаться в новых еврейских книгах. Как в таком случае перед лицом преображенного Бога евреи должны были преследовать свою высшую цель — сохранение характерной национальной идентичности еврейского народа в состоянии изгнания и политической ничтожности?

Возможностей для духовного отступления не было. На первый взгляд казалось заманчивым свести Единого Истинного Бога к меньшему масштабу — до уровня национального бога Иудеи, каким он и был в зародыше. Но это было невозможно, поскольку одновременно надо было отобрать силу у преображенного Яхве, ибо в качестве национального еврейского бога он вовсе не был богом единым и всемогущим, он даже не был единственным, могущественным в бою. Он был обессиленным соперником Ашшура и Мардук-Бела, в лучшем случае — побежденным, в худшем — уничтоженным. Единственный способ, с помощью которого евреи могли сохранить своего национального бога, заключался в том, чтобы лишиться своей национальной монополии на него и совершить выбор между следующими двумя противоположными путями. Или евреи сами берут инициативу, добровольно делясь своим новообретенным духовным сокровищем, или они предоставляют остальному человечеству выхватить это сокровище из их рук и убежать с ним. Если бы они не взяли курс на первый вариант, второй был бы неизбежен. Сокровище, явленное евреями на свет, было настолько бесценно, что рано или поздно, теми или иными средствами, оно, безусловно, стало бы общим достоянием человечества.

Это духовное затруднение было бóльшим вызовом для евреев, чем вызов, брошенный потерей независимости и депортацией, ответом на что и стало изменение еврейской концепции Яхве. Это и явилось единственным разрешением антиномии между желанным для них национализмом и универсализмом, невольным, но неизбежным порождением их национализма. Евреи желали сами назначить миссионеров Единого Истинного Бога для остального человечества** и должны были сделать своей высшей целью обращение мира в Его видение, которого удостоились сами евреи. Но в достижении этой цели евреям потребовалось бы объединиться с обращенными неевреями в мировую религиозную общность последователей чистой религии Второ-Исайи, и, значит, возникала необходимость

* Эта точка зрения Моора. (Указ. соч. Т. I. С. 223, 226.)

** Эту точку зрения выдвинул Моор (см.: *Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. I. P. 228—9*).

преобразования *закрытой национальной общности* в *открытую религиозную*, что нанесло бы удар по высшей цели евреев, остающейся таковой до сегодняшнего дня, — сохранить характерные черты своей нации. Это затруднение мучило и мучает евреев две с половиной тысячи лет вплоть до сегодняшнего дня, и они все еще не могут сделать выбор перед Вызовом, с которым они столкнулись лицом к лицу. К счастью, путь им все еще открыт. Его не закрыли ни пришествие христианства, ни пришествие ислама, как твердо полагают христиане и мусульмане. Для евреев это нееврейское почитание преображенного еврейского бога может быть предзнаменованием и предостережением, но не более того; это не окончательное отвержение их собственной явленной еврейской судьбы. Это все еще так, и евреи смогут это принять, если возжелают.

IV. НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗРАИЛЬСКОЙ И ИУДЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА ДО ИЗГНАНИЯ

1. Общие последствия угасания царства Иудейского и депортации евреев в Вавилонию

Когда общность мигрирует медленно и постепенно по суше, у нее есть возможность перенести с собой многие или даже большинство своих родовых институтов нетронутыми, даже если миграция уносит ее на далекое расстояние от отправной точки. Например, индоевропейские народы, которые двинулись на юго-восток через Евразийские степи и нашли свой новый дом на Иранском нагорье и в Индии, сохранили обширный фонд родовой культуры, общий с другими индоевропейскими народами, которые совершили более короткий переход в противоположном направлении и нашли свой дом в Европе, а затем — и в Анатолии. Напротив, внезапная насильственная депортация имеет такой же эффект, как и морское плавание. Депортированные люди могут унести с собой только наиболее транспортабельные элементы культуры. Войсковой обоз необходимо оставить позади, как бы важен он ни был и как бы болезненно ни ощущалась его потеря. Элементы, которые депортированным удастся взять с собой, — всего лишь набор из бывшего целого; и этот набор выбран не депортированными, он лишь навязан необходимостью. Переносимые элементы культуры могут быть случайными фрагментами, но какими бы случайными они ни были, они ценны, поскольку представляют собой спасенные остатки культурного наследия депортированных. Соответственно, к этим осколкам относятся с большим почтением и заботой, чем до катастрофы переселения обращались с целостной культурой, включавшей эти

сохранившиеся изначальные элементы. То, что сохранилось, начинают постепенно выстраивать и развивать до тех пор, пока новые приращения не заполнят пробелы, возникшие из-за разрушения первоначальной модели перенесенной культуры.

Когда евреи были депортированы из Иудеи в Вавилонию, самым важным в том культурном обозе, который они вынуждены были оставить, был ритуал культа Яхве в Иерусалимском храме*. Последовательный перелом в их религиозной истории не был бы так велик, если бы депортация произошла до, а не после синойкизма⁴⁰ Иуды в древнем евусейском городе, который был завоеван, а затем превращен Давидом в столицу Иудеи. С 586 г. до н. э. процесс централизации жизни Иудеи в Иерусалиме шел уже четыреста лет. Давид сделал Иерусалим столицей царства; Соломон превратил его храм в главную святыню культа Яхве; Иосия дал храму Яхве в Иерусалиме монополию на его культ, оттеснив предыдущие местные святыни⁴¹. Поражение Иудейского царства и депортация его выдающихся людей внезапно и стремительно изменили процесс централизации. Большинство депортированных постоянно проживали в Иерусалиме. Среди них были как священнослужители, так и миряне; и из этих двух классов священнослужители понесли более тяжелый удар. В результате нововведений Иосии, который объявил ритуал культа Яхве незаконным везде, кроме храма в Иерусалиме, депортированные священнослужители автоматически оказались отстранены от исполнения своих профессиональных функций и утратили свою религиозную и социальную значимость внутри еврейской общности. Решимость депортированных сохранить в изгнании свою характерную национальную идентичность требовала удвоенной покорности своему национальному богу; но в Изгнании потребовалось безотлагательно создать новые формы почитания его; и в изобретенных и приведенных в действие новых еврейских религиозных институтах священнослужители больше не были привилегированными лицами и стали наравне с мирянами**. Власть теперь доставалась тем личностям, священнослужителям ли, мирянам ли, которые имели представление о том, как сохранить еврейское отношение к Яхве в крайне непредсказуемых и сложных обстоятельствах диаспоры.

Для создания новых еврейских религиозных институтов в распоряжении диаспоры было два материала — люди и книги. Люди были доставлены в Вавилон, и они могли взять с собой книги. Новым образовательным институтом, в котором депортированные евреи

* Уитли К. Ф. подчеркивает роль Иеремии в отделении культа Яхве от Иерусалимского храма (The Exilic Age. P. 6). Иеремия признал негодным не только жертву, но и Храм (p. 48—49) и предсказал разрушение Храма (p. 50).

** Моор. Указ. соч. Т. I. С. 42.

и их книги, написанные до Изгнания, действовали заодно с целью создать нечто новое, была синагога. Это было еженедельное собрание по субботам для взаимного обучения взрослых Торе: то есть учению о Яхве, содержащемся в литературе до Изгнания. Синагоги стали домами собраний с более или менее постоянным сообществом участников и администраторами. Новая интерпретация Скрижалей Завета привела во II в. до н. э. к появлению фарисеев — движению, группе или партии, которая изначально была незначительным меньшинством и, по их собственному мнению, религиозной элитой. Фарисеи посвящали свои жизни разъяснению Торы на основе их собственного метода; и этот фарисейский метод в конечном счете стал превалировать над всеми остальными. Он стал единственным признанным методом для всех евреев. Нефарисейские толки иудаизма развивались теми же путями, что христианство или ислам; но они были забыты или подавлены в пределах еврейской общности. Такая судьба постигла иудаизм в интерпретации саддукеев (имя, данное партии священнослужителей в фарисейскую эпоху), zelотов (современная им воинственная партия) и галилейского учителя евреев Иисуса. Эти три интерпретации иудаизма сильно отличались одна от другой, но все три наряду с фарисеями боролись за преданность еврейского народа.

Что касается священнослужителей, то их традиционный авторитет был уже непоправимо подорван к тому времени (ок. 520—516 до н. э.), когда был перестроен Иерусалимский храм, и ритуал культа Яхве, который вновь стал отправляться там, был единственной легитимной практикой со времен Иосии. С 516 г. до н. э. до 70 г. н. э. этот культ продолжал отправляться на ритуально-верном месте, за исключением короткого перерыва в четыре года (168—164 до н. э.), когда Антиох IV предназначил Храм для культа Зевса Олимпийского. На протяжении этого периода евреи верили, что храмовый ритуал возложен на них и продолжали с чувством сознания собственного долга принимать в нем участие и финансово его поддерживать. Но их духовное сокровище уже было перенесено из Храма в синагогу и в Тору; и поэтому в течение всего этого периода влияние духовенства постоянно уменьшалось.

Книга Второзакония, которая была манифестом нововведений в период правления Иосии, предписывала людям (см. Втор. 17: 9—11) обращаться к священнослужителям, когда им нужны разъяснения, как интерпретировать Тору. Со времен Ездры до наших дней священнослужители утратили ключевую функцию переписчиков, хотя Ездра узаконил ее для Иудеи в те времена, когда храмовый ритуал в Иерусалиме снова стал реальностью. Это дало возможность переписчикам стать самим независимыми от священнослужителей. Кроме того, эти переписчики после Изгнания были не такими, как до

Изгнания, хотя и называли себя Соферим. Первоначально переписчики были правительственными чиновниками; их новые тезки были группой частных лиц, набираемых неофициальной кооптацией; и любой еврей мог быть кооптирован, если братство полагало, что у него есть необходимые способности к весьма уважаемому новому искусству — интерпретировать Тору. Священнослужители были лидерами оппозиции по отношению к творческой, но дерзкой концепции неписаной Торы новых переписчиков, с помощью которой те интерпретировали писаную Тору. Для священнослужителей это было «раздражающим нововведением»^{*1)}. Но по этому важнейшему вопросу над священнослужителями взяли верх переписчики. Фарисеи фактически преуспели в том, что навязали священнослужителям новую версию храмового ритуала, соотносящуюся с их идеями^{*2)}. Саддукеи исчезли вместе с Храмом в 70 г. н. э.^{*3)} Разрушение Храма вместе со всем Иерусалимом в тот год было огромным несчастьем для всего еврейского народа, но в истории иудаизма как религии прекращение храмового ритуала не стало катастрофой^{*4)}. К этому моменту кровь иудаизма текла по другим жилам.

Священнослужители потеряли, но личность выиграла. В этой ситуации — а диаспора была в такой ситуации, когда отношения евреев с Яхве невозможно было поддерживать через выполнение священнослужителями своих профессиональных функций, — каждого еврея надо было привлечь лично и, конечно, призвать его заполнить образовавшуюся брешь. Хотя храмовый ритуал в Иерусалиме утрачивал свою былую определенность, народ Яхве все еще мог служить ему, слушаясь его приказов, как будто их открывала Тора. Богобоязненный еврей мог, конечно, быть священнослужителем, но к новому призыванию его, возможно, подвигало то, что он просто еврей, а не то, что он священнослужитель. Персональную ответственность лично каждого еврея и совершенствование учения Яхве — Торы — проповедовал Иезекииль^{*5)} во время Вавилонского пленения, и эта идея Иезекииля была воплощена на практике позднее вавилонским иудейским реформатором Ездрой. Таким образом, опыт Изгнания сделал религию как личным убеждением евреев, так и социальным; как иудаизм стал религией каждого по отдельности, так и каждый стал воспринимать любовь Бога. «Иудаизм стал в полном смысле личной религией, не переставая быть религией национальной»^{*6)}. Отношениям между Богом и личностью фарисеи придавали особое

*1) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 48—50.

*2) *Herford*. The Pharisees. P. 47—48.

*3) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 121.

*4) *Moop*. Указ. соч. Т. I. С. 114.

*5) *Whitley C. F.* The Exilic Age. P. 6—7, 99, 109—113.

*6) *Moop*. Указ. соч. Т. I. С. 121.

значение. В то же самое время эта индивидуализация религии в развитии иудаизма «была достигнута не вместо национальной и религиозной солидарности»^{*1)}. Выдающийся современный еврейский авторитет по истории евреев считает: «что действительно составляет суть еврейской религии, так это бессмертие не каждого еврея в отдельности, а еврейского народа в целом»^{*2)}.

2. Синагоги

Хотя нет сохранившихся данных о происхождении института синагог, можно сделать вывод, что оно датируется эпохой Вавилонского пленения^{*3)}. Также можно сделать вывод, что институт этот был привнесен в еврейскую общину в Палестине из диаспоры.

«Когда синагога была учреждена, она не имела связи с какой бы то ни было ранее известной религиозной формой, как не было ничего похожего и с тех пор, за исключением двух потомков — христианской церкви и мусульманской мечети. Создание синагоги, — возможно, самое большое практическое достижение евреев за всю их историю»^{*4)}.

«Суть синагоги — приходской культ и назидание, проводимое собранием собственно через участников, а не от имени священнослужителей»^{*5)}.

Общенациональное религиозное наставление было чем-то исключительно еврейским. В ежедневной религиозной жизни евреев после Изгнания «синагога имела много большее значение, чем Храм»; и религии синагоги «падение Храма не нанесло ущерба^{*6)}». Синагога уже была в пределах Храма, вероятно, за сотню лет до того, как Храм был разрушен. Возможно, она была возвращена там в правление фило-фарисейской хасмонеи царницы Александры (прав. 75/4 — 67/6 до н. э.)⁴². Фарисеи сами навязались Храму, «но у себя дома они были в синагоге»^{*7)}. Богослужение в синагоге шло не по образу его в Храме. В служении в синагоге наставление принимало бóльшие размеры, чем молитва. Фарисеи использовали синагогу в качестве форума для того, чтобы принести народу Тору. Народная религия была плодом синагог во времена Иисуса, и именно в синагоге сам Иисус изучил Писание.

*1) *Moop*. Указ. соч. Т. II. С. 311.

*2) *Baron S. W.* A Social and Religious History of the Jews. Изд. второе. Vol. I. P. 12.

*3) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 23; он же: The Pharisees. P. 89—90.

*4) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 26; ср.: *Moop*. Указ. соч. Т. I. С. 114—115 и 281.

*5) *Herford*. Op. cit. P. 23; ср.: *Moop*. Указ. соч. Т. I. С. 114—115 и 281.

*6) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 28—29.

*7) *Ibid*. P. 88.

3. Фарисеи

Название «фарисеи» впервые появляется в еврейских исторических источниках в правление хасмонейского царя Иоанна Гиркана (прав. 135—105 до н. э.)⁴³, и относительно этого слова имеются некоторые сомнения. Это причастие, образованное от арамейского глагола, имеющего значение «отделяться». Слово «фарисеи» могло означать «отделяющие» или «различающие значения», то есть толкователи Торы, или они могли быть людьми, отделившимися от иных членов их общности, чья религиозная активность, в их глазах, не дотягивала до установленного стандарта набожности. По второму варианту перевода этого слова, который кажется более верным, название «фарисеи» означает то же самое, что «хариджиты», и еврейские фарисеи имели то же историческое происхождение, что и мусульманские хариджиты⁴⁴. Они были фанатично шепетильны в вопросах веры меньшинством, которое отделилось на этом основании от большинства своих собратьев по религии, относившихся к ней менее серьезно*.

В сущности, сами фарисеи отделились почти по всем элементам от еврейской общности. Самая первая ссора у них вышла с Хасмонейской династией и ее союзниками саддукеями. Предшественники фарисеев объединились с ними обоими в ходе двадцатилетней борьбы евреев Иудеи против попытки Селевкидов силой эллинизировать Иудею (168—142/1 гг. до н. э.), но, как только селевкидская власть признала поражение, фракции евреев-союзников поссорились друг с другом. Цель, для достижения которой ригористы объединились с Хасмонеями и саддукеями, была не в том, чтобы возвести на трон Хасмонеев или сохранить Храм для отправления культа Яхве в соответствии с традиционной практикой саддукеев. Целью их участия в этой борьбе было сохранение Иудеи ради точного следования планам Яхве, как они представлены в Торе, истолкованной в соответствии с обновленным методом книжников, установленным Ездрой. После признания властью Селевкидов в 142/1 г. до н. э. суверенитета дома Хасмонеев фарисеи быстро поссорились с хасмонейскими царями Иоанном Гирканом (прав. 135—105/4 гг. до н. э.) и Александром Яннаем (прав. 102—76/5 гг. до н. э.)**; и оказалось, что они в ходе этого конфликта стали осознавшей себя партией. Это был фарисейский бунт против Иоанна Гиркана*** и мятеж против Александра Янная в Храме во время ежегодного проведения праздника кушей⁴⁵. Шесть тысяч демонстрантов были, говорят,

* *Herford. Judaism in the New Testament Period.* P. 46.

** *Оэстерли.* Указ. соч. 37; *Herford. The Pharisees.* P. 36—39.

*** *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Кн. I, гл. 2, 8 и 67; цит. по: *Моор.* Указ. соч. Т. I. С. 62—63.

убиты в стенах Храма псидийской стражей Александра. За инцидентом последовало шесть лет гражданской войны в Хасмонеи царстве. Восставших не относили к категории фарисеев; и, конечно, воинственность была противна фарисейским принципам. Но фарисеи воспользовались плодами этого переворота. Вдова Александра и его преемница (прав. 75/4—67/6 гг. до н. э.) сдалась им⁴⁶. С того момента их положение среди евреев укрепилось, во всех последующих военных и политических превратностях судьбы еврейской общины в Палестине позиции фарисеев все более усиливались.

Хотя фарисеи отделились от Хасмонеев и саддукеев весьма решительно, оказалось, что это было не то отделение, в знак которого они себя назвали. Подразумевается антитеза фарисейской партии — не саддукейская партия и не Хасмонеи династия; это «народ почвы» (*ам ха-арец*)*¹). Эта фраза означает «туземцы» и имеет тот же оскорбительный оттенок, что и в его нынешнем употреблении в английском языке. Оно также несло в себе некоторые обидные исторические воспоминания. Оно воскрешало в памяти отвлечение, которое выказывали Ездра и его соратники, вавилонские еврейские пуриты, в отношении недостаточного рвения в изучении Торы в палестинском еврейском обществе в их времена. Это также воскрешало в памяти презрение и грубость, выказывавшиеся предками вавилонской общины — богатым городским меньшинством Иудеи в VIII в. до н. э. в отношении простого крестьянства в сельской местности. Наконец, это воскрешало в памяти безжалостный захват собственности ханаанских племен — прежних хозяев Палестины — еврейскими варварами-завоевателями в XIII в. до н. э. или ранее того. Очевидную для фарисеев враждебность к *ам ха-арец* мы найдем в их источниках*²). Гиллель⁴⁷, например, заявлял, что «Ни один из ам ха-арец не религиозен»*³). Йоханан бен Заккай восклицал: «Галилея! Галилея! Больше всего тебе ненавистна Тора! Скоро мы сравняемся с налоговыми чиновниками»*⁴). Противодействие фарисеев по отношению к *ам ха-арец* существовало благодаря страсти фарисеев дотошно интерпретировать учение Торы. Защитные меры предосторожности фарисеи предприняли, чтобы не быть вовлеченными в нарушение Торы через общение с *ам ха-арец*.

В умах фарисеев *ам ха-арец*, без сомнения, включали всех евреев, которые не подходили под их собственный фарисейский стандарт. Этот

*1) *Herford*. *Judaism in the New Testament Period*. P. 59, 72; он же: *The Pharisees*. P. 31—32.

*2) *Монтефиоре*. Указ. соч. С. 6—7.

*3) *Моор*. Указ. соч. Т. II. С. 160.

*4) *Baron S. W.* *A Social and Religious History of the Jews*. Изд. второе. Vol. I. P. 278—279.

термин был применим, по сути, к Хасмонеям и саддукеям точно так же, как и к «рыхлой несведущей массе обычных людей». Численность *ам ха-арец* увеличивалась в результате завоеваний Хасмонеийской династии за пределами Иудеи. Самаритяне, завоеванные Иоанном Гирканом, не восприняли еврейскую версию общей родовой религии Израиля и Иуды. Разрушение Иоанном Гирканом самаритянского храма в 128 г. до н. э.⁴⁸ только укрепило приверженность самаритян к их собственной версии религии Израиля. Граждане эллинских городов-государств, завоеванных Александром Яннаем, предпочли смерть обращению в иудаизм. А завоеванные идумеяне, галилеяне* и итуреяне⁴⁹ были насильственно подвергнуты обрезанию, но только меньшинство из них перешло в лагерь фарисеев из-за столь ревностного обращения. Большинство увеличило численность *ам ха-арец*. Идумейский контингент дал евреям Ирода⁵⁰, галилейский дал Иисуса.

Таким образом, фарисеи в свою эпоху были крохотным меньшинством еврейской общности. Иосиф⁵² насчитывал их не более чем шесть тысяч; а он описывал ситуацию накануне римско-иудейской войны 66–70 гг., когда палестинские евреи включали в себя идумеян и галилеян, равно как и жителей Иудеи, и когда население еврейских районов Палестины увеличилось за целый век мира и процветания, в который вступило еврейское государство с начала правления Ирода Великого (получил трон в 40 г. до н. э.). Однако фарисеи были просто меньшинством, они были склонны осуждать других и откровенно высказывали свои чувства. Они выражали свое неодобрение Хасмонеям, когда те были на вершине власти. После ликвидации Помпеем режима Хасмонеев в 63 г. до н. э. фарисеи не скрывали своего разочарования в Ироде Великом и его преемниках⁵³. Они также не одобряли зелотов, которые в эпоху власти Рима выступали за прежнюю хасмонеийскую политику военного сопротивления деспотической нееврейской власти**. В Талмуде, который является литературным наследием фарисеев, проигнорированы Хас-

* Идумея окончательно была завоевана Аристовулом⁵¹ в 104 г. до н. э. после первого завоевания Иоанном Гирканом (*Моор. Указ. соч. Т. I. С. 56*); Галилея была завоевана в 104–102 гг. до н. э. (*Оэстерли. Указ. соч. С. 37*).

** В порицании воинственности зелотов фарисеи были единодушны как с Иродом, так и с Иисусом; и этот консенсус не удивителен. Для палестинских евреев объявить Риму войну было преступным безумием, как показал исход войн 66–70 и 132–135 гг. н. э. Сопrotивление Хасмонеев монархии Селевкидов было героическим, но не безрассудно храбрым. Селевкидская монархия отчасти была колоссом на глиняных ногах (*Дан. 2: 33*). Римская власть была вся из железа. Тацит (*История. Кн. V, гл. 8–10*) обращает внимание на ошибочность представлений евреев (т. е. зелотов), что они могут одолеть римлян, как Хасмонеи одолели Селевкидов в эпоху, когда власть Селевкидов была надломлена столкновениями с Римом.

монеи и осуждаются зелоты*¹). Взгляд и настроения зелотов отражены в апокалиптической еврейской литературе, и их — точно так же как и апокалиптические произведения — игнорирует фарисейская литература.

«Нефарисейская литература представляет как с хорошей, так и с плохой стороны религиозные идеи значительного большинства евреев того периода, который она охватывает, вовсе не представляя того, что на самом деле было существенно, созидательно и прогрессивно в иудаизме того периода»*²).

Вероятно, этот отрывок полностью объясняет очевидный парадокс конечного триумфа фарисеев. Монтефиоре поднимает вопрос о том, как отмеченная враждебность раввинов к *ам ха-арец* совмещается с тем историческим фактом, что они получили народную поддержку*³). Это склонное осуждать всех и вся меньшинство не обладало принудительной властью над массами, которых они открыто презирали. Есть некоторые подтверждения того, что враждебное чувство было взаимным. И все же фарисеи имели огромное влияние на эти, весьма враждебные им массы*⁴). Действительно, народный иудаизм «был фарисейским всегда»*⁵). «Люди следовали за фарисеями»*⁶). «Современный иудаизм — это фарисейский иудаизм»*⁷). На самом деле «иудаизм — это памятник фарисеям»*⁸). Напротив, ни Хасмонеи и Иродиады, имея в руках военную и политическую власть, ни саддукеи, имея в руках духовную власть, ни Иисус и христианство, ни даже иудео-христианство не завоевали сердца евреев. Евреев-христиан заклеили как одиозных еретиков; и даже саддукеи, после того как в 70 г. н. э. сила их убавилась, стали посмертно еретиками из-за их неверия в воскресение, тогда как фарисеи рассматривали веру в него как *conditio sine qua non* (условие, без которого ничто не существует) и обязательное для принятия каждым ортодоксальным евреем. Зелоты в те времена могли соперничать с фарисеями за преданность масс; но влияние зелотов было временным, а влияние фарисеев носило постоянный характер.

В чем причина конечного триумфа фарисеев? Во-первых, у фарисеев была созидательная цель, которая отвечала нуждам еврейского народа и была вполне достижима в ситуации, в которой они оказались в эпоху после Изгнания. «Фарисейство было заявкой на

*¹) *Раввин Дж. Б. Агус*. Judaism. 1956. С. 18.

*²) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 130.

*³) *Монтефиоре*. Указ. соч. С. 11.

*⁴) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 77—78.

*⁵) *Ibid*.

*⁶) *Berkovitz E.* Judaism: Fossil or Ferment? P. 117; ср.: p. 123.

*⁷) *Riddle D. W.* Jesus and the Pharisees. P. 3.

*⁸) *Моор*. Указ. соч. Т. II. С. 193.

учение пророков о жизни»*. Во-вторых, у фарисеев был метод воплощения цели в жизнь. В-третьих, они были людьми одной идеи. Они посвятили себя одной цели и никогда не ослабляли своих усилий, чтобы осуществить ее в соответствии с их собственными предписаниями. Фарисейство завоевало преданность еврейского народа благодаря внутренней духовной ценности его цели и искренности фарисеев в воплощении того, что они проповедовали**.

Другой, хотя и вторичной причиной успеха фарисеев был пацифизм. Их политические требования были скромными. Они требовали свободы для самих себя, чтобы нести заповеди Бога, как они открыты в Торе, в соответствии с их собственными методами интерпретации Торы. Они бы подчинились любому политическому режиму, еврейскому или нееврейскому, который пошел бы навстречу этому минимальному их требованию***. При этом условии они были

* *Herford. The Pharisees. P. 238.* Влияние пророков на религию было, по сути, огромным в эпоху после Изгнания (*Moop. Указ. соч. Т. I. С. 15*). Иудаизм Ездры склонялся к применению учений пророков на практике (*Herford. The Pharisees. P. 136–137*). «Если бы не было пророков, не было бы фарисеев, пророки бы безвременно погибли» (с. 138). Лучше поздно, чем никогда. Запоздалое признание и благоговение, достойное похвалы, не преступно. Евангелия признают современный им фарисейский взгляд на пророков, соединяя его с обвинением в преступлении (Мф. 23: 29–32; Лк. 11: 47).

** В Евангелиях фарисеев обвиняют в лицемерии (Мф. 6: 3–9 и 23; Мк. 22: 38–40; Лк. 11: 39–52). Это обвинение несправедливо, так как фарисеи не только проповедовали, но и верили в то, что проповедовали. Их, вероятно, можно справедливо обвинить в самоуверенности и самодовольстве, а также в формализме. Их формализм был, безусловно, неизбежным следствием их концепции природы Торы и метода, в соответствии с которым они ее интерпретировали. Согласно их вере, Тора является учением Бога, и поэтому ей надо следовать четко, полностью и не задаваясь вопросами. Они также верили, что владеют методом интерпретации Торы, позволяющим выявить заповеди, содержащиеся в ней. Полностью их долг, как они его понимали, заключался в том, чтобы следовать этим заповедям так, как они открывались, если применить фарисейский метод интерпретации Торы. Если провести различия между заповедями и рассудить, что некоторые из них были более важными и, следовательно, более настоящими, чем другие, то фарисеи покажутся не только самонадеянными, но и, несомненно, нечестивыми. Сомнительная черта фарисейства — заданность его установок. Нет сомнений, что фарисеи были искренними, действуя в соответствии с ними. А в лицемерии их обвиняют сами раввины (*Montefiore C. G. Rabbinical Literature and Gospel Teachings. P. 118–119; Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 55*).

*** Раввин Дж.Б. Агус отмечает, что евреи не только были готовы отказаться от самоуправления. Они были готовы потерять и свою культурную идентичность (т. е. свой родовой язык). Они сконцентрировались на сохранении своей религиозной идентичности (*Judaism. 1956. P. 18*).

готовы примириться с правлением Ирода или с римским правлением, хотя последние сами были не менее неприятны фарисеям, чем остальным евреям. Фарисеи старались оставаться в стороне от политики, и в принципе они были пацифистами. «Движение зелотов в целом было движением противников принципов фарисейства»^{*1)}. Для фарисеев «лояльность к их религии и авторитету интерпретаторов Закона полностью заменили политическую лояльность и чувство гражданского долга»^{*2)}. «Это правда, что, с их точки зрения, был и мог быть только один законный царь над Израилем, а именно Бог; но до тех пор, пока Он не почувствует, что настал час послать своего Мессию, чтобы установить Его царство, ни одна попытка действия не будет предпринята человеком, чтобы направить Его руку»^{*3)}. Прямым содействием человека пришествию царства Мессии было покаяние, а не насилие. Можно процитировать два документа как характерно фарисейских: обращение евреев в 63 г. до н. э. к Помпею с просьбой упразднить хасмонейское правление и договор рабби Йоханана бен Заккаи с римскими военными властями накануне падения Иерусалима в 70 г. н. э. Йоханан со своей стороны согласился подчиниться римскому правлению; римляне же со своей согласились дать ему беспрепятственно бежать из Иерусалима в Ямнию, за римскую линию фронта, и создать там школу раввинических исследований^{*4)}.

Поддерживая идею пацифизма в политических отношениях, фарисеи были заодно с Иисусом и христианской Церковью; и не случайно, что оба течения выжили; и фарисейский иудаизм и христианство выжили в то время, как хасмонейское и зелотское течения иудаизма угасли. Фарисейско-христианский пацифизм удовлетворял политическому здравому смыслу в эпоху, когда историческим сердцем Ойкумены владели несколько могучих и агрессивных военных империй. Но пацифизм также верная политика и для высшей религии во все времена и при всех обстоятельствах, и по этой духовной причине он всегда обладает силой воздействия. Когда последователи высшей религии идут в политику и берут в руки оружие,

*1) *Herford*. The Pharisees. P. 189.

*2) *Моор*. Указ. соч. Т. II. С. 113.

*3) *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 69.

*4) Я подвергся критике — думаю справедливо — по меньшей мере со стороны двух еврейских писателей за то, что взял договор рабби Йоханана бен Заккаи с римлянами за новый отправной пункт в истории иудаизма и поэтому придал самому Йоханану слишком выдающееся значение. Э. Берковиц отмечает, что «он не представляет новую отправную точку иудаизма; он только связующее звено, хотя и очень важное» (*Judaism: Fossil or Ferment?* P. 118; ср.: p. 44, сноска 25). М. Сэмюэл отмечает, что рабби Йоханан не испытывал нужды ни в каком изменении: он был в основном русле фарисейской традиции (*The Professor and the Fossil*. P. 86–87).

тем самым они сводят на нет свою религию и выхолащивают ее — и это тем ужаснее, чем более они преуспевают в достижении земных целей, на которые они направили свою энергию. Эта истина раскрывается в истории не только иудаизма, но и христианства, ислама, зороастризма, сикхизма⁵⁴. Пацифизм фарисеев спас их от гибели вместе с зелотами.

4. Фарисейская концепция сущности еврейских Писаний

По мнению скептически настроенного постороннего, еврейские Писания представляют собой разнородное собрание книг, фрагментов книг и цитат⁵⁵, составленных из фрагментов. Единственное, что есть общего во всех составных частях собрания, — это то, что все они являются авторскими работами людей. По жанру и предмету и, более того, по литературной и духовной ценности они чрезвычайно отличаются одна от другой. Набор книг, объявленный в конечном итоге каноническим, содержит мифологические, фольклорные, исторические, правовые (как светские, так и религиозные) тексты, лирическую и элегическую поэзию, политико-религиозные пророческие манифесты, дополнения к этим манифестам, написанные рукой анонимных авторов последующих времен под именами изначальных, одну проблемную пьесу (Книга Иова) и один апокалипсис (Книга Даниила). Каноническое собрание растягивается по времени на восемь веков (с X до II вв. до н. э.). Пятикнижие — единственное, что некогда приняли в качестве канона самаритяне, — растягивается на три века (не считая более ранних по времени традиционных материалов, из которых оно составлялось). Постороннему взгляду это собрание книг не кажется единым. Конечно, оно внутренне не согласовано, но одинаково авторитетно, и заключенное в нем всеобъемлющее Божественное Откровение есть истина. Это то, что в нем увидели фарисеи, и это видение завладело их сердцами и душами. Для них их Писания были писанным Откровением Бога (Тора)*; их долгом было — делать то, что говорила Тора. Поэтому их долгом было также правильно ее интерпретировать, а для этого следовало приложить гигантские усилия. «Религия для них была воплощением в мыслях и действиях всего того, что открывала Тора, поскольку она давалась им, чтобы понять ее значение»**.

«Основа иудаизма — вера в то, что религия дается в откровении»***. Эта вера, конечно, — отличительный знак иудаизма.

* «Тора означает учение... Тора не означает закон и никогда не означала» (*Herford. Judaism in the New Testament Period*. P. 30–31; он же: *The Pharisees*. P. 54; *Моор*. Указ. соч. Т. I. С. 262; *Оэстерли*. Указ. соч. С. 56).

** *Herford. Judaism in the New Testament Period*. P. 47.

*** *Моор*. Указ. соч. Т. I. С. 112.

«Иудаизм мог быть разумной религией, но он был в значительной степени религией авторитета, религией Откровения, которая не спрашивала одобрения человека, но требовала послушания в целом и в каждой частности, не допуская умствований и отклонений. Это единственная религия, которая требовала безраздельной преданности»^{*1)}.

Тора была мудростью Бога (хокма). Она была создана раньше Вселенной и была неизменной. Также предполагалось, что она содержит неисчерпаемый запас все еще не выявленной истины. Итак, в теории возможность постепенного откровения была исключена. Даже если религиозные верования нельзя оставить неизменными навсегда, тем не менее консервативное отношение верующих и непоколебимость устремления возможны. Метод скрытого постепенного истолкования учения, представлявшегося неизменным, но в то же время неисчерпаемым, побуждал иудаизм к развитию и тем самым поддерживал его жизнь.

Все данные в Откровении предписания Бога благодаря своему происхождению были абсолютны и, следовательно, одинаково авторитетны и обязательны. Вера во вдохновение Слова приводит к «атомистическому толкованию». Каждое предписание, которое может быть извлечено из текста писаной Торы и истолковано по согласованному методу, обладает полновластным авторитетом как абсолютный приказ Бога. Акт ритуала сам по себе ничего не стоит; его внутренняя ценность и его практический эффект не относятся к делу; он ценен только потому, что это акт послушания воле Бога. «Река может нести на поверхности палки и солому и может изменить своих берега, но главное то, что река есть, и без реки сор, который она несет, никто не заметит»^{*2)}. Соответственно примитивные правила ритуала, включенные в более древние пласты писаний до Изгнания, были восприняты слепо, как приказы Бога. Не чувствовалось никакой несовместимости между ритуальными мелочами и этическими принципами. «Подчинение открывающейся воле Бога — суть религии»^{*3)}. В иудаизме нет основы для разделения закона на «церемониальную» и «моральную» части^{*4)}. Для раввинов «правильное и неправильное... определяется не разумом и совестью человека... но является данным в Откровении по воле Бога»^{*5)}. «Жертва за грех»⁵⁶ до Изгнания была искупительным действием, не имевшим морального значения. «Специфические очищения и искупительные действия по закону применимы, пожалуй, только к

*1) *Moop.* Указ. соч. Т. I. С. 324.

*2) *Herford.* *The Pharisees.* P. 69.

*3) *Moop.* Указ. соч. Т. II. С. 78.

*4) Там же. С. 79.

*5) *Moop.* Т. II. С. 78; ср.: с. 82 и 89.

случаям, у которых нет существенного морального качества»^{*1)}, и в глазах раввинов после Изгнания нарушения морально нейтральных законов были так же греховны, как и нарушения морали. С точки зрения раввинов, было возможно грешить и без знания и намерения. Грех означает нарушение Божьего закона. «Основанная на законе справедливость раввинов, часто на практике, была странной комбинацией «церемониального» протокола и видимого ритуала и более тонкой любящей доброты и сладчайшей набожности. Таким образом, для раввинов Пятикнижие было как вдохновением, так и зависимостью»^{*2)}.

«Исходя из своей веры, они не могли делать различия между одной стороной и другой... еще раввины в своих цепях борются (неосознанно) против их ограничений; для всех этих разграничений нужны выполнимые приказы, и «все эти требования ради них самих», «все во имя любви», все эти специальные акценты на «моральные» приказы, такие, как воздержанность и любовь к соседям и так далее, взяты вне Пятикнижия; они прочитываются по смыслу, но их не найдешь в тексте»^{*3)}.

Монтефиоре привлекает внимание к легкости, с которой раввины переступают пределы текста писаной Торы. Это сделало возможным фарисейский метод ее интерпретирования.

5. Фарисейский метод толкования писаной Торы

Основой фарисейской интерпретации писаной Торы была доктрина, что неписаная Тора, помимо писаной, была дана Моисею Богом; что она была дана свыше через аутентичную устную традицию переписчиками после Изгнания. Неписаная Тора, в которой переписчики были сведущи, была также авторитетна, как и писаная, и, следовательно, могла быть законно использована переписчиками в качестве ключа для интерпретирования как писаной Торы, так и обрядовых книг священнослужителей (гезерот), в которых пробелы и неясности писаной Торы были заполнены неадекватно. Столь дерзкая новая фарисейская доктрина была отклонена саддукеями, но это не отпугнуло фарисеев от систематического переинтерпретирования Торы посредством их революционного герменевтического инструмента. Этот процесс длился не менее шестисот лет и завершился созданием вавилонского Талмуда. «Эта концепция неписаной Торы оказалась средством для спасения иудаизма от упадка»^{*4)}. Писание без

*1) *Moop*. Т. II. С. 494.

*2) *Монтефиоре*. Указ. соч. С. 319.

*3) *Монтефиоре*. Указ. соч. С. 351.

*4) *Herford*. Op. cit. P. 44.

помощи традиции никогда не было достаточным. Новая доктрина открыла путь, для которого свойственно было хотя и не прямое, но ясное требование для раввинов воспринимать постоянное Божие вдохновение.

«Религиозную жизнь еврейского народа спасло возвышение Торы от закрытого Откровения к открытому, от мертвой буквы к букве, ожившей, от текста, давно установившегося и затвердевшего, чье значение никогда не могло измениться и которое не могло добавить ничего нового, к тексту, смысл которого был гибким, поскольку интерпретировался по-новому вслед за растущей моральной пронизательностью от эпохи к эпохе»*.

Таким образом, в действительности переписчики после Изгнания дали себе полную свободу действий. Прием, который они для этого применили, заключался в извлечении из текста писаной Торы двух видов сентенций: императивного и индикативного. Высказывания императивного вида назывались «галаха» (во множественном числе «галахи»). Буквальное значение этого слова — «тропа»; это специальное значение божественного приказа, извлеченного из писаной Торы путем обращения к неписаной Торе через интерпретацию ее. Свод *галах* является тем, что в Евангелии от Матфея (15: 2–3) названо «преданием старцев»**. Сентенция индикативного типа была названа «агада». Это было основанное на фактах утверждение в таких областях, как теология, этика, психология и метафизика. *Галаха*, по мнению раввинов, считалась более серьезной материей, чем *агада*. Серьезность ее обосновывалась тем, что, если она некогда была утверждена в соответствии с признанной процедурой, послушание ей было абсолютно обязательным для всех евреев. *Галахи*, будучи взаимосвязанными, должны согласовываться со всеми другими; *агады* же не были взаимосвязаны, поэтому могли взаимно противоречить друг другу. Официально признанный учитель мог произносить *агаду* от своего имени, опираясь на личный авторитет. С другой стороны, отличием *галахи* было то, что она являлась общим делом для всего сословия раввинов, а оно не имело силы до тех пор, пока не принималось большинством голосов или по меньшей мере неформальным консенсусом***. Все *галахи* считались безоговорочно содержащимися в тексте писаной Торы. Даже раввины иногда доходили до того, что отвергали писаную Тору. «Этика *галахи* не всегда была идентична этике Ветхого Завета, и

* См.: *Herford*. The Pharisees. P. 66.

** *Herford*. Judaism in the New Testament Period. P. 54.

*** Этому есть параллель в исламе. Здесь также два установления стали действительными через неформальный консенсус (иджма) между авторитетами в области Шариата.

замена одного на другое была совершена умышленно»*1). Более того, раввины трактовали нарушения *галахи* как более тяжкое преступление, чем слушание Писания. Установленное *галахой* могло так или иначе видоизмениться последовательными решениями, принятыми в правильной форме; и, таким образом, свод *галах* оставался гибким до завершения вавилонского Талмуда. Напротив, свод *агад* не эволюционировал, и этим он отличается от христианской теологии. Теология раввинов оставалась бессистемной; они не вдавались в теологические различия. «От начала до конца они были религиозными учителями, а не теологами и не философами»*2).

Херфорд отмечает, что фарисеи поссорились с Иисусом потому, что он учил народ, «что он — единственный авторитет, а не переписчики» (Мф. 7: 29). Другими словами, он провозглашал *галахи* от своего собственного имени так, как будто они были *агадами* и как будто он сам был официально признанным раввином, утвержденным другими членами этого сословия. У него же не было этого статуса, и, даже если бы он у него был, ему бы не дали права провозглашать *галахи* от своего собственного имени до тех пор, пока их не примут и не утвердят консенсусом его коллеги согласно установленной раввинической процедуре.

«Он отверг всю систему *галах*; и он критиковал и отверг Тору, на которой основывались *галахи*... Из источников ясно видно, что Иисус не имел близкого знакомства с *галахами*, которые он отверг, и абсолютно не знал и теорию... Если бы он обладал таким знанием, он не использовал бы казус корвана⁵⁷ в качестве оружия, так как ситуация по этому поводу была совсем иной, нежели он предполагал»*3).

Не удивительно, что народ «дивился учению его» (Мф. 7: 28), а раввины были не только удивлены, но и разъярены и встревожены. Если бы Иисус завоевал преданность народа, его победа повлекла бы за собой падение всей системы, которую переписчики так старательно соорудили и с таким трудом привели в действие. В противном случае, «если бы не было фарисеев, Церковь столкнулась бы с незначительной оппозицией или вообще не столкнулась бы с ней»*4). Стычка между фарисеями и Иисусом была «взаимным

*1) *Herford. The Pharisees. C. 111.*

*2) *Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 86.* Херфорд делает предположение, что христианство позволяет свободу в моральной теологии (*галахе*), но не в доктринальной теологии (*агаде*), тогда как в иудаизме наоборот (*The Pharisees. P. 105.*)

*3) *Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 208; cp.: The Pharisees. P. 205–207.*

*4) *Herford. The Pharisees. P. 213.*

столкновением двух непримиримых концепций религии», и даже «не было попытки к примирению»^{*1)}. Фарисейская литература не дает никаких свидетельств признания величия Иисуса.

Ссора приобретала трагический оттенок из-за того, что между соперничающими партиями было много общего. Например, наличествовала значительная степень общих мотивов в основах обоих учений. Параллели того можно найти в раввинической литературе, возможно, в девяноста процентах всех записанных высказываний Иисуса. Ни одна из партий не позаимствовала «общую основу» от другой. «Самым естественным и очевидным источником была синагога»^{*2)}. Притчи использовались в учении синагоги. «Большая часть из того, чему учил Иисус, не была чем-то оригинальным, так как содержалась в учении синагоги...»^{*3)}. Его оригинальность проявилась бы в чем угодно, только не в учении, которое было близко и ему и фарисеям»^{*4)}. Точно так же не было ссоры между Иисусом и фарисеями и по спорному вопросу о соотношении между национализмом и универсализмом, который волновал умы евреев с того момента, как Второ-Исайя достиг своего видения Яхве как Единого Истинного Бога. Хотя христианство перестало быть только еврейской сектой и стало мировой религией через несколько лет после смерти Иисуса, сам Иисус, такой, каким он представлен в Евангелии от Матфея (10: 5–6 и 15: 21–28), ограничивал свою миссию еврейской средой и исключал самаритян и неевреев из поля своей деятельности; резкость используемого им языка может иметь довольно мало параллелей в раввинической литературе, если вообще таковые есть^{*5)}.

Не было ссоры и по поводу претензии со стороны Иисуса на роль Мессии. В раввинической литературе нет упоминания о такой претензии; и «претензия на роль Мессии сама по себе не является преступлением»^{*6)}, с точки зрения евреев, хотя и являлась таковой, с точки зрения римлян. Признание евреями-христианами Иисуса Мессией не вступало в противоречие с ортодоксией фарисеев. Не было обязательной ортодоксальной доктрины Мессии или последних вещей⁵⁸. Любой еврей мог провозгласить себя Мессией на свой страх и риск. Приговор этому провозглашению дала бы история. Претензии некоторых претендентов сами евреи признавали через более или

*1) Ibid. P. 208; ср.: Judaism in the New Testament Period. P. 207.

*2) Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 192.

*3) Ibid. P. 193–202. Херфорд отмечает, что Иисус проповедовал в основном вне синагог, и это было чем-то новым.

*4) Ibid. P. 193.

*5) Это отмечает К. Д. Эрдманн в «Archiv für Kulturgeschichte», XXXIII Band. Heft 2. 1951. P. 294; Моор (Указ. соч. Т. I. С. 186) отмечает, что Матфей — как самый еврейский, так и самый фарисейский из евангелистов.

*6) Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 214.

менее долгие промежутки времени, но до сегодняшнего дня ни один из претендентов не получил безоговорочного признания всех евреев. Самым сенсационным случаем было признание Бар Кохбы рабби Акибой. Это неосторожное действие доказало, что рабби Акиба подвержен ошибкам, ибо не сделал Бар Кохбе ничего хорошего. Восстание Бар Кохбы против Рима провалилось; и он, и Акиба приняли смерть от рук римлян; и в глазах евреев это событие доказало, что оба они фактически ошибались — Бар Кохба, провозгласив себя Мессией, и Акиба, подтвердив его претензию. Последствия должны были отпугнуть других выдающихся раввинов от следования примеру Акибы, но Акибу осудили не за то, что совершил он сам*. Действия его и Бар Кохбы, которые в глазах римлян были государственной изменой, не были религиозными преступлениями, с точки зрения коллег рабби Акибы — авторитетов в области права. Это были неудачные попытки умозрительных построений.

Относительно случая с Иисусом Херфорд считает, что нет доказательств того, что Иисус провозглашал себя Мессией, хотя, безусловно, верил в свое божественное призвание. «В то время существовал широкий спектр значений, в которых мог пониматься термин «Мессия», но вполне очевидно, что Иисус себя не относил ни к одному из них...» «В любом смысле, имевшем хождение в то время, он не был Мессией»**. Конечно, было бы явным противоречием для Мессии заявлять, как Иисус заявил Пилату: «Царство Мое не от мира сего» (Иоанн. 19: 36) и что его последователи не будут сражаться. Этот пацифизм, который отнимает силу у любой претензии со стороны Иисуса на роль Мессии в общепринятом смысле, должен был привлечь фарисеев, поскольку они тоже были пацифистами и не одобряли zelотов из-за их воинственности.

Таким образом, проявлялось то, что из-за разногласий относительно галахи у фарисеев и Иисуса не было причин ссориться друг с другом. Если это правда, это является дальнейшим доказательством важности в глазах фарисеев процедуры, с помощью которой были установлены галахи.

V. МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И УНИВЕРСАЛИЗМОМ

Более точно было бы описывать иудаизм как «первую великую миссионерскую религию Средиземноморского мира»***. Зороастризм или буддизм, вероятно, не позднее иудаизма начали свой миссионерский путь, и поле деятельности зороастризма в Юго-Западной

* *Herford. Judaism in the New Testament Period. P. 218.*

** *Ibid.*

*** *Moop. Указ. соч. Т. I. С. 324.*

Азии частично совпало с иудейским. Но на западной оконечности Старого Света иудаизм был, конечно, самой ранней миссионерской религией. Некоторые из его наиболее знаменитых достижений отмечались ранее на страницах этой книги. Иудаизм был готов стать миссионерской религией, когда Второ-Исайя увидел в национальном боге евреев Единого Истинного Бога всего человечества и всей Вселенной. Едва содержательная миссия Израиля нашла некоторое понимание или отклик в веках, как немедленно появились последователи. Два плода Изгнания — диаспора и синагога — были великолепными мощными инструментами для обращения мира. В конечном счете диаспора расширилась на запад вдоль побережья Средиземного моря и на восток, в Иран. В каждом сколь-нибудь значимом городе Ойкумены Старого Света к западу от Индии появилась местная еврейская община, и в каждой из этих общин была по меньшей мере одна синагога. Институт синагог не был изобретен для миссионерских целей; его целью было сохранить в диаспоре отношения между самими евреями и их Богом; но, хотя это не входило в намерения изобретателей, синагога оказалась настолько привлекательной, что вокруг своего еврейского ядра собирала нееврейский круг. Когда Павел намеревался обратить Эллинский мир в христианство, он обнаружил вокруг каждой еврейской синагоги внутренний круг нееврейских прозелитов и внешний круг «богобоязненных» последователей (себоменои)⁵⁹. Иудаизм уже привлек их, христианство, появившись на арене, увлекло их дальше. Эти нееврейские обращенные и полуобращенные в иудаизм были первыми неопитами, которых христианские миссионеры убедили в своей вере. Почему нееврейские последователи иудаизма так легко увлеклись христианством? И почему также западная половина Старого Света была обращена не в иудаизм, а в две его девиантные религии — христианство и ислам? Ответ в том, что и христианство, и ислам быстро избавились от весьма мешающего фактора, перестав быть мононациональными религиями, в одном случае — евреев, в другом — арабов, тогда как иудаизм никогда не прекращал быть еврейской национальной религией, несмотря на то что он также стал мировой религией около двух с половиной тысяч лет тому назад. «Еврей — часть коллективной судьбы, даже если он не знает этого или не желает разделять ее»*. Но «групповая определенность «особенных» людей всегда оборачивается западней всеобщей ответственности»**.

Чтобы обратить людей в свою религию, миссионер должен отождествлять самого себя с ними, и привести этих людей в ее лоно он сможет при том единственном условии, что они примут предлагаемую

* *Talmon J. L. Commentary.* Июль 1957. P. 4.

** *Berkovitz E. Judaism: Fossil or Ferment?* P. 130.

религию истинно и от всего сердца. Общие духовные узы, возникающие между новообращенными и миссионерами, преодолевают все прежние национальные и культурные различия и даже ставят обращенных вровень с вестником, чья религия теперь стала их общей религией. Исламский миссионер приходит к тому, чтобы жить согласно этим идеалам. Но еврейскому миссионеру до сих пор запрещается идти к победе этим путем ввиду всеподавляющего стремления сохранить характерную общность в форме нации. Со дня Второ-Исайи евреи признали Бога Отцом всех людей, а не только Израиля. Но признание ими этой истины помешало им пожать все плоды из-за сопротивления этому их националистического убеждения, что «сыновние отношения эффективно осуществляются только теми, кто принадлежит к израильской общине»*. С того момента, как евреи осознали, что их Бог — Отец всех людей, обращение неевреев должно было стать их миссией. Но этот же самый Бог, будучи в их глазах только их богом, любит Израиль; и если неевреи хотели разделить его любовь, то получали от евреев неизменный ответ: «Вы в этом не участвуете»**.

Неблагодарный дух такой усеченной любви привел евреев к тому, что они сами предоставили приемлемую альтернативу неевреям, которых привлекала религия Второ-Исайи. Альтернатива была в том, чтобы стать прозелитами, но это вело к тому, что вновь обращенные должны были стать не только последователями иудаизма, но также и натурализовавшимися членами еврейской общины. Согласно Фило***, прозелит разрывает все свои прежние социальные и религиозные связи. Прозелит, если он мужчина, должен подвергнуться обрезанию и, кроме того, совершить ритуальное омовение⁶⁰ и принести дары Храму. Не удивительно, что среди прозелитов женщины составляли значительное большинство. Они также были в большинстве среди богобоязненных последователей внешнего круга. К неевреям, присоединившимся к этому кругу, не предъявлялись такие требования, как к прозелитам, им не нужно было нести на своих плечах весь груз Торы, как того требовали фарисеи⁶¹. Но относительно легкая цена их прощения заключалась в том, что их держали на почтительном расстоянии, как полупосторонних «граждан второго сорта» еврейского общества. Не удивительно, что Павлу и его коллегам, христианским миссионерам, оказалось легко привлечь нееврейских последователей иудаизма в братство соперничающей с иудаизмом религии, в которой они также могли почитать Единого Истинного Бога Второ-Исайи, не будучи поставлены в

* *Herford*. The Pharisees. P. 157—158.

** *Moop*. Указ. соч. Т. I. С. 396—397.

*** *Philo*. De Monarchiâ. Гл. VII, § 51—53; цит. по: *Moop*. Указ. соч. С. 327.

невыгодное положение по причине своего нееврейского происхождения.

В своем отношении к неевреям евреи и по сей день являются узниками деспотического вавилонского еврейского реформатора Ездры. Его целью было заставить евреев слушаться Тору; и как необходимое средство для этого он сделал решительный шаг, чтобы отделить их от их нееврейских соседей. «Основным результатом его политики было проведение резкой черты между евреями и неевреями и создание внутри нееврейского мира некоего подобия загона, обнесенного оградой, для еврейской общности»^{*1)}. Это был неизбежный результат того, что евреев заставляли изучать Тору так, как ее понимал Ездра. Но изучение Торы в понимании Ездры и его последователей — фарисеев — не есть обязательное условие религии Второ-Исайи. Ездра поднял спорный вопрос, однако не решил его. И спор, начатый им, с тех пор продолжается в сердцах и умах евреев.

Монтефиоре замечает, что партикуляризм превалировал в построениях раввинов и они открыто это проявляли. «Хотя вспышки универсализма иногда разрывают темноту и дают свет»^{*2)}. И его комментарий на это таков: «Почему-то универсалистские эпизоды раввинов кажутся мне все же более выдающимися на фоне их преобладающего партикуляризма»^{*3)}. В наше время, главным образом в нынешнем поколении, спор активизировался. В нашу эпоху, как и в VIII—VI вв. до н. э., евреи получают важные познания, социальные и культурные условия их жизни подвергаются существенным переменам, и потому не удивительно, что сейчас их сердца и умы должны пребывать в движении.

Первой из этих современных перемен в социальной и культурной жизни евреев была «эмансипация» их в Западном мире как воплощение идей Великой французской революции⁶². Раввин Агус напоминает, что в век эмансипации евреи на Западе боролись, несмотря на противодействие еврейских националистов, за то, чтобы завоевать статус религиозной общины, и этот выбор делался не один, а много раз во многих частях Европы. Он ссылается на направление, которое взял «санхедрин» Наполеона в Париже⁶³, который включал некоторое число выдающихся раввинов. Этот орган, представляющий евреев Франции, отказался от прежнего квазинационального статуса французских евреев, а также от их надежды на возвращение на землю обетованную — в Эрец Исраэль. Он принял для них новый статус «еврейских французов»^{*4)}. Раввин Агус отмечает, что в нынешнем поколении «исчезновение еврейской «земли-

*1) *Herford. Judaism in the New Testament Period.* P. 34—35.

*2) *Монтефиоре.* Указ. соч. С. 82.

*3) Там же. С. 107.

*4) *Раввин Дж. Б. Агус. Judaism.* Июль 1956. С. 20—21.

сердца» в Центральной Европе⁶⁴, подъем государства Израиль и появление американского еврейства как мощного центра мирового сообщества друзей Израиля — все это решающие факторы, которые подразумевают начало новой и не имеющей никаких прецедентов эры»^{*1)}.

В других местах раввин Агус привлекает внимание к спорам в этой новой эре еврейской истории и в то же самое время находит причины этой неизбежной напряженности в самой человеческой природе, ища ее корни в прошлом евреев. Раввин Агус видит «динамические идеи истории как вертикальные силовые поля между идеальным полюсом и бессознательной силой»^{*2)}. Он указывает на напряженность между еврейским национализмом и еврейским монотеизмом и в этой напряженности в рамках еврейского национализма — между бессознательными силами самоутверждения и идеалистическими элементами самопревосходства. «В религиозной общности, как и в исторической нации, мы сталкиваемся с той же самой напряженностью, самоутверждением и самопревосходством». В иудаизме «возникло четырехполюсное поле сознания, которое не имело как прецедентов, так и параллелей». «Каждый из четырех полюсов еврейского сознания — самопревосходство религии и ее самодовольный догматизм, одухотворение национального чувства и его вырождение в нигилистический шовинизм — мог занять преобладающее место в душе еврея»^{*3)}.

Диалог раввина Агуса можно проиллюстрировать выдержками из трудов других современных еврейских мыслителей. Например, Берковиц придерживается мнения, что у иудаизма нет мировой духовной миссии^{*4)}. Барон придерживается мнения, что «еврейская религия без «избранного народа» немислима», также он считает, что иудаизм не может, как другие религии, быть пересажен от еврейского к другому народу^{*5)}. Берковиц заявляет, вполне в духе Ездры, что принять иудаизм, не принимая закона Моисеева, — это противоречие в терминах. Эбан видит будущность евреев не в диаспоре, а в недавно созданном государстве Израиль. С его точки зрения, нынешний век ознаменован триумфом национальных государств, и это ставит крест на более широких объединениях. Однако в том же самом эссе, тот же самый еврейский писатель^{*6)} заявляет, что характерные черты иудаизма — вера в возможность морального выбора, в социальную справедливость и во вселенский мир;

*1) Judaism. Vol. IV, № 4 (осень 1955). P. 319.

*2) Judaism. 1956. P. 33.

*3) Ibid. P. 34—38.

*4) Berkovitz E. Judaism: Fossil or Ferment? P. 124—125.

*5) Барон. Указ. соч. Т. I. С. 3.

*6) Eban A. Toynbee and History. P. 336.

и он полагает, что еврейский народ сохранил свою «общность и идентичность» не ради самих себя, а с целью поддержки своих революционных идеалов. Сэмюэл полагает, что еврейский народ — «это непрерывная ассоциация личностей... проводящая некий эксперимент в отношениях с Богом... Когда Мессия придет и все люди примут веру, эксперимент будет завершен»*. Последующий красивый и волнующий пассаж и призван показать роль еврейской молитвы, которую неустанно твердит современная еврейская паства.

«Наш страж, одари нас силой и терпением для нашей святой миссии. Дозволь всем детям Израиля признать цель движения Израиля полной перемен, чтобы они могли служить примером в их рвении и любви к человечеству, в правде призыва Израиля: Одно человечество на земле, равно как и Господь на небе. Прольем свет на поименованное со знанием, что святилище из древа и камня, которым однажды короновали гору Сион, было не чем иным, как вратами, через которые Израиль вошел в мир, чтобы ввести человечество в себя.

Ты единственный знаешь, когда сей труд искупления будет завершен; когда прояснится день, в котором свет Твоей истины осветит всю землю. Но то, что сей великий день вселенского примирения придет, так же верно, как и то, что ни одно из Твоих слов не останется без ответа, кроме тех, что Ты нарочито послал в пустоту»**.

Еврейская вера — это видение Единого Истинного Бога таким, каким его воспринимали пророки от Амоса до Второ-Исайи. «Эксперимент» в отношениях с Богом — это «проведение в жизнь учений пророков»***, что является определением фарисейства, по Херфорду. Это великое духовное сокровище, которое евреи дали всем народам. Если давать это сокровище — миссия евреев, а это, безусловно, так, тогда эта миссия сейчас требует от них наконец-то предположить, что их высшая цель несовместима с той целью, которую они всегда ставили на первое место со времен Вавилонского пленения. Им придется отказаться от национальной формы как отличительной черты еврейского общества для того, чтобы стать безусловными миссионерами Вселенской Церкви, открытой на равных основаниях любому еврею или нееврею, который выражает преданность Богу Второ-Исайи и старается исполнять Его волю. В наше время сионистское движение развивается в прямо противоположном направлении. Оно не только остается ограниченным и делает

* *Samuel M. The Professor and the Fossil. P. 176.*

** Либеральный еврейский молитвенник. Т. II.: Службы на день Поминования (Рош-Ашана) и на день Искупления⁶⁵ (Лондон. 1937. Либеральная еврейская синагога. С. 280–281).

*** *Herford. The Pharisees. P. 238.*

акцент на национальной форме жизни еврейской общины, но и вернулось назад, к территориальной основе. С другой стороны, реформистское, консервативное и либеральное движения в еврейской диаспоре⁶⁶ дефоссилизируют (возвращают к жизни)⁶⁷ практику иудаизма. Они уже далеко ушли от фарисейской интерпретации Торы и от равного послушания всем галахам, чего требует эта интерпретация*.

Трудно и мучительно отказываться от цели и от действий по достижению этой цели перед угрозой наказаний и преследований. Но у евреев было в распоряжении духовное орудие, которое в прошлом дало им возможность совершить такие же нелегкие подвиги, как этот. Неписаная Тора содержалась в тайне 1100 лет, начиная с момента закрытия вавилонского Талмуда и до «эмансипации» евреев на Западе в эпоху Наполеона. Полагая, что было возможным внести писаную Тору в жизнь во времена Ездры и еще раз в эпоху фарисеев, не удивительно предположить, что будет возможно возродить ее откровение и сегодня. И это оружие вполне соответствует задаче, с которой сталкивались евреи в течение двух с половиной тысяч лет. Сокровище, которое должны дать евреи — не Талмуд или писаная Тора, еврейская диаспора или еврейское национальное государство в Палестине, но видение пророками Бога, отношение души человеческой к Богу, по примеру пророков; и идеалы, которыми руководствуется человек, исходят из этого.

Снаряжаясь для своей вселенской миссии, иудаизм, вероятно, должен был почерпнуть кое-что от двух великих евреев, которых он до сих пор отрицает. Он должен вспомнить, что в самый разгар фарисейской эпохи Павел был единственным, кто уже тогда предчувствовал грядущие перемены, которые ощущают нынешние евреи на широком фронте. Павел чувствовал, что Тора, однажды сыграв роль духовной брони для сохранения иудаизма, под конец стала духовным препятствием распространению еврейской веры, а следовательно, пришло время вновь переинтерпретировать Тору. Нынешние евреи могли бы признать в Павле предтечу на этом поле, но ведь они не приняли веру Павла в божественность Иисуса. Евреи могли бы в конце концов предъявить права на Иисуса, которого они позволили христианам присвоить себе, без какого-либо протеста со своей стороны. Иисус не был христианином, Он был евреем по вере, хотя, будучи галилеянином, Он мог быть неевреем по

* «Недостатком иудаизма было то, что на протяжении многих поколений Талмуд был второй священной книгой, и я предполагаю, что к Талмуду примерно так и относились, ибо он был такой объемистый и такой сложный, такой неотредактированный, полный «высокого и низкого», такой «повседневный» и в конце концов просто очень скомпилированный» (*Montefiore C. G. Rabbinic Literature and the Gospel Teachings. P. 352–353*).

происхождению. Претензии на божественность, вложенные евангелистами в Его уста, не являются доказательствами этого; это доказательство только того, что Его христианские последователи в следующем поколении верили в Его божественность. Эта вера богохульна с точки зрения иудаизма, но богохульство это — не Христа, а христиан: Иисус не мог быть обвинен в этом. Иисус не был фарисеем; но еврей мог быть ортодоксальным евреем, не будучи фарисеем во времена Иисуса, как может быть таковым и сегодня. С этой точки зрения современники Иисуса, саддукеи и zelоты стояли на тех же позициях, что и Иисус. Более того, ссора между Иисусом и фарисеями постепенно теряет свое значение, так как галахи, будучи заморожены на несколько веков, наконец постепенно преобразуются. Чтобы принять Иисуса в качестве учителя евреев, который учил как имеющий авторитет, не требуется принятия христианской веры в божественность Иисуса.

Еврейская религия предполагает распространение ее на все человечество. Однако, будучи «невообразима» без «избранного народа», она не может осуществить эту свою судьбу и стать мировой религией до тех пор, пока евреи не откажутся от национальной формы характерной национальной идентичности для того, чтобы исполнять свою религиозную миссию. Принять иудаизм, не принимая Закон Моисеев, — это «противоречие в определениях», если под Законом Моисеевым подразумевается переинтерпретация Торы по фарисейскому методу. Новая еврейская интерпретация Торы — необходимое условие для исполнения иудаизмом своей судьбы. Судьба иудаизма достигнута и принята неевреями. Может быть, верно, что без панциря Торы и Талмуда для евреев невозможно сохранить в диаспоре свои отличительные национальные черты; но также есть два пути, в которых отличительные национальные черты общности могут быть преодолены: путь израэлитов и римлян. Десять колен потеряли свою национальную идентичность, ассимилировавшись с народами, в чьи страны они были депортированы; римляне отказались от своей идентичности, включив в свою общность народы, чьи страны они включали в свою империю. Эти два пути антитетичны в нескольких смыслах. Путь Десяти колен — пассивный, произвольный и бесславный, и естественно, евреи должны быть насто-роже, опасаясь повторить судьбу своих затерянных родственников. С другой стороны, римский путь — активный, преднамеренный и благородный, и он показывает, что отвержение общинной идентичности не влечет за собой потерю общностной идентичности самой по себе, так как «древняя цивилизация», по словам Агуса, «превратилась в мировую религию».

Сегодня еврейская диаспора, как говорят о ней некоторые израильтяне, обречена исполнить судьбу Десяти затерянных колен,

если она не иммигрирует в нынешнее государство Израиль. Но на самом деле выбор, открытый для евреев диаспоры, не ограничивается этой альтернативой. У нее есть третий путь: римский выбор — объединение вместо ассимиляции. Ассимиляция еврейской диаспоры окружающим нееврейским большинством наличествует, а значит, иммиграция в Израиль — не единственная альтернатива. Другая возможность для диаспоры — это обращение в денационализированный и дефоссилизированный иудаизм нееврейского большинства, внутри которого она живет. То, что римляне сделали в политической сфере, евреи могли бы сделать в религиозной. Они могли бы включить неевреев в еврейскую религиозную общность, обратив их в религию Второ-Исайи. Величайшим пророком, хотя и не обязательно последним, будет не Мухаммед⁶⁸, а еврейский провидец, который воодушевит наконец братьев-евреев всем сердцем посвятить себя их вселенской миссии. Мир ждет такого пророка уже две с половиной тысячи лет.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАПАДА

Предмет этой главы значителен, но нет необходимости делать главу большой, так как история и перспективы Запада обсуждались нами весьма подробно в предыдущем томе. То, что я написал о Западе, вызвало довольно острую критику, обращенную не только на суть предмета, но и на мой взгляд на него. Мои критики в некоторых случаях, очевидно, не поняли моих подходов, поэтому я вынужден коснуться некоторых вопросов в личностном аспекте.

В отличие от истории большинства известных нам цивилизаций, история Запада сегодня все еще не закончена. Поэтому рискованно пытаться предсказывать ее перспективы, обозначая в форме предположения некоторые альтернативы*, даже будучи уверенным, что характер истории Запада до сегодняшнего дня оставался более или менее схожим с характером развития некоторых других цивилизаций, скажем, Эллинской или Древнекитайской, чьи истории уже закончились¹. И хотя истории названных цивилизаций известны нам от начала до конца, мы не можем присвоить себе право предсказывать, что будущее Западной цивилизации пойдет по пути

* *Gargan E. Ad Hominem. March 1955.* В книге «Books on Trial» Э. Гарган заявляет: «не удивительно, что Тойнби с самого начала своей работы выносит приговор истории Запада, показавшейся ему поразительно неправильной» (р. 265). В целом Гарган критикует мое «видение прошлого и будущего Запада».

Эллинской или Китайской; если я прав — а я уверен, что это так, — придерживаясь того, что ход человеческих дел не предопределен или не неизбежен, а значит, и сам характер прошлого не дает основания для предсказания будущего*. Если это правда, мы не можем предсказать, вступит ли Западная цивилизация в фазу универсального государства². Еще меньше мы можем предполагать, станет ли западное универсальное государство кратковременным, как государство Эллинской цивилизации, сформировавшееся в западных провинциях Римской империи, или долговременным, как китайское универсальное государство, пойдя Запад по пути, характерному для Эллинской или Китайской цивилизации³.

В нынешний атомный век, в который Запад, а вместе с ним и весь мир вступили в течение нашей жизни, кажется, будто невозможно вновь создать универсальное государство, — а если это и возможно, то в любом случае не стандартным путем и, следовательно, не в стандартной исторически выработанной форме. В прошлом универсальные государства устанавливались в результате успешных войн, оканчивавшихся поражением всех государств, кроме одного выжившего победителя. Но даже в эпоху обычного, доатомного оружия подобный путь достижения политического единства был настолько разрушительным (психологически даже больше, чем материально), что цивилизации, прошедшие через этот горестный опыт, обычно выходили из него неизгладимо поврежденными. В век атомного оружия ни одна держава не дойдет до финального раунда. Победителя не будет: все воюющие стороны потерпят поражение, и даже первый раунд атомной войны может смести не только воюющие государства, но и человечество в целом, а возможно, и всю жизнь на планете. Из этого не следует, что люди не могут достичь единства. Сейчас, впервые в истории, весь человеческий род объединился перед лицом выбора: либо любыми путями стремиться к единству, либо погибнуть. Что казалось невероятным — это то, что человечество можно объединить силой. В это верится с трудом, потому что сила, которая будет использоваться в войне будущего, столь огромна, что истребит общество, не оставив ничего живого для объединения.

Подобные соображения заставляют меня быть осторожным относительно выдвижения предположений — в первую очередь относительно будущего Запада. Когда критики отмечают это, я принимаю критику как похвалу, а не как порицание. Их критика не достигает цели, когда они продолжают обвинять меня в нежелании применить к Западной цивилизации модель упадка и разложения,

* О. Халеки в книге «The Intent of Toynbee's History: A Cooperative Appraisal» похвалил меня за то, что мне удалось избежать детерминистской интерпретации истории Запада в частности и человечества в целом.

которая, по их словам, согласно моей теории, есть неизбежный удел всех цивилизаций. Действительно, я должен был бы испытывать сожаление, если бы был убежден, что эта конкретная живущая цивилизация, в которой я был рожден, обречена на распад и на дезинтеграцию, так как это неизбежный путь, по которому уже прошли в минувшие века другие цивилизации, прошли и рассыпались на кусочки. Верно, что стадию распада и дезинтеграции, общую для истории некоторых цивилизаций прошлого, можно обнаружить при их сравнительном исследовании. Но я не верю, что такой характер исторического развития предрешен или что он был неизбежен в каждом отдельном случае прошлого; и, более того, я не верю, что можно смоделировать будущее цивилизации, которая еще находится в процессе развития*. Я не верю, в отличие от Шпенглера, что существует устойчивая модель, которой должна соответствовать история любой цивилизации. Мое нежелание предсказывать, что Западная цивилизация пройдет тот же путь, который прошли некоторые ее предшественницы, — результат последовательной реализации моего убеждения, что ход истории человечества не предрешен. Это не сентиментальный отказ признать в качестве перспективы моей собственной цивилизации осуществление модели надлома и распада, которые, как я втайне верю, не являются неизбежностью для любой цивилизации. Такой непоколебимой модели нет в арсенале моих интеллектуальных инструментов.

Тот факт, что история Западной цивилизации еще не закончена, с чем я полностью согласен, не только делает невозможным предсказать ее будущее, но также затрудняет дискуссии относительно характера истории в прошлом, исходя из сегодняшнего дня. Сэр Ллевеллин Вудвард отметил, что в истории можно найти любое количество моделей. Даже если мы сумеем просмотреть все модели, отбросив воображаемые, количество тех, что мы примем по общему согласию, будет весьма велико. В истории есть место для многих моделей, они не взаимоисключают одна другую. Проблема, которая встает вследствие их большого количества, — это их отношение друг к другу. Когда история цивилизации или любого более или менее завершенного исторического эпизода закончилась, она может быть полезна в ретроспективе, позволяя понять, какая из моделей — доминирующая, а какие по отношению к ней являются второстепенными. Но, когда история еще не закончилась, определится много сложнее. Так выглядит персидский ковер в той стадии, когда узелки, формирующие узор, поднялись всего на несколько

* «Даже если мы можем утверждать, что все прошлые общества прекратили свое существование, это не доказывает, что все общества будущего обречены на этот путь» (*Feibleman J. K. T'ien Hsia Monthly. Vol. XI, Nos. 1 и 2 (1940). P. 16).*

дюймов от общей длины, составляющей, скажем, двадцать футов. Возможно, мы угадаем замысел мастера, который он собирается воплотить в ковре, но мы все еще не можем определить основной мотив, который придает форму и единство целому.

Эту точку зрения можно проиллюстрировать любой страницей из прошлого западной истории. Наблюдатель, бросающий взгляд на какую-либо дату в истории Западного мира XIV в., может вполне разумно предположить, что его ведущий институт — это город-государство. В то время города-государства Северной и Средней Италии были основой производства и торговли Средиземноморья. Города Ганзейского союза доминировали на Балтике и в Скандинавии; фламандские города-государства являлись мощной силой экономики Англии и Северной Франции⁴. Вполне могло показаться, что аграрные королевства, сохранившиеся с ранней стадии средневековья, были обречены прийти в полный упадок под натиском возникающего космоса городов-государств, который, возможно, в конце концов поглотил бы их. Наблюдатель, знакомый с эллинской историей, напомнил бы, что эта модель уже была опробована историей; и это могло подкрепить его ожидания, что модель, по которой пойдет история Запада, будет такой же. Могло показаться естественным, что более поздняя цивилизация пойдет по тому же пути, что и более древняя, усыновившая ее. Однако уже в конце XIV в. города-государства средневекового Западного мира утратили тот ресурс роста, которого, еще так недавно казалось, им должно надолго хватить с очевидной неизбежностью. Война Кьоджа между Венецией и Генуей (1378–1381)⁵ могла показаться копией истории Великой афино-пелопоннесской войны 431–404 гг. до н. э., обозначившей надлом Эллинской цивилизации⁶. Становится очевидным, что к концу XV в. ключевыми политическими институтами Западного мира были не города-государства, а национальные государства, изгоняющие призраки старомодных феодальных королевств путем придания им эффективности и жизнеспособности. Более чем двухвековой упадок показал, что картина будущего Западной цивилизации, которая казалась такой убедительной в начале XIV в., обернулась иллюзией — хотя и естественной и, возможно, неизбежной в более ранние времена.

Если мыслить в терминах надлома и дезинтеграции, то можно увидеть в истории Запада до сегодняшнего дня некоторые альтернативные исторические модели со своей собственной хронологией, позволяющие при рассмотрении определенного пункта западной истории определить точку, обозначающую начало надлома и дезинтеграции Западной цивилизации.

Если космос средневековых западных городов-государств можно было бы четко идентифицировать с Западным миром в целом,

как мог это сделать фламандец или североитальянец XIV в., то надлом Западной цивилизации следовало бы отнести к последней четверти XIV в., а хронологию западной истории допустимо было соотносить именно с эллинской историей с интервалом между ними около восьмисот лет. Период роста двух цивилизаций длился бы около семисот лет (ок. 1125–425 до н. э. в эллинской истории и ок. 675–1375 — в западной). Соответственные надломы должны были произойти в последних десятилетиях V в. до н. э. и последних десятилетиях XIV в. от Р. Х. Последующее «смутное время» длилось бы в каждом случае около четырех столетий (431–31 до н. э. и 1379–1797 н. э.). И в каждом случае история заканчивалась бы установлением универсального государства. У императора Августа появился западный двойник — Наполеон; а империя Наполеона, как и Августа, приносила мир в космос городов-государств, силой навязав ему политическое единство*. Одновременно с этой поразительной похожестью, как структурной, так и хронологической, в истории Эллинского мира и космоса средневековых городов-государств наблюдаются и не менее разительные расхождения; а кроме того, обращают на себя внимание неэллинские черты в этом эпизоде западной истории, свидетельствующие о том, что надлом космоса западных городов-государств не означал в конечном счете надлома Западного мира в целом, и именно поэтому с его распадом история Запада не закончилась.

У средневековых западных городов-государств был другой важный опыт, схожий с опытом доалександровских эллинских городов-государств, а также с доконфуцианскими государствами Китая⁶. Они оказались внутри круга внешних государств, находившихся на более низком культурном уровне, но обладавших более высоким военным потенциалом; и мощные силы, бурлившие в этом внешнем кругу, соревновались за гегемонию над Италией и Фландрией, как мощные силы посталександровского Эллинского мира боролись за гегемонию над Эгейским миром и Сицилией. Карл V, Франциск I и Генрих VIII — узнаваемые двойники диадохов Александра⁷. Но здесь две истории принимают абсолютно разный поворот. В ходе эллинской истории одна из новых мощных сил внешнего круга, а именно Рим, сумела свергнуть или подавить всех своих соперников в течение 263 лет, с начала эллинского «смутного времени», если его датировать 431 г. до н. э.; с этого времени неоспоримая власть над Римом была у команды Августа, когда, 137 лет спустя после поражения Македонии при Пидне, его победа при Акции дала ему полную свободу политически объединить весь Эллинский мир к

* См.: Эссе «The Napoleonic Empire as a Universal State» (vol. V. P. 619–642).

западу от Евфрата⁸. Наполеон имел всю полноту власти над Францией, но Франция между тем не преуспела в превращении в единственную значительную силу в Западном мире; и поэтому существование Наполеоновской империи, в отличие от Августовой, не было неоспоримым и продолжительным. Историческая миссия Наполеоновской империи, которая все-таки состоялась, несмотря на краткость ее существования, полностью отличалась от империи Августа. Надо было поглотить обломки средневекового космоса западных городов-государств, чтобы переплавить их в современный Западный мир, порожденный интеллектуальной и духовной революцией конца XVII в. Эта окончательная ликвидация неудавшегося космоса западных городов-государств означала не ликвидацию Западной цивилизации, а, напротив — ее укрепление.

Эти соображения означают, что взлет и падение средневековых городов-государств являлись, по сути, второстепенным эпизодом, а их упадок и распад, следовательно, не означают падения и дезинтеграции западного общества в целом*. Хотя такой вывод вовсе не исключает возможности того, что все общество в целом в свою очередь могло также прийти в упадок. Представляется, что и другие события основного хода западной истории могли предположительно обозначить упадок Западной цивилизации. Одно из таких событий — Реформация. Она сломала церковное единство Запада, которым он под председательством папства до этого обладал. Западнохристианское церковное сообщество являлось крупнейшим институтом Христианского мира. Его нарушение в результате Реформации положило начало развернувшемуся позднее, в XVI в., католико-протестантским религиозным войнам, как гражданским, так и международным; в этих войнах Реформация взрастила обильный урожай насилия и горечи. Другой альтернативной датой упадка Западной цивилизации может считаться народное ополчение во Франции в 1792 г. н. э., открывшее собой западный век тотальной войны⁹. Другим таким пунктом может быть начало Первой мировой войны 1914 г., когда тотальная война получила оружие, которое постепенно, с дней Карно,

* В предыдущих томах я был осторожен, делая различия между историей космоса средневековых городов-государств и историей Западной цивилизации в целом, модели и хронологии здесь не одинаковые. Различие, которое я провел, рассмотрели К. У. Томпсон и Б. Пракаш. Томпсон предполагает, что «смутное время», которое я датировал 1378–1797 гг. в т. VI, с. 326, представлено мной как относящееся к Западной цивилизации (Tomybee and History. P. 216). Пракаш тоже подводит меня к тому, чтобы отнести его к Западной цивилизации, хотя только к ее западной половине (The Modern Review. November 1953. P. 402). Впрочем, я определил «смутное время» в этих датах только применительно к космосу западных городов-государств.

вывела на первое место промышленная революция¹⁰. Другой датой может быть 1945 г., который явил миру первую сброшенную американцами атомную бомбу.

Каждая из этих альтернативных дат имеет серьезные претензии, чтобы ее рассматривали как начало упадка Западной цивилизации, хотя наблюдатель, ведущий свое исследование в 1961 г., ни одной из них не может однозначно отдать пальму первенства. При сравнении процессов упадка и падения уже угасших цивилизаций вновь и вновь приходит на ум прошлая модель дезинтеграции. Краткий взгляд на эти процессы показывает, что в прошлом обычный интервал между надломом цивилизации и установлением универсального государства составлял приблизительно четыреста лет. Из прошлой периодичности не вытекает с заданной очевидностью, что когда-либо вновь появится точно такая же хронологическая модель. Но она вероятна, и разумно воспринять это как предостережение и попробовать применить такую модель, чтобы увидеть, как она работает в случае с Западом. Применяв ее к альтернативным датам возможного надлома Западной цивилизации, например к Реформации, в результате обнаружим, что установление западного универсального государства должно было осуществляться уже сейчас. И действительно, оно должно было установиться в Германии в результате двух мировых войн. Но в обеих войнах Германия потерпела поражение, причем во Второй ее поражение было более сокрушительным, чем в Первой. В любом случае к 1961 г. Западный мир конечно же не стал универсальным государством. Если же взять в качестве обозначения надлома начало религиозных войн вместо Реформации и начать отсчитывать наше четырехсотлетнее «смутное время» с этого момента, то установления западного универсального государства следует ожидать в конце шестидесятых — начале семидесятых годов; но это будет слишком поздно для практического воплощения с учетом того, что в 1945 г. было применено атомное оружие, и это изобретение сделало насильственное объединение западного или любого другого общества невозможным потому, что попытка объединения средствами атомной войны уничтожит все человечество.

И в этом случае напрашивается отрицательный вывод. Мы предположительно выбрали пять альтернативных эпох, пригодных для установления западного универсального государства: наполеоновская эпоха; период, охватывающий две мировые войны, время перед или после 1970 г. и две более отдаленные даты в будущем: около 2192 г. (1792 г. + 400 лет) и около 2314 г. (1914 г. + 400 лет). Правда, двум из этих пяти умозрительных предположений уже нет веры из-за того, что ожидаемое событие не произошло в предсказанную дату; три последних кажутся устаревшими, так как им предшествовало изобретение ядерного оружия.

До наших дней Западный мир дважды избегал угрозы быть насильственно объединенным в универсальное государство; и в каждом из этих двух случаев причина была одна. Каждый раз после того, как эта попытка предпринималась, Западный мир увеличивался в размерах, которые делали саму попытку безнадежным предприятием. Во времена Наполеона Западный мир все еще был ограничен Западной Европой, и наполеоновская Франция могла бы суметь объединить Запад силой, подавив мощь других современных ей государств одного с Францией калибра: Дунайскую Габсбургскую монархию, Великобританию, Пруссию. Причина, по которой предприятие Наполеона оказалось не под силу даже наполеоновской Франции, крылась в том, что борьба Франции с соперничающими силами длилась к тому времени уже около трехсот лет¹¹, и в то же самое время Западный мир расширял свои границы. На востоке незападная сила, Россия, вышла на военную и политическую арену и стала влиять на баланс власти; на западе Британская империя существенно увеличила свои силы, обретя господство над океанами и соответственно овладев ресурсами огромных заморских территорий, которые были постепенно присоединены к Западному миру, начиная с конца XV в. Это территориальное расширение Западного мира за моря одновременно означало и его экономический рост; и в наполеоновскую эпоху Британия имела ключ к нему. Наполеон мог преуспеть, если бы он имел дело только с Габсбургской монархией, Пруссией и Британией, располагавшей экономическими ресурсами в пределах Британских островов. Его планы были расстроены тем, что Россия подключила к отпору агрессии свои континентальные тылы, а Британия — свои заморские тылы. Поражение Германии в двух мировых войнах произошло по той же причине, что и поражение Франции в наполеоновских войнах. В течение сотни лет, прошедших с 1815 по 1914 г., открытие и развитие Северной Америки к северу от Рио-Гранде подняло военный потенциал западной окраины Западного мира на столь высокий уровень, что ни одна европейская держава или комбинация европейских держав уже больше не являлась равным противником.

К концу Второй мировой войны экспансия Западного мира дошла до крайних пределов благодаря высокому технологическому уровню коммуникаций и новым приемам ведения войны. Западная система проникла к тому времени во все обитаемые уголки планеты. К тому моменту впервые в западной истории было изобретено новое оружие, которое позволило западной мощи объединить Западный мир почти в планетарном масштабе. Тем не менее с того момента, как Запад вооружился всеуничтожающим атомным оружием, применение его, согласно старомодной схеме, стало возможным только при условии монопольного владения этим оружием. Это условие соблюдалось в 1945—1949 гг. В эти годы атомным оружием владели только

Соединенные Штаты, и никто другой. Если бы победителями во Второй мировой войне с атомным оружием в руках и монополией на него вышли Германия или Япония, то можно догадаться, что они использовали бы преимущество этой уникальной военной силы и установили бы, по традиционному военному методу, универсальное государство, которое практически было бы всемирным. Народ и администрация Соединенных Штатов этого не сделали, не соблазнились этим. Они бы пришли в ужас, если бы подобный проект был предложен каким-нибудь американским Фемистоклом¹². Такая возможность пропала, когда Советский Союз в 1949 г. в свою очередь овладел атомным оружием. С того времени оружие перестало быть приемлемым средством для установления политического единства силой; вместо этого оно превратилось в угрозу выживанию цивилизации, человеческого рода и жизни как таковой.

Таким образом, явное исключение возможности установления единства силовым методом поставило перед человечеством жизненно важную задачу — достигнуть единства путем соглашения. 1949 год открыл новую эру человеческой истории. С палеолита и до этой даты выживание человеческого рода было четко гарантировано: человечество достигло решающего и неоспоримого превосходства над всеми формами жизни на этой планете, равно как и над всей неживой природой. С тех давних времен и по 1949 г. преступления и безрассудства человека могли разрушить, да и в действительности разрушали цивилизации, принося ненужные и незаслуженные страдания бесчисленному множеству мужчин, женщин и детей. Но даже самые мощные доатомные технологии не были в состоянии уничтожить весь человеческий род. По крайней мере, геноцид был ему не по силам до тех пор, пока атомное оружие не было изобретено и приобретено более чем одним государством мирового сообщества, которое все еще было политически разделено на большое число локальных государств в эпоху, когда государства все еще имеют обыкновение идти войной друг на друга.

Беспрецедентная ситуация, создавшаяся в результате овладения атомным оружием Советским Союзом и Соединенными Штатами, кажется, произвела впечатление на умы и воображение народов по всему миру. Между 1949 и 1961 годами ряд международных инцидентов и кризисов, которые некогда, в прошлом, вероятно, привели бы к войне, были преодолены без угрозы для мира; и локальные войны, которые вспыхнули в Корее и Вьетнаме, были завершены путем переговоров, весьма неприятных обеим сторонам¹³. Это означает, что перед угрозой атомной войны и простые люди, и правительства стали более благоразумны в своем отношении к противнику и научились проявлять непривычную сдержанность, что в свою очередь сделало реальность «сосуществования»¹⁴ более вероятной.

И только сосуществование, мрачно принятое обеими сторонами как меньшее зло из двух возможных, дает преимущества, которыми не следует пренебрегать. Оно обещает человечеству по меньшей мере временную отсрочку.

Время может принести и существенные перемены, переключив внимание властей и общественности на новые проблемы. Продолжающийся рост китайской мощи может, например, однажды заставить Советский Союз и Соединенные Штаты объединиться для взаимной защиты (в недавнем прошлом они потянулись друг к другу из-за угрозы, исходящей от куда менее сильной Японии). Продолжающийся рост мощи Западной Германии может дать почувствовать Чехословакии и Польше, что гегемония России была не слишком высокой платой за страхование против риска германского реванша. Восстановление Западной Германии может привести к тому, что существование России покажется желанным политическим и военным мотивом для западноевропейских стран, которые на памяти живущих стали жертвами германской агрессии в двух мировых войнах¹⁵. Действительно, вполне вероятно, что при режиме сосуществования старая вражда постепенно будет ослаблена и вытеснена новыми беспокорствами, новыми ссорами и новыми стремлениями. В истории были воодушевляющие прецеденты сосуществования протестантизма с католицизмом и ислама с христианством с тех пор, как утихли католическо-протестантские и христианско-мусульманские религиозные войны. Эти войны завершились, поскольку враждующим сторонам стало очевидно, что стереть противника с политической карты выше сил каждого из них. После признания обеими сторонами неизбежности сосуществования старая ссора между ними постепенно становится менее желчной и менее захватывающей.

Эти соображения означают, что даже угрюмо-молчаливое согласие обоих силовых объединений, возглавляемых соответственно Соединенными Штатами и Советским Союзом, пребывать в состоянии сосуществования — все же движение к лучшему; но это не то состояние, при котором человечество может позволить себе пребывать в благодущии. Возможно, это не более чем отсрочка, временная и тем самым ненадежная. И хотя ни одно правительство или народ не могут желать или намереваться начать атомную войну, она может быть развязана случайно (например, из-за непонимания приказа или из-за полной потери самообладания со стороны младшего офицера). Возможность выпустить на волю атомное оружие также следует отнести к сфере безответственных преступлений или безумия, равно как и то, что производство атомного оружия стало дешевле и легче и что государства, по меньшей мере некоторые из них, преуспевают в овладении им. Тем самым быстрая позитивная

акция в виде соответствующего международного соглашения была бы обязательна.

Первый шаг, который требуется, — это отказ от дальнейших испытаний нового ядерного оружия всеми государствами без исключения; а необходимый вывод, следующий из этого, — установление эффективной системы международного контроля, включая инспекцию, для подтверждения, что все стороны проводят указ в жизнь, беря на себя обязательства по доброй воле. Следующим шагом могло бы быть соглашение, что атомным оружием не должно обладать ни одно государство, кроме Соединенных Штатов и Советского Союза, — с эффективными договоренностями, что это соглашение также будет соблюдаться. Следующим шагом могло бы стать присоединение Советского Союза и Соединенных Штатов к клубу «Нет — атомному оружию»¹⁶. Ряд подобных международных соглашений мог бы, наверное, изгнать духов опасности атомной войны. При этом все еще остается проблема урегулирования вопросов использования атомной энергии во благо человечества. Независимо от того, что может произойти в военной области, представляется вероятным, что быстро расширятся возможности использования атомной энергии в созидательных мирных целях. Вероятность такого поворота дел можно только приветствовать. Это открывает перспективу для того, чтобы впервые достижения цивилизации распространились на все человечество вместо того, чтобы, как издавна велось, оставаться монополией незначительного меньшинства привилегированных стран. Так или иначе, но и это благо имеет свою цену. Продукты атомного распада пригодны не только для этих добрых целей, они еще и ядовиты, для какой бы цели их ни использовали. Необходимо осуществление тщательно проработанных и дорогостоящих мер предосторожности, чтобы сохранить естественную среду жизни на нашей планете, уберечь ее от радиоактивного заражения, являющегося результатом использования атомной энергии. Беспечность или несоблюдение необходимых мер предосторожности в отдельно взятой стране или территории может стать угрозой здоровью населения всего мира. И эта потенциальная угроза взывает к установлению единой международной власти с общемировой юрисдикцией, чтобы контролировать мирное использование атомной энергии.

Осталось подождать, будут ли договоренности по проблемам, обрисованным выше, урегулированы международным соглашением и если такие договоренности будут достигнуты, то сколько времени уйдет на переговоры. Ясно, однако, что если когда-нибудь подобные договоренности и будут исполнены, то действующая сила или сеть сил, контролирующая этот процесс, в результате станет мировым правительством, уполномоченным разрешать самые неотложные проблемы. В отличие от правительств мировых государств

прошлого, это мировое правительство предположительно будет установлено соглашением, а не навязано силой. Но это тем не менее будет мировое правительство. Если бы в атомный век удалось прийти к взаимному согласию, по меньшей мере, относительно полномочий мирового правительства, оно было бы единственной практической альтернативой возможному геноциду*. Но такое заключение может поднять следующий вопрос: сейчас, во второй половине XX в. от Р. Х., обладает ли человечество ресурсами для создания революционно-нового института, насущно необходимого, если человечество намерено спасти себя от губительных последствий, сопровождающих внезапный зловещий рост его власти над физической природой?

Для этого требуются ресурсы двух видов — интеллектуальные и моральные. Необходимые интеллектуальные ресурсы, безусловно, имеются в распоряжении человечества в нашу эпоху. Человеческая интеллектуальная отвага создала инструменты социальной организации совместных человеческих инициатив, и требуется лишь обеспечение дополнительной техникой средств связи на том уровне, при котором функционирование мирового правительства стало бы практически возможным в административном плане. Моральные ресурсы всегда были ограничивающим фактором, тормозящим усилия в этом направлении. Без наличия доброй воли в душах людей, необходимой для достижения согласия между ними, сотрудничество даже на самом низком уровне будет практически неосуществимо*, и, таким образом, именно адекватность или неадекватность моральных ресурсов решит, будет ли открытая новая материальная сила, оказавшаяся в руках человека, использована во благо или во зло.

* Этот тезис был, конечно, не всеми принят, хотя, как я вижу, истинность его продемонстрировали соображения, приведенные выше. Ганс Кон, например, придерживается мнения, что я преувеличиваю необходимость политического объединения мира (Toynbee and History. P. 21). С точки зрения Кона, «всемирное государство не является ни необходимым, ни желанным» (Der Monat. August 1955. P. 468). Если под «всемирным государством» Кон имеет в виду государство традиционное, установленное путем завоевания и поддерживаемое силой, я придерживаюсь мнения, что в атомный век это не только ненужно и нежелательно, но и непрактично. С другой стороны, если Кон, в своем употреблении термина, подразумевает мировую власть, установленную международным соглашением для контроля над использованием ядерного оружия, я придерживаюсь мнения, что всемирное государство в этом смысле для тех целей, которые я предложил, — в конце концов единственная альтернатива массовому самоубийству.

** Я согласен с Р. Коулборном, что критерий исторического прогресса — достижение гармонии и что если общество хочет развиваться, то между всеми людьми в обществе должно устанавливаться определенное согласие по жизненно важным предметам.

Этот вопрос касается человеческой природы в целом, но в обстоятельствах XX в., похоже, следует задуматься о привычках и взглядах, привитых человеческой природе Западной цивилизацией. Действительно, это была только одна из многих цивилизаций, созданных людьми в течение прошедших пяти тысяч лет. В духовной сфере Западная цивилизация до сих пор охватывала меньшинство человечества, а с момента коммунистической революции в России в 1917 г. Запад быстро стал утрачивать свое доминирующее технологическое, военное, политическое и экономическое влияние на большинство человечества, — влияние, которым он обладал со времени неудачной второй осады Вены османами в 1683 г.¹⁷ К 1961 г. былое господство Запада явно сокращается. Хотя в предыдущую четверть тысячелетия это временное доминирование Запада оставило след в остальном мире, и казалось вероятным, что этот след просуществует много дольше после того, как исчезнет доминирование Запада.

В течение короткого периода своего доминирования Запад объединил мир с помощью технологических достижений, но процесс объединения не мог ограничиваться этой сферой с того момента, как технология стала военизированной, а военная технология произвела на свет ядерное оружие. Новую технологию трудно изобрести, но относительно легко приобрести ее у изобретателей через мимесис. Доминирование, основанное на превосходстве технологии, довольно разорительная статья. Причиной, по которой превосходство сошло на нет, явилось то, что незападные народы, начиная с русских, но не ограничиваясь ими, учились соперничать с Западом в мастерстве и использовании оружия и прочих достижений. Но западная технология была не единственным элементом Западной цивилизации, который присваивали себе незападные народы. Большинство из них сознавало, что они не смогут освоить западные технологии, не освоив западную науку*. Но вестернизаторы не ограничились заимствованиями с Запада западной наукой и ее применением на практике. Многие из них также приняли и западную идеологию. Коммунистическую идеологию приняли русские и китайцы точно так же, как парламентскую идеологию, выработанную в Британии, приняли индийцы. (Мастерской, в которой Карл Маркс создавал свой коммунизм, был Британский музей.) Парламентаризм и коммунизм — политические системы, но при этом они больше чем системы. Подобно тому, как западная технология включает в себя западную науку, западные политические системы содержат в себе и несут западные моральные идеалы — конфликтующие идеалы отразились в конфликтующих системах. Различные

* Ф. Боркенау утверждает, что западная технология — отражение западной науки и дитя западной страсти к свободе (Merkur. Juli 1949. P. 626, 632).

идеологии и идеалы не могут быть поняты или оценены без принятия в расчет их предыстории. Таким образом, духовную историю Запада следует принимать во внимание при любой современной оценке перспектив мировой истории в целом.

К середине XX в. западное общество прошло через ряд разнообразных революций, последовавших после того, как оно вырвалось из социального и культурного междуцарствия, явившегося результатом распада предшествующей Эллинской цивилизации. Среди всех этих успешных западных революций духовная революция, свершившаяся в последние десятилетия XVII в., возможно, была самой решительной и самой значимой вплоть до сегодняшнего дня*. Во всяком случае именно эта революция в XX в. оказала сильнейшее и все увеличивающееся влияние не только на сам Запад, но и на весь остальной мир. Революция XVII в. дала Западному миру новую форму и особенно новый дух, который впервые в истории побудил наследников незападных цивилизаций принять Западную цивилизацию взамен своих родовых наследий. Западная революция XVII в., таким образом, открыла путь культурному развитию общемирового масштаба: вестернизации мира. Это в свою очередь после XVII в. открыло путь для трансформации Западной цивилизации в цивилизацию общемировую. Эта грядущая ойкуменическая цивилизация, безусловно, начала свой рост в рамках Запада и на его базе, и, вероятно, этот первоначальный западный вклад будет прослеживаться в течение долгого времени. Кажется вероятным также, что с течением времени вклад в нее других доойкуменических цивилизаций будет расти**. Можно надеяться, что в конечном итоге экс-западная Ойкуменическая цивилизация приобретет, ассимилирует и гармонизирует все лучшее, что было в наследии всех цивилизаций, предшествовавших ей***.

* Я согласен с Коном (см.: *Der Monat*. August 1955. P. 466), что современный мир породили не Португалия и Испания XV в., а Англия и Голландия (а я бы добавил еще и Франция) XVII в. Кон (*ibid.* P. 467 и в «*Toynbee and History*». P. 356–357, 359) заходит так далеко, что описывает духовную революцию XVII в. как подъем новой цивилизации, имеющей такое же отношение к предшествующей Западнохристианской цивилизации, какое та имела к Эллинской. Я был бы склонен сказать, что, скорее, она открыла новую главу в западной истории и подготовила путь для конечного подъема Ойкуменической цивилизации. Сам Кон говорит нечто подобное в «*The Notion*» (17 February 1940. P. 257).

** «Это распространение современной Западной цивилизации по поверхности земного шара... чревато возможностью подъема новых философских и религиозных систем, которые, вероятно, затмят саму эту цивилизацию» (*Prakash B. Modern Review*. November 1955. P. 402).

*** Кр. Доусон видит в цивилизациях прошлого очень много моделей создания в будущем ойкуменического общества (*Dawson Chr. The Dynamics of World History*. P. 44).

Западная революция XVII в., которая обещала дать столь далеководущий позитивный результат, началась как движение отрицания. Она началась как моральная реакция против злобности, деструктивности и бессмысленности католическо-протестантских религиозных войн и против бесплодности сопутствующих теологических споров, которые раздували политическое соперничество в пожар войны. Отцы революции XVII в. не были антирелигиозны, как некоторые их последователи XVIII в. Напротив, одной из их целей было спасение религии от полной дискредитации и забвения. Они пробовали спасти ее, положив конец злоупотреблениям верой в нерелигиозных целях. Они стояли за религиозную терпимость и в качестве одного из средств для достижения этой цели стремились перевести активность мыслящих людей из сферы пагубных теологических споров в безобидные научные поиски, способные дать ряд открытий, способствующих улучшению технологий.

Как противник того, что я акцентирую своей взгляд на негативных истоках западной революции XVII в., Ганс Кон ставит ударение на позитивности достоинств, которые она развила*. С этой точки зрения я согласен с Коном. Мне следовало бы более объективно оценить позитивные стороны революции. В свете критики Кона я попробую внести поправки. Действительно, терпимость влекла за собой свободу совести, а любое уважение к другому влечет за собой уважение к правам и достоинству человека. Это принесло с собой новые стандарты социальной ответственности, социальной справедливости и чувство гуманности. Благородными памятниками этого нового идеала человеческого братства стали отмена работорговли и самого рабства и введение законодательных норм для защиты бедных и слабых, что впоследствии закрепилось в понятии «государство всеобщего благосостояния»¹⁸. Это имело благотворный позитивный эффект распространения достижений цивилизации вширь и стало практически возможно благодаря росту богатства в результате прогресса технологий. Но Кон считает, что в современной Западной цивилизации есть нечто большее, чем всего лишь технологическое дерзновение**. Триумф западной технологии — побочный продукт западной свободы исследований и западной

* *Kohn H.* Toynbee and History. P. 353; *Der Monat.* August 1955. P. 467.

** *Kohn H.* The Intent of Toynbee's History: A Cooperative Appraisal; он же: *Die Deutsche Rundschau.* S. 82. Jahrgang. Heft 3 (March 1956). S. 262. С другой стороны, Папа Пий X¹⁹ в его послании к X Международному конгрессу историков, проводившемуся в Риме осенью 1955 г., отметил, что то, что западные страны дают сегодня всему миру, — это «современная наука и технология» (*Discours de S. S. Pie X au Xème Congrès International des Sciences Historiques.* Cité du Vatican, 1955. P. 21).

потребности личной инициативы. Они немыслимы без уважения к индивидуальной свободе и терпимости к инакомыслию. Незападники не всегда ясно понимают духовные причины западного технологического успеха.

Более того, этот успех имеет как интеллектуальную, так и моральную причину. Интеллектуальный прогресс западной технологии шел через развитие науки. А современная западная наука, будучи негативно настроенной против теологии, культивировала повышенное чувство любопытства и новый дух критического исследования. Ни Ренессанс, ни Реформация не освободили западные умы от их средневекового раболепства перед внешними силами. Ренессанс отменил интеллектуальную власть христианской религии в пользу греческих и латинских классиков. Реформация заменила власть католической Церкви на интеллектуальную власть текста Библии и духовную власть местных мирских правительств (вспомним знаменитую сентенцию: *Cuius regio, eius religio* — чья власть, того и вера)²⁰. Возможно, самой фундаментальной и радикальной чертой западной революции XVII в. была та, что сейчас впервые западные умы осмелились сознательно и взвешенно поразмышлять о себе. В «битве древних и новых»²¹ люди Запада объявили о своей независимости от эллинского культурного наследия; и в то же время они не сменили одно умственное рабство на другое, как это сделали их предки в эпоху Ренессанса. Поистине «есть в современной Западной цивилизации живая духовная сила, которая в XIX и XX вв. помогла оживить другие цивилизации и усилить их самосознание»*.

Вероятно, мои критики правы, что я «недооцениваю новизну, величину и оригинальность современного Запада»**, и это потому, что у меня не хватает «симпатии к светским идеалам, которые наш современный мир унаследовал от просвещения XVIII в. и либерализма XIX в.»***. Также может быть верно и то, что я трачу время зря, пытаюсь поставить Запад на место, чем, по мнению Кона, я

* *Kohn H. Toynbee and History. P. 353; ср.: Der Monat. August 1955. P. 467.* Эту точку зрения Кона поддерживает и Кр. Доусон: «Перманентное исследование Европы, как и эллинизма, — явление духовное и интеллектуальное. Оно изменило мир, потому что изменило умы людей» (*The Dynamics of World History. P. 412*). Доусон отмечает также, что (p. 411) работа современных западных востоковедов и археологов дала незападным народам новое понимание их собственного прошлого.

** *Kohn H. Der Monat. Op.cit. P. 467; ср.: он же: Toynbee and History. P. 353, 357.*

*** *Anderhill F.H. The Canadian Historical Review. Vol. XXXII, № 3 (September 1951). P. 201–219.* Андерхилл придерживается мнения, что этот недостаток симпатии делает «меня неспособным адекватно проанализировать силу и слабость нашей цивилизации». Стать способным никогда не слишком поздно.

постоянно занимаюсь. Запад, как полагает Кон, уже излечился от своей болезни высокомерия. Конечно, я вечно настороже, опасаясь, что подстерегающий порок «носизма» победит и меня. Это, несомненно, заставляет меня «делать крен в обратную сторону». Меня влекут в этом направлении достижения итальянского просвещения XV в. в области греческой и латинской классики, влекут с тех пор, как мое сердце, но не моя голова склонилось на сторону «древних» в Битве Книг²². Поэтому я допускаю некоторое оправдание обвинениям Кона и Гейла в том, что я чрезмерно умаляю Запад. Мне, видимо, следует принять их критику ближе к сердцу. В то же самое время я осмеливаюсь предположить, что в своем отношении к Западу они тоже, вероятно, уклоняются слишком далеко, но в противоположную сторону.

Кон и Гейл, как мне кажется, уклоняются от того, чтобы посмотреть правде в глаза и убедиться, что в течение четверти тысячелетия, прошедшей со времен революции XVII в., современная Западная цивилизация проявила не только свою светлую, но и темную сторону, и в наше время эта темная сторона темнее самого темного пятна на страницах западной истории средних веков или даже эпохи религиозных войн. Современный Запад овладел такой технологической мощью, которая позволяет угрожать всему человечеству и вместе с тем способна принести блага цивилизации всем народам. Воспитание человечности было поругано вырождением войны в тотальное нападение на гражданское население, тогда как в XVIII в. война представляла собой конфликт, ограничивающийся профессиональными комбатантами и ведущийся в соответствии с принятыми правилами. Продвижение в признании прав и достоинства людей шло параллельно с воцарением худших тираний, которые западное общество когда-либо порождало*. Действительно, история Западной цивилизации в течение последней четверти тысячелетия подтверждает предположение Шинна, что «возможно... основной результат исторического прогресса — создание неограниченных возможностей как для созидания, так и для разрушения»**.

* Э. Гарган заявляет, что в этом вопросе я проявил преднамеренную слепоту, в которой только что обвинял Гейла и Кона. Он цитирует отрывок из моего труда, опубликованного в 1928 г. (*The Conduct of British Empire Foreign Relations since the Peace Settlement*. P. 36, сноска 1), где я предсказывал, что межвоенный феномен диктатуры «был согласно всем историческим прецедентам, эффективным». Гарган объявляет, что «нежелание Тойнби признать феномен современного тоталитаризма уникальным обстоятельством, не имеющим исторического прецедента, проследживается во всех десяти томах «Постижения истории»». (*Books on Trial*. March 1955. P. 266.).

** *Shinn R. L. Christianity and the Problem of History*. P. 255.

Гейл считает, что германский национал-социализм не следует относить на западный счет. Кон также полагает, что фашизм и коммунизм — продукты не современной Западной цивилизации; они — ее отклонения, возврат в средние века. Это, вероятно, всего лишь нежелание признать болезненные, но очевидные факты. Если эти идеологии, столь отвратительные современным либералам, таким, как Кон, Гейл и я, не являются продуктами современной цивилизации, как и наш либерализм, то откуда же они происходят? Они ведь не родились в России, или Индии, или Китае, или в Исламском мире, или тем более в черной Африке. Гитлер был судетцем, Муссолини был римлянином, Маркс и Энгельс были рейнцами, которые поселились в Англии и всю свою сознательную жизнь провели там. Русские и китайцы никогда бы сами не изобрели коммунизм. Причина, по которой они сегодня живут при коммунизме, уходит корнями в то, что коммунизм был изобретен на Западе, пребывал там в виде законченной идеологии и предназначался для принятия незападниками. Более того, современные идеологии, несомненно, несут на себе штамп современного Запада в некоторых его самых омерзительных чертах: примером могут служить западное хладнокровие и предельная концентрация власти. Они сочетают безжалостность с фанатизмом в духе Робеспьера. Второй элемент этой нелегкой комбинации объясняется тем, что власть своим истоком имеет возрождение жестокого духа той эпохи западной истории, которая предшествовала европейской революции XVII в.

Если Кон, со своей точки зрения, прав, то из этого следует, что современная фаза Западной цивилизации должна страдать от некоторой неадекватности, или несовершенства, или слабости, порождающих как реакцию те недостатки, которые нынешняя фаза временно подавила и вытеснила. А это означает, что возобновления Просвещения XVII и XVIII вв., в чем Самберг видит западную надежду на спасение*, будет недостаточно. Существует жизненно важный пункт, к которому Западная цивилизация остается негативно настроенной с момента своего возникновения в конце XVII в., и пункт этот — отношение к религии. Либерализм и гуманизм, являясь позитивными плодами западной духовной революции XVII в., унаследовали свою духовную силу от христианских моральных ценностей. Но «сейчас, когда либерализм находится в состоянии упадка и больше не обладает силой, способной объединить мир, космополитическая культура современного мира представляет собой как бы одушевленное тело... Получили развитие: во-первых, западная политическая и экономическая власть, во-вторых, западная технология

* *Sumberg T.A. Social Research. Vol. 14, №3 (September 1947). P. 267–284.*

и наука и, в-третьих, западные политические институты и социальные идеалы. Христианство также распространилось, но в много меньшей степени»*.

Верно, что даже на религиозном поприще достижения Западной цивилизации в ее современной фазе весьма почтенны. Можно с уверенностью сказать, что западники никогда не подходили так близко к тому, чтобы действовать в соответствии с христианскими моральными стандартами поведения, как подошли в современную эпоху, когда официальные догматы христианства постепенно утрачивают свое влияние на растущее меньшинство образованных западных мужчин и женщин**. Точно так же четверть тысячелетия религиозной терпимости после всего не спасли родовую религию Запада от моральной дискредитации, нанесенной ей религиозными войнами; ее коррозионный эффект усилил интеллектуальный скептицизм и обеспечил триумф научного мировоззрения. Догматы христианства и других действующих высших религий в их традиционной форме несовместимы с научным видением природы Вселенной. Кажется невероятным, что в своей традиционной форме они никогда не смогут вернуть прежнее влияние на сердца и умы; а если бы это было возможно, то было бы нежелательно***.

Поднявшийся ветер научных открытий сдул шелуху традиционной религии и, сделав это, сослужил службу человечеству, но порывы его были так сильны, что он сдул вместе с шелухой и зерно; и в этом был вред, поскольку ни наука, ни идеология не имеют своего собственного зерна, чтобы предложить его взамен. Их горизонты, в

* Эту точку зрения выразил Кр. Доусон в книге «The Dynamics of World History» (р. 406–410). Я также отметил это в работе «Мир и Запад», а Пракаш в статье «The Modern Review» (November 1953. P. 430). Пракаш также предполагает, что христианство, по крайней мере в его протестантской форме, стало слишком тесно соединено с капитализмом, чтобы приспособиться к любому другому экономическому режиму. Это кажется рискованной догадкой, если учесть, сколько успешных экономических режимов христианство на Западе уже пережило.

** Я не спорю с Доусоном, когда он говорит, что социальный динамизм, подразумеваемый в христианстве, начал отстаивать свои права на Западе со времен Франциска Ассизского и успешно дожил до наших дней (The Dynamics of World History. P. 461). Можно отнести изначальную дату к св. Бенедикту и сказать, что то, что св. Франциск сделал для нового, городского образа западной жизни, св. Бенедикт сделал для своего, более древнего, сельского²³. Но также верно, я думаю, что социальный смысл христианства никогда так широко не признавался или так искренне не практиковался на Западе, как во времена мирского мышления, которые последовали за духовной революцией XVII в.

*** Кон отмечает, что я не жду и не желаю возврата религии в ее традиционной форме (Toynbee and History. P. 354).

отличие от горизонтов высших религий, довольно узки в рамках (если таковые есть) Вселенной, а то, что таится за этими ограниченными горизонтами, — это и есть сердце таинственной и громадной Вселенной — самая главная часть того, что является важнейшим для людей. Горизонт науки ограничен рамками Природы, горизонт идеологии — рамками общественной жизни человека, но человеческую душу невозможно заключить в какие-нибудь из этих рамок. Человек — хлебоядящее (или рисодеящее) животное²⁴; но он также и нечто большее. Он — личность, наделенная совестью и волей точно так же, как осознающим и судящим самого себе интеллектом. Это духовное наполнение приговаривает его к пожизненной борьбе за примирение со Вселенной, в которой он был рожден. Его врожденный инстинкт — пытаться заставить Вселенную вращаться вокруг себя самого; его духовное задание в жизни — преодолеть эгоцентризм, чтобы самостоятельно прийти к гармонии с абсолютной духовной Реальностью, которая является истинным центром мироздания. Эта «битва один на один»* — цель стремлений человека. Его непреодолимое желание достигнуть цели — единственный мотив, достаточно сильный для того, чтобы пробить барьер эгоцентризма, который стоит на пути. Ни наука, ни идеология ничем не могут помочь в этом духовном затруднении**. С другой стороны, это задача всех высших религий и философий. Их видение может быть отчасти иллюзией, их советы могут быть отчасти неправильно поняты, их твердые убеждения относительно высших проблем и задач души могут быть почти занесены илом наносного: ритуальных наблюдений, общественных предписаний, астрологических теорий и так далее. Однако, несмотря на определенные слабые места, высшие религии — тот единственный путь жизни, который способен вывести человека к таким горизонтам, что он сможет познать истинные проблемы души, осуществить поиск истины и выбрать направление для достижения духовной цели.

Постулаты высших исторических религий не были утрачены их адептами на протяжении многих лет. Их невозможно утратить по меньшей мере до тех пор, пока перед человечеством не явится какой-либо новый образ жизни, который предоставит более эффективную духовную помощь человеческим душам, нежели могут предложить исторические религии. Кон не желает допускать, что Западная цивилизация сейчас в упадке и возврат к религии — лекарство

* *Плотин*. Эннеады. IV.

** По этой причине, а не потому, что я бросаю вызов логическими выводами моей философии, я думаю, что мало вероятно, чтобы коммунизм сыграл в западной истории ту роль, которую играло христианство в эллинской истории (см.: *Prakash B. The Modern Review*. November 1953. P. 402).

от него*. На это в качестве комментария — два моих тезиса. Западная цивилизация в наше время находится в состоянии упадка, потому что западные современные люди не в состоянии спрогнозировать развитие своей собственной цивилизации, это можно как признавать, так и отрицать. Но, каковы бы ни были перспективы конкретной цивилизации, восстановление сущности религии, если оно было потеряно, требовалось во все времена и во всех общественных ситуациях. Оно требовалось потому, что люди не могут жить без этого. Чтобы восстановить сущность религии, мы должны обозначить ее и освободить от всех несущественных напластований. Это задача, за которую мы беремся на свой страх и риск. Это также задача, от которой мы не смеем уклоняться. Уклонение от задачи — путь, несомненно, более опасный, чем попытка решить ее. Это выбор — задача, которая не может быть выполнена раз и навсегда. Каждое следующее поколение должно повторять попытку снова и снова, за свой собственный счет. Направляя сегодня наши усилия на решение этой вечной человеческой задачи, мы можем обнаружить слабые просветы в современной науке; но их сияние — слабое и может оказаться обманчивым. Как и нашим предшественникам, нам приходится работать в сумерках. Мы должны быть счастливы, если наши искания проведут нас по пути к достижению нирваны Будды или к видению Единого Истинного Бога, открытого Второ-Исайей.

Борьба с эгоцентризмом и поиски гармонии с Богом — это вечный спор между человеческой душой и Богом. Эти личные столкновения между Богом и человеческими существами и есть истинное дело религии; и неправильно, когда задачи религии пытаются свести к узким мирским социальным целям, даже если они очевидны и целесообразны сами по себе. Точно так же коллективная история человечества имеет отношение к духовным требованиям, предъявляемым каждому из живущих индивидуально. Действительно, происходящее — это результат действия личностей и изменения социальных обстоятельств. Но одно социальное изменение, кажется, неуклонно развивается в неизменном направлении с самого начала человеческой истории — это кумулятивное нарастание коллективной власти человечества. Это влечет за собой совокупное нарастание числа последствий верных или неверных действий не только для того, кто действует, но и для тех, кто воспринимает эти действия. А это значит, что социальные изменения увеличивают личную моральную ответственность каждого. Чем мощнее последствия какого-либо действия, тем сильнее требование действовать

* *Kohn H. Toynbee and History. P. 351; Der Monat. August 1955. P. 465.*

верно. В век, когда коллективная (добрая и злая) власть человечества внезапно увеличилась в тысячи раз благодаря освоению атомной энергии, стандарт поведения, предъявляемый к обычному человеку, может быть не ниже, чем стандарт, достигавшийся в прежние времена редкими святыми.

В атомный век имеют хождение рассудочные соображения, — будто лишь целесообразность способна заметно возвысить стандарты поведения. Как мы заметили, народы и правительства осознали это, что отражается на росте уровня предусмотрительности и чувства самосохранения, с которыми осуществляются международные отношения со времени овладения атомным оружием более чем одним государством. Признаю, что самосохранение явилось взаимным приобретением в процессе сосуществования и требование достижения самосохранения оказалось достаточно сильным аргументом, чтобы подтолкнуть враждующие друг с другом народы, вооруженные атомным оружием, нехотя заплатить эту цену. Голос благоразумия может отодвинуть день осуществления зла. Негативное средство взаимного устрашения, обеспечиваемое страхом, следовало бы заменить позитивными узами взаимной любви, если человечество хочет вновь обрести уверенность в выживании, какую оно имело, начиная с палеолита до судьбоносных 1945—1949 гг. Как верно заметил один критик, споря со мной, «только в результате гармонизации человеческих желаний, с помощью договора, свободно явленного в свет Божественной необходимостью, мир может восторжествовать среди людей»*. Это, в действительности, мое мнение, но не мое открытие. Это — послание, переданное следующему поколению через золотую цепь мудрецов и провидцев. Классический образец этого есть у Боэция в «Утешении философией» (кн. II, ода 8): последнее завещание одного из последних хранителей эллинской традиции, в которой некогда жила западная часть Римской империи.

В мире с добром постоянным
Рядом живут перемены.
Вечен союз двух враждебных,
Разных вполне оснований.
Феб на золотой колеснице
Розовый день нам приносит.
Геспер восходит ночами.
Море смиряет волненье.
И не дозволено суше
В водный простор разгоняться.
Связью единой скрепляет
Все лишь любовь в этом мире,

* *Bailey A. G. Queen's Quarterly*. Т. LXII, № 1 (Spring, 1955). P. 100—101.

Правит землю и морем,
И даже небом высоким.
Если бразды вдруг отпустит,
Сразу к борьбе устремится.
Все, что рождает движенье
В дружном согласии, мигом
Гневными станет врагами,
Мир повергая в руины.
Только любовь и способна
Смертных в союзе сплотить всех.
Таинство брака чистейших
Свяжет влюбленных навеки,
Верным диктуя законы.
Счастливы люди, любовь коль
Царствует в думах. Любовь та
Правит одна небесами*.

МЕСТО РОССИИ В ИСТОРИИ

В 1961 г. дискуссия об истории и перспективах Запада так и повисла бы в воздухе, если бы за ней не последовала дискуссия о месте России в истории. С момента коммунистической революции, последовавшей за либеральной революцией в 1917 г., Россия бросила Вызов Западу, какого он не знал со времен второй оттоманской осады Вены в 1683 г. Коммунистический российский вызов Западу был не только Вызовом господству Запада над всем остальным миром; это был также Вызов западному либерализму от имени западной идеологии, которая теперь стала действенной силой в великой незападной стране. Под предводительством России коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца незападного большинства человечества, которое еще не предалось ни одному из этих двух соперничающих жизненных путей. Российский коммунизм также бросает Вызов либерализму на его родной земле, в западных странах. До 1917 г. Запад обращал весь мир в идеологию духовной западной революции XVII в. С 1917 г. Запад начал обороняться от идеологического контрнаступления. Оружием, с помощью которого это контрнаступление велось, была идеология западного происхождения, но теперь это оружие направляют западные «руки» против Запада. Этими «руками» были русские; и это означало, что Россия стала играть весьма важную роль в решении судьбы Запада.

* Перевод В. И. Уколовой. Печатается по изданию: Бозций. Утешение философией (и другие трактаты). М.: Наука, 1990. С. 222–223.

Если учесть, сколь подавляющим было господство Запада над большинством остального мира в течение последней четверти тысячелетия, искусное побивание коммунистической Россией Запада его же оружием явилось зрелищем весьма впечатляющим. Безусловно, в глазах азиатов, африканцев и американских индейцев, мыслящих антизападно, историческая роль России, как она сложилась к 1961 г., видится только так. В их глазах Россия служит примером и воодушевлением для остального незападного мира, Россия была первой западной страной, которая осмелилась отважно противостоять современному Западу и не упустила возможности побить его в его собственной игре, овладев западным оружием и научившись использовать его лучше, чем его западные изобретатели*.

Победа России в соревновании с Соединенными Штатами в космосе, результатом которой явился запуск в 1957 г. первого искусственного спутника Земли, без сомнения, нашла отклик во всем незападном мире как воодушевляющее символическое событие. Казалось, это событие обозначит конец технологического превосходства Запада, а тем самым и конец его господства, базировавшегося именно на технологическом превосходстве. Наблюдатель, знакомый с российской историей, напомнил бы, что технологическое соперничество России с Западом, получившее столь драматическую кульминацию в 1957 г., также имеет долгую историю. Оно началось не в 1917 г., а в 1689 г. Ленин унаследовал политику от Петра Великого. Принятие Петром западной технологии тех времен оказалось настолько эффективным, что дало ему возможность в 1709 г. решительно победить одну из величайших держав современного ему Западного мира — Швецию. Историческая победа над Карлом XII под Полтавой была одержана Петром благодаря программной вестернизации, которая велась в течение двадцати шести лет после исторического поражения османов у крепостных валов Вены в 1683 г. С этой решающей битвы в 1683 г. началось западное господство, которое длилось четверть тысячелетия в мире в целом. Однако из всех западных стран преуспела одна Россия, сохранив свою независимость. И решающая битва, обозначившая это достижение, была выиграна Россией почти сразу. Согласно такой интерпретации, роль России в истории — служить лидером в общемировом движении сопротивления общемировой современной агрессии Запада.

Но было бы неадекватно и ошибочно избрать для изучения места России в истории такой подход, при котором процесс рассматривался

* В книге «The Intent of Toynbee's History: A Cooperative Appraisal» Кон отмечает, что Пруссия после 1806 г. и Япония после 1868 г. приняли западную технологию и западные административные методы, как это сделала и Россия, и что в обоих случаях одной из целей была борьба против западных идей и идеалов.

бы только в рамках технологического соревнования России и Запада и воздействия его на западные судьбы*. Действительно, к 1961 г. Россия была тесно связана с Западом; но, как уже отмечалось, она была далека от того, чтобы стать первой. Сознательную вестернизацию российской жизни Петр Великий начал за 228 лет до российской коммунистической революции, и 1689 г. можно считать такой же эпохальной датой, как и 1917-й. Но утверждение Петром Великим своей верховной власти и новой политики в 1689 г. отнюдь не было началом российской истории. За семьсот лет до того, как Петр Великий навязал России Западную цивилизацию в современной ему светской версии, сделав это довольно формально, его предшественник князь Владимир втянул ее в сферу влияния Византийской цивилизации путем обращения подданных в восточное православное христианство. В течение примерно двухсот лет до этого Россия являлась частью обширного Скандинавского мира в результате открытия ее для торговли и благодаря тому, что шайка шведских военных авантюристов¹ смогла организовать ее политически.

Скандинавская цивилизация была неразвившейся, и после обращения всего Скандинавского мира в христианство разных форм, дохристианский Скандинавский мир исчез². С другой стороны, Византийская христианская цивилизация, пленившая Россию в 989 г., оставила глубокий и продолжительный след в ее истории, подобный тому, какой западное христианство оставило в Скандинавии. Современная Западная цивилизация, навязанная России Петром Великим и его последователями, имела характер временного внешнего лоска. Россия оставалась византийской в своей основе. Второй этап вестернизации, начавшийся в результате коммунистической революции 1917 г., видимо, глубже затронул российскую жизнь, чем Петрова революция, и, без сомнения, произвел большее разрушение византийских глубинных основ российской жизни. Хотя и сейчас, полвека спустя после последней вестернизирующей революции, Православная Церковь все еще является мощной силой в России, и ее выживание там подразумевает, что византийское мировоззрение сохранилось. В 1961 г. еще невозможно предугадать, добьется ли в дальнейшем западная коммунистическая

* Комментируя один из фрагментов предыдущего тома этой книги, Б. О'Кеннеди отмечает: «Кажется чрезмерным упрощением утверждение, будто советский эксперимент — это попытка превратить нацию крестьян в нацию механиков, заместить новой Америкой старую Россию. Более того, взгляд профессора Тойнби на этот эксперимент как на конфликт между идеалами Ленина и методами Форда может быть парадоксальным подтверждением доминирующего влияния Западной цивилизации на Русскую, но он не может объяснить великую сделку, которая свершилась» (The Irish Times. March, 1947). Я с этим согласен.

идеология XX в. бóльших успехов в вытеснении Византийской цивилизации из России, нежели западная либеральная идеология XVII в.* В настоящий момент можно лишь сказать, что данный вопрос

* Моя концепция византийского наследия России была изложена в лекции, изначально прочитанной в Канаде, а позже опубликованной в «Horizon», August 1947, а затем в книге «Цивилизация перед лицом истории» (Civilization on Trial. Oxford University Press: New York, 1948. P. 164–183). Эта статья вызвала критику Б. Быховского в «New Times» (№ 46. 12 November 1947. P. 27–31) и Дж.Д. Кларксона в статье в «The Russian Review» (Vol. XV, № 3 (Juli 1956). P. 165–72), основанной на докладе, прочитанном на ежегодной встрече Американского исторического общества в Вашингтоне, округ Колумбия, 28 декабря 1955 г.

Быховский согласен, что Россия заимствовала византийскую культуру в X в., но он отвергает существование такого образования, как особая византийская цивилизация. «Общеизвестные исторические факты», как он полагает, «неопровержимо доказывают... целостность европейской (и мировой) культуры» (p. 28). Кларксон сходится во взглядах с Быховским по этому пункту. «Коренная предпосылка Тойнби, что Россия и Запад представляют собой две отдельные цивилизации, которые разделяет религия», является, по мнению Кларксона, «основным неверным представлением». И. Неандер выражает такую же точку зрения в «Finanz-Archiv, Neue Folge» (1951/2. P. 168–178 и в «Grundzüge der Russischen Geschichte» (Darmstadt. 1955. Genter), и то же самое делает Кр. Хилл в «The Modern Quarterly» (Autumn 1947, h. 306). Л. Торндайк также защищает единство цивилизации в общих терминах (The Journal of Modern History. Vol. VII, № 3. September 1935. P. 315–317).

Быховский обвиняет меня в фальсификации истории, чтобы сделать из нее средство идеологической полемики. Особенно жестко он критикует меня за мое «нелепо абсурдное и поразительно невежественное отождествление социалистической системы, установленной в России после Великой Октябрьской революции, со средневековым византийским государством» (p. 29). Я, конечно, не отождествляю эти две системы, но я утверждаю, что Византийская цивилизация все еще жива в душе России и что лежащая под спудом структура византийского государства может всплыть из-под напластований успешно импортированных западных режимов: сперва просвещенной автократии, заимствованной с Запада Петром Великим, а затем коммунистического режима, импортированного Лениным и его соратниками. Тут, однако, Быховский и Кларксон снова сходятся. Полемизуя со мной, Кларксон утверждает: «Тойнби просто не понимает, что сочувствующие ему критики Оболенский и Самнер написали о его идее доминирующего византийского политического менталитета, проходящего через российскую историю».

Такой консенсус между российским коммунистом и американским критиком впечатляет. Согласен, возможно, я придаю чрезмерное значение отличиям каждой цивилизации в сирийско-эллинской семье. Четкость разделительной линии, которую я провел, отметил Т. Р. Файвел в «The Tribune» (21 March 1947. P. 20). Было бы более поучительно (хотя я не думаю, что это так) трактовать все четыре христианские цивилизации³, а также

еще не разрешен. В то же самое время краткое изложение хорошо известных фактов показывает, что место России в истории не было всего лишь местом обращенного — пусть очень важного и успешного обращенного — в современный западный образ жизни.

История культуры в России вплоть до сегодняшнего дня шла необычным курсом. С того момента, как она вошла в Ойкумену около одиннадцати столетий тому назад, она всегда играла в мировых делах видную роль, как культурную, так и военно-политическую, хотя до сих пор Россия и не создала свою собственную цивилизацию. Три раза в течение тысячи ста лет она воспринимала иноземные цивилизации: сначала Скандинавскую, позже Византийскую, затем Западную, причем последнюю — сначала в либеральной, а затем в коммунистической форме. В культурном плане до настоящего времени она всегда была сателлитом, хотя и необычного вида. Она была сателлитом, который каждый раз предьявлял больше чем претензии иноземной цивилизации, втянувшей ее в поле своего тяготения. Скандинавская цивилизация была подавлена, как только Россия присоединилась к ней, так что в этой короткой первой главе российской истории Россия не успела отреагировать должным образом. Связь России с Византийским миром и Западом длилась дольше, и в каждом из этих двух взаимодействий цивилизация, воздействовавшая на Россию, в дальнейшем оказывалась вовлеченной в перетягивание каната, и каждый раз сателлит угрожал поменять роли взаимодействующих сторон, узурпировав себе место солнца и понизив изначальное солнце до статуса сателлита*.

Исламскую не более как вариации одной цивилизации. Мое утверждение может быть менее убедительно, чем мнение Кларксона или Быховского, я допускаю. Но я не признаю, что сделал его под влиянием идеологических предрассудков. В моей точке зрения нет ничего оскорбительного по отношению к Византийской цивилизации или к России, когда я трактую их как «незападные». С другой стороны, у меня создается впечатление, что нечто оскорбительное чувствуется у Быховского, Кларксона и Хилла и, возможно, у Оболенского и Самнера тоже; и тогда их напор на тезис, что нет разделительной линии между Россией и Западом, частично вдохновлен как желанием отстоять доброе имя России, так и беспристрастным изучением исторических фактов. Я нахожу подобное же чувство у Неандера (Op. cit.) и Шпулера (Islam, № 30, 1952), когда они настаивают на том, что вестернизация России идет быстрее вестернизации азиатских стран, потому что Россия раньше уже была много ближе к Западу в культурном отношении.

* Если у культурной истории России есть двойник, то его можно найти в культурной истории Ирана. Как и Россия, Иран последовательно принимал иноземные цивилизации — сначала Шумеро-аккадскую, затем Сирийскую и вслед за ней Исламскую; и на последние две из втянувших его в себя цивилизаций Иран — так же как Россия — мощно воздействовал.

Это изменение отношений произошло в Византийском мире до истечения четырех с половиной веков, которые прошли между обращением России в православие в 989 г. и угасанием последних остатков Восточной Римской империи в 1453—1461 гг. В течение этой эпохи все восточное христианство, включая Россию, подверглось нападению и опустошению иностранными завоевателями на двух фронтах. На Восточную Римскую империю напали западные христиане и турецкие мусульмане, на Россию — западные христиане и евразийские кочевники-монголы⁵. Как римское ядро, так и российское дополнение Византийского мира оказались поверженными; но их последующие судьбы не были одинаковыми. Восточная Римская империя пошла ко дну, и греки, а с ними и другие православные христианские народы Анатолии, Закавказья и Юго-Восточной Европы оставались под оттоманским турецким правлением до XIX в. Россия же, напротив, всплыла на поверхность и с XIV в.⁶ вплоть до наших дней являлась мощным централизованным государством, которое было в состоянии отражать вторжения пришельцев. Соответственно после того, как Болгария, Сербия⁷ и Восточная Римская империя были стерты с политической карты, Московия продолжала жить как единственный выживший представитель восточного христианства⁸ и единственный блюститель православной веры. Московская ветвь восточной христианской Церкви не признала союз с римской Церковью, принятый в 1439 г. на Флорентийском Соборе правительством Восточной Римской империи, корчившейся в своих последних судорогах. В следующей главе истории Византийского мира московитское правительство могло принять, а могло и не принять всерьез теорию, что после Константинополя — Второго Рима, предавшего православную христианскую веру и наказанного за это через завоевание османами, — верная Москва стала Третьим

В объединении с Сирийской цивилизацией во время и после эпохи Ахеменидов иранская культура не была пассивной стороной. Она не только получала, но и отдавала. О ее привлекательности свидетельствует история иудаизма. Иранская религия, зороастризм, была единственной иноземной духовной силой, оставившей свой отпечаток на иудаизме в ту эпоху; и эта иранская религия показала свою живучесть после того, как Иран потерпел сокрушительное политическое поражение в результате свержения Ахеменидской империи Александром Македонским. Свержение арабами Сасанидской империи тысячу лет спустя было для Ирана бедствием сопоставимых размеров. Хотя и на этот раз Иран вновь утвердился в культурном плане, в то время как политически он все еще был повержен. Религиозное обращение иранского народа в ислам сопровождалось с начала эпохи Аббасидов и до наших дней иранизацией ислама на иранской почве, и это иранское культурное контрнаступление вылилось в появление характерной иранской версии Исламской цивилизации⁴.

Римом*⁹. Но, кажется, не подлежит сомнению, что опыт государства, оставшегося к 1461 г. единственным независимым поборником Православия, вселил в русских убеждение, что Россия — святая страна с уникальной судьбой**, и Россия действительно стала такой, превратившись в сердце и цитадель православного христианства вместо отдаленной провинции, какой она была изначально.

Русская вера в святость, Православие и судьбу России пережила принятие Россией Западной цивилизации и после Петра Великого. В эпоху вестернизации она уже дважды отстаивала свои права — каждый раз облачаемая в западную идеологию, она перекраивала ее русскими руками и приспособливала для служения русским целям. Западное романтическое движение XIX в. на месте его рождения было не более чем западным семейным делом. Это было выражение требования со стороны немцев и других западных народов признать истинность и ценность их характерного национального вклада в общую Западную цивилизацию. Движение было вызвано претензией Франции навязать французскую национальную культуру другим западным народам как стандартную форму современной Западной цивилизации, порожденной культурной революцией XVII в. Западное романтическое движение XIX в. инспирировало русских славянофилов; но, восприняв романтизм, русские дали ему другой поворот. Славянофильская версия романтизма обернулась утверждением, что Западная цивилизация — упадочная, тогда как Русская цивилизация находится на «волне будущего». В XX в. русские, обращенные в позднюю западную идеологию, коммунизм, повторили

* Этот вопрос уже затрагивался нами. И Самнер, и Оболенский полагают, что к претензии на то, что Москва — это Третий Рим, надо отнестись критически. По их мнению, эта претензия была чуть больше, чем просто чванство, однако она не оказала большого воздействия ни на народное чувство в России, ни на правительственную политику.

** Предположение, что русские сами пришли к тому, чтобы рассматривать себя в качестве «избранного народа», оспорил в письме, написанном мне 6 марта 1951 г., Дж. Стольникофф. «Ваша теория, избранного народа, — пишет Стольникофф, — согласовывается только очень отдаленно с прочно установленным фактом свободы русских от всех идей превосходства или презрения в их отношении к другим нациям... Я полагаю, что это непонимание идет не глубже, чем ошибочное использование слова “русский” вместо слова “советский”». Меня нельзя так легко сбить с толку. Я верю, что осознание русским народом своей особой миссии имеет исток в 1453 г., а не в 1917 г. Из всех мнений, которые высказывает Стольникофф, верно лишь то, что он говорит о русских как об отдельных личностях и об их отношениях с нерусскими; и это действительно дружелюбная и достойная восхищения русская традиция. Но это не является несовместимым с чувством, что у России, в отличие от индивидуально каждого русского, более высокое предназначение, нежели у любой другой страны.

тот же ход. Коммунизм теперь был «волной будущего», а капитализм, напротив, был обречен на крах. С того момента Запад был предоставлен капитализму, в то время как Россия избавилась от его тенет путем принятия коммунистической веры. Запад был обречен погибнуть, а Россия была обречена на триумф. Российский коммунизм XX в., российское славянофильство и российское первенство в православном христианстве XV в. были последовательным выражением той же неизбывной убежденности, что России открылась истина, благодаря чему она и будет процветать, в то время как Запад упорствует в ошибках и этим приговорил себя к гибели.

Эта российская вера не была изначальной русской идеей. Русские переняли ее у своих наставников — византийских греков. В глазах византийских греков западные христиане стали схизматиками, а восточные православные христиане остались единственными хранителями истинной христианской веры. Это чувство своей уникальности было частью того наследия, которое христианская Церковь получила от иудеев. Это была, по сути, еврейская претензия, которая была воспринята неевреями, ставшими обращенными в «девиантные» иудейские религии. В 1961 г. еще невозможно предвидеть, намерена ли Россия остаться в основе своей византийской, или она собирается стать полностью западной в коммунистической разновидности современной Западной цивилизации. Но что бы ни случилось, кажется очевидным, что и в далеком будущем российские дух и взгляды останутся мессианскими, поскольку иудейский мессианизм был общим источником для византийской и западной традиций. Коммунизм является учением явно иудейским по своей идеологии, и, хотя современная версия западной культуры, идущая от духовной революции XVII в., представляет собой твердую попытку очистить западную традицию от ее наследственного иудейского фанатизма и нетерпимости, мы видим, что следы старого в западной традиции не были до конца вытравлены, они были всего лишь запрятаны вглубь, чтобы прорваться в наши дни в таких идеологиях, как коммунизм, фашизм и национал-социализм.

Тем самым ясно, что в рамках сообщества, которое мы обозначили как «цивилизация», Русская цивилизация входит в тот же подвид, что и Византийская, Западная и Исламская. Классифицируем ли мы ее как вариант Византийской или вариант Западной или как отдельную цивилизацию со своим собственным характером, она, несомненно, является частью того урожая, который вырос из сочетания Сирийской и Эллинской цивилизаций, давших хорошую «культурную почву».

Если верно, что общемировое распространение Западной цивилизации в ее современной форме обеспечило основу и рамки для создания Ойкуменической цивилизации, то каков будет вклад России

в эту грядущую Ойкуменическую цивилизацию? Возможно, самая важная роль России в следующей главе истории человечества будет заключаться в том, чтобы служить посредником в модернизации незападных народов, менее продвинутых на пути модернизации, чем сама Россия.

Когда мы сейчас, в 1961 г., изучаем положение нерусских народов, которые оказались под советским господством, мы находим, что они относятся к различным категориям и ведут себя по-разному.

Русификации настойчиво сопротивлялись те народы, сателлиты или бывшие сателлиты, чья культурная почва была или западной, или византийской. Первую из этих двух категорий представляют словенцы, хорваты, венгры, чехословаки, поляки, литовцы, латыши и эстонцы; вторую — сербы, румыны, болгары и грузины. Даже украинцы, одна из трех подгрупп внутри самого русского народа, были готовы сопротивляться тому, чтобы над ними господствовали великороссы. Сопротивление этих народов русификации было не антикоммунистическим движением, это было антирусское движение, которое предвещало русскую коммунистическую революцию 1917 г. При предшествующем имперском режиме русификации упорно сопротивлялись поляки в Конгрессовой Польше¹⁰ и финны. Оба народа пробыли под господством России столетие, вплоть до Первой мировой войны, и по истечении столетия все еще остались не русифицированы. Грузины, румыны и болгары XIX в. также сильно возражали против господства имперских русских¹¹, хотя последние помогли им освободиться от исламских правителей. Освобожденные православные христианские народы стали едва ли не менее антирусскими, чем венгры, западный народ, который был вновь подчинен габсбургскому правлению при помощи российских войск в 1849 г.¹² Такое же отношение выказывал по меньшей мере один из входивших в состав России мусульманских народов — казанские татары, и эти антирусские движения сопротивления имели одинаковое объяснение. Сопротивлялись русификации те народы, которые чувствовали себя продвинутыми в цивилизации не менее русских. Именно поэтому они и не желали принимать цивилизацию в русской версии. Если они были готовы принять современную им версию Западной цивилизации, то хотели принять ее из западного первоисточника. Они хотели иметь ту или иную альтернативную форму современной цивилизации, но ту, которая их привлекала. Например, коммунистический югослав в той же мере, как и либеральный югослав, хочет выработать свой собственный путь и жить самостоятельно. Он будет протестовать против навязывания ему русского диктата¹³.

Были, однако, и другие сателлиты России, которые не чувствовали себя так далеко продвинутыми в цивилизации, какими в этом

смысле считали русских. Народы этой категории могли возмущаться господством и эксплуатацией со стороны русских так же горячо, как югославы, венгры и поляки, но они не чувствовали такого же нерасположения к принятию современной цивилизации через русский канал. Они осознавали, что в культурном плане Россия предлагает им кратчайший и самый легкий доступ в современный мир и русский язык является лучшим инструментом для того, чтобы овладеть современными знаниями и идеями. Таким образом, самые способные и самые амбициозные представители этих народов сознательно стремятся выучить русский язык и завершить свое образование в Москве или Ленинграде. Они могут чувствовать враждебность по отношению к России в политическом плане и могут не иметь склонности к русификации как таковой. Но они смиряются с ней как с неприятным, но необходимым средством на пути к той вершине, которую они видят; и все это для того, чтобы стать гражданами первого класса в восходящем современном ойкуменическом обществе. Народы этой второй категории включают в себя тюрко- и финноязычные народы Урала (башкиры, вогулы, остяки¹⁴ и прочие), тюрко- и ираноязычные народы Средней Азии (казахи, узбеки, туркмены, киргизы, таджики) и монголоязычные народы Восточной Сибири (буряты и монголы Внешней Монголии¹⁵).

В 1961 г. эта категория воспринимается не более чем небольшая часть человечества, даже если сюда включить такое государство-сателлит, как Внешняя Монголия, лежащее вне границ Советского Союза. Однако эта категория может расширяться численно за счет обширного населения Азии и Африки, помимо народов, указанных выше, для которых русификация означает модернизацию в форме, самой легко доступной. Китай, который не является сателлитом Советского Союза, но является его главным коммунистическим союзником¹⁶, вряд ли будет фигурировать в этом списке. Китайцы, как западные и нерусские православные христианские народы, всегда чувствовали свое превосходство по отношению к Русской цивилизации, и мотив, который побудил их принять коммунистический режим, не сводился к желанию получить доступ в современный мир через русскую дверь. Цель китайского народа была в том, чтобы Китай завладел культурным и политическим первенством в восточной оконечности Старого Света. Но Россия, будучи не в состоянии притянуть в свое культурное поле Китай, кажется, имеет прямую перспективу привлечь ряд более отсталых из все еще не присоединившихся государств.

Эта перспектива предполагает, что в формировании грядущего ойкуменического общества русская культура и язык могли бы играть на больших пространствах Азии, а возможно, и Африки ту роль, которую до этого все еще играли в Африке арабский язык и культура¹⁷,

а испанский язык и культура — в землях американских индейцев от Мексики до Парагвая включительно¹⁸. Русификация была бы одной из нескольких альтернативных форм модернизации. Ее вклад мог быть не так велик, как вклад английского языка, ибо современная Западная цивилизация идет прямо из западного первоисточника; но русское, как арабское или испанское, культурное влияние могло бы преуспеть в проталкивании своего пути в регионы, которые были менее доступны современной цивилизации в ее изначальной форме.

В нынешней главе истории русская культура будет нести с собой коммунизм; и это идеологическое сопутствующее обстоятельство русификации либо поможет продвижению русификации, либо помешает ей в зависимости от того, какая ситуация сложится в то время в стране, подвергающейся русификации.

Коммунистическая форма современной Западной цивилизации редко или никогда не была первым выбором незападных народов, уже познавших вестернизацию в той или иной форме. Обычно они склонялись к вестернизации по либеральному пути — то есть в политическом плане шли по парламентскому пути. Важно, что как в самой России, так и в Китае коммунистической революции предшествовала попытка либеральной революции, и, пока эта предшествовавшая революция не дискредитировала себя и не была отброшена, коммунистические идеи не могли воплотиться. В 1917 г. Россия переживала последние муки разрушительной войны, и коммунистическая революция пошла по пятам за либеральной революцией с интервалом всего лишь в несколько месяцев. В Китае Гоминьдану было отведено целых девять лет (считая от общенационального триумфа в 1929 г.) до того, как его осудили за то, что он исчерпал свой мандат¹⁹. Незападные народы, находившиеся под западным правлением, вели борьбу за то, чтобы освободиться от него, причем борьба шла во имя современных западных либеральных принципов; и, когда они вновь обретали политическую независимость, даже в тех случаях, когда их бывшие западные правители слагали свои полномочия отнюдь не по своей воле и неохотно, первым стремлением этих народов было использовать вновь обретенную свободу для принятия западного образа жизни не только в политическом плане, но и во всех прочих. В 1961 г. это смогли подтвердить как Южный Вьетнам²⁰, так и Индия.

Общее предпочтение либерального образа жизни, очевидно, вызывало ассоциации коммунизма с русификацией, что являлось помехой России в ее усилиях расширить свое влияние на западные страны вне своих собственных границ. Здесь она должна была иметь дело со странами, попытавшимися следовать либерально-западному образу жизни и не обескураженными опытом разочарований. Тем не менее разочарование нередко наступает; и в стране,

которая его испытала, коммунизм будет не помехой российскому влиянию, но мощной помощью ему.

Эксперимент вестернизации по либеральному пути порождал разочарования, поскольку эксперимент этот был амбициозен. Его амбициозность заключалась том, что либеральный образ жизни требовал и предполагал наличие в обществе в достаточном количестве способных, опытных и патриотичных граждан; а в большинстве западных стран у людей наблюдалась нехватка необходимых человеческих качеств. По этой причине парламентское правление потерпело неудачу во многих из этих стран, когда слишком многие из тех, кому было поручено работать в этой сфере, оказывались некомпетентными, коррумпированными или теми и другими вместе. Последствием, как правило, была диктатура такого типа, какая часто устанавливалась в Америке в большинстве государств бывшей Испанской империи Индий²¹. В азиатских и африканских государствах-наследниках бывшей Голландской, Французской и Британской колониальных империй также часто устанавливались диктатуры, следовавшие за неудачами парламентских государств, причем диктатуры здесь были военными. Профессиональные боевые офицеры этих стран обучались в западных школах, и их стандарты чести и патриотизма были в некоторых случаях выше, чем у местных политиков. С другой стороны, их воинский опыт был ограничен их собственным профессиональным полем, и в политике они были новичками. Единственное существенное преимущество диктатуры над парламентаризмом в этих странах в такой ситуации заключалось в том, что способных и честных людей, необходимых для того, чтобы диктатура работала, нужно значительно меньше. Но это преимущество — не монополия военной разновидности диктатуры; коммунистическая разновидность ею также обладает, и она, кроме того, обладает многими преимуществами, которых недостает военной диктатуре.

Коммунистическая идеология является христианской ересью* в том смысле, что она отбирает некоторые элементы христианства и концентрируется на них, исключая остальные. Она взяла у христианства его социальные идеалы, его фанатизм и энтузиазм. Тем самым она обладала куда более динамичной силой, чем обычное чувство профессиональной чести, которое вдохновляло патриотичных военных диктаторов. Верующий коммунист — посвященная душа, и он может засвидетельствовать свою веру, доказывая ее весьма впечатляющими делами. Он может констатировать, что обращение России в коммунизм сопровождалось в течение сорока лет технологическим триумфом, а это означает, что Россия теперь превосходит Запад на том самом поле,

* Такую интерпретацию коммунизма оспорил священник Г. Ф. Кленк в «*Stimmen der Zeit*» (1949—1950. № 145. S. 376—384).

на котором Запад раньше не знал себе равных. Он может заявить, что пример России продемонстрировал, что для бедного необразованного сельскохозяйственного народа коммунизм предложил эффективный кратчайший путь, чтобы догнать Запад в борьбе за власть; а одним из главных стремлений незападных стран, на себе познавших тяжесть прежнего господства Запада, было оказаться в этой схватке, в этом соперничестве на высоте — обрести свою историческую или легендарную позицию на вершине власти. Коммунизм, представленный таким образом, явился мощным призывом к незападным народам, пытавшимся и не сумевшим догнать Запад, избрать другую альтернативную дорогу с тем, чтобы победить.

В 1961 г. человечество гадает, какая из этих двух дорог, либеральная или коммунистическая, способна стать основной дорогой, ведущей к будущей Ойкуменической цивилизации; при этом многим умам кажется, что выбор между этими двумя путями будто бы существенно меняет дело, хотя коммунизм, как и либерализм, — продукт и выражение современной Западной цивилизации* и разница между либеральным и коммунистическим образом жизни, по-видимому, будет постепенно уменьшаться с каждым десятилетием сосуществования. Идеологическая междоусобица, которая в 1961 г. охватывает около половины человечества, может показаться не более чем академическим спорным вопросом жизни ойкуменического общества сотни лет спустя.

ПЕРЕСМОТР КЛАССИФИКАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В первых томах этой книги я выработал список из двадцати трех расцветших цивилизаций, четырех, задержавшихся в развитии на ранней стадии их роста, и пяти, оставшихся недоразвившимися. Двадцать три расцветшие цивилизации в этом первоначальном списке были распределены между рядами трех типов, относящихся к трем генерациям цивилизаций, некоторые к двум, а некоторые только к одной генерации; и у некоторых типов, которые относятся

* Вот какую точку зрения высказывает Быховский: «Марксизм-ленинизм — не оружие против Западной цивилизации, как неверно утверждает г-н Тойнби; это — оружие против антидемократической империалистской реакции, которая действует, как ужасная трещина в развитии Европейской и мировой цивилизаций. Советский народ бережно относится к каждому прогрессивному шагу в истории британской, французской и любой другой национальной культуры» (New Times. № 46. 12 November 1947. P. 30). Западный наблюдатель может согласиться, по сути, с тем, что говорит Быховский, конечно сделав поправку на полемический тон высказываний этого автора.

больше чем к одной генерации, отношения более поздней цивилизации или цивилизаций этого типа к его или их непосредственному предшественнику были маркированы как «аффиляция». Эти типы были параллельны, но не синхронны. Самые ранние из доколумбовых цивилизаций в Америке появились, вероятно, на целых три тысячи лет позже, чем самые ранние цивилизации Старого Света. В Старом Свете был один тип, представленный Египетской цивилизацией, который дал только одну генерацию, хотя развитие ее длилось столько же времени, что и первых генераций параллельных типов, положивших начало соответственно Шумерской, Минойской, Индской и Шанской цивилизациям¹.

I. *Расцветшие цивилизации*

A. *Первая генерация (не относящиеся к другим):*

Египетская

Андская

B. *Первая генерация (не аффилированные другими):*

Шумерская

Минойская

Индская

Шанская*

Майянская

B. *Вторая генерация (аффилированные другими):*

Вавилонская (Шумерской)

Хеттская (Шумерской)

Эллинская (Минойской)

Сирийская (Минойской)

Индийская (Индской)

Китайская (Шанской)

Юкатанская (Майянской)

Мексиканская (Майянской)

Г. *Третья генерация (аффилированные другими):*

Православная христианская, основная (Эллинской)

Православная христианская, русская ветвь (Эллинской)

Западная (Эллинской)

Арабская мусульманская (Сирийской)

Иранская мусульманская (Сирийской)

Индуистская (Индийской)

Дальневосточная, основная (Китайской)

Дальневосточная, японская ветвь (Китайской)

* В течение двадцати лет (1934–1954) между публикациями томов I–III и томов VII–X индская и шанская культуры — в результате расширяющихся знаний о них — дали повод к тому, чтобы рассматривать их так, как если бы каждая из них имела статус расцветшей цивилизации.

II. *Задержавшиеся в развитии цивилизации*

Эскимосская
Кочевническая
Османловская
Спартанская

III. *Недоразвившиеся цивилизации*

Первая Сирийская
Дальневосточная христианская
Дальнезападная христианская
Скандинавская
Космос средневековых городов-государств.

К тому времени (1958–1959), когда данный том был написан, этот список уже нуждался в пересмотре. Была критика метода — или отсутствия метода, благодаря которой я пришел к такому выводу*¹⁾. Накопилось много новых исторических фактов, возникло новое понимание, базировавшееся на новых археологических открытиях и новой интерпретации ранее известных фактов. В свете публичной критики и тех данных, что обнародовали археологи с момента публикации томов I–III этой книги, я пересмотрел ряд предыдущих заключений. Цель настоящей главы — собрать вместе все переосмысленные факты и дать новый список цивилизаций. На мой взгляд, лучше сперва изучить критику, а затем изменения в воззрениях археологов, чтобы понять, какие поправки требуются в моем списке.

Больше всего я подвергаюсь критике примерно по пяти направлениям. *Первое* — огульное. «Список Тойнби... — это странная путаница несовместимых и несоединимых сущностей»*²⁾. Мои критерии идентификации цивилизаций не являются однородными. В некоторых случаях это материальная культура, в других — религия, в третьих — раса*³⁾. *Вторая линия критики* заключается в том, что моя идентификация цивилизаций и моя демаркация между теми цивилизациями, которые я объявляю идентифицированными, — субъективна*⁴⁾.

*¹⁾ Это резюмировал Андерле в своей неопубликованной статье.

*²⁾ *Bagby Ph. Culture and History. P. 177.*

*³⁾ *Albright W. F. From the Stone Age to Christianity. P. 97–98.*

*⁴⁾ *Erdmann K. D. Archiv für Kulturgeschichte. XXXIII Band, Heft 2. 1951. P. 245; Burn A. R. History. February–Oktober 1956. P. 6; Merton R. K. The American Journal of Sociology. Vol. XLVII, № 2. September 1941. P. 205–213; Gardiner P. Time and Tide. 30 Oktober 1954.* Гардинер замечает, что «некоторые разделения», которые Тойнби «проводит между временно примыкающими цивилизациями, кажутся predeterminedенными решением, по какому курсу цивилизация *должна* следовать... Поэтому его заключение относительно одинаковых путей, по которым пошли разные общества... только отражает изначально используемый метод классификации». Обзор критики моей попытки классифицировать дан Андерле в неопубликованной статье.

Третья линия критики заключается в том, что я не сумел провести разграничения между главными цивилизациями и теми, которые являются «вторичными или периферийными»*. *Четвертая* сводится к тому, что мой список «задержавшихся в развитии цивилизаций» — непостоянный**. *Пятая* — что мой список недоразвившихся цивилизаций — неполный***. С всесторонней критикой лучше всего иметь дело, изучив каждый пункт в отдельности.

Метод, который я использовал для идентификации цивилизаций в моем списке, заключается в том, чтобы взять один пример в качестве образца и применить его к остальным в этой сфере. Я должен сказать, что этот метод объективен по двум причинам. Мой метод не воображаемый, это аутентичный отдельный предмет истории; и я применял его, как мне кажется, систематически и последовательно. В то же время, согласен, моя методика субъективна в некоторых других отношениях. Образец, который я использовал, — история Эллинской цивилизации и аффиляция Западной цивилизации Эллинской через христианскую Церковь. Очевидно, причина, по которой я использовал конкретный образец, в том, что я сам оказался западником, воспитанным на греческой и латинской классике. Я, без сомнения, использовал бы другой образец, если бы был китайцем, воспитанным на конфуцианской классике, или евреем, воспитанным на Торе и Талмуде. Более того, я мог прийти к неправильному истолкованию моей модели, по крайней мере в одном важном пункте из-за чрезмерного увлечения эллинизмом, что является результатом моего воспитания на эллинской литературе и истории. Я полагал, что Западная цивилизация была аффилирована Эллинской и поэтому принял к сведению на ранней стадии моего исследования тот очевидный факт, что в христианстве, ставшем связующей исторической нитью между Эллинской и Западной цивилизациями, эллинский элемент сочетался с доминировавшим иудейским. Мне следовало бы увидеть, что Западная цивилизация была аффилирована обеими цивилизациями или — чтобы описать подлинный ход исторических событий более точно — что она выросла на почве, удобренной слиянием обеих. Неверное истолкование мною эллинского примера привело к тому, что я допустил, что «аффилированные» цивилизации были аффилированы во всех случаях исключительно одной единственной прошлой цивилизацией;

* *Bagby Ph. Ibid. P. 79.*

** *Bagby Ph. Ibid. P. 108; Marrou H. Esprit. Juli 1952. P. 123; Kroeber A. L. Style and Civilization. P. 124–125.*

*** *Kroeber A. L. Ibid. (Крёбер включает, я думаю, как «недоразвившиеся» цивилизации, так и «задержавшиеся» в те, которые он называет «низшими» цивилизациями моего списка); Coulborn R. Toynbee and History. P. 163.; Bagby Ph. Op. cit. P. 179–180.*

и это сбило меня с пути, например, как в случае с аффиляцией Сирийской цивилизации. Я увидел ее как удочеренную только Минойской цивилизацией, тогда как на самом деле она была аффилирована точно так же тремя другими: Шумерской, Египетской и Хеттской. Многоразовая аффиляция случалась по меньшей мере так же часто, как и исключительная аффиляция одним-единственным предшественником*.

Я пытался исправить эти ошибки в более ранних главах этого тома. Например, я сейчас проверил результаты применения моего эллинского примера как на китайской модели, так и на еврейской и сравнил сходства и различия результатов. Я признаю четыре удочерения Сирийской цивилизации. Я также признаю, что Западная цивилизация — продукт сирийско-эллинского «культурного компоста» и что такая же смесь этих же двух предшествующих цивилизаций породила Православную христианскую и Исламскую цивилизации.

В моей первоначальной идентификации принадлежности цивилизаций есть другой субъективный элемент, который труднее исправить, потому что он не введен мною, а присущ самим явлениям.

Когда я применил к остальной части сферы исследования понятие «аффиляция», которое я вывел из моего представления об историческом происхождении Западной цивилизации от Эллинской, я обнаружил ряд случаев того же порядка, безусловно казавшихся повторяющимися, но лишь частично или в недостаточной степени. В этих случаях вставал вопрос, был ли относительный разрыв последовательности достаточным для того, чтобы подтвердить идентификацию того, что последовало за переменной, как историю новой цивилизации, аффилированной предшественницей в том смысле, в каком Западная цивилизация была аффилирована Эллинской. Несмотря на все следы разрыва, в этих случаях, чтобы прояснить картину, следовало бы интерпретировать последующий период как продолжение предыдущего: другими словами, рассматривать эти два периода как последовательные главы истории одной и той же цивилизации. В одном случае — относительно Египетской цивилизации, основываясь на моем методе рассмотрения цивилизаций, я пришел к выводу, что здесь преемственность была более значима, чем разрыв, а потому историю цивилизации Египта до обращения его в христианство следует рассматривать как историю одной продолжающейся цивилизации, а не историю ряда из двух цивилизаций. Я пошел по этому пути вместо того, чтобы принять вслед за Бристедом интерпретацию характера и истории культа Осириса, который, по его мнению, имел некоторые черты, поразительно схожие с характером истории христианства.

* Эту точку зрения высказал Ф. Боркенау (Merkur. Jule 1949. P. 633—634; Commentary. March 1956. P. 241).

Теперь, когда египтологи следующего поколения отказались от интерпретации Бристедом религии Осириса, какие-либо возможные сомнения о продолжительности египетской истории наконец рассеялись. Тем не менее имеются другие случаи, в которых очевидность разрыва кажется мне достаточно важной для того, чтобы дать мне право идентифицировать то, что последовало за разрывом, как историю новой цивилизации, хотя пока я делал это только экспериментально и условно. Этими случаями, которые я решил рассматривать как сомнительные, являются — Православная христианская (основная), Арабская мусульманская, Иранская мусульманская, Дальневосточная (основная), Вавилонская, Юкатанская и Мексиканская цивилизации.

Элемент субъективности, присущий этому явлению, возникает из того, что существует ряд из восьми промежуточных случаев, от разрыва между Эллинской и Западной цивилизациями в одном крайнем случае до непрерывности Египетской цивилизации в другом*. Средний ряд, видимо, представляет неразрывную цепь градаций, связывающих два полюса диапазона. Если историю Египетской цивилизации рассматривать как непрерывную, то кажется произвольным брать Вавилонскую цивилизацию в качестве отдельного представителя рода вместо того, чтобы рассматривать ее в качестве поздней фазы Шумерской цивилизации. К концу шкалы кажется произвольным относиться к Православной христианской цивилизации как к поздней фазе Эллинской, если рассматривать Западную цивилизацию как отдельную представительницу рода**. Я признаю, что впоследствии я должен был бы прийти к определенным решениям относительно случаев, в которых я сомневался. Успехи археологии разрешили случаи с предполагаемыми мною Мексиканской и Юкатанской цивилизациями, прояснив для меня, что цивилизация доколумбовой Центральной Америки непрерывна, что исключает разрыв в ее течении и разграничении ее культурных провинций. Я должен был также разрешать остающиеся неясные вопросы, и я сделал это в предыдущих главах данного тома. Я пришел к выводу, что предлагаемые мною Вавилонскую, Дальневосточную (основную) и Индуистскую цивилизации должно в итоге рассматривать только как более поздние фазы Шумерской, Китайской и Индийской цивилизаций соответственно. С другой стороны, я решил, что обозначенные мною Православная христианская

* Это особый случай общего явления. «Оба фактора — культура и события истории — непрерывны как по месту обитания, так и во времени. Каждое размежевание, следовательно, есть выбор» (*Kroeber A. L. Style and Civilizations. P. 154*).

** Даже право рассматривать Запад как отдельную от Эллинской цивилизацию оспорено таким выдающимся авторитетом, как Э. Г. Кертиус.

(основная) и Исламская цивилизации претендуют на то же самое, что и Западная цивилизация, то есть на рассмотрение в качестве отдельных цивилизаций.

Будучи уверен, что эти заключения верны, я вместе с тем признаю, что в них наличествует элемент субъективности, однако я думаю, что здесь субъективность присуща явлениям, а следовательно, неизбежна. Вполне можно, например, допустить, что предлагаемая мною Православная христианская цивилизация (основная) претендует на то, чтобы быть отдельной, тогда как я не допускаю подобной претензии со стороны цивилизации, названной мною Дальневосточной (основной).

Я уверен, что был прав в своем разном отношении к этим двум случаям, и это подтвердил контраст между соответствующим состоянием дел в православном христианстве и Китае в конце двух историй, в тот период, когда обе цивилизации были на грани утраты своей идентичности вследствие вестернизации. В 1961 г. восточная христианская Церковь все еще была главным институтом нерусских православных христиан, поскольку последние из последовавших аватар² Римской империи в основной массе православного христианства угасли, когда Оттоманская империя была ликвидирована в 1922 г.³ Напротив, в Китае к тому моменту буддизм, который, когда-то казалось, достиг того же влияния в Восточной Азии, что и христианство в Византии и на Западе, давно был присвоен местной Китайской цивилизацией. В Китае в 1961 г. еще были живы многие люди, родившиеся при маньчжурском режиме⁴, аватаре империи Цин-Хань, и могущие помнить падение режима, — люди, воспитанные на конфуцианской классике. Разница между исходом этих двух историй, вероятно, дает основания для разного отношения к ним. Хотя, если даже полностью принять в расчет все эти различия, сходство между ними остается удивительным. В обоих случаях жизнь цивилизации в этой фазе сдерживается двумя институтами, одним местным и мирским, а другим иноземным и религиозным. В обоих случаях местный мирской институт был воскресшим мировым государством, а иноземный институт был миссионерской религией. Воскресшая Китайская и воскресшая Римская империи — несомненные двойники друг друга, равно как и буддизм в Китае, и христианство в Восточной Европе. Эта схожесть конфигураций двух историй имеет столь очевидную историческую важность, что, даже если различие между двумя историями считается более важным, все еще кажется неоправданным отвергать претензию предполагаемой Дальневосточной цивилизации (основной) на независимость, в то же самое время признавая предложенную Православную христианскую цивилизацию. Здесь тем не менее следует заметить, что произвольность присуща самому явлению, а не привнесена мной в ходе интерпретации их.

Следующий блок критики, которую я должен рассмотреть, состоит в том, что я отношусь ко всем расцветшим цивилизациям как к «философски эквивалентным» друг другу, не отделяя цивилизации, являющиеся «высшими», от «вторичных или периферийных». Я не решился делить расцветшие цивилизации моего списка на две категории, согласно их важности и ценности. Особенно рискованно было бы пытаться оценить относительную ценность и важность тех цивилизаций, которые были вновь открыты археологами. Это — приятные дополнения к материалам для сравнительного изучения, находящимся в нашем распоряжении. Для этой цели они необходимы. В то же самое время наши знания о них слишком скудны и слишком односторонни, чтобы мы могли позволить себе попытку оценить их, основываясь на знаниях, полученных главным образом из оставленных ими материальных памятников; и даже в тех случаях, когда ископаемые цивилизации были письменными и их документы частично добыты и расшифрованы, эти письменные источники — фрагментарны*. Также рискованно пытаться выявлять сравнительную ценность цивилизаций, о которых у нас еще меньше информации. Отношение и чувство исследователя, проводящего сравнительное изучение, к цивилизации, в которой он был рожден, на чьей классической литературе он был воспитан, никогда не может быть таким же, как его отношение и чувство к другой цивилизации, с которой его связывают менее тесные узы.

Таким образом, любая попытка классифицировать цивилизации согласно их относительной идентичности широко откроет дверь для навязывания субъективных суждений**. Мы не можем с пользой или хотя бы без опаски решиться посягнуть на эту область до тех пор, пока не найдем какого-либо объективного критерия. Его не обеспечивает предложенное Бэгби разграничение между цивилизациями, которые являются сателлитами других***, и цивилизациями,

* Письменные памятники Эгейской (Минойско-элладско-микенской) цивилизации сейчас расшифрованы Майклом Вентрисом⁵, но мы все еще знаем слишком мало об этой цивилизации, чтобы судить о ней, классифицируя ее, вслед за Бэгби (Op. cit. P. 169) — как принадлежащую скорее к «вторичному», чем к «основному» классу.

** Суждение Бэгби, что «Сиро-финикийская» (в моей трактовке «Сирийская») цивилизация была вторичной, будет оспорено многими, использующими финикийский алфавит и почитающими бога евреев. Но конфликт оценок неизбежен и неразрешим.

*** Цивилизация-сателлит безусловно и обязательно будет менее важной и менее ценной, чем независимая цивилизация, от которой произошла ее культура. Русская и Иранская цивилизации, например, фигурируют как сателлиты, но Русская цивилизация ничем не посрамила себя перед лицом Византийской или Западной цивилизации, равно как и Иранская сохранила свое достоинство относительно Шумеро-аккадской или Сирийской.

которые независимы от любых других современных им цивилизаций, хотя они могут быть удочеренными одной предшествующей цивилизацией или более чем одной. При распределении расцветших цивилизаций между этими двумя категориями* мы должны классифицировать их согласно реальным основаниям — хотя здесь мы можем обнаружить неразрывную цепь градаций между общественными единицами, которые были, очевидно, не цивилизациями в собственном смысле, а только более или менее провинциальными вариантами цивилизации, породившей ряд отстоящих от центра модификаций. Как, например, мы должны классифицировать Элам и Урарту? Были ли они провинциями Шумеро-аккадского мира или были его сателлитами? И как мы должны классифицировать Италию последнего тысячелетия до н. э.? Была ли она сателлитом Эллинского мира или же его провинцией? Во всех случаях, когда мы вынуждены провести разделительную линию через некоторую точку в последовательно расположенном ряду, в нашем решении, каким бы оно ни было, неизбежно присутствует элемент произвольного или субъективного.

Следующий пункт критики — что мой список «задержавшихся в развитии цивилизаций» непостоянен — можно признать правомерным. Если бы я использовал выражение «примеры задержки» вместо «задержавшиеся в развитии цивилизации», я бы избежал этой критики и мне не пришлось бы оправдывать позицию, которой я пытаюсь придерживаться в этой главе. На деле только одна из моих так называемых «задержавшихся в развитии цивилизаций», Кочевническая, действительно квалифицирована так, чтобы носить метку «цивилизация»; и Кочевническая цивилизация находится в классе сателлитов. Османы и спартанцы были общностями внутри обществ вида цивилизаций; каждая из этих двух общностей была фрагментом цивилизации, ни одна из них не была цельной цивилизацией сама по себе**. Что касается эскимосов, то их можно классифицировать

* Бэгби указывает, что «все живущие цивилизации, основные или вторичные, стали периферийными относительно Западноевропейской в течение последних двухсот лет». В том же самом смысле Сирийская, Египетская, Шумеро-аккадская стали «периферийными» по отношению к Эллинской в посталександровскую эпоху.

** У. Гуриан задается справедливым вопросом, понятно ли, что Спарта стоит особняком от остальной Эллады (The Review of Politics. Vol. 4, № 4 (Oktober 1942). P. 513). Такую же точку зрения высказывает Дж. Вогт (Saeculum. № 2. 1951. P. 557—574). Общность неизбежно становится на путь, ведущий к тому, чтобы стать отдельным обществом со своей характерной собственной цивилизацией, когда начинает идти не в ногу со всем своим прежним обществом. Примеры этого можно найти в современной главе истории Западной цивилизации. Кастильско- и португальскоговорящие народы как на Иберийском полуострове, так и в Америке лишь частично и

как находящихся на стадии предцивилизационного общества. Они обладают высокой культурой — но не на уровне цивилизации; и, как задержавшиеся в развитии, они сейчас находятся в той ситуации, в которой пребывают все предцивилизационные общества всех видов. Если бы я включил все цивилизации всех видов в этот обзор, я бы мог взять предцивилизационные общества как класс в качестве одного из моих примеров «задержки». Напротив, ограничив себя «цивилизационным» видом обществ, я мог бы найти примеры «задержки» в той сфере, где были завершённые цивилизации, а не фрагменты каких-либо цивилизаций, каковыми были османы или спартанцы. Я мог бы упомянуть все эти цивилизации после того, как они вошли в состояние универсального государства, были охвачены разнообразным кругом повторяющих его аватар. Но последующая задержка в развитии обществ этих двух категорий — не самая значимая черта их историй, а потому будет заблуждением обозвать их «задержавшимися в развитии» цивилизациями, просто исходя из того, что они задержались на последней стадии своего становления. Феномен «задержки», я не могу это не подчеркнуть, сам по себе — значимый аспект человеческих деяний. Я также смею утверждать, что все четыре примера, которые я взял в качестве иллюстраций, поучительны. Но, как показывают эти примеры, феномен «задержки» можно проиллюстрировать, не вводя класс «задержавшихся в развитии цивилизаций» в классификацию всех обществ этого рода. Следовательно, я вычеркну этот класс из моей таблицы.

Что касается моего списка недоразвившихся цивилизаций, то я согласен, что он неполный. Бэгби прав, говоря, что было нелогично не включить в эту категорию Монофизитскую христианскую цивилизацию, в то время как я включил в нее Несторианскую. Здесь опять, как в компиляции списка цивилизаций-«сателлитов», требуется объективный критерий. Недоразвившуюся цивилизацию надо определить как ту, чьи наследники пытались и не сумели сыграть свою особенную роль, которую впоследствии успешно сыграли наследники какой-либо другой цивилизации. Когда это происходит,

без особого энтузиазма приняли участие в общей западной духовной революции конца XVII в. В XIX и XX вв. пруссаки не разделяли общей перемены в чувствах относительно института войны, которое начало охватывать западные народы в ту эпоху. «Другие люди» Запада постепенно приходили к пониманию того, что войну следует рассматривать как варварский и преступный анахронизм. Пруссак же продолжали прославлять ее. Эти расхождения заставляли другие незападные народы смотреть на иберийские народы, как на Дон Кихотов, а на пруссаков — как на новых варваров, грозных и в то же время жестоких. Спартанцы были пруссаками Эллинского мира, и с того момента, когда они развили свои своеобразные институты, на них начали смотреть косо другие эллины.

первая из двух соревнующихся цивилизаций меркнет. Она или исчезает полностью, или выживает как пережиток, вся истертая и побитая. Например, Несторианская и Монофизитская христианские цивилизации были двумя успешными попытками избавиться от господства Эллинской цивилизации над христианской Церковью и Римской империей. Это государство стало анахронизмом в V в. от Р. Х. в мире, в котором к тому времени Сирийская и Эллинская цивилизации смешались, дав общую культурную почву для всех бывших сирийских и эллинских народов, кроме евреев и самаритян. Так или иначе ни несториане, ни монофизиты не оказались достаточно сильными, чтобы доказать свое преимущество над эллинскими «империалистами» (мелькитами). Несториане были вытеснены из Римской империи; монофизиты были загнаны в подполье. В предприятии, которое они попробовали продвинуть и не сумели довести до конца, впоследствии преуспели мусульмане. В результате сирийско-эллинский «культурный компост» породил Исламскую цивилизацию, в то время как несториане и монофизиты выжили только в диаспоре или цитадели*. Где бы мы ни обнаружили, что одна цивилизация была вытеснена другой, это дает нам ключ. Любая вытесненная цивилизация — потенциальный кандидат на место в списке цивилизаций, которые были недоразвившимися.

Следующая для меня задача — объяснить причину перемен в нашей картине исторических фактов, произошедших в основном благодаря новейшим археологическим открытиям.

Одной из таких перемен был пересмотр нашей оценки относительной важности различных провинций той или этой цивилизации. Это касается случаев, когда отдельные провинции, принимали в свое время угрожающие размеры, вследствие чего мы оказались сравнительно хорошо информированы о них. В некоторых из этих случаев непропорционально раздутое некогда значение

* Главные монофизитские диаспоры сегодня — копты⁶ в Египте и армяне, разбредшиеся по всему миру. Главные сохранившиеся монофизитские цитадели — Абиссинское нагорье, Тюр Абдин и Ереванская республика на северо-восточном краю Армянского нагорья⁷. У несториан была цитадель в горах Хаккиари в Курдистане до тех пор, пока они не были искоренены и выгнаны оттуда турками во время Первой мировой войны. Нынешняя несторианская диаспора нашла свой новый дом в Чикаго, и патриарх несторианской Церкви поселился там. В XIII в. от Р. Х. крестьянство Ирака все еще считало себя несторианами⁸, поскольку они не стали монофизитами, и несторианская диаспора рассеялась от восточного берега Тигра до западного побережья Тихого океана через Иран, Трансоксанию, Евразийскую степь и Северный Китай; но к тому времени из-за роста ислама несторианство уже потеряло свой единственный шанс стать расцветшей цивилизацией сирийско-эллинской семьи наравне с Православной христианской и Западной христианской цивилизациями.

провинции теперь уменьшилось, поскольку мы лучше познакомились с соседними с нею провинциями и стали лучше осведомлены об их реальном вкладе в общую цивилизацию.

Классический пример перемены перспектив вследствие важных археологических открытий — это изменение наших представлений об Израиле и Иудее в Сирийском мире. К 1961 г. не прошло и сотни лет с того момента, как начались археологические исследования Сирийского мира, а в Палестине и того меньше. До этого характер истории Сирийской цивилизации был известен почти исключительно из одного источника, и отсюда мир прошлого строился в рамках той картины, которую этот источник предоставлял. Этим прежним фактически уникальным источником являлась литература израэлитов и иудеев, и эта литература, естественно, отводила Израилю *beau rôle* (благородную роль), выставляя их соседей в неблагоприятном свете. Это искажение правды через предрассудки одного-единственного сохранившегося письменного источника сейчас постепенно исправляется, благодаря раскопкам материальных источников, оставленных народами Сирийского мира. Когда раскопанные артефакты включают литературные памятники, такие, как тексты на глиняных табличках, начертанные в XIV в. до н. э. и представляющие собой финикийские религиозные стихи, которые были открыты в Рас аш-Шамре, исправление традиционной картины может быть существенным. Однако подобные находки трудно планировать заранее, но их можно ожидать. Возможно, они позволят увидеть неизраэлитские сирийские общности полностью реабилитированными; дальнейший успех в этой сфере полностью зависит от исследователей-археологов. Сохранившаяся литература израэлитов и евреев не только притягательна; она укрепилась на привилегированной позиции, став Священным Писанием как иудаизма, так и христианства. Поэтому мы можем догадываться, что важность новых археологических открытий в этом регионе тем не менее не сможет понизить «людей Писания» в глазах потомства, указав их истинный, соразмерный другим рост. Тем не менее даже в этой сфере прогресс археологических открытий, поскольку он свершился и неоспорим, уже ощутимо изменил традиционную картину.

Грядущие перемены, которые мы видим в Эгейском и Центральноамериканском мире, вероятно, окажутся более радикальными. В нашей бывшей картине этих двух миров Крит в одном случае, как и Петен и район Усумасинты⁹ в другом, в давние времена пользовались тем уникальным выдающимся положением, каким пользовались и пользуются до сих пор в нашей картине Сирийского мира Израиль и Иудея. Это привело меня к использованию в моем списке расцветших цивилизаций определений «Минойская» и «Майянская». Чтобы описать эти две цивилизации в свете последовавших

археологических открытий, я бы предпочел маркировать их как «Эгейская» и «Центральноамериканская» соответственно.

Непропорционально выдающееся положение минойской провинции Эгейской цивилизации и центральной майянской провинции Центральноамериканской цивилизации было, конечно, не так прочно, как непропорционально выдающееся положение Израиля и Иудеи в Сирийском мире. Первым недоставало двух мощных поддержек: древности и религиозных предрассудков. Минойцы и центральные майя приобрели свое непропорционально выдающееся положение благодаря случайности в истории археологических открытий. Так случилось, что их вынесли на свет раньше, чем их соседей; их водрузили на эту вершину археологи, которые были поражены своим открытием. Но всегда во власти того, кто делает королей, свергнуть своего вчерашнего фаворита. Настроение археологов склонно быть столь же безжалостным, сколь и восторженным, и они в конце концов переносят свои предпочтения на другие провинции, которые исследовались самыми последними. Перемена археологической картины Эгейского мира вынудила минойскую провинцию на Крите поблекнуть перед элладской провинцией на материке. Микенская последняя фаза Эгейской цивилизации последовала за падением минойского Кносса. Эгейская цивилизация распространилась на Крит, Архипелаг, равно как и на материк. Микенская фаза поднялась еще раз в общем мнении после периода, во время которого яркость минойской эпохи Эгейской цивилизации временно оставила ее без поддержки¹⁰. Произошла такая же перемена картины и Центральноамериканского мира. Когда открылись достижения Центральноамериканской цивилизации в целом, в области горных майя, на Мексиканском нагорье и вдоль «ольмекского» побережья Мексиканского залива, достижения этой цивилизации в Петене и районе Усумасинты относительно поблекли¹¹. В результате археологических раскопок Анатолии можно ожидать, что хеттов, Киццувадну и Трою ждет такая же перемена судьбы, как Крит и Петен, если археологи, которые вынесли на свет цивилизацию Анатолии III—II тыс. до н. э., последуют за новыми открытиями на восток и северо-запад, раскапывая все еще скрытые участки на юго-западе. Они сейчас приступают к работе в Бейс Султане, и их первые находки здесь просто замечательны и многое разъясняют¹².

Эти колебания маятника могли зайти слишком далеко. Археологи не только склонны быть безжалостными; кроме этого, они часто поддаются эмоциям и позволяют себе находиться под чрезмерным влиянием модных веяний.

Прогресс археологической науки, кроме того, имел и другие последствия. Он преодолел или уменьшил притягательность безусловных

перемен, которые, как оказалось, меняли взгляд на непрерывность истории в привычной картине мира.

Мы уже отметили пересмотр более поздними археологами интерпретации религии Осириса, представленной Бристедом в качестве духовной силы, которая была как революционной, так и пролетарской¹³. Эти перемены в интерпретации привели к тому, что непрерывность египетской истории стала выглядеть более несомненной, чем это казалось раньше. Непрерывность истории Северного Китая и Центральной Америки также была подтверждена археологическими открытиями. Расшифровка надписей на гадальных костях, открытых в Северном Китае в Аньяне, последней столице Шан, показала, что письменность, которую использовали в XIII в. до н. э., была идентична письменности, используемой в Китае по сей день¹⁴. В шанской версии этой письменности иероглифы сохраняют, конечно, старые формы, однако нынешние формы кажутся развившимися из шанских форм без какого бы то ни было разрыва традиции*. Это открытие доказывает непрерывность истории цивилизации в Китае от шанской эпохи до наших дней. Это археологическая очевидность, которая подкрепляет доказательства, сделанные на основе китайской литературной традиции эпохи Чжоу. Согласно ей, шанский народ и культура пережили завоевание Чжоу в убежище государства Сун¹⁶. Был, без сомнения, разрыв в непрерывности между эпохой Шан и эпохой Чжоу, и эта перемена произошла по той же самой причине, как и более насильственный разрыв между Эгейской цивилизацией и последовавшей за ней Эллинской, а в Индии между Индской цивилизацией и последовавшей за ней Индийской. В этих трех одинаковых случаях установившаяся цивилизация пострадала от столкновения с варварами, вовлеченными в Великое переселение народов¹⁷. Оценка всех относящихся к делу фактов, известных нам в каждом их трех случаев, кажется, не приводит к заключению, что в китайском случае разрыв непрерывности был достаточно велик, чтобы дать нам право классифицировать

* С другой стороны, надписи Эгейской цивилизации вышли из употребления, когда эта цивилизация исчезла (кроме сохранившейся версии эгейской письменности в некоторых отдаленных местах, особенно на Кипре). В обоих случаях, как в эгейском бассейне, так и в Индии, видимо, был впоследствии период, длившийся несколько веков, в течение которых искусство письма утрачивалось или, по меньшей мере, не применялось. Восстанавливалось оно через введение из-за границы новой письменности, которая не имела исторических связей с последней. Александрийский эллинский ученый III или II в. до н. э., чьим родным языком был греческий, но который использовал при письме алфавит финикийского происхождения, не имел бы лучшего начала, чем имел Вентрис для расшифровки надписей минойской эпохи, написанных по-гречески минойским линейным письмом «Б»¹⁵.

последующие события как историю новой цивилизации, тогда как в индийском и эгейском случаях разрыв был так четко обозначен, что было бы заблуждением относиться к последовавшим событиям, как к эпилогам историй прежних цивилизаций, а не как к историям новых цивилизаций.

В нашей картине центральноамериканской истории точно так же разрыв непрерывности в конце «классической» эпохи выглядит сейчас менее остро в свете недавних археологических открытий, чем он выглядел, когда нашими единственными источниками информации были легенды, выраженные в загадочных красочных рукописях или подробно изложенные испанскими исследователями, получившими их из вторых рук в результате испанского завоевания¹⁸. Эти письменные свидетельства предполагают, что к концу классической эпохи цивилизация в Центральной Америке ограничивалась центральным майянским районом (Петен и район Усумасинты) и что это была единственная в постклассическую эпоху цивилизация, распространившаяся из центра на север, в район Юкатана, на северо-запад, на Мексиканское нагорье, и на юг, в Горную Гватемалу. Через эту литературную призму Юкатан, например, выглядел как новая земля, не занятая какой-либо цивилизацией постклассической эпохи, и казалось, что он был занят сначала эмигрантами майя, пришедшими из заброшенной области центральных майя, за которыми последовали тольтекские эмигранты с Мексиканского нагорья. Эта картина предполагает, что первоначально Майянская цивилизация располагалась в области центральных майя и что вслед за распадом ее следовал подъем двух аффилированных цивилизаций, одной на Юкатане, а другой на Мексиканском нагорье. Ныне доказано, что этот отрезок из истории цивилизации в Центральной Америке неверен и вызвано это переменами в картине в результате новых археологических открытий. Мы сейчас знаем, что цивилизация на Мексиканском нагорье и в Горной Гватемале зародилась так же рано, как и в районе центральных майя, и, вероятно, еще раньше, чем вдоль «ольмекского» побережья Мексиканского залива. Мы теперь также знаем, что вариант центральных майя классической фазы Центральноамериканской цивилизации моментально распространился на Юкатан после того, как он воплотился на Тикале и Вашактуне. Постклассический майянский вариант Центральноамериканской цивилизации, таким образом, оказывается был пережитком, а не новым явлением.

Эти археологические открытия приводят к заключению, что в истории цивилизации Центральной Америки единство и непрерывность отвергают разрыв и различие. Это не означает, что здесь не было провинциальных особенностей бытия и разрывов непрерывности. Один такой разрыв произвел кумулятивный эффект таинственного

покидания классических местоположений, последовавшего за вторжением волн чичимекских варваров, сначала тольтекской волны, а позднее ацтекской с севера Центральной Америки на Мексиканское нагорье и затем далее на Юкатан. Этот конкретный разрыв непрерывности все еще выглядит значительным. В то же время сейчас уже нет необходимости объяснять точку зрения, что в этот период центральноамериканской истории старая цивилизация исчезает и появляются две новые цивилизации. Для равновесия было бы более поучительным относиться ко всей Центральноамериканской цивилизации, как к истории одной цивилизации¹⁹.

Сейчас мы в состоянии составить список цивилизаций. Он выглядит следующим образом.

I. Независимые цивилизации

A. Не относящиеся к другим:

Центральноамериканская*¹⁾

Андская

Не аффилированные другими:

Шумеро-аккадская*²⁾

Египетская

Эгейская*³⁾

Индская

Китайская*⁴⁾

*1) Охватывает не только Майяскую, Мексиканскую и Юкатанскую цивилизации, которые фигурируют в изначальном списке, но также классическую фазу Центральноамериканской на Мексиканском нагорье и Юкатане и в Горной Гватемале, что не было учтено в изначальном списке.

*2) Включает как Вавилонскую, так и Шумерскую цивилизации изначального списка. Вавилонская, последняя фаза характерной цивилизации низовий бассейна Тигра и Евфрата, все еще была Шумерской в своей вдохновляющей идее. Библиотека Ашшурбанипала²⁰ хранила тексты на шумерском языке с его словарями. Но тем не менее будет заблуждением маркировать как «Шумерскую» цивилизацию, принятую в Ассирии и Вавилоне в VII в. до н. э., учитывая, что к тому моменту шумерский язык был «мертвым» более чем тысячу лет. С эпохи Хаммурапи семитский аккадский язык заменил шумерский язык в качестве живого средства выражения Шумерской цивилизации. Тем самым название «Шумеро-аккадская» более выразительно, чем «Шумерская» для всего размаха цивилизации, которая не потеряла своей идентичности до I в. от Р. Х.

*** Охватывает не только Минойскую цивилизацию изначального списка, но также современный ей «элладский» вариант Эгейской цивилизации в континентальной европейской Греции, равно как и последнюю микенскую фазу обеих — Минойской и Элладской.

*4) Охватывает не только Китайскую цивилизацию изначального списка, но также Дальневосточную (основную) и докитайскую Шанскую.

Аффилированные другими (первая группа):

Сирийская (Шумеро-аккадской, Египетской, Эгейской и Хеттской)

Эллинская (Эгейской)

Индийская (Индской)*1)

Аффилированные другими (вторая группа):

Православная христианская (Сирийской и Эллинской)

Западная (Сирийской и Эллинской)

Исламская (Сирийской и Эллинской)

Б. Цивилизации-сателлиты:

Миссисипская

Юго-западная (Центральноамериканской)*2)21

Североандская*3)

Южноандская (Андской)*4)22

Эламитская

Хеттская (Шумеро-аккадской)

Урартская

Иранская (сначала Шумеро-аккадской, потом Сирийской)

Корейская

Японская (Китайской)

Вьетнамская

Италийская (Эллинской)*5)

Юго-восточноазиатская (сначала Индийской, затем — только в Индонезии и Малайе — Исламской)

Тибетская (Индийской)*6)

*1) Охватывает не только Индийскую цивилизацию изначального списка, но также и Индуистскую цивилизацию.

*2) То есть доколумбова цивилизация на территории современного юго-запада Соединенных Штатов.

*3) Там, где сейчас Эквадор и Колумбия.

*4) Север современного Чили и Северо-Западная Аргентина.

*5) Это могла быть цивилизация, общая и для этрусских эмигрантов, прибывших в Италию в последнем тысячелетии до н. э., и для народа, обосновавшегося в Италии до них. Общие элементы в их цивилизации (например письменность на кумском алфавите) были эллинского происхождения²³. Чувство зависимости цивилизации Италии в эллинскую эпоху от Эллинской цивилизации было так велико, что кажется более правильно рассматривать Италию той эпохи скорее как провинцию Эллинского мира, чем как его сателлита. Эллинская цивилизация приобретала сателлитов, но не до посталександровской эпохи. В ту эпоху Шумеро-аккадская, Египетская и Сирийская цивилизации стали сателлитами Эллинской до того, как потеряли свою национальную идентичность. Как следствие притягивания Сирийской цивилизации в свою сферу, Эллинская цивилизация потеряла свою идентичность в эллинско-сирийской культурной смеси.

*6) Включая монгольских и калмыцких обращенных в тибетскую разновидность буддизма махаяны.

Русская (сначала Православной христианской, затем Западной)*

II. Недоразвившиеся цивилизации:

Первая Сирийская (поглощена Египетской)²⁴

Несторианская христианская (поглощена Исламской)**

Монофизитская христианская (поглощена Исламской)

Дальнезападная христианская (поглощена Западной)²⁵

Скандинавская (поглощена Западной)***

Космос средневековых городов-государств (поглощен современной Западной)

СЛЕДУЮЩИЙ УСТУП

В предыдущих томах этой книги я сравнил положение человечества в современную эпоху со скольжением скалолаза в пропасть. Под нами лежит уступ, преодолев который наши до-человеческие предки стали людьми. В Эпоху цивилизаций человечество предпринимает ряд попыток взобраться по поверхности скалы, которая громоздится над уступом, достигнутым первобытным человеком. Следующий уступ

* Русская цивилизация была не единственной, втянутой в сферу Западной цивилизации начиная с последних десятилетий XVII в. Два нерусских православных народа — греки и сербы — начали вестернизироваться так же рано, как и русские. С тех пор одно нерусское общество за другим следовало по русскому кильватеру. Действительно, сейчас, в 1961 г., может быть трудно найти какое-либо существующее незападное общество цивилизационного или предцивилизационного типа, которое не стало бы сателлитом западного в той или иной степени. Такое отношение между ними и Западом могло так или иначе оказаться только преходящей фазой, судя по тому, что произошло после втягивания Сирийской цивилизации в поле Эллинской. В свете этого исторического прецедента кажется вполне вероятным, что цивилизация Запада и ее сателлиты смешаются в новую Ойкуменическую цивилизацию, используя вклад каждого.

** Это, как отмечает Бэгби, недоразвившаяся цивилизация, маркированная как «Дальневосточная христианская» в моем изначальном списке.

*** В неопубликованной статье о моей работе под заголовком «Betrachtungen über Arnold J. Toynbees Deutung des Menschheitsgeschehens» О. Хевер задается вопросом, прав ли я, классифицируя Дальнезападную христианскую и Скандинавскую цивилизации как недоразвившиеся. Он отмечает, что обе цивилизации имели за спиной долгую историю. Я согласен, но, как я вижу, Ирландия до V в. от Р. Х. и Скандинавия до IX в. от Р. Х. были все еще на предцивилизационной стадии. См. его же: *Buchführung und Bilanz der Weltgeschichte in neuer Sicht: Zu A. Toynbees Deutung des Frühzeitlichen Menschengeschehens // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 1949/50. Heft 3. S. 247–259.*

выше по скале, и в отличие от уступа, находящегося непосредственно внизу, он невидим скалолазам, которые упорно стремятся достичь его. Их подгоняют неумное желание рисковать своими шеями в надежде взобраться на этот следующий уступ и вера в то, что это стремление имеет смысл.

Это стремление — миф в платоновском смысле этого слова¹. Франкфорт отмечает*, что я пришел к этому не эмпирическим путем, то есть не индукцией от наблюдаемых явлений. Точно такую же точку зрения выражает не субъективно, а в общих терминах Эрдманн**. Проблему «историзма»², утверждает Эрдманн, может решить прогресс общественных наук. Но общественные науки изучают лишь то, что лежит на поверхности, а Эрнст Трельч признал, как напоминает нам Эрдманн, что «историзм — проблема, которая указывает на нечто вне ее самой (*ein über sich hinausweisendes Problem*)». В этой фразе Трельч демонстрирует момент, столкнувшись с которым Платон всегда сознательно обращался к мифу. Мифы — неинформативны, если они не превышают опыт, и они ничем не оправданы, если противоречат ему. Должен сказать, что моя метафора о скалолазе согласуется с опытом человечества в эпоху цивилизаций. Сами цивилизации — это динамические процессы, целенаправленные движения, нацеленные на объект; и эти движения осуществляются не только на обозримом для нас промежутке истории человечества. Им предшествовал ряд более ранних импульсов, за счет которых человечество постепенно набирало ход, причем с каждым новым импульсом этот ход ускорялся. Более того, в течение менее двух с половиной тысяч лет с момента появления первых цивилизаций возникли самые ранние высшие религии, усилившие импульс до еще более высокого уровня. После того, как мир испытал шок Первой мировой войны, «шатры были убраны и караван человечества снова двинулся в путь», — как образно заметил Сматс***. Это была правда поколения, пережившего этот шок; но не в меньшей степени правда всех предыдущих поколений, от которых сохранилось хоть одно свидетельство.

Хотя цель продолжающихся и нарастающих усилий человечества еще скрыта за горизонтом, мы тем не менее знаем, что она собой представляет. Мы можем различить ее, не предсказывая будущее, но взглядевшись внутрь, ибо цель человечества четко определена самой человеческой природой. То, что превратило наших до-человеческих предков в людей, было приобретением их совести

* *Frankfort H.* The Birth of Civilisation in the Near East. P.25–26.

** *Erdmann K. D.* Archiv für Kulturgeschichte. Bd XXXIII, Heft 2 (1951). S. 181–182.

*** *Smuts J. C.* The League of Nations: A Practical Suggestion. London. 1918. Hodder & Stoughton. P. 71.

и воли*. Эти два духовных дара — характерные черты человеческой природы, и их свойства амбивалентны. Они оба являются и сокровищем, дающим нам надежду, и бременем, которое подвергает нас опасности. Их проявление у Человека разорвало единство Вселенной и нарушило ее гармонию для каждой сознательной, обладающей волей человеческой души. Цель человеческих знаний и свободы — интеллектуальная ответственность. Каждый из нас видит Вселенную, разделенную между ним самим и всем остальным; и каждый из нас стремится сделать себя центром, вокруг которого будет вращаться все остальное. Это свойство человеческой природы ставит цель человеческой природе. Ее интеллектуальная цель — увидеть Вселенную так, как видит ее Бог, вместо того чтобы видеть ее искаженно, с позиции одного эгоцентричного Божьего создания. Моральная цель человеческой природы — заставить собственную волю сочетаться с волей Бога, вместо того чтобы следовать своим собственным эгоистичным целям.

Немногие человеческие души, если вообще таковые есть, были вовсе не осведомлены об этой цели или полностью равнодушны к ней. Святые посвящали себя поиску ее, и некоторые из них были на волосок от достижения ее — как это казалось очевидцам их быстрого духовного роста, но отнюдь не самим духовным подвижникам. Ценность цели заключается в самой цели; а потому цель невозможно достигнуть до тех пор, пока не будешь ей следовать ради нее самой. Но пока возмездием за грех остается смерть (Римл. 6: 23), и эту правду постоянно подтверждает опыт, верх всегда будет брать утилитарное побуждение, равно как и бескорыстие, руководствующееся тем, что оно — праведно. В наши дни утилитарное побуждение стало подавляющим, подпитываясь гигантским ростом силы, которую знание и свобода сосредоточили в руках человека. Сила человека многократно увеличилась, но даже она не властна над человеческой душой. Силы человеческой души отнюдь не увеличились в течение обозримого исторического времени, поскольку, как можно догадываться, люди не стали лучше, а святые сейчас встречаются не чаще, чем, скажем, в раннем палеолите³. Сила, которая аккумулируется и растет, — это коллективная сила овладения внечеловеческой природой. Сейчас, когда эта коллективная сила человечества приближается к опасной возможности стереть с лица

* Реальность человеческой свободы признают люди, имеющие самые противоположные воззрения на сей предмет... «Рационалисты... полагают, вероятно, что в определенных биологических пределах Человек свободен. Эта свобода для них тем не менее — ни свобода «Закона Божия», ни очевидность присутствия чего-либо сверхъестественного в человеческих делах. Эта свобода для них — биологическое явление, так и только так» (*Savelle M. The Pacific Historical Review. Vol. XXV, № 1 (February 1956). P. 56–67).*

планеты все живое, требуется незамедлительно выработать некие механизмы достижения справедливости, причем не только ради нас самих, но и ради нашей уверенности в самосохранении.

Может показаться, что в поисках этой цели у нас есть выбор между двумя путями: один — каменистый и узкий, другой — ровный и широкий. Трудный путь достижения справедливости — каждому быть справедливым. Это тяжело, но этот путь, несомненно, открыт, и это путь, по которому идут святые. Легкий путь — это подчинение «обусловленности»⁴, запрограммированной заданности. Он определен неспособностью людей выбрать что-либо иное, кроме навязываемого извне. Это путь общественных насекомых на Земле или ангелов на Небесах, если мы предпочитаем говорить на языке христианской мифологии. До сих пор на живой памяти людей этот пчелиный или ангельский путь, то есть творение справедливых дел вне сомнений и воли, в силу заданности, человечеству не доступен. Возможность заданности, программирования человеческих душ, как и возможность геноцида, появилась на горизонте человечества за время нашей жизни. Когда в 1932 г. был опубликован роман О. Хаксли «О, дивный новый мир», понятие «промывание мозгов» было не более чем продуктом антиутопического полета фантазии. К 1961 г. оно стало частью беспрестанно растущего человеческого знания. Учитывая, что эти два новых зловещих преступления — геноцид и манипулирование сознанием людей — стали осуществимы одновременно, человечество должно настойчиво искать способы защиты от геноцида, осуществляемого в результате молчаливого согласия подчиняться чужой воле. Если бы встал вопрос выбора из двух зол, то людям было бы трудно решить, что самоуничтожение их собственной расы — меньшее из двух зол. Подвергнуться «промыванию мозгов» и стать управляемым показалось бы менее ужасным выбором, чем быть уничтоженным; и, даже если бы кого-то такое подчинение не слишком прельщало в качестве единственной реальной альтернативы уничтожению, оно было

* Авторы методик манипулирования сознанием маскируют свои истинные цели, восхваляя его антитезу — самоопределение. Ф. А. Хайек высказывает точку зрения, что требование сознательного контроля и выбора социальных целей означает в результате требование даровать одному уму и одной воле контроль над всеми остальными. Это означает, по мнению Хайека, что «сознательный» и «обдуманый» — понятия, которые соответствуют своему значению, только когда относятся к личностям» (*The Counter-Revolution of Science*. P. 87). Так или иначе, безусловно, есть альтернативная возможность осуществлять сознательный и обдуманый контроль совместно, суммой умов и волей на основе достижения и поддержки согласия друг с другом. Если это невозможно, то такое образование, как человеческое общество, вообще не может существовать. Для человеческого общества, в отличие от общества насекомых, не характерно автоматическое инстинктивное поведение.

бы привлекательно само по себе, освобождая от груза совести и воли*. Этот груз, присущий человеческой природе, — тяжелый груз. Мы рождены обремененные им, и он приговаривает нас к пожизненному служению, напряжению и борьбе. Если бы мы избавились от него, то смогли бы расслабиться и отдохнуть. И, если возможность избавиться от него наконец-то становится доступной, почему бы не воспользоваться ею? Груз навязан нам без спроса. Какое обязательство продолжает давить на нас, если мы уже усвоили, как освободиться от него? Притягательность «оболванивания» сродни притягательности наркотиков и спиртного.

Один благовидный аргумент в пользу того, чтобы согласиться быть «оболваненным», — в конце концов, эта практика стара, как мир. Стоит ли нам изобретать что-то новое или более спорное, когда есть возможность привести к логическому заключению человеческую практику, которая, безусловно, стара, как само человечество или даже старше? Человеческое общество вряд ли способно выжить без сознательного и обдуманного согласия, но его также трудно представить без оков привычек, и если правда, что до-человеческие предшественники едва ли могли стать людьми, не став прежде всего социальными животными, то привычка, должно быть, всегда была одним из ключевых институтов человеческой жизни. Наши привычки привиты нам нашим образованием. Это в широком смысле слова общественное обучение протяженностью в жизнь. Жизнь учит нас действовать по принципу мимесиса⁵, не рассуждая. И столь ли огромна пропасть между обучением и обработкой мозгов, «оболваниванием»? И может быть, справедливо рассматривать «промывание» мозгов как метод социального обучения, осуществляемого предельно эффективным способом?

Этот аргумент опровергает ряд контрположений. Может быть, правда, что люди не в состоянии поддерживать свое общественное устройство, не прибегая к помощи мимесиса и не прививая социальное обучение. Но дорога, ведущая к обществу без мимесиса, весьма коротка; и тот факт, что, может быть, людям трудно избежать подражания, не может затмить в наших глазах другой факт, что мимесис является опасной слабостью общества. Мимесис опасен по той причине, что он — удобен. Он частично анестезирует нашу человеческую способность думать и выбирать, и это может расстроить человеческое общество, парализовав человеческую природу. Если мимесис может быть столь разрушительным, то «оболванивание» может быть просто губительным. Так что различие между «оболваниванием» и социальным обучением — одно из тех различий, которые равны видовым различиям.

Основные способы социального обучения, заставляющие вертеться колеса общества в любой период времени и в любой

стране, являются глубоко спонтанными и неорганизованными. Даже в тех случаях, когда они принимаются осознанно, как, например, в коммерческой рекламе, в религиозной проповеди и богослужении, в строгом военном обучении на спартанском или прусском учебном плацу, они не способны произвести необратимую перемену в человеческой природе. Пирог из привычек, слепленный социальным обучением, можно разломить, а если это так, то человеческая природа остается нетронутой. Чтобы разломить его вопреки сильной общественной привязанности к нему, несомненно, требуются мужество и непоколебимость героя; но святые и мученики всегда оказывались на высоте положения; да и обычным людям иногда удавалось разломить этот пирог, если они покидали социальную среду, в которой он был слеплен. Известно, что за границей спартанец резко сбрасывал оковы своего ликургова воспитания⁶, пускаясь в крайний разгул, а тысячи немцев, которые эмигрировали в Соединенные Штаты, будучи до этого пропущены через молотилку прусской армии, становились гражданами, наслаждающимися демократическим обществом. Напротив, цель «оболванивания» — навсегда лишить людей способности думать и желать, а поскольку это та способность, которая побуждает нас делать выбор между добром и злом, значит, мы имеем дело с попыткой разрушить саму человеческую природу. Возможно, на сегодняшний день мы еще не знаем достаточно о ее результатах, чтобы судить, достигнута ли цель. Однако мы знаем так или иначе, что в наши дни «промывание мозгов» отдано в руки профессионалов; и мы также знаем, что новая наука — психология — вооружила их адскими приспособлениями, которыми в прошлом не располагали ни строевые сержанты-инструкторы, ни священники, ни мастера-ремесленники.

Поэтому мы должны остановиться и подумать не дважды, но много раз, прежде чем позволить подвергнуть самих себя подобной обработке. Это может выглядеть как ниспосланный с небес механизм для подъема нас на уступ над нами до того, как придет время новому военному геноциду уничтожить нас. Хотя уступ, на который технические приемы «промывания мозгов» могут переместить нас, окажется отнюдь не последним и тем более не верхним. Верхним по-прежнему будет уступ, которого мы достигли, став людьми. Теперь мы можем оказаться на уступе, расположенном ниже его — уступе, уже достигнутом нашими предками, когда те стали человекообразными животными, — уступе, на котором, по сути, все еще обитают социальные насекомые. Вместо того, чтобы сделать быстрый шаг вперед, нас призывают сделать два быстрых шага назад. Психологическая машина, которую мы ошибочно приняли за лифт, оказалась прессом.

Исследователь социальных насекомых* выдвинул интересное предположение. Масштабные альтруистические действия, которые волей-неволей совершаются социальными насекомыми, как мы знаем, могли быть изначально исполняемы этими далекими предшественниками «заорганизованных» созданий как акты свободного выбора, вызванные разумной мыслью. Для Хингстона эта идея была, возможно, не больше чем игра ума, но миф о внечеловеческом порядке существ может пролить свет на прошлое человечества, так же как и на наше возможное будущее. Это верно, что наши предшественники стали социальными животными прежде, чем стать людьми, наделенными совестью и волей. Эти до-человеческие социальные животные, вероятно, были призваны исполнять свои социальные функции, подобно социальным животным — пчелам, муравьям и термитам. Актом, который превратил наших предков в людей, должно быть, было спасительное восстание против их наследственного духовного рабства. Вероятно, оно явилось успешным утверждением ранее и во сне не снившейся свободы думать и выбирать, а это — главные способности, которые мы сейчас признаем характерными чертами человеческой природы.

А как же быть со свободой ангелов? Христианская мифология представляет ангелов исполняющими волю Божью автоматически, как это заложено в социальных насекомых, но она также доносит до нас историю о войне на Небесах, когда сатана восстал против Бога, и ангелы — приспешники сатаны — встали — кто на сторону Бога, а кто — на сторону бунтаря. Эта история предполагает, что во время бунта сатаны ангелы располагали свободой выбора, которой обладают люди. Следует ли согласовать эти две области ангелологии, предположив, что лояльные Богу ангелы были вознаграждены, получив с этого времени иммунитет против совершения греха сатаны? Если их природа действительно изменилась таким образом, было ли это реальной наградой? Не правильнее ли назвать это превентивным наказанием? С точки зрения человека, награда эта выглядела бы как духовное увечье, которое лишило лояльных ангелов величайшего прежнего духовного сокровища. И если падшие ангелы сохранили свою антропоидную духовную свободу, не было ли это бульшим, чем компенсация за низвержение с Небес в Бездну. Не оказались ли эти свободные падшие ангелы в Аду на духовно более высоком уступе, чем их соратники, которые остались на Небесах ценой того, что лишились воли и права выбора? В любом случае свободные ангелы, даже падшие, духовно ближе нам, людям, чем те, что добровольно избрали путь покорности. Уважающие

* *Hingston R. W. G. Problems of Instinct and Intelligence. London: Arnold, 1928. P. 268.*

себя люди, несомненно, одобряют изречение Зенера, гласящее, что «Человек — не ангел, но, пытаясь стать таковым, он лишает себя чего-то такого, что присуще только его бытию»*.

Свобода суверенной человеческой личности — проклятие, ибо она — источник духовного зла человека, но в то же время она и единственный источник духовного добра в нем. Мы признаем ее ценность, когда оказываемся под угрозой лишения ее. Быть «оболваненным» и ведомым — смертельное зло само по себе, даже если наш «необолваненный» брат по разуму, который взялся опекать нас, делает это целиком и полностью из благих побуждений, а не из своих эгоцентричных целей, руководствуясь лишь тем, чтобы наши воли полностью соответствовали воле Бога, как наш человеческий «пастырь» видит ее**. Однако воля Бога не может быть исполнена одним под диктовку другого. Каждый из нас должен через свой собственный тяжкий труд и свой собственный риск пытаться открыть для себя, чего желает Бог.

С того момента, как Человек стал существом социальным, риск и труд каждого стали риском и трудом и его собратьев по разуму. Это — неотъемлемая привилегия и наказание за человеческое бытие***. Мы можем уйти от этого, только отказавшись быть людьми, и человеческая природа восстает против попыток переменить ее, совершив подобное самоотречение. В прошлом тем, кто претендовал на роль тиранов, часто расстраивала планы неожиданная непокорность со стороны потенциальных жертв. К счастью для человечества, человеческая природа более упряма, чем овечья. Это и явилось спасением человеческого сообщества; однако вплоть до наших дней нашей упрямой человеческой натуре все-таки не приходилось сталкиваться

* *Zaehner R. C.* At Sundry Times. London: Faber, 1958. P. 168.

** Впрочем, тот, кто берет на себя труд опекуна, искренне пытающегося настроить своих братьев по разуму на исполнение воли Бога, должно быть, и сам имеет внутренне противоречивое представление о том, что есть воля Бога. Сам опекун будет нуждаться в пастыре *ex hypothesi*. Если бы он сам не был во власти своей человеческой природной сознательности и воли, он был бы не в состоянии даже поставить себе цель «оболванивания» своих собратьев по разуму, а тем более работать в этом направлении. Но он может разумно предположить, что именно Бог сделал так, чтобы он и его собратья по разуму отличались друг от друга. Что хорошо для одного, должно быть хорошо для остальных, если вопрос касается фундаментальных свойств человеческой природы. Следовательно, по собственным понятиям добровольного пастыря, Бог должен желать, чтобы пастырь и сам был ведом, как и его подразумеваемые жертвы, а значит, неспособен нести свою самоприсвоенную миссию, или, напротив, Бог должен желать, чтобы подразумеваемые жертвы «оболванивания», как и сам их опекун, были «необолваненными», и тем самым Он должен не одобрять цель опекуна.

*** *Gürster E.* Die Neue Rundschau. 13. Heft (Winter 1949). S. 140–141.

с таким психологическим оружием, которым владеет современный тиран. В этой новой ситуации нам, возможно, придется сражаться не жалея сил, чтобы защитить свободу личности, которой мы обладаем по праву рождения. Мы держим в руках этот ценный дар не как собственники, а как опекуны. Наше собственное «я» является нашим для того, чтобы мы использовали его не для своих личных целей, а для служения Богу. Неосознанный и невольный путь ангелов и социальных насекомых — это не путь людей.

Если это — наше решение, то оно приговаривает нас к альтернативному выбору. Люди должны будут попытаться последовать по пути святых; и это, безусловно, очень тяжело. Человек, который выходит на этот путь, вовлекается в вечную борьбу и подвергает себя вечной опасности; и даже ценой этого несчастья цель искателя никогда не может быть достигнута полностью. Это невозможно, потому что человек, восходящий до святости, не подвергается духовной мутации. Он становится созданием иного рода*. Характерные черты человеческой природы — свобода человеческой совести и человеческой воли; и эта свобода — духовный инструмент как святого, так и обычного человека. Цель стремлений святого — не стерилизовать свою духовную свободу, а заставить ее работать на служение Богу. Это служение — совершенная свобода, если оно исполняется совершенно; но святой будет мучительно осознавать бездну — невидимую взору обычного человека — между тем, что ему удалось достичь, и совершенным идеалом. Как хорошо сказал Берковиц, нет совершенства ни в этом мире, ни в каком-либо ином, но только в Боге, и это означает, что борьба с эгоцентризмом человеческой души — даже души святого — будет нескончаемой**.

Если это так, то значит следующий уступ, если мы сумеем достичь его, не окажется местом привала. Отдых не может быть обеспечен людям в этом мире средствами общественных институтов, даже если они столь восхитительно спроектированы, что способны реагировать на нужды времени и решать возникающие проблемы.

«Как бы ни были велики в ближайшем или более отдаленном будущем возможности различных институций, организаций,

* Ранее я процитировал отрывок из книги Бергсона «*Les Deux Sources de la Morale et de la Religion*», где он предполагает, что стать святым означает стать чем-то вроде «супермена». Если это действительно мнение Бергсона, то, пораскинув умом, я не могу согласиться с ним, если под «суперменом» понимается внечеловеческое создание, которое обладает иммунитетом против возможности сделать неправильный выбор. Иммунитет может быть приобретен только ценой потери права делать любой выбор, правильный или неправильный.

** *Berkovitz E. Judaism: Fossil or Ferment? P. 125–126.*

федераций, истиной останется то, что ничто из достигнутого на историческом пути не может сохраняться навсегда. Не существует никаких созданных людьми организаций, которые были бы установлены навечно и защищены от разрушительного действия времени»^{*1)}.

«Культурный цикл в целом можно описать как чередование периодов стойкого традиционализма с периодами, характеризующимися тенденциями к разрушению и хаосу. И история не знает ни одного мгновения отдыха в этом бесконечном движении вверх-вниз»^{*2)}.

Отдых также не входит в число духовных усилий, которые спешествуют превращению человеческого общества в братство святых. Даже в обществе святых победа над эгоцентризмом, коллективная или индивидуальная, никогда не будет полной, а потому усилия должны быть постоянны и неослабны. Это означает, что и достижение следующего уступа не снизит накала духовной борьбы, сопровождающей человека в его движении с уступа на уступ по поверхности скалы. Мисс Оукли напоминает нам, «что мы не должны игнорировать гигантское усилие «примитивного» человека в подъеме от низшего человека до Человека»^{*3)}. Я принял это усилие в расчет: это усилие по преодолению пропасти, следующей за той, что уже осталась внизу. Но и после успешного исполнения этого подвига человека вряд ли ожидает эпоха ничегонеделания. Кристофер Доусон выдвигает точку зрения, что даже там, где культура явно статична, требуется постоянное усилие для решения задачи по сохранению ее хотя бы на достигнутом уровне^{*4)}. Наблюдение Доусона, без сомнения, подтвердится, если нам удастся призвать в качестве свидетелей старейшин, ответственных за управление любым из самых примитивных человеческих обществ, все еще существующих поныне; и в эпоху египетского или китайского мирового государства, как и в эпоху фараонов или времена конфуцианства, любой гражданский служащий, несомненно, засвидетельствовал бы то же самое. Антрополог, подобно физику, признает, что то, что видится непосвященному глазу как неподвижное твердое тело, в реальности является кружащимся легионом невидимых танцоров, каждый из которых самозабвенно танцует свой танец ради дорогой ему жизни.

Однако последнее слово пусть останется за поэтом. Джордж Херберт заметил^{*5)}, что, когда Бог впервые создал человека, отдых

*1) *Gürster E.* Die Neue Rundschau. 13. Heft (Winter 1949). P. 141–142.

*2) *Borkenau F.* Commentary. March 1956. P. 244.

*3) *Oakeley H. D.* Philosophy. Vol. XI, № 42 (April 1936). P. 190.

*4) *Dawson Chr.* The Dynamics of World History. P. 451–452.

*5) *Herbert G.* The Pulley.

не включался в дары, которые Он дал ему. Поэт также предугадал, что этот дар будет мешать достижению цели. Пожеланием Бога относительно Человека, как видит его Херберт, было:

Если не добродетель, хоть скука
Пусть кинет его Мне на грудь.

Внутреннее несовершенство человеческой природы, безусловно, не только требует, но и обеспечивает побуждение. Хотя борьба и опасность — два неотъемлемых спутника человека в его путешествии по миру, они не более чем средства; и они отнюдь не единственные средства продвижения к цели человеческих стремлений, которые человек имеет в своем распоряжении. Цель пути — добродетель, и, хотя в своем стремлении к добродетели человек никогда не достигает совершенства, даже путь к величайшей святости открывается человеку тогда, когда его ведет несовершенная добродетель.

Допустим, что это и есть наше заключение, если вообще таковое возможно, однако имеет ли оно практическое значение для решения крайне важного вопроса нашего времени? Что нам надлежит делать, чтобы спасти себя, здесь и сейчас, в той тревожной ситуации, в которой оказалось человечество? Попытаться стать святыми? Зная при этом, что, как бы далеко мы ни сумели продвинуться по направлению к этой высокой духовной цели, мы никогда не сумеем достичь ее и в то же время никогда не освободимся от опасности борьбы и скуки? Если мы хотя бы согласимся, что это духовное стремление — единственная альтернатива самоуничтожению в полном составе в век атомного оружия, то уже будет неверно заявлять, что массовое самоубийство — неизбежная судьба человечества. Реальна ли предлагаемая альтернатива? Какой процент от тысяч миллионов людей, которые жили и умирали, приближался к тому, чтобы мечтать о стремлении к святости? Можно ли представить, что средний, обычно чувствующий человек посвящает себя цели, требующей от него жертвенности, которая даже за такую цену достигается весьма приблизительно и условно? Даже если бы вы могли убедить его, что это — единственная альтернатива саморазрушению, и даже если бы он сделал все, что мог, мыслимо ли, что он будет в состоянии сделать хотя бы минимум необходимого для спасения ситуации.

Один из ответов на этот вопрос таков: сам поиск святости выглядит как неблагодарная задача, если подходить к делу сугубо практически. Задача кажется неблагодарной потому, что практически ее невозможно достигнуть, и причина, по которой это невозможно, кроется в том, что человек претендует на святость, не

прекращая быть человеком. Святой — это не бывший человек, превратившийся в создание иного типа благодаря какой-то таинственной мутации, которая осуществлена не им самим. Он — человек, который сам поднялся над обычным уровнем человеческой добродетели; и, если он верит, и, если он прав, веря, что не мог подняться без благодатной Божьей помощи, это является верным знаком того, что сам святой — не больше чем человек. Святость, как мы ее понимаем, — хорошо засвидетельствованное историческое явление, и люди, которые поднялись до таких духовных высот, сделали это на разном уровне. То, чего некоторые достигли на определенном уровне, должно стать практической целью для других; если благодать была дарована отдельным душам, она должна быть бы дарована всем, что бы ни говорили Августин и Кальвин⁷; и любая мера успеха в достижении святости будет иметь духовную цену. Это не тот случай, когда просят предпринять попытку невозможного или сделать выбор между всем или ничем. Дорога к святости открыта, и на нее могут вступить и самые худшие, и самые слабые люди, хотя эта открытая дорога убегает вдаль, к вечно недоступному горизонту.

Один из первых шагов по дороге к святости — приобрести некоторое чувство ответственности и действовать согласно ему путем сдерживания своих собственных эгоцентричных порывов. Все здоровые взрослые люди мыслят ответственно на каком-то минимальном уровне. Конечно, это лишь одно из определений того, что означает святость. Одна из сфер, в которой обычные люди в массе своей сумели вести себя более или менее ответственно, — это обращение с инструментами, что проявляется и в создании более совершенных инструментов. Однако человечество злоупотребляет собственными достижениями, делая их опасными для самого себя. В сфере использования энергии он сейчас приобрел инструмент настолько мощный, что, если его использовать в качестве оружия, он может уничтожить не только армию врага, или народ, или самих использующих его, но и все человечество. Эта новая сила призывает обладателей не злоупотреблять ею; и с момента бомбардировки Японии в 1945 г. появились признаки того, что обладатели ядерного оружия осознали новую и ужасную ответственность, поняли, что влечет за собой обладание этой силой. Изобретение атомного оружия сделало будущие войны преступлением против человечества. Заслуживает внимания тот факт, что после окончания Второй мировой войны самые мощные в мире нации и правительства проявили непривычную сдержанность в некоторых критических ситуациях. В них возобладало чувство ответственности за то, чтобы избежать мировой войны, которая будет вестись в наше время с участием ядерного оружия, и они подчинили этой первостепенной

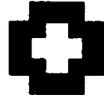
заботе и свое национальное самолюбие, и свои амбиции, и даже свои идеологические убеждения.

Это многообещающее чувство обязанности не истреблять человечество — без сомнения, всего лишь слабый и робкий шаг на пути к святости. Посыл такого отношения — негативен, а мотив сугубо эгоцентричен, поскольку очевидно, что поджигатели атомной войны не могут истребить своих собратьев по разуму, не истребив и самих себя вместе с остальными. Вместе с тем этот шаг образует заметную брешь в привычке вести войну, а привычка эта одного возраста с цивилизацией.

Если первый шаг по дороге человека к святости — отказ от традиционной роли быть убийцей своего брата, то вторым шагом будет осознание человеком новой роли хранителя своего брата; и, к счастью, это чувство ответственности за благополучие братьев по разуму уже заявлено. И это, безусловно, один из плодов духовной революции XVII в. Мы заметили в другом контексте, что в Западном мире после XVII в. прогрессирующий отход от веры в традиционные христианские доктрины сопровождался прогрессирующим распространением христианских моральных ценностей; и это — несмотря на то, что ему противостояли на самом Западе реакционные идеологии, которые именно в нашем поколении подняли головы. Идеалы Хоуарда и Уилберфорса⁸ не были вытеснены с поля деятельности контридеалами Муссолини и Гитлера, но, напротив, распространялись наряду с другими элементами современной Западной цивилизации среди незападного большинства человеческой расы. В качестве вех роста этой современной гуманности мы можем отметить запрет на работорговлю и на само рабство, запрет на варварские формы наказания, гуманизацию отношения к заключенным и душевнобольным, установление пенсий по старости и организацию национальных служб здоровья, а в целом — уменьшение пропасти между условиями жизни бедного большинства и богатого меньшинства. Заметный рост социальной справедливости через расширение человеческой доброты произошел одновременно в двух сферах — между разными классами в одной стране и между разными странами. Относительно богатое меньшинство человечества признало наконец, что на нем лежит обязанность нести определенные материальные траты, чтобы поддержать относительно бедное большинство, с целью поднять его жизненный уровень как в материальном, так и в духовном плане. Народы, которые все еще осуществляют политический контроль над другими народами, пришли под предводительством Америки к тому, чтобы ожидать расплаты за свои политические привилегии вместо того, чтобы по привычке стремиться к извлечению выгоды из своего имперского положения.

Эти первые практические шаги в направлении защиты основных и универсальных прав человека все еще оставляют нас далеко от достижения братства святых. Но в то же время это осознанное и обдуманное продвижение к братству в общности, охватывающей все человечество, несомненно, все дальше уводит нас от состояния рефлексивной общественности улья и муравейника.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то что очерки, собранные в данном томе, написаны в разное время — большинство в последние полтора года, но некоторые даже двадцать лет назад, — книга тем не менее, по мнению автора, обладает единством взгляда, цели и задачи, и хочется надеяться, что это почувствует и читатель. Единство взгляда заключается в позиции историка, который рассматривает Вселенную и все, что в ней заключено, — дух и плоть, события и человеческий опыт, — в поступательном движении сквозь пространство и время. Общей целью, пронизывающей всю серию этих очерков, является попытка хотя бы чуть-чуть проникнуть в смысл этого таинственного и загадочного представления. Главенствующая идея здесь — известная мысль о том, что Вселенная познаваема настолько, насколько велика наша способность постичь ее как целое. Эта мысль имеет и некоторые практические последствия для развития исторического метода познания. Доступное для понимания поле исторического исследования не может быть ограничено какими-либо национальными рамками; мы должны раздвинуть наш исторический горизонт до мышления категориями целой цивилизации. Однако и эти более широкие рамки все же слишком узки, ибо цивилизации, как и нации, множественны, а не единичны; существуют различные цивилизации, которые соприкасаются и сталкиваются, и из этих столкновений рождаются общества иного вида: высшие религии. И это тем не менее не предел поля исторического исследования, ибо ни одна из высших религий не может быть познана в границах лишь нашего мира. Земная история высших религий есть лишь один из аспектов жизни Царствия Небесного, в котором наш мир является лишь малой провинцией. Так история переходит в теологию. «К Нему всякий из нас возвратится» (Римл. 3: 11).

*А. Дж. Тойнби
Январь 1948 г.*

МОЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Мой взгляд на историю является сам по себе крошечным отрезком истории; при этом в основном истории других людей, а не моей собственной, ибо жизненный труд ученого состоит в том, чтобы добавить свой кувшин воды в великую и все расширяющуюся реку познания, которую питает вода из бесчисленного множества подобных кувшинов. Для того чтобы мое индивидуальное видение истории было в какой-либо степени поучительным и действительно просвещало, оно должно быть представлено в полном объеме, включая самые его истоки, развитие, влияние социальной среды и личного окружения.

Существует множество углов зрения, под которыми человеческий разум вглядывается во Вселенную. Почему я именно историк, а не философ или физик? По той же самой причине, благодаря которой я пью чай или кофе без сахара. Привычки эти сформировались в раннем возрасте под влиянием моей матери. Я историк, ибо моя мать была историком; в то же время я сознаю, что моя школа отличается от ее школы. Почему же я не воспринял взгляды моей матери буквально?

Во-первых, потому, что я принадлежал к другому поколению и мои взгляды и убеждения еще не установились твердо к тому времени, когда история взяла за горло мое поколение в 1914 году; во-вторых, потому, что мое образование оказалось более консервативным, нежели у моей матери. Моя мать принадлежала к первому в Англии поколению женщин, получивших университетское образование, и именно поэтому им преподнесли самые передовые по тому времени знания по западной истории, в которой национальная история Англии занимала главенствующее место. Ее сын еще мальчиком был отдан в старомодную английскую частную школу и воспитывался как там, так и позднее, в Оксфорде, исключительно на греческой и латинской классике.

Для любого будущего историка, в особенности рожденного в наше время, классическое образование — это, по моему глубокому убеждению, неопределимое благо. В качестве фундамента история Греко-римского мира имеет весьма заметные преимущества. Прежде всего, мы видим греко-римскую историю в перспективе и, таким образом, можем охватить ее целиком, ибо она является законченным отрезком истории в отличие от истории нашего собственного Западного мира — еще не доигранной пьесы, окончания которой мы не знаем и которую не можем охватить в целом; мы лишь актеры

на эпизодических ролях на этой переполненной и возбужденной сценической площадке.

Кроме того, область греко-римской истории не загромождена и не замутнена избытком информации, позволяя нам видеть за деревьями лес — благо деревья довольно решительно прорежены в переходный период между распадом греко-римского общества и возникновением нынешнего. Более того, вполне приемлемая для исследования масса сохранившихся исторических свидетельств не перегружена официальными документами местных приходов и властей, как те, что в наше время в Западном мире накапливались тонна за тонной последний десяток столетий доатомной эпохи. Сохранившиеся материалы, по которым можно исследовать греко-римскую историю, не только удобны для обработки и изысканны по качеству, но и вполне сбалансированы по характеру материала. Скульптуры, поэмы, философские труды могут сказать нам значительно больше, нежели тексты законов и договоров; и это рождает в душе историка, воспитанного на греко-римской истории, чувство пропорции, ибо, подобно тому как нам легче разглядеть нечто, отстоящее от нас во времени, по сравнению с тем, что окружает нас непосредственно в жизни собственного поколения, так и труды художников и писателей значительно долговечней деяний воинов и государственных мужей. Поэты и философы превосходят в этом историков, а уж пророки и святые оставляют позади всех остальных, вместе взятых. Призраки Агамемнона и Перикла являются сегодняшнему миру благодаря волшебным текстам Гомера и Фукидида; а когда Гомера и Фукидида уже не будут читать, можно смело предсказать, что и Христос, и Будда, и Сократ будут все так же свежи в памяти поколений, почти непостижимо далеких от нас.

Третьим, и, пожалуй, самым значительным, достоинством греко-римской истории является то, что ее мировоззрение скорее все-ленское, нежели локальное. Афины могли затмить Спарту, как и Рим — Самний¹, однако Афины в начале своей истории послужили воспитанию всей Эллады, в то время как Рим на закате своей истории объединил весь Греко-римский мир в единое государство. Если проследить историю Греко-римского мира, то доминантой в ней будет звучать единство, и, однажды услышав эту великую симфонию, я уже не боюсь быть загипнотизированным одинокой и странной мелодией локальной истории моей собственной страны, — мелодией, которая в свое время завораживала меня, когда мать пересказывала ее сюжет за сюжетом мне на ночь, укладывая меня спать. Исторические пастыри и учителя, воспитатели поколения моей матери, не только в Англии, но и в других западных странах, ревностно побуждали своих учеников изучать национальную

историю, ведомые ошибочной уверенностью в том, что, имея непосредственное отношение к жизни их соотечественников, она более доступна для понимания, нежели история далеких стран и народов (хотя совершенно очевидно, что история Палестины времен Иисуса, как и история платоновской Греции, оказала значительно более мощное влияние на жизнь англичан викторианской эпохи, чем история Англии времен Елизаветы или Англии времен Альфреда)².

И тем не менее, несмотря на ошибочную и столь не соответствующую духу отца английской истории Беды Достопочтенного³, канонизацию истории одной страны, той, в которой случилось родиться, подсознательное восприятие англичанином викторианской эпохи истории как таковой можно описать как существование вне всякой истории вообще. Он принимал как данность — без всяких доказательств — то, что лично он стоит на terra firm, вне опасности быть поглощенным тем безостановочным потоком, куда Время унесло всех его менее удачливых собратьев. Из своего привилегированного состояния освобождения, как он думал, от истории англичанин викторианской эпохи снисходительно, хотя и с любопытством и оттенком жалости, но без всякого опасения или дурного предчувствия взирал на жизненный спектакль менее счастливых обитателей других мест и времен, боровшихся и погибавших в половодье истории, — почти так же, как на каком-либо средневековом итальянском полотне спасенные души самодовольно глядят с высоты Райских кущ на мучения обреченных, попавших в Ад. Карл Великий — такова судьба — остался в истории, а сэр Роберт Уолпол⁴ хотя и под угрозой поражения, но умудрился выкарабкаться из бушующей пены прибоя, в то время как мы, все остальные, уютно устроились выше линии прилива в выигрышной позиции, где ничто не могло потревожить нас. Возможно, кое-кто из наших более отсталых современников и брел по пояс в потоке отступающего прилива, но что нам до них?

Я вспоминаю, как в начале университетского семестра во время Боснийского кризиса 1908—1909 годов⁵ профессор Л. Б. Намьер⁶, тогда еще студент колледжа Бейлиолл⁷, вернувшись с каникул из родительского дома, расположенного буквально рядом с галицийской границей Австрии⁸, рассказывал нам, остальным студентам Бейлиолла, с экзальтированным (как нам казалось) видом: «Ну что ж, австрийская армия стоит наготове во владениях моего отца, а российская армия — буквально в получасе ходу, прямо с другой стороны границы». Для нас это звучало как сценка из «Шоколадного солдатика»⁹, но отсутствие взаимопонимания было всеобщим, ибо среднеевропейский наблюдатель международных событий с трудом мог представить себе, что эти английские студенты совершенно не

осознают, что буквально в двух шагах, в Галиции, творится их собственная история.

Тремя годами позже, совершая пеший поход по Греции, по следам Эпаминонда¹⁰ и Филопемена¹¹, и слушая разговоры в деревенских харчевнях, я впервые узнал, что существует нечто, называемое международной политикой сэра Эдварда Грэя¹². Однако и тогда еще я не осознал, что все мы, в конце концов, находимся в процессе истории. Я помню охватившее меня чувство ностальгии по историческому Средиземноморью. Чувство это посетило меня, когда я гулял как-то в Суффолке по берегу серого, унылого Северного моря. Мировая война 1914 года застала меня в период, когда в Бейлиоллском колледже я разъяснял студентам-гуманитариям труды Фукидида¹³. И внезапно на меня нашло озарение. Тот опыт, те переживания, которые мы испытываем в наше время и в нашем мире, уже были пережиты Фукидидом в свое время. Я перечитывал его теперь с новым ощущением — переосмысливая значения его слов и чувства, скрывавшиеся за теми фразами, которые совершенно не трогали меня до той поры, пока я сам не столкнулся с тем же историческим кризисом, какой вдохновил его на эти труды. Фукидид, как я теперь понял, уже прошел по этому пути прежде нас. Он сам и его поколение по историческому опыту стояли на более высокой ступени, нежели я и мое поколение относительно своего времени: собственно, его настоящее соответствовало моему будущему. Но это превращало в нонсенс ту общепринятую формулу, что обозначала мой мир как «современный», а мир Фукидида — как «древний». Что бы там ни говорила хронология, мой мир и мир Фукидида оказались в философском аспекте современниками. И если это положение истинно для соотношения Греко-римской и Западной цивилизаций, не может ли случиться так, что то же самое можно сказать и обо всех других цивилизациях, известных нам?

Такое видение — для меня новое — философской одновременности всех цивилизаций подкреплялось рядом открытий современной нам западной физической науки. На таблице времен, развернутой перед нами современной геологией и космогонией, пять или шесть тысячелетий, прошедших со времени первых проявлений тех разновидностей человеческого общества, которые мы обозначаем как «цивилизации», оказались бесконечно малой величиной по сравнению с возрастом человеческого рода вообще или жизнью на планете, возрастом самой планеты, нашей Солнечной системы, той галактики, в которой эта система не более чем пылинка, или возрастом неизмеримо более широкого и более древнего общего звездного пространства. В сравнении с этими порядками величин пространства и времени цивилизации, возникавшие во втором тысячелетии до н. э.¹⁴, как Греко-римская, или в первом

тысячелетии христианской эры, как наша собственная, являются поистине современницами.

Таким образом, история в смысле развития человеческих обществ, называемых цивилизациями, проявляется как пучок параллельных, современных друг другу и сравнительно недавних свершений и опытов в некоем новом предприятии, а именно во множестве попыток, предпринимаемых до самого последнего времени, преодолеть примитивный образ существования, в котором человечество с момента своего возникновения в оцепенелом состоянии провело несколько сот тысячелетий, а частично находится в том же состоянии и сегодня в маргинальных областях вроде Новой Гвинеи, Огненной Земли или северо-восточной оконечности Сибири¹⁵, там, где такие примитивные сообщества еще не уничтожены и не ассимилированы в результате агрессивных налетов первопроходцев других сообществ, в отличие от этих ленивцев уже пришедших в движение, хоть и совсем недавно. На поразительное сегодняшнее различие в культурном уровне между отдельными существующими социумами я обратил внимание, знакомясь с трудами проф. Теггарта¹⁶ из Калифорнийского университета. Столь далеко зашедшая дифференциация совершилась за период каких-то пяти-шести тысячелетий. И это представляет многообещающее поле для исследования, *sub specie temporis*¹⁷, тайны Вселенной.

Что же это было, сумевшее после столь долгой паузы вновь привести в мощное движение к новым и неизвестным еще общественным и духовным далям те немногие общества, которым уже удавалось подняться на корабль, называемый цивилизацией? Что пробудило их от спячки, от оцепенения, которое большинство из человеческих сообществ так никогда и не смогло стряхнуть с себя? Этот вопрос все время будоражил мой мозг, и вот в 1920 году проф. Намьер — который к тому времени уже открыл для меня Восточную Европу — дал мне в руки труд Освальда Шпенглера «Закат Европы» («*Untergang des Abendlandes*»)¹⁸. По мере чтения этих страниц, наполненных проблесками исторического прозрения, я подумывал о том, уж не предвосхитил ли Шпенглер все мое исследование, прежде чем даже сами вопросы, не говоря уж об ответах на них, успели четко сформироваться у меня в голове. Одним из кардинальных положений моей теории была мысль о том, что наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования¹⁹ должно служить целое общество, а не случайные изолированные фрагменты его, вроде национальных государств современного Запада или городов-государств греко-римского периода. Другой отправной точкой для меня было то, что истории развития всех обществ, подходящих под определение цивилизации, были в определенном смысле параллельны и современны друг другу; и вот эти-то

главные мысли были также краеугольным камнем системы Шпенглера. Однако, когда я стал искать в книге Шпенглера ответ на вопрос о генезисе цивилизаций, я увидел, что мне осталось еще над чем поработать, ибо как раз в этом вопросе Шпенглер оказался, по моему мнению, поразительным догматиком и детерминистом. Согласно его теории, цивилизации возникали, развивались, приходили в упадок в точном соответствии с определенным устойчивым графиком, однако никакого объяснения этому не было. Просто это был закон природы, открытый Шпенглером, и нам следовало принять его на веру со слов Учителя: *ipse dixit* (сам сказал)²⁰. Это произвольное указание казалось на редкость недостойным блистательного гения Шпенглера; именно тогда я начал понимать различие между национальными традициями. Если германский априорный метод потерпел неудачу, стоит попробовать, чего можно добиться при помощи английского эмпиризма. Попытаемся проверить возможные альтернативные объяснения в свете известных фактов и поглядим, выдержат ли они это трудное испытание.

Так называемые западные историки XIX века предлагали два основных, конкурировавших между собой ключа к решению проблемы культурного неравенства различных существующих человеческих обществ, и ни один из ключей, как выяснилось на поверку, не отпирал плотно запертую дверь. Возьмем для начала расовую теорию: что может свидетельствовать в пользу того, что физические расовые различия между членами *genus homo* (рода человеческого)²¹ имеют взаимосвязь с различиями в духовном уровне, который и является полем исторического исследования?

А если и принять существование такой взаимосвязи как аргумент для дискуссии, то как объяснить, что среди отцов-основателей мы находим представителей почти всех известных рас? Лишь черная раса не внесла пока, на данный момент, существенного вклада в развитие; однако, принимая во внимание краткость периода, в течение которого осуществлялся эксперимент с цивилизациями, это нельзя рассматривать как неоспоримое свидетельство ее несостоятельности; это может говорить лишь об отсутствии подходящих условий или нужного стимула. Что же касается окружающей среды, то неоспоримо явное сходство физических условий в долине нижнего течения Нила и нижнего течения Тигра и Евфрата, ставших колыбелью соответственно Египетской и Шумерской цивилизаций; но если эти физические условия действительно явились первопричиной возникновения данных цивилизаций, отчего же тогда параллельно не возникли цивилизации в физически сходных условиях долин Иордана и Рио-Гранде?²² И почему цивилизация, возникшая на высокогорном экваториальном плато в Андах, не имеет своего африканского двойника в высокогорье Кении?²³ Анализ этих якобы

беспристрастных научных объяснений заставил меня обратиться к мифологии. При этом я чувствовал себя несколько неловко и испытывал замешательство, как будто совершил дерзкий шаг назад. Возможно, я был бы не столь неуверен в себе, знай я о том, что к тому времени — в период войны 1914—1918 годов — произошел резкий поворот в психологии. Если бы в то время я был знаком с работами К. Г. Юнга²⁴, они дали бы мне нужный ключ. На деле же я обнаружил его в «Фаусте» Гёте, которого я, к своему счастью, вызубрил в школе столь же тщательно, как и «Агамемнона» Эсхила.

Гётевский «Пролог в небесах» открывается гимном архангелов, воспевающих совершенство творений Господа. Но именно в силу того, что Его творения совершенны, Творец не оставил для Себя пространства для новых проявлений Своих творческих возможностей; и не было бы выхода из этого тупика, не пояись перед Престолом Мефистофель — созданный специально для такой цели, бросить вызов Богу, требуя дать ему свободу испортить, если удастся, одно из самых совершенных созданий Творца. Бог принимает вызов и, таким образом, открывает для себя новую возможность совершенствовать свой созидательный труд. Столкновение двух личностей в виде Вызова-и-Ответа — не видим ли мы здесь те самые огниво и кремень, которые высекают при взаимном соприкосновении творческую искру?

В гётевской экспозиции сюжета «Божественной комедии»²⁵ Мефистофель создан для того, чтобы быть обманутым, о чем это чудовище — к своему негодованию — догадывается слишком поздно. И тем не менее если в ответ на вызов Дьявола Бог искренне рискует Своим творением, а мы должны допустить, что Он именно так и делает, чтобы получить возможность сотворить нечто новое, то мы вынуждены признать и то, что Дьявол, видимо, не всегда остается в проигрыше. И таким образом, если действие Вызова-и-Ответа²⁶ объясняет необъяснимые другим способом и непредсказуемые генезис и развитие цивилизаций, то оно также объясняет их надлом и распад. Большинство из множества известных нам цивилизаций уже распалось, и большая часть этого большинства прошла до конца той пологой тропы, что ведет к полному исчезновению.

Наше посмертное изучение погибших цивилизаций не позволяет нам составить гороскоп нашей собственной или какой-либо другой живой цивилизации. Согласно Шпенглеру, нет причин, почему бы ряд стимулирующих Вызовов не сопровождался последовательным рядом победных Ответов *ad infinitum* (до бесконечности). С другой стороны, если мы проведем эмпирический сравнительный анализ путей, которыми погибшие цивилизации проходили

от стадии надлома до стадии распада²⁷, мы действительно найдем определенную степень единообразия, прямо-таки по Шпенглеру. И это, в конце концов, не столь уж удивительно, поскольку надлом предполагает утрату контроля. Это в свою очередь означает превращение свободы в авантюризм, и если свободные акты бесконечно разнообразны и абсолютно непредсказуемы, то автоматические процессы имеют тенденцию к единообразию и повторяемости.

Короче говоря, нормальная модель социальной дезинтеграции представляет собой раскол разрушающегося общества на непокорный бунтарский субстрат и все менее и менее влиятельное правящее меньшинство. Процесс разрушения не проходит ровно: он движется прыжками от мятежа к объединению и снова к мятежу. В период предпоследнего объединения правящему меньшинству удастся приостановить на время фатальное саморазрушение общества при помощи создания универсального государства. В рамках универсального государства под властью правящего меньшинства пролетариат создает Вселенскую Церковь. И после очередного, и последнего, мятежа, во время которого дезинтеграция окончательно завершается, эта Церковь способна сохраниться и стать той куколкой, из которой спустя время возникнет новая цивилизация. Современным западным студентам-историкам эти явления хорошо знакомы по примерам из греко-римской истории, таким, как *Pax Romana* (Римский мир)²⁸ и христианская Церковь. Установление Августом *Pax Romana* вернуло, как казалось в то время, Греко-римский мир на прочную основу, после того как он был истрепан несколькими столетиями нескончаемых войн, безвластия и революций. Но объединение, достигнутое Августом, оказалось не более чем передышкой. После двухсот пятидесяти лет относительного спокойствия Империя в III веке христианской эры потерпела такой крах, от которого она так никогда и не смогла полностью оправиться, а при следующем кризисе — в V и VI веках — разрушилась до основания²⁹. Истинный выигрыш от этого временного Римского мира получила лишь христианская Церковь. Церковь воспользовалась возможностью укорениться и распространиться; вначале стимулом для ее укрепления послужило преследование со стороны Империи, пока наконец, поняв, что ей не удалось сокрушить Церковь, Империя не решила сделать ее своим партнером. А когда даже такая поддержка не смогла спасти Империю от крушения, Церковь прибрала к рукам все наследие. Подобные же отношения между увядающей цивилизацией и поднимающейся религией можно наблюдать в десятках других случаев. Например, на Дальнем Востоке империя Цинь и Хань³⁰ играла роль Римской империи, а в роли христианской Церкви выступала буддийская школа махаяны³¹.

Если гибель одной цивилизации вызывает таким образом рождение другой, не получается ли так, что волнующий и на первый взгляд обнадеживающий поиск главной цели человеческих усилий сводится в конечном счете к унылому круговороту бесплодных повторений неоязычества? Такой циклический взгляд на процесс истории был воспринят как нечто само собой разумеющееся даже лучшими умами Греции и Индии — такими, скажем, как Аристотель и Будда³², и им даже не пришло в голову подумать о необходимости доказательств. С другой стороны, капитан Марриет, приписывая подобную точку зрения корабельному плотнику судна Его Королевского Величества «Гремучая змея»³³, столь же безапелляционно считает эту циклическую теорию фантастической, поэтому представляет любезного истолкователя этой теории в комическом свете. Для нашего западного мышления циклическая теория, если принять ее всерьез, сведет историю к бессмысленной сказке, рассказанной идиотом. Однако простое неприятие само по себе не ведет к пассивному неверию. Традиционные христианские верования в геенну огненную и Судный день были столь же алогичными, и, однако, в них верили поколениями. Своей западной невосприимчивостью — и это во благо — к греческим и индийским учениям о цикличности мы обязаны иудейскому и зороастрийскому влиянию³⁴ на наше мирозерцание.

На взгляд пророков Израиля, Иудеи и Ирана, история — отнюдь не циклический или механический процесс. Это живое и мастерское исполнение на тесной сцене земного мира божественного плана, который нам открывается лишь мимолетными фрагментами и который, однако, во всех отношениях превосходит наши человеческие возможности восприятия и понимания. Более того, пророки собственным жизненным опытом предвосхитили открытие Эсхила³⁵, утверждавшего, что учение, познание приходит через страдание, — открытие, которое мы в свое время и при других обстоятельствах делаем для себя.

Итак, должны ли мы сделать выбор в пользу иудейско-зороастрийского взгляда на историю против греко-индийского? Возможно, нам не придется делать столь радикальный выбор, ибо вполне вероятно, что эти две точки зрения в основе своей не являются непримиримыми. В конце концов, если транспортному средству предстоит двигаться в направлении, избранном его водителем, движение в определенной степени зависит и от колес, вращающихся равномерно и монотонно, оборот за оборотом. Поскольку цивилизации переживают расцвет и упадок, давая жизнь новым, в чем-то находящимся на более высоком уровне цивилизациям, то, возможно, разворачивается некий целенаправленный процесс, Божественный план, по которому знание, полученное через страдание,

вызванное крушениями цивилизаций, в результате становится высшим средством прогресса. Авраам эмигрировал из цивилизации накануне краха ее (*in extremeis*)³⁶; пророки были сынами другой цивилизации, находящейся в состоянии распада³⁷; христианство родилось на обломках распадающегося Греко-римского мира. Озарит ли подобное духовное прозрение тех «перемещенных лиц»³⁸, которых в наше время можно уподобить еврейским изгнанникам, столь много познавшим в своей печальной ссылке у рек вавилонских?³⁹ Ответ на этот вопрос, каков бы он ни был, имеет большее значение, нежели неведомая нам судьба нашей универсализировавшейся Западной цивилизации.

СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТ ИСТОРИИ

В каком же состоянии находится человечество в 1947 году христианской эры? Этот вопрос относится, без сомнения, ко всему поколению, живущему на Земле; однако, если бы мы провели всемирный опрос по системе Гэллапа, в ответах не было бы единодушия. На эту тему, как ни на какую другую, *quot nomines, fost sententiae*¹ — сколько людей, столько и мнений; поэтому мы должны прежде всего спросить самих себя: кому именно мы адресуем этот вопрос? Например, автор данного очерка — англичанин пятидесяти восьми лет, представитель среднего класса. Очевидно, что его национальность², социальная среда, возраст — все вместе существенно влияет на то, с какой точки зрения он рассматривает панораму мира. Собственно, как все и каждый из нас, он в большей или меньшей степени является невольником исторического релятивизма. Единственное его личное преимущество состоит в том, что он к тому же еще и историк и оттого, по крайней мере, признает, что сам он лишь живой обломок кораблекрушения в бурном потоке времени, отдавая себе отчет в том, что его неустойчивое и фрагментарное видение происходящих событий не более чем карикатура на историко-топографическую карту. Лишь Бог знает истинную картину. Наши индивидуальные человеческие суждения — это стрельба наугад.

Мысли автора возвращаются на 50 лет назад, к одному из дней 1897 года в Лондоне. Он сидит со своим отцом у окна на Флит-стрит, наблюдая, как мимо проходят канадские и австралийские кавалерийские полки, прибывшие на празднество по случаю шестидесятилетия

царствования королевы Виктории. Память до сих пор хранит то волнение, интерес к незнакомым колоритным мундирам великолепных «колониальных», как их тогда называли в Англии, войск: фетровые шляпы с мягкими полями вместо касок и шлемов, серые мундиры вместо красных. Для английского ребенка это зрелище приоткрыло картину какой-то иной жизни; философу, вероятно, пришла бы в голову мысль, что там, где рост, там следует ждать и увядания. Поэт, наблюдая ту же картину, действительно ухватил и сумел выразить нечто подобное. Однако мало кто из толпы англичан, глазевших на парад заморских войск в Лондоне 1897 года, разделял настроение киплингской «Recessional»³. Люди считали, что над ними солнце в зените, и полагали, что так будет всегда, без всякой с их стороны необходимости хотя бы произнести магическое слово повеления, как это сделал Иисус Навин в известном случае.

Автор десятой главы книги Иисуса Навина понимал, по крайней мере, что остановившееся Время есть нечто необычное. «И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь ТАК слышал бы глас человеческий...»⁴ И тем не менее представители английского среднего класса 1897 года, считавшие себя просвещенными рационалистами, жившими в век науки, принимали это вообразимое чудо как данность. С их точки зрения, история для них завершилась. Она закончилась на международной арене в 1815 году битвой при Ватерлоо, во внутренних делах — Биллем о реформе 1832 года, а в отношении империи — с подавлением Индийского мятежа в 1859 году⁵. И они с полным правом могли радоваться тому неизбывному чувству блаженства и благосостояния, что даровало им окончание истории. «Судьба прочертила мне удачные линии, поистине я обладаю прекрасным наследием»⁶.

С позиции исторической перспективы 1947 года эта иллюзия английского среднего класса конца прошлого века кажется нам чистым помешательством, однако ее разделяли и современники в других западных странах. В частности, в Соединенных Штатах, на Севере, история для среднего класса подошла к концу с завоеванием Запада и победой федералистов в Гражданской войне; а в Германии или, по крайней мере, в Пруссии такое чувство завершенности истории охватило тот же средний класс после победы над Францией и установлением Второго рейха в 1871 году⁷. Для этих трех групп западных представителей среднего класса Господь завершил Свою созидательную работу пятьдесят лет назад, «и увидел Бог, что это хорошо»⁸. Правда, несмотря на то что в 1897 году английский, американский и германский средние классы были фактически политическими и экономическими хозяевами мира, в количественном отношении они составляли лишь малую толику общего населения Земли, и было достаточно людей в других странах, имевших

иную точку зрения, хотя, может быть, и неспособных внятно ее выразить или бессильных что-либо изменить.

На Юге США, например, да и во Франции в 1897 году многие были согласны, что история действительно подошла к концу: Конфедерация уже никогда не восстанет из мертвых, Эльзас и Лотарингию вернуть невозможно. Но это ощущение законченности, которое грело сердце победителя, никак не могло утешить сердце побежденного народа. Для него все происходившее было настоящим кошмаром. Австрийцы, еще не оправившиеся от своего поражения в 1866 году, могли бы чувствовать то же самое, не возникни к тому времени внутри империи, оставленной Бисмарком целой и невредимой, в гуще подчиненных народов, новое волнение, которое заставило австрийцев осознать, что история вновь пришла в движение и может преподнести им сюрпризы почище Кёнигграца⁹. В это время английские либералы рассуждали откровенно и с одобрением о возможности освобождения зависимых народов в Австро-Венгрии и на Балканах¹⁰. Но, несмотря на призрак Гомруля и надвигающиеся «индийские беспорядки»¹¹, им не пришло в голову, что, разглагольствуя о Юго-Восточной Европе, они приветствуют первые симптомы того процесса политических крушений, который еще при их жизни распространится и на Индию, и на Ирландию и в своем необоримом движении по всему миру разрушит не одну только Габсбургскую империю.

Собственно, по всему миру, хотя тогда еще подспудно, среди различных народов и классов существовала такая же, как у французов и конфедератов, неудовлетворенность тем, как легли карты истории, и в то же время нарастало нежелание признать, что игра проиграна. Подумать только, сколько миллионов людей насчитывали все эти порабощенные народы, угнетенные классы! Все огромное население Российской империи того времени, от Варшавы до Владивостока: поляки и финны, полные решимости отстаивать свою национальную независимость; русские крестьяне, стремившиеся овладеть той землей, от которой им достались лишь крошечные клочки после реформы 60-х годов; российские интеллектуалы и деловые люди, мечтавшие в один прекрасный день управлять своей страной через парламентские институты, уже давно доступные людям их уровня в Соединенных Штатах, Великобритании и во Франции, и молодой, еще немногочисленный российский пролетариат, революционное сознание которого подогревалось достаточно мрачными условиями жизни, хотя, возможно, и не столь мрачными, как в Манчестере в начале XIX века. Конечно, индустриальный рабочий класс в Англии с начала века значительно улучшил свое положение благодаря фабричному законодательству, деятельности тред-юнионов и возможности голосовать (право голоса было

предоставлено рабочим в 1867 году актом Дизраэли)¹². Однако и в 1897 году рабочие не воспринимали, да и не могли воспринимать, Закон о бедных 1834 года¹³, подобно тому как средний класс воспринял Билль о реформе 1832 года, узрев в нем благодеяние и последнее слово исторической мудрости. Рабочий класс не был революционно настроен, однако он был полон решимости заставить колесо истории двигаться дальше по конституционной колее. Что же касается пролетариата на Европейском континенте, то он был готов идти гораздо дальше, что и показала Парижская коммуна в своей зловещей вспышке.

В общем-то, не вызывает удивления это глубокое стремление к переменам и решимость добиться их тем или иным способом, возникающие в ряде угнетенных классов и побежденных или поработанных народов. Однако довольно странно, что заварили кашу, а случилось это в 1914 году, прусские милитаристы — которым на самом-то деле было от этого куда меньше проку, чем утрат, как, впрочем, и германскому, английскому или американскому среднему классу, — именно правящие круги Пруссии намеренным рывком сорвали слишком неплотно прикрытый клапан с котла истории.

Подспудные движения, которые социальный сейсмолог мог уловить еще в 1897 году, если потрудился бы «приложить ухо к земле», вполне объясняют те сдвиги и выбросы энергии, которые сигнализировали о том, что колесница истории снова сдвинулась с места в последние полвека. Сегодня, в 1947 году, средний класс Запада, который пятьдесят лет назад беззаботно восседал на самом кратере вулкана, несет то же бремя переживаний, что выпало на долю английского индустриального рабочего класса лет полтора назад, когда по нему проехалось колесо истории. Таково сегодня положение среднего класса не только в Германии, во Франции, в Нидерландах, Скандинавии или Великобритании, но и, до некоторой степени, в Швейцарии и Швеции и даже в Соединенных Штатах и Канаде. Будущее среднего класса — это насущный вопрос для всех стран Запада, однако его решение заденет не только ту небольшую часть человечества, к которой оно непосредственно относится, ибо именно средний класс Запада — это незначительное меньшинство — является тем самым ферментом, закваской, которая взрыхлила массу и, таким образом, создала сегодняшний мир. Может ли создание пережить своего создателя? Если средний класс Запада потерпит крушение, не потянет ли он за собой в своем падении все здание человечества? Каким бы ни был ответ на этот судьбоносный вопрос, несомненно одно: кризис определяющего меньшинства неизбежно станет кризисом всего остального мира. Тщетная борьба с чем-либо всегда испытание характера,

но это испытание становится особенно тяжелым, когда превратности судьбы наступают внезапно, как гром среди ясного неба в безмятежный день, — день, который, казалось, обещал длиться вечно. В таких обстоятельствах борца с судьбой одолевает искушение найти козлов отпущения, на которых можно свалить груз собственной несостоятельности. Однако «свалить груз» перед лицом надвигающейся напасти еще опаснее, чем убеждать себя в том, что процветание вечно. В расколотом мире 1947 года и коммунизм и капитализм не скупятся на взаимные коварные обвинения, выступая друг против друга. Как только что-либо идет вкривь и вкось при не поддающихся контролю обстоятельствах, мы тут же обвиняем противника в том, что это именно он засорил плевелами наше поле, и этим автоматически оправдываем свои ошибки и неумение вести собственное хозяйство. Конечно, это старая история. Столетия назад, когда о коммунизме еще никто и не слыхивал, наши предки находили козла отпущения в исламе. В XVI веке ислам вызывал в сердцах западноевропейцев такую же истерию, какую коммунизм вызывает в XX веке, и в основном по тем же причинам. Как и коммунизм, ислам — движение антизападное, хотя в то же время это как бы еретическая версия западной веры; так же как и коммунизм, он оттачивал клинок Духа, против которого бессильно материальное оружие.

Сегодняшний страх Запада перед коммунизмом — это отнюдь не боязнь военной агрессии, как это было перед лицом нацистской Германии или милитаристской Японии. Во всяком случае, Соединенные Штаты, с их абсолютным превосходством промышленного потенциала и монополией в области «ноу-хау» по производству атомной бомбы, в настоящее время неуязвимы для военного нападения со стороны Советского Союза¹⁴. Для Москвы это было бы чистым самоубийством, и пока что нет никаких свидетельств того, что Кремль намерен совершить подобную безрассудную акцию. Оружие коммунизма, которое так нервирует Америку (и, как ни странно, она реагирует на эту угрозу более темпераментно, нежели менее защищенные страны Западной Европы), — это духовное оружие пропагандистской машины. Коммунистическая пропаганда обладает собственным «ноу-хау» в отношении разоблачения темных сторон Западной цивилизации, показывая ее изнанку под увеличительным стеклом, с тем чтобы коммунистический образ жизни предстал желанной альтернативой для неудовлетворенной части населения Запада. Коммунизм также ведет конкурентную борьбу за влияние на то подавляющее большинство человечества, которое не является ни коммунистическим, ни капиталистическим, ни русским или западным, но живет сейчас в тревожном мире, на ничейной земле, между двумя враждующими твердынями противоположных,

соперничающих идеологий. И эти люди, и люди Запада подвержены опасности обратиться в коммунистов в такой же степени, как четыреста лет назад могли обратиться в турок; и, хотя коммунисты тоже подвергаются этой опасности со стороны капитализма — как уже продемонстрировали некоторые сенсационные примеры¹⁵, — тот факт, что один из знахарей-соперников боится собственного лекарства так же, как другой — своего, нисколько не способствует смягчению напряжения.

Однако то обстоятельство, что противник угрожает нам скорее тем, что обнажает наши недостатки, нежели тем, что силой подавляет наши достоинства, доказывает, что Вызов, который он нам бросает, исходит не столько от него, сколько от нас самих. Это, собственно, происходит благодаря недавнему колоссальному подъему Запада в области технологии — фантастическому прогрессу в области «ноу-хау», а это именно то, что давало нашим отцам обманчивую возможность убедить себя в том, что для них история вполне благополучно завершилась. Этими, казалось бы, легкими победами западный средний класс вызвал три совершенно непредвиденных — и беспрецедентных в истории — последствия, кумулятивный эффект которых вновь сдвинул с места колесницу истории, и она покатила с большей скоростью, чем раньше. Наше западное «ноу-хау» объединило весь мир в прямом смысле этого слова, то есть снабдило надежной связью всю обитаемую и проходимую поверхность земного шара; и оно же превратило институты войны и классовой принадлежности — две врожденные болезни цивилизации — в неизлечимый недуг. Это трио непреднамеренных достижений ставит нас перед поистине грозным Вызовом.

Война и классы сопровождают нас с тех времен, когда первые цивилизации поднялись над уровнем примитивного человеческого бытия, а было это около пяти-шести тысяч лет назад¹⁶, и с тех пор эти две категории всегда представляли собой серьезную проблему. Из примерно двадцати цивилизаций¹⁷, известных современным западным историкам, все, кроме нашей нынешней, уже мертвы или отживают свой век, и, когда мы ставим диагноз любой из них, в конце ли ее существования или посмертно, мы неизменно находим, что причиной гибели явилась или война, или классовая борьба, или комбинация обеих причин. До нынешнего времени эти две язвы были достаточно смертоносны, чтобы погубить девятнадцать из двадцати представителей этой не столь древней разновидности человеческого общества; но до сих пор неумолимость этих бедствий все же имела некий спасительный предел: если эти две напасти и могли уничтожать отдельные экземпляры вида, то истребить всю породу им все же не удалось. Цивилизации приходили и уходили, но Цивилизация с большой буквы каждый

раз возрождалась в новых, свежих формах, ибо как ни велико было разрушительное действие войны и классовой борьбы, но оно еще не стало всеохватным. И если удавалось разбить верхний слой общества, то помешать низшим слоям общества выжить почти нетронутыми и сохранить способность радоваться жизни оказалось невозможно. И когда какое-либо общество терпело крах в одной части мира, оно не обязательно тащило за собой в тартарары остальные человеческие сообщества. Когда ранняя цивилизация в Китае надломилась в VII веке до н. э., это не помешало современной ей Греческой цивилизации на другом конце Старого Света продолжать свой путь к высшей точке своего расцвета. А когда Греко-римская цивилизация в конце концов пала от тех же двух недугов, войны и классовой борьбы, в период V—VII веков христианской эры, это отнюдь не помешало рождению новой цивилизации на Дальнем Востоке, которая формировалась именно в эти же самые три столетия¹⁸.

Почему же цивилизация не может и дальше тащиться неровным шагом, от одного провала к другому, на ощупь следовать этим мучительным, унижительным, но не до конца самоубийственным путем, которым она шла первые несколько тысячелетий своего существования? Ответ заключается в недавних технических достижениях современного западного среднего класса. Устройства, созданные для обуздания физических сил неживой природы, не изменили человеческую натуру. Институты войны и класса в том виде общества, который мы называем цивилизацией, являются социальным отражением темной стороны человеческой природы — того, что теологи называют первородным грехом. Эти социальные последствия индивидуальной человеческой греховности ничуть не отменяет недавний необычайный прогресс нашего технологического развития, но одновременно он и не оставляет эти последствия без всякого влияния со своей стороны. Не отмененные, а, напротив, крайне возбужденные, как и вся остальная жизнь человечества, своим физическим могуществом, классы способны теперь полностью разложить общество, а война — уничтожить человеческий род целиком. Пороки, до сих пор бывшие просто постыдными и мучительными, превратились теперь в нестерпимые и смертельные, и, таким образом, наше поколение в этом вестернизированном мире оказалось перед выбором таких альтернатив, которые в прошлом правящие элементы других обществ всегда имели возможность обойти, хотя и с жестокими последствиями для себя, однако без крайнего риска окончательно оборвать историю человечества на этой планете. Итак, мы смотрим в лицо Вызову, с которым никогда не приходилось сталкиваться нашим предшественникам. Мы должны искоренить войну и классы как таковые — и искоренить их

немедленно — под страхом того, что, если мы дрогнем или потерпим неудачу, они сами одержат над человеком победу, которая на этот раз окажется окончательной и бесповоротной.

Этот новый аспект войны уже знаком западным умам. Мы осознаём, что атомная бомба и множество других наших смертоносных вооружений способны при следующей войне стереть с лица Земли не только воюющие стороны, но и весь человеческий род. Однако отчего же с технологическим прогрессом обострилась классовая борьба? Разве не повысился значительно минимальный жизненный уровень именно за счет технологии, во всяком случае в тех странах, которые либо особенно преуспели в этом, либо обладают большими природными богатствами, либо счастливо избежали разрушительного действия войны? Нельзя ли предположить, что этот быстро растущий жизненный уровень поднимется до такой высоты и охватит столь большой процент населения, что и доселе недостижимые богатства привилегированного меньшинства перестанут вызывать зависть и ревность? Ошибка в этом рассуждении состоит в том, что оно не принимает в расчет ту важнейшую истину, что не хлебом единым жив человек. Каким бы высоким ни был уровень материальной жизни, это не освободит душу человека от требования социальной справедливости; а неравное распределение товаров и средств в этом мире между привилегированным меньшинством и неимущим большинством превратилось из неизбежного зла в невыносимую несправедливость именно в результате последних технических достижений Запада.

Когда мы восхищаемся эстетическими достоинствами архитектуры и искусством каменных дел мастеров, воздвигших Великую пирамиду, или изысканными драгоценностями гробницы Тутанхамона, в наших сердцах рождаются противоречивые чувства гордости и радости за великолепные творения человека и одновременно — морального осуждения той высокой цены, которую человечество заплатило за эти творения: тяжелейший труд, несправедливо навязанный большинству для создания утонченных плодов цивилизации исключительно для удовлетворения меньшинства, которое жнет не сея. В течение этих пяти-шести тысячелетий хозяева цивилизаций отнимали у своих рабов их долю плодов всеобщего труда так же безжалостно, как мы отнимаем мед у пчел. Моральное уродство этого акта обезображивает эстетическую красоту художественного творчества; и все же к настоящему времени те немногие, кто был баловнем цивилизации, всегда могли выдвинуть одно разумное возражение в свою защиту.

Они могли возразить, что это был выбор между тем, чтобы иметь плоды цивилизации для немногих и — не иметь их вовсе. Наши технические возможности управлять природой строго ограничены.

В нашем распоряжении нет ни достаточной мускульной силы, ни достаточного количества рабочих рук, чтобы произвести блага в более чем минимальном количестве. Если я должен отказаться от них из-за того, что вам они недоступны, то нам придется закрыть магазины и оставить лучшие произведения человеческого таланта пылиться и ржаветь где-то в закутке; и поскольку это явно не в моих интересах, то — по зрелом размышлении — и не в ваших. Ибо я пользуюсь своей монополией на блага отнюдь не только ради собственной пользы. Мое наслаждение по крайней мере частично действует на благо других. Доставляя себе удовольствие за ваш счет, я в какой-то мере служу неким доверенным лицом всех будущих поколений человеческого рода в целом. Такое рассуждение выглядело благовидным даже в нашем технически продвинутом Западном мире вплоть до XVIII века включительно, но беспрецедентный технический прогресс последних полутора столетий сегодня перечеркнул его. В обществе, которое открыло «ноу-хау» изготовления рога изобилия, несправедливость в распределении земных благ, перестав быть практической необходимостью, превратилась в чудовищное моральное преступление.

Так проблемы, всегда ухудшавшие жизнь и досаждавшие и прежним цивилизациям, вышли в сегодняшнем мире на первый план. Мы изобрели атомное оружие в мире, расколотом и разделенном между двумя супердержавами; и Соединенные Штаты, и Советский Союз придерживаются столь полярно противоположных идеологий, что они кажутся абсолютно непримиримыми. К кому же нам обратиться за спасением в этом опаснейшем положении, когда в наших руках не только собственные жизнь и смерть, но и участь всей человеческой расы? Спасение, вероятно, лежит — как это чаще всего и бывает — в поисках среднего пути. В политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма. На взгляд одного западноевропейского наблюдателя, человека среднего класса и среднего возраста, Спасение да придет ни с Востока, ни с Запада.

В 1947 году христианской эры Соединенные Штаты и Советский Союз представляют собой альтернативное воплощение огромной материальной силы современного человечества; «граница между ними прошла через всю Землю, и голос их достиг края света»¹⁹, но среди этих громких голосов не услышать голоса, пока еще тихого. Ключ к пониманию нам может быть передан через христианское послание или через послание других высших религий, а спасительные слова и дела могут прийти с неожиданной стороны.

ПОВТОРЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ?

Повторяется ли история? В XVIII и XIX веках этот вопрос у нас на Западе обычно дебатировался в качестве академического упражнения. Зачарованные и ослепленные процветанием, которым наша цивилизация наслаждалась в то время, наши деды составили о себе странное фарисейское представление, что они «не таковы, как иные люди»¹; они решили, что западное общество застраховано от повторения тех ошибок и неудач, которые приводили к гибели другие цивилизации, чья история от начала и до конца представляется нам открытой книгой. Для нашего же поколения старый вопрос приобрел неожиданно новое и весьма практическое звучание. У нас открылись глаза на истину (подумать только, как это мы вообще были слепы в этом вопросе!), что человек Запада и все его труды ничуть не менее уязвимы, нежели в угасших цивилизациях ацтеков или инков, шумеров или хеттов. Так что сегодня мы с некоторым беспокойством вглядываемся в анналы прошлого, пытаясь понять, не содержат ли они какого-либо указания, урока, который нам стоило бы расшифровать. Может ли история дать нам какую-нибудь информацию относительно наших собственных перспектив? А если может, то каков груз этих перспектив? Предписан ли и нам неумолимый роковой конец, которого нам остается лишь ждать сложа руки, подчинясь безропотно судьбе, которую мы собственными усилиями не можем ни отворотить, ни хотя бы изменить? А может быть, она сообщает нам не о конкретностной предопределенности, а лишь о возможностях, о вероятностных направлениях нашего будущего? Практическая разница при этом огромна, ибо при этой альтернативе нам следует не застыть в пассивном оцепенении, а, напротив, взяться за дело. При этой альтернативе урок истории больше похож не на гороскоп астролога, а на навигационную карту, которая дает мореходу, умеющему ею пользоваться, больше возможности избежать кораблекрушения, чем если бы он плыл вслепую, ибо вручает ему средство, при наличии умения и мужества, проложить курс между указанными на карте скалами и рифами.

Мы увидим, что наш вопрос требует уточнения, прежде чем бросимся искать ответ на него. Когда мы спрашиваем себя: «Повторяется ли история?» — действительно ли мы не имеем в виду ничего, кроме того, что «история в отдельных случаях в прошлом повторялась»? Или нас интересует, управляется ли история непреклонными законами, которые не только действовали в каждой из подобных ситуаций, но и приложимы к тем ситуациям, что могут

возникнуть в будущем? При такой интерпретации слово «может» означает фактически «должно»; при другой трактовке это означало бы «может быть». В этом случае автор данной статьи может с таким же успехом сразу раскрыть свои карты. Он отнюдь не является детерминистом при разгадке тайны человеческой жизни. Он считает, что, пока есть жизнь, есть надежда и что с Божьей помощью человек — хозяин своей судьбы, хотя бы отчасти, хотя бы в чем-то.

Но как только мы останавливаемся на позиции выбора между свободой и необходимостью, который предлагается в варианте с нечетким словом «возможность», мы оказываемся перед необходимостью определить, что подразумевается под термином «история». Если мы ограничим поле истории лишь рамками событий, полностью контролируемых человеческой волей, тогда, разумеется, для недетерминиста не возникает никаких проблем. Но существуют ли вообще такие события в реальной жизни? Вспомним собственный личный опыт: когда мы принимаем решение, разве мы не оказываемся всегда лишь частично свободными, а частично связанными прошлыми и нынешними событиями, фактами личной жизни, социального и природного окружения? Не является ли история сама по себе, в нашем последнем рассуждении, картиной всего универсума в движении и в рамках четырехмерного пространства-времени? А в этой всеобъемлющей панораме разве не найдется множества таких событий, которые — как неизбежно должны будут признать и самый стойкий сторонник идеи свободной воли, и заядлый детерминист — неумолимо повторяются и абсолютно предсказуемы?

Некоторые из событий этого порядка — несомненно повторяющихся и предсказуемых — внешне не имеют прямого влияния на дела человеческие, как, например, повторения истории в туманностях за пределами Млечного Пути. С другой стороны, существуют совершенно очевидные циклические процессы в физической природе, которые впрямую и близко затрагивают жизнь человека, как, например, повторяющиеся и предсказуемые смены дня и ночи, времен года. Цикл день-ночь управляет всей человеческой деятельностью, он диктует расписание движения транспортных систем в городах, определяет время часа пик, давит на психику тех пассажиров, которые вынуждены мотаться туда-обратно дважды в сутки между «спальным» районом и «рабочим местом». А цикл времен года управляет самой жизнью человека, ибо от него зависит снабжение продовольствием.

Правда, человек способен, постаравшись, добиться определенной степени свободы от этих природных циклов, — свободы, которая недоступна животным или птицам. Хотя отдельному индивиду не дано сбросить тиранию суточного цикла, сколько бы он ни пытался вести бессонный образ жизни, подобно легендарному

египетскому фараону Микерину², общество в целом может повторить мифический подвиг Микерина коллективно, прибегнув к планированию, кооперации и разделению труда. Промышленные предприятия могут работать круглые сутки в несколько смен, где труд рабочих одной смены продолжат рабочие другой, отдыхая днем и работая ночью. Опять же, тирания времен года подорвана западным обществом, распространившимся от северного умеренного пояса через тропики до южного умеренного пояса и выработавшим технику замораживания продуктов. И все же эти победы человеческого разума и воли над тиранией двух природных циклов — дня и года — сравнительно невелики, хотя и замечательны. В целом эти повторяемые и предсказуемые природные события все-таки остаются хозяевами жизни человечества — даже на современном западном уровне технического прогресса, — и они демонстрируют свое владычество, подстраивая человеческую деятельность под свою модель.

Но, возможно, существуют и иные виды человеческой деятельности — в другой области, неподвластной (или, по крайней мере, не полностью подвластной) контролю физической природы? Попробуем рассмотреть этот вопрос на знакомом конкретном примере. В последние дни апреля 1865 года коней, еще в начале месяца служивших кавалерийским и артиллерийским войскам Северной Вирджинии, впрягли в плуги люди, тоже только что вышедшие из армии генерала Ли³. Эти люди и эти кони оставили поле брани, чтобы на поле, ждущем плуга, совершать ежегодную сельскохозяйственную операцию, которую из года в год совершали и они сами, и их предшественники из Старого Света, возделывавшие ниву задолго до открытия Нового Света, и многие, многие поколения людей еще до рождения нашего западного общества, выполнявшие каждую весну эту же самую работу. И так было последние пять или шесть тысяч лет. Плуг и пахота — современники тех типов общества, которые мы называем цивилизациями; но допахотные методы земледелия — точно так же связанные с годовым циклом — были известны, вероятно, и на заре неолита, эпохи, предвосхитившей рождение цивилизации⁴. Земледелие в бывших конфедеративных Штатах Северной Америки очень строго подчинялось сезонным циклам. Задержка на несколько недель — и время упущено с катастрофическими последствиями для всего сообщества, ибо возможность получить урожай утрачена на целый год.

Итак, в последние дни апреля 1865 года кони и люди бывшей армии Северной Вирджинии совершали исторический акт — весеннюю пахоту, — акт, неизбежно повторявшийся по меньшей мере пять или шесть тысяч раз и продолжавший повторяться и в 1947 году (в этот год автор статьи наблюдал весеннюю пахоту в штате Кентукки

и заметил беспокойство фермеров, когда в середине апреля их работу прервали сильные дожди).

А как же насчет истории, которую творили люди и кони генерала Ли не в конце, а в начале того апреля? Можно ли считать, что история, представленная последним актом Гражданской войны, имеет такой же повторяющийся характер, как, скажем, пахота или ежедневные поездки, связанные с повторяющимися и предсказуемыми циклами природного свойства? Не встречаемся ли мы здесь с таким типом человеческих действий, которые более или менее независимы от природных циклов и даже способны не принимать их во внимание? Представим, что генерал Ли не был вынужден капитулировать до июня 1865 года. Или, допустим, генерал капитулировал в известное время, но генерал Грант⁵ не сделал своей знаменитой уступки, разрешив конфедератам, только что сложившим оружие, забрать своих лошадей к себе на фермы вопреки конкретному пункту только что согласованного договора об условиях капитуляции, предусматривавшему противоположное. Разве не мог каждый из этих гипотетических рукотворных вариантов реального курса исторических событий помешать истории повториться в южных штатах во время весенней пахоты 1865 года?

Область истории, которую мы сейчас рассматриваем, в свое время считалась общим и единственным полем исторического исследования, но это было до того, как открылась изучению область экономической и общественной истории. В той старомодной области битв и политических интриг, полководцев и королей — повторялась ли и там история так же, как она повторяется в области человеческой активности, явным образом управляемой движением природных циклов? Была ли, например, Гражданская война Севера и Юга явлением уникальным или же мы можем отыскать другие исторические события, отражающие достаточное сходство и родство с этим явлением, чтобы мы имели право рассматривать их как ряд явлений одного класса событий, в которых история повторяется хотя бы до некоторой степени? Автор склоняется именно к этой точке зрения.

Кризис, отраженный в американской истории Гражданской войной, был, разумеется, сходным по своей сущности с одновременным кризисом в германской истории, нашедшим свое отражение в Бисмарковых войнах 1864—1871 годов⁶. В обоих случаях выбор между развалом союза и его эффективным управлением был совершен при помощи войны. В обоих случаях сторонники крепкого союза одержали победу, и оба раза одной из причин их победы явилось техническое и индустриальное превосходство над оппонентами. Наконец, в обоих случаях за победой союза последовала великая промышленная экспансия, превратившая и послевоенные

Соединенные Штаты, и Второй германский рейх в грозных индустриальных соперников Великобритании. И тут мы наткнулись на еще одно повторяемое свойство истории: примерно целое столетие, вплоть до 1870 года, промышленная революция в Великобритании⁷ могла восприниматься как уникальное историческое явление, однако начиная с 1870 года она стала выглядеть в истинном ее свете, просто как наиболее раннее проявление экономической трансформации, охватившей со временем и целый ряд других западных стран, и некоторые страны незападного мира. Более того, если мы перенесем свое внимание с общего экономического свойства индустриализации на общую политическую характеристику федерального союза, мы увидим, что история Соединенных Штатов и Германии в этот период повторяется в истории третьей страны, на этот раз не Великобритании, а Канады, где провинции, ее составляющие, объединились в федерацию в ее нынешнем виде; это произошло в 1867 году, два года спустя после восстановления де-факто единства Соединенных Штатов в 1865 году и за четыре года до объединения Германии во Второй рейх в 1871 году.

В формировании ряда федеральных союзов в современном Западном мире и в индустриализации этих и других стран история повторяет себя в том смысле, что дает нам ряд более или менее совпадающих по времени примеров сходного общественного развития. Правда, одновременность этих явлений не более чем приближительна. Промышленная революция в Британии разворачивалась как уникальное явление по меньшей мере за два поколения до ее начала в Америке, а зарождение того же процесса в Германии доказало ее повторяющийся характер. Неудачно объединенные до Гражданской войны Соединенные Штаты просуществовали «восемьдесят и семь лет»⁸, а неустойчивая постнаполеоновская Германская конфедерация — примерно полвека⁹ до того, как критические события 60-х годов прошлого века доказали, что федеральный союз — это явление повторяющееся, возникшее впоследствии не только в Канаде, но и в Австралии, Южной Африке и Бразилии¹⁰. Одновременность не является существенным фактором при повторении истории в политической и культурной сферах человеческой деятельности. Сходные исторические события могут происходить строго параллельно, могут лишь частично совпадать по времени или совершенно не быть современными относительно друг друга.

Такая же картина открывается, если мы перейдем к рассмотрению величайших общественных институтов и человеческого опыта, известного нам: цивилизаций, их рождения и развития, их надломов, упадка и распада; высших религий в их формировании и эволюции. Если мерить время при помощи субъективной мерной линейки — среднего объема памяти отдельного индивида, доживающего

до нормальной старости, — то временной интервал, отделяющий наше нынешнее поколение от эпохи зарождения Шумерской цивилизации в четвертом тысячелетии до н. э. или от начала христианской эры, будет, без сомнения, очень велик. И тем не менее он бесконечно мал, если судить по объективной временной шкале, не так давно ставшей доступной нам благодаря открытиям геологов и астрономов.

Современная западная естественная наука утверждает, что человеческий род существует на этой планете по меньшей мере 600 тысяч лет, а возможно, и миллион лет, жизнь вообще — не менее 500 миллионов, а может быть, и 800 миллионов лет, сама же планета существует, вероятно, два миллиарда лет¹¹. На этой временной шкале последние пять-шесть тысяч лет, увидевших рождение цивилизаций, и три-четыре тысячи лет с зарождения высших религий — периоды настолько краткие, что их практически невозможно отложить на графике общей истории планеты до нынешнего момента ни в каком масштабе. На этой истинной шкале времени все события «древней истории» — фактические современники нашего общества, сколь бы далекими они ни казались сквозь линзу микроскопического индивидуального, субъективного человеческого мысленного взора.

Думается, напрашивается вывод, что история человечества действительно временами повторялась, в значительной мере даже в тех сферах человеческой деятельности, где желание и воля человека были ближе всего к овладению ситуацией и менее всего зависели от влияния природных циклов. Должны ли мы теперь заключить, что детерминисты в конце концов правы и то, что выглядит как свобода воли, есть лишь иллюзия? По мнению автора статьи, правильный вывод как раз противоположен этому. С его точки зрения, эта тенденция к повторению, утвердительно проявляющаяся в деятельности человека, есть выражение хорошо известного механизма творческой способности. Результаты процесса творения имеют тенденцию появляться группами: группа представителей данного вида, группа видов данного рода. И смысл таких повторений в конечном итоге не так трудно распознать. Этот процесс творения вряд ли мог бы далеко зайти, если бы каждый новый вид созданий не был представлен множеством яиц, раскиданных по множеству корзинок. Ну как по-иному мог бы создатель, земной ли, божественный ли, обеспечить себя достаточным количеством строительного материала для смелых и плодотворных экспериментов и эффективными средствами для исправления неизбежных ошибок и неудач? Если история человечества повторяется, то лишь в соответствии с общим ритмом Вселенной; но значение этой модели повторений заключается в том, какой масштаб она определяет для

движения вперед процесса творения. В этом свете повторяющийся элемент в истории проявляется как инструмент творческой свободы и не означает, что Бог или человек является рабом судьбы.

Какое же отношение имеют эти выводы и заключения об истории в целом к конкретному вопросу о перспективах Западной цивилизации? Как мы отметили в начале статьи, Западный мир внезапно стал очень обеспокоен собственным будущим, и наше беспокойство есть естественная реакция на угрожающую ситуацию, в которой мы оказались. А ситуация действительно угрожающая. Обзор исторического пейзажа в свете известных нам данных показывает, что к настоящему моменту история повторилась около двадцати раз, воспроизводя общества такого вида, к которому принадлежит наш Западный мир, и что, за вероятным исключением нашего собственного общества, все представители этого вида обществ, называемых цивилизациями, уже мертвы или находятся в стадии умирания. Более того, когда мы детально рассматриваем эти мертвые или умирающие цивилизации, сравнивая их между собой, мы находим указания на повторяющуюся схему процесса их надлома, упадка и распада. Естественно, мы задаем себе вопрос, не должна ли именно эта глава истории неизбежно повториться и в нашем случае? Предстоит ли и нам процесс упадка и распада как некий неизбежный рок, от которого ни одной цивилизации не уйти? По мнению автора, ответом на этот вопрос должно быть категорическое «нет». Попытка или новое проявление жизни, будь это новый вид человеческого общества, весьма редко — а скорее никогда — не удастся с первого раза. В конце концов, процесс творения не такое уж легкое предприятие. Наивысший успех достигается методом проб и ошибок; и следовательно, неудача первых экспериментов не только не обрекает последующие опыты на очередной неизбежный провал, но фактически дает возможность добиться успеха за счет мудрости, обретенной через страдание. Разумеется, серия предыдущих неудач не гарантирует успеха новичку, но и не обрекает его на неудачу в свою очередь. Ничто не может помешать Западной цивилизации последовать при желании историческому прецеденту, совершив социальное самоубийство. Но мы отнюдь не обречены на то, чтобы заставить историю повторить себя; перед нами открыт путь — при помощи собственных усилий — придать истории новый, не имеющий прецедента поворот. Мы, люди, наделены свободой выбора, и мы не можем сбросить груз ответственности на плечи Господа или природы. Мы должны взять это на себя. Это нам решать.

Что делать, чтобы спастись? В политике — установить конституционную кооперативную систему мирового правительства. В области экономики — найти работающие компромиссы (которые могут варьироваться в зависимости от условий и требований места

и времени) между свободным предпринимательством и социализмом. В области духовной — вернуть светские суперструктуры на религиозное основание. Сегодня у нас, в Западном мире, предпринимаются усилия, чтобы найти пути к достижению всех трех целей. Если удастся решить все три задачи, то мы будем иметь основания считать, что выиграли нынешнюю битву за выживание нашей цивилизации. Но все это вместе — весьма амбициозные предприятия, которые потребуют тяжелейшего труда и огромного мужества, прежде чем нам удастся заметить хоть какое-то продвижение к цели.

Из трех упомянутых задач религиозный вопрос, конечно, является самым существенным, но два других абсолютно неотложны, ибо, если в ближайшее время потерпим неудачу в этих двух, мы можем навсегда утратить возможность духовного возрождения, которого нельзя добиться с налету, когда захотелось; оно придет только неспешным шагом (если придет), характерным для глубочайших течений духовного созидания.

Из всех трех задач самой неотложной является политическая. Ближайшая проблема здесь имеет отрицательный знак. Поскольку перед нами открывается перспектива, что при нашей нынешней независимости и современных вооружениях, учитывая, что мир стоит на пороге политического объединения тем или иным способом, мы обязаны предотвратить разрушительные последствия в случае, если объединение произойдет при помощи военной силы: знакомый метод насильственного установления Pax Romana может, вероятно, быть избран как линия наименьшего сопротивления при решении кризисных политических проблем, в тисках которых находится наш сегодняшний мир. Могут ли Соединенные Штаты и другие страны Запада наладить сотрудничество с Советским Союзом при посредстве Организации Объединенных Наций? Если ООН смогла бы стать эффективной системой мирового правительства, это было бы наилучшим разрешением нашего главного политического противостояния. Но мы должны считаться и с возможностью неудачи в этом предприятии и быть готовыми, в случае провала, к альтернативному решению. Не может ли случиться так, что ООН расколется де-факто на две группы без нарушения мира и порядка? И если предположить, что вся планета была бы мирным путем разделена на американскую и советскую сферы, смогли бы два мира на одной планете жить плечом к плечу на основе «ненасильственного несотрудничества» достаточно долго, чтобы дать шанс постепенному ослаблению и смягчению нынешних разногласий в общественной и идеологической областях? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, сможем ли мы на этих условиях выдержать достаточно долго, чтобы решить стоящую перед нами экономическую задачу — найти средний путь между свободным предпринимательством и социализмом.

Хотя эти загадки иногда трудно разгадать, они на самом деле просто и открыто говорят о том, что нам следовало знать прежде всего. Они говорят, что наше будущее зависит от нас самих. Мы не просто заложники неотвратимой судьбы.

ГРЕКО-РИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я начну с вопроса, затронутого профессором Гилбертом Мэреем*. Он утверждает, что в Греко-римском мире письменное слово имело функцию, в чем-то схожую с машинописным текстом, обычно используемым диктором в радиостудии. Как и сегодняшний дикторский текст, греко-римская «книга» была на самом деле набором мнемонических приемов для связывания отдельных изречений, а не книгой в современном смысле, предназначенной для чтения про себя и для себя, как наши обычные томики книг, продукция современных издательств.

Однако Греко-римский мир ни в какой момент своей истории не охватывал всего человечества в целом. Всегда рядом с ним бок о бок существовали другие общества, и некоторые из этих обществ рассматривали книгу с совершенно противоположной стороны. В сирийском обществе, к которому принадлежали и иудеи, книга определенно не считалась простой памяткой для разговора или дискуссии. Ее почитали как откровение Божие: священный предмет, в котором каждый знак и каждая буква написанного текста имели магическую силу и от этого неизмеримую ценность.

Одна из странностей истории заключается в том, что наш традиционный путь изучения греческой и латинской классики унаследован от иудейского метода изучения Закона и пророков. Другими словами, мы общаемся с греческими и латинскими книгами абсолютно не так, как они использовались и как были задуманы их авторами и чтецами в те времена, когда были созданы.

Наш талмудический¹ способ изучения книг имеет свои преимущества, столь очевидные, что нет смысла здесь о них говорить. Если однажды вас вымуштровали в таком духе, вы до конца жизни будете читать все тщательно и подробно, а это, без сомнения, лучше,

* См.: *Murray G. G. Greek Studies* (Oxford: Clarendon Press, 1946) — «Введение в курс греческой литературы». Эта работа проф. Мэррея изначально была прочитана студентам Оксфордского университета как лекция в «подготовительном курсе перед курсом «*Literae Humaniores*». Лекция, лежащая в основе данной статьи, была следующей за лекцией проф. Мэррея.

нежели читать на ходу, как газету по дороге на работу. Это урок, который не следует забывать никогда, но это не последний урок, который преподает нам Греко-римская цивилизация. Нельзя ограничивать себя этой узкой и обманчивой перспективой, которая составляет отрицательную черту столь детального, тщательного талмудического изучения священных книг или классиков. Талмудический подход несет в себе два порока. Он склоняет к тому, чтобы воспринимать книгу как вещь в себе — нечто статичное и мертвое, вместо того чтобы видеть в ней то, что есть в действительности, — материальный след или эхо, отголоски человеческой деятельности (ибо интеллектуальные действия есть столь же аутентичная форма деятельности, как волевые усилия или физическая энергия). Второй порок есть практически то же самое, но выраженное более общими или философскими понятиями. Талмудический метод изучения предрасполагает к тому, чтобы рассматривать жизнь в категориях книг, а не наоборот. Противоположный метод — греческий подход — заключается в том, чтобы изучать книги не только ради изложенного в них, но и как ключ к жизни тех, кто их написал.

Если бы кто-то попытался, избрав талмудический, а не эллинский подход, сконцентрировать свое внимание на каком-либо конкретном периоде греческой или римской истории ради одного из знаменитых литературных трудов, дошедших до нас, его видение истории было бы сильно искажено, ибо сохранность одних памятников греческой и латинской литературы и утрата других были обусловлены известными историческими причинами; и эти причины не имеют ничего общего с вопросом о том, насколько эпоха, литература которой дошла до нас, более значима, нежели эпоха утраченной литературы.

Чтобы показать, что я имею в виду, отвлечемся на минуту от латинских книг, дошедших до нас, и обратим внимание на сохранившиеся греческие. Если посмотреть список сохранившихся греческих книг, будет видно, что большинство из них написаны в один из двух периодов, разделенных между собой примерно тремя веками. Наиболее известные — в основном «классики» — написаны за период, охватывающий не более пяти-шести поколений и заканчивающийся поколением Демосфена (то есть примерно между 480 и 320 годами до н. э.)². Но есть и другая группа, дошедшая до нас, которая начинается с I века до н. э. трудами таких писателей, как Диодор Сицилийский и Страбон. Эта более поздняя группа греческих авторов, пожалуй, обширнее, нежели более ранняя, и включает такие известнейшие имена, как Плутарх, Лукиан, Арриан, Эпиктет и Марк Аврелий³. По существу, вся дошедшая до нас греческая литература берет начало либо в «классической», либо в «имперской»

эпохе. От промежуточной «эллинистической эры»⁴ сохранились либо очень краткие, либо отрывочные, фрагментарные работы.

Почему это так? Подбор на первый взгляд кажется случайным, но нам, к счастью, известна его причина. Причина в том, что при поколении Августа Греко-римский мир, к тому времени уже разваливавшийся в течение четырех веков, до 31 года до н. э.⁵, сделал отчаянную попытку, имевшую временный успех, собраться воедино. Психологически эта попытка приняла форму ностальгии по прошлому, которое уже казалось золотым веком, когда жизнь была счастливее и роскошнее, чем в последние века дохристианской эры. Люди, жившие тогда и ощущавшие эту ностальгию, искали утешения в архаизме, в преднамеренных попытках искусственно восстановить прошлое счастье, красоту и величие. Это архаистическое движение «имперского века» нашло свое отражение в религии и литературе. В литературе оно привело к отказу от современного «эллинистического» стиля ради изучения и воспроизведения более древнего классического, аттического⁶, стиля и к абсолютному безразличию к тем книгам, которые не были либо классическими оригиналами, либо, напротив, ультрасовременными неоаттическими подражаниями.

Именно этим можно объяснить, почему сохранившаяся греческая литература почти исключительно представляет либо «имперский век», либо «классический век» и почему промежуточный «эллинистический век» по большей части выпадает из этого ряда. Однако для историка это не означает, что «эллинистический век», мол, не стоит того, чтобы его изучать. Как раз напротив, историк думает про себя: такая разница в ощущении счастья, удачи и цивилизации между греко-римским обществом последнего дохристианского века и греческим обществом V века до н. э. есть нечто поразительное и — жуткое, ибо люди последнего дохристианского века были явно правы. Действительно, в промежуточный период имел место чудовищный регресс, невероятный спад. Каким образом и почему этот спад произошел? Историк видит, что греко-римское общество достигло временного подъема во времена Августа после битвы при Акции. Он видит также, что предшествовавший этому надлом начался с развязывания Пелопоннесской войны четыремя веками ранее. Для него, историка, насущным становится вопрос: что же именно сбилось в общественном механизме в V веке до н. э., продолжаясь до I века до н. э.? Так вот, решение этого вопроса может быть найдено лишь в том случае, если греческая и римская история будут подвергнуты исследованию как единое, неделимое целое. Таким образом, с точки зрения историка, дефект нашей традиционной программы в том, что она предусматривает обязательное изучение трудов Фукидида как первой главы этой истории и трудов Цицерона как последней главы⁷, но нимало не побуждает к изучению

промежуточных «глав», ибо они не отражены в каких-либо освященных, канонических, «классических» трудах греческой или латинской литературы. А между тем, если эти промежуточные «главы» опущены, труды Фукидида и Цицерона превращаются в отдельные бесформенные обрывки истории крушения, из которых невозможно ни сложить целостную картину краха, ни воссоздать истинный вид корабля-общества.

Представим себе гипотетическую параллель в истории нашего собственного общества. Нарисуем картину последствий войны*, где и Великобритания, и континентальная Европа разрушены до основания, так что в колыбели Западной цивилизации — ее европейском доме, пришедшем в упадок, — уже ничего никогда происходить не будет. Эта гипотетическая картина Европы перед концом XX века соответствует реальной картине истории Греции, последнего века до нашей эры. Теперь предположим, что «англосаксонской» ветви Западной цивилизации удалось каким-то образом выжить — искаленной, чахлой, одичавшей — в заморских англоязычных странах. Далее, нарисуем мысленно картину того, как американцы и австралийцы пытаются спасти остатки европейского культурного наследия, в особенности сохранить чистоту английской речи и английского литературного стиля. Что они сделают в такой ситуации? Они декретируют, что единственный «классический» вариант английского языка — это язык Шекспира и Милтона⁸; они будут преподавать лишь этот вариант языка в своих школах и писать только на нем — или, вернее, на том, что они СЧИТАЮТ языком Шекспира и Милтона, — в своих газетах и журналах. И поскольку жизнь станет достаточно тяжелой и жестокой, а книжный рынок сильно сузится, они позволят всей английской литературе промежуточного периода — от Драйдена до Мэнсфилда⁹ включительно — просто исчезнуть**.

Такова, мне кажется, точная аналогия, в известных нам понятиях, того, что на самом деле произошло с греческой литературой. Но представим себе, что то же случилось и в наше время; предположим, что по той или иной причине вся английская литература, от Реставрации до поствикторианской¹⁰ эпохи включительно, была бы дискредитирована и забыта, — разве логично было бы предположить, что XVIII и XIX века, когда была создана бóльшая часть этой литературы, не имели никакого значения в истории Западного мира?

* Лекция, на которой основана эта статья, была прочитана в период между войнами (1918—1939).

** В тот момент, когда писались эти строки, автор не мог предположить, что доживет до времени, когда его умозрительная фантазия частично сбудется.

Вернемся теперь к латинским книгам. Я попрошу моих читателей рассматривать латинских «классиков» — хотя концепция, которую я хочу предложить в отношении этой литературы, может на первый взгляд удивить — как дополнение к дошедшим до нас греческим трудам «имперского века», как вариант греческой литературы в латинском одеянии. Наиболее ранние из существующих полных трудов на латыни, сохранившиеся пьесы Плавта и Теренция, представляют собой явные переводы «эллинистических» греческих оригиналов¹¹. И я должен сказать, что в более тонком смысле вся латинская литература, включая даже такие шедевры, как поэмы Вергилия, является вариантом греческих оригиналов, переведенных на латынь. В конце концов, я мог бы подкрепить свой довод цитатой из одного из самых известных латинских поэтов. Правда, цитата настолько избитая, что я с трудом заставляю себя ее привести: «Покоренная Греция пленила своего дикого покорителя и познакомила неотесанного латина с искусством» («*Greecia capta ferum victorem capit et artes intalit agresti Latio*»)¹².

Мы все знаем эти строки и знаем, что это верно. Чисто лингвистические различия между латынью и греческим языком несколько не разрушают литературного стиля и не образуют разрыва в истории литературы. В конце концов, наша собственная современная западная литература создается на десятках различных национальных языков — итальянском, французском, испанском, английском, немецком и др., и тем не менее никому не придет в голову сказать, что это совершенно различные отдельные литературы и что каждая из них стала бы тем, что она есть, если бы не было постоянного — столетиями — взаимобмена между этими современными друг другу западными разговорными языками. Данте, Шекспир, Гёте и другие гиганты — все они являются выразителями литературы единой и неделимой. Различия между лингвистическими средствами не имеют решающего значения. Латинская литература так относится к греческой, как, я бы сказал, английская — к итальянской или французской.

Давайте посмотрим на соотношение между латинской и греческой литературой в другом ракурсе. Воспользуемся сравнением с волновым движением и представим Греко-римскую цивилизацию как движение в духовной среде — выделение духовной энергии, которая излучается из источника первичного вдохновения в Греции и распространяет свое влияние вовне, действуя во всех направлениях, концентрическими волнами; природа волнового движения такова, что, проходя через сопротивляющуюся среду, волна слабеет, и тем меньше ее энергия, чем дальше она распространяется от источника излучения, пока в конечном итоге, пройдя определенное расстояние, волна не затухает совсем. А теперь попробуем проследить направление волны греческой литературы на ее пути за пределами Греции.

В самом начале, вблизи от дома, мощь волны столь велика, что она несет с собой и сам греческий язык. Когда Ксанф Лидийский в V веке до н. э. принялся за написание истории в греческом стиле, он позаимствовал не только стиль, но и греческий язык¹³, и даже совсем вдали от источника. Однако в том же направлении в Каппадокии в IV веке христианской эры влияние греческой литературы столь сильно, что она по-прежнему влечет за собой и греческий язык. Каппадокийцы — Григорий Назианзин и др. — воспользовались этим чужим для них языком, пробудившись к литературной деятельности, в IV веке н. э., ибо волна греческого влияния к тому времени только докатилась до них¹⁴. Но уже примерно веком позже, когда та же волна, странствуя дальше, достигла Сирии и Армении, она ослабла настолько, что греческий язык остался где-то позади и литература, созданная здесь в греческом стиле сирийцами и армянами, пишется уже не на греческом, а на восточноарамейском и армянском языках¹⁵.

Теперь проследим движение волны в противоположном направлении — не на восток, а на запад. В этой стороне, достигнув Сицилии, волна еще так сильна, что она просто сметает негреческий язык аборигенов. Насколько нам известно, никаких литературных трудов, написанных на языке сикулов, в Сицилии вовсе не было, как не было и в Малой Азии ничего написано на лидийском наречии. Греческий язык на столь близком расстоянии пересилил местные языки. Я уже упоминал о труде, написанном по-гречески историком, жившим в I веке до н. э., — Диодором Сицилийским. Сам Диодор происходил из древних сикулов, а не поздних сицилийцев или греческих колонистов. Его родной город Агириум в самой глубине острова был исконным городом сикулов, там никогда не было греческих колоний¹⁶. Однако Диодор, абсолютно естественно, пишет на греческом языке. Правда, в его время существовал вариант греческой литературы на родном языке сикулов и на нем уже начинали создаваться великие произведения искусства. Однако это происходило уже значительно дальше, в центре Апеннинского полуострова в Лации, где волна греческого влияния была слабее. Этот континентальный итальянский вариант греческой литературы создавался в Лации на живом местном латинском языке, который, по-видимому, был почти идентичен вымершему языку сикулов, обитавших в Сицилии¹⁷. Когда волна греческого литературного влияния достигла Лации в своем движении на запад, греческий язык остался позади, уступив место живому местному разговорному языку, точно так же как это было с арамейским и армянским языками при движении на восток — примерно на то же расстояние.

Концепцию Греческой цивилизации как излучения из Греции — четырехмерного излучения в пространстве-времени — можно

проиллюстрировать и примерами из истории монетной системы. В IV веке до н. э. при македонском царе Филиппе в покоренной им Фракии, близ горы Пангей, началась разработка золотых и серебряных месторождений¹⁸. Из добытого металла чеканилось большое количество монет. Эти деньги не только служили для подкупа политиков и чиновников греческих городов-государств полуострова, но и распространились также на северо-запад, в глубь континентальной Европы. Монеты Филиппа переходили из рук в руки, их копировали один за другим монетные дворы варваров, и, наконец, эта монетная волна пересекла Ла-Манш, разлившись по Британским островам. Нумизматам удалось собрать почти полные серии этих монет — от оригинальных выпусков Филиппа IV века до н. э. до британских копий, отчеканенных двумя-тремя веками позже. (Такое расстояние волна смогла пройти за несколько веков.) В наших музеях есть несколько таких серий, и те черты, которые мы отметили в движении литературной волны, проступают еще ярче в волне монетной. Пока она движется, все дальше удаляясь в пространстве от первоначального места эмиссии и все дальше отстоя во времени от первоначальной даты выпуска, она все более и более слабеет. Латинский вариант греческой литературы ощутимо ниже уровнем, нежели оригинал; и точно так же, только в еще более гротескной форме, британские имитации монет царя Филиппа хуже оригинальной чеканки. В самых поздних по времени и дальних по месту изготовления копиях профиль македонского царя и греческая надпись дегенерировали настолько, что превратились в бессмысленный узор. Если бы у нас не было возможности сравнить их с промежуточными выпусками, мы так никогда бы и не узнали, что существует некая художественная связь между этими поздними британскими монетами и их македонским оригиналом. Никто бы просто не догадался, что узор на британских монетах когда-то представлял собой надпись на греческом языке, окружающую человеческий профиль.

Прежде чем мы оставим сравнение с волновым излучением, стоило бы вспомнить еще об одной волне Греческой цивилизации, имевшей несколько иное и более неожиданное — а по моему мнению, и значительно более интересное — последствие. Если посмотреть на современный японский шрифт или средневековую китайскую живопись, восходящую, скажем, к периоду династии Сун¹⁹, то не сразу возникает ассоциация с греческим стилем в искусстве. Действительно, первое впечатление таково, что мы сталкиваемся с искусством, отстоящим от греческого еще дальше, чем от нашего сегодняшнего. И тем не менее если взять какое-либо произведение искусства золотого века Дальнего Востока, скажем, между V и XV веками н. э., то можно провести параллель с движением британских монет последнего века дохристианской эры. То есть мы проследим непрерывную

цепь произведений искусства, растянувшуюся назад во времени от II тыс. н. э. и на запад в пространстве от Китая через бассейны Тарима и Окса — Яксарта, Афганистан и Персию, Ирак, Сирию и Малую Азию, пока не достигнем того же пункта в пространстве и времени, к которому нас привели серии монет, а именно к искусству «классического периода» Греции во времена, предшествовавшие поколению Александра Македонского. И по мере этого движения в кильватере волны японские изображения Будды постепенно, через неощутимые стадии, превращаются в греческие изображения Аполлона²⁰.

Но здесь, разумеется, существует очевидное различие между волной, которая начинается в классической Греции и заканчивается британскими монетами, и той другой, что также начинается в Греции того же периода, но заканчивается японским пейзажем и статуей Бодхисатвы²¹. В обоих случаях историческая связь между конечным продуктом и его прототипом неузнаваема до тех пор, пока не встанут на свои места промежуточные стадии; правда, эти две кривые, если воспользоваться математическим термином, совершенно различны по своим свойствам.

В сериях монет мы наблюдаем простой случай вырождения. Искусство становится все беднее, постепенно ухудшаясь по мере удаления в пространстве и во времени от Греции IV века до н. э. Другая кривая, направленная не в Галлию и Британию, а в Китай и Японию, начало имеет сходное. Но по мере того, как греческое искусство «эллинистического» и раннего «имперского» периодов распространяется на восток через пространство исчезнувшей империи персов, достигая Афганистана, оно становится все более условным, серийным и безжизненным. А затем происходит нечто, похожее на чудо. В Афганистане это дегенерирующее греческое искусство сталкивается с другой духовной силой, излучаемой из Индии: это одна из форм буддизма — махаяна. И выродившееся греческое искусство, соединившись с искусством махаяны, рождает совершенно новую и в высшей степени творческую цивилизацию — цивилизацию махаянистского буддизма, которая распространилась к северо-востоку через всю Азию, став в конечном итоге цивилизацией Дальнего Востока.

Тут мы сталкиваемся с одним удивительным свойством этих духовных волн. Хотя их естественная тенденция — ослабевать по мере распространения, тенденция эта может быть нейтрализована и преодолена, если сталкиваются и сливаются две волны, излучаемые из различных центров. Слияние греческой и индийской волн способствовало рождению буддийской цивилизации Дальнего Востока. Но существует еще один пример такого чуда, значительно более близкий нам. Та же греческая волна слилась с сирийской, и именно этот союз дал жизнь христианской цивилизации Западного мира.

Итак, покончим с нашими сравнениями. Это образный метод, позволяющий несколько ярче представить себе историю различных цивилизаций, но он эффективен только до определенной степени. Если отнестись к этому методу слишком серьезно и не отставить его своевременно в сторону, он может стать препятствием к более глубокому проникновению в историю. Метафорическое приложение законов и процессов мира неживой природы к описанию жизненных процессов, в особенности человеческой жизни, сейчас, видимо, особенно опасно, хотя бы из-за того, что стало чересчур модным. Не так давно опасность грозила совсем с другого конца. Мы привыкли думать о процессах неживой природы антропоморфически, что серьезно мешало прогрессу физической науки до тех пор, пока наконец не был отброшен этот привычный антропоморфический, мифологический подход к явлениям неживой природы. Мне кажется, мы отказались от него окончательно. В физической науке мы тщательно оберегаемся от так называемого патетического заблуждения. Хотя, возможно, в попытках избавиться от «патетического заблуждения» мы непроизвольно и неосознанно впадаем в противоположное, «апатетическое заблуждение», ничуть не менее ошибочное²². Поскольку это выглядит и звучит «научно», а все научное сегодня престижно, мы склонны рассматривать людей как бревна или камни, а жизнь в целом — как излучение или поток протонов и электронов. Сравнение может быть удобным, но я уверен, что этот путь ошибочен. Давайте выберемся из привычной колеи и будем говорить о человеческих цивилизациях в человеческих понятиях.

Итак, как можно в человеческих понятиях описать греческую, или нашу Западную цивилизацию, или любую другую из десяти или двадцати цивилизаций, которые можно пересчитать по пальцам? Я должен сказать, что каждая из этих цивилизаций есть своеобразная попытка единого, великого, общечеловеческого творчества или, если смотреть на нее ретроспективно, после ее завершения, это своеобразный пример единого, великого, общечеловеческого опыта. Это творчество, или опыт, есть попытка совершить акт созидания. В каждой из этих цивилизаций человечество, я думаю, пытается подняться над собственной природой — над примитивной человеческой природой, я хотел бы сказать, — к более высокому уровню духовной жизни. Эту цель описать невозможно, ибо никому еще не удалось ее достичь, или, я бы сказал, ни одному обществу не удалось ее достичь. Возможно, отдельным людям это удавалось. По крайней мере я мог бы назвать некоторых святых или мудрецов, сумевших, мне кажется, в своей личной жизни достичь этой цели; во всяком случае, того, что мне представляется духовной целью. Однако если и существовали отдельные личности, достигшие преобразования, то такого явления, как цивилизованное общество,

никогда не было. Цивилизация, как мы ее понимаем, — это движение, а не состояние, странствие, а не убежище. Ни одна из известных нам цивилизаций не достигла своей конечной цели. Никогда на этой земле не существовало Сообщества Святых. В самом цивилизованном обществе, в самые цивилизованные его периоды подавляющее большинство его членов оставались очень близки к примитивному уровню человеческого существования. И ни одному обществу не удавалось удержаться на том гребне духовного развития, которого ему удавалось достичь. Все цивилизации, о которых мы знаем, включая и Греческую, уже распались и исчезли, за исключением, пожалуй, нашей нынешней Западной цивилизации, но никто из сынов этой цивилизации, рожденных в нашем поколении, даже не вообразит, что наше собственное общество защищено от опасности разделить общую участь.

Я полагаю, что цивилизации рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные Вызовы. Они надламываются и распадаются тогда, когда встречают Вызов, на который им не удастся ответить. Вполне естественно, что в истории существуют Вызовы, с которыми сталкивалась не одна цивилизация. И греко-римская история именно потому представляет для нас особый интерес, что Греческая цивилизация надломилась в V веке до н. э., не сумев найти достойного Ответа на тот самый Вызов, который сегодня стоит перед нашей собственной цивилизацией.

Если мы развернем свиток греческой истории, то увидим, что исследуем и сам этот судьбоносный Вызов, и катастрофическую неспособность найти Ответ на него. Чтобы представить, в чем же состояло существо Вызова, я должен напомнить выдающиеся события греческой истории до начала Пелопоннесской войны 431 года до н. э. Первое из таких событий — создание городов-государств вдоль берегов Эгейского моря, принесших закон и порядок на место социального междуцарствия, последовавшего за падением прибрежной Минойской империи²³. Следующим событием можно считать пресс роста народонаселения в колыбели новой цивилизации — на Ионических островах и в континентальной части Греции — и его несоответствие средствам существования. Третье событие — ослабление этого пресса благодаря колониальной экспансии по всему Средиземноморью: основание колониальных греческих полисов на землях варваров²⁴. Четвертое событие — прекращение греческой колониальной экспансии в течение VI века до н. э., частично из-за успешного сопротивления жертв экспансии, частично благодаря политической консолидации соперников Греции по колонизации западной части Средиземноморья со стороны Леванта: Карфагенской и Этрусской держав на западе и Лидийской империи²⁵, которую сменила значительно более мощная Персидская империя, на

востоке. (С точки зрения греков, Персидская империя сама по себе не так была страшна, как финикийцы на своей родине, в Сирии, чей напор усиливался благодаря персидской поддержке²⁶.)

В тот период, который мы считаем наиболее выдающимся веком Греческой цивилизации — конец VI и начало V века до н. э., — сами греки ощущали себя окруженными и стесненными со всех сторон. По мнению Фукидида, со времен Кира и Дария «Элладу теснили со всех сторон в течение долгого времени, вследствие чего в этот период она не добилась каких-либо выдающихся достижений, более того, жизнь в городах-государствах захирела» (Фукидид. Книга I, гл. 17).

А на взгляд Геродота, «три последующих поколения — в годы правления Дария, сына Гистаспа, и Ксеркса, сына Дария, и Артаксеркса, сына Ксеркса²⁷, — были свидетелями того, что Эллада преодолевала больше трудностей, чем выпало на ее долю за все двадцать поколений, предшествовавших вступлению Дария на трон» (Геродот. Книга VI, гл. 98).

Но, между прочим, это был тот период, когда греческому обществу удалось решить новую экономическую проблему, вставшую перед ним вследствие прекращения географической экспансии. Следовало решить, как поддерживать жизненный уровень все растущего населения в условиях, когда географический ареал стал неизменным, перестав расширяться. В истории Греции эта проблема была решена путем успешного перехода от чисто экстенсивной к более или менее интенсивной экономической системе: от смешанного хозяйства, предназначенного лишь для местного пропитания, к специализированному хозяйству на экспорт. Эта революция в сельском хозяйстве вызвала общую революцию в экономической жизни Греции, поскольку новое, специализированное сельское хозяйство потребовало дополнительного развития торговли и производства. Исследовать греческую экономическую революцию можно, изучая историю Афин времен Солона и Писистрата²⁸. Эта аттическая экономическая революция исторически соответствует английской промышленной революции на рубеже XVIII и XIX веков н. э., и она действительно разрешила экономическую проблему Греции VI века до н. э. Однако решение экономической проблемы в свою очередь вызвало к жизни политическую проблему, с которой Греческой цивилизации справиться не удалось; именно политическая несостоятельность и стала причиной ее распада.

Новую политическую задачу можно представить следующим образом. До тех пор пока экономика каждого из городов-государств была замкнута на ограниченное, локальное потребление, эти полисы могли позволить себе оставаться замкнутыми и в политическом отношении. Локальная суверенность каждого полиса могла вызвать,

и вызывала, постоянные малые войны, однако в тех экономических условиях эти войны не несли с собой социальных катастроф. Однако новая экономическая система, рожденная аттической экономической революцией под прессом прекращения греческой колониальной экспансии, была основана на местном производстве для международного обмена. Она могла действовать успешно лишь в том случае, если полисы отказывались от своего экономического местничества и становились взаимозависимыми. А система международной экономической взаимозависимости могла функционировать только в условиях международной политической взаимозависимости: некоей международной системы политического законодательства и порядка, которые ограничивали бы анархическую местническую суверенность отдельных полисов.

Такой международный политический порядок в готовом виде преподносили греческим полисам VI и V веков до н. э. Лидийская, Персидская и Карфагенская империи²⁹. Персидская империя систематически навязывала упорядоченные политические отношения тем греческим полисам, которые она покоряла; а Ксеркс попытался завершить этот процесс завоеванием остатков независимых регионов Греческого мира. Эти все еще не покоренные греческие полисы отчаянно — и успешно — сопротивлялись Ксерксу, поскольку они справедливо полагали, что персидское господство погубит их цивилизацию. Они не только сохранили свою независимость, но и освободили завоеванные прежде полисы архипелага и Азиатского материка. Однако, отвергнув персидский способ решения греческой политической проблемы, греки-победители встали перед задачей найти какое-то другое решение. Здесь-то они и потерпели фиаско. Одержав победу над Ксерксом в 480—479 годах до н. э., они потерпели поражение от самих себя между 478—431 годами до н. э.

Греческой попыткой установить международный политический порядок был так называемый Делосский союз, основанный в 478 году до н. э. Афинами и их союзниками под афинским лидерством. Следует мимоходом заметить, что Делосский союз был смоделирован по персидскому образцу³⁰. Это очевидно, если сравнить описание системы, принять которую побуждал полисы афинский государственный муж Аристид в 478 году до н. э., с описанием Геродотом (в книге VI, гл. 42) системы, насаждавшейся в этих же самых полисах персидскими властями после подавления так называемого Ионийского восстания³¹, лет за пятнадцать до того. Однако Делосский союз не смог достичь своей цели. И прежняя политическая анархия в отношениях между суверенными, независимыми греческими полисами разгорелась с новой силой уже в новых экономических условиях, что сделало эту анархию не просто пагубной, но смертельной.

Период распада Греко-римской цивилизации в результате неспособности заменить международную анархию некоей международной законностью и порядком составляет историю четырех веков — с 431 по 31 год до н. э. После четырех столетий невзгод и экспериментов наступил период частичного временного расцвета во время правления Августа. Римскую империю, которая на самом деле была международной лигой греческих и других, связанных с ними в культурном отношении полисов³², можно рассматривать как запоздалое решение той проблемы, с которой не справился Делосский союз. Но эпитафией Римской империи будет фраза «слишком поздно». Греко-римское общество почувствовало раскаяние лишь после того, как нанесло себе смертельные раны своими собственными руками. Римский мир был миром от изнеможения, миром несозидательным и уже поэтому непостоянным. Это был мир и порядок, опоздавший на четыре столетия. Чтобы понять, чем была Римская империя и почему она распалась, следует внимательно исследовать историю тех унылых четырех веков.

Я пришел к заключению, что мы должны рассматривать историю тех времен в целом. Только в этом случае она проливает свет на нашу собственную ситуацию в нашем собственном мире, в наши дни. И если удастся в лучах этого света что-то разглядеть, то увиденное, поверьте опыту (*experta crede*), оказывается на удивление поучительным.

УНИФИКАЦИЯ МИРА И ИЗМЕНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Осведомленность — это наркотик для воображения: оттого лишь, что каждый школьник на Западе знает, что заокеанские открытия, сделанные западными мореплавателями около четырех с половиной веков назад, есть эпохальное историческое событие, взрослые умы склонны принимать все последствия этого как нечто само собой разумеющееся. Поэтому, адресуясь к западной публике, я не буду просить извинения за то, что скажу, сколь драматичны и революционны были последствия этого подвига наших отважных предков, пересекших океан. Этот подвиг вызвал не что иное, как полную трансформацию мировой карты — разумеется, не в физическом смысле, но в смысле «расклада» человечества на том отрезке

земной поверхности, на котором оно обитает и который обычно называли Ойкуменой.

Это изменение всей среды обитания человека будет моей первой темой, которая, однако, приведет нас к двум другим. Внешние изменения какой-либо величины обычно вызывают соответствующую перестройку человеческих отношений; и в самом деле, оглядевшись внимательно вокруг, мы увидим, что у большей части человечества последствия тех путешествий-открытий, какими бы недавними они ни были даже в самом мелком историческом масштабе, уже вызвали решительные изменения в перспективном взгляде на историю. Это и будет моей второй темой, но она вновь потянет за собой новую, обнажив один парадокс. То большинство человечества, о котором я упоминаю, находится, разумеется, вне Западного мира, и парадокс состоит в том, что мы здесь, на Западе, остались единственными во всем мире, чей взгляд на историю все еще находится на уровне знаний Васко-да-Гамы¹. Лично я не считаю, что этому допотопному западному взгляду на историю суждено долго оставаться неизменным. Не сомневаюсь, что и нам в свою очередь предстоит переориентироваться, и в нашем случае это состоится в прямом смысле этого слова. Но зачем же ждать, пока История, подобно какому-нибудь прусскому солдафону позапрошлого века, схватит нас за шиворот и повернет нам голову прямо? И хотя наши соседи были недавно научены именно таким способом, неприятным и унижительным, мы должны справиться успешнее, ибо нам не удастся сослаться на то, что нас захватили врасплох, как их. Факты смотрят нам в лицо, и, если чуть напрячь историческое воображение, можно предвосхитить то принудительное обучение, что нам предстоит. Греческий философ-стоик Клеанф² обращается к Зевсу и Фортуне с мольбой даровать ему способность следовать за ними по собственной воле не отступая, «ибо, — добавляет он, — если я упаду духом или восстану, мне все равно придется пройти этот путь».

Итак, углубимся в предмет нашего разговора, напомнив себе о революционном изменении карты мира.

Известно, что человечество по своей природе склонно — всегда и везде — к опасному преувеличению исторического значения современных ему событий вследствие того, что они важны лично для того поколения, которое охвачено этими событиями. И все-таки я рискну предположить, что когда век, в котором мы сейчас живем, останется достаточно далеко позади, чтобы будущие историки могли его рассмотреть в более широкой перспективе, то конкретное, современное нам событие, о котором мы ведем речь, встанет над горизонтом прошлого, как горный пик над равниной. Под выражением «век, в котором мы живем» я подразумеваю последние пять-шесть тысяч лет, за которые человечество, существовавшее до того

уже по крайней мере 600 тысяч лет, добилось того скромного уровня социальных и нравственных достижений, которые мы называем «цивилизацией». Я называю недавнее изменение карты мира «современным», ибо те четыре или пять столетий, в течение которых оно совершается, являются лишь мгновением на временной шкале, что раскрыли перед нами геологи и астрономы нашего времени. А когда я пытаюсь представить себе перспективу, которая открывает события последних пяти-шести тысяч лет будущим историкам, я думаю о тех, кто будет жить на 20 или 100 тысяч лет позже нас, — принимая на веру утверждения современных западных ученых о том, что жизнь на этой планете существует уже около 800 миллионов лет и что планета будет обитаема по крайней мере столь же долго (если, конечно, чрезмерное развитие западного технологического «ноу-хау» не оборвет историю на полуслове)³.

Если мое притязание на историческое значение рассматриваемого события покажется слишком нескромным, то давайте вспомним, каким экстраординарным было это изменение карты мира. Оно имеет, я бы сказал, два аспекта, причем второй из них особенно сенсационен. Во-первых, начиная с 1500 года (будем считать в привычных понятиях нашей эпохи) человечество объединилось в единое всемирное общество. От зарождения истории до примерно этого времени земной дом человечества был разделен на множество изолированных жилищ; начиная с 1500-х годов человеческий род стал жить под одной крышей. Это было совершено велением Божиим с помощью человеческой деятельности, и вот здесь-то мы подходим к поистине сенсационному заключению. Исполнителем этого революционного шага в жизни человечества могло быть любое из различных обществ, представленных на карте мира в тот момент, когда сей шаг совершился, но конкретное общество, которое его реально сделало, как раз наименее соответствовало цели.

Пытаясь вырваться из привычной западной мыслительной установки и посмотреть на эту проблему с менее эксцентричной точки зрения, я стал спрашивать себя, кто из незападных известных деятелей, живших во время, когда несколько групп западных мореплавателей пустились в рискованное предприятие по объединению мира, был в самом центре мира и был самым осведомленным наблюдателем; и я нашел такого человека в лице императора Бабура⁴. Бабур был потомком Тамерлана в пятом поколении, то есть потомком того самого транскеанского завоевателя, который принял последнюю попытку объединить мир путем сухопутных вылазок из континентального центра⁵. Во время жизни Бабура (1483—1530) Колумб достиг Америки, следуя морем из Испании, а Васко да Гама — Индии, следуя из Португалии. Бабур начал свой жизненный путь как правитель Ферганы в долине Яксарта: маленькой страны,

которая была центром Ойкумены со II века н. э.⁶ Бабур завоевал Индию 22 года спустя после того, как Васко да Гама прибыл туда морем. Наконец, что не менее важно, Бабур был писателем, его великолепная автобиография на родном для него тюркском языке отражает недюжинный ум и проницательность.

Каков же был кругозор Бабура? К востоку от Ферганы он включал в себя и Индию и Китай, а на западе простирался до отдаленных родственников Бабура — османских турок⁷. Бабур учился у турок военному искусству и восхищался их преданностью исламу и доблестью в распространении ислама. Он называет их «Гази Рума»⁸: счастливыми воинами, которым удалось то, в чем с треском провалились примитивные мусульмане-арабы, то есть ему удалось отвоевать для ислама родину восточноправославного христианства. Мне не удалось найти ни одного упоминания о западном христианстве ни в мемуарах Бабура, ни в исчерпывающем географическом указателе при великолепном переводе г-жи Беверидж⁹. Разумеется, Бабуру было известно о существовании франков¹⁰, поскольку он был образованным человеком и хорошо знал свою исламскую историю. Если бы у него был случай упомянуть о них, он, вероятнее всего, описал бы их как жестоких, но не стойких неверных, живущих в отдаленном уголке мира, на самой западной оконечности одного из многих полуостровов Азиатского континента. Примерно за четыреста лет до его времени, продолжил бы автор, эти варвары предприняли дьявольскую попытку вырваться из своего тесного и неприятного уголка на широкие и богатые просторы Рума и Дар-аль-Ислама¹¹. Это был критический момент для судеб цивилизации, но неотесанные агрессоры были остановлены гением Саладина¹², а к их военным неудачам прибавилось сокрушительное моральное поражение, когда христиане Рума, столкнувшись с необходимостью выбора между двумя возможными будущими повелителями, избрали традиционный путь, предпочтя «тюрбан пророка» «папской тире» и приняв благо Османского мира¹³.

Создается впечатление, что прибытие кораблей франков в Индию в 1498 году, за двадцать один год до первого набега самого Бабура в Индию в 1519 году, ускользнуло от внимания Бабура, если только его молчание не объясняется не столько незнанием, сколько ощущением, что блуждания по свету этих морских цыган недостойны упоминания историка. Так что же, этот как будто образованный трансокеанский ученый и человек дела не заметил предостережения в плавании португальцев вокруг Африки? Неужто он не признавал, что покорители океана, франки, обошли ислам с фланга и зашли ему в тыл? Да, я думаю, что Бабур был бы страшно удивлен, если бы ему сказали, что та империя, которую он основал в Индии, вскоре перейдет от его потомков к франкским преемникам.

Он не имел даже отдаленного представления о тех изменениях, что произойдут в мире между его поколением и нашим сегодняшним. Но все сказанное не ставит под сомнение ученость Бабура; это еще один пример странности в определении приоритетного события в истории нашего времени.

С 1500 года карта Ойкумены действительно преобразилась до неузнаваемости. До тех пор она представляла собой полосу цивилизаций, охватывающую Старый Свет от Японских островов на северо-востоке до Британских островов на северо-западе: Япония, Индокитай, Индонезия, Индия, Дар-аль-Ислам, Православный Христианский мир Восточной Римской империи (Рум) и другой Христианский мир на Западе. Хотя эта полоса как бы провисала в середине от северной умеренной зоны к экватору и поэтому проходила через довольно широкое разнообразие климатических зон и природных особенностей, социальная структура и культурный характер этих обществ были на удивление единообразны. Каждое из них состояло из массы крестьян, живших и работавших почти в тех же условиях, что и их предки на заре агрокультуры где-то за шесть-восемь тысячелетий до того, и ничтожного меньшинства правителей, обладавших монополией на власть, избыточное богатство, праздность, знания и мастерство, которые в свою очередь умножали их могущество. В Старом Свете существовали одно или два еще более ранних поколения цивилизации того же типа¹⁴. В 1500 году некоторые из былых цивилизаций еще хранились в памяти, в то время как другие были забыты (и вынесены снова на свет современными западными археологами). В тот же период в Новом Свете существовали две цивилизации такого же типа, неизвестные в Старом Свете и едва знакомые между собой¹⁵. Живые цивилизации Старого Света контактировали друг с другом, однако не настолько близко, чтобы почувствовать себя членами единого общества.

Их контакт в том виде, в каком он существовал до 1500 года, осуществлялся и поддерживался по двум различным линиям коммуникации. Существовал морской путь, который более поздним поколениям западных людей будет известен как маршрут пароходной компании «Пенинсулар энд ориентал стимшип К^о» из Тилбери в Коуби. С 1500 года и практически до недавнего времени, что случилось и на жизни моего прадеда, командовавшего одним из пассажирских парусников компании «Онорабл Ист-Индия К^о» (яркое воспоминание детства), ушедшего в отставку до открытия Суэцкого канала и никогда не служившего на паровом судне, этот морской путь по цепи внутренних морей пересекался перешейком между Средиземным и Красным морями или — по-другому — между Средиземным морем и Персидским заливом. В средиземноморской и японской частях этого морского пути движение было зачастую очень

оживленным, а примерно со 120 года до н. э. понеслась заразительная волна морских экспедиций, начатая греческими мореплавателями из Александрии, проторившими путь на Цейлон; волна прокатилась на восток до Индонезии и дальше, пока не привела полинезийские каноэ к острову Пасхи¹⁶. Тем не менее, при всем риске и романтике этих дозападных первооткрывателей, морской путь, открытый ими, так и не получил первостепенного значения как способ коммуникаций между цивилизациями. Основная линия контактов проходила по степям и пустыням, прорезавшим полосу цивилизаций от Сахары до Монголии.

Для человека степь была практически морем, только сухопутным, что до самого конца XV века христианской эры делало ее более удобной для общения, нежели соленое безбрежное море. Это безводное море имело свои сухопутные корабли и порты без гаваней. Галеоны степей — это верблюды, степные галеры — лошади, степные порты — караван-сарай, промежуточные порты — в оазисах, конечные пункты приписки — на берегах, где песчаные волны «Пустыни» разбивались о «Засеянное»: Петра и Пальмира¹⁷, Дамаск и Ур¹⁸, тамерлановский Самарканд и китайские торговые ряды у ворот Великой Китайской стены. Лошади, бороздящие степь, вместо парусников, бороздивших океаны, были основным средством передвижения, которое связывало отдельные цивилизации, существовавшие в мире до 1500 года, причем связывало в той степени, непрочной и слабой, в какой они действительно поддерживали контакт друг с другом.

В этом мире, как видите, Фергана Бабура была центром мира, а тюрки во времена Бабура были центральным родом в семействе наций. Тюркоцентричная история мира была опубликована уже в наше время последним из великих прозападных османских турок, президентом Мустафой Кемалем Ататюрком¹⁹. Это был блестящий прием для поднятия морального духа своих соотечественников и еще более блестящий пример подлинной исторической интуиции, ибо начиная с IV века христианской эры, когда из степей были изгнаны последние из индоевропейских народов²⁰, и вплоть до XVII века, увидевшего падение тюркских династий Османов, Сефевидов и Тимуридов, соответственно в Малой Азии, Иране и Индии²¹, тюркоязычные народы действительно были краеугольным камнем азиатской дуги, державшей на себе пояс цивилизаций «до-Васко-да-Гамовского» периода. Все эти двенадцать столетий сухопутные связи между отдельными цивилизациями были под контролем тюркской степной мощи, и из своей центральной позиции в этом «до-Васко-да-Гамовском мире» тюрки совершали свои завоевательные нашествия на восток и на запад, на север и на юг, в Маньчжурию и Алжир, на Украину и в Декан²².

Теперь мы подходим к великой революции: технической революции, благодаря которой Запад составил свое состояние, одержал верх над всеми остальными живыми цивилизациями и насильно объединил их в единое общество всемирного характера в буквальном смысле этих слов. Революционное изобретение Запада — это использование океана вместо степи в качестве основного средства всемирной коммуникации. Передвижение по океану, вначале на парусниках, затем на пароходах, позволило Западу объединить весь обитаемый мир, включая обе Америки. Фергана времен Бабура была центром мира, объединенного конным сообщением через пространство степей; но в течение жизни Бабура центр мира вдруг сделал неожиданный огромный прыжок. Из глубин континента он прыгнул на его крайнюю западную оконечность и, покружив вокруг Севильи и Лиссабона, устроился на время в елизаветинской Англии²³. В наши дни мы наблюдаем, как этот ветреный центр мира перепорхнул вновь, на этот раз из Лондона в Нью-Йорк, хотя это перемещение в еще более эксцентричное положение на другом берегу «селедочной лужи» (Атлантического океана) — всего лишь событие местного масштаба, несравнимое по значимости с прыжком времен Бабура из степных портов Центральной Азии к океаническим портам Атлантики. Тот огромный прыжок был вызван внезапной революцией в средствах передвижения. Степные порты были выведены из строя, поскольку океанские парусники вытеснили верблюды и лошадь; а сейчас, когда на наших глазах океанские пароходы вытесняются самолетами, мы можем задать вопрос, не собирается ли центр мира вновь совершить прыжок — и на этот раз столь же сенсационный, как и в XVI веке, — побуждаемый технической революцией, не менее радикальной, чем замена типчака²⁴ Бабура в XVI веке каравеллами Васко да Гамы. Я вернусь к этой возможности к концу нашего разговора. А пока, перед тем как мы свернем сухопутную карту мира от Бабура и развернем морскую карту, державшую позиции со времен Бабура до наших дней, попробуем сделать переключку среди отдельных цивилизаций, на которые была разделена человеческая раса до поколения Бабура, и кратко поинтересоваться их историческим мировоззрением.

Однородность, которую эти отдельные цивилизации демонстрируют в сфере культурного развития и социальной структуры, распространяется и на их историческое мировоззрение. Каждое из этих обществ было убеждено в том, что оно единственное цивилизованное общество в мире, а остальное человечество — варвары, неприкасаемые или неверные. При такой точке зрения очевидно, что по крайней мере пять или шесть цивилизаций до Васко да Гамы должны были пребывать в заблуждении, а продолжение истории показало, что на самом деле ни одна из них не была права. Все варианты

заблуждения, без сомнения, в равной мере ошибочны, но они могут не быть в равной мере абсурдны, так что весьма поучительно посмотреть на полдюжины соперничающих и взаимно исключаящих версий всеобщего мифа «простого народа» в порядке возрастания пренебрежения здравым смыслом.

Для китайцев их сектор Земного шара обозначался как «Поднебесная», иначе — все поднебесье, а территория под непосредственным правлением имперского правительства называлась «Срединным царством». Эта точка зрения с невозмутимой уверенностью изложена в знаменитом ответе великого императора Цзянлуня (прав. 1735—1795) на письмо короля Великобритании Георга III, предложившего установить между монархами дипломатические и торговые отношения.

«Что же до твоей просьбы о том, чтобы аккредитовать одного из твоих подданных при моем Небесном Дворе и доверить ему контроль над торговлей с Китаем, то она противоречит всем традициям моей династии и не может никак быть исполнена... Церемонии и законы наши настолько отличаются от ваших, что если даже твой посланник и усвоит что-либо из них, то и тогда ты не сможешь привить их на твоей чужой для нас почве... Управляя всем миром, я преследую одну цель, а именно: сохранить благое правление и исполнить предназначение Государства... Чужие и дорогостоящие цели меня не интересуют. Я не придаю особого значения вещам экзотическим или примитивным, и в товарах твоей страны мы не нуждаемся»*.

Если бы посланец варваров лорд Макартни разгласил деликатный секрет, что его правитель периодически терял рассудок²⁵, император ничуть бы не удивился. Ни одному варварскому князьку в здравом уме не пришло бы в голову обращаться к «Сыну Неба», как если бы он был ему ровней; а уж тон составителя британского послания, даже если принять во внимание его невежество, должен был показаться поистине наглым в свете всей истории, как ее понимали Цзянлунь и его окружение.

Цзянлунь самостоятельно творил историю, покорив последние из диких кочевых племен Евразийских степей²⁶ и прекратив таким образом поединок между «Пустыней» и «Подем», который был одним из основных событий в истории последних трех тысячелетий. «Сын Неба» достиг этого исторического свершения практически в одиночку. Единственный, кто мог бы претендовать на свою долю участия в этом процессе, был царь Московский. «Варвары Южного моря» (как китайцы называли западных морских бродяг, которых

* Полный текст см.: *Уайт Ф.* Китай и другие державы. Оксфорд: Университи пресс. Лондон, 1927. Приложение.

прибило к южному побережью Китая с той стороны) не принимали абсолютно никакого участия в достижении этой великой победы во славу оседлой цивилизации. Однако личные достижения государственного мужа и воина Цзянлуня мало что добавляли к сиянию, исходившему от «Сына Неба» *ex officio* (по должности). Империя, которой он правил, была самой древней, самой преуспевающей и самой милосердной из всех существовавших политических институтов. Основание ее в III веке до н. э. дало цивилизованному миру цивилизованное правительство, составленное из отобранных на конкурсной основе и в высшей степени культурных гражданских служащих, вместо международной анархии, в которую ввергли человечество отдельные суверенные государства, руководимые по наследству феодальным нобилитетом и развязывавшие постоянные междоусобные войны²⁷. В течение предыдущих двадцати веков этот тщательно обустроенный мир время от времени давал сбои, но эти сбои всегда оказывались кратковременными, и к концу правления Цзянлуня последнее из возрождений «Срединного царства» было в своем апогее. В этой политической оболочке сохранилось интеллектуальное сокровище: наследие философских школ, искавших ответы на фундаментальные вопросы метафизики и этики. И сыны «Срединного царства» показали, что их врожденная интеллигентность и искусство управления государством были под стать широте взглядов, которую они проявили, восприняв великую иноземную религию, рожденную в Индии, — махаяну — для удовлетворения духовных запросов, которым их собственная оседлая цивилизация не смогла предложить адекватных решений.

Исходя из этих исторических предпосылок, спросим себя, были ли Цзянлунь не прав, отвечая таким образом Георгу III. Несомненно, многие из моих западных читателей улыбнутся, читая его ответ. Разумеется, они улыбаются оттого, что знают последствия, но что эти последствия доказывают? Только то, без сомнения, что император Цзянлунь и его советники не подозревали о том, какую безграничную мощь обрели «варвары Южного моря» благодаря практическому применению новых открытий физической науки. Во время миссии лорда Макартни в Китае было немало образованных людей, причем многим из них, находившихся тогда в цветущем возрасте и при ответственных постах на императорской службе, довелось дожить до того времени, когда Великобритания развязала войну с Китаем и диктовала свои условия под дулом пушек²⁸. Но не доказывает ли такое продолжение истории, что Цзянлунь был столь же мудр в своей политике необщения, сколь и не информирован относительно военной мощи «варваров Южного моря»? Его интуиция предостерегла его от приобретения «экзотических и примитивных» британских товаров, а одним из самых экзотических товаров,

предложенных британскими купцами императорским подданным, был опиум. Когда власти запретили эту торговлю, как и должно было сделать уважающее себя правительство, варвары воспользовались своим военным преимуществом, чтобы пушечным огнем с моря ввести в Китае британскую торговлю на британских же условиях. Я понимаю, что это весьма упрощенное описание «опиумной войны», но по существу это правда, и единственное, что можно сказать в пользу виновников данного международного преступления, — это то, что с тех самых пор они стыдились своей акции. Я хорошо помню это, надеюсь, искупающее ощущение стыда, переданное мне еще в детстве моей матерью, когда я спросил ее об «опиумной войне» и она рассказывала мне о ней.

Голос Истории, который, как сирена, внушил пекинскому «Сыну Неба» иллюзию, будто он является уникальным представителем Цивилизации с большой буквы, сыграл ту же злую шутку в 1500 году с его «двойником» — царем Московским²⁹. Он также был правителем последнего воплощения мировой империи, которая временами переживала упадок, однако каждый раз неизменно возрождалась вновь. Универсальный мир, установленный Августом в Первом Риме, на берегах Тибра, был вновь установлен Константином при Втором Риме, по сторонам Босфора; а когда Константинопольская империя после троекратного падения и возрождения — в VII, XI и XIII веках христианской эры³⁰ — покорилась неверным туркам в 1453 году, скипетр перешел к Третьему Риму — Москве, чье царство, как предполагалось, будет вечным (так должны были думать все благочестивые москвиты). Московский наследник Римской державы унаследовал к тому же культурные достижения греческих предшественников Рима; и как будто этого недостаточно, он был еще и Богоизбранным защитником великой иноземной религии — христианства, принятого языческим Греко-римским миром в надежде на духовное возвышение. Наследник Греции, Рима и Христа, а через Христа — Богоизбранного народа Израиля! Призвание Московии выглядело в глазах москвитов столь же убедительным, сколь и уникальным.

Если бы притязания царя дошли до внимания «Сына Неба», он, вероятнее всего, воспринял бы их с некоторой долей снисходительности. Когда, за пятнадцать столетий до революционного переворота Васко да Гамы, изменившего карту мира, первая империя Цинь предприняла дерзкий бросок через сухопутное степное море и чуть-чуть задела «кончиками усиков» окраины Первой Римской империи, китайские покорители пустынь высокопарно озаглавили свое необычное открытие «Да Цинь» — «Великий Китай» на Дальнем Западе³¹. Но Цинь и Да Цинь всегда были разъединены между собой соседями, заявлявшими свои претензии и на ту и на другую сторону. В глазах индусов, например, буддизм, который Китай столь ревностно

воспринял от Индии, был не чем иным, как некоей абберрацией индуистской ортодоксии (благополучно забытой у себя дома)³². Только брахманы³³ держали монополию на истинные обряды, священные книги и верную теологию. Большая часть населения даже в Индии и, разумеется, каждый человек — мужчина, женщина или ребенок — за пределами Священной земли арьев³⁴ были в положении неприкасаемых изгоев. Мусульманские покорители Индии хотя и обладали сильнейшей материальной мощностью, но, в глазах индуса, им не под силу было очиститься от их ритуальной нечистоты.

Мусульмане со своей стороны были так же строги к индуистам, как индуисты — к китайцам и мусульманам. С точки зрения мусульман, пророки Израиля были вполне приемлемы, и Иисус был последним и величайшим Пророком Господа до его главного Посланника — Мухаммеда. Претензии мусульман были обращены не к Пророку Иисусу, а к христианской Церкви, которая поработила Рим, капитулировав перед языческим греческим политеизмом и идолопоклонством. Из этого постыдного предательства Откровений Единого Истинного Бога ислам вычленил и восстановил чистую религию Авраама. Между христианским политеизмом, с одной стороны, и индуистским политеизмом — с другой, вновь засиял свет монотеизма: ислам давал надежду миру³⁵.

Традиционная шкала ценностей ислама очень ярко проявляется в заключительной фразе великого египетского историка Аль-Габарти³⁶ его описания событий, происшедших в год Хиджры 1213³⁷: «Итак, этот год подошел к своему концу. Среди беспрецедентных событий, происшедших в этот год, самым зловещим было прекращение паломничества из Египта [в священные города Хиджаза]. Они не прислали святых Покровов (kiswah) для Кааба и не прислали Сумы (surrah)³⁸. Ничего подобного не случалось в нашем времени и никогда во время правления Бану Османа³⁹. [Поистине] расположение событий подвластно лишь одному Господу»*.

Что же это за удивительный год? По нашим западным понятиям, год, соответствующий году Хиджры 1213, — это период с 1798 по июнь 1799 года. Это был год, когда Наполеон высадился в Египте⁴⁰, а слова Аль-Габарти, которые я процитировал, венчают его чрезвычайно яркое и проникновенное описание этой поистине драматической «войны миров». Я, как марсианин, был, помню, ошеломлен, когда впервые прочитал эту фразу. И тем не менее нельзя, читая Аль-Габарти, не относиться к нему серьезно. Он, несомненно, занял бы одно из первых мест в списке ведущих историков цивилизованного

* *Шейх Абд-ар-Рахман Аль-Габарти. Aga-al-Athar fit-Tarajim wal-Akbar. Каир, г. х. 1322 в 4 томах (т. III. С. 63. Французский перевод: Каир, Imprimerie Nationale a Paris, Leroux, A.D. 1888–1890. В 9 томах). Т. VI. С. 121.*

общества на сегодняшний день. Я еще вернусь к этому высказыванию и попытаюсь убедить моих западных коллег, что наше обывательское стремление посмеяться над ним должно превратиться в смех над собственным далеким узкоместническим мышлением.

Ибо сейчас мы подходим к двум действительно достойным смеха поразительным случаям, когда локальная цивилизация воображала себя единственной цивилизацией на земле.

Японцы искренне верили, что их страна — это «Земля богов» и оттого она неприступна для завоевателей (хотя сами японцы незадолго до того сами завоевали эту страну до самого северного побережья, где жили их менее удачливые северные предшественники — «волосатые айны»⁴¹). Япония — «Срединное царство»! (Да в 1500 году Япония была еще феодальным обществом в состоянии безобразной анархии⁴², от которой Китай был избавлен императором Цинь Шихуанди еще в 221 году до н. э.). Того, чего Китай добился для себя так давно и без посторонней помощи, Япония не могла достичь и спустя тысячу лет, пользуясь всеми благами заимствованной у Китая мирской цивилизации и высшей индийской религии, также перенесенной на ее почву через Китай⁴³. Могло ли быть большее безрассудство? Кстати, кажется, могло, ибо западный вариант вселенского заблуждения определенно переплюнул японский. Франки в 1500 году серьезно утверждали, что истинной наследницей Израиля, Греции и Рима была не восточноправославная Церковь, но их собственная и что именно не западная, а восточная Церковь была Церковью схизматиков! Послушать франкских теологов, так можно было вообразить, что именно четыре восточных Патриархата, а не римский Патриархат изменил Символ Веры, включив в него *filioque*⁴⁴. А если прислушаться к «римским императорам германской нации»⁴⁵ в их политической полемике с греческими и русскими последователями Августа и Константина, то можно подумать, будто не в латинских, а в греческих и восточных провинциях погибло римское имперское правительство в V веке после Рождества Христова, чтобы уже никогда не возродиться вновь⁴⁶. В 1500 году дерзость франкских притязаний на то, чтобы называться избранным народом, могла ошеломить любого достаточно информированного и беспристрастного третейского судью. Но следует отметить еще один, даже более удивительный, факт. С тех пор протекло четыре столетия — и каких столетия! — а франки и сегодня поют все ту же старую песню; правда, сегодня поют ее соло, ибо остальные голоса в хоре цивилизаций, тянувшие в унисон этот ложный напев в 1500 году, постепенно, один за другим к нашему времени изменили свою мелодию.

Успешное перевоспитание незападного большинства человечества в то время, пока западные умы все еще вязнут в архаической тине, само по себе не является свидетельством врожденной остроты

ума или добродетели. Рождение мудрости — это спасительный шок, а незападные общества пережили громадное потрясение, вызванное бурным воздействием Западной цивилизации. И только Запад один избежал такого бесцеремонного обращения; не затронутая — пока — переворотом собственного изготовления, наша цивилизация все еще тешится самодовольной и небрежной иллюзией, которой баловалась ее «противная сторона», пока не почувствовала вразумляющего толчка нацеленных рогов альтруиста поневоле — западного быка. Рано или поздно отголоски этого толчка, без сомнения, докатятся и до самого Запада, но на данный момент этот двуликий Янус продолжает дремать: Атакующий Бык где-то за границей, у себя дома — одинокая теперь Спящая Красавица.

Шоковые удары, полученные другими цивилизациями, были действительно столь сильны, что могли бы разбудить Семерых⁴⁷. Представьте себе психологический эффект британского давления 1842 года⁴⁸ на некоторых китайских ученых и государственных мужей, достаточно пожилых, чтобы помнить обращение Цзяньлуня с миссией лорда Макартни за сорок девять лет до этого! Почитайте Аль-Габарти! Я смогу привести здесь лишь его описание одного инцидента, последовавшего за внезапным появлением — в пятницу восьмого месяца Мухаррам года Хиджры 1213 — двадцати пяти иностранных кораблей на рейде египетского порта Александрия.

«Пока горожане недоумевали, что здесь понадобилось иноземцам, небольшая лодка причалила к берегу и из нее высадились десять человек... Эти иноземцы сказали, что они англичане, и добавили, что ищут каких-то французов, которые отплыли в неизвестном направлении в составе довольно значительного флота. Они сказали, что боятся, как бы французы не предприняли неожиданную атаку на Египет, поскольку им известно, что народ Египта не сможет отразить атаку захватчиков и помешать им высадиться... Иноземцы продолжали: «Мы готовы остаться в море на кораблях, чтобы защитить город и охранять побережье; мы не просим у вас ничего, кроме провизии и воды, и готовы заплатить за это». Знатные люди, однако, отказались... вступить в какие-либо отношения с англичанами и сказали им: «Эта страна принадлежит Султану, и ни французам, ни другим иноземцам делать здесь нечего; поэтому будьте добры покинуть наш город». При этих словах английские посланцы вернулись на корабли и поплыли искать провизию и воду где-нибудь в другом месте, «дабы Бог мог завершить труд, предопределенный Его волей».

Когда читаешь дальше, понимаешь, что эти *gesta Dei per Francos*⁴⁹ побудили восприимчивого доктора университета Аль-Азхар⁵⁰ к тому, чтобы начать собственное перевоспитание немедленно же. Одним из первых актов французов после оккупации Каира было устройство научной выставки с демонстрацией приборов, и наш историк

был среди посетителей. Отметив, что французы, очевидно, приняли мусульман за детишек, которых можно увлечь всякими трюками, и что это, скорее, говорит об инфантильности самих французов, Аль-Габарти тем не менее откровенно выражает свое восхищение показанными достижениями французской науки. (Он отмечает, что из того ущерба, который французы потерпели в результате восстания, спровоцированного их же собственным высокомерным и властным поведением в самом начале, больше всего их, по-видимому, удручала утрата некоторых научных приборов, уничтоженных в доме известного ученого Кафарелли⁵¹.) Но интерес Аль-Габарти к французской науке уступает тому впечатлению, которое произвело на него французское правосудие. Французские солдаты за мародерство приговариваются к наказанию и по личному приказу Наполеона платят за свои преступления жизнью. (А когда командующий оккупационной французской армией генерал Клебер был убит фанатиком-мусульманином, то убийцу ждал настоящий справедливый суд⁵². Это искренне восхищает Аль-Габарти, и он, как всегда, откровенно записывает свое мнение, отмечая, что мусульмане в подобных обстоятельствах не поднялись бы до такого нравственного уровня. Он настолько глубоко заинтересован процедурой и так стремится точно воспроизвести ее, что включает в свои записи судебный протокол, воспроизводя документы дословно на плохом арабском языке французской военной канцелярии.)

Когда наблюдаешь, с какой быстротой и готовностью египетский ученый, мусульманин Аль-Габарти, усвоил французский урок, причем весьма далекий от того, чтобы быть «без печали», мысли обращаются к ряду выдающихся османских государственных деятелей прозападного направления: это Мехмед Али из Каваллы, македонский армейский командир⁵³, пришедший в Египет и увидевший, что там делают французы, а затем продолживший революционный труд Наполеона после его ухода*; это султан Селим III, лишившийся жизни в Константинополе за девять лет до высадки Наполеона в Александрии в пионерской попытке перестроить Османскую империю на западный лад; это и султан Махмуд II, которому удалось после долгого — в полжизни — терпеливого ожидания осуществить

* Продолжая писать историю своего времени, Аль-Габарти одинаково честно относился и к Мехмеду Али, и к Наполеону, и к Абдалле Мену⁵⁴. В недобрый для историка час диктатор услышал о его труде и повелел узнать о его содержании, после чего записки Аль-Габарти о Мехмеде Али резко обрываются. Однажды, возвращаясь темной ночью домой верхом на осле (если быть точным, это была ночь 27 Рамадана года Хиджры 1237, то есть 22 июня 1822 года), наш слишком правдивый информатор «тихо и незаметно исчез». Его неблагоприятное суждение об исламском правосудии оказалось пророческим.

политическое завещание своего сородича-мученика⁵⁵, и, наконец, последний — по времени, но не по важности — президент Мустафа Кемаль Ататюрк, который завершил уже в наше время революцию в жизни османских турок, начатую еще султаном Селимом примерно за шесть поколений до того. Эти османские имена вызывают в памяти имена подобных им фигур в других частях мира: архизападника Петра Великого и его большевистских духовных наследников; искусных архитекторов Реставрации Мэйдзи в Японии⁵⁶; бенгальского синкретиста Рам Мохан Роя⁵⁷, который, перенеся это понятие в область религии, выразил характерное индусское уважение к истинным ценностям материи и духа — с каким бы негодованием ни отряхивали пыль оскверненного порога этого ересиарха со своих незапятнанных ног ортодоксальные индусские пандиты⁵⁸.

По вдохновению или повелению этих могущественных «иродидан»⁵⁹ — а движущей силой была обычно смесь увещевания и принуждения — молодое поколение незападных обществ, когда-то разделенных, а ныне сметенных Западом в одно, опутанное всемирной сетью, в наше время в буквальном смысле учится в западных школах. Оно усваивает урок Запада из первых рук в университетах Парижа или Кембриджа и Оксфорда, в Колумбийском университете или Чикагском; и, когда я разглядываю лица в своей аудитории Сенат-Хаус в Лондонском университете, я с удовлетворением замечаю там представителей этих обществ. Элита во всех незападных обществах сейчас уже практически полностью рассталась со своим традиционным эгоцентричным локальным мировоззрением. Часть этой элиты, увы, заразилась западной идеологической болезнью национализма, но даже национализм, с точки зрения незападных обществ, обладает хотя и отрицательным, однако достоинством экзотического пророка. Он также извлекает их из их племенной раковины. Короче говоря, тем или иным путем эмоционально трудный, но интеллектуально стимулирующий опыт ураганного штурма со стороны Запада позволил этим незападным людям, изучающим социальные науки, осознать (а какого усилия воображения это требует!), что прошлая история Запада не есть лишь узкая забота одного только Запада, но также и ИХ собственная история. Она есть их история потому, что Запад — подобно тем французским солдатам-мародерам в Каире, о казни которых сообщает Аль-Габарти, — вторгся в жизнь своих беззащитных соседей; теперь этим соседям приходится знакомиться с западным образом жизни в новом, всемирном обществе, членами которого Запад сделал их только с помощью силы.

Парадокс нашего поколения состоит в том, что весь мир выиграл в результате просвещения, которое Запад нес с собой, кроме (как мы уже наблюдали) самого Запада. Запад сегодня все еще продолжает

смотреть на историю со своей старой, узкоместнической, эгоцентрической точки зрения, которую другие сообщества к нашему времени были вынуждены преодолеть. Тем не менее раньше или позже Запад в свою очередь будет вынужден пройти то переобучение, которое другие цивилизации прошли в процессе унификации мира в результате влияния Запада.

Каков же возможный путь грядущей интеллектуальной и нравственной революции Запада? Поскольку мы двигаемся, отворотив нос от железного занавеса, который лишает нас возможности заглянуть в собственное будущее, кое-какой свет для нас могли бы пролить истории наших старших современников, про которых мы знаем все, ибо действующие лица уже простились с жизнью. Например, каковы были последствия влияния Греко-римской цивилизации на ее соседей? Если мы проследим нить событий сквозь шестнадцать или семнадцать веков от катабасиса товарищей Ксенофонта по оружию⁶⁰ до последних достижений — под влиянием Греции — мусульманской науки и философии перед монгольским катаклизмом⁶¹, то мы увидим, как казавшееся непреодолимым наступление Греции по всем позициям — политической, военной, экономической, интеллектуальной и творческой — постепенно было остановлено и повернуто вспять контрмерами его негреческих жертв. По всем позициям, где они были атакованы, контр наступление восточных народов было успешным в целом, но в частностях удача не раз им изменяла, а последствия иногда были нелепо ироничными. Есть, однако, один момент — религия, ахиллесова пята греков, где восточный контрудар достиг цели и вошел в историю.

Эта закопченная, хотя и почти современная история имеет отчетливый отголосок в нашей собственной перспективе, ибо духовный вакуум, как провал в самом сердце эллинистической культуры, которую греки на какое-то время навязали миру, недавно проявился и в западной христианской культуре в той форме, в какой эта культура была «обработана» для экспорта. В течение двух десятилетий начиная со времен Васко да Гамы наши западные предки, стремительно несшиеся по миру, делали героические попытки пропагандировать западное культурное наследие в полном объеме, включая как его религиозный стержень, так и технологическую оболочку; и это было вполне обоснованно, ибо любая культура есть нечто целое, части которого взаимозависимы, и экспорт плевел без пшеницы может быть столь же смертельным, как излучение электронов атома без ядра. Однако примерно на рубеже XVII и XVIII веков нашей христианской эры произошло нечто, что — я рискую предположить — в ретроспекции будет выглядеть как эпохальное событие современной западной истории, когда эта локальная история

будет рассматриваться в ее истинном свете, как один из моментов всеобщей истории человечества. Это — двойное событие-предостережение, в котором провал иезуитов акцентируется одновременным успехом Королевского общества⁶². Иезуиты не сумели обратить китайцев и индусов в католичество, то есть в римскую ветвь западного христианства. Они потерпели неудачу, несмотря на то что имели в своем распоряжении психологическое «ноу-хау», ибо, когда настало время, ни папа, ни «Сын Неба», ни брахманы не захотели поддержать их. В том же поколении сотоварищи этих трагически неудачливых иезуитов, западные католики и протестанты, у себя дома пришли к опасному выводу, что религия, спорная и разделенная на части, во имя которой они ведут бесконечную, столетнюю братоубийственную войну, на самом деле не самый существенный элемент в их культурном наследии. Почему бы не прекратить религиозные войны, разделив самую религию, и не сконцентрировать внимание на применении открытий физической науки к практической жизни — стремление, не вызывавшее полемики и обещавшее выгоду всем? Этот поворот на пути западного прогресса, наступивший в XVII веке, имел колоссальные последствия, ибо Западная цивилизация, с тех пор распространившаяся по всему миру с быстротой молнии, не была чем-то однородным и монолитным; скорее, это было вспышкой угара — техническая окантовка с вырванной религиозной сердцевиной. Этот «утилитарный» образец Западной цивилизации было, разумеется, сравнительно нетрудно воспринять: Петр Великий проявил гениальность, ухватившись за товар сразу же, как только тот был выставлен в витрине. Столетием позже более тонкий и возвышенный Аль-Габарти проявил большую проницательность. Французские технические достижения поразили его, но он не спешил, ожидая знамения. Для него пробным камнем Западной цивилизации, как и его собственной, была не технология, но правосудие. Этот каирский ученый постиг самую суть вопроса, то, что Западу еще только предстоит завоевать в самом себе. «Если... знаю все тайны и имею всяческое познание... а не имею любви, то я ничто» (1 Кор. 13:2); «Есть ли между вами такой человек, который, когда его сын попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Матф. 7: 9, 10).

Это возвращает нас к вопросу, вызванному фразой Аль-Габарти и все еще ждущему нашего ответа. Что же на самом деле было главным событием года Хиджры 1213? Наполеоновское нашествие в Египет или прекращение паломничества из Египта в Священные города?

Исламский институт паломничества сам по себе, конечно, не более чем строгое соблюдение внешнего ритуала, но как символ оно объединяет всех мусульман в духовном братстве. Таким образом,

если паломничество отпадет, ислам окажется в опасности, как мы уже знаем из опыта нашего времени; а Аль-Габарти был особенно чувствителен к этой опасности, ибо он высоко ценил духовное богатство, которым была наполнена его религия. Как же мы сами оцениваем ислам? Может ли человечество позволить себе обойтись без социальной основы исламского духовного братства в той главе истории, где власть над миром, похоже, находится в руках белолицых, печально известных расовыми предрассудками англоговорящих покорителей морей? Однако сама эта социальная сфера, при всей ее ценности и благородстве, не составляет существа ислама, что Аль-Габарти не преминул бы нам разъяснить, хотя сам оказался живым воплощением именно этого достоинства собственной веры. Как это и отражено в его фамилии, Аль-Габарти был наследственным представителем одной из тех «наций»⁶³, что составляли контингент университета Аль-Азхар, так же как их современники — представители Сорбонны. И кто же составлял его нацию — Габарт? Это были ведомые по всей Абиссинии галла и сомалийцы: истинно верующие эбеново-черные сыны Хама⁶⁴. Вы поймете, что фамилия и личное имя нашего героя замечательно подходят друг другу: фамилия Аль-Габарти означает «эфиоп», а личное имя — Абдаррахман — «слуга милосердного Господа». Однако этот поклонник страдательного Бога подтвердил бы, что, если паломничество есть только лишь символ братства, преодолевающего различие в цвете кожи и классовой принадлежности, само это единство между истинно верующими есть в свою очередь просто перевод на язык действия здесь, на земле, их истинной веры в единство Бога. Творческий дар ислама человечеству — монотеизм, и мы, разумеется, не можем себе позволить отбросить прочь этот дар.

А что же насчет битвы у Пирамид⁶⁵? В прошлом году, когда я во второй раз в своей жизни участвовал в мирной конференции в Париже⁶⁶, одним воскресным утром я оказался на временной деревянной трибуне, перед которой проходил французский «марш победы» — всадники на белоснежных лошадях, тунисская пехота, перед которой степенно шли обученные и нарядно убранные овцы, — а прямо передо мной в дальнем конце процессии виднелась Триумфальная арка. На этой внушительной каменной громаде я стал рассматривать ряд круглых щитов, укрепленных под карнизом. На каждом из щитов было выведено название одной из побед Наполеона. «Хорошо, пожалуй, — поймал я себя на мысли, когда дошел глазами до угла, — что у этого монумента всего четыре грани, а не восемь, будь там больше места, они дошли бы до Седана и битвы за Францию»⁶⁷. И тут перед моим мысленным взором выстроились другие, столь же нелепые окончания в цепочках национальных побед: германской, где после битвы за Францию следовала битва за

Германию⁶⁸, — или цепь британских побед в Индии, начиная с Плесси и Ассайа⁶⁹ и кончая целым рядом звучных пенджабских названий мест, где происходили решительные сражения в англосакских войнах⁷⁰. К чему, в конце концов, привели все эти западные национальные победы? Да все к тому же нулевому результату, что и национальные завоевания — не менее знаменитые в свое время — тех китайских «борющихся царств»⁷¹, которые Цинь Шихуанди смел с лица земли в III веке до н. э. Суета сует! Ислам, однако, продолжает существовать, неся в себе мощный духовный заряд.

Так кто же смеется последним в этом споре относительно чувства меры у Аль-Габарти? Его западные читатели или все-таки сам Аль-Габарти?

Итак, что мы, люди Запада, должны сделать, чтобы, подобно Клеанфу, последовать за Зевсом и Фортуной по собственной воле и разуму, не вынуждая эти мрачные божества построить нас в шеренгу унижительным методом силы и принуждения?

Первое, что я бы предложил, — мы должны переориентировать собственное историческое мировоззрение в том же направлении, что и образованные представители родственных обществ нескольких последних поколений. Наши незападные современники осознали факт, что в результате недавней унификации мира *наша* прошлая история стала неотъемлемой частью *их* собственной. Теперь и мы, все еще дремлющие западные люди, должны со своей стороны понять, что благодаря той же революции, которую мы сами, в конце концов, и устроили, прошлое наших соседей готовится стать жизненно важной частью западного будущего.

Заставляя свое воображение сделать нужное усилие, нам нет необходимости начинать все с самого начала. Мы всегда осознавали и признавали, чем мы обязаны Израилю, Греции и Риму. Но все они, разумеется, цивилизации исчезнувшие, и нам удавалось воздавать им должное, не сдвинувшись со своей традиционной эгоцентрической точки зрения, ибо мы, в слепом эгоизме своем, принимали как само собой разумеющееся то, что «наши благородия» суть *raison d'être* (смысл бытия) этих «мертвых» цивилизаций. Мы представляли себе, что они живут и умирают ради того, чтобы подготовить путь нам, играя как бы роль Иоанна Крестителя по отношению к нам, выступающим в роли Христа⁷² (я прошу простить мне богохульство этого сравнения, но оно ярче всего отображает, насколько искривлено наше мироощущение).

В последнее время мы осознали также важность вклада в наше прошлое ряда цивилизаций, которые не только угасли, но и были преданы полному забвению, до тех пор пока мы не раскопали их развалины. Очень легко быть щедрыми на признания в отношении минойцев, хеттов или шумеров, ибо открытие их культур добавляет

престижа нашей науке, и, таким образом, они вновь появились на исторической арене, уже под нашим покровительством.

Труднее признать тот не менее простой факт, что прошлая история наших громогласных, а зачастую злоязычных живых современников — японцев и китайцев, индусов и мусульман и наших старших братьев, православных христиан, — станет частью нашего западного прошлого для того будущего мира, который не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили все вместе в одном тигле. И, однако, это очевидная истина, если честно взглянуть ей в лицо. Уже наши собственные потомки не будут лишь западными жителями, как мы. Они будут наследниками Конфуция и Лао-цзы, так же как и Сократа, и Платона, и Плотина⁷³; наследниками и Гаутамы Будды, так же как и Второ-Исайи, и Иисуса Христа⁷⁴; наследниками Заратустры и Мухаммеда, так же как и пророков Илии и Елисея, и апостолов Петра и Павла⁷⁵; наследниками Шанкары⁷⁶ и Рамануджи, так же как и Климента, и Оригена; наследниками каппадокийских отцов православной Церкви, так же как и нашего африканского Августина, и нашего Умбрийского Бенедикта⁷⁷; наследниками Ибн Хальдуна, так же как и Боссюэ⁷⁸; наконец, наследниками (если все еще будут барахтаться в болоте политики) Ленина и Ганди, и Сунь Ятсена, так же как и Кромвеля, Джорджа Вашингтона и Мадзини⁷⁹.

Перестройка исторического мироощущения требует соответствующего пересмотра методов исторического исследования. Восстановив, если сможем, старинную манеру мыслить и чувствовать, мы должны будем с великим смирением признаться, что велением Бога западному человеку было предназначено историческое достижение — совершить что-то не просто для себя, но для всего человечества, нечто столь крупное, что наша собственная внутренняя история будет поглощена результатами этого свершения. Делая историю, мы превзошли собственную историю. Не осознавая, что именно мы делаем, мы воспользовались предоставленной нам возможностью. Иметь возможность осуществиться, преодолев себя, — великая привилегия любого из созданий Божьих.

С этой позиции — позиции смиренной и одновременно гордой — основной путь современной западной истории видится не как локальная политика западного общества, начертанная на триумфальных арках десятка местных столиц или записанная в национальных или муниципальных архивах эфемерных «великих держав». Основной путь — это даже не экспансия Запада по всему миру, если только мы упорно не рассматриваем эту экспансию как частную инициативу собственно западного общества. Основной путь — это успешно возвести руками Запада строительные леса, внутри которых все ранее разбросанные общества построили бы одно общее.

Испокон веков человечество было разъединено; в наши дни мы наконец-то объединены. Ручная работа Запада, сделавшая это объединение возможным, исполнялась отнюдь не с открытыми глазами, как бескорыстные труды Давида во благо Соломона⁸⁰; она производилась в беззаботном неведении о ее цели и результате, подобно тому как крошечные морские обитатели строят коралловый риф, начиная со дна моря, и строят до тех пор, пока он вдруг не поднимется атоллом над поверхностью моря. Однако наши строительные леса созданы из менее прочного материала. Самым очевидным компонентом в них является технология, но человек не может жить одной техникой. Когда пробьет час, когда многоквартирное экуменическое здание будет твердо стоять на прочном фундаменте и временные западные технологические леса будут разобраны — а я в этом не сомневаюсь, — будет абсолютно ясно, что фундамент крепок, ибо покоится на прочном основании — религии.

Мы достигли Геркулесовых столбов⁸¹, и настало время спускать паруса, ибо видимость впереди не слишком хороша. В этой главе истории, к которой мы подошли, центр материальной силы смещается все дальше от его первоначального «до-Васко-да-Гамовского» местонахождения. От крошечного островка Британии, лежащего на расстоянии вытянутой руки от азиатского побережья, он сдвигается к большому острову Северной Америки, удаленному уже на расстояние полета стрелы. Однако это перемещение трезубца Посейдона⁸² из Лондона в Нью-Йорк может обозначить кульминационный момент в беспорядочных метаниях текущего века океана, века взаимного общения; ибо мы теперь переходим в новую эпоху, где материальное средство человеческого общения будет не степь и не океан, но воздух, а в век воздуха человечеству, может быть, удастся отряхнуть со своих крыльев то, что его привязывало к причудливой конфигурации земной поверхности, как твердой, так и жидкой.

В век воздуха местонахождение центра тяжести человеческой деятельности может быть определено не физической, а человеческой географией: не расположением океанов и морей, степей и пустынь, рек и горных хребтов, дорог и троп, но распределением численности человечества, его энергии, способностей, мастерства и нравов. И среди этих человеческих факторов вопрос численности может в конечном итоге стать более весомым, чем в прошлом. Отдельные цивилизации времен до Васко да Гамы создавались и использовались себе во благо чрезвычайно малым числом образованного меньшинства⁸³, как Морской Старик верхом на Синдбаде-Мореходе⁸⁴. Вот это неолитическое крестьянство было последним и самым могучим Спящим⁸⁵ (не считая самого Запада), которого Запад разбудил.

Пробуждение этой пассивно трудолюбивой массы человечества было делом долгим. Афины и Флоренция⁸⁶ по очереди сверкнули своим огоньком в сонные очи Спящего, но каждый раз он лишь переворачивался на другой бок и вновь погружался в сон. На долю современной Англии выпало урбанизировать крестьянство с достаточной энергией и с таким размахом, чтобы запустить это движение на орбиту вокруг Земли⁸⁷. Крестьянин воспринял это пробуждение отнюдь не с удовольствием. Даже в обеих Америках он умудрился остаться таким же, каким был в Мексике и в Андских республиках; кроме того, он пустил новые корни на девственной земле провинции Квебек⁸⁸. Однако пробуждение все-таки постепенно набирало силу: Французская революция перенесла его на континент; Российская революция распространила его от моря до моря; и, несмотря на то что на сегодня существуют около полутора миллиардов еще не пробудившихся — почти три четверти живущего сейчас человечества — в Индии, Китае, Индокитае, Индонезии, Дараль-Исламе и в Восточной Европе, вопрос их пробуждения — это вопрос времени, а когда оно произойдет, фактор численности начнет сказываться.

Гравитационная сила этой пробудившейся массы сможет тогда сместить центр тяжести человеческой деятельности с Ultima Thule⁸⁹ на островах моря в какое-либо место, равноудаленное от западного полюса мирового населения — в Европе и Северной Америке и от его восточного полюса — в Китае и Индии, а это может указывать на местность недалеко от Вавилона, на древней сухопутной дороге через перешеек между континентом и Аравийским полуостровом и Африкой. Центр может переместиться даже дальше в глубь континента, куда-то между Китаем и Россией (двумя историческими укротителями евразийских кочевников), а это может означать строительную площадку по соседству с бабуровской Ферганой, в знакомом трансокеанском месте встреч и диспутов религий и философий Индии, Китая, Ирана, Сирии и Греции.

В одном мы можем быть достаточно уверены: скорее всего, религия окажется той платформой, на которой центростремительное контрдвижение впервые заявит о себе; эта вероятность предоставляет нам еще одну возможность пересмотреть наши традиционные западные методы постижения Истории. Если основным объектом будет познание нашей собственной истории не ради нее самой, но ради определения той роли, которую Запад сыграл в объединении человечества, то нашим следующим объектом в постижении Истории в целом должна стать задача отнести экономическую и политическую историю на второстепенные позиции и оставить первенство за религией. Ибо религия в конечном итоге есть действительно серьезное занятие человечества.

ЕВРОПА СУЖАЕТСЯ*

Перед войной 1914–1918 годов Европа, вне всякого сомнения, пользовалась господствующим влиянием в мире, и та особая модель цивилизации, которая сложилась в Западной Европе за последние тысячу двести лет, казалось, будет преобладать повсеместно.

Господствующее влияние Европы было отмечено тем фактом, что пять из восьми великих держав, существовавших в то время в мире, а именно: Британская империя, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия — имели корни на европейской почве. Шестая, Российская империя, располагалась в непосредственной близости, в континентальной глубине Европейского полуострова, и за последние два с половиной столетия она срослась с Европой, частью благодаря широкой торговле между аграрной Россией и промышленной Европой (торговле, которая развивалась на фоне индустриализации стран Западной и Центральной Европы), частью за счет присоединения к России окаймляющих ее государств — носителей традиций Европейской цивилизации, таких, как Польша, Финляндия, Балтийские регионы, и частью в силу восприятия самими россиянами западных технологий, институтов и идей. Оставшиеся две великие державы — Япония и Соединенные Штаты — по географическому положению не принадлежали к Европе и поэтому не играли практически никакой роли в драме международной политики перед Первой мировой войной, — драме, разыгранной в то время на европейской сцене. Можно, правда, отметить, что Япония, как и Россия, поднялась до ранга великой державы благодаря частичному заимствованию достижений Западной цивилизации, родиной которой была Европа. Что же касается Соединенных Штатов, то они дитя Западной Европы и до 1914 года еще в значительной степени жили за счет европейского капитала — человеческого капитала, подпитываемого иммиграцией, и материального капитала в форме товаров и услуг, финансируемых за счет европейских кредитов, что было необходимо для освоения своих природных ресурсов.

Усиление влияния Европы в мире шло рука об руку с распространением Западной цивилизации. Эти два движения дополняли друг друга, и трудно определить, что здесь причина, а что — следствие.

* В основе этой работы лежит лекция, прочитанная в Лондоне 26 октября 1926 года. За прошедшие двадцать лет многие из упомянутых возможностей стали свершившимся фактом.

Естественно, распространение Западной цивилизации облегчалось господствовавшим положением Европы, ибо сильным и умелым всегда подражают слабые и нерешительные — частично по необходимости, частично из восхищения (независимо от того, имеет ли это внешнее выражение или нет). С другой стороны, распространение Западной цивилизации дало неоценимые преимущества тем народам, которым европейская культура была близка по природе, по сравнению с теми, для которых она была экзотикой.

За столетие до 1914 года мир был покорен в экономическом отношении не только новой западной индустриальной системой, но и теми нациями, которые эту систему изобрели и построили; а преимущество, которым обладает изобретатель оружия в битве, ведущейся его оружием, ярко продемонстрировала Первая мировая война. Тот факт, что война 1914—1918 годов велась с применением западной техники — что, естественно, подразумевает использование и западных промышленных технологий, — дал Германии абсолютное военное превосходство над Россией, хотя человеческие ресурсы Германии были в то время едва ли не в половину меньше российских. Если бы в эти годы преобладала не западная военная техника, а, скажем, среднеазиатская, как это было в средние века, то российские казаки могли бы наголову разбить прусских улан. (Оба типа кавалерии имеют среднеазиатское происхождение, что выдают их тюркские названия — «oghlan», по-турецки «парень», а «quasaq» — «землекоп»¹.)

Господство Западной цивилизации во всем мире накануне судьбоносного 1914 года было в самом деле беспрецедентным, хотя и не очень давним. Беспрецедентным оно было в том смысле, что многие цивилизации прежде европейской распространяли свое влияние далеко за пределы своих границ, однако ни одна из них не смогла раскинуть свои сети вокруг всего земного шара.

Цивилизацию восточноправославного христианства, родившуюся в средневековой Византии, россияне распространили до Тихого океана, но вместо того, чтобы продвинуть ее в западном направлении, они, напротив, сами уступили западному влиянию в конце XVII века. Исламская цивилизация двинулась от Ближнего Востока в Центральную Азию и Центральную Африку, распространилась до атлантических берегов Марокко и тихоокеанских островов Ост-Индии, но в Европе исламу не удалось укорениться, как не удалось ему и пересечь Атлантику, чтобы обосноваться в Новом Свете. Цивилизация Древней Греции и Рима во времена Римской империи простерла свое политическое господство на всю Северо-Западную Европу, а творческое влияние даже достигло Индии и Дальнего Востока, где греко-римские художественные образы стимулировали развитие буддийского искусства. Тем не менее Римская империя

и Китайская сосуществовали на одной планете в течение двух веков, почти не вступая в прямые взаимоотношения ни в политике, ни в экономике. В самом деле, контакт был настолько слабым, что каждое из обществ видело неясно и смутно загадочную, полумифическую страну. Иными словами, и Греко-римская цивилизация, и современная ей Дальневосточная расширились до предельных габаритов в одном и том же столетии, так и не войдя в соприкосновение друг с другом. То же можно сказать и о других цивилизациях. Древняя Индия с ее искусством, религией, торговлей и колонистами распространялась на Дальний Восток и Ост-Индию, но не проникла на Запад. Цивилизация шумеров на земле Сеннаар оказала влияние на обширные территории вплоть до самой долины Инда, Транскаспия и Юго-Восточной Европы². Но попытки доказать, что эта цивилизация была родоначальницей, с одной стороны, Китайской цивилизации или, с другой — Египетской, оказались несостоятельными. Существует блестящая воинствующая антропологическая английская школа, утверждающая, что корни всех известных цивилизаций, включая и Центральноамериканскую и Перуанскую, можно вывести из одного египетского источника. Антропологи этой школы указывают на то, что нынешняя экспансия Западной цивилизации служит доказательством в пользу их тезиса. Если наша собственная цивилизация охватила весь мир в наше время, утверждают они, почему не предположить, что Египетской цивилизации удалось то же самое несколько тысячелетий назад? Интересный тезис, однако он является предметом острой полемики и должен считаться недоказанным. Как нам достоверно известно, единственная цивилизация, достигшая всемирного охвата, — это наша цивилизация.

И более того, это произошло лишь совсем недавно. Сейчас мы склонны забывать, что Западная Европа предприняла две неудачные попытки, прежде чем ей это удалось.

Первой из попыток было средневековое движение в районе Средиземноморья, общеупотребительное название которого — крестовые походы. Во время крестовых походов попытка установить экономическое и политическое господство Западной Европы над другими народами окончилась полнейшей неудачей; более того, в результате культурного взаимообмена западноевропейцы испытали в конечном счете большее влияние со стороны мусульман и византийцев, нежели сами оказали на них. Вторую попытку предприняли в XVI веке испанцы и португальцы. Она была более или менее успешной в Новом Свете — современные латиноамериканские общества обязаны именно ей своим существованием, однако в других местах Западная цивилизация, насаждавшаяся испанцами и португальцами, была отвергнута после примерно столетнего испытания. Неудачу этой второй попытки ознаменовало изгнание испанцев и

португальцев из Японии, португальцев — из Абиссинии, что произошло во второй четверти XVII века³.

Третью попытку начали в XVII веке голландцы, французы и англичане. Именно эти три западноевропейские нации явились основными зачинщиками и распространителями того мирового влияния, которым пользовалась Западная цивилизация в 1914 году. Англичане, французы и голландцы заселили Северную Америку, Южную Африку и Австралию, дав начало новым нациям европейского замеса⁴, начавшим свою жизнь с багажом европейского социального наследия; они-то и вывели весь остальной мир на орбиту Европы. К 1914 году сеть европейских средств коммуникации стала общемировой. Почти весь мир вступил в Почтовый и Телеграфный союзы⁵, повсеместно входили в обиход европейские технические средства передвижения — пароходы, железные дороги, автомобили. В политическом плане европейские страны не только колонизировали Новый Свет, но и захватили Индию и Центральную Африку.

Политическое влияние Европы, однако, было более сомнительным, нежели экономическое, хотя внешне казалось более внушительным. Дочерние заморские нации уже вступили на тропу войны за национальную независимость. Соединенные Штаты и латиноамериканские республики к этому времени уже отвоевали свою независимость посредством революционных войн, а британские доминионы, имевшие самоуправление, находились в процессе мирного, эволюционного установления суверенитета. В Индии и Тропической Африке европейское владычество осуществлялось горсткой европейцев, живших в этих странах временными колонистами. Они не сумели акклиматизироваться настолько, чтобы воспитывать в тропиках своих детей, а это означало, что их влияние над этими районами не стало совершенно независимым от европейского опорного пункта. Наконец, культурное влияние Западноевропейской цивилизации на россиян, мусульман, индусов, китайцев и африканцев было еще таким новым, недавним, что невозможно было угадать, испарится ли эта закваска без последствий, или тесто перебродит и скиснет, или все-таки опара удачно взойдет.

Такова была — очень приблизительно — позиция Европы в мире накануне войны 1914—1919 годов. Европа, без сомнения, пользовалась особым вниманием, и та своеобразная цивилизация, которую она построила для себя, была близка к тому, чтобы стать общемировой. Однако эта позиция, блестящая сама по себе, была не только беспрецедентной, но одновременно и неустойчивой. Неустойчивой в основном потому, что в то самое время, когда европейская экспансия подходила к своей кульминации, основы Западноевропейской цивилизации надломились, открыв великие пустоты там, где высвободились две стихии в социальной жизни Европы —

стихия индустриализма и стихия демократии, между которыми установилось лишь временное и неустойчивое равновесие в виде формулы национализма. Очевидно, что Европа, находившаяся под колоссальным двойным прессом внутренней трансформации и внешней экспансии, справляясь с обеими на пределе сил, не могла бездумно разбрасываться своими ресурсами, непродуктивно тратить свое материальное богатство и рабочую силу или истощать свою мускульную или нервную энергию. Если ее ресурсы и превосходили в целом запасы любой другой цивилизации, то они были относительно малы при том спросе, каким они пользовались; а обязательства Европы накануне 1914 года, так же как и ее имущество, были огромны. Европа не могла себе позволить даже одной мировой войны; когда же мы сравниваем ее позиции в мире после Второй мировой войны с положением перед 1914 годом, мы наблюдаем такой контраст, что он поражает воображение.

В определенном смысле Европа все еще остается центром мира, и в определенном смысле мир все еще подпитывается той Западной цивилизацией, родной дом которой — Западная Европа; но сам «смысл» этот в обоих случаях изменился настолько, что чистой констатации недостаточно, без комментариев она заведет нас в тупик. Вместо центра, из которого во внешний мир излучается энергия и инициатива, Европа стала центром, куда стекается неевропейская энергия и инициатива. Теперь не мир является театром, где разыгрывается драма европейских усилий и соперничества, а, напротив, сама Европа, уже став ареной двух мировых войн, прокатившихся по ее земле, вновь стоит перед опасностью в третий раз сделаться ареной конфликтов между неевропейскими силами. Конечно, арену можно рассматривать как центральное, публичное место, однако вряд ли это место почетное или безопасное.

Справедливо также, что влияние Западной цивилизации на остальной мир еще чувствуется. В самом деле, это влияние даже стало более интенсивным, если определять его в чисто количественных понятиях. Например, перед двумя войнами новые средства передвижения были доступны лишь очень ограниченному зажиточному меньшинству европейцев и американцев. Во время войн эти средства стали использоваться для транспортировки не только европейцев и американцев, но и людей из Азии и Африки *en masse*, либо в районы военных действий, либо для работы в тылу, по всему миру. За последние двадцать—тридцать лет появились дополнительные технические средства сообщения, доступные уже не только меньшинству, но и широким слоям общества. Автомобиль сумел покорить пустыню, самолет обогнал автомашину, а радио усилило действие телефона и телеграфа в качестве мгновенной междугородней связи. В отличие от железных дорог и телеграфа автомобилем и

радиоприемником люди могут пользоваться индивидуально, что особенно увеличивает их ценность как средств коммуникации. Принимая во внимание всеобщее смешение народов во время двух войн и наличие новых технических средств сообщения после войны, совсем не удивительно, что фермент Западной цивилизации проникает во все уголки мира глубже и быстрее, нежели раньше.

В наше время мы видим, как китайцы или турки, которые еще на нашей памяти были связаны по рукам и ногам конфуцианскими и исламскими социальными традициями, перенимают не только материальные, технические методы Запада (индустриальную систему и все, что ей сопутствует), воспринимают не только внешние приметы нашей культуры (мелочи вроде фетровых шляп и кинотеатров), но и наши общественные и политические институты: западный статус женщины, западную систему образования, западную структуру парламентского представительства⁶ и управления. В этом примере турки и китайцы являются лишь наиболее заметными участниками движения, которое распространяется по всему Исламскому миру, Индуистскому миру, Дальнему Востоку, по всей Тропической Африке; и создается впечатление, что радикальная вестернизация всего мира уже неизбежна. Незаметно наше отношение к этому необычному процессу изменилось. Прежде наше внимание было приковано к двум, по-видимому, изолированным примерам — Японии и России, и мы воспринимали их как «соревнование» — благодаря, вероятно, некоему отличительному качеству социального наследия этих двух стран, сделавшему их народы особенно восприимчивыми к вестернизации; а может быть, благодаря персональному гению и напористости отдельных государственных деятелей, таких, как Петр Великий, Екатерина, Александр Освободитель или та группа японских сановников, которая намеренно насаждала элементы западного образа жизни среди широких масс в своей стране начиная с 60-х годов прошлого века. Теперь мы видим, что Япония и Россия явились всего лишь предвестниками того движения, которое впоследствии стало универсальным.

Наблюдая процесс вестернизации мира и следя за тем, как он набирает силу, европейцы могли бы воскликнуть почти восторженно: «Какое имеет значение, потеряет ли Европа свое влияние в мире, если весь мир становится европейским? *Europaе, si monumentum requiris, circumspice!*⁷»

Если это чувство восторга и охватило бы ненадолго европейские умы, то быстро рассеялось бы под влиянием сомнений. Распространение западной культуры из Европы по всему миру, может быть, и великое дело в количественном отношении, но как насчет качества? Если бы в этот момент Европа была вычеркнута из Книги Жизни, смогла бы Западная цивилизация поддержать европейские

стандарты в условиях чуждого окружения, куда она пересажена? Если бы Европа исчезла, смогла бы вообще Западная цивилизация сохраниться? Или, если Европа остается в живых, но лишается своей позиции превосходства — что со всей очевидностью и настигает ее, — сможет ли Западная цивилизация, хоть и спасенная от разрушения, избежать упадка и вырождения?

Еще больше тревог и сомнений возникает, когда мы изучаем современную историю России — а Россия представляется самым поучительным примером, ибо в России процесс вестернизации проходил дольше, чем где бы то ни было, а значит, проще будет вычислить результат. В России влияние Западной Европы ощущалось на два столетия раньше, чем в Китае или Японии, и на сто лет раньше, чем среди мусульман и индусов⁸. Таким образом, то состояние, в которое привела Россию вестернизация, дает нам возможность представить по аналогии хотя бы возможные пути, лежащие перед Дальним Востоком, Исламским миром, Индией и Африкой на ближайшие несколько поколений. Тот же вероятный путь, что открывается перед Россией, — а это, разумеется, не более чем одна из возможных альтернатив — вызывает смущение и расстройство в западных умах.

Европейцы рассматривали себя как избранный народ — нет необходимости стыдиться признать это: всякая из прошлых цивилизаций смотрела на себя и свое наследие таким образом; и, когда они (европейцы) видели, как иные нации одна за другой отбрасывают собственное культурное наследие в пользу европейского, они без колебаний могли поздравить и себя и новообращенных. «Еще один грешник, — благоговейно говорили себе европейцы, — очистился от скверны язычества и обратился в Истинную веру».

Итак, первые результаты общения — по крайней мере среди тех народов, что приняли Западную цивилизацию до двух войн, — казалось, подтверждали эту набожную и оптимистическую точку зрения. Полстолетия, прошедшие после революции 1868 года, показали, что Япония как будто вышла целой и невредимой из той колоссальной трансформации, которой она подвергалась; и Россию, на первый взгляд стороннего наблюдателя, и в 1815 году, и даже много позже, в 1914 году, можно было бы считать идущей по пути прогресса, проложенному Петром Великим, хотя в любом случае этот путь оказался длиннее, круче и утомительнее, чем у Японии. Беспристрастный свидетель, живший в любом из вышеупомянутых периодов, сказал бы, что уровень Западной цивилизации, недавно перенесенной в Россию, оставался значительно ниже, нежели в Европе, в ее родном доме; однако он бы заметил, что, несмотря на отсталость, несмотря на слишком частые препятствия, Россия довольно быстро догоняла передовую Европу на марше Западной

цивилизации. «Вспомните, — сказал бы он, — что на этом марше у Европы была фора в десять веков, и тогда вам придется признать, что скорость, с которой Россия догоняет Европу, делает ей честь».

Но что бы сказал о России сегодня этот беспристрастный наблюдатель? Я не предлагаю рассуждать о нравственных оценках, которые он мог бы вынести, это не относится к предмету нашего разговора, но, каковы бы ни были его заключения, думаю, что ему не избежать двух выводов: во-первых, что Евангелие от Ленина и Сталина имеет тот же западный источник, что и Евангелие от Петра и Александра; и, во-вторых, что воздействие Запада на Россию изменило свой знак с плюса на минус. Если российские пророки первого поколения вдохновлялись западными идеями, которые приобщали их к социальному наследию Западной цивилизации, то российских пророков «нового завета» привлек другой набор идей, также имевших западное происхождение, но побудивших их рассматривать Запад как некий апокалипсический Вавилон. Мы можем сполна оценить эффект вестернизации России на сегодняшний день лишь в том случае, если будем рассматривать и большевистскую реакцию XX века, и петровскую реакцию XVII столетия в перспективе как последовательные и, видимо, неделимые фазы единого процесса, начало которому положило столкновение двух различных цивилизаций. В этой перспективе мы сможем смотреть на процесс вестернизации без излишнего самодовольства, вспомнив следующую притчу: «И когда нечистый дух покинул человека, он ходил по иссохшей земле в поисках покоя и, не найдя его, сказал: я вернусь в мой дом, откуда я ушел. И когда он вернулся в дом, он нашел его убранным и украшенным. И он пошел и взял с собой семерых других, более нечистых, чем он сам, и они пришли и жили там; и стала жизнь этого человека хуже, чем вначале».

С западной точки зрения «нечистым духом», владевшим Россией вначале, было ее византийское наследие. Когда Петр Великий совершил свое паломничество в Европу и узрел Соломонову мудрость во всей ее славе, старой приверженности в нем не осталось. Верность Византии не покинула Россию совсем, но ушла глубоко в подполье, и в течение десяти веков россияне бродили по иссохшей земле в поисках покоя, не находя его. Не в состоянии выжить в прибранном, украшенном доме, они распахнули двери пошире и позвали всех духов Запада прийти и жить с ними; и, переступив порог, эти духи обратились в семерых дьяволов.

Мораль, похоже, такова, что социальное наследие плохо переносит трансплантацию. Духи культуры, являющиеся ангелами-хранителями родных пенатов — на родной почве, где они чувствуют себя своими, где существует гармония между ними и обитателями дома, — превращаются в духов-разрушителей, попадая в дом,

заселенный незнакомцами: ведь эти незнакомцы, естественно, не знают о тайных, неуловимых обычаях, к которым расположены души их новых богов. Пока Ковчег завета Господня находился в Израиле среди избранного народа Иеговы, он служил их талисманом, но, когда Ковчег захватили филистимляне, рука Господа обрушивалась на каждый город, где он хранился, а избранный народ и сам был поражен чумой, которой были наказаны иноверцы за их святотатство.

Если этот анализ верен, для европейцев будет весьма неутешительным развенчание Европы, даже при той перспективе, что влияние Европейской цивилизации станет доминирующей силой в мире. Тот факт, что эта мощная сила происходит из Европы, будет для них менее значительным, нежели столь же очевидный факт, что в какой-то момент, на какой-то стадии эта сила совершит поворот к насилию и разрушению. На самом деле это разрушительное действие, рикошетом ударяющее по самой Европе, оказалось одной из главных опасностей, которой подвергалась Европа в своем новом положении, сложившемся с начала мировых войн. Для того чтобы оценить другую серьезную угрозу для Европы, стоящую перед ней в настоящий момент, нам придется отвлечься от отношений между Европой и Россией и переключить свое внимание на отношения Европы и Соединенных Штатов.

Полный переворот в отношениях Европы с Соединенными Штатами, происшедший с 1914 года, сообщает им новое измерение, ибо мировое движение с центром в Европе превратилось из центробежного в центростремительное. Соединенные Штаты, прежде чем оказаться в том состоянии, в котором они находились в 1914 году, были в течение трех столетий объектом излучения европейской энергии. Их население — более 100 миллионов человек⁹ — было создано живой силой Европы, а кривая миграции через Атлантику шла резко вверх до того самого года, когда разразилась Первая мировая война¹⁰. Опять же развитие материальных ресурсов огромной территории Соединенных Штатов, сравнимой со всей Европой без российской части, зависело не просто от влияния европейской живой силы, но и от импорта европейских товаров и услуг. Положительный ток экономической циркуляции в форме эмигрантов, товаров и услуг в 1914 году тек в сторону Соединенных Штатов; отрицательный ток в форме переводов выплаты процентов за товары и услуги, поставленные в кредит, тек в обратном направлении — из Соединенных Штатов в Европу. В результате двух войн направление тока изменилось на диаметрально противоположное.

Факты эти настолько общеизвестны, настолько глубоко и постоянно давят на наше сознание, что я, пожалуй, готов извиниться за упоминание о них. С момента, когда разразилась Первая мировая война, поток европейских эмигрантов в Америку прекратился, а к

концу войны Соединенные Штаты, которые прежде не только приветствовали европейских иммигрантов, но и засылали по городам и весям вербовщиков для поисков рабочей силы, буквально принуждавших людей к выезду, внезапно осознали, что европейская иммиграция — это не национальное приобретение, а национальная угроза, что это сделка, где вся выгода достается иммигранту, а не стране, приютившей его. Эта внезапная перемена в отношении европейской иммиграции также быстро получила практическое выражение в двух ограничительных актах 1921 и 1924 годов. Их воздействие на экономическую жизнь Европы, или, точнее, тех европейских стран, откуда шел наибольший поток эмигрантов в Соединенные Штаты, было весьма серьезно.

Возьмем классический пример Италии. В 1914 году число итальянских иммигрантов в США дошло до 283 738 человек; годовая же квота для Италии, объявленная президентом Кулиджем¹¹ 30 июня 1924 года в соответствии с Актом этого года, составила 3845 человек. Как следствие, поток итальянских иммигрантов был частично остановлен, а частично переведен в другое русло — от Соединенных Штатов, притягивавших людей тем, что Америка являлась новым миром в процессе его становления и развития, к Франции, где вакуум образовался вследствие того, что Европа была полем битвы, разоренным старым миром. В XVIII веке французская и английская армии пересекли Атлантику, чтобы воевать на берегах рек Огайо и Св. Лаврентия за обладание Американским континентом¹². В XX веке американские войска пересекли Атлантику, чтобы решить судьбу мира на боевых фронтах Европы. До 1914 года обогащающий поток европейской эмиграции в Америку все еще увеличивался в объеме. С 1921 года и далее этот поток был сознательно ограничен и за время между войнами сменился на тоненький, нерентабельный ручеек американского туризма в Европу.

Разумеется, этот ручеек, хотя и был невелик и непродуктивен в сравнении с широкой рекой эмигрантов, текшей ранее из Европы в Америку, все-таки был значительно мощнее любого другого вида передвижений в неэкономических целях когда бы то ни было, а тот факт, что этот туристский поток мог быть финансируван, приводит меня ко второму моменту, где отношения между Соединенными Штатами и Европой поменялись на противоположные; этот момент настолько очевиден, что я упомяну о нем не обсуждая. Соединенные Штаты почти в мгновение ока из самого крупного в мире должника превратились в крупнейшего кредитора, и, несмотря на свою традиционную неприязнь к европейским связям, американцы были вынуждены, в силу требований новой экономической ситуации, искать рынки кредитов в Европе, а также рынки для американских товаров и услуг. Однако довоенные европейские инвестиции

в Соединенных Штатах отличались по своей природе от американских инвестиций в Европе в период между войнами, причем не в пользу Европы. До 1914 года Европа предоставляла США кредиты под производственные затраты. Во время двух войн Европа брала займы у Америки средства для подготовки собственного разрушения; а сегодня она снова занимает у Америки, но не для того, чтобы развивать новые ресурсы Европы, а для того лишь, чтобы подлатать кое-что из разрушенного в ходе двух войн.

Столкнувшись с такой болезненной переменой в отношениях с Соединенными Штатами, европейцы задают себе вопрос: «Считать ли эту беду случайной и, следовательно, исправимой и временной, только лишь побочным эффектом этих исключительных катастроф? Или она имеет более давние и глубокие корни, отчего ей значительно труднее противостоять?» Лично я рискну предположить, что вторая вероятность ближе к истине, ибо, хотя две войны и ускорили процесс перемен в отношениях, придав ему революционный, драматический внешний облик, тем не менее процесс этот был неотъемлемой частью мировой ситуации и должен был совершиться — хотя и в более постепенной мягкой форме, — даже если бы эти войны не состоялись.

В подтверждение своей точки зрения я предлагаю рассмотреть два момента: первый — это природа индустриальной системы, которую Европа создала полтора века назад и которая нынче распространилась по всему миру, и второй — это судьба некоторых центров ранних цивилизаций, скажем средневековой Италии или античной Греции, предвосхитивших Европу в распространении своей цивилизации за пределы собственных границ, хотя и не в таких широких масштабах, как это удавалось современной Европе.

Первое: рассмотрим индустриальную систему. Она была изобретена в Великобритании в те времена, когда устойчивым базисом английской жизни стало представительное парламентское правление в рамках национального государства. Очень скоро стало очевидно, что сообщество, построенное в географическом масштабе Великобритании и обладающее сплоченностью и солидарностью, которые ей обеспечили политические институты представительного правления еще до конца XVIII века, есть тот минимальный размер территории и населения, при котором индустриальная система может действовать эффективно. Распространение индустриализма из Великобритании по всему Европейскому континенту явилось, я должен заметить, одним из факторов национального объединения Италии и Германии — двух заметных политических объединений территории и населения в Европе, завершенных в пределах столетия после промышленной революции в Англии. Примерно около 1875 года можно было подумать, что Европе удастся достичь

равновесия, организовавшись в ряд индустриальных демократических национальных государств типа Великобритании, Франции, Германии и Италии в том виде, в каком они существовали между 1871 и 1914 годами. Теперь мы видим, что ожидать равновесия на базе национального элемента — это иллюзия. Структурообразующими силами являются индустриализм и демократия. В 70-е годы прошлого века они были в зародыше, и мы не можем предугадать, до каких предельных величин они могут вырасти, или предсказать, какие многообразные формы они могут принять. Что мы можем сейчас сказать с уверенностью, так это то, что Франция и Великобритания XVIII века и Италия и Германия XIV века слишком маленькие и хрупкие суденышки, чтобы сдерживать эти силы. Новое вино индустриализма и демократии было разлито в старые бутылки и разнесло их вдребезги.

Пока еще с трудом поддается осмыслению, что минимальной эффективно действующей единицей индустриальной системы может быть никак не меньше чем вся пригодная к освоению поверхность нашей планеты и все человечество. А в политическом плане подобным же образом минимальный предел также обнаруживает тенденцию к увеличению — в соответствии с расширением индустриальных операций — до всемирного масштаба. Эта тенденция в области экономики сопровождалась в политическом плане созданием всемирных политических организаций — ООН и ее предшественницы — Лиги Наций; и в этой связи я замечу, что экономическая и техническая деятельность ООН пусть не столь заметна, но не менее важна. Однако помимо всемирной Организации Объединенных Наций на нынешней политической карте мы видим определенные эластичные ассоциации независимых государств, как, например, Британское Содружество наций или Панамериканский союз¹³, в каждой из которых сгруппировано значительное число национальных государств. А внутри этих групп мы можем различить ряд политических объединений меньшего масштаба и более тесно связанных, нежели любая из тех ассоциаций, к которым они принадлежат, но все-таки не таких маленьких, как типичные европейские национальные государства вроде Франции или Италии.

Эти неевропейские государственные образования национального свойства открыли для себя новую политическую форму, подходящую для их масштаба: они отказались от унитарной централизованной организации французского типа в пользу федерализма, который сочетает в себе преимущества разнообразия и перехода функций с возможностью единого, объединенного действия в целях, общих для всего союза¹⁴. До настоящего времени единственным развитым государством такого типа и качества являются Соединенные Штаты, и они уже показали поразительный пример экономической мощи и энергии,

которые способна развить политическая организация нового образца. Можно представить, однако, что Соединенные Штаты являются лишь первым достигшим совершеннолетия государством среди молодых государств, организовавшихся или организующихся на тех же федеративных принципах и в сравнимом с ними географическом масштабе. В отличие от Соединенных Штатов большинству неевропейских государств этого типа еще недостает некоего элемента, необходимого для полного раскрытия их потенциальных возможностей. Содружеству Австралии и Аргентинской Федеративной Республике¹⁵ не хватает населения; Южно-Африканский Союз стоит перед расовой проблемой, гораздо более острой, чем в Соединенных Штатах. Остальным не хватает то населения, то образования, то политического опыта и стабильности, а то и нескольких этих качеств сразу; многие из этих государств, без сомнения, настолько отягощены проблемами, что им, пожалуй, так и не удастся развить свои потенциальные возможности. Еще трудно предсказать будущее Соединенных Штатов, Бразилии, Мексиканской Республики, Китайской Республики¹⁶, нарождающихся государств Индии и Пакистана; а судьба Союза Советских Социалистических Республик непостижимо загадочна. Тем не менее, если даже из этих молодых федеративных государств заокеанского типа и масштаба некоторые и окажутся на обочине, весьма возможно, что в течение жизни следующего поколения вне Европы разовьются новые федеративные государства типа и масштаба Соединенных Штатов — числом не меньше, чем национальных государств в Европе типа и масштаба Великобритании, Франции и Италии. Не одно из этих неевропейских государств еще можно будет сравнить по масштабам со всей Европой, вместе взятой.

Таким образом, Европа в целом переживает процесс, когда ее затмевает заокеанский мир, который она сама же и вызвала к жизни, в то время как отдельные национальные государства Европы, каждое по отдельности, затмевают федеративные государства этого нового заокеанского света. Какое же будущее ожидает Европу перед лицом этой ситуации?

Кое-что из ее будущего можно предугадать по аналогии с прошлым. В конце концов, то, чего Европа достигла на сегодня, если беспрецедентно по размаху, то вовсе не беспрецедентно по характеру. И античная Греция, и средневековая Италия предвосхитили ее в свое время. Каждое из этих государств было разьединено на ряд городов-государств (полисов), которые в пропорциях своего соответствующего мира значили ничуть не меньше, нежели европейские национальные государства в пропорциях мира сегодняшнего. Каждое из этих обществ создало столь высокую цивилизацию и дало выход столь интенсивной и эффективно направленной энергии, что, несмотря на внутреннее разобщение — неистовый партикуляризм

полисов и их постоянную братоубийственную борьбу, — Древняя Греция и средневековая Италия, каждая в свое время, сумели утвердить свое политическое, экономическое и культурное господство над окружающими варварами. И каждая из них в пору своего расцвета с презрением отбрасывала афоризм о том, что дом, разделенный раздорами, не устоит. Тем не менее конец их истории оказался трагическим свидетельством правоты этого суждения.

И в том и в другом случае избранный народ учил варваров следовать его образу жизни, и в том и в другом случае варвары научились следовать ему, но на более высоком материальном уровне. Греческие полисы оказались карликами по сравнению с более мощными державами — Македонской, Сирийской и Египетской монархиями, Карфагенской империей, Римской конфедерацией, которые выросли по берегам Средиземноморья после экспансии Греческой цивилизации в век Александра¹⁷, а Греция сразу же стала местом паломничества, университетом и полем боя между этими эллинизированными державами. То же случилось и со средневековой Италией — и здесь история имеет определенную аналогию: новыми силами, вызванными к жизни продвижением итальянского Ренессанса за пределы Альп и начиная с конца XV века подавившими города-государства Милан, Флоренцию и Венецию, были те самые европейские национальные государства — такие, как Испания и Франция¹⁸, — которые ныне на наших глазах подавляются влиянием Соединенных Штатов.

Когда мы задумываемся об этих прецедентах, естественно, возникают два вопроса. Первый — как случилось, что новообращенные варвары, которые во всем остальном были пассивными учениками и неловкими имитаторами своих греческих и итальянских учителей, смогли решить ту единственную жизненно важную проблему политического строительства в широком масштабе, которую их учителя неоднократно пытались разрешить, причем без всякого успеха? И второй — почему греки и итальянцы вновь и вновь терпели неудачу в отношении политической консолидации, когда им уже было совершенно ясно, что расплатой за эти постоянные неудачи будет политическое и экономическое крушение? В Греции IV—II вв. до н. э. и в Италии XV—XVII вв. христианской эры все и каждый оплакивали сохранение старого партикуляризма, все пытались преодолеть его, и каждая такая попытка кончалась неудачей, пока наконец и греки и итальянцы, отчаявшись, смирились с судьбой, казавшейся неизбежной. Почему же народы, обладавшие изобретательностью и творческим потенциалом во всех других областях, оказались столь неумелыми в этой единственной области, даже несмотря на высший стимул к самосохранению?

На первый вопрос ответить сравнительно легко. Иноверцам удалось построить вокруг Храма политические организации более

широкого масштаба, чем те, что были у греческих или итальянских городов-государств, не потому, что они обладали большей политической мудростью или опытом, — напротив, у них не было ни того ни другого, а потому лишь, что политическое строительство гораздо легче идет в новой стране на окраинах цивилизации, чем в старой стране в ее центре. Легче, ибо больше свободного места, нет старой застройки в том месте, где архитектор задумал новый проект. В новой стране на краю земли политический архитектор имеет много места и никаких обязательств. Даже если архитектор этот не слишком способен, ему не так трудно построить нечто более просторное и удобное, как его высокопрофессиональному и талантливому коллеге, которому приходится работать в условиях тесной строительной площадки в самом сердце перенаселенного древнего города, под сенью памятников прошлого. Это всего лишь преимущество географического положения, а не заслуга местного архитектора, недаром размахистое строительство всегда начиналось на окраинах городов, а не в центрах; но, хотя в том нет вины талантливых обитателей центра, последствия, навлекаемые на них, ничуть не менее серьезны.

Пытаясь ответить на первый вопрос, мне кажется, я указал и ответ на второй — почему греки и итальянцы, когда их полисы померкли, а их независимость оказалась под угрозой из-за роста больших государств вокруг них, так и не смогли объединить эти города-государства под единой политической структурой на порядок выше. Ответ, похоже, в том, что они не смогли высвободиться из-под власти собственных великих традиций. В эпоху расцвета Древней Греции, — эпоху создания великой цивилизации, которая впоследствии покорила весь мир, — независимые Афины, независимый Коринф, независимая Спарта были выдающимися деталями политического ландшафта. Отбросьте мысленно независимость этих великих полисов в великую эпоху, и все, что было великого в то время и в той цивилизации, может померкнуть. Независимость полисов имела те же корни, что и сама цивилизация, а это означает, что она неискоренима, покуда существует данная цивилизация. Без независимых Афин и независимой Спарты не могло быть мира Греции. С другой стороны, новые греческие полисы, основанные Александром и его последователями на азиатской земле, не имели той драгоценной традиции независимости, которая препятствовала бы им объединяться с другими полисами того же типа или образовывать федеративную организацию большего масштаба. Во времена, когда спасение зависит от нововведений, парвеню найдет свое спасение скорее, нежели аристократ.

В заключение я попытаюсь проследить, как эти прецеденты могут повлиять на перспективы Европы в новую эпоху двух мировых войн, — эпоху, наиболее поразительной характеристикой которой

стало сужение Европы. Сегодняшние европейцы, так же как итальянцы XVII века и греки III века до н. э., прекрасно осознают угрожающую им опасность. Они понимают, насколько она серьезна, понимают — во всяком случае, в общих чертах, — что им следует предпринять, чтобы отвести от себя эту опасность. Еще с 1914 года европейцы много думали над идеей европейского союза, хотя, возможно, громче звучали голоса публицистов, но люди действия — в промышленности, финансах и даже дипломатии — много работали над этим.

За отправную точку мы можем взять блестящую книгу д-ра Фридриха Ноймана «Центральная Европа» («Mitteleuropa»), опубликованную в 1915 году¹⁹. Вполне естественно, что идея европейского политического союза, более крупного, нежели национальное государство, зародилась в центре Европы в период, когда напряжение было особенно сильным, а именно во время войны; и без того нелегкое существование резко затруднилось для центральных держав из-за необходимости борьбы на два фронта и морской блокады. Столь же естественно и то, что германский писатель, помнивший об истории Таможенного союза²⁰, начал с идеи наднационального таможенного союза и уже отсюда перешел к планам кооперации в других областях общественной жизни. Между двумя войнами концепция Ноймана о Центральной Европе была подхвачена другими публицистами континента и развита в идею пан-Европы²¹ — общего европейского союза, который, как и ноймановская «Центральная Европа», должен был базироваться на таможенном союзе. Этот проект пол-Европы прошел первую проверку в период между войнами в Австрии — в стране, для которой разделение Европы на ряд независимых фрагментов, изолированных друг от друга политически и экономически, было почти невыносимым в тех границах, которые были определены для Австрии по мирному договору 1919—1920 годов. После Второй мировой войны это движение за объединение Европы возродилось вновь и получило сейчас мощную поддержку из Америки в виде Плана Маршалла²².

Серьезность, с которой План Маршалла был принят в Европе, свидетельствует о том, что Европа осознает стоящую перед ней опасность, знает, каковы должны быть меры защиты, и готова эти меры предпринять. Но главный вопрос таков: является ли желание Европы удержать или вернуть какую-то часть своей прежней позиции в мире достаточной побудительной силой, чтобы преодолеть препятствия, стоящие на этом пути?

Наиболее значительными являются, видимо, следующие три препятствия: первое — любые проблемы, создаваемые Британским Содружеством наций и Советским Союзом — государственными устройствами наднационального характера, существующими частично внутри

Европы, а частично вне ее; второе — сохранившаяся тенденция индустриальной системы расширять масштаб своих операций, — тенденция, которая уже взорвала границы национального государства и может взорвать границы любого, самого крупного регионального союза в своем стремлении к всемирному объединению; третье — бремя европейской традиции, которая делает невозможным для англичан или французов представить себе Европу — а тем более принять ее таковой — без суверенной, независимой Великобритании или суверенной, независимой Франции, так же как афиняне или спартанцы III—II веков до н. э. не смогли бы себе представить Элладу без независимых Афин или Спарты. Зададимся вопросом, можно ли преодолеть все эти препятствия или хотя бы частично устранить их.

Следует откровенно признать: препятствие, которое являет собой Советский Союз ныне, после Второй мировой войны, стало преодолеть еще труднее, нежели до войны. В своих предвоенных границах Советский Союз в отличие от прежней Российской империи лежал в основном вне пределов Европы, ибо на той стадии не включал в себя цепь стран с западной культурной традицией, которые, собственно, и вводили Российскую империю в сообщество европейских государств. В результате войны 1914—1918 годов, успешного вторжения германских войск в Российскую империю и двух последовательных русских революций 1917 года эти западные пограничные области расстались с Россией и вошли в европейское сообщество на правах независимых национальных государств — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши. В результате войны 1939—1945 годов, однако, произошел обратный процесс и все вернулось почти к ситуации 1914 года. Три Балтийских государства были аннексированы Россией и объявлены республиками Советского Союза, и не только Финляндия, но и вся Польша (включая бывшие прусские и австрийские доли ее), Чехословакия, Румыния, Болгария и Венгрия были включены в сферу влияния Советского Союза, если и не де-юре, то де-факто, как страны-сателлиты. Учитывая германские территории восточнее Северной Нейсе и Одера, которые Советский Союз отдал Польше в качестве компенсации за западноукраинские и белорусские провинции довоенной Польши, вновь отошедшие к Советскому Союзу, и прибавив сюда советские оккупационные зоны в Германии и Австрии²³, мы увидим, что западные пределы Советского мира выдвинулись теперь в середину Европы с севера на юг, от Балтики до Адриатики.

Позволит ли когда-нибудь советское правительство своей половине послевоенной Европы объединиться с другой половиной ее в нечто вроде пан-европейской ассоциации? Можно догадаться, что Москва позволит это лишь при одном условии, а именно если Европа сформирует свой союз вокруг российского ядра и под гегемонией

России. Это условие совершенно неприемлемо для западноевропейских стран, что означает, что если Плану Маршалла не удастся привести Европу к объединению, то, скорее всего, союз будет образован странами, лежащими к западу от пределов советской сферы влияния.

Если российское препятствие европейскому союзу стало более труднопреодолимым, то британское препятствие, по-видимому, преодолеть теперь легче. Любой проект объединения Европы угрожает вырасти в дилемму для Великобритании. Если бы ее континентальные соседи сформировали панъевропейский союз или хотя бы союз более узкий, западноевропейский, Великобритания вряд ли смогла бы позволить себе остаться вне его. Однако ей также трудно было войти в европейский союз ценой разрыва своих связей с заокеанскими англоязычными странами: Соединенными Штатами и заокеанскими членами Содружества наций. Эта дилемма, правда, не возникнет, если союз, в который предложено вступить Великобритании, будет поддержан Соединенными Штатами и рассчитан на то, чтобы служить основой для более тесных отношений между объединенной Европой и Америкой. Собственно, Великобритании облегчают дело именно те намерения и предложения Плана Маршалла, которые совершенно неприемлемы для Советского Союза. Условия Плана Маршалла позволяют Великобритании взять от обоих миров лучшее: она сможет войти в ассоциацию со своими соседями на Европейском континенте без риска усложнить отношения с партнерами за океаном; а европейский союз при этих условиях может быть уверен в искренней поддержке Великобритании.

Однако можно ли считать слово «объединение» верным обозначением для целого созвездия сил, которые мы рассматриваем? Не точнее ли употребить слово «разъединение»? Ибо если Восточная Европа будет ассоциирована с Советским Союзом под его гегемонией, а Западная Европа — с Соединенными Штатами под руководством Америки, то разделение Европы между этими двумя титаническими неевропейскими державами явится, на взгляд европейцев, самой значительной характеристикой новой карты мира. Не приходим ли мы к выводу, что Европе уже не по силам вернуть себе прежнюю позицию в мире, преодолев разъединение, которое всегда было ее погибелью? Мертвый груз европейской традиции стал сейчас перышка, ибо Европе уже не придется решать собственную судьбу. Ее будущее находится в руках двух гигантов, которые ныне затмевают ее.

План Маршалла устраняет еще одно из тех препятствий объединению Европы, о которых мы упоминали. Тенденция индустриальной системы к расширению масштаба своих операций до общемирового уровня определенно дает аргументы против простой региональной европейской группировки. Если План Маршалла при-

несет ожидаемые плоды, то это в конце концов поможет спасти страны Западной Европы, встроив их в экономическую систему, которая группируется вокруг Соединенных Штатов и как результат будет охватывать весь мир, за исключением советской сферы; ибо западноевропейские страны приведут за собой свои африканские и азиатские владения и протектораты, а Соединенные Штаты — латиноамериканские страны и Китай²⁴, и можно рассчитывать, что при этих условиях к союзу присоединятся и члены Британского Содружества наций. При таком размахе экономических операций европейский союз, даже если бы он охватывал всю Европу целиком, был бы не более эффективен как экономическая единица, чем национальное государство «город-государство» типа средневековой Венеции. С экономической точки зрения дело выглядит таким образом, как будто пан-Европа стала уже анахронизмом, еще не будучи созданной; и пожалуй, европейцам не стоит сожалеть о том, что пан-Европа оказалась мертворожденной, если им предлагается альтернатива войти в почти всемирную ассоциацию. Если некогда бесспорному господству Европы в мире суждено стать лишь преходящей исторической достопримечательностью, обреченной на гибель, то План Маршалла по крайней мере дает Западной Европе утешительную возможность по-христиански похоронить свое почившее в Бозе превосходство. Эвтаназия²⁵, однако, это не выздоровление и не воскрешение. Сужение Европы после Второй мировой войны можно безошибочно считать свершившимся фактом.

БУДУЩЕЕ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА*

Когда я сравниваю последствия двух войн, я вижу не только явно сходные черты, но и заметные различия. По окончании Первой мировой войны мы полагали, что война эта была ужасным, но не значительным препятствием на пути разумного, цивилизованного исторического развития. Мы смотрели на нее как на несчастный случай, вроде железнодорожной катастрофы или землетрясения; и мы воображали, что, как только похороним мертвых и расчистим завалы, мы вернемся к удобной, насыщенной жизни, которая

* Эта работа основана на лекции, прочитанной 22 мая 1947 года в Лондоне, в Чатем-Хаус, по возвращении из поездки в Соединенные Штаты и Канаду, продолжавшейся с 8 февраля по 26 апреля 1947 года.

в то время казалась чем-то само собой разумеющимся, как бы врожденным правом человека — во всяком случае, тому незначительному и исключительно привилегированному меньшинству человечества, которое было представлено средним классом демократических индустриальных стран Запада. На этот раз мы, напротив, четко осознаём, что конец боевых действий не останавливает хода истории.

Что же вызывает такое беспокойство сегодня, причем повсюду — среди американцев и канадцев, у нас в стране, у наших европейских соседей и у русских (после краткого знакомства с русскими в Париже прошлым летом¹ я могу сказать, что мы можем оценивать ощущения русских вполне адекватно по аналогии с нашими собственными)?

Я изложу вам собственную точку зрения, достаточно спорную, как вы увидите. Я полагаю, что это угрожающее положение — вопрос политический, а не экономический и что вопрос не в том, будет ли мир объединен политически в скором времени. Я уверен — и это, пожалуй, самое спорное из моих утверждений, но я искренне говорю то, что думаю, — что скорое политическое объединение мира — вопрос предрешенный. (Если вы возьмете всего два фактора — степень нашей нынешней взаимозависимости и смертоносный характер сегодняшних вооружений — и свяжете их друг с другом, я не вижу, к какому иному выводу можно прийти.) Я думаю, что самый главный и трудный политический вопрос сегодняшнего дня не в том, БУДЕТ ли мир объединен политически, а в том, в каком из двух альтернативных направлений может пойти объединение.

Существует старомодный и неприятно знакомый путь постоянных военных столкновений, который приведет к горькому концу, когда одна уцелевшая великая держава «нокаутирует» последнего из оставшихся соперников и установит мир на земле при помощи силы. Именно таким путем Греко-римский мир был объединен Римом в I веке до н. э., а Дальний Восток — в III веке до н. э. княжеством Цинь по тому же римскому рецепту. Кроме того, существует новый опыт кооперативного правления миром — нет, пожалуй, не совсем новый, ибо и раньше предпринимались тщетные попытки найти совместный выход из всех бед, закончившиеся тем, что силовыми методами были приняты *Pax Romana* и *Pax Sinica*²; правда, в наши дни наши собственные попытки добиться второго, более приемлемого варианта настолько более решительны и осознанны, что мы вполне можем рассматривать их как отправную точку. Первой нашей попыткой было создание Лиги Наций, следующей — Организации Объединенных Наций. Совершенно очевидно, что здесь мы вступаем на почти неизведанную почву трудных первопроходческих политических инициатив. Если такая инициатива будет успешной — хотя бы настолько, чтобы уберечь нас от «нокаута», —

это могло бы открыть совершенно новые перспективы для человечества, — перспективы, которые еще ни разу не открывались за последние пять или шесть тысяч лет, когда человечество делало попытки цивилизованного развития.

Возрадовавшись этому проблеску надежды на горизонте, мы рискуем впасть в состояние эйфории, если не примем во внимание протяженность и сложность лежащего между нами и нашей целью. И нам не удастся отвести от себя нокаутирующий удар, если мы не изучим все обстоятельства, которые, к сожалению, говорят о его возможности.

Первое из неблагоприятных обстоятельств, с которыми придется бороться, — это тот факт, что в течение жизни одного поколения число великих держав высшего материального уровня — если измерять этот уровень в понятиях чисто военного потенциала — сократилось с восьми до двух. Сегодня на арене чисто силовой политики стоят лицом к лицу лишь Соединенные Штаты и Советский Союз. Еще одна мировая война — и может остаться одна-единственная держава, которая даст миру политическое единство старым дедовским способом — по праву победителя.

Поразительно быстрое сокращение числа великих держав высшего материального уровня объясняется внезапным скачкообразным повышением материального уровня жизни, из-за чего державы типа Великобритании или Франции уменьшились в сравнении с державами типа Советского Союза и Соединенных Штатов. Такие внезапные скачки уже случались в истории. Примерно четыре-пять столетий назад державы размером с Венецию или Флоренцию подобным же образом померкли перед только что возникшими державами размера Великобритании и Франции.

Со временем европейские державы, без сомнения, померкли бы по сравнению с Советским Союзом и Соединенными Штатами. Это — неизбежное следствие открытия широких просторов Северной Америки и России и освоения их ресурсов путем широчайшего применения технических методов, частично разработанных в лабораториях Западной Европы, в исторически недавнее время. Но этот неизбежный процесс мог идти целое столетие, если бы не кумулятивный эффект двух войн, сжавший это время до трети и даже четверти требуемого времени. Если бы не ускорение, процесс шел бы постепенно, давая всем участникам время приспособиться к нему более или менее безболезненно. После того как войны подтолкнули этот процесс, он принял революционный характер, поставив всех участников в трудное положение.

Европейскому наблюдателю следует понять (как понимают те, кто непосредственно наблюдает реакцию на этот процесс в Соединенных Штатах), что это ускорение перераспределения материальной

силы от старых держав во внутреннем кольце Европы к молодым державам во внешнем кольце, в Америке и Азии, для американцев столь же затруднительно, как и для нас самих. Американцы испытывают ностальгию по сравнительно безмятежному существованию в прошлом веке. В то же время они представляют себе гораздо более ясно и в более общих чертах, нежели мы после войны 1914—1918 годов, что невозможно повернуть время вспять, к удобному довоенному часу. Они знают, что им придется выдержать все до конца, как бы ни раздражала эта мрачная перспектива. Они смотрят в лицо новой незваной главе своей истории со спокойной уверенностью, думая о том, что им предстоит — как предупредил их президент — заняться работой по техническому и экономическому переснащению Греции, Турции и других зарубежных стран. Но они приходят в смятение, когда им напоминают, что не хлебом единым жив человек и поэтому им придется заняться не только экономикой, но и политикой, если они хотят успешно внедрить демократию в западном понимании этого слова в тех незападных странах, в которые они вступают с этой целью. «Просветить» политических узников в Руритании³ и проследить за тем, чтобы руританские власти выпустили тех, кого следует выпустить? Обеспечить трансформацию руританской полиции из ведомства по выкручиванию рук политическим оппонентам из теневого правительства в агентство по защите прав и свобод подданных? Провести подобную же реформу руританского правосудия? Если вы скажете американцам, что, вмешавшись однажды в дела Руритании, им уже не удастся бросить эти политические проблемы на полпути, они, скорее всего, воскликнут, что Соединенные Штаты не располагают кадрами для подобной работы за рубежом.

Неловкость перед необходимостью брать на себя политическую ответственность в отсталых в этом отношении странах возникла у американцев в связи с внезапной заботой о будущем Британской империи. Эта забота, как и большинство человеческих чувств, частью диктуется собственными интересами, частью бескорыстна. Собственные интересы американцев состоят в том, что, если Британская империя распадется, она оставит после себя огромный политический вакуум — много больше и опаснее, нежели ничейная земля в Греции и Турции⁴, — куда Соединенным Штатам придется вступить, чтобы опередить Советский Союз. Американцы осознали удобство (для них) существования Британской империи как раз тогда, когда эта империя начала распадаться. Правда, это недавно возникшее беспокойство за судьбу империи одновременно и вполне бескорыстно, и добросердечно. Традиционное американское обличение британского империализма шло, мне кажется, бок о бок с подсознательным ощущением, что Британская империя, плохо ли,

хорошо ли, есть один из самых устойчивых и прочных институтов в мире. Теперь, когда американцы убедились, что империя находится в предсмертной агонии, они начинают сожалеть о неизбежной потере такого крупного и знакомого объекта на их политическом ландшафте, начинают сознавать, какую службу сослужила империя для всего мира, которую, кстати, они не ценили и вряд ли замечали, пока могли принимать ее как нечто само собой разумеющееся.

Такая резкая перемена отношения американцев к Британской империи в течение зимы 1946/47 года была следствием их оценки текущих событий. В то время воображение американцев поразили два факта: физические страдания населения Великобритании и решимость правительства Соединенного Королевства уйти из Индии в 1948 году⁵. Взятые вместе, эти два факта создали в американских умах картину крушения Британской империи; и американские комментаторы в обычном для них сенсационном стиле сжали в одно моментальное событие всю эволюцию Британской империи с 1783 года⁶ и в то же время заявили, что перемены были абсолютно непроизвольными, непреднамеренными. По мнению большинства американцев, Соединенное Королевство внезапно слишком ослабело, чтобы силой удерживать империю; не многие из них осознали, что британский народ усвоил колоссальный урок, полученный в результате утраты Тринадцати колоний⁷, и что он всегда старался применять усвоенные знания в дальнейшем.

В несведущих американских умах рождалось ощущение, что империя Георга III существовала в практически неизменном виде до вчерашнего дня, а сегодня вдруг развалилась в одночасье; каким бы далеким от истины ни казалось нам это суждение, на самом деле оно не так уж удивительно, как звучит для британских ушей. Обычно обо всем, с чем мы впервые сталкиваемся во взрослом возрасте, мы имеем тенденцию судить на основе простых и критически не переосмысленных мнений, внушенных нам в детстве. Существует или по крайней мере до недавнего времени существовала британская полудетская легенда, что французы не способны управлять зависимыми территориями или отсталыми народами. Понятие среднего американца о Британской империи также основано на легенде времен Революционной войны⁸, о которой ему рассказывали в школе, а не на собственном взрослом наблюдении существующих фактов. Многие из американцев обнаруживают невежество даже в отношении сегодняшнего статуса Канады, хотя они, вероятно, постоянно общаются с канадцами и не могут не видеть, что это гордые, свободные люди, под стать самим американцам. Тем не менее, вместо того чтобы трезво оценить обстановку, и без того ясную как дважды два, и посмотреть в лицо фактам свежим взглядом, они, скорее

всего, так и думают, что Канадой все еще управляет Даунинг-стрит и что их северная соседка платит налоги Казначейству в Уайтхолле, чего, кстати, она вообще никогда не делала⁹.

Это в достаточной мере объясняет, почему и темпы и характер изменений, происшедших в составе Британской империи, были прервратно поняты многими американцами. Но, когда мы сделаем все необходимые поправки на незнание, британский критик в свою очередь должен признать тот факт, что мощь империи в отличие от ее состава претерпела изменения не только очень большие, но и действительно очень быстрые. Истина в том, что в смысле откровенной политики, основанной на чисто военном потенциале, только две великие державы — Соединенные Штаты и Советский Союз — противостоят сегодня друг другу. Именно признанием этого факта в Соединенных Штатах объясняется стремление проанализировать ситуацию, вызванную объявлением «доктрины Трумэна». Американцы осознают, что это по двум причинам поворотный пункт в американской истории. Во-первых, он выводит Соединенные Штаты из их традиционной изоляции; и во-вторых, этот шаг президента может означать — даже если это далеко от его истинных намерений — поворот всего хода международных отношений, отказ от новых методов сотрудничества в попытке достичь политического единства и возврат к старому, избитому способу: выиграв последний раунд в силовом противостоянии, прийти к политическому объединению мира через «нокаут».

Итак, обзрев те обстоятельства, которые говорят в пользу второго, старинного решения, мы должны заставить себя преодолеть эти обстоятельства, вспомнив, сколь разрушительным может быть этот «нокаут». Он приговорит человечество по крайней мере к еще одной мировой войне. Третья мировая война будет вестись атомным и другим, возможно, не менее смертоносным оружием. Более того, в прежние времена — скажем, при насильственном объединении китайского региона княжеством Цинь или же Греко-римского мира Римом — долгожданная политическая унификация через «нокаут» достигалась недопустимой ценой моральных травм, нанесенных обществу в тот момент, когда ему навязывали это единство с помощью грубой силы.

Если мы проанализируем эти травмы в понятиях материальных, попытавшись оценить способность различных цивилизаций как к возрождению, так и к разрушению, нам нелегко будет начертить четкие сравнительные графики Западной цивилизации, с одной стороны, и Греко-римской или Китайской — с другой. Без всякого сомнения, у нас сегодня намного больше возможностей и для реконструкции, и для разрушения, чем имели китайцы или римляне. С другой стороны, более простая социальная структура обладает

большой стихийной восстановительной силой, нежели более сложная. Когда я вижу, как наши восстановительные программы в Великобритании задерживаются из-за нехватки квалифицированной рабочей силы или высокотехнологичных материалов, а иногда — и не в меньшей степени — из-за сбоев административного механизма, я вспоминаю, как мельком видел в 1923 году восстановление турецкой деревни, разрушенной под самый конец греко-турецкой войны 1919—1922 годов¹⁰. Турецкие крестьяне не зависели от перевозных материалов или рабочей силы, равно как и от милостей бюрократов. Они перестраивали свои дома и ремонтировали домашнее имущество и сельскохозяйственный инвентарь собственными руками, из дерева и глины, что находились вокруг. Кто может предвидеть, будет ли Нью-Йорк после третьей мировой войны жить материально так же спокойно, как деревня Йени-Кей после 1922 года, или так же тяжело, как Карфаген после 146 года до н. э.¹¹? Правда, те раны, которые цивилизация наносит себе и от которых в конце концов погибает, совсем нематериального свойства. Во всяком случае, в прошлом неизлечимыми оказались как раз раны духовного порядка; и, поскольку под слоем самых различных культур лежит однородная духовная природа человека, можно предположить, что духовное опустошение, производимое «нокаутом», по своей разрушительной силе убийственно и именно оно каждый раз приводит к гибели.

Тем не менее если принудительный метод политического объединения мира беспредельно разрушителен, то метод сотрудничества со своей стороны изобилует трудностями.

В настоящий момент, например, мы наблюдаем, как великие державы пытаются — вероятно, это неминуемо — одновременно делать две вещи, не просто противоположные, но воинствующе противоположные и абсолютно несовместимые в конечном счете. Они пробуют запустить в действие новую систему кооперативного мирового правления, не имея возможности прогнозировать ее шансы на успех, и пытаются застраховать себя от провала, маневрируя друг перед другом в том самом старом стиле силовой политики, который может привести лишь к третьей мировой войне и «нокауту».

Организацию Объединенных Наций можно со всей справедливостью назвать политическим механизмом для осуществления, возможно, более тесного сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом — двумя великими державами, которым суждено быть основными антагонистами в последнем раунде голой силовой политики. Нынешняя структура ООН представляет собой именно эту форму сотрудничества, какой Соединенные Штаты и Советский Союз могут достичь в данный момент. Эта структура есть очень свободная конфедерация, а наш замечательный председательствующий в Чатем-

Хаус, Лайонел Куртис¹², заметил, что политические ассоциации подобного шаткого типа никогда в прошлом не были устойчивыми и долговечными.

Организация Объединенных Наций находится в той же стадии после войны 1939—1945 годов, в какой Соединенные Штаты пребывали после Войны за независимость. В том и другом случае во время войны общий страх перед опасным общим врагом удерживал некрепкую ассоциацию государств¹³ штатов и делал ее спаянной. Существование этого общего врага служило как бы спасательным кругом, держащим ассоциацию на плаву. Однако после победы, когда общего врага не стало, ассоциация, только из-за него и создававшаяся, должна или утонуть, или выплыть, лишенная поддержки, пусть и ненамеренной, но весьма эффективной, которую представляло наличие общего врага. В этих обстоятельствах свободная ассоциация не может долго существовать в своем первоначальном виде: раньше или позже она распадется либо трансформируется в действительно эффективную федерацию.

Для того чтобы федерация была долговечной, ей, по-видимому, требуется высокая степень однородности составляющих ее государств. Правда, мы видим, что Швейцария и Канада являются удивительными примерами эффективно работающих федераций, успешно преодолевших сложные различия в языках и религиях¹⁴. Но может ли кто-то из трезво мыслящих наблюдателей сегодня отважиться на то, чтобы предсказать день и час, когда станет практически возможным союз Соединенных Штатов и Советского Союза? А это как раз те два государства, которые должны объединиться в федеративный союз, чтобы спасти нас всех от третьей мировой войны.

И все-таки эти очевидные трудности на пути кооперативного достижения совершенно необходимой цели — мирового единства — не должны останавливать нас, ибо этот метод обладает рядом уникальных преимуществ, не имеющих альтернативы.

Разве что будет найдена какая-либо конституционная форма мирового правления, при помощи которой державы могут продолжать считаться великими — и действительно играть эту роль, несмотря на то что их военный потенциал не будет паритетным военному потенциалу Советского Союза и Соединенных Штатов. В таком частично организованном мировом сообществе Великобритания, континентальные страны Западной Европы и доминионы могут по-прежнему иметь влияние в международных делах, — влияние, отнюдь не обусловленное отношением их военного потенциала с потенциалом «большой двойки»¹⁵. Даже на полупарламентарном международном форуме политический опыт, зрелость и выдержка таких стран имели бы значительный вес в балансе сил, противостоя грубой силе меча. С другой стороны, в мире политики с позиции силы

эти высокоцивилизованные, но менее мощные в материальном отношении государства не будут иметь никакого веса в сравнении с Соединенными Штатами и Советским Союзом. В третьей мировой войне все они, за исключением, возможно, Южной Африки, Австралии и Новой Зеландии, превратятся в арену боевых действий. В особенности это коснется Великобритании и Канады, в чем канадцы и англичане прекрасно отдают себе отчет.

Глядя в лицо этой опасности, мы должны коснуться еще нескольких вопросов.

В политике в отличие от личных отношений пословица «третий лишний» совершенно не соответствует истине. Там, где можно объединить для решения проблемы кооперативного правления миром, скажем, восемь великих держав или хотя бы три, решить эту проблему много легче, чем если их всего две. Это очевидное соображение порождает вопрос, нельзя ли вызвать к жизни какую-либо третью мировую державу, которая была бы сравнима с Соединенными Штатами и Советским Союзом по всем статьям: на арене силовой политики не уступала бы их военному потенциалу, а в плане моральном и политическом была бы равной участницей международного совещательного органа в случае, если человечеству удастся его нынешняя пионерная политическая инициатива по введению механизма конституционального правления вместо слепых игр грубой силы в международных отношениях.

Не может ли роль этой третьей великой во всех отношениях державы — роль, которая одному Соединенному Королевству уже не под силу, — коллективно взять на себя Британское Содружество наций? Думаю, краткий ответ на этот вопрос будет таким: в чисто стратегическом плане — да, в географическом и политическом — нет.

В совещательных органах конституционально управляемого мира государства — члены Содружества будут занимать достаточно весомое место, ибо они представляют собой большое сообщество некрупных политически зрелых государств, а также потому, что они смогут выступать единым строем — не оттого, что их политика унифицирована или заранее скоординирована, но просто потому, что в жизненно важных политических вопросах, в области социальных и духовных традиций они имеют много общего, ибо не перестали жить в очень тесных и дружественных отношениях между собой, хотя и двинулись каждое своим путем к главной цели — самоуправлению. Однако, чтобы трансформировать Содружество в третью великую державу, сделав ее настолько же мощной коллективно, насколько ее члены влиятельны внутри сообщества, странам Содружества придется сплотиться в единый, цельный военный союз, столь же высокоцентрализованный, как Советский Союз во все

времена и как Соединенные Штаты в годы войны; и достаточно только выразить эту идею словами, как сразу становится ясно, насколько она осуществима. Это означало бы повернуть вспять то движение, к которому Содружество шло намеренно и последовательно начиная с 1783 года, и отказаться от накопленных результатов той эволюции, драгоценных результатов совместных усилий народа Соединенного Королевства и народов других стран Содружества, добившихся самоуправления наравне с Соединенным Королевством за последние полтора века.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Невозможно вложить все свои силы в прогрессивный процесс, имеющий своей целью добиться максимального самоуправления для всех субъектов Содружества, проявляющих готовность к независимому правлению, и в то же время ожидать, что можно будет создать коллективную военную машину, такую, какую Москва — если взять наиболее яркий случай — последовательно и сознательно строила последние шесть столетий ценой свободы¹⁶, плюрализма и других политических и социальных благ, которых добились для себя страны Содружества за счет коллективного могущества. Страны Содружества не могут отречься от своих идеалов и распутать сеть истории, которую они для себя сплели; они не могли бы сделать этого при всем своем желании, но даже если им и удалось бы совершить это сомнительное чудо, то они напрасно отказались бы от своих неотъемлемых прав, ибо, даже пожертвовав всеми достоинствами и достижениями, присущими Содружеству, они не смогли бы достичь той степени единства — ни политически, ни географически, — которая в век ядерных вооружений поставила бы его вровень с Соединенными Штатами и Советским Союзом в военном отношении. На поле силовой политики единое Содружество смогло бы сыграть лишь роль пешки, в лучшем случае коня, но ферзя — никогда.

Если Британское Содружество после мировой войны 1939—1945 годов не может играть роль «третьей великой державы», не могли бы сделать это, скажем, Соединенные Штаты Европы¹⁷? На первый взгляд эта идея несет в себе многообещающую перспективу, однако она тоже не выдерживает критического анализа.

Гитлер сказал однажды, что если Европа действительно хочет быть серьезной силой мирового масштаба (а под «силой» Гитлер, разумеется, понимал только грубую военную мощь), то она должна приветствовать и проводить политику фюрера; и это жесткое высказывание есть истинная правда. Гитлеровская Европа — объединенная силой германского оружия и под германской гегемонией — есть единственный вариант Европы, способный сравняться с Советским Союзом и Соединенными Штатами по военному потенциалу; но Европа, объединенная под господством Германии, абсолютно

ненавистна всем европейцам за пределами Германии. Некоторым пришлось дважды пережить опыт германского господства; для большинства этот опыт пришелся на Вторую мировую войну, а те, кому удалось этого избежать, находились слишком близко к пожару, и жар его опалил их достаточно сильно, чтобы понять и разделить чувства тех, кто сгорел в этом горниле.

В Европейском союзе без Советского Союза и Соединенных Штатов — а это *ex hypothesis* — есть отправная точка для строительства европейской «третьей великой державы». Германия должна рано или поздно, тем или иным путем выдвинуться на первое место, даже если Объединенная Европа начнет свою новую жизнь при разоруженной и децентрализованной Германии, возможно даже разделенной на части¹⁸. В пространстве, лежащем между Соединенными Штатами и Советским Союзом, Германия занимает стратегически господствующее центральное положение; германская нация самая многочисленная в Европе¹⁹; в сердце Европы, населенном немцами (не учитывая ни Австрию, ни немецкую часть Швейцарии), находится большая часть европейских ресурсов — сырья, производственных мощностей и квалифицированной рабочей силы, необходимых для тяжелой индустрии; наконец, насколько немцы искусно организуют сырьевую базу для ведения войны, включая и человеческое сырье, настолько же они не способны управлять самими собой и нетерпимы в качестве правителей других народов. На каких бы первоначальных условиях ни вошла Германия в Объединенную Европу, в которой не будет ни Соединенных Штатов, ни Советского Союза, она непременно займет там в конечном итоге главенствующее положение; и, если превосходство, которого она не могла добиться силой в ходе двух войн, будет достигнуто на этот раз мирно и постепенно, ни один европеец все равно не поверит, что, когда германцы почувствуют в своих руках власть, им хватит мудрости не натянуть поводья и прищипорить. Этот германский фактум может оказаться непреодолимым препятствием в строительстве Европы как «третьей великой державы»²⁰.

Да в нашем сегодняшнем мире объединенная в военном плане Европа и не может питать сколько-нибудь обоснованных надежд — не более, чем Британское Содружество, — на то, чтобы стать достойным соперником Соединенных Штатов или Советского Союза ценой отказа от взлелеянных свобод. В Западной Европе особенно (а Западная Европа — это сердце Европы) традиции национальной индивидуальности настолько сильны, что любой практически возможный европейский союз будет весьма слабо связан и станет не более чем пешкой в партии силовой игры, даже если эта объединенная Европа будет включать в себя и Британское Содружество на Западе, и страны, находящиеся под российским влиянием на

Востоке, даже и в том случае, если бы народы Европы попытались стерпеть неприятную гитлеровскую доктрину.

Но где же тогда нам найти нашу «третью великую державу»? Если не в Европе и не в Британском Содружестве, то уж никак не в Китае или в Индии, ибо, несмотря на их древние цивилизации и огромное население, обширные территории и ресурсы, эти мастодонты наверняка не смогут напрячь свои латентные силы в течение того критического периода истории, который, как представляется, предстоит нам пройти. Итак, мы вынуждены сделать заключение, что нам не удастся ослабить напряженность нынешнего международного положения, добавив даже одну державу высшего военного порядка к тем двум, что противостоят друг другу сейчас. Это приводит нас к финальному вопросу: если мы не в состоянии найти быстрый путь к объединению мира через конституциональное сотрудничество, нельзя ли каким-то образом оттянуть неприятную альтернативу — объединение силовыми методами? Не могут ли два политически различных мира размежеваться — один под водительством Соединенных Штатов, другой под влиянием Советского Союза? И если бы между ними оказалось возможным провести демаркационную линию по всему земному шару, не могли бы Американский и Советский мир сосуществовать бок о бок на одной планете в течение длительного времени без столкновений, как в свое время при других социальных и технологических условиях сосуществовали Римский и Китайский миры в течение нескольких веков, не только не воюя, но и почти не соприкасаясь? Если бы мы могли выиграть время для мира, прибегнув временно к спасительному средству — изоляции, возможно, что социальный климат в обоих политических универсумах с каждой стороны разделительной линии постепенно стал бы оказывать взаимное влияние, пока они не сблизились бы достаточно, чтобы позволить Советскому Союзу и Соединенным Штатам в некий благоприятный момент вступить в полосу эффективного политического сотрудничества, в данный период недостижимого по причинам идеологической и культурной пропасти, разделяющей их.

Каковы же перспективы того, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз соблюдали режим «ненасильственного несотрудничества» по отношению друг к другу в течение, скажем, тридцати, пятидесяти или ста лет? Если провести демаркационную линию через весь мир, достаточно ли пространства останется для каждого из них в своей сфере? Если бы можно было рассуждать лишь в понятиях экономических, ответ был бы вполне обнадеживающим, ибо каждый из этих гигантов имеет достаточный экономический простор не только в своей сфере влияния, но и внутри собственных политических границ. Одной из причин, подвигнувших правителей

нацистской Германии и современной Японии на агрессивные войны, была их неспособность предоставить основной массе молодых людей работу, удовлетворяющую их ожиданиям, а иногда и вообще какую-нибудь работу. В противоположность им Россия и Америка имеют более чем достаточно рабочих мест для подрастающего поколения и на многие годы вперед. Если бы человек жил одной экономикой, у Америки и России не было бы никаких причин сталкиваться друг с другом в течение жизни нескольких поколений. Но, к сожалению, человек жив еще и политикой. Ему необходимо бороться не только с нуждой, но и со страхом, а в плане идей и идеологий Россия и Америка постоянно перебегают друг другу дорогу, вместо того чтобы спокойно сидеть дома и обрабатывать собственный просторный сад. В этом плане социальный климат обеих великих держав, без сомнения, будет влиять друг на друга, но это взаимовлияние отнюдь не обязательно должно иметь мирный исход или вести к взаимной ассимиляции; напротив, оно может вызвать грозу или взрыв. Ни капиталистический, ни коммунистический мир не иммунны против влияния другого, ибо ни тот ни другой не есть рай на земле, как они оба стараются это представить; и оба они обнаруживают свои страхи, принимая защитные меры против влияния соперника. Железный занавес, которым Советский Союз пытается отгородиться от внешнего мира, весьма красноречиво говорит сам за себя. Но и на стороне капиталистического мира существует не меньший, хоть и не столь парализующий страх перед миссионерской коммунистической активностью; и пусть в демократических странах этот страх не выражается в государственных запретах на личные контакты, он тем не менее всегда готов перерасти в паническую истерию.

Таким образом, страх может сделать то, чего нужна, скорее всего, не добьется, — заставить Россию и Америку схлестнуться друг с другом. Но как, спросите вы, может это привести к открытому военному столкновению, когда силы у антагонистов столь явно неравноценны? Соединенные Штаты с их колоссальным превосходством в промышленном оснащении, подкрепленном теперь монопольным «ноу-хау» в производстве атомного оружия²¹, настолько сильнее Советского Союза, что, если не считать тех стран, на которые Советский Союз уже накинуд свою узду, Соединенные Штаты могут по своему желанию утвердить свой протекторат практически над любой страной на ничейном пространстве без всякого риска открытого военного сопротивления со стороны Советского Союза. Это можно проиллюстрировать тем, как безнаказанно удалось Соединенным Штатам распространить свое покровительство на Грецию и Турцию, несмотря на то что эти две страны лежат на самых подступах к главной житнице и арсеналу Советского Союза — Украине и

Кавказу. Это могло бы означать, что во власти Соединенных Штатов — провести демаркационную линию между американской и российской сферами влияния по краям сегодняшних границ политических владений Советского Союза. При делении земного шара это дало бы Соединенным Штатам львиную долю территории, то есть, как могло показаться при поверхностном взгляде, весьма значительно увеличило бы и без того серьезное превосходство Америки над Россией.

По зрелом размышлении, однако, это заключение может быть и пересмотрено. При подобном делении мира превосходство Соединенных Штатов статистически будет действительно огромным, но это, в конце концов, чисто теоретическая и, вероятно, обманчивая основа для сравнения. Будет ли выигрыш в политическом, социальном и идеологическом плане таким же, как и в плане прироста территорий, населения и производительности? Смогут ли те три четверти или пять шестых мира, что окажутся под американским влиянием, сплотиться политически и идеологически так тесно, чтобы стать невосприимчивыми к миссионерской активности России? Или, если поставить вопрос с головы на ноги, реально ли ожидать, что большинство населения нашей гипотетической американской сферы влияния действительно увлечется сегодняшней, довольно консервативной американской доктриной отъявленного индивидуализма?

Нынешняя американская идеология придает очень большое значение личной свободе, однако отнюдь не так остро чувствует необходимость социальной справедливости. Это вовсе не удивительно для доморощенной идеологии, ибо в Соединенных Штатах сегодня минимальный жизненный уровень настолько велик, что нет нужды в том, чтобы ограничивать свободу способных, сильных и богатых ради того, чтобы раздавать благотворительные подачки социальной помощи неумелым, слабым и бедным. Однако сегодняшнее материальное благосостояние народа в Соединенных Штатах, конечно, представляет собой нечто совершенно особое в нынешнем мире. Подавляющее большинство населения нашей планеты сегодня — начиная с беднейших слоев «дна» самих Соединенных Штатов, иностранцев по рождению, и кончая почти миллиардом китайских и индийских крестьян и кули²², — практически лишено средств к существованию и все острее осознает свое униженное положение. На разделенной на неравные доли планете большая часть этой громадной массы примитивного и страдающего человечества окажется на территории, контролируемой американской стороной; и, для того чтобы понять и оценить эти до крайности неамериканские проблемы несчастной толпы, со стороны ее американских пастырей потребуются почти нечеловеческие участие и симпатия. Для американцев это окажется их ахиллесовой пятой, а для русских — лишней

возможностью посеять плевелы на поле соперника. Если смотреть на ситуацию глазами русских, то в этих обстоятельствах может показаться перспективным попытаться хотя бы частично подправить путем пропаганды баланс сил, нарушенный с открытием американцами «ноу-хау» по производству атомной бомбы.

В разделенном мире, где американцам пришлось бы бояться результатов русской пропаганды среди многочисленных неамериканских народов, собранных под эгидой Соединенных Штатов, а советское правительство со своей стороны пугалось бы того, что капиталистический образ жизни привлекает тех советских граждан, кто непосредственно с ним соприкоснулся, — в этом мире перспектива стабильности и покоя оказалась бы слишком шаткой, не будь в этой ситуации других факторов. К счастью, Великобритания и ряд континентальных западноевропейских стран и представили бы в этом случае третий фактор, причем вполне конструктивный.

В этой послевоенной главе истории ряд западноевропейских стран находится в промежуточной позиции между Соединенными Штатами и заморскими доминионами Британского Содружества, с одной стороны, и отсталыми в политическом и экономическом плане странами — с другой. Послевоенные условия жизни в Западной Европе не настолько плохи, чтобы отчаянные рецепты, предлагаемые коммунизмом, имели для англичан, голландцев, бельгийцев и скандинавов такую же привлекательность, как для вопиюще не обеспеченного материальными благами большинства мексиканцев, египтян, индийцев или китайцев; в то же время Западная Европа не настолько процветающий регион, чтобы позволить себе принять в чистом виде тот режим частной инициативы, который по-прежнему превалирует в Северной Америке, к северу от Рио-Гранде. В этих условиях Великобритания и ее западноевропейские соседи пытаются найти действенный компромисс, приспособленный к их собственным экономическим условиям «здесь и сейчас» и могущий видоизменяться в соответствии с изменением этих условий в ту или иную сторону — между неограниченным свободным предпринимательством и беспредельным социализмом.

Если эти западноевропейские социальные эксперименты достигнут хотя бы малейшего успеха, они могут оказаться ценным вкладом в благосостояние мира в целом. Не то чтобы они могли послужить рабочими чертежами — кальками — для автоматического применения где угодно, ибо различные народы мира, которые внезапно оказались в тесном контакте благодаря многочисленным изобретениям Запада, все еще разделены политическими, экономическими, социальными и психологическими различиями, для преодоления которых требуется время. В мире, находящемся на нынешней стадии социальной эволюции, какое-либо конкретное и частичное решение

проблемы невозможно применить «слово в слово» вне той страны, где оно было найдено методом проб и ошибок и применительно к местным условиям. Хотя как раз здесь мы, вероятно, нащупали, какую именно службу может сослужить миру Западная Европа сегодня. Неудобоваримой чертой как американской идеологии свободного предпринимательства, так и русской идеологии коммунизма является то, что оба эти подхода предлагают свои социальные «кальки» как панацею от любого мыслимого социального зла и при любом известном наборе социальных условий. Но это не соответствует фактам реальной жизни. На деле любая общественная система, которую мы можем наблюдать непосредственно или реконструировать по анналам, представляет собой систему смешанную, лежащую где-то между теоретическими плюсами безбрежного социализма и беспредельной свободной инициативы. Задача государственного деятеля состоит в том, чтобы взять именно ту ногу, которая гармонирует с конкретными социальными условиями своего времени и места, найти правильную смесь свободной инициативы и социализма, для того чтобы провести свой экипаж-государство по тому конкретному склону, по которому он движется в данный момент. Что требуется сейчас миру более всего, так это снять жесткую антитезу свободного предпринимательства и социализма и научиться подходить к этому вопросу без полурелигиозной веры и фанатизма, просто как к практическому вопросу, подвластному здравому смыслу и разрешаемому методом проб и ошибок, а в каком-то смысле — волею обстоятельств и адаптации.

Если бы Западной Европе удалось повлиять на весь остальной мир в этом направлении в ближайшей главе истории, еще предстоящей нам, это было бы не только крупным вкладом в процветание, но и ощутимой поддержкой мирному сосуществованию. Это могло бы стать тем воздействием, которое постепенно сломало бы социальные, культурные и идеологические барьеры между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Но, как неоднократно говорилось в этой статье, для того чтобы страны такого материального уровня, как Соединенное Королевство или Нидерланды, могли использовать свое влияние в мировом сообществе, где в результате изменений материального уровня жизни и в силу других причин единственными великими державами в смысле чисто военного потенциала остались лишь два колоссальных гиганта — Соединенные Штаты и Советский Союз, — в этом сообществе должен существовать хотя бы минимум конституционального правления.

Итак, могло ли бы западноевропейское влияние иметь благотворный объединяющий эффект в мире, разделенном на неравные сферы влияния — американскую и русскую? Если да, то это могло бы стать линией отступления в случае, если наша вторая попытка

кооперативного мирового правления потерпит такую же неудачу, как и первая. Но, разумеется, было бы много лучше, если бы Организация Объединенных Наций могла осуществить свои задачи полностью, и я бы сказал, что это именно та цель, к которой мы должны стремиться всеми силами, не позволяя себе разочароваться или отступить, какие бы трудности ни ожидали нас на этой еще очень ранней стадии существования ООН.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ

I

Сегодняшний западный взгляд на историю чрезвычайно противоречив. Если наш исторический горизонт значительно расширился и в пространстве и во времени, то наше историческое видение — то, что мы фактически видим в противоположность тому, что могли бы увидеть при желании, — быстро сужается до поля зрения зашоренной лошади или перископа подводной лодки.

Это, конечно, поразительно, однако это всего лишь одно из многих противоречий, характеризующих, по-видимому, времена, в которые мы живем. Нетрудно найти примеры, принимающие иногда угрожающие формы в глазах многих из нас. Скажем, наш мир возвысился до беспрецедентно высокой степени гуманистического сознания. Мы признаем социальные права человека любого класса, нации и расы; и одновременно мы погрузились в пучину классовый борьбы, национализма и расизма. Эти низменные страсти находят выход в хладнокровных, планомерных жестокостях; и эти два несовместимых состояния души и нормы поведения сегодня можно видеть идущими бок о бок не просто в одном мире, но и в одной и той же стране и даже в одной и той же душе.

Другой пример — беспрецедентная производительная мощь соседствует со столь же беспрецедентным дефицитом. Мы изобрели машины, которые работают за нас, но сейчас, как никогда раньше, не хватает рабочей силы в сфере услуг, даже в такой необходимой и элементарной области, как помощь матерям в уходе за детьми. Мы наблюдаем постоянное чередование широчайшей безработицы и острой нехватки рабочей силы. Несомненно, противоречие между расширенным историческим горизонтом и суженным историческим видением есть некая характеристика нашей эпохи. Однако, если рассматривать это явление само по себе, какое же здесь удивительное противоречие!

Давайте вспомним, каким образом наш горизонт расширился в первый раз. В пространстве наше поле зрения раздвинулось до размеров всего человечества и всей обитаемой земной поверхности, а также звездного космоса, в котором наша планета — лишь исчезающе малая пылинка. Во времени наше историческое поле зрения раздвинулось, вобрав в себя все цивилизации, расцветшие и погибшие за последние шесть тысяч лет; всю предыдущую историю человеческого рода до его генезиса где-то между 600 тысячами и миллионом лет назад; историю жизни на этой планете за примерно 800 миллионов лет¹. Какой великолепный исторический горизонт! И тем не менее в это же самое время наше поле исторического видения имело тенденцию съезживаться во времени и пространстве до границ конкретного королевства или республики, к которым каждый из нас принадлежит. Самые старые из западноевропейских стран — скажем Англия или Франция — насчитывают на сегодня не более тысячи лет непрерывного политического существования; самая большая из существующих стран — например Бразилия или Соединенные Штаты — занимает лишь малую толику обитаемого пространства планеты.

Прежде чем началось расширение нашего горизонта — до того как западные мореплаватели совершили кругосветные плавания, а западные космографы и геологи раздвинули границы нашей Вселенной и во времени и в пространстве, — наши донационалистические средневековые предшественники обладали более широким и точным историческим видением, нежели мы сегодня. Для них история не означала лишь историю какого-либо местного сообщества, она охватывала историю и Израиля, и Греции, и Рима. И даже если они ошибались, считая, что мир был создан в 4004 году до н. э.², то в любом случае лучше охватить взглядом период до 4004 года до н. э., нежели всего лишь до Декларации независимости или плавания «Мейфлауэра», Колумба или Хенгиста и Хорсы³. (Между прочим, 4004 год до н. э. оказался, хотя предки этого и не знали, очень важной датой: он отмечает примерное время возникновения первых представителей вида человеческих обществ, называемых цивилизацией⁴.)

И еще, для наших предков Рим или Иерусалим означали гораздо больше, нежели просто города. Когда наши англосаксонские предки в конце VI века христианской эры⁵ были обращены Римом в христианство, они узнали латынь, открывшую им доступ к сокровищам религиозной и светской литературы, стали совершать паломничество в Рим и Иерусалим — и это в те времена, когда трудности и опасности путешествия далеко превосходили тяготы сегодняшнего передвижения даже в военное время. Наши предшественники, похоже, обладали широким мышлением, что представляет собой

великое достоинство как в интеллектуальном, так и в нравственном плане, ибо национальные истории неуемопостигаемы в пределах собственного пространства и времени.

II

Во временном измерении нельзя понять историю Англии, если начать с того момента, когда первые англичане пришли в Британию, равно как нельзя понять историю Соединенных Штатов, ведя отсчет времени с прихода англичан в Северную Америку. В пространственном измерении точно так же вы не сможете понять историю страны, вырезав ее контур из карты мира и отбросив все, что берет начало вне конкретных границ этой страны.

Что же можно считать эпохальными событиями в национальной истории Соединенных Штатов и Соединенного Королевства? Листая историю от сегодняшнего дня в прошлое, я бы назвал две мировые войны, промышленную революцию, Реформацию, западные географические открытия, Ренессанс, обращение в христианство⁶. Теперь пусть кто-нибудь попробует объяснить историю либо Соединенных Штатов, либо Соединенного Королевства, не принимая во внимание эти кардинальные события вообще или считая их лишь локальными английскими или американскими эпизодами. Чтобы толковать эти крупнейшие события в истории любой из западных стран, придется взять за минимальную единицу отсчета не меньше чем весь Западный христианский мир. Под Западным христианским миром я понимаю Римско-католический и Протестантский мир, то есть сторонников Римского епископата, как сохранивших лояльность Папскому престолу, так и отрекшихся впоследствии от него.

Но и история западного христианства также неинтеллигибельна⁷ в рамках собственного пространства и времени. Хотя как единица отсчета западное христианство и более приемлемо для исторического исследования, чем, скажем, Соединенные Штаты, Соединенное Королевство или Франция, но и оно по зрелом размышлении оказывается неадекватным. Во времени оно восходит лишь к концу средневековья, непосредственно за падением западной части Римской империи, то есть отстоит от нас не более чем на 1300 лет, а 1300 лет — это меньше четверти тех шести тысяч лет, в течение которых существует вид общества, представленный западным христианством. Западное христианство как цивилизация принадлежит к последнему из трех поколений цивилизаций, существовавших до сих пор.

В пространственном отношении узость пределов западного христианства поражает еще больше. Если посмотреть на физическую карту мира в целом, то мы увидим, что небольшая часть нашей

планеты, занятая сушей, состоит из единственного континента — Азии, который имеет несколько полуостровов и островов, расположенных вдали от суши. Так до каких же дальних пределов сумело распространиться западное христианство? Мы найдем его на Аляске и в Чили, если двигаться на запад, и в Финляндии и Далмации, если двигаться на восток⁸. То, что лежит между ними, и есть самое широкое пространство западного христианства. Так какой же величины это пространство? Всего лишь оконечность Европейского полуострова Азиатского континента да еще пара крупных островов. (Под этими крупными островами я, разумеется, подразумеваю Северную и Южную Америку.) Даже если мы добавим сюда далекие и ненадежные форпосты Западного мира в Южной Африке, Австралии и Новой Зеландии, все равно его сегодняшней ареал составит лишь, очень небольшую часть общей обитаемой поверхности планеты⁹. И невозможно постичь историю западного христианства лишь в пределах его географических границ.

Западный христианский мир есть производная от христианства, однако зародилось христианство не на Западе; оно возникло вне границ Западного христианского мира, в регионе, который нынче лежит на территории другой цивилизации — ислама. Западные христиане лишь однажды предприняли попытку отбить у мусульман колыбель нашей религии в Палестине. Если бы крестовые походы оказались успешными, западное христианство слегка расширило бы свои точки опоры на важнейшем Азиатском материке. Но крестовые походы закончились неудачей.

Западное христианство — это всего лишь одна из пяти цивилизаций, которые сохранились в мире сегодня; да и они — всего лишь пять из примерно двадцати, которые можно идентифицировать как таковые с момента появления первого представителя такого вида обществ, что произошло около шести тысяч лет назад.

III

Возьмем для начала четыре другие существующие цивилизации; если прочность опоры цивилизации на континенте — под чем я подразумеваю сплошную сушу Азии — может считаться приблизительным показателем вероятной продолжительности жизни цивилизации, то четыре другие существующие ныне цивилизации «живучее» (если воспользоваться жаргоном страхового бизнеса), чем наша собственная.

Родственная нам цивилизация — православное христианство — охватывает континент от Балтики до Тихого океана и от Средиземноморья до Северного Ледовитого океана, занимая северную половину

Азии и восточную половину Европейского полуострова. Россия выходит «на зады» всех остальных цивилизаций: со стороны Белоруссии и Северо-Восточной Сибири она смотрит соответственно на Польскую и Аляскинскую оконечности Западной цивилизации; со стороны Кавказа и Средней Азии — на Исламский и Индуистский миры; со стороны Центральной и Восточной Сибири она выходит на «задний двор» Дальневосточного мира.

Наша единокровная сестра — Исламская цивилизация — также имеет прочный фундамент на континенте. Царство ислама распростерлось от самого сердца Азиатского континента в Северо-Западном Китае до западного берега Африканского полуострова Азии. У Дакара Исламский мир контролирует подходы с континента к проливам, отделяющим Африканский полуостров Азии от острова Южная Америка¹⁰. Ислам имеет и крепкий опорный пункт на Азиатском полуострове Индостан.

Что же касается индуистского и дальневосточного обществ, то нет нужды доказывать, что 400 миллионов индийцев и от 400 до 500 миллионов китайцев имеют прочный фундамент на континенте¹¹.

Однако мы не должны преувеличивать значение любой из существующих цивилизаций только на том основании, что они существуют в данный момент. Если вместо общепринятого понятия «продолжительность жизни» использовать понятие «достижения», то примерным показателем относительно достижений можно считать то, сколько данная цивилизация произвела на свет личностей, подаривших человечеству свет и благо.

Итак, кто же эти личности, величайшие благодетели нынешней генерации человечества? Я бы назвал таких, как Конфуций и Лао-цзы, Будда, пророки Израиля и Иудеи, Заратустра, Иисус и Магомет, Сократ. И никто из этих благодетелей человечества на все времена не принадлежит ни к одной из пяти существующих цивилизаций. Конфуций и Лао-цзы рождены исчезнувшей Дальневосточной цивилизацией раннего поколения; Будда — дитя угасшей Индской цивилизации раннего поколения; Осия, Заратустра, Иисус и Магомет рождены исчезнувшей Сирийской цивилизацией¹²; Сократ — дитя умершей Греческой цивилизации.

В последние 400 лет все пять живущих цивилизаций вступили в контакт друг с другом в результате инициативы, предпринятой двумя из них: экспансии западного христианства от оконечности Европейского полуострова Азии через океан и экспансии православного христианства по суше через всю ширь Азиатского континента. Экспансию западного христианства характеризуют две специфические черты: будучи заокеанской, она является единственной на сегодня всемирной экспансией в том смысле, что захватывает

всю обитаемую поверхность планеты; а благодаря «покорению пространства и времени» при помощи современных технических средств распространение материальных достижений Западной цивилизации как никогда сблизило различные части земного шара. Но даже при этом экспансия Западной цивилизации отличается от экспансии русского православия, равно как и от экспансии других цивилизаций в прежние времена, лишь количественно, но не качественно.

Существовали и более ранние экспансии, внесшие значительный вклад в нынешнюю унификацию человечества, а значит, и в ее следствие, — унификацию нашего видения человеческой истории. Исчезнувшая ныне Сирийская цивилизация была продвинута финикийцами до атлантических берегов Европейского и Африканского полуостровов Азиатского континента на западе и хемьяритами и несторианами¹³. Она распространилась в двух направлениях через морские воды, а в третьем направлении — по суше.

Всякий, кто приедет в Пекин, может увидеть поразительное свидетельство трансконтинентальных культурных завоеваний Сирийской цивилизации. В трехязычных надписях Маньчжурской династии в Пекине маньчжурские и монгольские тексты написаны не китайским письмом, а сирийской разновидностью нашего алфавита¹⁴.

В качестве других примеров экспансии ныне угасших цивилизаций можно назвать распространение Греческой цивилизации к западу морем до Марсея самими греками, к северу до Рейна и Дуная — римлянами и сушей к востоку до внутренних районов Индии и Китая — македонянами¹⁵; а также экспансию Шумерской цивилизации во всех направлениях по суше из ее колыбели — Ирака.

IV

В результате этих последовательных экспансий различных цивилизаций весь обитаемый мир объединился в одно огромное общество. Движение, в конечном итоге завершающее этот процесс, — это нынешняя экспансия западного христианства. Однако нам следует иметь в виду, во-первых, что эта экспансия всего лишь завершила унификацию мира, то есть была лишь исполнителем последней стадии общего процесса, и, во-вторых, что, хотя унификация мира и была достигнута усилиями Запада, сегодняшнее западное господство — и это совершенно очевидно — не продержится долго.

В объединенном мире восемнадцать незападных цивилизаций — четыре живых и четырнадцать угасших¹⁶, — без сомнения, еще заявят о себе. И по мере того, как через новые века и поколения объединенный мир постепенно будет находить путь к равновесию между различными составляющими его культурами, западная составляющая

со временем займет то скромное место, на которое она и может рассчитывать в соответствии с ее истинной ценностью в сравнении с теми другими культурами — живыми и угасшими, которые западная экспансия привела в соприкосновение друг с другом и с собой.

История, увиденная в этом ракурсе, я чувствую, делает вызов историкам не только нашего поколения, но и всех последующих поколений. Если мы намерены сделать все, что в наших силах, чтобы сослужить важную службу — помочь своим собратьям сориентироваться в унифицированном мире, — мы должны напрячь свое воображение и силу воли, чтобы вырваться из темницы локальной мимолетной истории наших стран и культур и приучить себя к синоптическому взгляду на историю в целом.

Нашей первой задачей будет рассмотреть — и представить остальному человечеству — историю всех известных цивилизаций, как живых, так и ушедших, как единое целое. По моему мнению, есть два способа сделать это.

Один путь — это исследовать столкновения между цивилизациями, о четырех случаях которых я уже упоминал. Эти встречи цивилизаций исторически поучительны не только потому, что собирают несколько цивилизаций в единый фокус, но и потому, что из этих встреч и столкновений рождаются высшие религии — поклонение Богородице и ее Сыну (возможно, шумерского происхождения)¹⁷, который страдает, умирает и воскресает вновь; иудаизм и зороастризм, возникшие на стыке Сирийской и Вавилонской цивилизаций; христианство и ислам, возникшие при соприкосновении Сирийской и Греческой цивилизаций; махаяна, форма буддизма и индуизма, возникшая при столкновении Индийской и Греческой цивилизаций¹⁸. Будущее человечества, если оно намерено иметь будущее, зависит, я считаю, от этих высших религий, возникших за последние четыре тысячелетия (собственно, все, кроме первой, — в последние три тысячи лет), а отнюдь не от цивилизаций, чьи встречи дали жизнь этим высшим религиям.

Второй путь исследования истории всех известных цивилизаций в целом — это сделать сравнительное исследование индивидуальной истории каждой из них, рассматривая их как некое количество представителей определенного вида человеческого общества. Если мы нарисуем схему основных фаз истории цивилизаций — рождение, рост, надлом и падение, мы сможем сравнить их опыт от фазы к фазе; действуя таким методом, мы, вероятно, сможем сопоставить общие моменты в их истории как некие специфические черты, отделив их от единичных моментов, представляющих черты индивидуальные. Таким способом мы сможем разработать морфологию видов общества, называемых цивилизациями.

Если, пользуясь этими двумя методами исследования, мы сможем прийти к универсализированному постижению истории, то нам, видимо, придется сделать далеко идущие поправки в той перспективе, в какой история различных цивилизаций и народов видится сквозь наши сегодняшние специфические западные очки.

Собираясь настраивать нашу оптику, мы поступим разумно, если сделаем одновременно два альтернативных допущения. Одно из них — что будущее человечества, в конце концов, не обязательно должно быть трагическим и что, даже если Вторая мировая война окажется не последней, мы переживем эту серию мировых войн, как пережили первые два раунда, и в конечном счете выйдем в спокойные воды. Другая возможность — это то, что первые две мировые войны есть лишь прелюдия к некоей высшей катастрофе, которую мы на себя неминуемо навлечем.

Второй, более неприятный вариант превратился в практическую возможность в результате того, что человечество научилось обращаться с атомной энергией прежде, чем ему удалось упразднить институт войны. Эти противоречия и парадоксы в жизни современного мира, которые я взял за точку отсчета, выглядят симптомами серьезного социального и духовного заболевания, и их существование — одна из зловещих характеристик современной истории — еще одно указание на то, что нам следует рассматривать второй, весьма неприятный для нас вариант как серьезную возможность, а не просто как злую шутку.

При рассмотрении любой из альтернативных возможностей, я считаю, нам, историкам, надлежит сконцентрировать свое внимание — и направить внимание наших слушателей и читателей — на истории тех цивилизаций и народов, которые в свете их прошлых проявлений способны выйти в объединенном мире на первый план при любой из альтернативных перспектив, возможно ожидающих человечество.

V

Если будущее человечества в объединенном мире окажется в целом счастливым, то я предвижу, что в Старом Свете будущее — за китайцами, а в Северной Америке — за франкоговорящими канадцами. Каким бы ни было будущее человечества в регионе Северной Америки, я абсолютно уверен, что уж франкоговорящие канадцы по крайней мере будут на своем месте, как бы ни повернулись события.

Если предположить, что будущее человечества окажется очень трагичным, я бы еще совсем недавно сказал, что будущее, какое бы

оно ни было, за тибетцами и эскимосами¹⁹, ибо оба эти народа занимали до недавнего времени весьма укромные позиции. «Укромные», разумеется, означает «укрытые от опасностей, возникающих вследствие человеческой глупости и подлости, а не от суровости окружающей среды». Человечество стало хозяином окружающей среды (в достаточной степени для практического ее использования) еще со времен среднего палеолита; с тех пор единственная опасность — но опасность смертельная — исходит от самого человечества. Но теперь и родные места тибетцев и эскимосов уже не укрыты ни от чего, ибо мы на пороге перелетов через Северный полюс и через Гималаи²⁰, и вполне вероятно, что как Северная Канада, так и Тибет могут стать театром военных действий в будущей русско-американской войне.

Если человечество сойдет с ума, одержимое атомным оружием, я лично надеюсь, что хоть малую толику наследия человечества сумеют сохранить пигмеи-негритосы в Центральной Африке²¹. Их восточные родственники на Филиппинах и Малайском полуострове²², очевидно, должны будут погибнуть вместе со всеми, поскольку и те и другие живут в регионе, ставшем опасно уязвимым.

Африканские негритосы, как считают наши антропологи, сохраняют неожиданно чистые и высокие понятия о природе Бога и характере отношений между Богом и человеком²³. Они могли бы дать человечеству возможность начать все сначала; и хотя при этом мы потеряли бы достижения последних шести или десяти тысяч лет, но что значат какие-то десять тысяч лет в сравнении с 600 тысячами или миллионом лет, в течение которых существует человеческая раса?

Крайним следствием катастрофы является возможность потерять весь человеческий род, вместе с африканскими пигмеями.

Как свидетельствует прошлая история жизни на этой планете, такую возможность полностью исключить нельзя. В конце концов, царство человека на Земле — если мы правы, думая, что человек установил свое нынешнее господство в середине палеолита, — насчитывает пока всего лишь около 100 тысяч лет, а что это за срок по сравнению с 500 или 800 миллионами лет существования жизни на этой планете? В прошлом царили другие формы жизни, причем царили несравненно дольше, но ведь они также приходили к концу. Было царство гигантских панцирных рептилий, которое длилось, возможно, около 80 миллионов лет, примерно от 130 до 50 миллионов лет назад. Но царство рептилий кончилось. Задолго до того, вероятно около 300 миллионов лет назад, существовало царство гигантских панцирных рыб — созданий, которые уже тогда обладали невероятным достижением — двигающейся нижней челюстью. Но и царство рыб-гигантов пришло к концу.

Крылатые насекомые, по всей видимости, возникли примерно 250 миллионов лет назад²⁴. Вероятно, высшие крылатые насекомые — общественные существа, предвосхитившие человечество в создании институциональной жизни, — еще ждут своего часа, когда придет их царство на Земле. Если бы муравьи и пчелы однажды приобрели тот проблеск интеллектуального понимания, которым наделен человек, и если бы они попытались увидеть историю в перспективе, возможно, они посчитали бы пришествие млекопитающих и краткий период царства человеческого млекопитающего как почти несущественные эпизоды, «полные ничего не значащих пустых слов»²⁵.

Вызов нам, нашему поколению, состоит в том, чтобы сделать все возможное, чтобы такое толкование истории не оправдалось.

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

I

Если бы это был не очерк, а проповедь, то неизбежно прозвучала бы знаменитая фраза из Горация: «*Naturam expellas furca, famen usquegrecivet*» («Гони природу в дверь, она влетит в окно»)¹.

Нынешний режим в России утверждает, что распрощался с прошлым России полностью, если и не в мелких, несущественных деталях, то по крайней мере во всем основном, главном. И Запад готов был верить, что большевики действительно делают то, что говорят. Мы верили и боялись. Однако, поразмыслив, начинаешь понимать, что не так-то просто отречься от собственного наследия. Когда мы пытаемся отбросить прошлое, оно — Гораций знал, что говорил, — исподволь возвращается к нам в чуть завуалированной форме. Ряд хорошо известных примеров поможет нам лучше понять это.

В 1763 году могло показаться, что британское завоевание Канады круто изменило политическую карту Северной Америки, положив конец расчленению континента в результате соперничества между французами и англичанами во время колонизации долины Св. Лаврентия и Атлантического побережья; однако это революционное изменение оказалось иллюзорным. Два британских владения, объединенные в 1763 году, вновь разделились в 1783 году. Правда, при этом новом делении вместо Атлантического побережья британской теперь

стала долина Св. Лаврентия. Но эта транспозиция британского владения в Северной Америке была лишь мелкой вариацией в сравнении с тем, что после двух десятилетий единства континент вновь был разделен на две отдельные политические фракции².

Подобным же образом казалось, что Реставрация 1660 года тоже круто изменила религиозную жизнь Англии, воссоединив английскую протестантскую Церковь, расколовшуюся в конце XVI века на епископальную и пресвитерианскую. Но и здесь внешняя сторона оказалась иллюзией, ибо отход в XVI веке от епископальной системы лишь привел к ее возрождению в XVIII веке, причем в новой форме сектантства — методистской Церкви³.

Так и во Франции ортодоксальная римско-католическая Церковь вновь и вновь обманывалась в своей надежде установить религиозное единство раз и навсегда путем подавления ереси. Альбигойцы были подавлены только затем, чтобы возродиться в гугенотах. Когда гугеноты в свою очередь были подавлены, они вернулись в виде янсенистов, которые из всех римско-католических направлений были ближе всего к кальвинистам. Когда янсенисты были уничтожены, они вновь возникли уже как деисты; и сегодня деление французов на клерикальную и антиклерикальную фракции все еще воспроизводит раскол XIII века между католиками и адопционистами (как бы там ни назывались доктрины, которых придерживались альбигойцы), несмотря на неоднократные за эти семь веков попытки принудить французов к религиозному объединению⁴.

Попробуем в свете этих очевидных исторических примеров на тему Горация взглянуть на отношение сегодняшней России к российскому прошлому.

Марксизм выглядит неким новым порядком в России, ибо, как и тот новый стиль, что ранее ввел Петр Великий⁵, он пришел с Запада. Если бы эти приступы вестернизации были стихийными и добровольными, то, вероятно, их можно было бы рассматривать как новый курс. Однако была ли вестернизация России добровольной или совершалась по принуждению?

Автор имеет свой взгляд на эту проблему; почти тысячу лет русские, по его мнению, принадлежали не к нашей Западной цивилизации, но к Византийской — сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации. Российские члены византийской семьи всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние Западного мира и продолжают противиться по сей день. Чтобы обезопасить себя от завоевания и насильственной ассимиляции со стороны Запада, они постоянно заставляют себя овладевать достижениями западной технологии. Этот *tour de force* (рывок) был совершен по крайней мере дважды в русской истории: первый раз Петром Великим,

второй — большевиками. Эта попытка должна была повториться, ибо западные технологии развивались и уходили вперед. Петру Великому пришлось самому овладеть на Западе мастерством корабельного плотника и искусством военной муштры XVII века. Большевики бросились вдогонку западной промышленной революции. И только-только им удалось это сделать, как Запад сделал новый рывок вперед, овладев «ноу-хау» производства атомной бомбы.

Все это ставит русских перед дилеммой. Чтобы спастись от опасности принудительной и полной вестернизации, они предпочитают перенимать у Запада кое-что выборочно, и здесь им приходится брать инициативу на себя, чтобы этот неприятный процесс прошел вовремя и держался в нужных рамках. Возникает, естественно, судьбоносный вопрос: может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно втянутым в принятие ее целиком и полностью?

Думается, ответ на этот вопрос можно найти, взглянув на основные этапы истории отношений России с Западом. На Западе бытует понятие, что Россия — агрессор, и если смотреть на нее нашими глазами, то все внешние признаки этого налицо. Мы видим, как в XVIII веке при разделе Польши Россия поглотила львиную долю территории; в XIX веке она угнетатель Польши и Финляндии⁶ и архиагрессор в послевоенном сегодняшнем мире. На взгляд русских, все обстоит ровно наоборот. Русские считают себя жертвой непрекращающейся агрессии Запада, и, пожалуй, в длительной исторической перспективе для такого взгляда есть больше оснований, чем нам бы хотелось. Сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII веке⁷ — это лишь контрнаступление и что захват территории в ходе этих контрнаступлений менее характерен для отношений России с Западом, нежели потери с ее стороны до и после этих побед.

«Варяги»⁸, заложившие первооснову русского государства путем захвата контроля над внутренними судоходными путями, что дало им власть над примитивными славянскими племенами в глубине страны, являлись, видимо, скандинавскими варварами, которых сдвинуло с места и привело в движение, и на запад и на восток, распространение к северу западного христианства при Карле Великом⁹. Их потомки в собственной стране были обращены в западное христианство и появились вновь на российском горизонте как современные шведы: язычники, обращенные в еретиков¹⁰, не излечившиеся от агрессивных устремлений. Другой пример: в XIV веке лучшая часть исконной российской территории — почти вся Белоруссия и Украина — была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному христианству после завоевания

этих земель литовцами и поляками¹¹. (Польские завоевания исконной русской территории в Галиции были возвращены России лишь в последней фазе мировой войны 1939—1945 годов¹².)

В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России, вплоть до самой Москвы, и были отброшены лишь ценой колоссальных усилий со стороны русских, а шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье до северных пределов польских владений. В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века; а на рубеже XIX и XX веков удары с Запада градом посыпались на Россию, один за другим. Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915—1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа¹³. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев, которые в 1918—1920 годах¹⁴ вторглись в Россию с четырех сторон. И наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо. Верно, что и русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами значительно чаще, чем наоборот.

Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Византийская цивилизация восточноправославного христианства. Русские приняли православие в конце X века, и нужно подчеркнуть, что это был осознанный выбор с их стороны. В качестве альтернативы они могли последовать примеру степных хазар, принявших в VIII веке иудаизм, или, скажем, волжских болгар, которые обратились к исламу в X веке¹⁵. Несмотря на эти прецеденты, русские отчетливо сделали свой выбор, приняв восточноправославное христианство от Византии; а после захвата Константинополя турками в 1453 году и исчезновения последних остатков Восточной Римской империи Московское княжество, которое к тому времени стало оплотом борьбы русского православного христианства и против мусульман, и против католиков, застенчиво и без лишнего шума приняло на себя византийское наследие.

В 1472 году Великий князь Московский Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего в Константинополе греческого обладателя короны Восточной Римской империи. В 1547 году Иван IV (Грозный) короновал себя как царь, или восточноримский император¹⁶; и, хотя место не было занято, присвоение такого титула было дерзостью, если учитывать, что в прошлом русские князья входили в паству Киевского или Московского митрополита¹⁷, а

тот в свою очередь подчинялся Вселенскому Патриарху Константинопольскому — иерарху, который и сам был в политической зависимости от греческого императора в Константинополе, чей титул и прерогативы и взял на себя Великий князь Московский Иван IV Грозный. Последний, и решительный, шаг был сделан в 1589 году, когда правящего Вселенского Патриарха Константинопольского, теперь уже турецкого подданного, побудили или заставили — во время его визита в Москву — поднять статус ранее подчиненного ему митрополита Московского до титула независимого Патриарха¹⁸. И хотя греческий Вселенский Патриарх и по сей день признается «первым среди равных» главами православных Церквей — которые, хотя и исповедуют единое учение и обряды, иерархически независимы друг от друга, — русская православная Церковь с момента предоставления ей независимости стала де-факто наиболее значительной из всех православных Церквей, поскольку она намного превосходила остальные численностью и, кроме того, единственная из всех пользовалась мощной государственной поддержкой.

Начиная с 1453 года Россия стала единственной сколько-нибудь значимой и авторитетной православной страной, не попавшей под влияние мусульман¹⁹, а захват турками Константинополя был отпущен столетие спустя, когда Иван Грозный отвоевал Казань у татар. Это был новый шаг в освоении византийского наследия, и Россия не просто была приговорена к этой роли слепыми и безличными силами истории. Русские хорошо понимали, на что они шли: в XVI веке их политика была с подкупающей ясностью и уверенностью обрисована в знаменитом письме монаха Филофея Псковского²⁰, адресованном Великому князю Московскому Василию III:

«Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси; врата Второго Рима — Константинополя — были изрублены топорами неверных турок; но церковь Московии — Нового Рима — блистает ярче, чем Солнце во всей Вселенной... Два Рима пали, но Третий стоит крепко, а четвертому не бывать».

Узурпируя, таким образом, сознательно и намеренно, византийское наследие, русские вместе со всем прочим восприняли и традиционное византийское отношение к Западу, что оказывало глубочайшее влияние на собственно российское отношение к Западу не только до революции 1917 года, но и после нее.

Византийское мнение о Западе не отличается особой сложностью, и его не так уж трудно понять людям Запада. На самом деле нам бы следовало даже сочувствовать ему, ибо оно проистекает из той же чрезвычайно нелогичной веры, которой мы и сами придерживаемся. Мы, «франки» (как называют нас византийцы и мусульмане), искренне верим, что являемся избранными наследниками Израиля, Греции и Рима, — наследниками Обетования, за которыми,

естественно, будущее. Нас в этой вере не поколебали даже последние открытия в геологии и астрономии, так беспредельно раздвинувшие границы нашей Вселенной во времени и пространстве. От первородной туманности к одноклеточным, от одноклеточных — к первобытному человеку и далее мы все еще прослеживаем божественно предначертанную генеалогию, телеологически²¹ достигающую апогея именно в нас. Византийцы делают то же самое, с той только разницей, что они приписывают себе право первородства, которое, по нашим западным убеждениям, принадлежит нам. Византийская версия мифа говорит, что не франки, а византийцы являются наследниками Обетования, избранным народом. Этот момент верования имеет одно совершенно практическое следствие. Когда Византия и Запад вступают в противостояние, Византия всегда права, а Запад всегда не прав.

Совершенно очевидно, что эти ортодоксальность и вера в предопределение, воспринятые русскими от византийских греков, столь же характерны для современного коммунистического режима, как и для прежнего, православно-христианского правления в России. Марксизм, разумеется, западное мировоззрение, но именно западное-то мировоззрение и разрушает Западную цивилизацию; вот почему русскому человеку XX века, отцом которого был «славянофил»²² XIX века, а дедом — истый православный христианин, легко было стать убежденным марксистом. При этом не возникало необходимости изменять унаследованное им отношение к Западу. Для русского марксиста, как и для славянофила или православного христианина, Россия — всегда «Священная Россия», а Западный мир, мир Борджа и королевы Виктории, мир «Самопомощи» Смайлса или Таммани Холла²³, безусловно и навсегда погряз в ереси, коррупции и разложении. Мировоззрение, позволяющее русскому народу сохранять неизменным это традиционно негативное отношение к Западу и одновременно служить своему правительству инструментом индустриализации России, с тем чтобы уберечь ее от завоевания уже индустриализованным Западом, — это тот самый удобный, ниспосланный свыше дар богов, который сам падает в руки избранного народа.

II

Постараемся несколько глубже взглянуть в византийское наследие России, которое и сегодня не утратило своего влияния на марксистскую Россию. Если мы обратим свой взгляд на первую, греческую главу византийской истории в Малой Азии и Константинополе в самом начале средних веков, какие наиболее характерные

черты нашего сестринского общества бросятся нам в глаза? Над всем остальным преобладают две черты: убеждение (уже упомянутое), что Византия всегда права, и институт тоталитарного государства.

Убеждение в своей неизменной правоте впервые зародилось в душах греков в тот момент истории, когда — еще задолго до обретения чувства превосходства над Западом — они сами пребывали в весьма невыгодном и униженном положении. После целых веков политической неразберихи греки наконец-то обрели мир и покой, навязанный им римлянами. Для греков Римская империя была жизненной необходимостью и одновременно невыносимым оскорблением их гордости. Это поставило их перед серьезной психологической дилеммой. Выход они нашли в том, что прибрали к рукам Римскую империю. В эпоху Антонинов²⁴ греческие писатели и философы овладели идеей Римской империи, представив ее как практическое воплощение идеального царства, по Платону, а греческие деловые люди получили доступ к государственной службе²⁵. В IV веке н. э. римский император Константин основал в Византии на месте древнего греческого города Новый Рим²⁶. Константинополь по замыслу его латинского основателя должен был стать настолько же латинским городом, как и сам Рим, но к эпохе Юстиниана — двумя столетиями позже — Византия вновь стала греческой, хотя Юстиниан был страстным ревнителем латыни, его родного языка²⁷. В V веке н. э. Римская империя сохранялась — после краха ее западной части, включая и саму Италию, — только в греческих и полуэллинизированных восточных провинциях. На рубеже VI и VII веков, во времена Папы Григория Великого²⁸, латинский Древний Рим оставался бесхозным, брошенным аванпостом империи, центром которой стал теперь греческий Новый Рим.

Даже сегодня, если вы спросите греческого крестьянина, кто он есть, и он на минутку забудет, что в школе его учили отвечать на это «эллин», то он скажет вам, что он «ромейос», то есть греческий православный подданный вечной и идеальной Римской империи со столицей в Константинополе. Употребление слова «эллин» для обозначения современного грека — это возрождение архаизма; слово стало широко употребляться с VI века христианской эры, и теперь антитеза «римлянин» (грекоговорящий приверженец православной Церкви) — «эллин» (язычник) заменила прежнюю классическую антитезу «эллин» (цивилизованный человек) — «варвар». Это может показаться революционным изменением, однако природа ВСЕ РАВНО «влетит в окно», ибо один момент — и для греков важнейший — остался неизменным, несмотря на все перемены: грек всегда прав. До тех пор пока греческая языческая культура почитается как высший критерий превосходства, грек упивается своим эллинским происхождением. Но как только роли меняются и эллинство

в свою очередь свергается с трона и объявляется колыбелью варварства во мгле веков, грек меняет тон и провозглашает себя подданным христианской Римской империи. Пусть эллинство потеряет лицо, но только не грек.

Таким образом, ловко отстояв свое звание истинного наследника трона, чей бы он ни был, греческий православный христианин идет дальше и «пригвозждает» к позорному столбу католическое христианство. В IX веке греческий Вселенский Патриарх Константинопольский Фотий²⁹ указал, что западные христиане впали в ересь. Они исказили Символ Веры, включив туда неканоническое «filioque». Византия всегда права, но в тот момент у нее имелась особая причина подчеркнуть заблуждения западного христианства. Фотий сделал свое дискредитирующее теологическое открытие относительно католиков во время первого раунда политических баталий между византийским и западным христианством, в которых сам Фотий был ведущей боевой силой.

То состязание, как и сегодня между Соединенными Штатами и Советским Союзом, велось за политическое и идеологическое влияние на ничейное пространство, лежавшее между двумя противоборствующими силами. В IX веке язычники, которые во время «переселения народов»³⁰ заняли юго-восточную часть Европы и распространились от ворот Константинополя до ворот Вены, начали испытывать тяготение к Христианской цивилизации своих соседей. К какому из Христианских миров они обратятся за просвещением? К греческому православию Византии? Или к латинскому католическому христианству франков? Благоразумие подсказывало, что предпочтительнее обратиться к той из держав, что географически более удалена и, следовательно, менее опасна в политическом плане; поэтому моравские язычники, жившие лицом к лицу с франками, обратились к Константинополю³¹, а болгарские язычники, обитавшие рядом с Византией, обратились к Риму³² — так же как сегодняшние Греция и Турция, лежащие на пороге России, а не Америки, повернулись лицом к Вашингтону, а не к Москве. Как только выбор был сделан и стало ясно, что он не отвергнут, началась борьба Запада и Византии за Юго-Восточную Европу, и ставки были столь высоки, что соперничество готово было обернуться столкновениями. Кризис, который Фотий подвел к кульминации, был неожиданно оттеснен на второй план вторжением венгров. Когда эта новая орда язычников к концу IX века укрепилась по обе стороны Дуная, восточное православие и католичество оказались вновь удобно разъединенными. Но с обращением венгров в западное христианство, что произошло в конце X века³³, ссора между двумя соперничающими направлениями христианства возобновилась с новой силой и быстро вылилась в полный и окончательный раскол — схизму 1054 года³⁴.

После этого гордость Византии подверглась целой серии ужасных испытаний. Франки-христиане и турки-мусульмане набросились на Византийский мир одновременно. Лишь внутренние области России, земли вокруг Москвы, остались целостной частью Восточно-православного мира, не потерявшей своей политической независимости. Исконные территории Византийской цивилизации — и в Малой Азии, и на Балканском полуострове — были полностью подавлены, а в последней фазе их разгрома, накануне второго, и последнего, падения Константинополя в 1453 году, единственное, что оставалось грекам, — это возможность выбрать любое ярмо из двух, одинаково ненавистных и чуждых. Перед лицом этого горестного выбора православные греки средневековья с горячностью отвергли иго своих западнохристианских братьев и с открытыми глазами предпочли — как меньшее зло — ярмо турок-мусульман. Они «предпочли тюрбан Магомета в Константинополе Папской тиаре или Кардинальской шапке»³⁵.

Чувства, которые предопределили этот знаменательный выбор, отражены в литературных трудах. В средние века, как и сегодня, антипатия между двумя наследниками Рима была обоюдной. Прочтите отчет ломбардского епископа Лиутиранда саксонским императорам Оттону I и Оттону II о его дипломатической миссии к византийскому двору в Константинополе в 968 году³⁶. Если на минуту забыть дату отчета, обратив внимание лишь на тон и настроение, то можно подумать, что автор — американец, посетивший Москву в любое время после 1917 года. Прочтите также книгу византийской принцессы Анны Комнины об истории правления ее отца, императора Алексея, которому пришлось столкнуться с первым крестовым походом³⁷. Такое впечатление, что автор — образованная француженка, описывающая нашествие на Париж волны американских туристов со Среднего Запада, во всяком случае, эта аналогия уместна до тех пор, пока она не начинает описание арбалета — нового смертоносного оружия, которое каким-то необъяснимым образом открыли западные люди (несмотря на то что они не правы всегда и во всем). Вот если бы его сумели открыть византийцы, чья доля — всегда быть правыми! Этот пассаж из книги Анны Комнины мог бы с успехом быть жалобой русских в 1947 году по поводу американской монополии на атомную бомбу.

Почему же византийский Константинополь потерпел крах? И почему, с другой стороны, византийская Москва сохранила свою целостность? Ключом к обеим историческим загадкам является установление Византией тоталитарного государства.

Империи, подобно Римской или Китайской, дарующие мир на века некогда охваченным войной странам, завоевывают вследствие этого столь сильную признательность и уважение своих подданных,

что последние просто не мыслят свою жизнь вне Империи и, соответственно, не могут поверить, что когда-нибудь этот, по всей видимости, незаменимый институт может прекратить свое существование. Когда исчезла Римская империя, ни современники, ни последующие поколения, отказываясь смотреть в лицо фактам, так и не согласились признать ее кончину; они при первой возможности постарались привести эти факты в соответствие со своими иллюзиями, вызвав к жизни дух Римской империи. В VIII веке христианской эры были предприняты решительные попытки оживить Римскую империю и на Западе, и на Востоке. На Западе попытка Карла Великого обернулась счастливой неудачей; а вот попытка, предпринятая в Константинополе Львом Исавром, увенчалась роковым успехом³⁸.

Критическим последствием успешного воссоздания средневековой Восточной Римской империи в колыбели Византийской цивилизации стало то, что восточноправославная Церковь попала в зависимость от государства.

В языческом Греко-римском мире религия была неотъемлемой частью светской общественной жизни. Христианство, возникшее без позволения Римской империи, отстаивало свою свободу в атмосфере преследований и объявлений вне закона. Когда имперское правительство пришло к соглашению с Церковью, оно, по-видимому, ожидало, что христианство займет ту же подчиненную и зависимую позицию, какую прежде занимало официальное язычество *vis-vis* Римского государства; а в греческой сердцевине Империи, которая действовала еще три столетия после обращения Константина, это ожидание реализовалось в той или иной степени — если вспомнить, что случилось со св. Иоанном Златоустом, когда он не поладил с императрицей Евдоксией³⁹, или историю с Папой Вигилием, навлекшим неудовольствие императора Юстиниана⁴⁰. К счастью для Церкви, однако, ей удалось освободиться из клетки официоза благодаря краху Империи. Даже в Константинополе Вселенский Патриарх Сергий в период чрезвычайного кризиса VII века общался на равных с императором Ираклием⁴¹, а на Западе, где Империя распалась за два столетия до этого и больше по-настоящему так и не возродилась, Церковь не только обрела свободу, но и сумела ее сохранить. В нашем Западном мире Церковь в основном сохранила свою независимость от государства, а временами даже пользовалась преимущественным влиянием на него. Современные свободные церкви в протестантских странах и средневековая католическая Церковь в еще не разделенном тогда Западнохристианском мире находятся в русле нашей западной традиции, в то время как вновь образованные церкви в протестантских странах оказались чем-то исключительным в западной истории. Более того, даже в тех случаях, когда в какой-либо

западной стране Церковь попадала в зависимое от светской власти положение, эти незападные отношения между Церковью и государством смягчались климатом духовной независимости, характерным для западного христианства в целом. Напротив, в Византийском мире успешное воссоздание империи в VIII веке лишило восточноправославную Церковь той свободы, которую она на краткий период обрела. Но она согласилась на новое заточение не без борьбы. Битва шла в течение примерно двухсот лет⁴², но окончилась тем, что Церковь, по существу, стала одним из подразделений средневекового Восточно-Римского государства, а государство, принижающее Церковь до такого состояния, нельзя назвать иначе, как «тоталитарным», если наше сегодняшнее понимание термина «тоталитарный» подразумевает, что государство устанавливает контроль над всеми сторонами жизни своих субъектов.

Средневековое византийское тоталитарное государство, вызванное к жизни успешным воскрешением Римской империи в Константинополе, оказало разрушительное действие на Византийскую цивилизацию. Оно было злым духом, который затмил, сокрушил и остановил развитие общества, вызвавшего этого демона. Богатейший потенциал Византийской цивилизации, попавший в оковы тоталитарного государства, прорывается вспышками самобытности в регионах, лежащих за пределами действенной власти Восточной Римской империи либо в следующих поколениях, появившихся уже после гибели Империи: это и духовный гений сицилийского монаха св. Нила, образовавшего в X веке новую Великую Грецию⁴³ в Калабрии из греческих беженцев-христиан с его родного острова, и творческий гений критского художника XVI века Теотокопули, которым Запад восхищается, зная его под именем Эль Греко⁴⁴. «Специфическая организация» византийского общества не только подавляла все предпосылки к творчеству, она, как уже упоминалось, привела самое цивилизацию средневековой Византии к преждевременному краху, лишив Византийский мир возможности расширяться, не ввергая себя в борьбу не на жизнь, а на смерть между греческими апостолами византийской культуры и их основными негреческими приверженцами.

Подчинение Вселенского Патриарха Константинопольского восточноримскому императору создало неразрешимую дилемму, когда языческий князь принял христианство. Если бы новообращенный стал церковным субъектом Вселенского Патриарха, ему пришлось бы, по определению, признать политическое верховенство восточноримского императора, а это для него было совершенно непереносимо. С другой стороны, если бы он отстаивал политическую независимость путем назначения собственного послушного ему патриарха, он фактически имел бы право претендовать на равное с императором

положение, что было непереносимо для императора. Эта дилемма, однако, нимало не беспокоила новообращенного русского князя Владимира, равно как и его наследников, ибо отдаленность Руси от Константинополя лишила остроты теоретическое верховенство восточноримского императора. Однако такая ситуация беспокоила болгарских князей, чьи владения лежали прямо у европейского порога Восточной Римской империи; поэтому, когда Болгария в конце концов, после недолгого флирта с Римом, сделала выбор в пользу Византии, в Византийском мире не нашлось места для сосуществования греческой православно-христианской Восточной Римской империи и славянской православно-христианской Болгарии. Результатом этого стала столетняя греко-болгарская война, окончившаяся в 1019 году полным поражением Болгарии, но одновременно нанесшая победителю такие смертельные раны, что он в свою очередь в конце XI века⁴⁵ не устоял перед атаками франков и турок. Единственной, кто устоял в Византийском мире того времени, была Русь, не охваченная этими катаклизмами благодаря своей удаленности; вот так и случилось, что последний по времени из новообращенных в византийское христианство народов оказался избранным судьбой на роль наследника Обета, — роль, по рождению предназначенную, как считали византийцы, не для Запада, а для них самих.

Жизнь Руси, однако, была в общем и целом нелегкой. Несмотря на то что своей сохранностью в средние века она обязана счастливым «географическим обстоятельствам», в дальнейшем ей приходилось не раз постоять за себя, опираясь только на собственные силы. В XIII веке она подвергалась нападению с двух сторон — татар и литовцев (как за два века до того греческая прародина Византии испытала нашествие турок и крестоносцев); и, хотя в конце концов Россия одержала победу на вечные времена над своими восточными соперниками, ей по-прежнему приходится выдерживать напряженную гонку с наступающими технологическими новинками Западного мира.

В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли гибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жесткой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад — сначала Петр Великий, затем Ленин, но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и

Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи.

В таком тоталитарном государстве византийского типа Церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам светского государственного управления. Полемика между Троцким, который стремился сделать Советский Союз инструментом для продвижения мировой коммунистической революции, и Сталиным, мечтавшим сделать коммунизм инструментом для обеспечения интересов Советского Союза, — это все тот же старинный спор между Иоанном Златоустом и императрицей Евдоксией или между Федором Студитом и императором Константином VI⁴⁶. В современном споре, как и в средневековом византийском, победа осталась за обладателем светской власти, в противоположность западной истории, где церковная власть одерживала неизменные победы в силовых поединках между Григорием VII и Генрихом IV⁴⁷ или между Иннокентием IV и Фридрихом II⁴⁸.

Установление тоталитарного государства византийского типа пока не имело столь фатальных последствий для русского православного христианства, как для исконных территорий Византийской цивилизации в средние века, когда разразилась смертельная борьба между греками и болгарами. Но неизвестно, какой эффект произведет этот политический выбор в общем византийском наследии России в нынешнее время, когда ей предстоит наконец решить — занять ли подобающее место в Западном мире или остаться в стороне и построить свой собственный антизападный контрмир. Можно предположить, что на окончательное решение России серьезное влияние окажет склонность к ортодоксальности и вера в предопределение, которые она тоже унаследовала от своего византийского прошлого. Как под Распятием, так и под серпом и молотом Россия — все еще «Святая Русь», а Москва — все еще «Третий Рим». *Tamen usque resurget* (все возвращается на круги своя).

ИСЛАМ, ЗАПАД И БУДУЩЕЕ

В прошлом ислам и Западный мир воздействовали друг на друга несколько раз в различных ситуациях и с переменным успехом.

Первое столкновение между ними случилось тогда, когда западное общество пребывало еще в младенческом возрасте, в то время как ислам был уже устоявшейся религией арабов в эпоху их подъема. Арабы к тому времени только что завоевали и объединили территории древних цивилизаций Ближнего Востока и пытались расширить свою

Империю до всемирных масштабов. В этом первом столкновении мусульмане захватили почти половину владений западного общества и едва не овладели ими целиком¹. Во всяком случае, они удерживали Северо-Западную Африку, Иберийский полуостров, галльскую «Готию» (побережье Лангедока между Пиренеями и устьем Роны); а полтора века спустя, когда наша нарождавшаяся Западная цивилизация испытывала новый урон после падения империи Каролингов, мусульмане вновь выступили из своего африканского опорного пункта и на этот раз чуть не овладели Италией². Позднее, когда Западная цивилизация преодолела опасность преждевременной гибели и начала стремительно развиваться, а исламское «почти всемирное» государство неуклонно клонилось к закату, роли поменялись. Западные армии предприняли наступление по всему фронту, протянувшемуся по всему Средиземноморью, — от Иберийского полуострова через Сицилию до «заморской земли» Сирии, а ислам, атакованный одновременно крестоносцами, с одной стороны, и кочевниками Центральной Азии — с другой, был загнан в угол так же, как когда-то Христианский мир, вынужденный сдерживать непрекращающиеся набеги варваров с севера Европы и арабов с юга³.

В этой смертельной схватке ислам, как и христианство прежде, блистательно уцелел. Центральноазиатские захватчики были обращены в ислам; франкские оккупанты были изгнаны, а что касается земель, то единственным долговременным результатом крестовых походов оказалось возвращение в Западный мир двух исламских территорий — Сицилии и Андалусии⁴. Разумеется, экономические и культурные последствия этого временного отступления ислама были значительно весомее. В экономическом и культурном отношении побежденный ислам пленил своих завоевателей, подарив искусство цивилизации грубому, неотесанному Латинско-христианскому миру. В некоторых сферах человеческой деятельности, как, например, в архитектуре, исламское влияние распространилось на весь Западный мир в так называемую эпоху средневековья⁵; что же касается двух отвоеванных территорий — Сицилии и Андалусии, то там исламское влияние на государства-наследники Арабской империи было, естественно, еще шире и глубже. Однако это был еще не последний акт драмы, ибо попытка средневекового Запада искоренить ислам потерпела такой же полный провал, как и прежние попытки арабских строителей Империи захватить колыбель нарождающейся Западной цивилизации; и вновь неудачное наступление спровоцировало ответное нападение.

На этот раз ислам был представлен оттоманскими потомками новообращенных центральноазиатских номадов, которые захватили и вновь объединили православно-христианские владения, а затем сделали попытку расширить свою империю до общемирового

предела по образу и подобию арабов и римлян. После окончательного поражения крестоносцев западное христианство было вынуждено защищаться от османского нашествия в течение позднего средневековья и новой истории Западного мира, причем не только на прежнем, средиземноморском, но и на новом, континентальном фронте в бассейне Дуная⁶. Эта оборонительная тактика, однако, была не столько свидетельством слабости, сколько великолепным примером полуосознанной дальновидной стратегии, ибо Западу удалось остановить османское нашествие, не затрачивая слишком больших усилий; и, в то время как большая часть исламских сил была задействована в локальной приграничной войне, Запад направил свои силы на освоение океана и тем самым на потенциальное мировое господство. Таким образом, он не только опередил мусульман в открытии и захвате Америки, но вторгся и в земли, имевшие перспективу для мусульманской Церкви, — Индонезию, Индию, Тропическую Африку⁷; и, наконец, окружив Исламский мир, забросив в него свои сети, Запад начал атаку на своего старого врага в его собственном логове.

Эти концентрические атаки современного Запада на Исламский мир ознаменовали и нынешнее столкновение между двумя цивилизациями. Очевидно, что это часть более крупного и честолюбивого замысла, где Западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — Православно-христианским миром, Индуистским и Дальневосточным, включая и уцелевшие примитивные общества, которые находятся в безвыходном положении даже в собственной цитадели — в Тропической Африке. Таким образом, современное столкновение ислама и Запада не только глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних, оно также представляет собой весьма характерный эпизод в стремлении Запада вестернизировать весь мир — предприятия, которое будет, вероятно, считаться самым важным и почти наверняка самым интересным в истории поколения, пережившего две мировые войны.

Итак, ислам вновь стоит лицом к лицу с Западом, прижатый к стене и на этот раз в более неблагоприятных для него обстоятельствах, нежели в самые критические моменты крестовых походов, ибо современный Запад значительно превосходит его не только силой оружия, но и в экономике, на которой базируется в конечном итоге военная наука, но более всего — в духовной культуре — единственной внутренней силе, создающей и поддерживающей внешние проявления того, что мы называем цивилизацией.

Во всех случаях, когда одно цивилизованное общество оказывается в столь опасной ситуации против другого общества, существуют два альтернативных пути Ответа на Вызов; и мы сегодня в реакции ислама можем наблюдать яркие примеры обоих типов Ответа на нажим Запада. К нынешней ситуации удобно и вполне обоснованно применить определенные понятия, возникшие при подобной ситуации — столкновении древних цивилизаций Греции и Сирии. Под влиянием эллинизма в период, охватывающий последний век до Рождества Христова и первый век после Рождества Христова, евреи (и, можно добавить, иранцы и египтяне) раскололись на две партии. В Палестине одни назывались «зелотами», другие — «иродианами»⁸.

«Зелот» — это человек, ищущий в известном спасение от неизвестного, и, если он участвует в битве с противником, превосходящим его в тактике и пользующимся грозным новомодным оружием, он отвечает тем, что с особым тщанием и скрупулезностью применяет свое традиционное военное искусство. Собственно, «зелотизм» может быть описан как архаизм⁹, вызванный к жизни давлением извне, его наиболее заметные представители в современном Исламском мире — пуританской направленности¹⁰. К ним же относятся североафриканские сенусситы¹¹ или ваххабиты в Центральной Аравии¹².

Первое, что следует заметить об этих исламских «зелотах», — это то, что их главные цитадели лежат в бесплодных, малонаселенных регионах, удаленных от основных международных магистральных путей современного мира, а поэтому непривлекательных для западного предпринимательства, что было справедливо до недавнего времени, а именно до рождения нефтяной эпохи. Исключением, подтверждающим правило, оказалось движение махдистов в Восточном Судане в 1883—1898 годах¹³. Суданский Махди Мухаммед Ахмед укрепился по обоим берегам водного пути Верхнего Нила после того, как Запад посчитал своим делом «открытие Африки». В такой неудобной географической позиции суданский халифат столкнулся с западными силами и, пытаясь противостоять им своим архаическим оружием, был разбит наголову. Жизненный путь Махди можно сравнить с эфемерным триумфом Маккавеев¹⁴ во время краткосрочного ослабления давления со стороны эллинизма, чем и воспользовались евреи, после того как римляне сбросили власть Селевкидов, но еще не успели занять их место; и мы можем предположить, что как римляне опрокинули еврейских «зелотов» в I и II веках¹⁵ н. э., так и сегодня какая-либо из великих держав Западного мира — скажем Соединенные Штаты — могла бы опрокинуть ваххабитов в любой момент, если бы «зелотизм» ваххабитов стал настолько настырным, что пришлось бы тратить силы на его подавление. Представьте на

минуту, что правительство Саудовской Аравии под нажимом своих фанатичных сторонников поставило слишком жесткие условия за нефтяные концессии или вообще запретило разработку нефтяных месторождений¹⁶. Недавнее открытие этих подземных богатств определено представляет опасность для независимости Аравии, ибо Запад научился покорять пустыни, применяя свои технологические новшества — железные дороги и бронемашины, тракторы, ползающие по барханам, как сороконожки, и самолеты, скользящие над ними в воздухе, как стервятники. И действительно, в Марокканском Рифе¹⁷ и на северо-западной границе Индии¹⁸ в годы между войнами Запад продемонстрировал свою способность усмирить исламского «зелота», с которым значительно сложнее иметь дело, нежели с жителем пустыни. В этих горных твердых французы и британцы одержали победу над горцами, которые уже овладели западным стрелковым оружием и прекрасно научились им пользоваться, к немалой для себя выгоде.

Но, разумеется, «зелот», вооруженный бездымным скорострельным оружием, — это уже не чистый «зелот», ибо, признав западное оружие, он вступает на оскверненную почву. Нет сомнения, что, если он об этом задумывается — что случается крайне редко, ибо поведение «зелота» обычно иррационально и инстинктивно, — он говорит себе, что пойдет лишь до определенной черты, и не дальше, что воспользуется военной техникой Запада лишь для того, чтобы удержать западного агрессора на расстоянии и посвятить завоеванную свободу «сохранению порядка» во всех остальных областях жизни, чтобы получить благословение Господне для себя и своих потомков.

Такое умонастроение можно проиллюстрировать весьма примечательной беседой, состоявшейся в 20-х годах нашего века между зейдитским имамом Саны Яхьей и британским посланником, чьей миссией было попытаться убедить имама вернуть мирным путем часть британского протектората Аден, которую он оккупировал во время мировой войны 1914—1918 годов и не захотел возвратить, несмотря на поражение его османских повелителей¹⁹. В заключительной беседе с имамом, когда уже было очевидно, что миссия не достигла своей цели, британский посланник, пытаясь повернуть разговор в другое русло, сделал имаму комплимент по поводу отличной выправки его новой армии. Увидев, что имам комплимент принял, посланник продолжал так:

— Полагаю, что вы воспользуетесь и другими западными институтами?

— Думаю, что нет, — ответил имам с улыбкой.

— Правда? Это интересно. А могу ли я осмелиться спросить о причинах?

— Мне кажется, мне не понравятся западные порядки, — ответил имам.

— Вот как? И какие же именно?

— Ну, скажем, там существуют парламенты, — продолжал имам. — Я сам люблю быть Правителем. Возможно, парламент был бы для меня утомителен.

— Ну, если дело в этом, — сказал англичанин, — то уверяю вас, что ответственное представительное парламентарное правление отнюдь не обязательная принадлежность Западной цивилизации. Посмотрите на Италию. Она от этого отказалась, а ведь это одна из великих западных держав²⁰.

— Еще алкоголь, — заметил имам. — Не хочу, чтобы это пришло в мою страну, где, к счастью, о нем почти не знают.

— Вполне вас понимаю, — сказал англичанин, — но если уж зашла речь об этом, то могу вас также уверить, что и алкоголь отнюдь не непременный спутник Западной цивилизации. Посмотрите на Америку, она совершенно отказалась от него, но это ведь тоже одна из великих держав²¹.

— Как бы то ни было, — ответил имам с улыбкой, означавшей, по-видимому, что разговор окончен, — я не люблю ни парламент, ни алкоголь, ни вообще все такое.

Англичанин не понял, был ли оттенок юмора в прощальной улыбке, с которой были произнесены эти слова, но в любом случае они попали в точку, показав, что вопросы о возможных западных инновациях в Сане были значительно злободневней, нежели хотелось признать имаму. Собственно, эти слова свидетельствуют, что имам, глядя на Западную цивилизацию со стороны, издали, видел ее как нечто целое и неделимое, и отдельные ее черты, которые для западного человека казались совершенно не связанными друг с другом, воспринимались им как органически увязанные части единого целого. Таким образом, имам, по собственному молчаливому признанию, восприняв элементы западной военной техники, фактически внес в жизнь своего народа самый краешек того клина, который со временем будет вбит и неумолимо расколется пополам традиционно сплоченную Исламскую цивилизацию. Он дал старт культурной революции, которая в конце концов не оставит йеменитам никакой альтернативы, кроме как прикрыть свою наготу готовым западным костюмом²². Если бы имам встретился со своим современником г-ном Ганди, последний предостерег бы именно от этого, и его предсказание уже подтвердилось на примере других исламских народов, открывшихся для коварного процесса вестернизации несколькими поколениями раньше.

И вновь в качестве примера можно привести отрывок из отчета о состоянии дел в Египте в 1839 году, подготовленного д-ром Джоном

Боурингом²³ для лорда Пальмерстона²⁴ накануне одного из периодических кризисов, постигавших западную дипломатию в «восточном вопросе» в конце правления Мехмеда Али, османского государственного деятеля, который к тому времени уже тридцать пять лет правил Египтом и систематически «вестернизировал» жизнь его обитателей. В своем отчете д-р Боуринг отмечает удивительный на первый взгляд факт, что единственный в Египте тех лет родильный дом располагался на территории морского арсенала Мехмеда Али в Александрии. Автор пытается расшифровать причину этой странности. Мехмед Али стремился играть независимую роль в международных делах. Для этого в первую очередь требовались эффективная армия и флот. Эффективный флот — это был флот, построенный по западной модели того времени. Западную технологию морского строительства знали и могли применять лишь специалисты, привезенные из западных стран; однако эти специалисты не хотели идти на службу к египетскому паше даже за щедрое жалование, если им не гарантировали содержание их семей и подчиненных по тем стандартам, что были приняты у них на родине, на Западе. Одним из основных условий благоустроенного быта, по их понятиям, является медицинское обслуживание квалифицированными западными врачами. В противном случае нет госпиталя, нет и арсенала; так что при строительстве арсенала изначально был запланирован госпиталь. Западная колония при арсенале, однако, была малочисленна, а медицинский персонал снесдала энергия, которой Бог наградил франков, желая, видимо, наказать; жителям же Египта имя — легион, и в повседневной медицинской практике самым распространенным случаем были роды. Таким-то образом и появился родильный дом для египетских женщин в пределах морского арсенала, руководимого западными специалистами.

Это подводит нас к рассмотрению альтернативного Ответа на Вызов со стороны чуждой цивилизации, ибо, если имама Яхью можно назвать представителем «зелотизма» в современном исламе (по крайней мере такого «зелотизма», который убежден в необходимости держать порох сухим), тогда Мехмеда Али — представителем «иродианства», чей гений ставит его наравне с эпонимическим основателем секты. Мехмед Али на самом деле не первый «иродианин», сформировавшийся внутри ислама. Однако он первый сумел следовать заветам «иродианства» без страха возмездия после смерти его предшественника — несчастного османского султана Селима III. Мехмед Али также первый, кто следовал заветам «иродианства» твердо и с заметным успехом — чего не скажешь об изменчивой жизни его современника и сюзерена султана Махмуда II в Константинополе.

Итак, «иродианин» — это человек, действующий по принципу, что самый эффективный путь уберечься от неизвестного — это

овладеть его секретом, и, когда «иродианин» попадает в трудное положение, представ перед более опытным и лучше вооруженным противником, он отвечает на Вызов тем, что отказывается от своего традиционного военного искусства и учится воевать с врагом его же оружием и овладев его тактикой. Если «зелотизм» — это форма архаизма, возникающая под внешним давлением, то «иродианство» — это форма космополитизма, вызванная тем же внешним фактором; и отнюдь не случайно, что в то время, как цитадель современного исламского «зелотизма» располагалась в негостеприимных степях и оазисах Неджда и Сахары, современное исламское «иродианство» — рожденное теми же силами и примерно в то же время, чуть больше полутора веков назад, — со времен Селима III и Мехмеда Али сосредоточилось в Константинополе и Каире. Константинополь и Каир в царстве современного ислама прямо противоположны столице ваххабитов в Эр-Риаде, в степях Неджда и твердыне сенусситов Куфаре²⁵. Оазисы, бывшие оплотом исламского «зелотизма», заметно удалены и недосыгаемы, города же, ставшие колыбелью исламского «иродианства», лежат или вблизи, или непосредственно на великих природных международных путях, таких, как черноморские проливы или Суэцкий перешеек; и по этой причине, равно как и по причине стратегического значения этих двух стран, их столицы — Каир и Константинополь — испытывали сильное влияние со стороны западного предпринимательства. Воздействие всякого рода началось с тех пор, как только Запад начал набрасывать свою сеть на цитадель ислама.

Совершенно очевидно, что «иродианство» куда более эффективный Ответ на Вызов из двух альтернативных ответов, способных родиться в обществе, вынужденном защищаться от воздействия превосходящей чуждой силы. «Зелот» пытается спрятаться в прошлом, как страус, уткнувшись головой в песок; «иродианин» же смело смотрит в настоящее и изучает будущее. «Зелот» действует инстинктивно, «иродианин» — по здравом рассуждении. Собственно, «иродианину» приходится сделать усилие разума и воли, чтобы преодолеть «зелотский» импульс, являющийся нормальной спонтанной человеческой реакцией на Вызов, стоящий в равной степени и перед «зелотом», и перед «иродианином». Стать «иродианином» уже само по себе есть черта характера (хотя совсем необязательно привлекательного); интересно заметить, что японцы, пожалуй, единственные из незападных народов, принявших Вызов Запада и успешно проявляющих свое «иродианство», в прежние времена, с начала XVII века по конец XIX, были столь же яркими представителями чистого «зелотизма»²⁶. Будучи людьми сильного характера, они взяли все, что можно, от «зелотского» Ответа на Вызов; однако, когда факты убедили их, что упорство в этом направлении приведет их к

катастрофе, они сознательно сделали крутой поворот и повели свой корабль дальше под парусом «иродианства».

Тем не менее «иродианский» Ответ, будучи несравненно более эффективным, нежели Ответ «зелотский», все-таки не предполагает окончательного решения того неумолимого «западного вопроса», что встал сейчас перед всем современным миром. Во-первых, это опасная игра, ибо, если прибегнуть к метафоре, это смена коней на переправе, и всадник, оставшийся без седла, будет сметен потоком точно так же, как и «зелот» будет сметен пулеметным огнем, выйдя на бой с копьем и щитом. Переправа очень опасна, и ее осилит не все. В Египте и Турции, к примеру, послуживших экспериментальным полигоном для исламских пионеров «иродианства», эпигоны оказались не на уровне труднейшей задачи, завещанной им «старшими предшественниками». Результатом было то, что в обеих этих странах «иродианское» движение пришло в упадок менее чем через сто лет после его зарождения, а именно в первые годы последней четверти XIX века; эффект же отставания в развитии болезненно и в различных формах до сих пор проявляется в жизни этих стран.

Можно указать еще на две неотъемлемые и оттого более серьезные слабости «иродианства», и для этого обратим свое внимание к сегодняшней Турции, лидеры которой, героическими усилиями преодолевая регресс после правления Абдул-Хамида²⁷, довели «иродианство» до логического конца во время революции²⁸, по жестокости и глубине оставившей далеко позади даже две классические японские революции VII и XIX веков²⁹.

Здесь, в Турции, в отличие от последовательных революций на Западе — экономической, политической, культурной и религиозной — революция произошла по всем линиям одновременно и, таким образом, сотрясла до основания всю жизнь турецкого народа, все социальные структуры.

Турки не только изменили свою конституцию (сравнительно простое дело, по крайней мере по форме), но эта еще не оперившаяся Турецкая Республика низложила защитника исламской веры и упразднила его институцию — халифат; лишила имущества исламскую Церковь и распустила монастыри; сняла паранджу с лиц женщин, отринув вместе с ней и все, что она символизировала; вынудила верующих мужчин смешаться с неверующими, заставив носить шляпы с полями, которые мешали исполнять традиционный исламский обряд молитвы, требующий коснуться пола мечети лбом; безоговорочно отвергла исламское законодательство; сначала перевела швейцарский гражданский кодекс на турецкий язык дословно, а итальянский уголовный — с небольшими изменениями, а затем ввела их в действие голосованием Национальной ассамблеи

и, наконец, заменила арабское письмо на латинское, что не могло не отбросить прочь большую часть османского литературного наследия. Наиболее примечательной и смелой переменной из всех, предпринятых этими «иродианскими» революционерами, было то, что они предложили своему народу новые общественные идеалы, побуждая их забыть о том, что они землепашцы, или воины, или управители, и посвятить себя коммерции и производству, доказав тем самым, что турки могут своими силами не хуже любого на Западе — не говоря уж о вестернизированных греках, армянах, евреях — справляться со всем тем, чем раньше считали ниже своего достоинства заниматься, ибо традиционно презирали эти виды деятельности.

Эта «иродианская» революция в Турции проводилась с такой решительностью, при таких трудностях и в столь неблагоприятных обстоятельствах, что всякий великодушный наблюдатель сделает скидку на все упущения и даже злодеяния, сопровождавшие ее, и будет желать ей успеха в ее огромном деле. *Tantus labor non sit cassus* (великий труд не пропадет втуне)³⁰. Со стороны западного наблюдателя было бы особенно невежливо глумиться над ошибками или придирается к мелочам, ибо в конечном итоге «иродиане» пытались дать своему народу и стране тот образ жизни, в отсутствии которого мы же их вечно и упрекали с первых контактов между исламом и Западом; то есть они пытались — только теперь — создать в Турции подобие западного государства и западной нации. Однако, как только мы ясно осознали их цель, мы не могли не задуматься о том, стоила ли эта цель всех тех трудов и усилий, что затрачены на ее осуществление.

Конечно, не очень-то привлекательно выглядел закостеневший в своей старомодности турецкий «зелот», презрительно глядевший на нас с гримасой фарисея, денно и ночью благодарившего Бога за то, что он не такой, как другие³¹. Пока он гордился своей «особостью», мы задались целью сломить его гордость, показав, сколь одиозна эта его «особость». Мы называли его «этот ужасный турок» до тех пор, пока не пробили его психологическую броню и не довели до той самой «иродианской» революции, которую он осуществил на наших глазах. Теперь же, когда под нашим же давлением он совершенно переменялся и всеми средствами пытается стать таким, как все, мы пришли в замешательство и готовы возмутиться, как возмутился Самуил, когда евреи признались, сколь низкие мотивы побудили их возжелать царя³².

В этих обстоятельствах наши нынешние сетования по крайней мере невежливы. Предмет нашего недовольства может возразить, что для нас, что ни сделай, все плохо, и процитирует наше же собственное Писание: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали;

мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали»³³. Однако из этого отнюдь не следует, что если наша критика невежлива, то она мелочна или вовсе не справедлива. Ибо, в самом деле, что добавится к наследию цивилизации, если этот труд увенчается успехом и цель, поставленная этими решительными турецкими «иродианами», будет ими достигнута в полном объеме? Вот тут-то и проявляются две неотъемлемые слабости «иродианства». Первая из них — «иродианство», *ex hypothesi*, — имеет характер нетворческий и подражательный, поэтому, если поставленная цель будет достигнута, результатом будет лишь увеличение количества промышленного продукта копируемого общества, а не высвобождение творческой энергии людей. Второй слабостью является то, что этот не слишком вдохновляющий успех — самое большее, что способно дать «иродианство», — может принести благо лишь очень незначительному меньшинству в любом обществе, выбирающему путь «иродианства». Большинство же не может рассчитывать даже на то, чтобы стать пассивными (хотя бы) членами правящего класса копируемой цивилизации. Их судьба — пополнять ряды ее пролетариата. Муссолини однажды заметил довольно резко, что существуют не только пролетарские классы или личности, но и целые пролетарские нации; именно в эту категорию, очевидно, попадают незападные народы в современном мире, даже если при помощи героических усилий «иродиан» им удастся внешне трансформировать свои страны в суверенные, независимые национальные государства западного типа и установить отношения с сестринскими западными обществами в качестве номинально свободных и равных членов общемирового сообщества.

Итак, рассматривая предмет настоящего очерка — влияние, которое может иметь на судьбы человечества современное столкновение ислама и Запада, — мы можем не учитывать ни исламского «зелота», ни исламского «иродианина», пока те осуществляют свои замыслы с доступным им успехом, ибо их высший успех есть всего лишь достижение уровня материального выживания. Тот редкий из «зелотов», кто выживет, избегнув уничтожения, становится реликтом цивилизации, угасшим как живая сила; а не столь редкий «иродианин», избегнувший угнетения, становится лишь имитацией живой цивилизации, с которой он себя отождествляет. Ни тот ни другой не в состоянии внести сколь-либо значимый созидательный вклад в развитие этой цивилизации.

Можно заметить мимоходом, что в рамках современного взаимодействия ислама и Запада «иродианское» и «зелотское» направления не однажды сталкивались, в некоторой степени нейтрализуя друг друга. Первое, что сделал Мехмед Али с помощью своей новой вестернизированной армии, было наступление на ваххабитов,

чтобы усмирить их пыл³⁴. Двумя поколениями позже восстание Махди в Восточном Судане против египетского режима нанесло смертельный удар первой попытке «иродиан» превратить Египет в державу, способную в политическом отношении прочно стоять на своих ногах «в трудных условиях современного мира», ибо именно это восстание сыграло на руку британской военной оккупации 1882 года³⁵ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И еще, уже в наше время решение последнего короля Афганистана³⁶ порвать с традицией «зелотства», бывшей ключевым пунктом афганской политики еще с первой англо-афганской войны 1838—1842 годов³⁷, видимо, решило судьбу «зелотских» племен на северо-западной границе Индии. Ибо, несмотря на то что нетерпение короля Амануллы³⁸ вскоре стоило ему трона и вызвало «зелотскую» реакцию среди его бывших подданных, вполне допустимо предположить, что его преемники будут двигаться — и чем медленнее, тем увереннее — по тому же «иродианскому» пути. А усиление «иродианства» в Афганистане предопределяет мрачную судьбу племен. До тех пор пока эти племена имели за спиной тот Афганистан, который проводил политику сдерживания давления Запада, к нему инстинктивно стремились и они сами; племена могли продолжать свой «зелотский» путь в безопасности. Теперь же племена попали между двух огней — с одной стороны, как и раньше, Индия, с другой — Афганистан, делающий первые шаги по пути «иродианства», а это рано или поздно вынудит их сделать выбор между подчинением или гибелью. Заметим мимоходом, что «иродианин», сталкиваясь со своим домашним «зелотом», имеет тенденцию обращаться с ним с гораздо большей жестокостью, чем мог бы себе позволить пришелец с Запада. Если западный хозяин усмирял исламского «зелота» кнутом, то исламский «иродианин» — плетью со свинчаткой. Та жестокость, с которой король Аманулла расправился с Пуштунским восстанием в 1924 году, а президент Мустафа Кемаль Ататюрк — с восстанием курдов в 1925 году, не идет ни в какое сравнение с теми относительно гуманными методами, которые в то же самое время применялись к непокорным курдам в Ираке, бывшем тогда под британским протекторатом³⁹, или другим пуштунам в северо-западной провинции тогдашней британской Индии⁴⁰.

К какому же выводу привело нас наше исследование? Можно ли считать, что поскольку нами в нашем исследовании не учитываются ни успехи исламских «иродиан», ни успехи исламских «зелотов», то это означает, что столкновение между исламом и Западом не будет иметь никакого влияния на будущее человечества? Ни в коем случае, ибо, исключая успехи «иродиан» и «зелотов», мы исключаем лишь незначительное меньшинство исламского общества. Судьба большинства, как уже говорилось, — это не уничтожение,

не фоссилизация⁴¹ или ассимиляция, но полное погружение и растворение в том огромном, космополитическом, всеобщем пролетариате, который явился самым значительным побочным продуктом вестернизации мира.

На первый взгляд может показаться, что, представив себе будущее большинства мусульман в вестернизированном мире таким образом, мы полностью ответили на интересующий нас вопрос, подтвердив наши ранние выводы. Если мы обвиняем мусульман — «иродиан» и «зелотов» в равной мере — в культурном бесплодии, не должно ли обвинять и мусульманина-«пролетария» в том же фатальном недостатке *fortiori*?⁴² В самом деле, кто же не согласится с таким вердиктом с первого взгляда? Представим себе, что заклятый «иродианин» вроде покойного президента Мустафы Кемаля Ататюрка и такой «архизелот», как, скажем, Великий Сенусси⁴³, в согласии с просвещенными западными колониальными правителями, такими, как покойный лорд Кромер⁴⁴ или генерал Лиотэ⁴⁵, воскликнули бы единодушно: «Можно ли ждать какого-то конструктивного вклада в цивилизацию будущего от египетского феллаха⁴⁶ или константинопольского гаммала?»⁴⁷ Вот точно так же на заре христианской эры, когда Сирия испытывала нажим со стороны Греции, Ирод Антипа⁴⁸ и Гамалиил⁴⁹ и те ревностные Февды и Иуды⁵⁰, которые на памяти Гамалиила погибли, наверняка согласились бы с греческим поэтом *in partibus Orientalium* (в чужих странах восточных), как Мелеагр из Гадары⁵¹ или Галлион⁵², римский правитель провинции, воскликнувшим в ироническом тоне: «И что доброго может выйти из Назарета?»⁵³ Итак, когда вопрос задан в историческом плане, мы можем не сомневаться в ответе, ибо и Греческая и Сирийская цивилизации прошли свой путь до конца и нам хорошо известны их отношения. Ответ для нас столь привычен, что придется напрочь воображение, чтобы представить себе, насколько удивительным и даже шокирующим был бы этот приговор истории для культурных греков и римлян, идумеян⁵⁴ и евреев того времени, когда этот вопрос был поставлен, ибо, несмотря на их совершенно различные точки зрения всюду и во всем, на этот конкретный вопрос они, несомненно, ответили бы твердо презрительно: «Нет».

В свете истории мы осознаем, что их ответ был бы нелеп, если за критерий добра взять проявление творческой энергии. В том всеобщем смещении, которое возникло при вторжении Греческой цивилизации в цивилизации Сирии и Ирана, Египта, Вавилонии и Индии, общеизвестное бесплодие гибрида обрушилось не только на правящий класс эллинского общества, но и на тех людей Востока, которые до конца прошли противоположные пути «иродианства» и «зелотства». Единственной сферой, в которой греко-восточное космополитическое общество, несомненно, избежало этой участи, были

самые низы восточного пролетариата, типичным символом которого был Назарет; из этих низов в явно неблагоприятных условиях явилось несколько самых мощных творений, когда-либо достигнутых человеческим духом, — соцветие высших религий. Их отзвук проник во все земли и до сих пор звучит у нас в ушах. Их имена — имена силы и мощи — это Христианство, и Митраизм, и Манихейство⁵⁵; поклонение Богородице и ее умирающему и воскресающему супругу-сыну, известным под именами Кибелы-Исиды и Аттиса-Осириса⁵⁶; поклонение святым мощам: махаянистская школа буддизма, которая — изменяясь от философии к религии под иранским и сирийским влиянием — озарила Дальний Восток индийской идеологией, воплощенной в новом искусстве, навеянном греческим влиянием. Если эти прецеденты что-нибудь значат для нас — а это единственные лучики света, способные проникнуть сквозь тьму, скрывающую от нас будущее, — они предвещают, что мир ислама, включаясь в пролетарские низы нашей более поздней Западной цивилизации, в конечном итоге сможет конкурировать с Индией, и Дальним Востоком, и Россией в воздействии на будущее неисповедимыми для нас путями.

И правда, под воздействием Запада глубины мира ислама уже всколыхнулись, и даже сейчас мы можем заметить определенные духовные движения, могущие стать зародышем будущих высших религий. Западному наблюдателю придут на ум движения бахаистов и ахмадийа⁵⁷, которые начали засылать своих миссионеров из Аккры и Лахора в Европу и Америку; однако на этой стадии прогнозирования мы достигли лишь своих геркулесовых столбов, где осторожный исследователь остановится и воздержится от дальнейшего плавания в открытом океане будущего, о котором он имеет лишь весьма приблизительное представление. Если и есть какая-то польза в рассуждениях о грядущих событиях, то более точный прогноз мы можем делать лишь на ближайшее будущее; исторические же прецеденты, которые мы берем в качестве ориентиров, свидетельствуют о том, что религии, возникающие при столкновении цивилизаций, достигают зрелости лишь через много столетий, но в столь затяжном состязании зачастую побеждает темная лошадка.

Шесть с половиной веков отделяют год, когда Константин провозгласил свое покровительство христианству, от того времени, когда Александр Великий пересек Геллеспонт⁵⁸; пять с половиной столетий разделили эпоху первых китайских пилигримов в Святую землю буддистов Бихар и время Менандра, греческого властителя Хиндустана, обратившегося к индийским буддийским мудрецам с вопросом: «Что есть истина?»⁵⁹ Нынешнее влияние Запада на мир ислама начинает чувствоваться несколько сильнее, нежели полтора столетия назад, но, очевидно — и это доказывают приведенные выше

аналогии, — влияние это вряд ли сможет иметь сравнимый с ними эффект в обозримом для нас будущем, поэтому любая попытка предсказать возможные последствия была бы непроизводительным упражнением фантазии.

Мы можем, однако, различить определенные принципы ислама, которые — если они повлияют на социальную жизнь нового космополитического пролетариата — смогут в ближайшем будущем оказать важное и благотворное влияние на «большое общество». В современных проявлениях мирового космополитического пролетариата обращают на себя внимание два заметных источника опасности (психологический и материальный) — это расовое сознание и склонность к алкоголю, и в борьбе против этих двух зол исламская духовность, если влияние ее возобладает, может внести вклад высокой нравственности и общественной ценности.

То, что в среде мусульман изжито расовое сознание, есть одно из выдающихся нравственных достижений ислама, и современный мир сегодня, как никогда, нуждается в пропаганде этого достоинства ислама; хотя исторические хроники свидетельствуют, что расовое сознание скорее исключение, нежели врожденное свойство человеческого рода, несчастье нынешней ситуации в том, что этим сознанием заражены — и в очень сильной степени — именно те народы, которые одержали верх, по крайней мере на данный момент, в соревновании западных стран за обладание львиной долей общего наследия планеты, — в соревновании, что развернулось в последние четыре столетия.

Если в некоторых других отношениях триумф англоязычных народов можно ретроспективно рассматривать как благо для человечества, то в отношении рискованного расового вопроса вряд ли кто-либо сможет отрицать, что это — беда. Англоязычные нации, утвердившиеся в Новом Свете, за океаном, на поверку оказались не слишком «общительными». Они просто смели с лица земли своих предшественников, а там, где они позволили коренному населению остаться в живых, как в Южной Америке или в Северной Америке, куда они импортировали рабочую силу извне, мы наблюдаем теперь стадию того безобразного института, который в Индии — где за многие века он достиг своего апогея — называется «кастами»⁶⁰. Более того, альтернативой уничтожению, или сегрегации, было изгнание — политика, которая предотвращает опасность внутреннего раскола в жизни сообщества, ее практикующего, но вызывает не менее опасное состояние международного напряжения между изгоняющими и изгнанными расами, в особенности в тех случаях, когда эта политика применяется в отношении представителей не примитивных обществ, но цивилизованных, таких, как индусы, китайцы или японцы⁶¹. Итак, триумф англоязычных народов навязал

человечеству «расовый вопрос», который, возможно, не возник бы — по крайней мере с такой остротой и в таких масштабах, — будь на месте победителей в борьбе за владение Индией или Северной Америкой в XVIII веке, скажем, не англичане, а французы⁶².

Сегодня дела обстоят так, что приверженцы расовой нетерпимости господствуют, и, если их отношение к «расовому вопросу» будет преобладать и дальше, это может в конце концов привести к катастрофе. Однако и силы расовой толерантности, которые сейчас как будто бы проигрывают эту чрезвычайно важную для человечества духовную битву, могут взять верх, если на весы будет брошено мощное движение противников расового подхода, до сих пор скрытое. Вполне вероятно, что дух ислама мог бы стать своевременным подкреплением, которое может решить исход борьбы в пользу терпимости и мира.

Что касается алкогольного бедствия, то хуже всего дело обстоит среди примитивных народов тропических регионов, «открытых» западными первопроходцами, и, хотя более просвещенная часть общества давно осознает последствия этого порока и предпринимает усилия к тому, чтобы справиться с ним, эффективность этих усилий чрезвычайно низка. Общественное мнение может лишь пытаться повлиять на администрацию территорий, зависимых от западных держав, и, если позитивные действия администрации в этой сфере и были подавлены международными конвенциями, а ныне поддерживаются и расширяются под эгидой Организации Объединенных Наций, факт остается фактом: самые мощные государственные превентивные меры, навязанные властью извне, не способны избавить общество от социального порока до тех пор, пока сами члены общества не почувствуют в сердце своем желания и воли к сознательному избавлению от этого зла. Сегодня же западные администраторы, по крайней мере «англосаксонские», духовно изолированы от своих «туземных» подопечных тем «цветным барьером», который воздвигло их собственное расовое сознание; преобразование туземной души — это задача, решения которой вряд ли можно от них ждать; вот тут-то и может сыграть свою роль ислам.

В этих тропических районах, недавно и скоропалительно «открытых» Западом, Западная цивилизация на одном дыхании создала экономический и политический пресс и одновременно социальный и духовный вакуум.

Привычные, но неустойчивые институты примитивных обществ, которые прежде чувствовали себя уверенно на своей земле, внезапно рассыпались в прах под нажимом тяжеловесной западной машины, и миллионы «туземных» жителей, внезапно лишенных привычной социальной среды, смешались, ощутив себя духовно обнаженными. Более либерально настроенные и культурные западные

должностные лица осознали в последнее время тот колоссальный психологический урон, который ненамеренно, но неизбежно нанесло западное вмешательство; они пытаются предпринимать усилия к спасению того, что еще может быть спасено от крушения «туземного» социального наследия, иногда даже искусственно воспроизводя на более прочной основе некоторые особо ценные «туземные» общественные институты, уже разрушенные. И тем не менее духовный вакуум коренного населения все еще остается громадной бездной; утверждение «природа не терпит пустоты» столь же истинно для духовного мира, сколь и для материального, и Западная цивилизация, не сумевшая заполнить этот духовный вакуум, оставила поле деятельности свободным для любой другой духовной силы, которая пожелала бы воспользоваться этим.

В двух из тропических регионов — в Центральной Африке и Индонезии — такой духовной силой, ухватившейся за возможности, открытые в духовной сфере западными носителями материальной цивилизации, был именно ислам; и если где-либо «коренным» народам этих регионов удалось восстановить свое естественное духовное состояние, то, вполне возможно, именно дух ислама помог наполнить новым содержанием образовавшуюся пустоту. Этот дух проявляется в самых различных формах; одной из таких форм может стать и отказ от алкоголя по религиозным убеждениям. Вера способна совершить то, что не под силу внешним санкциям, опирающимся на чужой закон.

Итак, здесь, на авансцене будущего, мы можем отметить две сферы для того влияния, которое ислам может оказать на космополитический пролетариат западного общества, набросившего свои сети на весь мир и охватившего все человечество; что же касается более отдаленного будущего, стоит рассмотреть возможный вклад ислама в некоторые новые проявления религии. Все эти возможности, однако, в равной степени зависят от положительного разрешения ситуации, в которой человечество находится сегодня. Они предполагают в качестве неперемennого условия, что зыбкое и неустойчивое всеобщее смешение в результате западного завоевания мира постепенно и мирно преобразуется в некую гармоничную синтетическую субстанцию, из которой столь же постепенно и мирно столетия спустя возникнут новые творческие, созидательные возможности. Такая предпосылка, однако, есть не более чем недоказуемое допущение, которое может оправдаться или не оправдаться при реальном развитии событий. Смешение может завершиться синтезом, но с таким же успехом — и взрывом, и в этом случае ислам может сыграть совершенно иную роль в качестве активного ингредиента бурной реакции космополитических низов против западных хозяев.

В настоящий момент, правда, эта разрушительная перспектива не кажется неминуемой, ибо грозное слово «панисламизм»⁶³, служившее пугалом для западных колониальных властей с тех пор, как оно впервые вошло в обиход в связи с политикой султана Абдул-Хамида, в последнее время теряет свое влияние на умы мусульман. Трудности, присущие проведению в жизнь идеи «панисламизма», видны невооруженным глазом. «Панисламизм» — это всего лишь выражение того же инстинкта, который заставляет стадо бизонов, мирно пасущихся на равнине, вдруг мгновенно построиться фалангой и, выставив рога, броситься вперед при первом появлении неприятеля. Другими словами, это пример того самого возврата к традиционной тактике перед лицом превосходящего и незнакомого противника, которому мы в этой статье дали название «зелотство». Психологически, таким образом, «панисламизм» должен привлекать по преимуществу исламских «зелотов» в духе ваххабитов или сенусситов; однако эта психологическая предрасположенность блокируется технической трудностью, ибо в обществе, разбросанном по огромной территории — от Марокко до Филиппин и от Волги до Замбези⁶⁴, — солидарные действия легко вообразить, но трудно осуществить.

Стадный инстинкт возникает спонтанно, однако его очень трудно перевести на язык эффективного действия, не имея в своем распоряжении высокоразвитой системы технической связи, которую создала современная западная изобретательская мысль: кораблей, железных дорог, телеграфа, телефона, самолета и автомобиля, газет и всего остального. Все эти достижения — вне возможностей исламских «зелотов», а исламские «иродиане», сумевшие в той или иной степени овладеть всеми этими средствами, *ex hypothesi*, желают использовать их отнюдь не для ведения «священной войны» против Запада, но, напротив, для организации собственной жизни по западному образцу и подобию. Как самый знаменательный знак времени в современном Исламском мире воспринимается то, с какой резкостью Турецкая Республика отреклась от традиций исламской солидарности. «Мы полны решимости выработать собственный путь к спасению, — как бы заявляют турки, — и спасение, на наш взгляд, в том, чтобы научиться стоять на собственных ногах, возводя экономически самостоятельное и политически независимое суверенное государство западного образца. Другие мусульмане пусть ищут путь к спасению по своему разумению. Мы не просим у них помощи и не предлагаем им свою. Всяк за себя, и к черту отстающих, *alla franca!*»⁶⁵

И несмотря на то что с 1922 года турки практически полностью пренебрегали чувствами исламского единства, они не только не потеряли, но повысили свой престиж среди других мусульман — даже среди тех, кто публично осудил их дерзкий курс, — благодаря тому успеху, который сопутствовал их действиям. А это указывает

на вероятность того, что путь национализма, которым турки так решительно идут сегодня, будет завтра с не меньшей решимостью избран другими мусульманскими народами. Арабы и персы уже пришли в движение. Даже далекие и донныне «зелотские» афганцы вступили на эту же тропу, и они явно не последние. Собственно, не «панисламизм», а национализм — вот та структура, в которую оформляются исламские народы, и для большинства мусульман неизбежным, хотя и нежелательным результатом национализма будет растворение в космополитическом пролетариате Западного мира.

Такой взгляд на сегодняшнюю перспективу «панисламизма» подкрепляется неудачей попыток воскресить халифат. В последней четверти XIX века османский султан Абдул-Хамид, найдя в чулане гарема регалии халифа, затеял эту игру с целью объединить «панисламскую» идею вокруг своей персоны. После 1922 года, однако, Мустафа Кемаль Ататюрк и его соратники, считая вновь открытый халифат несовместимым с собственными «иродианскими» политическими воззрениями, поначалу совершили исторический промах, отождествив халифат с «духовным» началом в противовес «мирской» власти, но впоследствии упразднили его окончательно. Эта акция со стороны турок побудила других мусульман, разочарованных столь своевольным обращением с историческим мусульманским институтом, провести в 1926 году в Каире конференцию по халифату⁶⁶ с целью определить, можно ли каким-то образом адаптировать историческую мусульманскую организацию к нуждам нового времени. Всякий, кто внимательно просмотрит протоколы этой конференции, вынесет убеждение, что халифат мертв и что причиной тому — летаргия панисламизма.

Панисламизм пассивно дремлет, но мы должны считаться с возможностью того, что Спящий проснется, стоит только космополитическому пролетариату вестернизированного мира восстать против засилья Запада и призвать на помощь антизападных лидеров. Этот призыв может иметь непредсказуемые психологические последствия — разбудить воинствующий дух ислама, даже если он дремал дольше, чем Семеро Спящих, ибо он может пробудить отзвуки легендарной героической эпохи. Есть два исторических примера, когда во имя ислама ориентальное общество поднялось против западного вторжения, одержав победу. Во времена первых последователей Пророка ислам освободил Сирию и Египет от эллинского господства, тяготевшего над ними почти тысячелетие⁶⁷. Под предводительством Зенги и Нур ад-Дина, Саладина и мамлюков ислам выстоял под напором крестоносцев и монголов⁶⁸. Если в нынешней ситуации человечество было бы ввергнуто в «войну рас», ислам мог бы вновь попытаться сыграть свою историческую роль. Absit Omen! (Да не будет это дурным предзнаменованием!)

СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

I

Какое же событие выберут как наиболее характерное будущие историки, оглядываясь — столетия спустя — на первую половину XX века и пытаясь разглядеть и оценить его свершения и опыт в той соразмерности, которую может дать лишь временная перспектива? Думаю, что это будет не одно из тех сенсационных или трагических и катастрофических политических или экономических событий, которые занимают наши умы и первые полосы наших газет; не войны, революции, резня и депортации, голод и излишества, спады и бумы привлекут внимание историка, но нечто такое, о чем мы лишь догадываемся и что не делает газетной сенсации. Те события, что выносятся на первые полосы, приковывают наше внимание оттого, что они лежат на поверхности жизни, отвлекая внимание от более медленных, неуловимых, неосязаемых движений, что действуют под поверхностью, достигая самых глубин. Но, разумеется, именно эти глубокие, медленные движения и делают историю в конечном итоге, именно они обретают свой истинный масштаб в ретроспекции, когда сенсационные, но преходящие события уменьшаются до их истинных значений и пропорций.

Мысленная перспектива, как и оптическая, фокусируется лишь тогда, когда наблюдатель находится на определенном расстоянии от объекта. Если, скажем, вы летите из Солт-Лейк-Сити в Денвер, ближайший вид Скалистых гор отнюдь не самый живописный. Когда вы пролетаете непосредственно над вершинами, вам не видно ничего, кроме лабиринта пиков, гребней, кряжей, лоцин и скал. И только когда вы оставили горы позади и оглядываетесь на них, пролетая над долинами, только тогда они поднимаются перед вашим взором во всей красе, гряда за грядой. Только тут вы увидите настоящие Скалистые горы.

Вот так, я думаю, и будущие историки смогут разглядеть нашу эпоху в ее истинных пропорциях значительно лучше нас с вами. Что бы они сказали об этой эпохе?

Будущие историки скажут, мне кажется, что великим событием XX века было воздействие Западной цивилизации на все другие жившие в мире того времени общества. Историки скажут, что воздействие было столь мощным и всепроникающим, что перевернуло вверх дном, вывернуло наизнанку жизнь всех его бесчисленных жертв, повлияв на поведение, мировоззрение, чувства и верования

отдельных людей — мужчин, женщин, детей, затронув те струны человеческой души, которые не откликаются на внешние материальные силы, какими бы зловещими и ужасными они ни были. Вот что скажут, я уверен, будущие историки, оглядываясь на наше время даже из такого недалекого будущего, как 2047 год.

А что скажут историки в 3047 году? Живи мы веком раньше, мне пришлось бы извиниться за чудовищное самомнение, позволяющее мне пытаться предсказывать что-либо, столь далеко отстоящее от нашего времени. Даже сто лет были невероятно долгим сроком для людей, полагавших, что мир был создан в 4004 году до н. э. Но сегодня мне нет нужды просить извинений, ибо со времен наших прадедушек совершилась столь радикальная революция в осознании временных масштабов, что если бы сегодня я попытался составить на этих страницах масштабную карту истории, то такой краткий период времени, как тысяча сто лет, оказался бы на ней почти невидимым для невооруженного глаза отрезком.

Итак, историки 3047 года нашли бы что сказать о нашем времени, и они скажут много более интересного по сравнению с историками 2047 года, ибо им уже будут открыты новые главы в том повествовании, в котором мы занимаем лишь одну из начальных глав. Я полагаю, историки 3047 года будут в основном интересоваться колоссальным контрвлиянием, которое окажут жертвы на жизнь агрессора. К 3047 году наша Западная цивилизация — как мы знаем из истории последних двенадцати—тринадцати веков, со времен средневековья, — может измениться до неузнаваемости за счет контррадиации влияний со стороны тех самых миров, которые мы в наше время пытаемся поглотить, — православного христианства, ислама, индуизма и Дальнего Востока.

К 4047 году различие, угрожающе заметное сегодня, между Западной цивилизацией как агрессором и другими цивилизациями как жертвами, вероятно, будет незначительным. Когда одни влияния будут гаситься контрвлияниями, главное, что будет иметь значение, — это единый великий опыт, общий для всего человечества: испытание, связанное с разрушением собственного локального социального наследия при столкновении с локальным наследием других цивилизаций, с поиском новой жизни — общей жизни, возникающей на обломках. Историки 4047 года скажут, что воздействие Западной цивилизации на современные ей общества во втором тысячелетии христианской эры составляет эпохальное событие потому, что это первый шаг к унификации мира в единое сообщество. К тому времени единство человечества, вероятно, будет восприниматься как одно из фундаментальных условий человеческой жизни — как бы часть природного миропорядка, и историкам той эпохи, возможно, будет трудно представить со своей стороны локальное

местническое мировоззрение пионеров цивилизации в первые шесть, или около того, тысячелетий своего существования. Эти странные афиняне, которые могли пешком пройти от столицы до дальней границы своего государства, или эти американцы, почти их современники, страну которых — от моря до моря — можно было пересечь за несколько часов на самолете, — как это они могли вести себя таким образом (и ведь вели же, как мы знаем!), словно их маленькая страна и есть вся Вселенная?

А историки 5047 года? Они, представляется мне, скажут, что важность общественной унификации человечества состоит не в технических или экономических достижениях и не в военных или политических делах, но в области религии.

II

Почему я отважился предсказывать, каким образом история нашего времени предстанет взору людей, вглядывающихся в нее с высоты нескольких будущих тысячелетий? Да потому, что мы имеем опыт предыдущих шести тысяч лет со времен первого появления представителей того вида человеческих обществ, которые мы называем «цивилизациями».

Шесть тысяч лет — это бесконечно малый срок в сравнении с возрастом человеческого рода, млекопитающих и жизни на Земле вообще, возрастом планетной системы вокруг нашего Солнца, наконец, возрастом самого Солнца или звездного сгустка, в котором наше Солнце не слишком заметная величина. Тем не менее для цели нашего исследования эти последние шесть тысяч лет — как бы ни короток был этот срок — предоставляют нам несколько примеров того явления, которое мы изучаем, — примеров столкновений между различными цивилизациями. В отношении ряда таких случаев мы уже имеем преимущество, которое историки 3047 и 4047 годов будут иметь в отношении нас, — преимущество знания полной картины. Именно на примере этих прошлых столкновений я буду размышлять на тему о том, каким может быть результат нашего собственного столкновения с нашими современниками.

Возьмем историю наших предшественников — Греко-римской цивилизации — и рассмотрим, как она выглядит из достаточно далекой перспективы, откуда мы оглядываемся на нее нынче.

В результате завоеваний Александра Великого и римлян Греко-римская цивилизация распространилась на большей части Старого Света, достигнув Индии, Британских островов и даже Китая и Скандинавии¹. Единственные цивилизации того времени, не затронутые этим влиянием, были цивилизации Центральной Америки и Перу,

так что та экспансия вполне сравнима с экспансией нашего времени и по широте охвата, и по мощи. Когда мы оглядываемся на историю Греко-римского мира в период последних четырех веков до Рождества Христова, нам особенно бросается в глаза именно эта великая экспансия и глубина ее проникновения. Войны, революции, экономические кризисы, которые бушевали на поверхности греко-римской истории и волновали умы людей, боровшихся за выживание в то время, сегодня не кажутся нам столь уж значительными в сравнении с культурным греческим влиянием, охватившим Малую Азию, Сирию, Египет, Вавилонию, Персию, Индию, Китай.

Но почему же вообще имеет для нас значение воздействие Греко-римской цивилизации на другие цивилизации? В основном из-за контрвливания этих других цивилизаций на Греко-римский мир.

Это контрнаступление частично осуществлялось тем же способом, что и первоначальное наступление Греко-римского мира, то есть силой оружия. Но нас сегодня не слишком интересуют слабые попытки еврейского вооруженного сопротивления греческим и римским имперским завоеваниям в Палестине²; или, напротив, успешные контратаки парфян или их персидских последователей, ведомых династией Сасанидов, восточнее Евфрата³; или, наконец, сенсационные победы арабских мусульман, которые в III веке н. э. освободили Ближний Восток от греко-римского правления в такой же короткий срок, какой потребовался Александру Великому, чтобы завоевать его за тысячу лет до того.

Однако помимо этого было и другое контрнаступление, ненасильственное, духовное, в ходе которого завоевывались не крепости и провинции, а умы и сердца. Это наступление осуществили миссионеры новых религий, возникших в тех землях, которые Греко-римская цивилизация силой завоевала и покорила. Королем миссионеров по праву может считаться св. Павел, предпринявший дерзкий марш из Антиохии в Македонию, Грецию и Рим и преуспевший на этом пути куда больше, чем некогда Антиох Великий⁴. Новые религии разительно отличались от исконной религии Греко-римского мира. В греко-римском язычестве боги имели свои корни в различных локальных социумах: это были свои, местные и узкополитичные боги — Афина Полисная, Фортуна Пренестина, Богиня Рома⁵. Боги же новых религий, ненасильственно завоевывавших сердца и умы греков и римлян, поднялись над местным, локальным, происхождением. Они превратились в универсальных богов, несущих спасение всему человечеству — евреям и язычникам, скифам и грекам⁶. Если перевести это великое историческое явление на язык религии, можно сказать, что Единый Истинный Бог воспользовался тем, что сердца людей открылись в результате столкновения и крушения их древних традиций и что он использовал

их мучительный опыт для того, чтобы просветить эти внезапно раскрывшиеся души, дав им более полное и истинное понимание Его природы и целей.

Эти два слова — «Иисус Христос» — имеют неоценимое значение для нас и будут, рискну предсказать, все так же важны для человечества и две, и три тысячи лет спустя. Эти два слова были свидетелями столкновения между Греко-римской и Сирийской цивилизациями, — столкновения, в результате которого и родилось христианство. Слово «Иисус» — это третье лицо единственного числа одного семитского глагола; «Христос» — пассивное причастие от греческого глагола⁷. Это двойное имя само по себе — свидетель того, что христианство было рождено от брака двух культур.

Рассмотрим существующие сегодня в мире четыре высшие религии, несущие всемирную миссию: христианство, ислам, индуизм и махаянистскую форму буддизма, преобладающую на Дальнем Востоке. Исторически все они продукт столкновения Греко-римской цивилизации с другими, современными ей цивилизациями. Христианство и ислам возникли как альтернативные ответы Сирийского мира на греко-римское вторжение; христианство — как ненасильственный Ответ, ислам, напротив, — насильственный. Махаянистский буддизм и индуизм суть также ответы — мягкий и бурный — Индийского мира все на тот же греко-римский Вызов.

Оглядываясь на греко-римскую историю сегодня, то есть примерно тринадцать веков спустя после падения Греко-римской цивилизации, мы увидим, что из этой перспективы наиболее значительным моментом в истории Греко-римского мира кажутся встречи его с другими цивилизациями; эти встречи важны не столько своими ближайшими политическими и экономическими результатами, сколько долгосрочными последствиями в религиозном плане. Эта иллюстрация на греко-римском примере, историю которого мы знаем в полном объеме, дает нам некую идею о временных интервалах столкновений между цивилизациями. Воздействие Греко-римского мира на другие современные ему цивилизации — сравнимое с воздействием нынешнего Западного мира на его современников начиная с рубежа XV и XVI веков — началось с завоеваний Александра Великого в IV веке до н. э., через пять или шесть столетий после освобождения Ближнего Востока от греко-римского господства арабами-мусульманами; в VII веке н. э. Ближневосточный мир все еще переводил классические греческие философские и научные труды. Почти шестнадцать веков, с IV века до н. э. по XIII век христианской эры, происходили столкновения Греко-римского мира с современными ему цивилизациями.

Теперь давайте измерим по этой временной шкале в шестнадцать веков продолжительность столкновения Западной цивилизации

с иными современными ей цивилизациями. Можно было бы сказать, что это столкновение началось с османского наступления на исконные земли Западной цивилизации и с великих западных открытий на рубеже XV и XVI веков. От этого времени до нашего — всего четыре с половиной столетия.

Предположим, что сегодня движение мыслей и чувств происходит быстрее (хотя я не знаю никаких свидетельств того, что человеческое подсознание сколько-нибудь меняет свой темп) и, если это так, похоже, что мы находимся все еще в одной из начальных глав истории нашего столкновения с цивилизациями Мексики и Перу, или православного христианства и ислама, или же Индуистского мира и мира Дальнего Востока. Мы только-только начинаем наблюдать самые первые результаты нашего воздействия на эти цивилизации, но мы еще практически не увидели последствий — которые, без сомнения, будут громадными — их нарастающего контрвлияния на нас самих.

Именно нашему поколению выпало увидеть первые слабые шаги этого контрвлияния, и шаги эти нас очень обеспокоили: понравились они нам или нет, но мы почувствовали их значительность. Я, разумеется, имею в виду шаг, сделанный православным христианством в России. Этот шаг важен и тревожен не оттого, что за ним стоит серьезная материальная сила. В конце концов, у русских еще нет атомной бомбы⁸; однако они уже продемонстрировали (и в этом все дело) способность обращать западные души в свою, незападную «веру».

Русские восприняли западную светскую общественную философию, а именно марксизм; с таким же успехом мы могли бы назвать марксизм христианской ересью, листом, вырванным из книги христианства и трактуемым как единственно верное Евангелие. Русские приняли эту еретическую западную религию, трансформировали ее в нечто свое и теперь отпасовывают ее обратно нам. Это первый выстрел в контрнаступлении на Запад; однако не исключено, что русский залп в форме коммунизма покажется нам чем-то несущественным, когда гораздо более мощные цивилизации Индии и Китая в свою очередь ответят на наш западный Вызов. В конечном счете Индия и Китай, вероятно, окажут значительно более глубокое воздействие на нашу западную жизнь, нежели то, на которое может претендовать Россия с ее коммунизмом. Однако и такая слабая локальная цивилизация, как Мексиканская, также начинает реагировать на Вызов. Революцию, которую переживает Мексика с 1910 года⁹, можно интерпретировать как первый шаг к тому, чтобы сбросить с себя ярмо Западной цивилизации, навязанной нами Мексике в XVI веке; а то, что происходит в Мексике сегодня, завтра может произойти в странах коренной цивилизации Южной Америки — Перу, Боливии, Эквадоре и Колумбии¹⁰.

III

Прежде чем закончить, я позволю себе коснуться вопроса, от рассмотрения которого я до сих пор уклонялся, а именно что мы понимаем под словом «цивилизация»? Совершенно ясно, что это слово наполнено для нас содержанием, ибо даже до того, как попытались точно определить его значение, классифицируя человеческие общества как «Западную цивилизацию, Исламскую, Дальневосточную, Индусскую цивилизации и т. д.», мы вкладывали в него некий смысл. Эти названия вызывают у нас определенные ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов и обычаев. Тем не менее есть резон глубже всмотреться в то, что же мы понимаем под термином, который так часто употребляем. Мне кажется, я знаю, что для меня лично скрывается под этим термином, по крайней мере я точно знаю, как я пришел к собственному пониманию его смысла.

Под цивилизацией я понимаю наименьший блок исторического материала, к которому обращается тот, кто пытается изучить историю собственной страны, скажем Соединенных Штатов или Соединенного Королевства. Если вы попытаетесь исследовать историю Соединенных Штатов в отдельности, она окажется неинтеллектуальной: вы не сможете понять, какую роль сыграли в жизни Америки федеральное правительство, представительное правление, демократия, индустриализм, если не устремите свои взоры вдаль, за пределы ее границ — до Западной Европы и других заокеанских стран, основанных западноевропейцами, равно как и не продвинетесь во времени за пределы ее местных корней — к истории Западной Европы за века до того, как Колумб (Кэбот)¹¹ пересек Атлантику. Правда, чтобы понять американскую историю и американские институты для практического использования их опыта, нет нужды обращаться за пределы Западной Европы, к истории Восточной Европы или Исламского мира, так же как и за пределы Западноевропейской цивилизации, ко времени упадка и краха Греко-римской цивилизации. Именно эти пределы во времени и пространстве и дают нам интеллектуальную единицу общественной жизни, составными частями которой являются и Соединенные Штаты, и Великобритания, и Франция, и Голландия, как бы мы это сообщество ни называли — западным христианством, Западной цивилизацией, западным обществом или Западным миром. Точно так же, если вы идете от Греции и Сербии или России, пытаетесь понять их историю, вы приходите к православному христианству, или Византийскому миру. Если начинаете с Марокко или Афганистана, изучая их историю, неизбежно придете к Исламскому миру. Начните с Бенгалии или Майсура и Раджпутаны¹², и вы увидите

Индуcский мир. Начните с Китая или Японии — и узнаете Дальневосточный мир.

Несмотря на то что государство, гражданами которого мы являемся, предъявляет все более конкретные и настоятельные требования к нашей лояльности, особенно в нынешнюю эпоху, цивилизация, к которой мы относимся, имеет все-таки большее значение в нашей жизни. А эта цивилизация включает — в большей части своей истории — и граждан других стран помимо нашей собственной. Она старше нашего государства: Западная цивилизация насчитывает примерно тринадцать столетий, в то время как Английскому королевству всего тысяча лет, Соединенному Королевству Англии и Шотландии менее двухсот пятидесяти, а Соединенным Штатам — не более полутора¹³. Государства имеют склонность к короткой жизни и внезапным смертям: Западная цивилизация, к которой мы с вами относимся, может просуществовать столетия после того, как с политической карты мира исчезнут Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, как прежде исчезли их более старшие современники — Венецианская Республика и Австро-Венгерская монархия¹⁴. Это одна из причин, почему я просил вас рассматривать историю в понятиях цивилизации, а не в понятиях государства, а государства считать неким подчиненным и эфемерным политическим феноменом в жизни цивилизаций, в лоне которых они появляются и исчезают.

ХРИСТИАНСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Когда я недавно перечитывал свои заметки для этого очерка, перед моим мысленным взором возникла картина одного события, происшедшего в столице одной великой империи четырнадцать веков назад, когда эта столица была охвачена войной, — войной не внешней, а внутренней, с беспорядками и уличными боями. Император держал совет, решая, то ли ему продолжать борьбу, то ли поднять паруса и отправиться в безопасные края. На царском совете присутствовала императрица, его жена, которая сказала: «Ты, Юстиниан, можешь отправляться, если хочешь, корабль готов, и выход в море еще открыт; но я останусь и буду бороться до конца, потому что «пурпур власти есть лучший саван»»¹. Мне вспомнилась эта фраза, и мой коллега проф. Бейнс² нашел ее для меня; я долго раздумывал над ней, применяя к тем обстоятельствам, в которых я

пищу, и решил в конце концов уточнить и перефразировать ее так: «Лучший саван есть Царство Божие», — лучший оттого, что это саван, из которого возможно возрождение. Далее, эта парафраза знаменитого греческого высказывания весьма близка — так мне кажется — к трем латинским словам, выражающим девиз Оксфордского университета; и если мы верим в эти три слова — *Dominus Illuminatio Mea*³ — и готовы жить, сообразуясь с ними, можно без тревоги смотреть в будущее, что бы нас ни ожидало. Физическое, материальное будущее очень мало зависит от нас. Могут налететь штормы, разрушив до основания дорогое нашему сердцу здание, не оставив камня на камне. Но если эти три латинских слова выражают истину об этом университете и о нас самих, то мы можем быть уверены: пусть камни рушатся, но свет, который освещает наш путь, не угаснет.

Теперь давайте перейдем непосредственно к предмету моего эссе — отношению между христианством и цивилизацией. Именно этот вопрос с основания христианской Церкви постоянно был в центре полемики, и, разумеется, всегда существовали самые различные точки зрения на этот предмет.

Согласно одному из самых старых и устойчивых взглядов, христианство послужило разрушению той цивилизации, в недрах которой оно зародилось и развивалось. Этой точки зрения придерживался, мне кажется, уже император Марк⁴, поскольку он признавал присутствие христианства в подвластном ему мире. Этот же взгляд разделял — но в очень резкой и яростной форме — его последователь, император Юлиан⁵, и такого же мнения был историк Гиббон, описавший много позже упадок и крах Римской империи⁶. В последней главе своего труда Гиббон суммирует тему повествования в одной фразе; глядя в прошлое, он говорит: «Я описал триумф варварства и религии». Однако, чтобы понять значение этой фразы, следует вернуться к первой главе его труда, к исключительно величественному описанию Римской империи в мирную эпоху династии Антонинов во II веке после Рождества Христова. Он ведет читателя сквозь века, чтобы в конце долгого повествования сказать: «Я описал триумф варварства и религии», имея в виду, что христианство и варварство совместными усилиями уничтожили цивилизацию, которую символизировала династия Антонинов.

Трудно оспаривать авторитетное мнение Гиббона, однако, я полагаю, в его взгляде есть софизм, извращающий смысл. Гиббон предполагает, что Греко-римская цивилизация в эпоху Антонинов была на вершине своего расцвета и что, прослеживая ее упадок с этого времени, он прослеживает процесс с самого его начала. Если принять эту точку зрения, очевидно, что христианство развивается с упадком империи, то есть подъем христианства и есть упадок

империи. Я думаю, что первоначальная ошибка Гиббона лежит именно в допущении, что древняя цивилизация Греко-римского мира начала свое падение во II веке н. э. и что эпоха Антонинов была вершиной этой цивилизации. Я же думаю, что упадок империи начался в V веке до Рождества Христова. Это было не убийство, а самоубийство; собственно, этот акт самоубийства был совершен еще до конца V века до н. э.⁷ Ответственность за гибель древней Греко-римской цивилизации несет не христианство и даже не философские системы, предшествовавшие ему. Сами эти философские системы возникли оттого, что гражданское общество данной цивилизации уже само разрушилось, превратившись в некий идол, которому люди платили непомерную дань идолопоклонства. Развитие же философских систем и последующее развитие религий, из которых выросло и христианство как преемник всех их, вместе взятых, произошло уже после того, как Греко-римская цивилизация приговорила себя к смерти. Подъем философии и тем более религий был не причиной, а следствием.

Когда Гиббон в самом начале своего труда обозревает Римскую империю эпохи Антонинов, он не говорит об этом открыто, однако, я уверен, думает именно так — что сам он находится на вершине уже другой цивилизации, вглядываясь в далекую вершину прошлого через широкую котловину варварства, разделяющую их. Гиббон думает: «Тотчас после смерти императора Марка Римская империя начала чахнуть. Все ценности, которыми дорожу я, Гиббон, и мне подобные, начали вырождаться. Победу праздновали религия и варварство. Это плачевное состояние продолжалось многие столетия, а затем, за несколько поколений до меня, не далее как в конце XVII века, вновь начала возрождаться разумная цивилизация». Со своей вершины наблюдателя XVIII века Гиббон оглядывается в век II, на вершину правления Антонинов, а нынче, в XX веке, эту же точку зрения — которая, я уверен, заложена в работе Гиббона — совершенно четко и недвусмысленно выражает наш современник, писатель, которого я собираюсь процитировать, и довольно пространно, ибо это, так сказать, формальная антитеза тому тезису, который я намерен отстаивать.

«Греческое и римское общества были построены по принципу подчинения индивида обществу, гражданина — государству; этот принцип устанавливал высшей целью жизнедеятельности безопасность сообщества, полагая ее выше безопасности индивида. Воспитанные в этом альтруистическом духе с младенчества, граждане целиком отдавались общественному служению и были готовы положить жизнь ради общего дела; если же они уклонялись от этой высшей жертвы, им даже не приходило в голову, что они не просто низко предпочли личную безопасность интересам своей страны, но

что в этом может быть какая-то иная причина. Все изменилось с распространением восточных религий, главной идеей которых была связь души с Богом, а вечное спасение души — тем смыслом, ради которого только и стоило жить. На фоне таких идей процветание и даже само существование государства становится несущественным. Неизбежным результатом этого эгоистического и аморального учения стало все большее отдаление ревнителей веры от общественного служения, концентрация на собственных духовных переживаниях, презрение к теперешней жизни, которая считается лишь испытательным сроком перед жизнью лучшей и вечной. В общественном мнении высшим идеалом человечности стал образ святого и отшельника, презревшего все земное и посвятившего всего себя созерцанию божественного. Образ святого затмил прежний идеал героя и патриота, который, забыв о себе, живет и готов умереть ради счастья своей страны. Земной град казался убогим и презренным тем, перед чьим взором сияло грядущее пришествие Града Божьего. Таким образом, центр тяжести, так сказать, переместился из настоящего в будущее, и, сколько бы ни приобрел от такой перемены мир будущий, нет сомнения, что нынешний мир неизмеримо больше потерял вследствие этого. Началась общая дезинтеграция государства. Связи государства и семьи ослабли, общество постепенно расслаивалось, распадалось на отдельные элементы и, таким образом, вновь впадало в варварство, ибо цивилизация существует лишь благодаря активному сотрудничеству граждан и их желанию подчинить собственные интересы общему благу. Мужчины отказывались защищать свою страну и даже продолжать род. В своем стремлении спасти свои души и души других они готовы были дать разрушиться и погибнуть всему материальному миру, ибо отождествляли его с идеей зла. Это наваждение длилось тысячу лет. Возрождение римского права, Аристотелевой философии, древнего искусства и литературы в конце средних веков обозначило возвращение Европы к коренным идеалам жизни и деятельности, к разумному, мужественному видению мира. Долгий перерыв в ходе цивилизации был окончен. Волна восточного нашествия начала наконец отступать. И все еще отступает».

Поистине отступает! Можно размышлять по поводу того, какие поправки сделал бы автор этого отрывка, впервые опубликованного в 1906 году, сегодня, если бы пересматривал свой труд для четвертого издания. Многие, разумеется, знакомы с этим отрывком. Я пока не упомянул имя его автора, но для тех, кто еще не узнал, скажу, что это вовсе не Альфред Розенберг⁸, это сэр Джеймс Фрейзер*.

Интересно, что этот уважаемый ученый сказал бы о том, в какой

* *Фрейзер Дж.*⁹ *The Golden Bough.* Часть IV «Адонис, Аттис, Осирис». Т. I. С. 300—301.

форме выражается в последнее время возвращение Европы к «исконным идеалам жизни и нравов».

Итак, вы видите, что самое интересное в этом пассаже Фрейзера — утверждение, что спасение души есть нечто противоположное и несовместимое со служением ближнему. Я попытаюсь в ходе этого эссе опровергнуть его тезис; в данный момент хочу лишь указать, что Фрейзер поддерживает тезис Гиббона и выражает это ясно и недвусмысленно; однако я дам на тезис Фрейзера тот же ответ, что уже высказал в отношении Гиббона: христианство не разрушило древнюю Греческую цивилизацию, ибо эта цивилизация надломилась вследствие врожденных дефектов еще до зарождения христианства. И тем не менее я бы согласился с Фрейзером и призвал бы вас согласиться с ним в том, что волна христианства действительно откатывается и наша постхристианская секулярная Западная цивилизация представляет собой цивилизацию того же порядка, что и дохристианская Греко-римская. Это наблюдение позволяет нам высказать принципиально иной взгляд на соотношение между христианством и цивилизацией — не тот, что разделяют Гиббон с Фрейзером, то есть что христианство разрушило цивилизацию, но прямо противоположный, где христианство оказывается в роли смиренного слуги цивилизации.

В соответствии с этой другой точкой зрения христианство фактически представляет собой зародыш, личинку и куколку, путь от бабочки к бабочке. Христианство — это некий мост через брешь между одной цивилизацией и другой, и должен признать, что я лично много лет разделял этот, прямо скажем, покровительственный, снисходительный взгляд¹⁰. Он позволяет смотреть на историческую функцию христианской Церкви как на процесс воспроизводства цивилизаций. Цивилизация есть некая особь, стремящаяся к воспроизводству, а христианство сыграло полезную, но второстепенную роль, дав жизнь двум новым секулярным цивилизациям после смерти их предшественницы. Мы наблюдаем упадок древней Греко-римской цивилизации со II века христианской эры. А затем, спустя некоторое время, обнаруживаем — в Византии еще в IX веке, а на Западе в XIII веке, в лице империи Фридриха Второго, — новую светскую цивилизацию, поднимающуюся из руин ее Греко-римской предшественницы¹¹. И когда мы прослеживаем роль христианства в этот промежуток времени, то приходим к выводу, что христианство — это нечто вроде куколки, сохраняющей законсервированные эмбрионы жизни до тех пор, пока они не почувствуют, что готовы раскрыться весенней почкой в новую светскую цивилизацию. Вот таков альтернативный взгляд на теорию христианства как разрушителя древней Греко-римской цивилизации; и, если посмотреть шире на историю цивилизаций,

можно увидеть и другие примеры, на первый взгляд подтверждающие эту модель.

Возьмем другие высшие религии, существующие сегодня бок о бок с христианством: ислам, индуизм, махаянистскую форму буддизма, преобладающую ныне на Дальнем Востоке. Мы увидим роль ислама как куколки между древней цивилизацией Израиля и Ирана и современной Исламской цивилизацией Ближнего и Среднего Востока. Индуизм также, по-видимому, заполняет брешь в истории цивилизации в Индии между современной индусской культурой и древней культурой арьев. Буддизм подобным же образом, видимо, сыграл роль посредника между историей Древнего Китая и современной историей Дальнего Востока. В этой общей картине христианская Церковь — лишь одна из целого ряда церквей, чьей функцией было служить куколкой для обеспечения воспроизводства цивилизаций и, таким образом, сохранить эту секулярную разновидность общества.

Я думаю также, что в структуре христианской Церкви существует куколкообразный элемент — зачаточный элемент, о котором я скажу позднее, который, возможно, имеет совершенно иную цель, нежели помощь в воспроизводстве цивилизаций. Но, прежде чем мы в принципе согласимся с мнением о месте и роли христианства и других живых высших религий в общественной истории, — мнением, представляющим эти религии в качестве чистого инструмента для воспроизводства цивилизаций, — продолжим проверку этой теории, попытавшись найти в каждом случае родительско-сыновних отношений между цивилизациями некую церковь-куколку, служащую как бы связующим звеном между родительской и дочерней цивилизациями. Если мы посмотрим на историю древних цивилизаций Юго-Западной Азии и Египта, то найдем там зачатки высшей религии в виде поклонения божеству и родственной ему богине¹². Я называю это зачатком, ибо поклонение Таммузу и Иштар или Адонису и Астарте¹³, Аттису и Кибеле, Осирису и Исиде очень близко к поклонению силам природы, матери-Земле и ее плодам; и я думаю, что и здесь также мы видим, что этот зародыш высшей религии в каждом отдельном случае сыграл свою историческую роль, заполнив пустоту там, где обрывалась нить светской цивилизации.

Если, однако, мы продолжим наше обозрение, мы найдем, что этот видимый «закон» действует не всегда. Христианство исполняет свою роль между нашей цивилизацией и древней Греко-римской. Но пойдем еще дальше в глубь веков, и мы найдем еще более древнюю, Минойскую цивилизацию. Но между Минойской и Греко-римской цивилизациями мы не найдем никакой высшей религии, соответствующей христианству¹⁴. Точно так же, если мы углубимся

во времени за древнюю цивилизацию арьев в Индии, мы обнаружим следы еще более древней, Доарийской цивилизации в долине Инда, найденной в ходе раскопок лишь в последние двадцать лет; но и здесь мы не увидим признаков высшей религии, служившей посредником между двумя цивилизациями¹⁵. А если перенестись из Старого в Новый Свет и взглянуть на цивилизацию майя в Северной Америке, от которой также родилась дочерняя цивилизация, мы и тут не найдем в промежуточный период ни малейших следов какой-либо высшей религии или Церкви одного рода с христианством или исламом, индуизмом или махаянистским буддизмом¹⁶; нет также никаких свидетельств существования подобной куколки, соединяющей переход от первобытных обществ к древнейшим из известных цивилизаций — то есть к тому, что мы можем назвать первым поколением цивилизаций. Итак, заключая наш краткий обзор всего пространства цивилизаций, мы можем сказать, что отношения высших религий и цивилизаций, по-видимому, различаются в зависимости от поколения рассматриваемых цивилизаций. Похоже, что мы не найдем высшей религии между первобытными обществами и цивилизациями первого поколения, а между цивилизациями первого и второго поколения — либо никакой, либо лишь только зародыш религии. И только между цивилизациями второго и третьего поколения наличие высшей религии становится, похоже, правилом.

Если в этом анализе есть зерно истины, то открывается третий возможный взгляд на отношение между цивилизациями и высшими религиями, совершенно противоположный тому, что я предложил вам только что. По той, второй, точке зрения религия подчинена задаче воспроизводства цивилизаций; третий же подход предполагает, что последовательные подъемы и спады цивилизаций могут быть вспомогательным элементом в развитии религии.

Надломы и распады цивилизаций могут оказаться ступеньками к высшему развитию в религиозной сфере. В конце концов, один из фундаментальнейших духовных законов, которые мы знаем, выражен Эсхилом в словах «познание приходит через страдание»¹⁷, а в Новом Завете — словами «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает»¹⁸. Если применить эти слова к развитию высших религий, достигшему кульминации с расцветом христианства, то можно сказать, что мифические страсти Таммуза и Адониса или Аттиса и Осириса явились предвестниками Страстей Христовых и что Страсти Господни суть кульминация и венец страданий человеческой души в цепи последовательных неудач в ходе развития светской цивилизации. Сама христианская Церковь родилась из духовных мук, явившихся последствием краха Греко-римской цивилизации. И конечно, христианская Церковь имеет

корни и в иудаизме, и в зороастризме, а сами эти корни берут начало из времен краха Сирийской цивилизации, сестринской по отношению к Греко-римской.

Израильское и Иудейское царства были лишь двумя из многих государств этого древнего Сирийского мира; преждевременное и окончательное разрушение этих секулярных сообществ и исчезновение всяческих надежд на продолжение их существования в качестве независимых государств вызвало к жизни иудаизм как религию, высшее выражение духа которой содержится в Плаче Скорбного Слуги, помещенном в Библии сразу за книгой пророка Исаяи¹⁹. У иудаизма в свою очередь тоже есть корень Моисеев, вышедший из иссохших остатков второго поколения древней Египетской цивилизации²⁰. Я не знаю, были ли Моисей и Авраам историческими личностями, но, я думаю, можно смело утверждать, что они представляют исторические этапы религиозного опыта, и предок и предшественник Моисея Авраам услышал явленное ему откровение и пророчество где-то в XIX или XVIII веке до Рождества Христова, во времена древней цивилизации Шумера и Аккада²¹ — самого раннего из известных нам примеров цивилизации, идущей к упадку. Эти люди скорби были предтечей Христа, и страдания, через которые они пришли к своему откровению, были остановками на Крестном пути в преддверии Распятия. Разумеется, это очень старая мысль, но в то же время и вечно новая.

Если религию уподобить колеснице, то можно сказать, что колеса, на которых она взбирается на Небеса, — это, вероятно, крушения цивилизаций на планете Земля. Похоже, что движение цивилизаций имеет циклический и периодический характер, в то время как движение религии выглядит как одна непрерывная восходящая линия. Возможно, что циклическое движение цивилизаций служит и помогает непрерывному восходящему движению религии через повторяющийся цикл рождение — смерть — рождение.

Если мы согласимся с таким выводом, он откроет нам довольно неожиданный взгляд на историю. Если цивилизации являются служанками религии и если Греко-римская цивилизация сослужила хорошую службу христианству, дав ему жизнь перед тем, как развалиться окончательно самой, тогда цивилизации третьего поколения могут показаться напрасным повторением язычества. И если вместо исторической функции высших религий — способствовать в качестве куколки циклическому процессу воспроизводства цивилизаций — исторической функцией цивилизаций, напротив, является служить, разрушаясь, ступеньками для поступательного процесса все более глубокого религиозного прозрения, тогда общества того типа, который мы называем цивилизацией, должны завершить выполнение своей функции, дав жизнь зрелой высшей религии; и

в этом случае наша собственная Западная постхристианская секулярная цивилизация была бы в лучшем случае излишним, а в худшем — пагубным отступничеством с пути духовного прогресса. В нашем сегодняшнем Западном мире поклонение Левиафану²² — племенное самопоклонение — это религия, которой мы все в той или иной мере отдаем дань; эта племенная религия является, конечно, чистым идолопоклонством. Коммунизм же, еще одна из религий нашего времени, — это, думаю, лист из книги христианства, лист, вырванный и неверно истолкованный. Демократия — еще один лист из книги христианства, который, мне кажется, если и не истолкован неверно, то, будучи вырван из контекста и секуляризован, во всяком случае, наполовину лишился смысла; и вот теперь очевидно, что в течение нескольких поколений мы живем за счет духовного капитала, то есть придерживаемся христианских обрядов, не обладая христианской верой, а обряды, не поддерживаемые верой, — занятие опустошающее, что мы внезапно и с тревогой осознали лишь в наше время.

Если эта самокритика справедлива, то мы должны целиком пересмотреть наше нынешнее видение современной истории; и если мы сможем усилием воли и воображения отогнать от себя знакомое, укоренившееся представление, то увидим совершенно иную картину исторического прошлого. Наш сегодняшний взгляд на современную историю фокусирует внимание на развитии современной Западной секулярной цивилизации как на великом и новейшем явлении в мире. Когда мы наблюдаем за ее развитием, от первого предчувствия этого развития гением Фридриха II Гогеншауфена, через Возрождение, до вспышки демократии и науки, а также современной научной технологии, мы воспринимаем этот бурный процесс как великое новое явление в мире, привлекающее наше внимание и вызывающее восхищение. Если же попытаться посмотреть на это как на одно из напрасных повторений язычества — почти бессмысленное повторение того, что греки и римляне делали до нас, и делали великолепно, — то мы увидим, что величайшим новым явлением в истории человечества стало как раз совсем иное явление. На самом деле величайшим новым явлением следует считать не монотонное возвышение в течение нескольких последних веков еще одной светской цивилизации из лона христианской Церкви, а по-прежнему — Распятие Христа и духовные последствия этого. Среди множества современных научных открытий есть один любопытный момент, который, на мой взгляд, часто остается незамеченным. На сильно изменившейся временной шкале, которую открыли нам астрономы и геологи, начало христианской эры оказывается исключительно близкой датой: на шкале времени, где двенадцать столетий не более чем мгновение, начало христианской

эры — это всего лишь «вчера». На прежней, старой временной шкале, где сотворение мира и начало жизни на Земле относились не более чем на шесть тысяч лет назад, период в девятнадцать веков кажется длинным, и начало христианской эры, таким образом, выглядит событием далекого прошлого. На самом же деле это — совсем недавнее событие, вероятно, самое недавнее из значительных событий истории; все это подводит нас к рассмотрению перспектив христианства в будущей истории человечества на Земле.

В соответствии с третьим взглядом на историю религии и цивилизации историческая миссия христианской Церкви заключалась не просто в том, чтобы служить куколкой между Греко-римской цивилизацией и ее дочерними потомками в Византии и на Западе; и если предположить, что эти две цивилизации, наследовавшие древнюю Греко-римскую цивилизацию, оказались не более чем бледным повторением их родительницы, то нет причин считать, что само христианство будет вытеснено какой-либо отдаленной, самостоятельной, отличной от него высшей религией, которая послужит куколкой между гибелью нынешней Западной цивилизации и ее потомками. Исходя из теории, что религия имеет подчиненное положение по отношению к цивилизации, следует ожидать рождения новой высшей религии в каждом отдельном случае, с тем чтобы заполнить брешь, образующуюся между одной цивилизацией и другой, следующей за ней. Если же истина в противоположном — если цивилизация есть средство, а религия — результат, тогда опять же цивилизация может погибнуть и воскресать, однако это не вызовет в качестве обязательного следствия смены одной высшей религии на другую. Напротив, если погибнет наша секулярная Западная цивилизация, можно ожидать, что христианство не только устоит, но и прирастет мудростью и достоинством в результате свежего опыта мирской катастрофы.

Существует одна не имеющая прецедентов черта нашей постхристианской секулярной цивилизации, которая, несмотря на свое поверхностное свойство, имеет некоторое значение в этой связи. В ходе своей экспансии современная Западная секулярная цивилизация превратилась в буквальном смысле слова во всемирную, охватив своей сетью все остальные живущие цивилизации и все примитивные общества. При первом появлении христианства Греко-римская цивилизация обеспечила его универсальным государством в виде Римской империи с ее охраняемыми дорогами и корабельными маршрутами, что помогло распространению христианства вдоль берегов Средиземноморья. Современная Западная цивилизация в свою очередь может исполнить свою задачу, предоставив христианству для распространения общемировой дубликат Римской империи. Мы, конечно, еще не совсем достигли уровня Римской

империи, однако победитель в последней войне может оказаться основателем подобной империи. Однако задолго до того, как мир будет объединен политически, он объединится в экономическом да и во всех других отношениях, связанных с материальной сферой; а унификация нашего нынешнего мира уже давно открыла для св. Павла, проделавшего однажды путь от Оронта до Тибра²³ под эгидой Рах Романа, возможность двигаться от Тибра до Миссисипи и от Миссисипи до Янцзы. В то же время по примеру трудов Климента и Оригена, вкраплявших элементы греческой философии в христианское учение в Александрии, возможно, где-нибудь на Дальнем Востоке кто-то возьмется вносить в христианство элементы китайской философии. Собственно, этот интеллектуальный подвиг уже частично совершен. Один из выдающихся современных миссионеров и ученых, Маттео Риччи²⁴, который одновременно был монахом-иезуитом и китайским ученым, приложил руку к решению этой задачи еще в конце XVI века христианской эры. И вполне возможно, что, как во времена Римской империи, когда христианство черпало из восточных религий или наследовало от них самую суть всего лучшего, что в них было, так и сегодня нынешние религии Индии и та форма буддизма, что распространена на Дальнем Востоке, могут внести новые элементы в христианство, которые привьются в будущем. А затем можно заглянуть вперед и представить, что случится, когда империя Цезаря угаснет — ибо империя самодержца всегда приходит в упадок спустя несколько сотен лет. И может случиться то, что христианство останется духовным наследником всех остальных высших религий, от первых постшумерских элементов ее, заметных в поклонении Таммузу и Иштар, и до тех, что в 1948 году н. э. благополучно живут каждая своей отдельной жизнью бок о бок с христианской, а также всех философий от Эхнатона до Гегеля²⁵; при этом христианская Церковь как учреждение может остаться социальной наследницей всех остальных церквей и всех цивилизаций.

Эта сторона картины подводит нас к другому вопросу, также всегда древнему и всегда новому: вопросу об отношении христианской Церкви и Царства Небесного. Мы наблюдаем целую серию социумов различного типа, сменяющих друг друга в этом мире. Как первобытный тип социума уступил место другому его типу, известному под названием «цивилизация», в течение краткого периода в шесть тысяч лет, так и этот второй тип локальных и недолговечных обществ может, видимо, уступить место в свою очередь третьему виду, воплощенному в едином всемирном и устойчивом представителе — христианской Церкви. Если мы можем надеяться на это, мы должны задать себе вопрос: предположим, что это случилось, означает ли это, что Царство Небесное воцарится на Земле?

Я думаю, что вопрос весьма уместен в наши дни, ибо цель большинства современных светских идеологий — построение того или иного вида земного рая. На мой взгляд, ответом на заданный вопрос будет твердое «нет». И тому есть несколько причин, которые я постараюсь изложить как можно яснее.

Одна из самых очевидных и хорошо известных причин лежит в природе общества и природе человека. В конце концов, общество — это лишь общее пространство для деятельности определенного числа личностей, а человеческая личность, во всяком случае, насколько нам известно на сегодня, имеет врожденную способность как к добру, так и к злу. И если эти два положения верны (в чем лично я уверен), и если только природа человека сама по себе не претерпит мутационных изменений, круто меняющих ее характер, то в любом обществе, существующем на нашей планете, потенциал добра и зла будет приходить в мир заново с каждым ребенком и, пока жив человек, зло не сможет быть полностью искоренено никогда. Это, собственно, означает, что замена множества цивилизаций единой универсальной Церковью не очистит человеческую натуру от первородного греха; а это в свою очередь ведет нас к следующему соображению: до тех пор пока первородный грех останется частью человеческой природы, Цезарь всегда найдет себе дело и всегда будет воздаваться кесарю кесарево, как и Богу Богово в этом мире. Человеческому обществу на Земле не удастся полностью избавиться от институтов, которые действуют не в силу индивидуального активного желания человека, но частично по привычке, а частично по принуждению. Эти несовершенные институты находятся под патронатом светской власти, которая, может быть, и подчиняется религиозной власти, однако не может быть ликвидирована. Даже в том случае, если верховная власть не просто подчинится Церкви, но будет полностью ею устранена, какие-то функции ее перейдут к структуре, ее заменившей, ибо элемент институционализма до сих пор доминировал и в жизни самой Церкви в ее традиционной и исторически привычной для нас католической форме.

В католической Церкви я различаю два фундаментальных института — Божественную Литургию и Иерархию, связанные между собой неразсторжимо тем фактом, что священник, по определению, наделен властью и правом отправлять религиозный обряд²⁶. Если о богослужении дозволительно, не кощунствуя, говорить языком историка или антрополога, то Литургию можно определить как более зрелую форму древнейшего религиозного ритуала, элементы которого прослеживаются еще в поклонении самых первых земледельцев плодородию Земли и ее плодам. (Я просто хочу сказать о мирском происхождении обряда.) Что же касается церковной Иерархии в ее традиционной форме, то она, как известно, моделируется

по образцу не столь уж давнего и не столь благостного (однако оттого не менее могущественного) института — государственной службы Римской империи. Церковь, таким образом, в ее традиционной форме выступает, вооруженная копьем Литургии, щитом Иерархии и шлемом папства; и возможно, что скрытой целью — или, если угодно, божественным замыслом, — с какой Церковь обрядилась в эти тяжелые институциональные доспехи, была цель вполне практическая — пережить самые стойкие светские институты всех цивилизаций в этом мире. Обозревая все известные нам институты прошлого и настоящего, думаю, можно сказать, что институты, созданные христианством или заимствованные им и приспособленные к собственным задачам, оказались самыми крепкими и устойчивыми из всех, и поэтому вполне вероятно, что они выживут и переживут все остальные. История протестантской Церкви как будто бы говорит, что акт расставания с доспехами, свершенный четыре столетия назад, был преждевременным, однако это не означает, что шаг этот всегда будет считаться ошибкой; и как бы то ни было, институциональный элемент в традиционной католической форме воинствующей Церкви²⁷ на Земле, даже если он окажется незамеченным и обязательным условием выживания, все-таки останется той самой мирской чертой, которая отличает жизнь в лоне воинствующей Церкви на Земле от жизни в Царстве Небесном, где в воскресении не женятся и не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на Небесах²⁸, и где каждая отдельная душа улавливает дух Божий из непосредственного обращения к Нему — «как свет от вспышки пламени», как писал Платон в своем Седьмом Письме²⁹. Итак, даже если бы Церковь завоевала поистине всемирную преданность людей и унаследовала все от последней из цивилизаций и от всех остальных высших религий, земная Церковь никогда бы не стала идеальным воплощением Царства Небесного здесь, на Земле. Земной церкви пришлось бы бороться с грехом и унынием и в то же время извлекать из этого пользу, отпуская грехи, и еще долго ей пришлось бы носить доспехи церковных институтов, чтобы обеспечить максимальную крепость, цельность общества, необходимую в земной борьбе за выживание, но добываемую неизбежно ценой ее духовного принижения. По всем этим показателям победившая воинствующая Церковь на Земле будет провинцией Царства Небесного, однако в этой провинции гражданам райского содружества придется жить, дышать и трудиться в атмосфере, для них неродной.

Положение, в котором оказалась бы Церковь в этом случае, прекрасно описано Платоном в «Федоне» на примере вымышленного земного мира. Как считает Платон, мы живем в огромной, но узкой впадине и то, что мы принимаем за воздух, есть на самом

деле осевший туман. Если в один прекрасный день мы сумеем взойти на вершину и вдохнем чистый эфир, увидим солнце и звезды, то лишь тогда мы поймем, каким мутным и тусклым был наш мир там, в низине, где в небесные дали мы смотрели сквозь туман, которым и дышали, как рыбы сквозь толщу воды³⁰. Платонов образ — прекрасная метафора жизни воинствующей Церкви на Земле; но лучше всего истинную картину выразил Блаженный Августин: «О Каине говорят, что он основал государство, а Авель — как истинный странник и праведник — не сделал ничего подобного. Ибо Собор Святых не от мира сего, хотя и даст жизнь людям здесь, на Земле, в лице которых и совершает свое странствие до тех пор, когда придет его царствие — время, когда он соберет их всех вместе»*.

Это подводит меня к последнему из вопросов, которые я хочу затронуть здесь, вопросу об отношении христианства и прогресса.

Если верно, как я считаю, что земная Церковь никогда не будет идеальным воплощением Царства Небесного, то какой смысл можно было бы вложить в слова молитвы: «Да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе»? Правы ли мы, в конце концов, делая вывод, что история религии на земле — в отличие от циклического развития цивилизаций с их взлетами и падениями — это движение только по восходящей?

Есть ли у нас основания думать, что это развитие будет продолжаться бесконечно? Даже если вид общества, называемый цивилизацией, уступит место исторически более молодому и, вероятно, более духовно возвышенному виду, предъявленному единым всемирным устойчивым представителем этого вида в форме христианской Церкви, не может ли случиться так, что придет время, когда состязание между христианством и первородным грехом превратится в устойчивое равновесие духовных сил?

Позвольте мне привести ряд соображений в ответ на эти вопросы.

Во-первых, религиозный прогресс означает прогресс духовный, а дух означает личность. Таким образом, религиозный прогресс должен совершаться в духовной жизни людей — он должен проявляться в повышении их духовного уровня и достижении высшей духовной активности.

Теперь, если мы приняли положение, что духовный прогресс есть индивидуальный прогресс, означает ли это, что мы в конце концов соглашаемся с тезисом Фрейзера о том, что высшие религии по сути своей неизбежно антиобщественны? Если человеческие стремления и энергию, направленную на создание ценностей в рамках цивилизации, перенести на создание тех ценностей, что

* *Блаженный Августин. О Граде Божию. Кн. XV, гл. 1.*

являются целью высших религий, будет ли это означать, что ценности цивилизации непременно пострадают? Являются ли духовные и общественные ценности прямо противоположными и враждебными друг другу величинами? Верно ли то, что ткань цивилизации пострадает, если спасение отдельной души станет высшей целью жизни?

Фрейзер отвечает на эти вопросы утвердительно. Если бы его ответ был действительно верен, это означало бы, что человеческая жизнь — трагедия, но без катарсиса³¹. Лично я полагаю, что ответ Фрейзера ошибочен, ибо он основывается на фундаментально неверном представлении о природе души и личности. Личность постигаема не иначе как проводник духовной энергии, а единственным постигаемым пределом духовной энергии является отношение между одной духовной сущностью и другой. Именно в силу того, что дух предполагает духовные отношения, христианская теология дополнила иудейскую идею о единстве Бога собственным христианским учением о Троице. Учение о Троице есть теологический способ выразить откровение, что Бог есть Дух; учение об Искуплении есть теологический способ выразить откровение, что Бог есть Любовь. Если человек был создан по образу и подобию Бога и если истинная цель человека — сделать это подобие все более и более точным, то высказывание Аристотеля: «Человек есть общественное животное» — применимо к высшему потенциалу и стремлению человека — стремлению вступить в возможно близкое единение с Богом. Поиски Бога суть сам по себе общественный акт. И если любовь Господня проявилась в этом мире посредством искупления грехов человечества Иисусом Христом, то усилия человека стать ближе к Богу должны включать в себя и попытки следовать примеру Христа, жертвуя собой во искупление грехов своих ближних. Искать и следовать Богу путем Господним есть единственно верный путь к спасению души человеческой на этой Земле. Таким образом, совершенно ошибочна антитеза между попытками спасти собственную душу через поиски Бога и следование Ему и попытками исполнить свой долг по отношению к ближнему. Эти два вида деятельности абсолютно нерасторжимы. Человек, который истинно стремится к спасению собственной души, — такое же общественное существо, как житель спартанского «муравейника»³² или подобный рабочей пчеле коммунист. С той лишь разницей, что христианин — член совсем другого общества, нежели спартанское или левиафанское. Он гражданин Царства Божьего, и поэтому его главная цель — достичь наивысшей степени единения с Богом и подобия Ему; его отношения с ближними — результат, непосредственное следствие его отношений с Богом; его способ полюбить ближнего, как самого себя, состоит в том, чтобы помочь ближнему

достичь того, к чему стремится он сам, то есть приблизиться к Богу и стать подобным Ему.

Если такова осознанная цель человека для себя и для своего ближнего в лоне христианской воинствующей Церкви на Земле, то совершенно очевидно, что по христианскому завету Божья воля воплотится на Земле, как и на Небесах, в неизмеримо более высокой степени, нежели это возможно в любом земном секулярном обществе. Очевидно также, что в лоне воинствующей Церкви на Земле добрые социальные задачи земных обществ будут решаться с гораздо большим успехом, чем это может сделать мирское общество. Иными словами, духовный прогресс отдельной личности в этом мире несет с собой гораздо более существенный социальный прогресс, нежели какой-либо другой способ достижения этой цели. Парадоксальный, но глубоко истинный и важный жизненный принцип: самый верный способ достичь цели — это стремиться не к самой этой цели, а к чему-то более высокому и едва ли разрешимому в ее рамках. В этом состоит смысл притчи о выборе Соломона в Ветхом Завете и фразы в Новом Завете об утрате жизни и спасении ее³³.

Таким образом, несмотря на то что замена мирских цивилизаций устойчивым вселенским правлением воинствующей Церкви на Земле, без сомнения, почти чудесным образом улучшила бы социальные условия, чего секулярные цивилизации, собственно, и добивались последние шесть тысяч лет, тем не менее цели и критерии прогресса по истинным христианским заповедям на Земле лежали бы вне поля мирской социальной жизни, но в сфере духовной жизни индивидуальной личности на ее пути через земную жизнь от рождения в этот мир до ухода из него.

Но если духовный прогресс в измерениях этого мира означает прогресс, достигаемый индивидуальной человеческой душой во время ее прохождения через земную жизнь в иной мир, то каким же может быть духовный прогресс в масштабе, превышающем человеческую жизнь на Земле, в течение тысячелетий, как, скажем, историческое развитие высших религий от поклонения Таммузу и от Авраама до христианской эры?

Я уже признавался в своей приверженности традиционному христианскому суждению, что нет оснований ожидать какого-либо изменения человеческой природы, пока человечество живет на Земле. До тех пор пока эта планета будет физически обитаема, следует ожидать, что склонность человека к первородному греху будет примерно равна его природной добродетели, как это и было, насколько нам известно, всегда. Самые примитивные общества, известные нам непосредственно или по косвенным свидетельствам, дают примеры не меньшей добродетели и не меньших пороков, чем самые развитые цивилизации или высшие религии, когда-либо существовавшие.

В прошлом не произошло сколько-нибудь заметных изменений в обычной, нормальной человеческой природе; по свидетельствам, предоставленным нам Историей, нет никаких оснований надеяться на какие-либо существенные изменения — к лучшему или к худшему — и в будущем.

Сфера, в которой мог бы произойти определенный духовный прогресс в течение многих поколений жизни на Земле, — это не грешная природа человека, но возможности — открывающиеся душе путем познания, приобретенного через страдание, — достичь более тесного единения с Богом и более близкого подобия Ему.

То, что завещал Церкви Христос вместе с пророками, предшествовавшими Ему, и святыми, проповедовавшими после Него, и что сама Церковь, организованная в необычайно действенный институт, сумеет аккумулировать, сохранить и передать последующим поколениям христиан, — это неисчерпаемый запас просвещения и благодати (понимая под словом «просвещение» откровение или озарение об истинной природе Бога и истинном предназначении человека здесь и в мире ином, а под «благодатью» — вдохновение или наитие в стремлении обрести близость и единение с Богом и уподобиться Ему). Именно в этом русле — развитии духовных возможностей, возвышении души на ее жизненном пути на Земле — определенно существует неисчерпаемый источник прогресса.

Являются ли духовные возможности, открытые христианством или любой другой из высших религий, предшественниц христианства, частично предвосхитивших его дар просвещения и благодати для человека на Земле, неизбежным условием для спасения души, если понимать под «спасением» духовное воздействие на душу ее поисков Бога и обретение Его на ее земном пути?

Если да, то бесчисленные поколения людей, у которых не было возможности снискать просвещение и благодать, даваемые христианством и другими религиями, рождались бы и умирали без всяких шансов на спасение души, что является истинным предназначением человека и целью жизни на этой Земле. Мы могли бы допустить такую мысль, хотя это и отвратительно, если бы мы считали, что истинная цель жизни на Земле есть не подготовка души к иной жизни, но создание наилучшего из возможных в этом мире человеческого общества, что по христианскому верованию есть вовсе не истинная цель, а побочный продукт на пути к достижению истинной цели. Если прогресс понимается как социальное развитие Левиафана, а не духовное возрастание индивидуальной души, то, видимо, резонно будет предположить, что для славы и корысти общества бесчисленные прошлые поколения людей были обречены жить в худших социальных условиях, с тем чтобы обеспечить своим потомкам более высокий уровень социальной жизни. Это было бы

приемлемо, если согласиться с гипотезой, что индивидуальная человеческая душа существует ради общества, а не ради себя самой или Господа. Однако эта точка зрения не только отвратительна, но и неприемлема, если мы имеем дело с религией, которая говорит, что высшей ценностью и целью в этом мире является стремление индивидуальной души к Богу, а не прогресс общества. Мы не можем согласиться с тем, что тот исторически неоспоримый факт, что просвещение и благодать снисходят на человечество постепенно, охватывая его частями, причем начиная с недавнего времени в истории человеческого рода на Земле, неопровержимо доказывает, что огромное большинство человеческих душ, рожденных в этом мире ранее и не имевших этих духовных возможностей, навсегда духовно утрачены. Мы должны верить, что даваемая Богом возможность познания через страдание всегда предоставляла достаточный шанс на спасение любой душе, если та искала и находила путь воспользоваться этой возможностью, как бы ни мала была эта возможность.

Однако если бы людям не нужно было ждать пришествия высших религий, достигающих апогея в христианстве, для того чтобы в земной жизни подготовить себя к последующему вечному блаженству в мире ином, то какой бы смысл вообще имело пришествие высших религий и самого христианства? Разница, я должен сказать, в том, что под влиянием христианских заповедей душа, наилучшим образом использовавшая все возможности к спасению, значительно дальше продвинется по пути к единению с Богом еще в земной жизни, чем это возможно для души, не просвещенной религией. Душа язычника имеет те же шансы на спасение, что и душа христианина, но душа, открытая просвещению и благодати, которые несет с собой христианство, будет еще в этом мире озарена светом мира иного. И свет этот озаряет ее в большей степени, нежели душу язычника, нашедшую спасение в узких рамках своего собственного мира.

Таким образом, историческое развитие религии в этом мире, начиная с возникновения высших религий с их высшей ступенью — христианством, может принести, и почти наверняка принесет, неизмеримо лучшие условия социальной жизни человека здесь, на Земле; но непосредственное влияние христианства, его сознательная цель и истинный критерий есть та возможность, которую оно дает индивидуальной душе для духовного прогресса в ее земном пути. Именно об этом индивидуальном духовном развитии в этом мире мы молимся, когда произносим «да будет воля Твоя и на Земле, как на Небе». Именно о спасении души, открытом всякому человеку доброй воли — язычнику так же, как и христианину, первобытному, как и цивилизованному, — человеку, который использует каждую возможность, сколь бы мала она ни была, молимся мы, когда произносим «да придет Царствие Твое».

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДУШИ

THEOLOGIA HISTORICI

Вопросы, затронутые в этом очерке, веками вызывали живейшие дебаты между теологами и философами. Поднимая их вновь, автор рискует впасть в заблуждение, которое его читателям может показаться элементарным. Разумеется, он вступает на хорошо известную протоптанную дорожку. Тем не менее он отважился на это в надежде, что теологам может быть интересно, как эти старые теологические проблемы выглядят с точки зрения историка. В любом случае теологи могут позабавиться, наблюдая за тем, как неосмотрительный историк барахтается в хорошо знакомой им, скрупулезно исследованной теологической трясине.

Начнем наше исследование с того, что последовательно рассмотрим две точки зрения, лежащие на двух противоположных краях историко-теологической палитры, каждая из которых, если считать их приемлемыми, могла бы объяснить значение истории для души достаточно простым языком. По мнению автора (могу заявить об этом заранее), обе эти точки зрения несостоятельны, хотя в каждой есть элемент истины, который теряет силу, будучи доведен до крайности.

ЧИСТО ПРИЗЕМЛЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Первая из этих крайних точек зрения сводится к тому, что для души весь смысл существования заключается в истории.

С этой точки зрения индивидуум есть не что иное, как только часть общества, членом которого он является. Индивидуум существует для общества, а не общество для индивидуума. Таким образом, наиболее значительный и важный момент в жизни человека — это не духовное развитие души, но социальное развитие общества. По мнению автора, этот тезис ошибочен, и, когда его берут за основу и превращают в жизнь, он приводит к нравственному падению.

Утверждение, что индивид есть лишь часть общественного целого, может быть истинным в отношении общественных насекомых — пчел, муравьев, термитов, но не в отношении представителей человеческого рода, к какому бы из известных нам обществ они ни принадлежали. Антропологическая школа начала XX века, в которой видное место занимал Дюркгейм¹, дала портрет первобытного человека, рисуя его как некую особь, отличную в умственном и духовном

отношении от нас, существ якобы разумных. Черпая свои доводы из описания существующих примитивных сообществ, эта школа представила первобытного человека как существо, ведомое не собственным разумным интеллектом, но коллективными эмоциями человеческого стада. Это резкое разделение на «нецивилизованную» и «цивилизованную» человеческую породу следует, однако, радикально пересмотреть и смягчить в свете поучительных психологических открытий, сделанных после Дюркгейма. Психологические исследования показали, что так называемый дикарь отнюдь не обладает монополией на сугубо эмоциональную жизнь, ведомую коллективным бессознательным². Хотя впервые это действительно открылось в отношении первобытного человека путем антропологических изысканий, психологические исследования ясно показали, что и в наших, сравнительно развитых душах коллективное подсознательное также лежит под сломом сознания, которое плавает на его поверхности, подобно утлону суденышку на бездонной и бескрайней поверхности океана. Какова бы ни была конституция человеческой психики, мы можем быть более или менее уверены, что она, по существу, одинакова и у индивидов вроде нас, взбирающихся с нижнего примитивного уровня человеческой жизни на борт цивилизации, и у бывших некогда первобытными сообществ, вроде папуасов в Новой Гвинее или негритосов в Центральной Африке, испытывавших в последние несколько тысяч лет влияние излучения тех обществ, которые принадлежали к цивилизациям того времени. Психическая структура всех существующих человеческих индивидов во всех существующих типах обществ по сути своей идентична, и у нас нет оснований считать, что она была другой у более ранних представителей вида «*sapiens*» рода «*Homo*»³, о которых мы судим не по опыту общения антрополога с живущими людьми, но по свидетельствам археологов и физиологов, расшифровывающих древние остатки и останки. Насколько мы знаем *Homo sapiens*'а, как в самом примитивном его состоянии, так и в наименее примитивном из существующих, мы можем заключить, что человеческий индивидуум обладает некоей сознательной личностью, которая поднимает его душу над хлябями коллективного подсознательного, а это означает, что каждая отдельная душа действительно имеет собственную жизнь, отличную от жизни общества. Мы можем также сделать вывод, что индивидуальность есть жемчужина огромной нравственной ценности, наблюдая, сколь глубоко моральное падение общества, когда эту жемчужину втоптывают в грязь.

Падение это особенно заметно в крайних примерах, таких, как спартанский образ жизни в классическом греческом обществе, рабский распорядок дворцовой жизни османского Султана в ранней фазе современного Исламского мира, тоталитарные режимы, силой навязанные ряду западных или частично вестернизированных стран нашего

времени. Но когда мы на этих крайних примерах начинаем постигать природу этого морального падения, очень поучительно наблюдать оттенки спартанства в патриотизме заурядного классического греческого города-государства или примесь тоталитаризма в нашем привычном западном национализме. В понятиях религиозных такое отношение к индивидууму как к простой частичке общества есть отрицание личного отношения души к Богу, замена поклонения Богу поклонением человеческому сообществу — Левиафану. Бальдур фон Ширах⁴, лидер германской национал-социалистической молодежи, однажды заявил, что его задача — «воздвигнуть в каждом германском сердце алтарь Германии». Грешно поклоняться рукотворному институту, преходящему, несовершенному и крайне порочному в своей деятельности, и стоит вспомнить здесь, что даже весьма благородная — вероятно самая благородная из всех возможных — форма поклонения Левиафану была непреклонно отвергнута ранним христианством. Если какое-то общество и было когда-либо достойно поклонения, это могло быть универсальное государство вроде Римской империи, принесшее благословение мира и единения на земли, истерзанные долгими войнами и революциями. И тем не менее первые христиане предпочли бросить вызов непобедимой мощи римского имперского правительства, чем скомпрометировать себя поклонением Левиафану, что настойчиво навязывалось им как всего лишь благожелательная формальность.

Поклонение Левиафану — это нравственное преступление, даже в его самой мягкой и самой благородной форме; правда, есть некий элемент истины в том ошибочном утверждении, что общество — это высшая цель человека и что индивид лишь средство ее достижения. Этот элемент истины состоит в том, что человек — существо общественное. Он не может использовать возможности, заложенные в его природе, иначе как вступая во взаимоотношения с другими духовными индивидами. Христианин сказал бы, что самое важное из взаимоотношений — это связь души с Богом, но душе необходимо также общение с другими ей подобными, тоже являющимися детьми Божьими.

ЧИСТО ПОТУСТОРОННИЙ ВЗГЛЯД

Теперь мы сделаем большой прыжок на другой полюс и рассмотрим прямо противоположный взгляд, который гласит, что для души единственный смысл ее существования лежит вне пределов истории.

В соответствии с такой точкой зрения этот мир совершенно бессмыслен и порочен. Задача души здесь — выдержать существование

в этом мире, отстранившись от него, и затем покинуть его. Таковы взгляды буддистов (каковы бы ни были личные убеждения самого Будды), стоиков и эпикурейской школы философии. Учение Платона тоже несет в себе сильный оттенок этого убеждения. Исторически христианству также приписывался этот взгляд (по мнению автора — ошибочно).

В соответствии с крайними буддийскими воззрениями душа сама по себе является неотъемлемой частью чувственного мира, так что для того, чтобы оторваться от этого мира, душе необходимо уничтожить себя. Во всяком случае, ей придется уничтожить те свои элементы, которые для христианина являются важнейшими составляющими ее существования: прежде всего чувство любви и чувство сострадания. Это совершенно отчетливо прослеживается в хинаянистской форме буддизма, но присутствует и в махаяне, даже при том, что приверженцы махаянистской школы неохотно рассуждают о высшем смысле собственных теорий. В махаяне Бодхисатва из любви и сострадания к своим чувственным ближним может целую вечность откладывать собственный уход в нирвану только затем, чтобы помочь ближним последовать по пути, который он нашел для себя. И все-таки этот путь, в конце концов, путь ортодоксальный, ведущий к спасению только через самоуничтожение, и жертва Бодхисатвы, как бы велика ни была она, все же не бесконечна. И сколько бы он ни откладывал, ему придется сделать этот последний шаг в нирвану, ибо он стоит на пороге ее, и в этот последний миг он уничтожит вместе с собой и ту любовь, и то сострадание, которые завоевали ему ответную любовь и благодарность человечества.

Стоика можно было бы охарактеризовать (вероятно, несколько недоброжелательно) как притворного буддиста, которому не хватает смелости до конца соответствовать своим убеждениям. Что же касается эпикурейца, то он рассматривает этот мир как случайный, бессмысленный и порочный продукт механического взаимодействия атомов, и, поскольку вероятная продолжительность существования конкретного преходящего мира, в котором он оказался, слишком велика по сравнению с возможной продолжительностью человеческой жизни, ему ничего не остается делать, как ожидать собственной кончины или ускорить ее по собственному усмотрению.

Христианин, относящийся к крайней, «потусторонней» школе, верит, конечно, что Бог существует и создал этот мир с определенной целью, но, по его мнению, с целью отрицательной — подготовки души, через страдание, к жизни в ином мире, с которым у здешнего мира нет ничего общего.

Такой взгляд — что смысл существования души лежит целиком за пределами истории, — по мнению автора, представляет трудности,

которые даже в смягченной христианской версии преодолеть невозможно с христианской точки зрения.

Во-первых, этот взгляд несовместим, бесспорно, с четким понятием христианина о природе Бога: с понятием, что Бог любит свои творения и, следовательно, любит этот мир, в котором Он воплотился ради того, чтобы принести спасение человеческим душам в течение их земной жизни. Довольно трудно представить себе любящего Бога, создающего этот или любой другой мир существ, наделенных чувствами, не ради него самого, но лишь как средство для достижения некоей цели в другом мире, для счастливых обитателей которого здешний мир просто ничейная земля за оградой. Еще труднее представить Его сознательно наделяющим грехом и страданием эту забытую, ничейную землю, собственноручно созданную с холодной головой полевого командира, который готовит полигон для учений, начиная его боевыми минами, неразорвавшимися снарядами и гранатами, поливая ядовитым газом, чтобы научить солдат справляться с этими адскими машинами страшной ценой жизни и смерти.

Более того, независимо от Божественной воли мы с уверенностью можем сказать, что душа не должна рассматривать отношения с другими душами в этом мире как нечто несущественное и ей безразличное, как только средство к собственному спасению, то есть вместо того чтобы учиться в этом мире христианским добродетелям в ожидании мира иного, пестование столь одиозной бесчеловечности в отношении своих ближних было бы, напротив, воспитанием черствости в сердце вопреки всем побуждениям христианской любви. Иными словами, с христианской точки зрения это был бы наихудший из возможных способов воспитания души.

Наконец, если мы считаем, что всякая душа есть абсолютная ценность для Бога, мы должны признать, что и друг для друга души также должны представлять абсолютную ценность, где бы и когда бы они ни встретились, — абсолютную ценность в этом мире в ожидании мира будущего.

Таким образом, взгляд, согласно которому смысл существования души лежит вне пределов истории, оказывается столь же отталкивающим, сколь и противоположный взгляд, изложенный нами выше. Однако можно нащупать элемент истины в основе заблуждения. Хотя и неверно, что общественная жизнь человека и человеческие отношения в этом мире суть лишь средства достижения некоей духовной цели, в основе лежит истина, что в этом мире мы действительно познаём любовь через страдание; что жизнь в этом мире сама по себе еще не конец, что она лишь фрагмент (хотя и подлинный) какого-то большого целого; что, наконец, это большое целое является центральной и основной, хотя и не единственной, сверхзадачей души на ее пути к Богу.

ТРЕТИЙ ВЗГЛЯД: МИР КАК ПРОВИНЦИЯ ЦАРСТВА БОЖЬЕГО

Итак, мы отвергли два подхода, каждый из которых дает свой ответ на вопрос: каково значение истории для души? Мы отказались признать крайние мнения, согласно которым смысл существования души лежит либо целиком в пределах истории, либо целиком вне истории. Но эти два противоположных вывода ставят нас перед дилеммой.

Отрицая правомерность взгляда, что смысл существования лежит только в пределах истории, мы отстаиваем приоритетное значение отношения души к Богу, рассматривая служение души Богу и как факт, и как ее право, и как ее долг. Но если каждая душа — независимо от места и времени, исторической или общественной ситуации в мире — в состоянии познать и возлюбить Бога или, говоря богословским языком, в состоянии обрести спасение, то история, похоже, совсем теряет свое значение. Если самый примитивный народ в условиях зачаточных социальных и духовных отношений может достичь высшей цели человека в его отношении к Богу, тогда зачем нам стремиться к тому, чтобы улучшить этот мир? И правда, какой умопостигаемый смысл можно придать этим словам? С другой стороны, отрицая тот взгляд, что смысл существования души лежит целиком за пределами истории, мы отстаивали примат Божьей любви к своим творениям. Но если этот мир имеет ценность, как то и должно быть, если Бог любит его и воплощается в нем, тогда и Его попытки, и наши собственные, вдохновленные Им попытки сделать этот мир лучше должны быть и уместными и значительными в каком-то смысле.

Можем ли мы разрешить это видимое противоречие? Вероятно, мы могли бы решить эту дилемму, если бы нашли ответ на вопрос: что есть прогресс в этом мире?

Прогресс, о котором мы говорим здесь, — это последовательное совершенствование нашего культурного наследия, непрерывное и кумулятивное, от поколения к поколению. Мы должны понимать прогресс таким образом, ибо нет никаких оснований предполагать, что в рамках «исторического времени» наблюдается какой-либо прогресс в эволюции самой человеческой природы, как физической, так и духовной. Даже если мы раздвинем наш исторический горизонт до прихода в мир «*Homo sapiens*», период времени будет слишком мал по сравнению со шкалой эволюции жизни на этой планете. Западный человек, при всем высоком уровне интеллектуального развития и технологических возможностей, не сбросил с себя родовое адамово наследие первородного греха, и, насколько мы можем судить, «*Homo aurgnaciuss*»⁵, живший сто тысяч лет назад,

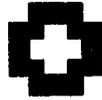
был наделен — во зло или во благо — теми же самыми духовными и физическими характеристиками, что мы находим в себе. Таким образом, прогресс, насколько о нем можно говорить в пределах «исторического времени», должен состоять в совершенствовании нашего культурного наследия, а не в улучшении нашей породы, и, конечно, научные знания и их практическое применение являются весьма убедительным свидетельством в пользу социального прогресса, как, собственно, и все, что касается сферы контроля человека над силами неживой природы. Это, однако, побочный результат, ибо впечатляющее свидетельство прогресса в этой области основано на очевидном факте, что человек довольно успешно справляется с неживой природой. С чем он справляется значительно хуже, так это с человеческой природой, как своей собственной, так и своих ближних. А fortiori, он вообще проявил себя малоспособным вступать в надлежащие отношения с Богом. Человек достиг чрезвычайных успехов в области интеллекта и «ноу-хау» и оказался полным неудачником в сфере духа; это великая трагедия жизни на Земле — то, как поразительно неадекватно проявляет человек свои способности в материальной и духовной сферах, ибо духовная сторона жизни значительно важнее для человеческого благосостояния (даже в материальном отношении в конечном итоге), нежели его контроль над неживой природой.

Каково же состояние духовной стороны жизни, столь важной для человека и столь неосмотрительно им запущенной? Может ли существовать кумулятивный прогресс в развитии жизни человечества, если принимать во внимание то, что она подразумевает духовную жизнь каждой отдельной души, ибо отношения человека с Богом есть вещь персональная, а не коллективная? Возможным типом прогресса в этой области — таким, который придаст истории значение и оправдает любовь Бога к этому миру и Его воплощение в нем, — могло бы быть совокупное совершенствование средств проявления Добродетели для каждой отдельной души в этом мире. Есть, разумеется, в духовной жизни человека ряд факторов, и очень важных, которые не будут затронуты Добродетелью. Это врожденная склонность человека к первородному греху и его способность к обретению спасения в этом мире. Каждое дитя рождается на свет в кабале первородного греха, и по Ветхому и по Новому Завету — равным образом, хотя рожденный под защитой Нового Завета имеет больше возможностей к обретению спасения, нежели его предшественники. Опять же, и по Ветхому и по Новому Завету, любой душе открыт путь к спасению в этом мире, ибо каждая душа всегда и везде имеет возможность познать и возлюбить Бога. Собственно, реальный — и сиюминутный — эффект совершенствования средств проявления Добродетели состоит в том, чтобы указать

человеческой душе путь к Богу еще в этом мире и научить ее любить Его.

При таком подходе этот мир не будет лишь духовным экспериментальным полигоном за оградой Царства Божия; он станет одной из провинций Царства — одной, и не самой значительной. Однако эта малая частица Царства Божия будет обладать такой же абсолютной ценностью, что и остальные, а значит, и духовная деятельность будет восприниматься как абсолютно необходимая — единственно ценная в мире, где все остальное — лишь суета и тщета.

МИР И ЗАПАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно, когда-то столкновение Запада с остальным миром будет признано наиболее значительным событием современной истории. Это выдающийся пример исторического феномена, представленного целым рядом известных событий прошлого, и сравнительное исследование хода и последствий этих столкновений между цивилизациями, современными друг другу, дает ключ к пониманию истории человечества.

Данная книга основывается на лекциях¹, прочитанных автором в 1952 году по приглашению Би-би-си. Когда Би-би-си обратилась ко мне с просьбой провести цикл Ruth Lectures, я остановил свой выбор на одной из тем, рассматриваемых в последних четырех томах моей книги «Постижение Истории», которая сейчас печатается и должна выйти в 1954 году. Я выбрал тему «Мир и Запад»; а теперь, когда лекции уже переданы по радио и напечатаны в журнале «Listener», я решил подготовить их для публикации.

Цель этой книги — представить в краткой и простой форме ту тему, которая намного шире исследована в выходящем вскоре VIII томе «Постижения Истории», поэтому настоящая работа не будет дублировать ни соответствующие главы книги (т. VIII, ч. IX), ни соответствующие места в сокращенном однотомном издании, посвященном VII—X томам «Постижения Истории», которое г-н Дж. С. Соммервелл намерен выпустить следом за его блестящим изложением первых шести томов.

*А. Дж. Т.
Декабрь 1952 года*

РОССИЯ И ЗАПАД

Вероятно, лучший способ для автора представить читателю предмет своего труда — это объяснить, почему книге дано именно то название, которое она носит. «Почему, — может изумиться читатель, — книга названа «Мир и Запад»? Разве не называем мы «Западом» всю основную часть мира, которая сегодня имеет какое-то значение для жизни мира? А если автор хочет сказать что-то об остальной, западной части мира, то почему он поставил эти два слова в таком порядке? Почему бы ему не написать «Запад и мир» вместо «Мир и Запад»? Отчего он не поставил слово «Запад» на первое место?»

Название в том виде, в каком оно вам представлено, было выбрано специально для того, чтобы сделать упор на двух моментах, весьма существенных для понимания самого предмета рассмотрения. Первый момент — это то, что Запад никогда не составлял всего значимого мира. Запад никогда не был единственным действующим лицом на сцене современной истории, даже находясь на самой вершине западной мощи (а вершина эта, вероятно, уже пройдена). Второй момент — в столкновении между миром и Западом, которое длится к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно остальной мир, а не Запад обрел наиболее значительный опыт. Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар — и очень сильный — остальному миру; вот почему в названии этой книги слово «мир» поставлено на первое место.

Западный человек, который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного незападного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах¹; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV века западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Восточной Африке². А африканцы — о том, как их обращали в

рабство и перевозили через Атлантику, чтобы сделать живыми орудиями для приумножения богатства их алчных западных хозяев. Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест, чтобы расчистить пространство для западноевропейских незваных гостей и их африканских рабов.

У большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они же ушли из Индонезии, а британцы — что они оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон еще в 1945 году³. У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке в 1899—1902 годах⁴, а у американцев — с испанско-американской войны 1898 года⁵. Мы слишком легко забываем, что германцы, напавшие на своих соседей, включая Россию, в Первой мировой войне и, повторив свою агрессию во Второй, тоже принадлежат к Западу и что русские, как и народы Азии и Африки, не видят больших различий между разными ордами «франков», как звучит общемировое наименование людей Запада среди масс. Как гласит известная латинская поговорка, «Когда мир выносит приговор, последнее слово всегда за ним». И без сомнения, суждение мира о Западе определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия, вплоть до 1945 года. За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессор, и если в отношении России и Китая знак переменился на противоположный, то это совершенно новая ситуация, возникшая только после окончания Второй мировой войны. И страх и возмущение Запада по поводу недавних агрессивных действий России и Китая в отношении Запада только подтверждают, что для нас, западных людей, это совершенно новый опыт — пострадать от рук остального мира, как весь остальной мир страдал от Запада в течение последних столетий.

Итак, каков же опыт остального мира в общении с Западом? Начнем с опыта России, ибо Россия есть часть общемирового западного большинства человечества. Хотя русские были христианами, а многие и сейчас ими остаются, они никогда не принадлежали к западному христианству. Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории.

Эта довольно печальная история отношений России с Западом имела тем не менее довольно счастливую первую главу, ибо, несмотря на различный образ жизни, Россия и Запад довольно удачно

взаимодействовали в пору раннего средневековья. Шла взаимная торговля, заключались династические браки. Например, дочь английского короля Гарольда вышла замуж за русского князя⁶. Отчуждение началось в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго продолжалось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнокристианскому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках⁷.

Западные завоевания средневекового периода отразились на внутренней жизни России и на ее отношениях с западными обидчиками. Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из факторов, побудивших Россию подчиниться новому игу, — игу коренной русской власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Не случайно, что это новое самодержавное централизованное правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии. Поляки в 1610 году, французы в 1812-м, германцы в 1941-м — все шли этим путем. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями.

Такое смиренное отношение к самовластному режиму, ставшее традиционным в России, является с западной точки зрения одной из главных трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания — это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал-социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом. Мы не хотим наблюдать за распространением этой российской формы тирании; особенно мы стали задумываться об опасности, грозящей западным идеалам свободы, сейчас, когда мы, франки, впервые со времен турецкой осады Вены в 1682—1683 годах⁸ почувствовали себя в положении обороняющейся стороны. Наше нынешнее беспокойство по поводу угрозы, исходящей,

по нашему мнению, от России, кажется нам вполне оправданным. Однако мы должны внимательно следить за тем, чтобы изменение знака в отношениях России и Запада после 1945 года не увело нас в сторону и не заставило в наших естественных заботах о настоящем забыть о прошлом. Если мы посмотрим на столкновение между Россией и Западом глазами историка, а не журналиста, то увидим, что буквально целые столетия вплоть до 1945 года у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию.

За последние несколько веков угроза России со стороны Запада, ставшая с XIII века хронической, только усиливалась с развитием на Западе технической революции, и следует признать, что однажды, разразившись, эта революция не проявляет до сих пор никаких признаков спада.

Стоило Западу взять на вооружение стрелковое оружие, Россия тотчас же последовала за ним и уже в XVI веке использовала это новое западное оружие для покорения волжских татар и первобытных народов Урала и Сибири. И тем не менее в 1610 году превосходство западных вооружений позволило полякам захватить Москву и удерживать ее в течение двух лет, в то время как шведы примерно тогда же перекрыли России выходы к Балтийскому морю и Финскому заливу⁹. В ответ на западные акты агрессии Россия в XVII веке целиком переняла западную технологию того времени, усвоив и некоторые элементы западного образа жизни, неотделимые от использования технологии.

Характерной чертой самодержавного централизованного московского режима было то, что эта техническая и сопровождавшая ее социальная революции, совершившиеся в России на переломе XVII и XVIII веков, были проведены сверху вниз, волей одного человека, гением Петра Великого. Петр является ключевой фигурой для понимания отношений остального мира с Западом не только в отношении России, но и в мировом масштабе, ибо Петр — это архетип автократического реформатора в западном духе, и он на два с половиной столетия избавил мир от попадания в полную зависимость от Запада, научив его противостоять западной агрессии ее же собственным оружием. Султаны Селим III и Махмуд II, президент Мустафа Кемаль Ататюрк в Турции, Мехмед Али Паша в Египте, высшие государственные чиновники, совершившие вестернизацию Японии в 1860-х годах¹⁰, — все они, вольно или невольно, ступали по тропе, проложенной Петром Великим.

Петр запустил Россию на орбиту технологического соревнования с Западом, и по этой орбите она движется по сей день. Россия никогда не могла позволить себе отдохнуть, ибо Запад постоянно делал новые броски. Так, Петр и его потомки в XVIII веке подняли

Россию на уровень Западного мира того времени, благодаря чему русские смогли победить шведских захватчиков в 1709 году и французских агрессоров в 1812-м, но уже в XIX веке промышленная революция на Западе вновь оставила Россию позади, и — как следствие — Россия потерпела поражение от германского вторжения в ходе Первой мировой войны, так же как двумя веками раньше она пострадала от поляков и шведов. Современное коммунистическое авторитарное правительство смогло смести царизм вследствие поражения России в 1914–1918 годах от западной технологии, и в период с 1928 по 1941 год¹¹ коммунистический режим попытался сделать для России то, что удалось Петру 230 лет назад.

Во второй раз в современной фазе своей истории России пришлось по воле самовластного правителя пуститься ускоренным маршем вдогонку за западной технологией, которая в очередной раз ушла вперед; и сталинский тиранический путь технической вестернизации осуществлялся, как это было и в петровские времена, через тяжкие испытания и принуждение. Коммунистическая техническая революция в России предопределила победу над германскими захватчиками во Второй мировой войне, так же как петровская техническая революция обеспечила победу над шведскими агрессорами в 1709 году и над французскими — в 1812 году. И тогда, спустя несколько месяцев после освобождения российской земли от германской оккупации в 1945 году, американские союзники России сбросили на Японию атомную бомбу, которая возвестила о третьей западной технической революции. Так что теперь, в третий раз, России приходится выступать ускоренным маршем в попытке догнать западную технологию, сделавшую новый бросок вперед и опять оставившую Россию позади. Результат этой новой, третьей стадии перманентного соревнования между Россией и Западом еще скрыт в тумане будущего; однако уже сейчас совершенно ясно, что возобновление технологических гонок создает новые серьезные трудности для взаимоотношений между двумя эксхристианскими обществами.

Технология — это всего лишь длинное греческое слово, изначально означавшее «сумка с инструментами»¹²; нам следует спросить себя: какие инструменты имеют наибольшее значение в этом соревновании, все ли они служат показателем мощи и силы? Разумеется, этой цели служит и ткацкий станок и локомотив, как и пулемет, самолет или бомба. Но среди этих инструментов есть отнюдь не только материальные, но и духовные, наиболее мощные из всех, что создал Человек. Таким инструментом может стать, скажем, мировоззрение; и в новом раунде соревнования между Россией и Западом, открывшемся в 1917 году, русские бросили на чашу весов мировоззрение; и этот духовный инструмент способен перевесить материальные орудия Запада, подобно тому как в истории о

выкупе Рима у галлов меч Бренна, брошенный на весы, перевесил все золото Рима¹³.

Итак, коммунизм есть оружие, и, как бомбы, самолеты и пулеметы, это тоже оружие западного происхождения. Не изобрети его в XIX веке Карл Маркс и Фридрих Энгельс, два человека с Запада, воспитанные в рейнской провинции и прошедшие большую часть жизни в Лондоне и Манчестере, коммунизм никогда не стал бы официальной российской идеологией. В российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно; и совершенно очевидно, что русским и в голову бы не пришло ничего подобного, не появившись он на Западе, готовый к употреблению, чем и воспользовался революционный российский режим в 1917 году.

Позаимствовав у Запада помимо промышленных достижений еще и западную идеологию и обратив ее против Запада, большевики в 1917 году дали российской истории совершенно новое направление, ибо Россия впервые восприняла западное мировоззрение. Мы уже отметили, что христианство пришло в Россию не с Запада, а из Византии, где оно имело отчетливый антизападный дух и форму; предпринятая же в XV веке попытка навязать России западную форму христианства потерпела полный провал. В 1439 году на церковном Соборе во Флоренции представители восточноправославной Церкви из оставшейся части Византийской империи с неохотой признали главенство Папского престола в надежде, что в ответ Западный мир спасет Константинополь от захвата турками. Присутствовал на Соборе и Митрополит Московский, подчинявшийся греческому Патриарху Константинопольскому; и голосовал он так же, как и его братья во Христе, представлявшие греческую православную Церковь; однако по возвращении домой его признание Папского престола было аннулировано, а сам он низложен¹⁴.

Двести пятьдесят лет спустя, когда Петр Великий отправился на Запад изучать западную технологию, уже не стоял вопрос о том, чтобы в обмен на секреты западного мастерства Россия приняла западную форму христианства¹⁵. В конце XVII века на Западе произошла резкая смена отношения не только к религиозному фанатизму, но и к самой религии; это явилось результатом моральной усталости от собственных междоусобных религиозных войн. Таким образом, Западный мир, к которому Россия во времена Петра пошла в ученики, был уже миром нерелигиозным; и наиболее просвещенное меньшинство русских, ставшее проводником вестернизации в России, последовали примеру своих западных современников и стали холодно относиться к православной форме христианства, не приняв, однако, и западной веры. Вот почему у нас есть основания сказать, что, внедряя коммунистическую идеологию в 1917 году,

Россия рассталась со своей вековой традицией, впервые в истории переняв западное мировоззрение.

Читатель, видимо, заметит, что это мировоззрение, принятое Россией в 1917 году, особенно подходило ей в качестве западного оружия для развязывания антизападной идеологической войны. На Западе, где данное учение возникло, оно считалось ересью. Это, по сути, была попытка критики Запада в его неспособности следовать собственным христианским принципам в сфере экономической и социальной жизни якобы христианского общества; но ведь идеология западного происхождения, которая представляет собой обвинение в адрес западного образа жизни, — это как раз то духовное оружие, которое противник с удовольствием подберет и обратит против его создателей. Обретя это западное оружие, Россия имеет возможность перенести борьбу против Запада в духовной сфере на территорию противника. Поскольку коммунизм возник как продукт беспокойной совести Запада, он, вернувшись обратно в Западный мир в виде русской пропаганды, вполне может тронуть другие совестливые западные души. Поэтому теперь, впервые в современной истории Западного мира с конца XVII века, когда иссяк поток западных новообращенных в исламскую веру¹⁶, Запад снова оказался под угрозой духовного разрушения изнутри и духовного штурма извне. Таким образом, коммунизм, угрожая основам Западной цивилизации на ее собственной почве, показал себя куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения.

Кроме того, коммунизм послужил России орудием привлечения в свой стан китайской части света и ряда других групп того огромного большинства человечества, которое не принадлежит ни к России, ни к Западу. Мы понимаем, что исход борьбы за лояльность этих нейтральных групп может кардинальным образом повлиять на решение российско-западного конфликта в целом, когда это и нерусское и незападное большинство человечества подаст свой голос за ту или иную сторону в их борьбе за мировое господство. Коммунизм способен с удвоенной силой привлекать угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки, если эту идеологию будет им предлагать Россия. Скажем, русский представитель говорит азиатскому крестьянину: «Если вы последуете примеру России, коммунизм даст вам силы выстоять против Запада, как выстояла коммунистическая Россия в борьбе со своими врагами». И второе, что может привлечь, — это то, что коммунизм обещает избавить народы от крайнего неравенства между богатейшим меньшинством и беднейшим большинством населения азиатских стран, чего свободное предпринимательство никогда не обещало и обещать не собиралось. Недовольное азиатское большинство, однако, не единственная часть человечества, которую привлекает коммунизм. В идеологии

этой есть притягательная сила, действующая на людей, ибо коммунизм претендует на то, что сможет обеспечить человечеству единение как единственную альтернативу саморазрушению в наш атомный век.

Создается впечатление, что в столкновении между Россией и Западом инициатива в духовной сфере, в отличие от сферы технологической, перешла, во всяком случае на данный момент, от Запада к России. Мы здесь, на Западе, не можем себе позволить смириться с этим, ибо эта западная ересь — коммунизм, которую подхватили русские, большинству западных людей представляется извращенной, неверной и разрушительной доктриной и совершенно неприемлемым образом жизни. Теолог мог бы сказать, что наш великий современник, западный ересиарх Карл Маркс, совершил характерную для еретика интеллектуальную ошибку, впал в заблуждение. Обнаружив в духовной ортодоксии Запада побуждение к безотлагательным реформам, он упустил из виду все остальные соображения и в результате изобрел лекарство более вредоносное, нежели сама болезнь.

То, что русские добились успеха, перехватив инициативу у Запада, вооруженные западной же ересью, называемой коммунизмом, а затем развеяли ее по миру ядовитым облаком антизападной пропаганды, отнюдь не означает, что коммунизм непременно восторжествует. Марксова теория, на взгляд немарксиста, слишком узка и слишком извращена, чтобы удовлетворять чаяниям людским на все времена. Но все-таки успехи коммунизма, проявившие себя вполне зримо, должны послужить предостережением на будущее. И если мы что-то должны и можем уяснить себе, так это то, что столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную. Некоторый свет на эту, для нас будущую, главу истории может пролить история столкновения мира с Грецией и Римом. Но прежде, чем рассматривать этот пример, нам необходимо взглянуть на то, какие успехи делают Исламский мир, Индия и Дальний Восток в их нынешних столкновениях как с Западом, так и с Россией.

ИСЛАМ И ЗАПАД

В предыдущей главе мы коснулись двух основных моментов, характерных для столкновения между Россией и Западом: первый — России удалось не поддаться Западу, взяв на вооружение западные же методы и способы борьбы, в частности мировоззрение, восприняв которое Россия перешла от обороны к контрнаступлению, что сегодня вызывает огромное беспокойство у нас на Западе. История

сегодняшних отношений России и западного общества во многом напоминает одну более древнюю историю, где роль современного Запада играла его предшественница, — Греко-римская цивилизация, а роль, доставшуюся ныне России, сыграл тогда ислам.

Коммунизм назван нами христианской ересью. Но то же самое можно было бы сказать об исламе. Ислам, подобно коммунизму, пробил себе путь в мир как программа реформирования современной ему практики христианства с целью избавиться от злоупотреблений и нарушений. И успех ислама в ранний период развития показывает, что ересь, обещающая реформацию, может оказаться очень привлекательной, если ортодоксия, на которую ересь наступает, не проявляет желания собственноручно устранить свои пороки. В VII веке христианской эры арабы-мусульмане освободили от греко-римского господства целый ряд восточных стран — от Сирии через всю Северную Африку до Испании. Страны эти находились то под греческим, то под римским правлением около тысячи лет со времен, когда Александр Великий покорил Персидскую империю, а римляне разбили Карфаген. Позже, между XI и XVI веками, мусульмане продолжили завоевания, захватив по частям почти всю Индию, а их религия распространилась мирным путем еще дальше — в Индонезию и Китай на востоке и в Тропическую Африку на юго-востоке. Русь, как мы наблюдали, в позднем средневековье также была захвачена татарами, исповедовавшими ислам, а все остальное пространство восточноправославного христианства — в Малой Азии и Юго-Восточной Европе — было в XIV–XV веках завоевано османскими турками, тоже мусульманами. Турки во второй раз взяли в осаду Вену, и случилось это не далее как в 1682–1683 годах; и хотя неудачный исход этой осады обозначил начало поворота в пользу Запада в его столкновении с агрессивной Османской империей, тем не менее флаг с полумесяцем продолжал развеиваться над восточным побережьем Адриатики, напротив итальянского «сапога», до самого 1912 года¹.

Именно поразительные военные и политические успехи ислама в начале его истории дают объяснение, почему турки и другие мусульманские народы так не скоро последовали примеру Петра Великого в том, чтобы противостоять Западу его же оружием, техникой, институтами и идеями. Петр Великий начал технологическую вестернизацию России меньше чем через сто лет после печального опыта — оккупации Москвы польскими захватчиками в 1610–1612 годах. С другой стороны, после турецкого поражения у стен Вены в 1683 году прошло больше ста лет, прежде чем турецкий султан сделал первый шаг на пути модернизации турецкой пехоты по западному образцу, и 236 лет, прежде чем турецкий правитель воодушевил своих соотечественников на то, чтобы принять западный образ жизни окончательно и бесповоротно².

Военные реформы, начатые султаном Селимом III, пришедшим к власти в 1789 году, были спровоцированы поражением Турции в великой русско-турецкой войне 1768—1774 годов³. До той поры турки смотрели на Россию как на родственницу своих восточноправославных вассалов — презираемых ими греков и болгар; и вдруг они терпят сокрушительное поражение от рук этих неотесанных русских, поскольку последние овладели западной военной техникой. Что же касается движения за окончательную и полную вестернизацию, которую начал в 1919 году Мустафа Кемаль Ататюрк, то есть сомнение, что даже его потрясающее прозрение и демоническая энергия смогли бы разбудить турок и вытащить их из их великого консерватизма, если бы после Первой мировой войны перед ними не встала острая проблема неизбежного выбора между окончательной и бесповоротной вестернизацией или полным уничтожением.

Дело в том, что контрнаступление Запада на Исламский мир, ставшее после поражения турок под Веной в 1683 году в принципе неизбежным, задержалось некоторым образом из-за того, что Запад хранил историческую память о военной мощи турок и других мусульманских народов. На завоевание турками в XIV—XV веках восточноправославного христианского региона Западный мир, памятуя опыт провалившихся крестовых походов, ответил не прямой атакой на Исламский мир, а обходным маневром. Он предпочел окружить ислам, покорив океан. Открытие морского пути вокруг Африки привело португальских мореплавателей на западный берег Индии. И это случилось за несколько лет до того, как моголы — последняя волна мусульманских завоевателей Индии — пришли туда по суше из Центральной Азии. Переход испанцев через Атлантику и Тихий океан обозначил на Филиппинах новую восточноазиатскую границу между западным христианством и исламом⁴. До того Запад и Исламский мир соседствовали только на противоположной стороне земного шара — в долине Дуная и в Западном Средиземноморье. Действительно, благодаря покорению океана Запад сумел в конце XVI века накинуть лассо на шею исламу, однако затянуть петлю потуже отважился лишь в XIX веке. А до тех самых пор живучая память о прежних военных победах мусульман внушала Западу осторожность, а мусульманам — самоуспокоенность.

Вывели мусульман из этого самоуспокоения неоднократные поражения Османской империи и других мусульманских держав от противников, оснащенных западным оружием, равно как и технологией и наукой, лежащими в основе современного западного военного искусства; реакция мусульман на этот новый для них опыт была точно такой же, как и русских.

В Турции периода 1789—1919 годов, как и в России начиная с 1699 года⁵ и по 1825-й, революционеры — поборники вестернизации — выходили, как правило, из рядов молодого армейского или морского офицерства, что для западного ума удивительно, ибо в западных странах профессиональный офицерский корпус склонен быть не столько рассадником революции, сколько оплотом консерватизма. Тем не менее факты неопровержимы. В России самыми активными проводниками революционной программы Петра Великого по вестернизации страны были молодые офицеры его гвардии; более века спустя после петровских времен зачинателями неудавшейся революции 1825 года против угрозы консервативного правления Николая I были опять-таки молодые офицеры, воспринявшие западные политические идеи того времени в 1814 году, когда служили в международных оккупационных силах во Франции. Типичный жизненный путь русского революционного пропагандиста или лидера XIX века был таков: родиться в семье состоятельного помещика, поступить на военную или государственную службу, публиковать философские статьи в литературном журнале, рано уйти в отставку с императорской службы и провести остаток жизни как рантье, служа делу политических и социальных реформ в России по западному образцу⁶. В Турции по сути своей повторилась та же история. Не добившийся успеха первый султан-западник Селим III и его более удачливый последователь Махмуд II начали с организации армейских подразделений, обученных по западным образцам. И в турецкой революции 1908 года⁷, которая успешно сделала то, чего не добились революция 1825 года в России, главной движущей силой были именно молодые армейские офицеры.

В случае с Турцией причина, выдвинувшая на первый план в движении за вестернизацию молодых офицеров, вполне очевидна. Целью турецкой революции 1908 года было восстановить прозападное конституционное парламентское правление, установленное в 1876 году и почти сразу же отодвинутое в сторону реакционным правителем Абдул-Хамидом II. Политической стратегией Абдул-Хамида в течение его тридцатилетнего диктаторского правления было подавить все и всяческие формы «опасных мыслей», чтобы быть уверенным, что западному либерализму никогда не удастся вновь поднять голову в Турции. Во время его правления была введена жесткая цензура книжной продукции и контроль за образованием; единственным исключением в систематическом обскурантизме Абдул-Хамида оказалось профессиональное обучение кадет военному делу. Абдул-Хамид патологически боялся революции, но в то же время ему достало ума понять, что если он не даст турецкому офицерству возможности идти в ногу с прогрессом западной военной науки, то он потеряет свою империю другим путем — в результате нападения

какой-либо развитой в военном отношении державы. Разумеется, он пытался удержать образование офицеров в самых по возможности узких рамках профессиональных знаний, но, как только эти молодые люди получили возможность изучать иностранные языки, чтобы иметь доступ к западным учебникам по военной технике, их умы уже невозможно было оградить от политических идей Запада. Таким образом, армейские офицеры оказались единственным классом в хамидовской Турции, открытым влиянию западных идей; вот почему в 1908 году, после тридцати лет деспотического обскурантистского режима, головным отрядом в новой атаке западного либерализма на Турцию стало самое молодое поколение армейского офицерства.

Необходимость вестернизации турецкой армии, признанную даже таким крайним реакционером, как султан Абдул-Хамид, еще за сто лет до тирана осознал, как мы уже упоминали, его либеральный предшественник, неудачник Селим III. Однако в той ранней главе истории даже убежденные сторонники вестернизации Турции не питали ни малейшей привязанности к чуждой им Западной цивилизации, которую они сознательно внедряли. Их намерением было допустить лишь минимальную дозу западной культуры, чтобы не дать умереть «больному человеку Европы»; именно этот дух тайного и явного недоброжелательства приводил к провалу одну за другой попытки вестернизировать Турцию. Приговор истории этой старой школе вестернизации Турции можно было бы выразить так: «Каждый раз слишком мало и слишком поздно». Они надеялись, что Турция сможет противостоять в военном отношении западным державам, таким, как, скажем, Австрия, либо вестернизирующимся, как Россия, если на солдат надеть западную форму, дать им в руки западное оружие и поставить над ними офицеров, получивших профессиональное западное образование. Все же остальное в Турции они хотели сохранить в неприкосновенности, на традиционной исламской основе. Причина, по которой эта политика дозированной вестернизации была обречена на провал и провалилась, заключается в одной непреложной истине, так и не осознанной первыми турецкими реформаторами, однако счастливо угаданной гением Петра Великого. Эта истина гласит, что любая цивилизация, любой образ жизни есть неразрывное целое, где все части взаимозависимы и нераздельны.

К примеру, секрет военного превосходства Запада над остальным миром начиная с XVII века заключается отнюдь не только в современном вооружении, обучении и муштре. И даже не только в технологии, обеспечивающей развитие военной техники. Это превосходство нельзя объяснить, если не принять во внимание общий дух и мышление западного общества в целом; а истина в том, что

западное военное искусство всегда было лишь одной из граней западного образа жизни. Отсюда любое общество, пытающееся научиться военному искусству другого общества, не приняв чуждого образа жизни в целом, обречено на неудачу; и наоборот, русский, турецкий, как и любой незападный, офицер может действительно овладеть премудростями профессии на западном уровне лишь в том случае, если овладеет также навыками Западной цивилизации, которые не найти ни в учебниках, ни на плацу. Собственно, долгие поиски частичного решения этого вечного «западного вопроса» не вели ни к какому решению вообще, и для Турции оставалось два альтернативных выхода: либо заплатить за ошибку — попытку принимать Западную цивилизацию минимальными дозами, — подчинившись этой цивилизации полностью, либо спасти себя от исчезновения, приняв западный образ жизни всем сердцем, телом и душой. Выбрав первый из этих двух путей, турки оказались почти на краю пропасти, однако им удалось буквально в последний момент спастись, повернув на путь полной и безоговорочной вестернизации под руководством Мустафы Кемалья Ататюрка.

Мустафа Кемаль был одним из тех молодых офицеров, что впитали западные идеи в процессе профессионального военного образования в последние дни хамидовского режима; затем он принял активное участие в революции 1908 года. Его час пришел, когда Турция была повержена в результате поражения ее союзницы Германии в Первой мировой войне. Кемаль сумел понять, что те полумеры в вестернизации Турции, которые всегда приносили ей одни несчастья, будут на этот раз фатальны для страны; кроме того, у него хватило энергии и сил, чтобы повести за собой соотечественников. Политика Мустафы Кемалья была направлена на полный и решительный поворот Турции к западному образу жизни; и в 20-х годах он решительно провел в жизнь программу, которую, видимо, можно назвать самой революционной из всех, которые когда-либо направлены и систематически проводились за такой короткий период времени. Представьте, если бы в Западном мире и Возрождение, и Реформация, и секуляристский умственный переворот, вызванный научной революцией XVII века, и Французская революция, и промышленная революция — все это пришлось бы на жизнь одного поколения, и притом внедрялось бы в жизнь принудительно, декретным путем. В Турции же между 1922 и 1928 годами в законодательном порядке были декретированы эмансипация женщин, отделение исламской религии от государства, замена арабского алфавита латинским.

Эту революцию совершил диктатор, опиравшийся на собственную монополю правящую партию⁸, и вполне возможно, что никаким более мягким способом сделать это было просто невозможно.

В 20-е годы Турции предстояло либо вывернуть свою жизнь наизнанку, либо исчезнуть, и турецкий народ предпочел выжить любой ценой. Частью этой цены было принять на время форму правления фашистско-коммунистического типа, хотя в Турции диктатура одной партии не дошла до крайних форм тоталитаризма. Что касается продолжения истории, то оно впечатляет. Во время всеобщих выборов 1950 года Турция согласованно, без насилия и крови, перешла от монополии одной партии к двухпартийной системе⁹. Партия, которая так долго правила единолично, признала волю избирателей, во-первых, дав им возможность свободно голосовать и, во-вторых, восприняв неблагоприятные для себя результаты голосования как сигнал к тому, чтобы уступить оппозиции место у руля; оппозиция в свою очередь показала такой же дух конституционного сотрудничества. Придя к власти, она не стала принимать репрессивных мер против своих оппонентов, которые столь уважительно отнеслись к свободному волеизъявлению избирателей и уступили свое место победителям.

Похоже, что в Турции, где из поколения в поколение государственные мужи пытались ограничить сферу заимствований лишь военным искусством Запада, действительно укоренился в конце концов западный институт конституционного парламентарного правления, который намного ближе к сути нашей Западной цивилизации, нежели искусство войны. Если это так, то это значительный успех того сознания необходимости честной игры и сдержанности в политике, которое, как мы верим, есть одна из ценностей, подаренных Западом миру. С 1917 года мы наблюдаем, как многие из народов, лишь частично или номинально принявших демократию, впали в ту или иную форму тиранического правления. А ведь некоторые из этих народов — скажем итальянцы или германцы — вовсе не новообращенные прозелиты в нашей Западной цивилизации, а ее исконные, коренные члены. Так что победа западного конституционного духа во время выборов 1950 года в Турции — это заметная веха, которая, вполне вероятно, может обозначать поворот политического течения во всем мире.

Разумеется, есть среди западных ценностей и институтов кое-что и сомнительного свойства, как, например, западный национализм. Турки, как и многие другие исламские народы, восприняли наряду с остальными западными понятиями и идеями — полезными ли, вредными ли — и заразу национализма. Возникает вопрос, каковы могут быть последствия вторжения этого узколобого западного политического идеала в мир ислама, где традиционно поддерживается древняя традиция, считающая, что все мусульмане — братья по религии, независимо от различий в расе, языке или образе жизни. В том мире, где расстояния практически исчезли благодаря

западной технологии и где западному образу жизни приходится конкурировать с русским образом жизни в борьбе за влияние на все человечество, исламская традиция братства человеческого может оказаться более привлекательным идеалом, нежели западная традиция суверенитетов для десятков отдельных национальностей. В той новой ситуации, в которой западное сообщество оказалось после Второй мировой войны, его внутреннее разделение на множество суверенных, независимых национальных государств угрожает развалить общий дом. И все-таки престиж Запада в мировом сообществе остается достаточно высоким, чтобы этот вирус национализма успел заразить многих. Хотелось бы надеяться, что традиционное исламское чувство единения помешает распространению этого западного политического недуга хотя бы в Исламском мире. Сегодня, перед лицом атомного века, людям как никогда требуется общемировое политическое и социальное объединение.

Турецкий народ, вдохновленный Ататюрком, без сомнения, сослужил благую службу всему Исламскому миру, попытавшись решить общий для них «западный вопрос» полным и безоговорочным принятием современного западного образа жизни, увы, вместе с его национализмом. Но, конечно, остальные исламские страны отнюдь не обязательно должны точь-в-точь повторить путь турецких пионеров.

Скажем, в арабских мусульманских странах, где население говорит на разных диалектах арабского языка, существует тем не менее единый литературный письменный арабский язык, и он распространен от атлантических берегов Марокко до западных границ Персии, от Алеппо до Мосула, к северу от Хартума до Адена, Маската и Занзибара на юге. Книги и газеты, издаваемые в Каире, или Бейруте, или Дамаске, имеют хождение по всему огромному арабскому региону и даже за его пределами, ибо арабский язык есть язык исламской религии даже в тех странах, где он не является языком повседневного общения. Так целесообразно ли допускать, чтобы арабояворящий мир раскололся — как когда-то Испанская империя в обеих Америках — на множество независимых друг от друга национальных государств, живущих в своих водонепроницаемых отсеках на западный манер? Конечно, жаль, если эту оборотную сторону Западной цивилизации в точности копируют арабские народы.

Помимо того, на всех окраинах Исламского мира — в Центральной Африке, Индии, Китае, Советском Союзе — существуют мусульманские меньшинства, разбросанные по разным странам среди немусульманского большинства. И они никогда не смогут собрать свои сообщества в некие географически компактные блоки, чтобы сформировать собственные независимые государства. Эти разбросанные мусульманские сообщества, насчитывающие в целом многие миллионы

людей, не единственные сообщества такого рода в мире; и для всех этих групп западный национализм, как мы увидим, обещает не светлый путь к новой жизни, но смертный приговор. Возьмем для примера случай с мусульманским сообществом, раскиданным по всему Индийскому субконтиненту. В 1947 году, когда Великобритания оставила Индию, западный дух национализма, к сожалению, не последовал благому примеру лучших представителей той западной нации, что принесла в Индию эту западную идеологию. Дух национализма после ухода английской администрации задержался в Индии, чтобы расколоть прежде объединенный субконтинент на два враждующих государства — индуистскую Индию и мусульманский Пакистан, и для обоих этот раскол был, без сомнения, несчастьем. Индийский Союз — это отнюдь не объединенная Индия; Пакистан же — страна, состоящая из двух кусков, разъединенных между собой широкой полосой индийской территории¹⁰; но даже при такой головоломной структуре миллионы индуистов и индийских мусульман оказались как бы на чужой территории перед лицом выбора — либо бросить родной дом, либо остаться в стране, правительство которой относится к ним недоброжелательно.

Пакистанцы же действительно имеют теперь собственное государство, большое и перенаселенное. Однако этим индийским мусульманам пришлось заплатить за свой суверенитет более высокую цену, нежели туркам, и намного более высокую, нежели египтянам. Они на собственном опыте познали и цену нашему национализму, испытав на себе все его отрицательные стороны. Так что политические уроки, полученные пакистанцами, так же как и турками, окажутся полезными не только исламским народам, но и всему человечеству в целом.

ИНДИЯ И ЗАПАД

Столкновение между Индией и Западом богато таким опытом, которого не имеет никакое другое общество в мире. Индия сама по себе — это целый мир; она представляет собой общество не меньшей величины, чем наше западное, и в то же время это единственное значительное незападное общество, которое не просто подверглось нападению, но было захвачено и разграблено силой западного оружия, и не только захвачено, но надолго осталось под властью западных правителей. В Бенгалии это правление продолжалось без малого двести лет, а в Пенджабе — более ста¹. Таким образом, опыт общения с Западом оказался у Индии значительно более болезненным

и унижительным, чем у Турции и Китая или у России и Японии; но именно по этой причине он был значительно более глубоким и сокровенным. Благодаря многочисленным личным контактам между индийцами и людьми Запада стальной западный клинок еще глубже проник в душу Индии.

Возможно, западное оружие не смогло бы завоевать Индию, не подвергнись она до этого завоеванию со стороны мусульман. Здесь уже упоминалось, что последняя мусульманская волна завоевателей — моголов — пришла сушей в Индию вскоре после первой высадки в Индии, в 1498 году, португальских мореплавателей. Моголы предвосхитили британцев в объединении почти всей Индии под властью единого правления. Могольское владычество в Индии, возможно, и не было столь прочным, как британское, однако оно длилось так же долго, как и британское, поэтому, когда в XVIII веке Могольский мир распался на части, его британским наследникам не составило особого труда собрать воедино остатки империи Моголов. В наследство британцам оставалась имперская организация земельного налога², действовавшая по инерции в течение XVIII века, несмотря на разразившийся хаос и анархию. Она продолжала действовать, ибо вошла в привычку, и это тоже было наследством, полученным британцами от моголов, — способность души и сердца индийцев молчаливо, в силу привычки, подчиниться власти империи, навязанной Индии завоевателями.

В 30-е годы XIX века британские наследники могольских правителей Индии упразднили ими же самими возрожденный институт могольских князей (раджей)³, решив изменить привычки, заложенные могольскими предшественниками в умах индийцев. В эти годы британские правители приоткрыли индийцам окно в Западный мир, заменив воспитание в духе индуизма и ислама высшим образованием западного образца, тем самым приобщив индийцев к западным идеям свободы, парламентаризма и национализма. Индийцам пришлось по душе это новое западное политическое просвещение. Оно привело их к тому, чтобы потребовать для Индии такого же самоуправления, каким пользовалась Великобритания, а британцев в конечном итоге вынудило предоставить его Индии; и вот сегодня индусские наследники британских правителей в Индийском Союзе и мусульманские наследники тех же британских правителей в Пакистане готовы к тому, чтобы самостоятельно управлять своей частью субконтинента, следуя по пути, который проложили их британские предшественники, правившие Индией с 1688 года⁴.

Особенно интересно отметить, что сегодняшние индусские правители большей части Индийского субконтинента решили избрать для себя западный вариант управления, первоначально привнесенный

в их страну чужеземными завоевателями. На той территории, что вошла в Индийский Союз, индусы стали хозяевами собственной страны впервые с начала мусульманских завоеваний Индии около восьми или девяти веков назад⁵. В XVIII веке, когда царство моголов стало распадаться, появились, казалось, предпосылки возникновения индусских государств. В борьбе за наследие моголов какое-то время львиную долю добычи могла схватить индусская держава маратхов. Но попытка превратить царство моголов в царство маратхов была пресечена вмешательством мощной руки Запада⁶. Однако установление британского правления отнюдь не остановило движения индусов за возрождение собственного отечества. Когда в XVIII веке это движение потерпело военное поражение, его нарастающий поток отклонился в другое русло. И находясь под британским правлением в XIX—XX веках и во время междуцарствия в XVIII веке, индусы последовательно боролись за власть в Индии, однако в условиях британского режима они шли к этому не военным путем, а через западную систему образования, освоение администрирования, законодательства и права — основных ключей к власти в вестернизирующемся мире.

Индусы быстрее, чем мусульмане, сориентировались и ухватились за возможности, которые в эпоху западного правления открылись тем индийцам, кто готов был осваивать западную науку жизни. Индусов, в отличие от индийских мусульман, не будоражили воспоминания об утраченной власти и славе, которые тянут назад, в ушедшее прошлое, вместо того чтобы устремляться в будущее; таким образом, баланс сил, начавший во время анархии XVIII века склоняться не в пользу мусульман, продолжил свое движение и в XIX и XX веках, ибо британское правительство делало упор не на воинскую доблесть, а на интеллектуальные способности как на условие выигрыша в этом постоянном состязании между индусами и индийскими мусульманами, ставшими теперь в равной мере подданными западной Короны. Разумеется, и мусульмане иногда следовали примеру своих индусских соотечественников. Они тоже овладели достижениями Западной цивилизации. Тем не менее, когда забрезжила возможность добровольного упразднения британского правления, мусульмане настояли, чтобы передача власти из рук британского правительства индийским властям осуществилась только после раздела Индии на индусское и мусульманское государства; это настояние лишний раз подчеркнуло ту истину, что со времен «Великих моголов» баланс сил между мусульманами и индусами склонялся в Индии не в пользу мусульман. Мусульмане опасались, что в едином индусско-мусульманском государстве, охватывающем весь Индийский субконтинент, они будут поглощены индусским большинством населения.

Несмотря на то что в 1947 году преимущественно мусульманский Пакистан и индусский Индийский Союз разошлись, цели двух государств — наследников Британской империи — были в основном схожими. В начале их самостоятельной истории власть в обоих государствах оказалась в руках той части населения, которая получила западное образование и питалась западными идеями и идеалами. Если именно этот слой останется у власти в Индии и Пакистане, а также и на Цейлоне, можно надеяться, что государственные деятели этих азиатских стран сумеют убедить своих соотечественников остаться членами нашего «свободного мира». Без сомнения, лидеры этих стран будут требовать и того, чтобы в этом «свободном мире», который станет общим домом и для западных и для азиатских народов, не было несправедливости и дискриминации в отношении азиатских членов общей семьи, и мы должны будем обещать это азиатским членам сообщества, если мы действительно искренни, называя наш мир «свободным». И можно надеяться на партнерство и сотрудничество с нынешними властями Пакистана, Индии и Цейлона, воспитанными в западном духе и ориентированными на Запад, если только мы сами — западные члены «свободного мира» — не окажемся печально несостоятельными в осуществлении провозглашаемых нами либеральных принципов.

Сохранение партнерских отношений с народами Индийского субконтинента отвечает жизненно важным интересам западных народов, особенно в свете того, что всего лишь два года спустя после того, как Великобритания предприняла шаги к примирению Азии с Западом, ликвидировав британское правление в Пакистане, Индийском Союзе, Цейлоне и Бирме, Китай перешел из западного лагеря в стан русских⁷. И если, лишившись дружеских отношений с Китайским субконтинентом, наш Западный мир утратит еще и расположение Индийского субконтинента, то Запад практически уступит России весь Старый Свет, исключая разве что пару плацдармов в Западной Европе и Африке, а это может предопределить исход борьбы за власть между «свободным миром» и коммунизмом. Индийский Союз — государство, наследующее Британской империи и охватывающее большую часть Индийского субконтинента, населенное по преимуществу индусами, — занимает командное положение в том разделенном мире наших дней, где Соединенные Штаты и их союзники соревнуются в борьбе за мировое господство с Советским Союзом и его партнерами. В каком же направлении двинутся индусы — пятая часть всего населения планеты? Давайте рассмотрим все «за» и «против» в отношении возможности их движения в сторону Запада.

Возьмем сначала перспективную возможность. Похоже, что сегодня личные отношения между индийцами и западными людьми

более дружественны, чем когда-либо прежде. Многие из граждан Соединенного Королевства, без сомнения, сталкивались с удивительным и трогательным проявлением дружбы со стороны жителей Индии — автору неоднократно приходилось лично наблюдать это после 1947 года. Несколько раз это случалось с автором и в других странах, где местные наблюдатели особенно интересовались сегодняшними отношениями между индийцами и британцами; и не раз индийцы, занимающие видное положение в этих странах, старались подчеркнуть, что прежняя печальная отчужденность между ними и британцами забыта и похоронена. Когда Великобритания на деле осуществила свое обещание ликвидировать британское правление в Индии, похоже, индийцы были ошеломлены. Вероятно, они никогда до конца не верили, что британцы действительно собираются выполнить свое обещание; так что, когда британцы сдержали свое слово, произошел некий переворот в чувствах индийцев — от враждебности к дружелюбию. Со стороны индийцев очень благородно выказывать это чувство дружбы открыто, и определенно это счастливое изменение в отношениях принесет положительные плоды для всего «свободного мира» в целом.

Враждебные отношения между Индией и Западным миром, который для Индии воплотился в лице Великобритании, восходят ко времени более раннему, нежели индийское движение за независимость в 1890-е годы⁸ или даже трагический конфликт 1857 года⁹. Они берут начало в 80-х годах XVIII века¹⁰, в период реформ британской администрации в Индии. Зарождение враждебности из-за реформ — это насмешка истории; тем не менее между этими двумя событиями существует внутренняя связь. В XVIII веке только что укоренившиеся британские правители Индии почувствовали себя очень вольготно и свободно со своими новоприобретенными подданными. С одной стороны, они без зазрения совести использовали свою политическую власть, обирая и угнетая их, и одновременно совершенно свободно позволяли себе общаться с ними накоротке. Во внеслужебное время они по-приятельски общались со своими индийскими подданными, в то время как на службе встречались при значительно менее приятных обстоятельствах. Более интеллектуальные британцы, жившие в Индии в XVIII веке, любили играть с индийскими коллегами в популярную словесную игру — стихотворное состязание; те, кто был поэнергичнее среди индийцев, общались к английским видам спорта. Взгляните на картину Зоффани, написанную в 1786 году, «Петушиный бой полковника Мордона в Лакнау»¹¹. С первого взгляда заметно, что индийцы и англичане могли быть во вполне нормальных, приятельских отношениях. Британские правители в первом поколении вели себя, собственно, так же, как и их индусские или мусульманские предшественники. Они

были по-человечески корыстны и поэтому не так уж нечеловечески холодны; позднее же британские реформаторы, настроенные решительно искоренить коррупцию и добившиеся успеха в этом трудном деле, сознательно притушили и фамильярность в отношениях, ибо считали, что британцев удастся заставить вести себя с индийцами сверхчестно и сверхсправедливо лишь в том случае, если представители Короны, подобно глиняным божкам, будут возвышаться на пьедестале, недостижимые для простых смертных, взирающих на них снизу.

Сегодня, когда индийцы вновь сами правят своей страной и проблема лорда Корнуоллиса¹² — как заставить британских чиновников вести себя порядочно и честно — более не стоит на повестке дня, ничто не мешает индийцам и англичанам завязывать личные и при этом вполне бескорыстные отношения между собой. И это, конечно, многообещающее изменение к лучшему. Но насколько к лучшему? В конце концов, только немногие тысячи из 450 миллионов индийцев знали или знают кого-либо из западных людей или хотя бы тех из прозападно ориентированных индийцев, что нынче управляют своей страной. И каково будущее этого нового индийского правящего класса? Сможет ли он удержать свое лидерство? И сохранятся ли западное мировоззрение и идеалы, имплантированные в души и умы этого правящего меньшинства при помощи воспитания и образования, устоят ли они перед местными индусскими традициями?

Если учесть, насколько далеки друг от друга западное и индусское мировоззрение и образ жизни, то поражает, что даже такое меньшинство в этом огромном Индусском мире, как ныне правящий класс, вообще смогло так глубоко усвоить западные идеи и идеалы. В предыдущих главах, где мы говорили о взаимодействии с Западом России и ислама, мы касались тех двух случаев, где западная сторона, столкнувшись с Западом, все-таки имела некие общие с Западом черты, чего у Индусского мира нет совсем. Хотя наши русские современники не относятся к западной ветви христианства, они все-таки наследники православного христианства; таким образом, и христианская религия, и Греко-римская цивилизация, которую христианская Церковь наследовала и которую сохранила для последующих поколений, — все это часть духовного наследия русских, как и нашего собственного. Опять же, мусульманские современники являются приверженцами религии, которую, как и коммунизм, можно было бы определить как христианскую ересь, а греческая философия и наука — также часть духовного наследия мусульман. Собственно говоря, если посмотреть на сегодняшний мир в целом и попытаться проанализировать в широком смысле основные культурные границы в нем, то мы обнаружим,

что мусульмане, православные христиане и эксазападные христиане группируются в единое огромное общество, отличающееся как от Индийского мира, так и от Дальневосточного, и каждому из них можно найти собственное определение. Поскольку духовный багаж, общий для христиан и мусульман, происходит из двух общих же источников — от евреев и греков, мы могли бы назвать наше христианско-мусульманское сообщество греко-иудейским, отличив его таким образом как от индусского общества в Индии, так и от конфуцианско-буддийского на Дальнем Востоке.

Если посмотреть на все человечество с высоты птичьего полета, то различия в мусульманской или христианской вариации греко-иудейского образа жизни будут незаметны невооруженному глазу. Они практически незначительны по сравнению с тем общим, что присуще и мусульманским, и христианским представителям греко-иудейской культуры. Когда мы сопоставляем мусульманско-христианский образ жизни в целом с индусским или дальневосточным, различия внутри нашей мусульманско-христианской семьи — между православным и западным христианством или между христианством и исламом — практически исчезают из виду. И тем не менее мы знаем, что такие относительно малые различия между культурами способны вызывать яростные духовные волнения в душах сынов любой из наших греко-иудейских сестринских цивилизаций, если эти души подвергаются духовной радиации со стороны какой-то другой цивилизации из нашей же семьи.

Заметный пример тому — воздействие Западной цивилизации на русские души со времен Петра Великого. Обе стороны в этом столкновении принадлежали к одной греко-иудейской семье, однако чужеродность вторгшейся западной разновидности того же греко-иудейского духа вызвала колоссальное волнение в русских душах. Можно психологически измерить глубину и остроту этого волнения через страдающий, мучительный тон русской литературы XIX века, отражающий и дающий выход тому отчаянию, что возникает в душе, вынужденной жить в двух различных духовных универсумах одновременно, даже если эти два претендента на духовное владычество и сродни друг другу. А в политическом отношении глубина напряжения и давления западного духа на российские души измеряется взрывной силой революции 1917 года, в которой разрядилось это духовное напряжение.

Однако беспокойство, вызванное воздействием Запада на российские души и вышедшее на поверхность в столь сенсационных проявлениях, вероятно, не идет ни в какое сравнение со скрытым беспокойством в душах индийцев, вызванным той же самой чужеродной западной духовной силой; ибо если в российском варианте это беспокойство, хотя и бурно выраженное, смягчалось присутствием

в российском культурном наследии греческих и иудейских корней, свойственных и вторгавшейся цивилизации, то в индийском наследии таких элементов нет, во всяком случае в сколько-нибудь заметной форме, что могло бы смягчить шок, вызванный вторжением Запада. Итак, как же может разрешиться в Индии это, по всей видимости, много более острое напряжение между коренными и чужеродными духовными силами? На первый взгляд кажется, что индусы, принявшие нашу, совершенно чуждую им западную культуру в плане технологии и науки, языка и литературы, управления, законодательства и права, как будто бы справились лучше русских с тем, чтобы гармонизировать свой природный образ жизни с западным, неизмеримо более далеким от них, чем от русских. И все-таки напряжение в душах индусов должно быть очень сильным, и раньше или позже должна произойти разрядка.

Какой бы выход ни нашли они в конце концов, очевидно, что это не будет поворот к коммунизму, ибо коммунизм — западная ересь, воспринятая православно-христианской в прошлом Россией, — такая же неотъемлемая часть греко-иудейского наследия, как и сам западный образ жизни, и вся эта культурная традиция чужда индусскому духу.

Существует, правда, один фактор в экономической и социальной ситуации в Индии, который может дать шанс коммунизму — как бы экзотичен ни был он на индийской почве, — и этим подрывным фактором является все нарастающее давление численности населения Индии на средства пропитания. Это очень важный момент, ибо тот же фактор действует сегодня в Китае, Японии¹³, Индокитае, Индонезии и Египте. Во всех этих незападных странах влияние Запада привнесло с собой прогрессивные методы увеличения продуктов питания за счет ирригации, новых сельскохозяйственных культур, совершенствования агротехники; и во всех этих странах, по крайней мере до сих пор, рост продуктов питания не обеспечил того, чтобы поднять уровень жизни растущего населения, а только смог удержать огромные массы населения на старом нищенском уровне, едва превышающем уровень голодной смерти. Поскольку постоянное увеличение продуктивности должно раньше или позже привести к убывающему плодородию почвы, жизненный уровень этого постоянно разбухающего населения обречен на снижение и невозможно провести грань между нынешним уровнем и откровенным бедствием в огромных масштабах.

В такой отчаянной экономической ситуации коммунизм может найти для себя опору и здесь, в Индии, и в других азиатских странах, хотя он так же чужд их народам, как и западный образ жизни. Ибо коммунизм предлагает программу тотальной принудительной коллективизации и механизации как обманчивое средство вывода

угнетенного азиатского крестьянина из тяжелого положения, в то время как предлагать этому крестьянству решать свои проблемы по американскому образцу было бы насмешкой. С той же проблемой народонаселения и ее воздействием на соревнование между Россией и Западом мы столкнемся и на Дальнем Востоке, но это станет предметом обсуждения в следующей главе нашего исследования.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЗАПАД

В предыдущей главе мы отметили, что западный образ жизни более далек от индусского, нежели от русского или мусульманского, ибо в индуистском наследии если и присутствуют, то лишь незначительные вкрапления греческих или иудейских элементов, тогда как для ислама, России и Запада греко-иудейская традиция является общим наследием. Что касается Дальнего Востока, то у него еще меньше общего с культурным наследием Запада, чем даже у Индусского мира. Правда, в искусстве Дальнего Востока ощущается влияние греческого искусства, однако это греческое влияние достигло Дальнего Востока через индийские каналы; оно пришло следом за индийской религией, буддизмом, охватившим Дальний Восток таким же образом, как Греко-римский мир был охвачен религией иудейского происхождения, то есть христианством. Верно и то, что другая религия иудейского происхождения — ислам, распространившаяся по территории Индии путем завоеваний, достигла западных оконечностей Китая путем мирного проникновения. Таким образом, Дальний Восток, как и Индия, испытал влияние нашего Греко-иудейского мира еще задолго до того, как на него в XVI веке обрушился удар современной Западной цивилизации; однако на Дальнем Востоке это дозападное греко-иудейское влияние было еще слабее, чем в Индии. Слишком слабым, чтобы проложить дорогу родственной ему Западной цивилизации. Так что, когда в XVI веке португальские первопроходцы совершили первую высадку на берега Китая и Японии¹, они воспринимались там как сверхъестественные пришельцы с другой планеты.

Эффект этого первого нашествия Запада на Дальний Восток оказался смешанным. Это была неустойчивая смесь восхищения с отвращением, и при самой первой встрече последнее возобладало. Незваные гости с Запада были отброшены назад, в океан, откуда они столь внезапно вторглись на дальневосточные берега; и после этого Япония, Китай и Корея закрыли свои двери для чужеземцев и постарались сделать все возможное, чтобы сохранить себя «царствами-

отшельниками». Однако история на том не закончилась. Хотя западных захватчиков и изгнали из Японии в XVI веке и из Китая в XVII², они тем не менее вернулись обратно в XIX веке, и на этот раз им удалось внедрить западный образ жизни на Дальнем Востоке, как они уже успели сделать это в России и Индии и частично в Исламском мире.

Чем же отличалась ситуация во время второй попытки Запада завоевать Дальний Восток, что позволило на этот раз победителю добиться успеха?

Одно очевидное отличие заключается в технологии. В XVI и XVII веках западные корабли и оружие не настолько превосходили вооружения и флот Дальнего Востока, чтобы дать Западу ощутимый перевес сил. В этом первом раунде борьбы между двумя цивилизациями Дальний Восток остался хозяином положения; и, когда он почувствовал необходимость разорвать отношения, западным пришельцам не хватило сил противостоять этому. Но когда западные гости появились вновь на берегах Китая и Японии в XIX веке, баланс сил был в их пользу, ибо китайские и японские вооружения оставались все теми же, что и два века назад, в то время как на Западе за этот период произошла промышленная революция; пришельцы вернулись, оснащенные новейшим оружием, с которым дальневосточные державы тягаться не могли. В этих новых обстоятельствах они были вынуждены уступить влиянию Запада, причем перед ними открывались два возможных пути. Если дальневосточное царство-отшельник попыталось бы проигнорировать технологический вызов Запада, то его крепко запертые двери быстро вышибли бы западные орудия. Единственной альтернативой было держать непрошенных гостей на расстоянии, освоив их собственное оружие; но это можно было сделать, лишь добровольно распахнув свои двери западным технологиям прежде, чем захватчик вломится силой. Японцы оказались проворнее китайцев и быстрее освоили производство и владение новейшими типами западных вооружений; но и китайцы, в конце концов, в самый последний момент успели переориентироваться, избежав участи Индии — полного закабаления западной державой.

Однако и на этом наша история не закончилась. Ибо, хотя технологическое превосходство Запада, пережившего промышленную революцию, может объяснить, почему дальневосточные народы были вынуждены открыть свои двери Западной цивилизации в XIX веке, нам еще предстоит понять, что же побудило их разорвать отношения с западными пришельцами в XVII и XVIII веках. Разрыв при первом столкновении двух миров на первый взгляд удивляет, так как в XVI веке дальневосточные народы гораздо благосклоннее встретили этих, тогда еще совершенно незнакомых им чужестранцев,

нежели тремя веками позже, когда те вернулись, отягощенные плохой репутацией, заработанной прежде. И тем не менее второе столкновение, характерное тем, что поначалу дальневосточные народы весьма неохотно вступали в контакт, закончилось внедрением западного образа жизни, в то время как первое, начавшееся весьма благожелательно, закончилось полным разрывом. Где же ключ к этой удивительной разнице между двумя актами одной драмы, — драмы столкновения между Дальним Востоком и Западом?

Различие в реакции дальневосточных народов на Западную цивилизацию в этих двух случаях имеет характер отнюдь не случайный или необычный. Реакция была разной оттого, что Вызов, стоявший перед ними в каждом из случаев, был неодинаков. В XIX веке Западная цивилизация предстала перед ними прежде всего в облике незнакомой новой технологии, в XVI же она возникла в облике новой незнакомой религии. Именно тот ракурс, в котором предстала Западная цивилизация, и предопределил различие в реакции, вызванной в умах и душах дальневосточных народов в первом и во втором случаях: незнакомую технологию не так трудно воспринять, как незнакомую религию.

Технология оперирует вещами и понятиями, лежащими на поверхности жизни, так что кажется практически безопасным взять на вооружение зарубежную технологию, не подвергая себя риску духовного закабаления. Но разумеется, представление, что, овладевая чужой технологией, связываешь себя лишь до определенной степени, скорее всего, ошибочно. Истина в том, что все отдельные элементы культурного пространства имеют глубинную внутреннюю связь между собой, так что, отбрасывая старую и привычную технологию и овладевая новой и чужой, нельзя удержать изменения на чисто технологическом уровне, они постепенно будут проникать все глубже, подтачивая исконную культурную традицию и завоеывая все новые и новые пространства для пришлой культуры, которая продвигается шаг за шагом, проникнув через щелку, пробитую клином техники.

Сегодня мы своими глазами можем видеть, как этот скрытый эффект начинает проявляться на всем культурном пространстве Китая, Кореи и Японии спустя столетие или больше после того, как современная западная технология начала просачиваться в эти страны. Существенным фактором при этом, однако, является время; поэтому те революционные изменения, которые совершенно очевидны для нас сегодня, не могли предвидеть государственные деятели Дальнего Востока сто лет назад, когда они с большой неохотой принимали решение допустить чужеземную технологию в свои страны. Как и их турецкие современники, они намерены были воспользоваться западной технологией лишь настолько, насколько это

было необходимо для собственной обороны и безопасности. Но, даже если бы у них зародились подозрения о подспудных силах, заключенных в железном корпусе этого механического Троянского коня, они, скорее всего, не отказались бы от того, чтобы впустить его внутрь. Ибо понимали, что стоит отказаться принять чужую западную технологию, и их страны тут же станут жертвами вооруженного захвата. Итак, дальневосточным государственным мужам предстояло принять решение перед лицом внешней военной угрозы. По сравнению с этим внутренняя опасность подчиниться целиком, с потрохами западному образу жизни казалась более отдаленной угрозой, которой можно было на время пренебречь. «Довлест дневи злоба его».

Таким образом, в XIX веке заимствование неизмеримо превосходящей западной технологии показалось дальневосточным государственным деятелям оправданным риском и насущной необходимостью. Именно этим объясняется, почему на этот раз они приняли от Запада то, что им было отнюдь не по вкусу. По крайней мере это казалось меньшим злом, нежели перспектива быть завоеванными и поработанными тем самым оружием, которым они решили овладеть в целях военной безопасности и политических гарантий. С другой стороны, злополучный «западный вопрос», с которым столкнулись и их предшественники в XVI—XVII веках, проявился на этот раз в совершенно иной форме.

В том первом столкновении с Западом непосредственная опасность, которую следовало отразить японским правителям, заключалась не в военной угрозе и попытке завоевания с помощью новейшего, неотразимого оружия; опасность крылась в том, что народ предпочтет неизвестную, но неотразимо привлекательную религию, которую усердно проповедовали западные миссионеры. Возможно, японские государственные мужи и не имели ничего против западного христианства как такового, ибо в отличие от западных пришельцев того времени дальневосточные народы XVII века отнюдь не были заражены тем религиозным фанатизмом, какой проявляли в то время их западные современники в религиозных войнах у себя на родине, унаследовав его от иудейского прошлого. И китайские и японские правители того времени были воспитаны в более терпимых философских традициях конфуцианства и буддизма, и вполне возможно, что они не стали бы возражать против прихода иной религии, если бы не заподозрили, что религиозная деятельность христианских миссионеров имела на самом деле политическую подоплеку.

Японцы опасались, что их соотечественники, обратившись в христианскую веру, впитают вместе с новой религией и ее религиозный фанатизм и под его деморализующим воздействием превратятся в то,

что мы на Западе сегодня назвали бы «пятой колонной»³. Если бы это опасение материализовалось, то португальцы или испанцы, сами по себе не представлявшие большой угрозы для независимости Японии, могли бы попытаться завоевать Японию руками внутренних предателей. Собственно, японское правительство в XVII веке объявило христианство вне закона и преследовало его по тем же самым соображениям, по каким нынешние западные правительства предпринимают меры против коммунизма: из-за общего для западных верований фактора, а именно фанатизма, унаследованного ими от иудаизма, становившегося камнем преткновения во всех азиатских странах, куда добиралась пропаганда христианства.

Чужая агрессивная религия со всей очевидностью куда более серьезная и непосредственная угроза для общества, нежели агрессивная зарубежная технология; и причиной тому нечто гораздо более глубокое, чем просто опасность «пятой колонны». Глубинная причина заключается в том, что если технология оперирует прежде всего поверхностными факторами жизни, то религия проникает прямо в сердце; и хотя технология тоже в конечном итоге может иметь серьезный разрушительный эффект на духовную жизнь общества, в котором она укоренилась, этот эффект проявляется не слишком быстро. По этой причине цивилизация-агрессор, выступающая под религиозным флагом, вызовет более сильное и немедленное противодействие, нежели та, которая оказывает свое воздействие через технологический процесс; это и проясняет, почему на Дальнем Востоке, как и в России, Западная цивилизация была вначале отвергнута, а затем, при втором соприкосновении, принята. На Руси в XV веке и на Дальнем Востоке в XVII Западная цивилизация требовала обращения в западную форму христианства и оттого была отвергнута; поэтому не случайно, что ее миссионерская стезя повернула резко от явной неудачи к потрясающему успеху, едва только ее собственное отношение к религии предков сделало столь же резкий поворот от горячей приверженности к холодному скептицизму.

Эта великая духовная революция настигла Западный мир ближе к концу XVII века, когда после сотни лет бесконечных кровавых гражданских войн под знаменами различных религиозных течений западные народы почувствовали отвращение не только к религиозным войнам, но и к самой религии. Реакцией Западного мира на этот печальный опыт порочности религиозного фанатизма было то, что он отвернулся от религии вовсе и переключился на технологию; и вот эта-то утилитарная технологическая цитата из библии Западной цивилизации, в которой строка религиозного фанатизма была вымарана, и пронеслась по миру, как лесной пожар, за последние два столетия, начиная от поколения Петра Великого до поколения Мустафы Кемалья Ататюрка.

Возможно, в поисках какого-либо вразумительного объяснения того поразительного отличия результатов двух последовательных набегов Запада на Дальний Восток мы наткнулись на некий «закон» (если можно его так назвать), применимый не только к данному частному случаю, но и ко всем столкновениям между цивилизациями. Этот «закон» гласит, что отдельный фрагмент какой-либо культуры, отщепленный от культурного целого и запущенный на зарубежную орбиту, сам по себе имеет шанс встретить меньше сопротивления и, таким образом, может продвинуться быстрее и дальше, нежели чужеродная культура, переносимая на новую почву целым блоком. Западная технология в отрыве от западного христианства была принята не только в Китае и Японии, но и в России и многих других незападных странах, где прежде она отвергалась, внедряемая как единый и неделимый образ жизни, включающий и христианство.

Почти всемирное распространение технологических осколков, отлетающих от нашей Западной цивилизации начиная с конца XVII века, на первый взгляд производит немалое впечатление, если мы сравниваем этот успех с фактически полным провалом попыток внедрить наш образ жизни в жизнь незападных народов во времена раннего средневековья, когда его навязывали целиком — вместе с религией, технологией и пр. Теперь же, однако, когда Россия бросила вызов Западу в стремлении к мировому господству, стало заметно, что видимые успехи Запада в технологическом плане оказываются под сомнением по той же причине, по какой они так легко осуществились: причина в том, что эти успехи поверхностны. Запад запустил по миру свои технологии, хитроумно освободив их от препятствия в виде религии, но в следующей главе истории неприкаемую западную технологию подхватили русские и соединили ее с коммунизмом; и эта новая и мощная комбинация западной технологии с западной же религиозной ересью предлагается теперь дальневосточным народам и остальному человечеству в качестве нового образа жизни, альтернативного нашему западному.

В XIX веке мы здесь, на Западе, умилялись, когда видели, как японцы или китайцы, отвергавшие прежде нашу цивилизацию в ее религиозной форме, стали воспринимать ее секуляризованный вариант, где бывшее почетное место религии заняла технология. И революция Мэйдзи в Японии в 60-х годах прошлого века, и гоминьдановская революция в Китае в 20-х годах нынешнего⁴ — каждая в свое время выглядели как триумф секуляризованной Западной цивилизации современной эпохи. Но на нашем веку эти светские заповеди нашей цивилизации принесли разочарование в обеих странах. В Японии они привели к губительному милитаризму, в Китае — к разрушительной политической коррупции; в обеих странах эта катастрофа привела режимы к ужасному концу, а в Китае

неудача с внедрением секулярной формы Западной цивилизации открыла возможность победы коммунистического режима. Что же сопутствовало успеху коммунизма в Китае? Насколько можно понять, не столько позитивное отношение к коммунизму, сколько полное разочарование в гоминьдановской политике переустройства управления Китаем по современному западному типу. Есть подозрение, что и японцы, если бы им дали возможность выбирать, тоже могли бы склониться к коммунизму, причем по той же негативной причине.

В Японии, как и в Китае, существуют сегодня два фактора, говорящие в пользу коммунизма: во-первых, разочарование прежними попытками внедрить западный образ жизни и, во-вторых, несоответствие между быстрым ростом населения и средствами пропитания, — несоответствие, которое, как мы отмечали в предыдущей главе, угрожает и современному режиму в Индии. Истина в том, что, предлагая японцам и китайцам секуляризованный вариант Западной цивилизации, мы даем им «камень вместо хлеба», в то время как русские, предлагая им вместе с технологией коммунизм, дают им хоть какой-то хлеб, пусть черный и черствый, если хотите, но пригодный к употреблению, ибо он содержит зерно духовной пищи, без которого не может жить человек.

Но если Китай и Япония не смогли переварить в XVI веке тот вариант Западной цивилизации, что включал религию, и не могут переносить ее поздний вариант — без религии, то неужели же единственной альтернативой способен быть лишь коммунизм? Ответ на это есть: и в Китае и в Индии в XVI и XVII веках, задолго до возникновения самой идеи коммунизма, альтернативное решение БЫЛО найдено и испробовано христианскими миссионерами-иезуитами. Правда, этот эксперимент потерпел неудачу, однако его погубили не собственные внутренние дефекты, но печально известное соперничество и разногласия между иезуитами и другими римско-католическими миссионерскими орденами⁵.

В Китае и Индии иезуиты не повторили ошибок, совершенных ими в Японии, когда на них пало подозрение, что проповедь христианства ведется в политических интересах агрессивных западных держав. Подход к пропаганде христианства в Китае был настолько оригинальным и многообещающим, настолько перспективным, по сути дела, и сегодня, что наше исследование столкновений азиатских народов с Западом будет неполным, если не принять во внимание те возможности, что иезуиты открыли в Китае и Индии. Вместо того чтобы пытаться отделить христианство от секулярной сути Западной цивилизации, как мы все пытаемся делать с тех пор, иезуиты постарались очистить христианство от его нехристианских ингредиентов, характерных для Западной цивилизации, и представить

его китайцам и индусам не как локальную религию Запада, но как универсальную религию, несущую послание всему человечеству. Иезуиты отбросили все случайные и несущественные западные аксессуары и преподнесли китайцам и индусам самую суть христианства, в каждом случае облачая ее в интеллектуальные и литературные одежды, характерные для данного народа и лишенные неуместных западных прикрас, коробивших азиатские души. Этот эксперимент в первой попытке провалился из-за внутренних усобиц в лоне самой римско-католической Церкви того времени, — усобиц, не имевших никакого отношения ни к христианству как таковому, ни к Китаю или Индии; однако, принимая во внимание, что и Индия, и Китай, и христианство и сегодня присутствуют на мировой арене, можно ждать и надеяться на новую попытку провести этот эксперимент. Недавняя победа коммунизма над Западной цивилизацией (оторванной от христианства) в Китае еще не говорит о том, что для христианства там нет будущего в какой-либо отдаленной главе истории, еще скрытой от нас за горизонтом.

ПСИХОЛОГИЯ СТОЛКНОВЕНИЙ

В первых главах этой книги мы сделали обзор четырех эпизодов истории, где Западная цивилизация сталкивалась с каким-либо из современных ей незападных обществ. Перед нашим взором прошли встречи России, ислама, Индии и Дальнего Востока с Западным миром. Наше исследование показало, что при всем различии опыта в случаях, когда общество испытывает удар со стороны чужой цивилизации, все четыре эпизода имеют ряд общих характеристик; поэтому целью настоящей главы является выбрать для дальнейшего изучения несколько факторов, которые представляются характерными не только для столкновений современного мира с Западом, но и для всех подобных столкновений между различными цивилизациями. Похоже, что существует некая общая психология столкновений, а это уже представляет практический интерес и значение сегодня, когда внезапное «сокращение расстояний» посредством использования достижений западной технологии столкнуло лицом к лицу, в упор десятков различных обществ, еще вчера живших своей жизнью почти так же независимо от других, как если бы каждое жило на отдельной планете, а не в гуще других представителей того же рода.

Можем начать с того, что вспомним одно общее явление, привлечшее наше внимание в последней главе, где мы рассматривали

сравнительные характеристики двух последовательных нашествий Западной цивилизации на Китай и Японию. Мы заметили, что в первом случае Запад пытался навязать дальневосточным народам западный образ жизни во всей его полноте, вместе с религией и технологией, и эта попытка успеха не имела. Затем, как мы видели, во втором акте драмы Запад предложил тем же народам секуляризованный вариант Западной цивилизации, где религия отсутствовала как компонент, а главным элементом стала технология; и как мы узнали, этот технологический срез, отщепленный от религиозной сердцевины нашей цивилизации примерно в конце XVII века, действительно сумел проникнуть в жизнь дальневосточного общества, того самого, которое прежде отвергало попытку внедрить туда западный образ жизни единым блоком, вместе с религией, технологией и пр.

Здесь мы имеем некое явление, по-видимому часто встречающееся, когда культурный луч цивилизации, охватывающей своим излучением других, упирается в незнакомое социальное тело. Сопротивление этого чуждого тела расщепляет луч на составные части подобно световому лучу, расщепляющемуся при встрече с призмой. Из оптики мы знаем, что некоторые из линий спектра обладают большей проникающей способностью по сравнению с другими, и мы можем наблюдать подобное явление с компонентами расщепленного культурного луча.

Для иллюстрации возьмем примеры из физики и медицины. Научившись расщеплять атом, мы, на свою беду, узнали, что частицы, составляющие атом какого-нибудь совершенно безвредного элемента, перестают быть безобидными и превращаются в грозную и опасную силу, как только отделяются от стройной структуры, какую представляет собой атом в целом, и пускаются в самостоятельный путь. Мы узнали также — правда, уже не на свою беду, а на беду сообществ-отшельников, сумевших сохранить образ жизни первобытного человека, что болезни, которые мы считаем незначительными, ибо за долгие века сосуществования с ними мы выработали против них стойкий иммунитет, могут оказаться смертельными для островных обитателей южных морей, впервые столкнувшихся с этими заболеваниями при появлении европейских вирусносителей¹.

Свободный луч культурного излучения, как свободный электрон или вирус заразной болезни, может оказаться смертельным в случае, если будет сдвинут со своего места в строгой структуре, в которой он функционировал до того, и пущен на волю в совершенно новую для себя среду. В первоначальной, родной структуре этот культурный луч, бактерия или электрон не имели возможности сеять смуту, будучи жестко привязаны к остальным компонентам

той структуры, где все части и функции их пребывали в равновесии. Теряя связь с первоначальной структурой, свободная частица, бактерия или культурный луч не изменяют своей природы, однако та же прежде безвредная природа вдруг обретает смертоносную силу, разорвав привычные связи. В этих обстоятельствах — где «усопшему мир», там «лекарю пир», иными словами, что одного лечит, то другого калечит.

В том комплексе столкновений между остальным миром и Западом, который мы рассматриваем в данной книге, имеется классический пример того, какой вред может нанести некий институт, вырванный из привычной социальной среды и силой перенесенный в другой мир. За последние полтора века, что нам легко проследить, мы, западный политический институт «национальных государств», прорвали границы своей первородины, Западной Европы, и проложили путь, усеянный шипами гонений, резни и лишений, в Восточную Европу, Юго-Восточную Азию и Индию, для которых институт «национального государства» не был исконной принадлежностью социальной системы, но был экзотической структурой, сознательно импортированной с Запада отнюдь не потому, что был опробован и сочтен приемлемым для местных условий этих незападных регионов, а просто оттого, что политическая мощь Запада придавала его политическим институтам иррациональную, но неотразимую привлекательность.

Смута и опустошение, вызванные в этих регионах установлением заимствованного западного института «национальных государств», намного масштабней и глубже, нежели вред, нанесенный тем же институтом в Великобритании или Франции и других западноевропейских странах, где этот институт развивался спонтанно и постепенно, а не был искусственно пересажен извне.

Ясно, почему один и тот же институт вызывает столь поразительно различный эффект в двух различных социальных средах. В Западной Европе он не наносит особого вреда по той же причине, по которой, собственно, и возник там, а именно потому, что в Западной Европе он соответствует естественному распределению языков и политических границ. В Западной Европе люди, говорящие на одном языке, в большинстве случаев живут компактными сообществами на одной компактной же территории, где достаточно четкие лингвистические границы отделяют одно сообщество от другого; и там, где языковые границы образуют нечто вроде лоскутного одеяла, эта лингвистическая карта удобно соответствует политической, так что «национальные государства» появились как естественный продукт социальной среды. Большая часть исторической территории западноевропейских государств действительно примерно соответствует однородным кускам лингвистической карты;

это соответствие, разумеется, получилось в основном непреднамеренно. Западноевропейские народы вряд ли сознавали, что процесс формирования их политических границ основывался на языковом базисе; поэтому и дух национализма в целом сложился в этих условиях легко и естественно. Те же языковые меньшинства, что оказались как бы не по ту сторону границы, по большей части выказывали свою лояльность и встречали понимание, ибо их давнее сосуществование как граждан единого сообщества с большинством, говорящим на «национальном языке», являлось историческим фактом, принимаемым как данность, ибо не было привнесено извне.

Посмотрим же теперь, что случалось, когда этот западноевропейский институт «национальных государств», бывший естественным продуктом истории в месте своего рождения, оказался перенесенным на чужую территорию тех регионов, локальная лингвистическая карта которых имела совершенно иную структуру. Стоит посмотреть на языковую карту всего мира, и мы увидим, что европейское поле, где языки расположены достаточно четкими компактными и однородными блоками, есть нечто особое и исключительное. На значительно большей территории, протянувшейся к юго-востоку от Данцига и Триеста до Калькутты и Сингапура, языковая карта отнюдь не напоминает лоскутное одеяло, скорее, она похожа на переливающееся шелковое покрывало. В Восточной Европе, Юго-Восточной Азии, Индии и Малайе люди, говорящие на разных языках, не разделены так четко, как в Западной Европе, они перемешаны географически, как бы чередуясь домами на одной улице одних и тех же городов и деревень; вот в этой иной социальной среде, где лингвистическая карта напоминает ковер, в котором нити разных цветов переплетаются между собой, имеется основа не для разделения границ между государствами, но для локализации занятий и профессий среди отдельных групп людей.

В Османской империи лет полтора-два назад, перед тем как западный институт четкого компактного однородного государства произвел свое разрушительное воздействие на этот чужой ему регион, турки были крестьянами и чиновниками, лазы — моряками, греки — моряками и торговцами, армяне — банкирами и торговцами, болгары — конюхами или овощеводами, албанцы — каменщиками и наемными солдатами, курды — пастухами и носильщиками, влахи — пастухами и коробейниками². Национальности не только были географически перемешаны, но и экономически взаимозависимы; такое соответствие национальностей и занятий было естественным порядком вещей в том мире, где языковая карта выглядела не лоскутным одеялом, а винегретом. В этом Османском мире для того, чтобы создать национальные государства по западному

образцу, следовало превратить языковой винегрет в языковое лоскутное одеяло, опять же по западноевропейскому образцу; однако сделать это можно было лишь варварскими методами, что и происходило последние полтора века с опустошающими результатами на огромном пространстве, протянувшемся от Судет до Восточной Бенгалии³. Таков разрушительный эффект, вызванный идеей перенести институт или методы, вырванные из своей природной среды, в социальное окружение, где они вступают в конфликт с естественным историческим развитием социальных структур.

Истина состоит в том, что каждое исторически сложившееся культурное пространство есть органичное целое, где все составные части взаимозависимы, так что при отделении одной из частей и сама эта часть, и оставшееся нарушенное целое ведут себя иначе, нежели в исконном состоянии. Вот почему «что полезно одному», то, по всей вероятности, «вредно другому»; и второе следствие — «одно влечет за собой другое». Если от культурного пространства отщепляется некий клин и вбивается в чуждое социальное измерение, этот отдельный клин непременно тянет за собой в чуждое общество другие элементы той социальной системы, где он чувствовал себя естественно и откуда насильно был извлечен. Разорванное пространство тяготеет к воссоединению в том чуждом окружении, куда проторил путь один из его компонентов.

Чтобы увидеть, как на практике происходит тот процесс при культурном взаимодействии, давайте рассмотрим пару конкретных примеров.

В Соединенном Королевстве была издана Голубая книга⁴ о состоянии социальной и экономической ситуации в Египте в 1839 году, где упоминается, что в это время главный родильный дом в стране был расположен на территории военно-морского арсенала в Александрии. Звучит странно, но если мы проследим за событиями, которые привели к такому поразительному на первый взгляд результату, то увидим, что это было неизбежно.

К 1839 году османский генерал-губернатор Египта, небезызвестный Мехмед Али Паша, уже тридцать два года предпринимал усилия к тому, чтобы оснастить свою армию новейшим западным оружием. Провал наполеоновской экспедиции в Египте открыл Мехмеду Али глаза на необходимость иметь мощные военно-морские силы. Он решил создать военный флот по современной ему западной модели; при этом он сознавал, что флот не будет самодостаточным, если не добиться того, чтобы египетские военные корабли строились в египетских доках руками египетских корабелов, но понимал он и то, что обучить египетский персонал и техников смогут лишь западные строители, инженеры и другие специалисты. Итак, Мехмед Али пригласил западных экспертов, привлекая их высокими

заработками. И, однако же, западные специалисты не спешили подписать контракты, пока не были уверены, что смогут привезти с собой семьи, а семьи они в свою очередь готовы были привезти лишь в том случае, если им будет обеспечено медицинское обслуживание по принятым в то время западным стандартам. Таким образом, Мехмед Али обнаружил, что он не может набрать столь нужных ему специалистов, не наняв одновременно и западных медиков; но, поскольку он твердо решил создать флот, ему пришлось приглашать и медиков. Врачи, специалисты и их семьи прибыли все одновременно; специалисты принялись за строительство арсенала, медики, как и должно, следили за здоровьем женщин и детей этой новой западной колонии в Александрии. Однако скоро они обнаружили, что, сколь ревностно ни исполняй свой долг, остается слишком много свободного времени, и, будучи энергичными, проникнутыми общественным сознанием практиками, они решили сделать что-то полезное и для местного населения. С чего начать? По всей видимости, акушерство оказалось на первом месте. Таким вот образом и возник родильный дом в границах морского арсенала, и данная последовательность событий, как мы видим, была естественна и неизбежна.

Эта поучительная история убеждает нас в том, с какой быстротой одно влечет за собой другое при культурном взаимодействии, а также и в том, на какую революционную глубину может проникнуть этот процесс. При жизни того поколения, о котором мы говорим здесь, традиционная изоляция мусульманской женщины от контакта с мужчинами за пределами ее собственного дома соблюдалась еще настолько строго, что в Турции, например, даже во время болезни, угрожавшей жизни любимой жены султана, самое большее, что в соответствии с исламским обычаем мог сделать западный врач для своей драгоценной царственной клиентки, — это проверить пульс на запястье ручки, стыдливо высунутой из-за плотного полога, скрывавшего невидимую постель больной. Это все, что разрешалось западному врачу сделать для пациентки, чья жизнь была одним из главных сокровищ правителя — по всем приметам полноправного диктатора. В то время и самодержавие султана не способно было преодолеть традиционные исламские социальные условия, даже в вопросах жизни и смерти дорогого для него существа. И вот в течение жизни того же поколения ситуация изменилась настолько, что мусульманские женщины уже смело входили в пределы чужеродного арсенала, чтобы воспользоваться услугами этих неверных западных акушеров. Столь полный разрыв с традиционными исламскими понятиями о приличиях в отношениях между мужчинами и женщинами был прямым следствием решения египетского паши о создании военного флота по западному образцу, и

этот невольный и на первый взгляд отдаленный социальный эффект последовал за вызвавшей его технологической причиной в кратчайший промежуток времени — менее половины жизни одного поколения!

Такой пикантный, однако вполне репрезентативный отрывок из социальной истории дает возможность понять, до какой степени заблуждались османские государственные деятели XIX века, думая, что смогут оснастить свою страну подходящими западными вооружениями и остановить на этой точке дальнейшую вестернизацию страны. И только во время Мустафы Кемаля Ататюрка, уже в наши дни, османские мужи признали ту истину, что в рискованном предприятии культурного взаимодействия одно неизбежно влечет за собой другое до тех пор, пока внедрение западных вооружений и армейских атрибутов, принятое на Западе, и западных методов обучения не приведет за собой не только эмансипацию мусульманских женщин, но и замену арабского алфавита на латинский и отделение от государства исламской Церкви, которая ранее во всех исламских странах безраздельно властвовала над всеми сторонами жизни.

В наши дни великий современник Ататюрка Махатма Ганди в Индии также понял, что в культурном взаимодействии одно неизбежно влечет за собой другое. Ганди видел, что мириады хлопковых нитей — возвращенных в Индии, но превращенных в пряжу в Ланкастере и там же сотканных в одежду для индийцев, — грозили связать Индию с Западным миром паутиной-сетью, которую вскоре будет разорвать труднее, чем стальные оковы. Ганди увидел, что, если индусы будут носить одежду, сшитую на Западе из ткани, изготовленной на западных станках, они вскоре захотят иметь подобную технику в Индии для той же цели. Сначала начнут импортировать прядильные и ткацкие станки из Англии, затем научатся делать это оборудование самостоятельно, наконец, станут покидать свои поля, чтобы работать на современных индийских ткацких фабриках или литейных заводах, и, как только привыкнут работать по-западному, пристрастятся и к западным формам досуга, развлечениям — кино, собачьим бегам и всему остальному, пока не обнаружат в себе ростков западной души и не забудут о том, что они индусы. Пророческое предвидение Махатмы рисовало картину превращения хлопкового семени в огромное дерево, ветви которого затеняют весь континент; и тогда индийский пророк обратился к своим соотечественникам с призывом спасти свои души, подрубив под корень это мощно разросшееся западное дерево. Он пытался дать им пример, проводя ежедневно несколько часов за прялкой и ткацким станком, ткал вручную старинным индийским способом, ибо видел, что только разрыв зарождавшихся экономических связей

между Индией и Западом сможет уберечь индусское общество от полной и окончательной вестернизации⁵.

Предвидение Махатмы Ганди оказалось безошибочным. Вестернизация Индии, которую он предсказывал и пытался предотвратить, начала и продолжает бурно развиваться именно из того самого зернышка — хлопкового семени; верным было и средство Ганди против западной инфекции. Однако пророку так и не удалось убедить своих последователей в необходимости отстаивать независимость Индии ценой крайнего экономического аскетизма. Отказаться от потребления товаров из хлопка, производимых машинным способом, в то время означало понизить уровень жизни индийского крестьянства еще ниже тогдашнего нищенского уровня и полностью разорить те едва народившиеся классы рабочих и хлопковых фабрикантов, которые пытались укрепиться на собственной индийской земле — и в Бомбее, и в родном городе Ганди, Ахмадабаде. Ганди оставил неизгладимый след в истории Индии и всего мира; однако, по иронии судьбы, история распорядилась так, что его усилия по спасению страны от вестернизации дали противоположный эффект, ускорив этот процесс в сфере политической. Именно Ганди с триумфом привел страну к национальному самоопределению, то есть главной политической цели Запада. Даже гений Ганди не смог перебороть беспощадное действие социального «закона»: в столкновении культур одно неумолимо влечет за собой другое, если появляется хоть малейшая брешь в защитном механизме общества, подвергнувшегося штурму.

Наше исследование со всей очевидностью показывает, что внедрение чуждой культуры есть процесс болезненный и тяжелый; при этом инстинктивное противодействие жертвы инновациям, грозящим разрушить традиционный образ жизни, делает этот процесс еще более болезненным, ибо, сопротивляясь первым уколам чужого культурного луча, жертва вызывает лишь его дифракцию — расщепление на отдельные элементы, после чего неохотно допускает наиболее мелкие, казалось бы, незначительные и поэтому не столь разрушительные (из всех для нее ядовитых) элементы чужой культуры в надежде, что на этом сумеет остановить дальнейшее вторжение. Однако же, поскольку одно неизбежно влечет за собой другое, жертва скоро обнаруживает, что приходится по частям принять и все остальные элементы вторгшейся культуры. Поэтому не вызывает удивления то, что естественное отношение жертвы к вторгающейся чужой культуре — это саморазрушающее чувство враждебности и агрессивности.

В ходе нашего обзора мы наблюдали, что отдельные государственные деятели в незападных странах, испытавших штурм Запада, осознавали, что общество, обожженное радиацией более мощной

незнакомой культуры, должно либо принять этот новый образ жизни, либо погибнуть. Перед нашими глазами предстали фигуры Петра Великого, Селима III, Махмуда II, Мехмеда Али, Мустафы Кемали и высшего чиновничества Японии периода Мэйдзи. Эти примеры позитивного и конструктивного Ответа на Вызов культурной агрессии суть свидетельства высокого государственного мышления, ибо такой Ответ — победа над природными склонностями. Природный инстинкт — это инстинкт устрицы, закрывающей створки, или черепахи, скрывающейся в панцире, ежа, свернувшегося в колючий клубок, наконец, страуса, зарывающего голову в песок; в истории столкновений с Западом — как России, так и ислама — есть примеры именно такой реакции на Вызов.

В консервативных умах попытки научиться бороться с агрессивной чуждой цивилизацией ее же оружием вызовут немало опасений. Все ваши Петры и Мустафы Кемали, скажут они, просто сдают позиции под предлогом необходимости привести свои оборонные силы в соответствие со временем. Не лучше ли дать отпор чужой культуре при помощи решительного и непреклонного бойкота этому ненавистному чуду? Если бы мы скрупулезно, до запятой соблюдали святые заповеди, оставленные нам Господом наших предков, разве не растрогался бы Он и не протянул нам в помощь Свою правую руку, защитив от нашествия неверных? В России так рассуждали староверы, шедшие на муки ради соблюдения мельчайших — на сторонний взгляд, совершенно несущественных — деталей церковных обрядов⁶; в Исламском мире такой же была реакция ваххабитов, сенусситов, идрисидов⁷, махдистов и других пуританских сект, вышедших из Пустыни на тропу войны против османских вероотступников, которые, в глазах фанатиков, предали ислам, избрав западный путь развития.

Суданского фанатика Мухаммеда Ахмеда можно противопоставить русскому технократу Петру; однако ни овладение чуждой новейшей технологией, ни ревностное сохранение традиционного образа жизни не могут быть полным и окончательным Ответом на Вызов наступающей чуждой цивилизации. Чтобы узнать, каким же должен быть окончательный ответ, следовало бы заглянуть вперед, в ту главу неоконченной истории столкновения мира с Западом, которая еще скрыта от нашего взора в тумане будущего. Это недостающее звено мы можем воспроизвести, если вернемся к истории столкновения мира с греками и римлянами, ибо в этом эпизоде свиток истории раскручен полностью, от начала до конца, так что все содержание этой старинной книги лежит перед нашими глазами. Возможно, наше будущее можно расшифровать по книге греко-римского прошлого. Посмотрим, что мы сможем извлечь из этого прошлого.

ГРЕКИ, РИМЛЯНЕ И ОСТАЛЬНОЙ МИР

Как мы знаем из собственного опыта, один из вечных пороков живых существ — эгоизм; у тех же, кто совестлив, эгоцентризм под-держивается иллюзиями. Каждая живая душа, каждое племя или секта ощущают себя избранным сосудом, и нам с трудом дается осознание ложности этого убеждения в собственной несравненности. Правда, мы отлично видим это заблуждение, когда дело касается кого-то другого, лелеющего ту же иллюзию относительно себя. И мы здесь, на Западе, по той же человеческой природе убеждены, что то, что мы сделали для мира за последние несколько столетий, есть нечто беспрецедентное. Эту западную иллюзию легко развеять, стоит только оглянуться назад, в не такое уж далекое прошлое, и посмотреть, что сделали для мира греки и римляне. Мы увидим, что они также в свое время заплотнили мир и точно так же были уверены в своей исключительности. И, прежде чем мы покончим с историей столкновения остального мира с греками и римлянами, станет ясно, что высокая самооценка греко-римского общества разбилась о трудное испытание судом истории.

Экспансия Запада по всему миру, так драматично начавшаяся в эпоху покорения океанов в конце XV века, имеет свой аналог в истории Греко-римского мира — сухопутную экспансию греков, начатую Александром Великим в IV веке до н. э. Марш Александра через всю Азию, от Дарданелл до Пенджаба, совершил революцию, изменив баланс сил в мире точно так же, как впоследствии порушили его путешествия Васко да Гамы и Колумба. И точно так же за этим последовали дальнейшие завоевания. Во II веке до н. э. греки завоевали Индию до самой Бенгалии, в том же столетии римляне захватили на западе земли нынешней Южной Испании и Португалии, выйдя к Атлантическому побережью¹. На упрощенном греческом языке, на котором был написан в I веке христианской эры Новый Завет, и говорили, и его понимали от Траванкора до побережья около Массилии². В одно и то же время Греко-римский мир силой оружия³ аннексировал Британию, а греческое искусство, служа индийской религии — буддизму, — мирно распространилось на северо-восток от Афганистана, достигнув с течением времени Китая, Японии и Кореи⁴. Таким образом, если брать чисто пространственное измерение, греко-римская культура разлилась в свое время по Старому Свету ничуть не менее широко, чем наша западная во

времена нынешние. И в ту эпоху, когда еще не были известны коренные цивилизации обеих Америк, греки вполне могли похвастаться, как и мы сегодня, что их всепроникающая культурная радиация пронизала все современные им цивилизации планеты (размеры которой, кстати, греки определили достаточно точно⁵).

Воздействие греческой культуры на мир в период с IV века до н. э. и позже оказалось столь же резким, как и воздействие современной западной культуры с XV века до наших дней; а поскольку человеческая природа за последние тысячелетия не претерпела сколь-нибудь значительных изменений, то нет ничего удивительного в том, что в истории современных столкновений мы наблюдаем те же несколько вариантов психологического ответа на культурную агрессию, которые мы заметили на примерах прошлых столкновений мира с греками и римлянами.

На том отрезке истории мы найдем своих непреклонных махдистов и легко применяющихся к обстоятельствам Петров Великих. Линию Петра, скажем, можно наблюдать в деятельности Митридата Великого⁶, иранского повелителя Малой Азии, который чуть не одержал верх над римлянами, оснастив и обучив свои войска по образцу греческих и римских и выступив в роли покровителя и защитника греков и их культуры. Был еще Ирод Великий⁷, идумейский царь Иудеи, потерпевший поражение в этом духовном предприятии. Ирод взял на себя миссию склонить своих упрямых палестинских подданных к компромиссу, хотя бы минимальному, с Греческой цивилизацией и римской военной мощью, что для малого восточного народа в окружении Греко-римского мира было единственной альтернативой полному уничтожению. Но курс Ирода на благоразумное примирение с исторически необоримыми фактами потерпел поражение из-за упрямства кучки палестинских евреев-махдистов. Это воинствующее движение началось во II веке до н. э., с жестокого мятежа против политики эллинизации Юго-Западной Азии, проводимой греческими властями. Любому читателю Первой и Второй книг Маккавеев определенно бросится в глаза ближайшее сходство между восстанием Маккавеев в Палестине в 166–165 годах до н. э. и махдистским восстанием под руководством Мухаммада Ахмада в Судане в 1881 году. После новых вспышек восстания под руководством Февды и Иуды, о серьезных поражениях которых упоминает Гамалиил в «Деяниях Апостолов», пламя фанатичного палестинского сопротивления эллинизации достигло апогея во II веке христианской эры в восстании Бар-Кохбы, объявившего себя мессией и сокрушенного римским императором Адрианом⁸.

Палестинские лидеры сопротивления Греко-римской цивилизации среди ориентальных народов не единственные представители этого рода. Уже в конце III века до н. э. нечто похожее на

индийское восстание сипаев случилось среди египетских войск, обученных и экипированных греческим правителем Египта для защиты своих владений от вторжения своего же, греческого соотечественника, правившего в Юго-Западной Азии⁹. Египетские войска наголову разбили чистокровную греческую армию захватчиков, и эта сенсационная победа над потомками непобедимых воинов Александра Македонского вскружила головы египетским солдатам. Помимо этого были вспышки мятежей среди самых несчастливых из всех восточных народов, попавших под греческое или римское владычество, — сирийцев, которых во множестве похищали и в цепях угоняли в рабство на греческие плантации на Сицилии. К концу II века до н. э. сирийские рабы на Сицилии сделали две отчаянные попытки восстать против своих греческих хозяев и их римских покровителей¹⁰.

Эта мрачная повесть о жестоком угнетении и отчаянных мятежах в ранние периоды истории столкновений мира с греками и римлянами откликнулась эхом в знакомых нам главах современной истории столкновений мира с Западом. В вестернизированном мире работорговля, когда-то опозорившая Средиземноморье, возродилась в Атлантике; восстания рабов, подавленные на Сицилии, обернулись победой на Гаити¹¹; восстание обученных греками египетских войск при Птолемах можно сравнить с восстанием сипаев, обученных по западному образцу, против британской Ост-Индской компании; а воинственные восточные движения сопротивления против чужеземного господства, напоминающие неудачные мятежи палестинских евреев и успешные восстания их иранских современников против эллинизации, в наши дни вовсю развернулись в Китае и Малайе и вот-вот готовы разразиться в трех местах Африки¹². До сей поры мы могли читать собственную историю, не заглядывая в греко-римское досье. Но теперь мы подходим к той странице современной книги истории, для нас еще не оконченной, которая скрыта от наших глаз за пологом будущего, и тут греко-римская повесть может стать источником информации о том, что нас подстерегает впереди.

Я, разумеется, не имею в виду, что мы можем составить себе гороскоп на будущее, просто глядя на то, что происходило в греко-римской истории и механически примеряя эти факты к нашей современной ситуации. История не повторяется автоматически; самое большее, что может сделать для нас греко-римский оракул, — это предложить на выбор несколько альтернативных решений для будущего исхода нашей собственной пьесы. И в нашем случае судьба может привести к иному заключению драмы, нежели греко-римское. Вполне вероятно, что Запад и его незападные современники могут повернуть ход столкновения в

совершенно ином направлении, не имеющем аналогов в истории Греко-римского мира. Вглядываясь в будущее, мы шарим в темноте и не должны поддаваться иллюзии, будто можем сами прочертить дорогу, скрытую впереди. Тем не менее было бы глупо не воспользоваться всяким проблеском света, мелькающим перед нашими глазами, а самым светлым лучиком в конечном итоге является для нас тот, что отбрасывает в наше будущее зеркало прошедшей греко-римской истории.

Держа в уме этот призыв к осторожности, перевернем еще несколько страниц греко-римской истории до той картины, на которой изображен Греко-римский мир середины II века от Рождества Христова. Сравнив эту картину с той, что рисует тот же мир двумя веками позже, мы увидим, что за это время произошли изменения к лучшему, не имеющие, к сожалению, параллелей в нашей западной истории на сегодня. В последнем веке дохристианской эры Греко-римский мир сотрясали революции, войны, он лихорадочно бурлил волнениями и насилием, как и наш мир сегодня; но к середине II века н. э. мы наблюдаем мир, воцарившийся от Ганга до Тайна. Все это пространство — от Индии до Британии, по которому с войнами и насилием прокатилась Греко-римская цивилизация, разделено теперь всего на три государства, и все три ухитряются жить бок о бок почти без всяких трений. Итак, весь Греко-римский мир поделен между Римской империей — вокруг Средиземноморья, Парфянской империей — в Иране и Ираке и Кушанской империей — в Центральной Азии, Афганистане и Индостане¹³; и, хотя создатели и правители этих империй по происхождению не относятся к грекам, они тем не менее с гордостью называют себя «эллинофилами», то есть считают своим долгом и честью поддерживать греческую культуру и сохранять и лелеять те провинции, где жив еще греческий образ жизни.

Давайте попробуем проникнуть в сердца и умы тех миллионов греков и многих миллионов представителей эллинизированных или полуэллинизированных восточных народов и бывших варваров, которые теперь мирно живут под прикрытием Римско-парфянско-кушанского мира II столетия н. э. Волны войн и революций, будоражившие души прапрапрадедов наших современников, отступили, и память о кошмарах того времени давно потускнела. Общественная жизнь стабилизировалась благодаря конструктивным государственным мерам, и, хотя социальное устройство весьма далеко от идеалов социальной справедливости, оно терпимо даже для крестьянства и пролетариата, и, конечно же, для всех классов и групп оно предпочтительнее анархии измаилитов¹⁴, которой при этом социальном устройстве нет места. Жизнь стала более устойчивой и безопасной, чем в предшествующем веке, но именно по этой причине — гораздо

более тусклой. Подобно гуманным анестезиологам, все же Цезари и Аршаки вытащили жало из тех жгучих когда-то экономических и политических проблем, которые в том, уже полузабытом прошлом были и стержнем и погибелью человеческой жизни¹⁵. Великодушная акция умелого авторитарного правления непроизвольно создала духовный вакуум в душах людей.

Чем же заполнить сей духовный вакуум? Это главный вопрос в жизни Греко-римского мира II века от Рождества Христова, но просвещенные государственные деятели и философы еще не осознают, что этот вопрос стоит на повестке дня. Первыми, кто расшифровал знак времени и предпринял некоторые акции в духе требований времени, были скромные миссионеры нескольких ориентальных религий. В затянувшемся столкновении между миром и Греко-римской цивилизацией эти проповедники незнакомых религий мягко и аккуратно перехватили инициативу из рук греков и римлян, сделав это настолько незаметно, что их грубые руки даже не почувствовали прикосновения и не подняли тревоги. Но все равно в силовом противоборстве греков и римлян с миром течение уже повернуло вспять. Греко-римское наступление уже потеряло свою мощь, поднимало голову сопротивление, однако этого сопротивления еще никто не осознавал, ибо началось оно в совершенно иной сфере. Греко-римское наступление шло в области военной, экономической и политической, контр наступление же началось в области религиозной. Как покажет время, это новое движение имело огромное будущее. В чем же секрет его успеха? Три фактора успеха можно определить безошибочно.

Одним из факторов, которые во II веке н. э. способствовали возвышению и распространению новых религий, было изнеможение, вызванное столкновением культур. Как мы уже наблюдали, восточные народы отвечали на радиацию греческой культуры двумя противоположными путями. Были государственные деятели школы Ирода Великого, полагавшие, что лучшим средством для приспособления к греко-римскому культурному климату была акклиматизация, и были фанатики, считавшие, что следует, напротив, не замечать изменения климата и вести себя так, будто вокруг ничего не изменилось. После изнурительных испытаний обеих стратегий фанатизм дискредитировал себя как разрушительная сила, а иродианская политика обернулась чувством неудовлетворенности, тем самым также себя дискредитировав. Любой из альтернативных способов ведения культурной войны заводил в тупик. Мораль такова, что никакая культура не способна исполнять свое высокомерное притязание на то, чтобы стать духовным талисманом. Умы и сердца, разочарованные и лишенные иллюзий, уже открыты новому провозвестию, обещающему поднять их над этими бесплодными притязаниями и контрпритязаниями. Вот

тут-то и наступает возможность для возникновения нового общества, — общества, где не будет ни скифа, ни эллина, ни иудея; ни раба, ни свободного; ни пола мужского, ни женского: ибо все мы — одно во Христе Иисусе; или же в Митре¹⁶, Кибеле или Исиде, а может быть, в одном из бодхисатв, Амитабхе или даже, возможно, Авалокитешваре¹⁷.

Таким образом, первым секретом успеха новых религий является предложенный ими идеал человеческого братства, а вторым — то, что эти новые общества открыты для всех людей без различия культур, классов или пола, а также и то, что они ведут к спасительному единению со сверхчеловеческим существом, ибо тот урок, что человек без милости Бога не может состояться, уже заложен глубоко в душах поколения, ставшего свидетелем эпохи трагических бурь, — поколения, за которым по иронии судьбы последовал вселенский мир.

К этому времени были опробованы по крайней мере две «категории богов», и обе не выдержали испытания. Обожещенный воин привел к полному разочарованию. Если бы Александр Македонский совершил то, что он сделал, не с целой армией, а с кучкой пособников, его бы назвали не богом, а бандитом, что и высказал ему в лицо, по описанию Святого Августина¹⁸, некий тирренский пират. А что же обожещенный полицейский? Август, собственно, и превратился в полицейского, когда уничтожил своих пособников-бандитов¹⁹, за что мы ему можем быть только благодарны; но благодарность путем обожещения вряд ли здесь вполне уместна; и все-таки наши души и сердца жаждут какого-то божества, которому можно было бы поклоняться искренне и пылко.

В богах, воплощенных в новых религиях, мы наконец-то увидели божества, которым можно целиком посвятить свое сердце, душу и все свои силы. Митра будет вести нас, как надежный капитан. Исиде обогреет, как ласковая мать. Христос отказался от Своей божественной мощи и славы, чтобы воплотиться в человеческом облике и претерпеть смерть на Кресте ради нас, людей. Точно так же, ради людей, и Бодхисатва, уже достигший нирваны, отказался сделать последний шаг в блаженство. Этот героический первопроходец сознательно обрек себя на беспокойный и горестный труд земного существования, пойдя на эту крайнюю жертву ради любви к ближнему своему, чей путь к спасению только он мог направлять, самоотверженно оставаясь чувствующим и страдающим здесь, на Земле.

Таковы были призывы новых религий к тому страдающему большинству человечества, которое в классический век Греко-римского императорского мира жило в угнетении и унынии, как, собственно, оно живет везде и во все времена. А что же правящее греко-

римское меньшинство, которое сначала опустошило мир завоеваниями и грабежами, а затем принялось охранять развалины в качестве самозванных жандармов? «Они творят пустыню и называют это миром»²⁰ — таков приговор этому делу рук человеческих, приговор, вынесенный одним из их собственных писателей и вложенный им в уста их жертвы из числа варваров. Каким же образом просвещенные и циничные греческие и римские хозяева мира собирались ответить на Вызов мира, брошенный им в виде религиозного контрастования, которое само по себе было Ответом мира на военное и политическое наступление их правителей?

Если заглянуть в души греков и римлян поколения Марка Аврелия, то мы найдем там тот же духовный вакуум, ибо эти покорители мира, как и их сегодняшние западные двойники, уже давно утратили религию своих предков. Тот образ жизни, что они выбрали для себя и стали предлагать всем варварам и ориентальным народам, так или иначе попавшим под влияние греческой культуры, был светским образом жизни, где интеллект призван служить душе, вырабатывая философии, долженствующие занять место религии. Эти философии должны были дать простор разуму и тем самым привязать душу к печальному циклу природы. «Вверх-вниз, вперед-назад, круг за кругом — таков — как сформулировал император-философ Марк Аврелий — монотонный и бессмысленный ритм Вселенной. Обыкновенный средний человек, дожив до сорока лет, успевает испытать все, что было, есть и будет»²¹.

Разочарованное греческое и римское правящее меньшинство фактически испытывало тот же духовный голод, что испытывает и большинство современного человечества, однако те новые религии, которые обращались ко всем без различия пола и положения, встали бы поперек горла философу, не подсласти миссионеры эту незнакомую пилюлю; именно ради того, чтобы выполнить труднейшую задачу — обратить в свою веру самых негибких язычников, воспитанных в греческом духе, — новые религии действительно облекались в различные формы греческого убранства. Все они, от буддизма до христианства включительно, внешне представлялись в виде греческого стиля искусства, а христианство пошло дальше, приняв обличье интеллектуальной греческой философии.

Такова была, собственно, последняя глава в истории столкновения мира с греками и римлянами. После того как они покорили мир силой оружия, мир пленил своих поработителей, обратив их в новые религии, несшие послание всему человечеству без различий между правителями и подданными, между греками, варварами или восточными народами. Войдут ли какие-то из этих страниц греко-римской истории в еще не дописанную книгу нашей

собственной истории столкновения Запада с остальным миром? Невозможно сказать, ибо нам не дано предвидеть будущее. Мы можем лишь заметить, что кое-что из того, что случилось прежде, в другом эпизоде истории, открывает по крайней мере одну из возможностей развития истории, лежащих перед нами.

НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

При чтении книги А. Дж. Тойнби и комментария к ней необходимо иметь в виду следующее: некоторые даты, приводимые автором «Постижения истории», не соответствуют современным научным данным. Поэтому комментатор, не вступая в полемику с А. Дж. Тойнби, всюду стремился указать даты, отражающие нынешний уровень исторического знания.

Кроме того, следует учесть особенности терминологии, вводимой А. Дж. Тойнби. Весьма часто смысл того или иного термина в его употреблении не соответствует общепризнанному и нередко вводится безо всяких пояснений либо оговаривается много ниже. Эти случаи также учтены автором примечаний.

И последнее, относящееся скорее к переводу, нежели к комментарию. Идея всеединства исторического процесса требует единого языка его описания. Поэтому не только в пересказах, но и в сделанных А. Дж. Тойнби переводах отрывков из старинных авторов он употребляет современные выражения, немыслимые в устах Фукидида или Платона, Ибн Хальдуна или даже Макиавелли. Это может показаться читателю не совсем уместным, но таков уж замысел автора «Постижения истории».

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Том восьмой ГЕРОИЧЕСКИЕ ВЕКА

¹ Проникновение индоевропейцев в Восточную Европу произошло в кон. IV — нач. III тыс. до н. э., выделение собственно славян — вряд ли ранее II тыс. до н. э.; о каких-либо контактах славян с ахейскими народами ничего не известно. Первые достоверные сведения о славянах дошли до нас от Тацита в I в. н. э. (попытки обнаружить славян среди названных Геродотом скифских племен малоубедительны).

² Имеется в виду восстание 365 г., когда около 3 тыс. готов, бывших в Константинополе, поддержали узурпатора Прокопия, выступившего против императора Валента.

³ Имеется в виду языческий историк Зосим (изв. во 2-й пол. V в.), чрезвычайно резко отзывавшийся об императорах, активно вводивших христианство, — о Константине I и Феодосии I.

⁴ Набеги викингов подорвали мощь распадавшейся Каролингской империи, но погибла она от внутренних причин, и завоевана была лишь одна небольшая часть — Нормандия.

⁵ Герой ряда песен «Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах» Гунтер (сканд. Гуннар) имел своего исторического прототипа, Гундихария, короля бургундов, чье государство было разрушено гуннами в 437 г.

⁶ Попытки обнаружить реальное историческое лицо за образом героя германских и скандинавских эпических сказаний Зигфрида (Сигурда) были малоуспешны.

⁷ Вук Бранкович (ум. после 1459) — потомок знатного сербского рода после покорения Сербии турками ушел в Венгрию, чтобы не покориться захватчикам. В эпосе он стал князем-оборотнем, получив имя Вук Огненный Змей. Эпический герой болгар и сербов Марко Кралевич, могучий богатырь с тремя сердцами, противник самого турецкого султана, на деле был владельцем небольшого удела в Македонии и погиб в 1395 г., участвуя в битве в составе турецкого войска.

Том девятый КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ В ПРОСТРАНСТВЕ

¹ Самаритяне — этноконфессиональная группа палестинских евреев, особая иудейская секта, сторонники которой признают в качестве Священного Писания лишь Пятикнижие Моисеево и Книгу Иисуса Навина.

² Ливанские христиане-марониты получили свое прозвище от Иоанна Марона (рубеж IV и V вв.), основателя монастыря в Горном Ливане. В нач. VII в. приняли монофелитство. В XII в. сблизились с католичеством, а в XVI в. приняли унию с Римом.

³ Египетский фатимидский халиф Хаким (985–1021, прав. с 996), по-видимому психически больной человек, объявил себя в 1017 г. живым богом, требуя поклонения себе и заявив о необязательности исламских законов. В этом его поддерживал перс аль-Дарази, который после таинственного исчезновения Хакима (по-видимому, тот был убит) переехал в Сирию, где проповедовал возвращение Хакима и основал существующую поныне секту друзов, названную по его имени. Друзы веруют в единого бога Хакима (он же Аллах), который еще должен явиться, в переселение душ, не признают обрезания, запретов на спиртное и свинину.

⁴ Урфа — область в Верхней Месопотамии; областью первоначально распространения несторианства были вся Месопотамия и часть Сирии, монофизитства — Сирия, Египет и Армения.

⁵ Благодатный (или Плодородный) Полумесяц — область Ближнего Востока между Средиземным морем на западе, Малой Азией на севере, Шаронской равниной в Палестине на юге и полукруглой линией, соединяющей северную и южную точки и проходящей по границам Армянского и Иранского нагорий и Сирийской пустыни.

⁶ После поражения Турции в Первой мировой войне на ее территории возник целый ряд государств, являвшихся мандатными территориями Великобритании (Ирак, Трансиордания; с 1950 г. Иордания, Палестина; с 1947 г. Израиль и фактически не существующее Арабское Палестинское государство) и Франции (Сирия и Ливан).

⁷ В 1596 г. Собор православных епископов земель, входивших в польско-литовское государство, принял в г. Бресте унию с католичеством.

⁸ Имеется в виду Немецкая слобода в г. Москве.

⁹ «Иродовским» (по Ироду Великому) А. Тойнби называет такое отношение к чужеродной культуре, при котором принимаются многие черты ее, но сохраняется незыблемой традиционная основа.

¹⁰ Датско-прусская война 1864 г., закончившаяся переходом ряда датских земель к Пруссии, была одним из этапов объединения Германии вокруг Пруссии.

¹¹ После смерти последнего представителя португальского царствующего дома король Испании Филипп II направил в Португалию войска и был в 1581 г. провозглашен королем этой страны. В 1640 г. Португалия восстановила независимость.

¹² Тайпины — участники крестьянского восстания 1850–1854 гг. (отдельные отряды повстанцев действовали до 1868 г.) в Китае. Создали теократическое «Небесное государство великого благоденствия» («Тайпин тяньго») со столицей в Нанкине. Восстание подавлено правительственными войсками с помощью англичан. Тайпины выступали против маньчжурской династии и начинавшегося засилья англичан. В их идеологии сочетались как национальные традиции, так и западные веяния. Ряд реформ (уравнительное землепользование, изъятие товарных излишков, даже упразднение рабства) уходит корнями не только в социалистически-утопические идеи Запада, но и в исконно китайские установления,

другие (равноправие женщин, развитие просвещения) заимствованы у Запада.

¹³ Имеется в виду период более или менее пассивного приятия чуждых традиционному обществу экономических отношений, начинающийся с насильственно навязанных западными державами неравноправных торговых договоров и заканчивающийся провозглашением курса на создание собственной сильной экономики. Для Японии этот период определен здесь в 15 лет, от открытия под угрозой оружия японским правительством портов для торговли с американцами (чуть позднее — с англичанами и русскими) в 1854 г. до революции Мэйдзи в 1868 г. Для Китая — в 118 лет, от начала Первой опиумной войны в 1840 г. до начала «большого скачка» (попытка резко увеличить объем производства без использования иностранной техники: чугун варился в маленьких домнах в каждой крестьянской семье, гидростанции строились вручную) в 1958 г.

¹⁴ Войско Александра, с которым он вторгся в империю Ахеменидов, составляло, по не слишком надежным данным, от 30 до 43 тыс. пехоты и от 4 до 5 тыс. конницы. У его противников (данные еще менее достоверны) в сумме могло быть до 500 тыс. воинов, но ни в одном сражении их превосходство над силами македонского царя не было более чем трехкратным. Испанский конкистадор Франсиско Писарро в 1531 г. отправился завоевывать царство инков, имея всего 130 человек и 57 лошадей (сохранились счета), и со всеми подкреплениями никогда не располагал более чем полутысячей человек. О численности индейского войска нам вообще ничего не известно, но, исходя из весьма ориентировочной численности населения Тауантинсуйу в 6–8 млн, мы можем предположить, что хотя бы несколько десятков тысяч солдат там было.

¹⁵ Основатель стоицизма Зенон (ок. 336–264 до н. э.) был родом из Кития (Китиона) на Кипре. Остров критские мореходы посещали еще в сер. III тыс., а город был основан в 1-й пол. II тыс. до н. э. В круг греческих государств Кипр вошел после походов Александра, а до этого принадлежал Ахеменидам и поддерживал постоянные контакты с Финикией, также входившей в состав Персидской монархии. Греческое население (ахейцы), однако, появилось на Кипре в XII в. до н. э., а со времен Великой колонизации это был уже вполне греческий остров.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНТАКТОВ МЕЖДУ СОВРЕМЕННЫМИ ДРУГ ДРУГУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

¹ Порта (Оттоманская Порта, Высокая Порта, Блистательная Порта) — принятое в Европе до нач. XX в. название Османской империи, произведенное *от итал.* «porte» — «ворота», имеются в виду ворота султанского дворца в Стамбуле.

² Радикально настроенные молодые турецкие офицеры создали в 1889 г. организацию «Единение и прогресс»; члены ее в Европе назывались младотурками. Они пришли к власти в результате революции 1908 г., провели конституционные реформы, но были весьма нерешительны в проведении аграрных преобразований, в ограничении клерикализма в государственной

жизни и резко выступали против автономистских устремлений среди национальных меньшинств.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНТАКТОВ МЕЖДУ СОВРЕМЕННЫМИ ДРУГ ДРУГУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

¹ В Евангелиях не названы ни имена, ни этническая принадлежность, ни количество волхвов — мудрецов-звездочетов, пришедших поклониться Христу. Число три, имена Каспар, Бальтазар и Мельхиор, родина Аравия или Персия, сан царский утверждены средневековой традицией. Традиция изображать одного из волхвов негром устанавливается с кон. XV в.; с эпохи Великих географических открытий три волхва начинают символизировать три расы: белую, желтую и черную.

² Александрийские евреи утратили родной язык, перейдя на греческий, — отсюда и потребность в переводе Библии (в качестве причины перевода называют и желание царя Птолемея II Филадельфа). По традиции, перевод осуществили 70 переводчиков за 70 дней, и переводы их полностью совпали. На деле процесс затянулся более чем на сто лет: Пятикнижие переведено ок. 250 г. до н. э., Книга Есфири — в 114 г. до н. э. В Библии нет текстов, написанных на разговорном языке Палестины — арамейском.

³ В нач. III в. до н. э. вавилонский жрец Берос написал по-гречески для селевкидского царя Антиоха I Сотера «Вавилонскую историю», всемирную хронику, в которой огромную роль играют реальные и фантастические хронологические выкладки, основанные на халдейской астрологии. Таковы факты, остальное — интерпретация А. Тойнби.

КОНТАКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВО ВРЕМЕНИ

¹ Приспособление Кодекса Юстиниана к новой реальности воплотилось в составленном в 726 г. (или 741 — датировки расходятся) по инициативе Льва III Исавра новом своде законов — Эклоге, кардинально расходящемся с римским правом, хотя и составленном из выдержек из Юстиниановых конституций. В Эклогу включены были заповеди Моисеевы, отредактированные и представленные как юридические нормы. При втором императоре Македонской династии, Льве VI Мудром (866—912, прав. с 886), был составлен новый свод — Василики, — попытка реставрации римского права. При Константине VII Багрянородном (905—959, прав. с 913) в него были внесены изменения, напроць меняющие его суть и смысл. О том, насколько Василики были не приспособлены к реальной юридической практике, свидетельствуют споры ученых, которые никак не могут решить, было ли это реальное законодательство, энциклопедия или учебное пособие по римскому праву.

² Шариат — свод правовых и теологических норм исламского права, основанный на Коране; противопоставлен здесь адату — обычному праву.

³ Чиновничество — правящее сословие в старом Китае — формировалось не на наследственной основе, а на системе экзаменов. Любое лицо независимо от происхождения, сдавшее экзамены (испытания были разных

степеней), могло рассчитывать на любую должность, вплоть до высших, если сданы экзамены высшей ступени. Эта система возникла во II в. до н. э., при династии Хань, и приняла окончательную форму ок. 622 г., вскоре после воцарения династии Тан. В основе экзаменов лежали проверка знания конфуцианской литературы и умение комментировать ее.

⁴ В 316 г. гунны взяли столицу империи Цзинь и государь попал в плен.

⁵ Поэт и философ Хань Ой под возвратом к древности понимал не только следование принципам древней поэзии, но и восстановление истинного конфуцианского учения, очищенного от схоластических комментариев, противопоставленного туманным мистическим и аскетическим концепциям буддизма, уводящего от ясности мышления и следования долгу по отношению к семье и государству.

⁶ Космогония Инь — Ян существовала в Китае еще до возникновения даосизма и нашла свое отражение и в раннеконфуцианских идеях; особо популярным это учение в неоконфуцианстве стало под влиянием даосов. Буддийская школа Чань (Дзэн) возникла в Индии, но оформилась в Китае в VII в. не без влияния даосизма. Чань учит возможности достижения просветления наитием — если отказаться от себя и слиться с абсолютным. Для достижения этого просветления использовалась определенная психотехника, а также и гротескный стиль поведения. Чань-буддизм оказал огромное влияние на культуру Китая и Японии, особенно на живопись, поэзию и каллиграфию, но не на философию неоконфуцианства, которое школа Чань презирала за приземленность.

⁷ В 841—846 гг. в Китае развернулось поддержанное двором и высшим чиновничеством движение за искоренение буддизма, поднятое императором Уцзуном.

⁸ По инициативе Константина Багрянородного было составлено 53 объемистых сборника выписок из античных авторов по разнообразнейшим отраслям знания: от военного дела до агрономии, от литературы до организации дворцовых церемоний.

⁹ Во 2-й пол. VII в. Нортумбрия стала центром монастырской культуры. Монах Бэда Достопочтенный (673—735), знаменитый историк и писатель, основал в Ярроу (Джарроу) и Йорке латинские школы, пособия для которых составлял сам. Поле деятельности Бэды и его учеников был мир школы, и стремление к чистоте латинского языка не переходило у них в тяготение к античной культуре.

¹⁰ Речь идет о т. наз. Каролингском Ренессансе, относительно кратковременном подъеме латинской образованности при дворе Карла Великого. Там сложился во главе с самим Карлом кружок образованных людей из разных стран Европы, названный впоследствии Академией. Душой этого кружка был англосакс Алкуин (ок. 735—804); его участники сочетали увлечение античной культурой с приверженностью к христианству. Каролингское Возрождение практически не вышло за пределы этого кружка, несмотря на активные усилия его деятелей и самого Карла по созданию широкой сети школ.

¹¹ В кон. XVI—XVII в. произошла реакция на одностороннее увлечение идеями античности; противники поздних гуманистов выступали за активное развитие позитивных наук и техники в противовес скрупулезному

изучению античных текстов, утверждали, что наука, искусство и литература современности не уступают древним. Сторонниками этого течения были французы Жан Боден (1530–1596), Рене Декарт (1596–1650), писатель и философ Бернар ле Бовье де Фонтенель (1657–1757), англичане Френсис Бэкон (1561–1626) и археолог Уильям Уоттон (1666–1727).

¹² Современные исследователи считают, что искусство строительства из длинных каменных блоков заимствовано ассирийцами у хеттов. Разнообразие светской тематики в искусстве ассирийцев контрастирует с довольно ограниченным кругом сакральных образов в аккадском искусстве.

¹³ Вряд ли можно говорить о прямом влиянии античных высоких рельефов, располагавшихся на фронтонах храмов, на искусство возникших в позднем Риме и Византии консульских и императорских диптихов (небольших двустворчатых складней из слоновой кости; на одной створке вырезан низким рельефом портрет консула или императора в полный рост, на другой — чаще всего Христос или ангел; эти диптихи изготавливались при восхождении императора на престол или вступлении консула в должность), относящихся не к миниатюре, а к мелкой пластике. Античные реминисценции возникали в византийском искусстве в целом в разные периоды по-разному. Одной из эпох повышенного влияния античности был т. наз. Македонской Ренессанс (IX–X вв., время правления Македонской династии), тогда как эпоха правления династии Комнинов (XI–XII вв.) характеризуется определенным оттеснением античных традиций.

¹⁴ В ответ на решения Никейского Собора Алкуин по приказу Карла Великого составил в 790–794 гг. т. наз. «Каролингские книги», где осуждалось поклонение иконам как идолопоклонство, хотя признавалось допустимым помещение икон в церквях в дидактических целях. Эти мнения, утвержденные поместными Франкфуртским (795) и Парижским (824 или 825) Соборами, не стали официальным учением западной Церкви, но способствовали определенной эмансипации искусства от культа.

¹⁵ До 1945 г. официальной религией Японии был синтоизм — древняя языческая религия, состоящая в поклонении локальным божествам, духам природы, обожествленным героям, правителям и императорам; это не мешало широчайшему распространению махаянистского буддизма различных толков, так что большая часть населения Японии исповедует обе религии одновременно. После Второй мировой войны в Японии распространилось большое число необуддийских, неосинтоистских и синкретических буддийско-синтоистских сект.

Том десятый ВДОХНОВЕНИЕ ИСТОРИКОВ

¹ Сотериологические религии — религии спасения (от греч. σωτηρ — «спаситель»), в которых следование заповедям основателя этой религии обеспечивает спасение души за гробом.

² Хотанским — по Хотанскому оазису в бассейне р. Тарим в Синцзяне — назывался первоначально восточный тохарский язык. Позднейшие

исследования показали, что он, будучи индоевропейским, родственен не индоарийским языкам, а, как ни странно, западным индоевропейским — кельтским, романским, балто-славянским и др.

³ Имеется в виду т. наз. Триполитанская война 1911–1912 гг., в ходе которой Италия захватила Ливию у Османской империи; в этой войне Великобритания, министром иностранных дел которой был тогда сэр Эдуард Грей (1862–1933), поддерживала, хотя и косвенно, Турцию — отсюда и неприязнь неаполитанцев к молодому англичанину.

⁴ Судя по эпиграфическим данным, Агамемнон был реальным историческим лицом, царем Микен в кон. XIII в.; более о нем ничего не известно. Последние исследования позволили довольно надежно определить, что «Одиссея» и «Илиада» написаны одним лицом, которого, возможно, и звали Гомер, а это долгое время оспаривалось, и указанные поэмы полагались народным эпосом, не имеющим индивидуального автора.

⁵ Это вычисление содержится в вышедшей уже после смерти автора книге англиканского архиепископа в Ирландии Дж. Ушера (1580–1656) «Священная хронология».

⁶ В настоящее время их более миллиарда.

⁷ В XIX в. в христианской, особенно протестантской, среде шли споры о соотношении данных современной науки и Писания. Т. наз. модернисты стремились сочетать Библию с естествознанием, объявить наиболее разительные несовпадения аллегорией либо привести их в соответствие с помощью различных толкований — так, «годы» патриархов объявляются лунными месяцами. Фундаменталисты напрочь отвергали какое-либо индизонимное толкование библейских сообщений.

⁸ Правители Нижнего Египта носили цилиндрический головной убор, сзади более высокий, нежели спереди; цари Верхнего — бутылкообразную корону. С объединением страны ок. 3000 г. до н. э. (или ранее?) появилась как знак власти фараона над обеими землями двойная корона, в которой вторая как бы вставлена в первую. Нижеследующая интерпретация появления этого головного убора на медали Пизанелло (наст. имя — А. Тойнби ошибся — Антонио ди Пуччо ди Черетто, 1395–1455) и фреске Пьеро делла Франческо (ок. 1420–1492) представляет собой игру ума, которую не следует принимать всерьез, как и нижеследующие разгадки того, что автор «Постижения истории» именуется историческими загадками.

⁹ Одежды скифов и даков представляли собой рубаху и штаны — никак не свойственные исключительно гномам. Скифский кожаный шлем-колпак лишь отдаленно напоминает колпак с длинным шлыком гномов — кстати, популярный у обычных людей в позднем средневековье.

¹⁰ Английское *nanny* — «няня» — представляет собой обычное проявление т. наз. детского языка (ср.: «мама», «дядя») и никакого отношения к богине Инанне не имеет.

¹¹ Из двенадцати колен Израилевых при распаде единого Израильского царства в южном, Иудейском, остались колена Иуды и часть колена Вениамина. Еврейское население Северного царства было выселено ассирийцами и впоследствии ассимилировалось; однако до XIX в. время от времени возникали сенсационные гипотезы, объявлявшие тот или иной цивилизованный народ в дальних странах (например, древних майя) потомками исчезнувших десяти колен.

Том двенадцатый ПЕРЕОСМЫСЛЕННОЕ

МЕСТО ИСЛАМА В ИСТОРИИ

¹ Пали — среднеиндийский язык. Под текстами на пали здесь в первую очередь понимается священный канон буддистов хинаяны — «Трипитака» (букв. «Три корзины [закона]»), составленный на Цейлоне (Шри-Ланка) в I в. до н. э.

² Имеется в виду искушение властью: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: “Господу Богу твоему поклонись и Ему одному служи”» (Матф. 4: 8–10).

³ Согласно исламской традиции, первое откровение Мухаммеда и начало его проповеди относятся к 610 г., причем большинство его соплеменников встретило эту проповедь в штыки. Преследования заставили ряд его приверженцев переселиться в Эфиопию. Часть жителей Ясриба приняла учение пророка, и они предложили пророку перебраться в Ясриб и возглавить тамошних мусульман. Это переселение (*араб.* хиджра) состоялось 16 сентября 622 г., но следует отметить, что Мухаммед не сразу стал правителем Ясриба (собственно говоря, формально он таковым никогда и не провозглашался); он был руководителем общины правоверных, и власть его укрепилась постепенно в 624–625 гг. Проповедь ислама и особенно военные успехи приверженцев ислама привели к тому, что значительная часть Аравийского полуострова к 630 г. приняла мусульманство; родной город Мухаммеда — Мекка — пала 11 января 630 г. и тогда же ее жители перешли в ислам. Еще до этого, летом 629 г., у мусульман возник конфликт с союзным с Византией арабским племенем Бану Гассан (гассаниды), жившим в Заиорданье; поводом было убийство гассанидами послов Мухаммеда. Мусульмане предприняли поход против них, сам пророк оставался в Ясрибе, а армию воинов ислама повел его приемный сын Зейд ибн аль-Харис. Около города Мута в долине Иордана в сентябре 629 г. войско мусульман было наголову разбито гассанидами и регулярными византийскими войсками, Зейд погиб. В октябре 631 г., после взятия Мекки, Мухаммед возглавил поход на север, в византийскую Сирию, чтобы отомстить за погибших при Муте, но, покорив ряд городов и селений близ границ Сирии, повернул назад. Наступление мусульман на Сирию началось уже после его смерти.

⁴ Минерва — древнеримская богиня-покровительница искусств и ремесел. отождествлялась с греческой Афиной, богиней мудрости, справедливой войны и городов. Согласно греческому мифу, Афина появилась на свет из головы Зевса взрослой и в полном вооружении. Рождение Афины (Минервы) — есть метафора возникновения некоего феномена сразу в полном и завершенном виде.

⁵ Зороастрийцы — хотя их вера не является «авраамитической» (как называют, по имени праотца Авраама, религии иудеев, христиан и мусульман), а Заратуштра не входит в число великих пророков — также были объявлены «людьми Писания». Сегодня более или менее значительные религиозные меньшинства на Ближнем и Среднем Востоке составляют

христиане разных толков (в Ливане их ок. 50 %, в других странах меньше), зороастрийцев в Иране ок. 30 тыс. человек и еще ок. 100 тыс. принадлежат к курдской секте йезидов, довольно далеко отклонившихся от ортодоксального зороастризма. Иудейские общины были разбросаны по всему Исламскому миру, но с 1947 г., с образования государства Израиль и первой арабо-израильской войны, численность евреев на Ближнем Востоке вне Израиля все более сокращается, и сейчас их в любой из исламских стран не более нескольких тысяч.

⁶ Георгий Писида (кон. VI — нач. VII в.) — придворный архивариус императора Ираклия (575–641, император с 610), поэт; основная тема его творчества — воспевание войн Ираклия. Свое прозвище он получил от места рождения — области Писидия в средней части юга Малоазийского полуострова; область Кария, где родился Геродот, находится на юго-западе Малой Азии.

⁷ Авестийский язык — древнеперсидский язык, сформировавшийся не позднее X в. до н. э.; название дано учеными нового времени, поскольку на этом языке написана священная книга зороастрийцев — Авеста. Пехлевийский язык — среднеперсидский язык, известный со времен образования Парфянского царства (ок. 250 г. до н. э.) до завоевания Ирана арабами в сер. VII в.; название дано по исторической области Пехлеви — то же, что и Парфия, — на южном берегу Каспийского моря.

⁸ См. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 37.

⁹ В 235 г. был свергнут и убит последний римский император из династии Северов; начались смуты, которые историки окрестили «кризисом III в.», эпоха недолговечных императоров, как правило, провозглашаемых войсками. Воспользовавшись этим, г. Пальмира, принадлежавший Риму с 17 г. н. э., фактически стал независимым. В 267 г. вдова правителя Пальмиры (номинально он считался римским наместником) Зенобия захватила власть от имени его малолетнего сына Вабаллата. Она отказалась признать власть императора Аврелиана (214 или 215–275, император с 270), провозгласила императором своего сына (император Цезарь Луций Юлий Аврелий Септимий Вабаллат Атенодор Август — характерное сочетание римских, греческих и сирийских имен), что означало не столько претензии на власть в Риме, сколько объявление полной независимости от Рима, принялась активно расширять свое царство (в том же 270 г. ее войско взяло Александрию) и вести переговоры о союзе с Персией и вождями северо-арабских племен. Аврелиан обратился к Зенобии с собственноручным посланием с требованием подчиниться его власти на достаточно мягких условиях, а Зенобия, также в собственноручном письме, отвергла это (в связи с разрабатываемыми А. Дж. Тойнби сюжетами важно отметить, что Аврелиан писал по-гречески, а Зенобия — по-сирийски). В 272 г. Аврелиан взял Пальмиру, Зенобия оказалась в плену, где вскоре умерла (точная дата неизвестна, как неизвестна и судьба ее сына), но условия капитуляции ее столицы были не очень жесткими. В 273 г. Пальмира снова восстала, Аврелиан снова взял ее и на этот раз полностью разрушил город, более никогда не восстанавливаемый.

Что же касается христианства, то, действительно, положение христиан в небольших буферных (между Римом и Персией) княжествах было

несравненно лучше, чем в империи, христианство имело там полуофициальный статус. Царь Осроэны — одного из таких государств со столицей в Эдессе (ныне — Урфа в Турции) — Абгар IX (прав. 179–216) был крещен, а жители его столицы гордились давней принадлежностью к христианству. После его смерти Осроэна стала римской провинцией, и положение христиан там заметно ухудшилось.

¹⁰ Псевдоморфоза — термин историософии О. Шпенглера. Лучше всего этот термин разъяснить его собственными словами: «Исторические псевдоморфозы — так называю я случаи, когда чужая старая культура так властно тяготеет над страной, что молодая и родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не в силах создать чистые и собственные формы выражения, но даже не осознает по-настоящему себя самое. Все вышедшее из глубины изначальной душевности изливается в пустые формы чуждой жизни; юные чувства застывают в старческие произведения, и вместо свободного развертывания собственных творческих сил только ненависть к чужому насилию вырастает до гигантского размаха» (цит. по: Самосознание европейской культуры XX в. М., 1991. С. 26–27).

¹¹ Участие арабских племен в набегах на Сирию и Месопотамию ок. сер. II в. до н. э., когда Парфия отбирала территорию за территорией у государства Селевкидов, было малозаметным, во всяком случае, оно слабо отражено в источниках. Кстати сказать, Парфия отвоевала у Селевкидов в указанное время Месопотамию, но Плодородный Полумесяц (за исключением Иудеи) оставался под их властью до римского завоевания в I в. до н. э.

Могущественнейшая военная держава Ближнего Востока — Ассирия — явно перенапрягла свои силы в завоеваниях, и к кон. VII в. до н. э. объединенные силы Мидии и Вавилонии разрушили Ассирийское царство; участие арабских племен в войнах с Ассирией было незначительным.

Говоря об арамейско-халдейско-еврейском исходе XIII в. до н. э., А. Дж. Тойнби соединяет разновременные события. Известный из Библии исход евреев из Египта, пребывание их на Синайском полуострове и вторжение их в Палестину относятся к сер. — 2-й пол. XIII в. до н. э., когда Египет Нового Царства действительно приходил в упадок после кратковременного могущества в царствование Рамсеса II (прав. 1317–1251 до н. э.).

Арамеи, западносемитский кочевой народ, вышли из Аравийского полуострова в XIV в. до н. э., но Сирию завоевали лишь к кон. XI в. до н. э.

Халдеи, выходцы из той же Аравии, заняли Междуречье в XI в. до н. э.

+Востоносемитские народы, в том числе аккадцы (название дано современными исследователями по области Аккад в северной части Южной Месопотамии), выдвинулись из общей массы семитских этносов, пришедших в Переднюю Азию из Африки между VI и нач. IV тыс. до н. э., в последней трети IV тыс. до н. э. уже в Месопотамию.

Население Верхней Месопотамии, в частности будущей Ассирии на Тигре, в IV — нач. II тыс. до н. э. принадлежало к хурритам (народ неясного этнического происхождения, некоторые лингвисты сближают хурритский язык с языками Северного Кавказа) и к неким аборигенам (?), чей язык, реконструируемый по топонимам, пока что не квалифицирован. Не позднее III тыс. до н. э. на берега Тигра переселились (вторглись?) какие-то группы восточных семитов, возможно, из области Аккад.

В Ханаане (Сирия, Палестина, Финикия) собственно ханаанеи, западносемитские кочевые племена, появились не позднее нач. III тыс. до н. э., если не ранее; по мнению ряда исследователей, амориты были одной из ветвей ханаанеев.

¹² Хатра — оазис и город в Северной Месопотамии. Во время войн Траяна с Парфией, когда ему на короткое время (116–117) удалось захватить почти все Междуречье, он осенью 117 г. безуспешно пытался взять Хатру и после неудачной осады был вынужден вывести войска из Северного Междуречья.

¹³ Имеются в виду ал-Лат (Аллат), ал-Узза и Манат, богини древнеарабского пантеона. Первая — богиня неба и дождя, вторая — планеты Венера, третья — судьбы и возмездия. Манат являлась покровительницей Ясриба, ал-Узза — Мекки, конкретно, правящего рода курейш (см. ниже, примеч. 22). Мухаммед действительно, видимо надеясь на примирение со своими противниками в Мекке и Ясрибе, был готов принять веру в указанных богинь, невзирая на абсолютный монотеизм ислама, но затем отверг эту идею (Коран, сура 53, стихи 19–23).

¹⁴ Бану Гассан — арабское племя, выходцы из Южной Аравии, в III в. н. э. переселились в Сирию и кочевали в районе к югу от Дамаска. Исповедовали христианство монофизитского толка, были союзниками Византии (хотя временами и конфликтовали с ней). Могущество Бану Гассан приходится на VI — нач. VII в. и падает с принятием ими ислама.

¹⁵ Омар II (ум. 720) — халиф из династии Омейядов с 717 г.; Хишам (прав. 724–743) — халиф из той же династии.

¹⁶ Агад — так Тойнби здесь именуется Аккадскую монархию.

¹⁷ Мелькиты — православные арабские и сирийские христиане; донныне составляют значительную часть арабов-христиан в Сирии и Ливане (Антиохийская Православная Церковь), а также Израиле, Палестине и Иордании (Иерусалимская Православная Церковь). Мелькитами сегодня именуют также арабов-униатов. Язык богослужения — арамейский. Название произведено от арабского «малик» (восходит к общесемитскому *mlk*) — «царь», т. к. в доисламских Сирии, Палестине и Египте, принадлежавших Византии, православие было государственной («царской») верой в противовес преследуемым монофизитству и несторианству. Здесь следует учесть особенности терминологии Тойнби: для него «конкордат» есть не договор (как положено в строго терминологическом смысле) правительства какой-либо страны с папским престолом, регулирующий взаимоотношения Церкви и государства (на деле нередко узаконивающий примат государства над Церковью), а подчинение общины верующих государственной власти.

¹⁸ Тайма — оазис и город на севере Аравийского полуострова (ныне — в Саудовской Аравии). Последний нововавилонский царь Набонид (прав. 556–539 гг. до н. э.) захватил его в 555 г. до н. э.

¹⁹ Хейбар — оазис и город неподалеку от Медины (Ясриба).

²⁰ Ханифы — представители доисламского религиозного движения в Аравии в VI — нач. VII в.; название, возможно (ханифизм вообще мало изучен), произведено от имени земледельческого арабского племени Бану Ханиф в области Йемама в Неджде. Точно известно, что ханифы были странствующими проповедниками и аскетами, но содержание их учения — явно монотеистического — не вполне ясно.

²¹ Маслама (в ряде мусульманских текстов — Мусейлима, что означает то же имя с уменьшительно-презрительным суффиксом, нечто вроде «Масламишка») (ум. 633 или 634) — арабский пророк, возможно, ханиф (он был родом из племени Бану Ханиф), выступивший, возможно уже после смерти Мухаммеда, с проповедью новой монотеистической религии (не ислама), насколько можно судить, более близкой, нежели ислам, к христианству. Разбит мусульманами во главе с первым преемником Мухаммеда, первым халифом Абу Бекром (572–634, халиф с 632); погиб в бою.

²² Курейш (курейшиты) — арабское кочевое племя, в сер. V в. захватившее Мекку и ставшее там правящим родом (единого правителя Мекка не знала); к курейшитам принадлежал сам Мухаммед, и именно курейшиты были долгое время главными противниками его миссии.

²³ Война между Сасанидским Ираном и Восточной Римской империей (Византией) 568–591 гг. (именно так датируют ее современные историки) завершилась установлением гегемонии Византии над Арменией и передачей Константинополю некоторых территорий в Месопотамии. Война 604–628 гг. (именно этот период времени отводят ей современные исследователи) началась с побед Ирана, продолжилась триумфальной победой Византии и завершилась в конечном счете восстановлением довоенного положения.

²⁴ В хронологическом порядке указанные события можно расположить следующим образом. Греко-персидские войны начались в 500 г. до н. э., первое массированное вторжение персов в европейскую Грецию произошло в 493 г., а следующее — в 490 г. и завершилось поражением персидской армии в битве при Марафоне. В 480 г. до н. э. персидский царь Ксеркс с огромным войском снова вторгся в Элладу с твердым намерением покорить ее, но потерпел поражение в том же году в морской битве при Саламине, а на следующий год — в сухопутной битве при Платеях. В 401 г. до н. э. во время междоусобных войн в Персии 10 000 греческих наемников, сражавшихся на стороне одного из претендентов на престол, после гибели того, на чьей стороне они сражались, и убийства своих военачальников, смогли почти без потерь с боями пробиться на родину из Междуречья. В 399 г. до н. э. началась война между Персией и Спартой, которая выступила в защиту малоазийский греческих городов, автономию которых ущемляла Персия. В 395 г. до н. э. командующий спартанской армией царь Спарты Агесилай II (ум. 360, царь с 399 до н. э.) нанес персам серьезное поражение. Но тогда же союз греческих городов, главными среди которых были Афины и Фивы, обеспокоенный усилением мощи Спарты, начал, при поддержке Персии, так называемую Коринфскую войну (395–387 до н. э.). Поражение спартанского флота в самом начале войны (394 до н. э.) заставило Спарту в том же году заключить мир с Персией. Царь Македонии Филипп II добился военной гегемонии над Элладой в результате победы при Херонее над объединенным войском греческих городов в 338 г. до н. э., а годом спустя созвал в Коринфе конгресс представителей всех (кроме Спарты) греческих городов и учредил Панэллинский союз, формально объединение независимых полисов, в реальности же — орудие македонского господства. Александр Македонский пересек Геллеспонт (Дарданеллы) с войском и начал персидский поход в 334 г. до н. э.

²⁵ Кааба (*араб.* «куб») — главное святилище ислама, храм прямоугольной формы в Мекке, в один из углов которого вделан черный камень. В

доисламские времена (время основания Каабы неизвестно) черный камень Каабы был главной святыней арабских племен и являлся зримым воплощением Аллаха (*здесь*: доисламский верховный, но не единственный бог арабских племен); вокруг Каабы располагались идолы богов-покровителей разных племен в знак подчинения их Аллаху. Победив мекканцев, Мухаммед признал священный статус Каабы, но потребовал, чтобы все идолы были удалены.

²⁶ Варвары-германцы в большинстве приняли христианство в основном от миссионеров в форме арианства, тогда как большинство населения завоеванной и разделенной ими Римской державы придерживалось ортодоксального христианства. В государстве бургундов арианство было упразднено после завоевания его франками-католиками в 532–534 гг., вестготская Испания обратилась в католичество в 586 г., лангобардская Северная Италия — в 590 г.

²⁷ Град Кекропа — Афины (Кекроп — согласно преданию, первый царь Афин, получеловек, полужмея, рожденный из земли); Град Зевса — мир, космос.

²⁸ Имеются в виду Сирийская цивилизация и две неразвившиеся христианские — Несторианская и Монофизитская.

²⁹ Попытки соединить Средиземное и Красное моря неоднократно предпринимались еще фараонами путем создания цепи каналов от одного из рукавов Нила через группу озер на Суэцком перешейке к Суэцкому заливу. Персы захватили Египет в 529 г. до н. э.; персидский царь Дарий I (прав. 522–486 до н. э.) повелел возобновить систему каналов, частично она была восстановлена, частично построена заново. Следует отметить, что все эти предшественники Суэцкого канала не предназначались для постоянных связей разных частей Ойкумены, для торговых контактов (последние иногда являлись побочным эффектом), но строились с военными целями — для переброски судов из Средиземного моря в Красное.

³⁰ Хорасан — *здесь*: историческая область, включающая одноименную провинцию в северо-восточном Иране, западные регионы Афганистана и юг Туркмении. Тус — город в Иране.

Нишапур — город в иранской провинции Хорасан, известен еще с ахеменидских времен.

³¹ Загрос — система параллельных хребтов на юго-западе Иранского нагорья; «к западу от Загроса» — *здесь*: в Месопотамии, Сирии и Египте.

³² Ислам не знает разделения на светское и религиозное право, потому предписания Корана имеют не только моральную, но и юридическую силу. Посему исламское право основано на Коране. Название этого права — шариат (*араб.* «истинный, предписанный путь»). Поскольку, естественно, в Коране не могли быть предусмотрены все правовые коллизии, особенно после того, как мусульмане из маленькой общины сотворили мировую державу, стало необходимо толкование Корана. Проблема того, что обеспечивает правильность толкования, возникла с самых ранних времен ислама. В VIII в. мусульманский правовед Малик ибн Анас (ум. 795) выдвинул положение, признанное каноническим, что правильность толкования обеспечивается согласным мнением (иджма) ученых мужей святого города — Медины. Впоследствии этот принцип был распространен на согласное мнение некой (границы ее так и были определены) группы всеми признанных авторитетов в области шариата.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРЕЙСТВА

¹ А. Дж. Тойнби использует библейское выражение «Иуда и Израиль» для обозначения как племенного союза Израиль («Бог сражается»), так и территории, занятой этим союзом после вторжения его в Ханаан в XIII в. до н. э. (впрочем, территорию он также нередко именуется по-еврейски Эрец Исраэль). Время и причины возникновения приведенного двучленного названия не вполне ясны. А. Дж. Тойнби разделяет теорию о том, что первоначально союз, именуемый Израиль, состоял не из двенадцати, а меньшего числа племен (колен), и племя Иуды присоединилось к нему позднее; большинство исследователей полагает, что указанное название появилось уже после того, как в 922 г. до н. э. единое Израильское царство разделилось на два — Израильское и Иудейское. Следует отметить, что евреями Тойнби (и целый ряд других ученых) называет изгнанную в результате Вавилонского пленения VI в. до н. э. и вернувшуюся на родину этноконфессиональную общину, давшую диаспору по всему Эллинистическому (Римско-эллинистическому) миру.

² Слово «Тора» (*евр.* «учение, знание») имеет несколько значений. Во-первых, это весь комплекс священных текстов иудаизма, включая Талмуд (см. ниже, примеч. 13); во-вторых, как здесь, Танах, т. е., в христианском словоупотреблении, Ветхий Завет (хотя, строго говоря, Танах и Ветхий Завет не вполне совпадают); в-третьих, Пятикнижие Моисеево, первые пять книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие.

³ Бывшие христиане, в терминологии А. Дж. Тойнби, это те представители современной Западной цивилизации, которые, не являясь христианами (а может быть, и вообще верующими) в конфессиональном смысле, остаются таковыми по культуре, традициям, образованию, моральным ценностям и т. п.

⁴ Филистимляне — не семитский, а индоевропейский, видимо малоазиатского происхождения, народ, вторгшийся в Палестину (и передавший Ханаану свое название) на рубеже XIII и XII вв. до н. э. Эдомитяне (иду-меяне) — западносемитское (не вполне ясно, более близкое к евреям или к арабам) население сложившегося в начале — середине XIII в. до н. э. царства Эдом (Идумея) на территории между Мертвым морем и Акабским заливом. Моавитяне — также западные семиты, жители сложившегося, видимо, в нач. XIV в. до н. э. на восточном берегу Мертвого моря царства Моав. Тогда же, скорее всего, к северу от него возникло царство Аммон, основанное кочевниками-семитами (аммонитянами) и получившее название по одноименной столице (нынешний Амман, столица Иордании). Переводчик использовал старославянское слово «дамаскин», т. е. «житель Дамаска» (ср.: св. Иоанн Дамаскин), для передачи соответствующего английского слова, которым Тойнби обозначил население не только этого города, но и всего Дамасского оазиса, где не позднее XIV в. до н. э. возникло арамейское княжество.

⁵ Тир (современный Сур в Ливане) — известный с IV тыс. до н. э. и достигший расцвета на рубеже II и I тыс. до н. э. финикийский город-государство. Газа известна с XVIII в. до н. э., а в XVII в. до н. э. ею завладевают филистимляне, сделавшие этот город столицей одного из своих княжеств. Тойнби подчеркивает здесь также, что Тир и Газа — приморские

общества, живущие за счет морской торговли (касательно Тира это бесспорно, касательно Газы — предположительно), тогда как племена Израиля (напомним: по Тойнби, Израиль и Иуда — две близкие, но разные общности) образовались в Синайских горах, а центр объединенного Израильского царства — Иерусалим — также находится на возвышенности.

⁶ Рас-аш-Шамра — городище на побережье Сирии, где находился известный со времен не позднее IV тыс. до н. э. город-государство Угарит. Начиная с 1930-х гг. там проводятся раскопки, обнаружены многочисленные письменные памятники, в основном культового и/или литературного содержания, написанные на одном из вариантов западносемитского языка при помощи особого угаритского алфавита, возможно, древнейшего алфавитного письма.

⁷ Здесь Тойнби имеет в виду следующее. После переселения Мухаммеда в Медину он попытался привлечь на свою сторону влиятельную иудейскую общину в том числе тем, что ссылался на Ибрахима (Авраама) и Мусу (Моисея), как пророков Аллаха, и включал в свои пророчества (суры) пересказы различных эпизодов из Ветхого Завета. Мединские евреи уличили Мухаммеда в неточном цитировании Торы, после чего тот заявил, что стихи Библии искажены иудеями, что подлинный текст Писания был открыт лишь ему самим Аллахом. С этого начался разрыв между мусульманами и иудеями.

⁸ В представлениях китайцев (просуществовавших до нач. XX в.) император есть центр Поднебесной (это одновременно и Китай, и весь земной мир), правящий по воле (по мандату) Неба — высшего божества (ср. ниже). Мандат этот, однако, не абсолютен, и Небо может отобрать его у недостойного и передать достойному.

⁹ Читатель должен понять своеобразную манеру, в которой Тойнби излагает свои представления. Он как бы дает высказаться некоему обобщенному христианину (и/или мусульманину). С точки зрения этого христианина (и/или мусульманина) — как считает Тойнби, — евреи были избранным народом не только потому, что Бог даровал им Откровение, но и потому, что Он обещал им, невзирая на все их прегрешения, и иное: пришествие Спасителя (и/или нового Пророка), который даст последнее и уже окончательное Откровение. Таким образом, истинным, подлинным («официальным», в терминологии Тойнби) иудаизмом является ныне христианство (или соответственно ислам), а новым основателем этого истинного иудаизма — Христос (либо Мухаммед). Но евреи отвергли все знамения и пророчества и из чистого упрямства сопротивляются истинной благовести и ополчились на ее носителей. Поэтому Бог отобрал у евреев «мандат» (ср.: примеч. 8 выше) на истину и передал его христианам (вариант: мусульманам), которые и есть «Новый Израиль».

¹⁰ Парсы — этноконфессиональная группа в Индии (30 тыс. человек) и Пакистане (10 тыс.), потомки бежавших из Персии («парсы» и значит «персы») от преследований мусульман в VII–IX вв. зороастрийцев; в основном живут в Бомбее (или являются потомками выходцев из этого города), утратили родной язык в качестве разговорного (но сохранили в качестве богослужебного), но твердо блюдут свою веру.

¹¹ Самаритяне — первоначально население Самарии (Шомрон), исторической области в Северной Палестине, после распада единого Израильского царства в 922 г. до н. э. вошедшей в состав северного государства,

сохранившего прежнее название. В 722 г. до н. э. после завоевания Израильского царства Ассирией значительная часть еврейского населения была выселена, а Самария заселена переселенцами из других районов Ассирийской державы, говорившими в основном по-арамейски. Смешанное население из остатков аборигенов и новоприбывших и образовало этнос самаритян. Самаритяне придерживались иудаизма, но не ортодоксального: из всего Писания они признавали лишь Пятикнижие Моисеево и Книгу Иисуса Навина, посему правоверные иудеи относились к самаритянам с недоверием. Сегодня самаритяне — небольшая этноконфессиональная группа евреев в Израиле, насчитывающая от 100 до 400 человек.

¹² Тойнби (и не он один) считает, что особенности еврейской культуры и, главное, еврейской религии во многом объясняются тем, что большая часть еврейского народа оказалась в изгнании ввиду поражения в войнах (изгнание ассирийцами израильтян в VIII в., а вавилонянами в VI в. до н. э.), религиозных гонений (политика Антиоха IV), неудачных восстаний (Иудейская война 66—70 гг. закончилась разрушением Иерусалимского храма, а восстание Бар-Кохбы 132—135 гг. — разрушением Иерусалима и изгнанием всех евреев из Иудеи) и даже удачной, но все равно кровопролитной Маккавейской войны 168—142 гг. до н. э., завершившейся восстановлением независимости Иудейского царства. Все это привело к возникновению диаспоры и проживанию большинства евреев вне этнической территории. Этот исторический процесс Тойнби назвал «Изгнание» и дает его как термин, с большой буквы.

¹³ Краткая история Талмуда (*др. евр.* «учение», «изучение») такова. В V в. до н. э. завершилась кодификация писаного текста Торы. Тора считалась, как мы бы сказали ныне, «документом прямого действия», т. е. все религиозные, гражданские, политические, семейные, моральные, имущественные и т. п. нормы полагались наличествующими в Писании и подлежащими неукоснительному исполнению. Но после Изгнания эти нормы, выработанные при иных социальных, политических и экономических условиях, не могли буквально соблюдаться в диаспоре, а значит, Тора требовала истолкования. Это толкование началось не позднее IV в. до н. э. специальной группой знатоков Писания, «книжников» (соферим). Толкования даются в виде примеров (Агада — *евр.* «рассказ», так называется и каждый из рассказов, и вся их совокупность) и специальных рассуждений (Галаха — *евр.* «норма, закон», но также «указание пути», так, опять же, называется и отдельное рассуждение, и все они вместе), указывавших, как и почему надо так или иначе поступать в конкретных случаях. Около рубежа н. э. вся религиозная (фактически не только религиозная) жизнь иудеев возглавляется возникшим не позднее II в. до н. э. Синедрионом (*греч.* «совет», в еврейском произношении — «санхедрин»), особым советом при Иерусалимском храме, являвшимся органом религиозным, законодательным и судебным (впрочем, право и религия не разделялись). Для кодификации толкований Синедрион создал ок. 10 г. особую группу «изучающих» (таннаим, ед. ч. таннай; так же именуется и период означенной кодификации), которые должны были свести воедино все толкования и примеры, бытовавшие до этого в устной форме (отсюда название этого свода — Мишна, т. е. «повторение», «заучивание наизусть»). В 70 г. таннай Йоханан бен Заккай (см. «Постижение истории», т. 5, примеч. 12 к «Раскол в

социальной системе») бежал из осажденного Иерусалима и добился от римских властей разрешения создать в городе Ямнии (Ябна, Явна близ современного Тель-Авива) некий орган, который являлся религиозным судом и духовной академией одновременно; этот орган, просуществовавший до IV в., хотя и менявший свое местонахождение в Палестине, также назывался Синедрионом. Деятельность Синедриона по составлению Мишны не прекратилась и тогда, когда, после подавления восстания Бар-Кохбы, изучение Торы было запрещено по всей Палестине, ввиду чего был казнен, за нарушение запрета, таннай рабби Акиба (Акива) (ок. 50—135). Мишна была завершена в Галилее (на нее запреты не распространялись), и ее завершителем стал Иехуда га-наси (последнее слово есть нечто вроде почетного титула и значит «старейший» — «древний годами» и «главнейший» одновременно, в англоязычной литературе, в том числе иудейской, передается термином «патриарх») (135—217). Однако весьма рано (точную дату назвать трудно) потребовался комментарий к комментариям, который составляли особые «разъяснители» (амораим, ед. ч. аморай) и который получил название Гемара (от арамейского «разбирать», «разъяснить»). Работа происходила одновременно в Палестине (Палестинская Гемара завершена в IV в. и написана на палестинско-арамейском диалекте) и Вавилоне (Вавилонская Гемара закончена в V в. и создана на иврите). Совокупность Мишны и Гемары и есть Талмуд, а поскольку есть две Гемары, то есть и два Талмуда — Палестинский и Вавилонский, оба равно авторитетные.

¹⁴ Иисус в ряде мест Талмуда называется Бен Стада или Бен Пандира, т. е. сын Стады или сын Пандиры. Кто такой Стада — неясно, о Пандире см. ниже. Эти прозвища понимались как намек на незаконное происхождение Иисуса.

¹⁵ Элиезер бен Хоркенос (правильнее Хирканус, или Гирканус) (1-я пол. I — кон. II в.), он же Элиезер Великий — известный таннай, создатель целой сети богословских школ и предложивший новые методы толкования.

¹⁶ Шмуэль ха-Катон (правильнее — ха-Катан, т. е. Малый, но Тойнби всюду предпочитает арамейскую огласовку) (известен в 1-й пол. II в.) — таннай, предположительно казнен за чтение Торы.

¹⁷ В кон. VI — 1-й пол. IV в. до н. э. Междуречье, в том числе Вавилон, где была большая еврейская община, и Палестина находились под властью Ахеменидской Персии. Ряд исследователей полагает, что появившиеся в иудаизме той поры представления о Сатане и первые эсхатологические воззрения заимствованы из зороастризма, где признавались два равномогущих божества — добрый и злой, а мировая история, по этим верованиям, должна была завершиться последней битвой добра и зла, и перед этой битвой, в которой добро, разумеется, победит, явится Спаситель (Саошьянт).

¹⁸ Унитарияне — сторонники течения в христианстве, отрицавшего основной христианский догмат — триединство Бога (тринитариане соответственно это признавали). Для унитариян Христос есть не лицо Троица, а совершенный человек. Унитариянство более или менее оформилось (подобные воззрения высказывались со времен раннего христианства, но sporadически) во времена Реформации, и некоторые унитариянские секты существуют в протестантизме доныне.

¹⁹ Сатледж — река в Китае (Тибете), Индии и Пакистане, самый большой (левый) приток Инда.

²⁰ Тойнби имеет в виду, что иудейский монотеизм возвышается над шумеро-аккадским политеизмом, а еврейское алфавитное письмо «выше» шумерской (заимствованной аккадцами) иероглифической клинописи.

²¹ Не следует забывать особенностей терминологии Тойнби. Для него империя — это область доминирующего влияния какой-либо цивилизации (не обязательно политического), т. е. маленькое Израильское царство может быть империей, ибо это единая область существования иудейского варианта Сирийской цивилизации.

²² Принцип постижения истории для Тойнби — установление постоянной связи всех исторических феноменов, потому он называет разные регионы Палестины в целом и государство Израиль в частности именами древнейших племен. Филистимляне (см. выше) занимали Южную Палестину, в том числе Аскалон (Ашкелон), в 1948 г. принадлежавший Израилю, и Газу, занятую Египтом (ныне — в Палестинской автономии). Кто такие тевкрианцы (тевкры), не вполне ясно доньше. В греческой мифологии упоминается царь Тевкр, чье племя жило на Кипре. Согласно египетским текстам, ок. 1190 г. до н. э. среди «народов моря», вторгшихся в Палестину, был народ Тjekker, занявший город Дор, располагавшийся к югу от нынешней Хайфы (именно этот район здесь и имеется в виду), и именно этот народ был отождествлен исследователями с кипрскими тевкрианцами. Евусеи (иевусеи) — западносемитский народ, занимавший среднюю часть Ханаана (именно эта территория здесь и имеется в виду); согласно Библии, еще Иисус Навин разбил евусеев под их столицей Гаваоном (видимо, к северу от Иерусалима), но это племя сохраняло определенную автономию под главенством евреев (точнее, племен Иуды и Израиля, в терминологии Тойнби) до тех пор, пока Давид ок. 1000 г. до н. э. не победил евусеев окончательно, захватив их главный укрепленный пункт — Иерусалим — и сделав его столицей своего государства.

²³ Поскольку в древней иудейской религии единственным местом богослужения в полном смысле этого слова (жертвоприношения, торжественные обряды) мог быть только Иерусалимский храм, то с появлением диаспоры, а особенно с разрушением Храма в 70 г. религиозная жизнь с необходимостью перемещается в общины, основными духовными наставниками становятся не храмовые священники, а руководители общин — раввины, и центром религиозной жизни — не Храм, а Писание.

²⁴ Имеются в виду Елеазар, семь братьев Маккавеев и мать их Соломония. Надо отметить, что вера в воскресение связывалась в иудаизме (и впоследствии в христианстве) и с другими Маккавеями, руководителями восстания против Антиоха IV: Иуда Маккавей, вождь восстания, принес жертвы Яхве за своих соратников, павших в бою, тем самым как бы предполагая их дальнейшее загробное существование (2 Мак. 8: 38–45).

²⁵ «Осевое время» (Axenzeit) — понятие, введенное немецким философом Карлом Ясперсом (1883–1969). «Осевое время» — эпоха перехода «доосевого» состояния человечества, когда человек не ощущает себя как личность, растворен в бытии, ведет «родовое» существование, к состоянию «осевому», когда индивид осознает себя личностью, ответственной перед лицом бытия и перед самим собой, принимает оно бытие не как данность,

а как проблему, рефлектирует над ним. К. Ясперс датирует «осевое время» 800—200 гг. до н. э., считая его общемировым (во всяком случае, охватывающим весь Старый Свет) процессом, и связывает с возникновением конфуцианства и даосизма в Китае, буддизма и джайнизма в Индии, зороастризма в Иране, пророческого движения в Иудее и Израиле, греческой философии.

²⁶ А. Дж. Тойнби связывает данный переворот (не следует забывать, что слово «revolution» в английском языке имеет несколько иной оттенок, нежели «революция» в русском, и означает только «существенные и более или менее быстрые перемены») с ростом городов и торговли и имущественным расслоением. Некоторые современные исследователи обнищание масс связывают с перенапряжением экономики во времена единого царства Давида и Соломона, которое было вызвано созданием государства в более или менее современном смысле (а не племенного союза) — с государственным аппаратом, постоянной армией, налоговой системой, — а равно и завоевательными амбициями великих царей; плоды этого перенапряжения, как считают некоторые исследователи, проявились еще в последние годы царствования Соломона и, в сущности, привели к распаду Израильского царства, но в полной мере проявились уже после указанного распада и особенно после начала ассирийских завоеваний.

²⁷ Современные исследователи говорят о генезисе образа Яхве несколько осторожнее. Известно, что у целого ряда западносемитских народов существовал культ бога Яхве (Йево, Йао), покровителя племени и дарователя побед. Мнение о существовании культа Яхве в Эдоме есть лишь гипотеза. Ряд ученых полагает, что Яхве у древних евреев был первоначально богом-покровителем племени Иуды и лишь с образованием союза Израиля и Иуды стал богом всего союза.

Кемош — верховный бог моавитян, возможно, также бог войны и, судя по одной надписи IX в. до н. э., божество планеты Венера.

Мильком (в славянской Библии — Милхом) — верховное божество аммонитян, известен (но без четкого определения функций) по надписям рубежа II и I тыс. до н. э., не позднее 2-й четверти I тыс. до н. э. — бог-покровитель города Аммон и, вероятно, особо — его городских стен.

Афина в Афинах считалась богиней-покровительницей, защитницей и устроительницей полиса; среди множества ее эпитетов — Полиухос — Градодержца.

В Спарте культ Афины был развит менее, чем в Афинах, но она почиталась и там; Халкиойос — Живущая в медном доме.

²⁸ Здесь А. Дж. Тойнби в метафорической форме высказывает весьма дорогие для него политические (и не только политические) убеждения. Тойнби, последовательный сторонник общечеловеческих ценностей, единства культуры, приверженец идеи мирового правительства, резко отрицательно относился к национализму в любой форме и считал, что носители Западноевропейской цивилизации в XVII—XIX вв. в связи с ростом рационализма и свободомыслия (что он, впрочем, не оценивал однозначно отрицательно) отвернулись от Бога и стали поклоняться идолу национального государства.

²⁹ Мидианиты (мадианиты) — жители страны Мидиан (Мадиан, Мадиаан), кочевники Северо-Западной Аравии, возможно, предки некоторых

арабских племен. Кениты (кенеи, кенеитяне) — также кочевое племя в Северо-Западной Аравии. Оба племени обитали близ Ханаана, но вне его; в Библии упоминается о дружественных отношениях союза Израиль и Израильского царства с обоими племенами. Наличие у них культа Яхве (Йево) гипотетично.

³⁰ А. Дж. Тойнби имеет в виду расцвет ряда городов Эллады, связанный с Великой колонизацией (см. «Постижение истории», т. 1, примеч. 14 к «Поле исторического исследования») сер. VIII—VI в. до н. э. Наиболее древними центрами этой колонизации были города Халкида и Эретрия на о. Эвбея, Милет, Эфес и Колофон в Ионии, области на западе Малой Азии, и Коринф и Мегара на соединяющем Пелопоннес с Балканским полуостровом Коринфском (Истмийском) перешейке (Тойнби называет его Истм Коринфский). Современные ученые считают, что Аттика, и в первую очередь Афины, включилась в этот процесс в нач. VI в. до н. э.

³¹ Об Аристонике см. «Постижение истории», т. 5, и примеч. 6 к «Раскол в социальной системе».

³² Государство Урарту на Армянском нагорье известно с XIII в. до н. э., но ранняя его история изучена слабо. Апогей его могущества пришелся на первые две трети VIII в. до н. э., когда государство Урарту захватило восток Анатолии и север Сирии и угрожало северным границам Ассирии и даже намеревалось прорваться к восточному побережью Средиземного моря. Тиглатпаласар III (уточненные годы правления 744—727) ок. 732 г. до н. э. разбил войско Урарту и заставил его очистить Анатолию и Сирию. В 714 г. до н. э. Саргон II Ассирийский (он не был, вопреки сказанному ниже, прямым наследником Тиглатпаласара; после смерти того царствовал в 726—722 гг. до н. э. его сын Салманасар V, свергнутый и убитый, и тогда лишь на престол взошел Саргон II, правивший до 705 г. до н. э.) совершил поход на Урарту, но государство это не было завоевано и просуществовало до 590 г. до н. э., когда объединенные силы Мидийского царства и обрушившихся с севера ираноязычных кочевников-скифов разрушили царство Урарту.

³³ Ашшур — первоначально бог-покровитель (и воплощение) города Ашшур; со сложением мощной Ассирийской державы становится (не позднее XIII в. до н. э.) богом-покровителем всего царства; видимо, также солнечный бог.

³⁴ А. Дж. Тойнби (в соответствии с английской Библией) применяет выражение «Царица Небесная» по отношению к некой богине, названной в русском переводе «богиней неба» (Иер. 44: 17—19), причем, если верить тексту, евреи диаспоры в Египте настаивали, что культ ее был у них еще в Иерусалиме и городах Иудеи. Явно имеется в виду какое-то западносемитское женское божество (в Ханаане было несколько таких божеств, и гипотезы о конкретном имени «богини неба» равно убедительны и равно недоказуемы).

³⁵ Иштар — древняя аккадская богиня плодородия, любви и войны, олицетворение планеты Венера, известная Вавилонии по меньшей мере с сер. III тыс. до н. э.; в западносемитской мифологии ей соответствует Астарты, чей культ был популярен среди народов Ханаана, в том числе и евреев, несмотря на яростную борьбу с ним пророков Израиля и Иудеи. Мардук — первоначально, по меньшей мере с XII в. до н. э. (имя этого божества известно и из более ранних текстов, но из них неясно, за что

«отвечал» этот бог), бог-покровитель города Вавилон, с XIX в. до н. э. — верховное божество вавилонского пантеона. *Бел* (от общесемитского *Балу* — «господин»; отсюда же *Баал*, *Ваал*) — первоначально в аккадской мифологии обозначение (эпитет) высших богов, с XX в. до н. э. — любых богов, а с приблизительно XVI в. до н. э. — только Мардука; отсюда и полное имя-титул этого божества: *Мардук-Бел*, т. е. *Господин Мардук*.

³⁶ Энотеизм (иначе — генотеизм, от *греч.* *ενοζ*, род. п. от *εἷς* — «один» и *θεοζ* — «бог», т. е. «однобожие») — *здесь*: такая форма богопочитания, когда некая общность (племя), не отрицая существования множества богов, признает своим покровителем лишь одного из них и поклоняется исключительно ему, что, по мнению автора идеи, порождает представления о союзе данной общины с общинным богом и о двустороннем избранничестве — люди избирают себе своего бога из сонма иных богов, а бог — именно этот народ изо всех прочих.

³⁷ *Misericors et miserator* — милосердный и сострадательный (*лат.*); это выражение неоднократно встречается в латинской Библии, причем следует отметить, что второе из приведенных выражений широко употребляется в римской литературе, но первое принадлежит к кругу исключительно христианской лексики. *Ар-рахман ар-рахим* — милостивый, милосердный (*араб.*) — постоянный эпитет Аллаха в Коране, где каждая сура начинается со слов: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного».

³⁸ Об Эхнатоне см. «Постижение истории, т. 1, примеч. 73 к «Сравнительное исследование цивилизаций». В гимнах Атому, принадлежащих самому фараону, бог воспевается как податель жизни, присутствующий в каждом существе, как принцип любви и благодати.

³⁹ Запрет на произнесение имени Божьего восходит к библейской заповеди: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20: 7; Втор. 5: 11). По ортодоксальной еврейской традиции, это имя произносил первосвященник Иерусалимского храма раз в год, в Судный день, в одиночестве, войдя в святая святых, особое помещение в храме, где, как считалось, присутствует сам Бог; тайна произнесения имени передавалась изустно в первосвященническом роду; с разрушением Храма эта традиция, естественно, прервалась (правда, некоторые исследователи полагают, что любое произнесение имени Божьего, даже и про себя, было запрещено в III в. до н. э.).

⁴⁰ Синойкизм (*греч.* «совместное поселение») — введенный учеными XIX в. (в Древней Греции это слово означало учреждение несколькими полисами одной общей колонии) термин для обозначения одного из путей создания протогосударственных образований: объединение нескольких более или менее близко расположенных поселений (общин) в одно; так, по мнению большинства исследователей, образовался из общин латинян, сабинян и этрусков город-государство Рим. Еще раз напомним, что А. Дж. Тойнби полагал, что племена Израиля и Иуды объединились лишь в результате завоевательной деятельности Давида.

⁴¹ Иосия (ок. 648—609 до н. э.) — царь Иудейский с 640 г. до н. э. Проводил политику уничтожения культов ханаанейских богов, разрушения мест отправления этих культов и физического уничтожения жрецов (в Библии они названы «жрецы высот» — напр., 4 Цар. 23). По мнению ряда исследователей, это уничтожение коснулось и культа Яхве (этот культ отличался

от храмового: «жрецы высот не приносили жертв на жертвеннике Господа в Иерусалиме, опресноки же ели с братьями своими» — 4 Цар. 23: 9), хотя и неясно (может быть, и самим «жрецам высот»), какой Яхве имеется в виду — верховный бог Ханаана или Бог-Вседержитель.

⁴² Хасмонеи — родовое имя Маккавеев (Маккавеи, напомним, прозвище, от *евр.* «маккаби» — «молот»). Александра Саломея (по уточненным данным ок. 140–67, прав. с 76 до н. э.) — вдова Аристовула I (см. ниже), а после его смерти — его брата Александра Янная (см. ниже), единолично правившая после смерти второго мужа. При ней фарисеи получили преимущественное положение в государстве, во главе Синедриона встал ее брат, ревностный фарисей Шимон бен Шетан. Характерно, что в государстве, возникшем в результате восстания правоверных иудеев против Эллинистической цивилизации, члены правящей династии носят, наряду с еврейскими (Саломея), и греческие (Александра) имена — и это не единственный случай.

⁴³ Иоанн Гиркан I (ум. в 107 до н. э. по уточненным данным), племянник Иуды Маккавея, унаследовал в 134 г. до н. э. сан первосвященника, означавший тогда и светскую (княжескую) власть над Иудеей.

⁴⁴ Хариджиты (от *араб.* «хараджа» — «выходить», «отделяться») — секта в раннем исламе. Причины ее возникновения лежат в борьбе за власть в раннем халифате между халифом Али (см. «Постижение истории», т. 1, примеч. 19 к главе «Сравнительное исследование цивилизаций») и претендентом Муавией (ум. 680, халиф с 661) из рода Омейя (см. там же, примеч. 3). В 657 г. после военной победы Али его противники добились перемирия, начала переговоров и третейского суда. Тогда наиболее ревностные сторонники Али откололись (отсюда — хариджиты), провозгласив, что только Аллаха, а не люди имеет право решать, кому быть халифом, и избрали своего антихалифа; в конечном счете Али был убит именно хариджитом, как предатель дела ислама. Хариджиты, опиравшиеся на ряд арабских племен и неарабское население Нижней Месопотамии, представляли собой радикальное крыло мусульман. Они требовали имущественного равенства, скрупулезнейшего следования Корану и (в этом они как раз совершенно не походили на фарисеев) постоянной священной войны со всеми, не разделяющими их учения (в первую очередь мусульманами), а также физического истребления своих противников. Пик борьбы правоверных мусульман с хариджитами (те в свою очередь разделились на несколько групп, ожесточенно сражавшихся друг с другом) приходится на VII–IX вв.

⁴⁵ Праздник кущей (куща — *ст. слав.* «шалаш», «палатка», еврейское название праздника — Суккот, мн. ч. от «сукка» — «шалаш») — праздник урожая, отмечаемый в течение девяти дней в седьмом месяце (тишри — сентябрь–октябрь) еврейского календаря. В последний день праздника кущей заканчивается годовой цикл чтения Торы и начинается чтение сначала; этот день именуется «Радость Торы» (Симхат-Тора) — самый веселый еврейский праздник.

⁴⁶ Следует отметить, что вышеприведенное изложение событий есть реконструкция Тойнби. Фарисеи выступали против того, что Иоанн Гиркан соединил в одних руках власть первосвященника и князя, но современные исследователи не считают это бунтом. Александр Янная (129–79, царь Иудейский с 106 до н. э.), талантливый военачальник, не пользовался

популярностью в народе как ввиду того, что его успешная завоевательная политика ложилась тяжким бременем на экономику страны, так и из-за его симпатий к саддукеям, тогда как большинство населения было на стороне фарисеев. Последние ставили Александру Яннаю в вину то, что он, будучи не только царем, но и первосвященником, женился на вдове брата, что прямо — для первосвященников — запрещалось Торой (Лев. 21: 13). Во время празднования праздника кущей толпа в Храме забросала царя ритуальными плодами — райскими яблоками, а в ответ царь приказал страже Храма, состоявшей из пользовавшихся славой прекрасных воинов, жителей Писидии, перебить молящихся. Иосиф Флавий (см. ниже, примеч. 52) утверждает, что убито было шесть тысяч человек. Шесть лет спустя (точные даты неизвестны; факт гражданской войны, а не просто волнений не очевиден), когда царь находился в походе, в Иерусалиме вспыхнул мятеж, скорее всего инспирированный фарисеями (хотя те и отрицали это), саддукеи были изгнаны из Храма, но Александр Яннай по возвращении взял с бою свою столицу и приказал распять зачинщиков, в том числе ряд известных фарисейских законоучителей — всего 800 человек, глава мятежников бежал в Египет, движение было подавлено. Александра Саломея не капитулировала перед фарисеями, а симпатизировала им изначально.

⁴⁷ Гиллель (ок. 70 до н. э. — 10 н. э.) — еврейский законоучитель, приверженец весьма широкого, как бы мы сказали сегодня, «свободного» толкования Торы. Предание рассказывает, что некий нееврей (гой) пришел к Гиллелю и сказал, что обратится в иудаизм, если тот разъяснит ему Тору за время, пока этот гой будет стоять на одной ноге. Гиллель ответил: «Не делай другим того, что неприятно тебе самому. В этом и Закон и пророки, а все остальное — комментарии».

⁴⁸ После распада единого государства евреев религиозный центр — Иерусалимский храм — остался в южном царстве — Иудее; в противовес этому, цари севера — Израиля — в нач. IX в. до н. э. устроили святилище на горе Гаризим недалеко от города Самарии. Захватив Самарию Иоанн Гиркан распорядился в 129 г. (по уточненным данным) до н. э. разрушить это святилище.

⁴⁹ Александр Яннай в 99 г. до н. э. после длительной войны захватил ряд городов на побережье Средиземного моря, принадлежавших Сирийскому царству Селевкидов, главным из которых была Птолемаида (совр. Акко в Израиле). Итуреяне — арабские племена, население Итуреи, области к востоку от Иордана и к юго-западу от Дамаска; Итурея была ненадолго завоевана в 107 г. до н. э. (дата освобождения точно не известна), а население насильственно обращено в иудаизм.

⁵⁰ Ирод Великий был по происхождению идумеянином.

⁵¹ Аристовул I Иуда (прав. 104–103 до н. э.) — царь Иудейский (он первым из Хасмонеев принял царский титул), младший сын Иоанна Гиркана, талантливый военачальник (именно он командовал войском, захватившим Итурею), в отличие от отца не симпатизировал фарисеям, прослыл поклонником эллинской культуры.

⁵² Имеется в виду Иосиф Флавий (37 — после 100), знаменитый еврейский историк, участник Иудейской войны 67–70 гг., перешедший на сторону римлян, но оставшийся правоверным иудеем и убежденным еврейским патриотом (он считал, что продолжение борьбы погубит весь

еврейский народ), хотя и ненавидимым большинством своих соплеменников; его основные труды — «Иудейская война», «Иудейские древности» — являются ныне часто единственными источниками по истории Иудеи II в. до н. э. — I в. н. э.

⁵³ Тойнби не совсем точен. Помпей (Гней Помпей Магн, т. е. Великий; 105—48 до н. э.) во время похода на Восток в 63 г. до н. э. взял штурмом Иерусалим, однако Иудейское царство сохранилось под римским протекторатом и под властью династии Хасмонеев. В Иудее, впрочем, происходили династические распри, особенно усилившиеся во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем в Риме. В 47 г. до н. э. Цезарь прибыл в Сирию и вмешался в борьбу местных династий. Он сместил хасмонейского царя Иудеи Иоанна Гиркана II (ум. 40, царь с 63 до н. э.) и назначил иудейского князя Антипатра (ум. 41 до н. э.) правителем (без царского титула) Иудеи, а тот в свою очередь с согласия римлян сделал тетрархом (т. е. правителем четвертой части государства) своего старшего сына Ирода (ок. 73—4. до н. э.). После смерти Антипатра его владения унаследовали Ирод и его брат Фасаэль (ум. 40 до н. э.). В 40 г. до н. э. в Палестину вторглись парфяне, разбили Ирода (его брат погиб в плену у парфян) и посадили на иудейский престол представителя династии Хасмонеев Антигона (ок. 73—37 до н. э.). Римский сенат тогда объявил Ирода царем Иудеи, и в 37 г. до н. э. ему с помощью римских войск удалось взять Иерусалим; Антигон был казнен, а Ирод утвердился на престоле под римским протекторатом.

⁵⁴ Положение о том, что высшие религии обязательно, в той или иной степени, пацифистские, скорее принадлежит к сфере убеждений Тойнби, нежели к историческим фактам. Пацифизм христиан, разумеется имеющий место, все же преувеличен — достаточно вспомнить крестовые походы. Сверхагрессивный исламский фундаментализм с явно политическим оттенком существует доныне. Войны между Византией и Сасанидским Ираном, по мнению современных исследователей, были и религиозными войнами между христианством и зороастризмом. Религия (и особенно община) сикхов (см. «Постижение истории», т. 5, примеч. 21 к «Отношения между распадающимися сообществами и индивидами») весьма воинственна, и воинственность сикхов, несколько уменьшившаяся с завоеванием Индии англичанами в XIX в., снова проявляется ныне как в террористических актах (достаточно вспомнить убийство Индиры Ганди в 1984 г.), так и в вооруженной борьбе за создание в нынешнем индийском штате Пенджаб независимого сикхского государства Халистан.

⁵⁵ Центоны — стихотворные тексты, составленные из стихов и полустихий из других текстов; *здесь* — в широком смысле: текст, составленный (целиком или в большинстве) из цитат.

⁵⁶ «Жертва за грех» — согласно Писанию, жертвоприношение, совершаемое в случае, «если какая душа согрешит по ошибке против каких-либо заповедей Господних и сделает что-нибудь, чего не должно делать» (Лев. 4: 2). По мнению Тойнби (и не только его, но и многих историков религии и морали), в первобытном обществе грех не есть морально недостойное действие, но ритуально неправильное поведение; совершивший тот или иной неподобающий поступок по неведению или в результате ошибки все равно подлежит наказанию, а искупление греха есть не раскаяние, а ритуальное же действие.

⁵⁷ Имеется в виду следующее. Иисус, споря с фарисеями и доказывая, что они подменяют закон Моисеев своими толкованиями, сказал: «Хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божью, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: “почитай отца своего и мать свою”; “злословящий отца или мать да умрет”. А вы говорите: кто скажет отцу или матери: “корван, т. е. дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался”, — тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное» (Марк. 7: 9–13). Это место чрезвычайно неясно и вызвало множество толкований и споров, в том числе между христианами и иудеями. Корван — арамейское слово, означающее «освященный дар», «дар по обету, вотив». Это слово применялось как по отношению к храмовой жертве и имуществу, подаренному или завещанному Храму, так и по отношению к людям, давшим особый обет Богу (к таким людям относились назорей — к ним также прилагался термин «корван» — лица, соблюдавшие особую ритуальную чистоту в знак преданности Яхве — ср.: Числ. 6). Наиболее распространенное христианское толкование этого казуса таково: по мнению Иисуса, фарисеи полагают, что человек, передавший или даже завещавший свое имущество Храму либо давший указанный обет, уже не обязан заботиться о родителях, ибо выполнил высший долг перед Богом; Иисус же считает, что никакие дела не оправдывают пренебрежение родителями, и даже (мнение только некоторых, в основном современных протестантских теологов), что любой обет недействителен, если он приносит ущерб родителям либо принесен без их согласия. Другие толкователи (обычно иудейские или из числа свободомыслящих) настаивают на том, что в Талмуде ничего подобного нет, что Иисус ошибся, либо даже на том, что он сам ведет себя в соответствии с отвергаемым здесь принципом: будучи Назореем (ср. надпись на Кресте: «Иисус Назорей, Царь Иудейский» — Иоанн. 19: 19), он сам ставил свои обеты и свою миссию выше родственных привязанностей.

⁵⁸ Последние вещи — так в английском языке (*last things*) именуется то, что в православных религиозных текстах называется «четыре последняя человека», т. е. те четыре вещи, к которым всегда в конечном счете должно быть приковано внимание человека: смерть, Страшный Суд, Ад, Рай.

⁵⁹ Прозелитизм, т. е. стремление обратить в свою веру, привлечение прозелитов, т. е. новообращенных, был распространен в иудаизме вплоть до I в. н. э. Среди новообращенных различались «прозелиты сердца», т. е. те, кто полностью принимал закон Моисеев и соблюдал все требования его, «прозелиты врат» и «богобоязненные». «Прозелиты врат» не были обязаны во всем подчиняться Торе, обрезание для них заменялось ритуальным омовением (см. ниже), а Моисеев закон — так называемыми Ноевыми заповедями. Эти заповеди (законоучители вычленили — ибо жесткого перечня их, подобно заповедям Моисеевым, в Библии нет — семь) Господь дал Ною и его потомству после потопа (Быт. 9: 1, 3, 4, 6, 9). Название «прозелиты врат» произведено либо от библейского выражения «пришелец, который в жилищах твоих» (Быт. 20: 10; Втор. 14: 21 и 24: 16; в еврейской Торе (и русском ее переводе) сказано: «пришелец твой, который во вратах твоих»), — либо от обычая, согласно которому указанные прозелиты могли приносить жертвы в Храме, но не допускались во внутренний двор и

должны были оставаться у врат его; «пришельцы врат» пользовались в царстве Иудейском гражданскими правами, могли служить в войске и занимать низшие административные должности. «Богобоязненные», насколько известно, прозелитами не считались, могли посещать синагоги, но не допускались в Храм, и, надо сказать, окружавшие евреев представители Эллинистического мира не считали этих «богобоязненных» иудеями ни в каком смысле («прозелиты врат» ими считались), но просто поклонниками какого-то восточного божества, каких немало было в Эллинистическом мире в последние века до н. э.

⁶⁰ Переводчик передал выражением «ритуальное омовение» употребленное Тойнби английское слово «baptism» — «крещение», дабы отличить этот иудейский обычай от христианского крещения. Омовение, хотя и без наречения имени, было обязательным для иудеев обрядом по меньшей мере до эпохи Маккавеев (точное время исчезновения этого обряда неизвестно) и понималось как «утверждение обрезания».

⁶¹ Согласно еврейской традиции, правоверному еврею для спасения необходимо соблюдать 613 мицвот (мн. ч. от мицва — «повеление»), в том числе 365 запретов и 248 предписаний, большая часть из которых ритуального свойства. Нееврею же для спасения достаточно соблюдать Ноевы заповеди (см. выше) и, разумеется, не принадлежать ни к какой другой религии.

⁶² Веком эмансипации историки еврейского народа именуют эпоху, когда евреи в Европе стали получать равные с остальными гражданские и политические права. Первый закон, специально оговаривающий равенство прав евреев с остальными гражданами, был принят после Великой французской революции Национальным собранием Франции в 1791 г., и это было особо подтверждено в принятом в 1804 г. Гражданском кодексе Франции, получившем название Кодекса Наполеона. В России эмансипация евреев произошла лишь с Февральской революцией 1917 г.

⁶³ Санхедрин — здесь: заседавший в феврале—марте 1807 г. высший орган еврейской общины Франции, названный так по аналогии с древним Синедрионом и созданный декретом Наполеона от 30 мая 1806 г., ибо император желал урегулировать отношение евреев с Французским государством. Санхедрин принял ряд постановлений, в числе которых был категорический запрет на многоженство, объявил всех евреев Европы братьями, потребовал от французских евреев быть законопослушными гражданами и призвал евреев всего мира признать, что деятельность Наполеона направлена на возрождение и освобождение как всей Европы, так и еврейского народа.

⁶⁴ «Земля-сердце» — принятое в еврейской литературе название Центральной Европы, где со времен средневековья было больше евреев, чем в остальных европейских государствах, где они в меньшей мере, нежели в иных местах, подвергались гонениям в средние века и начале нового времени. Обычно к этим землям относят Германию (кроме Баварии), Австрию, Венгрию, Польшу, Чехию, Румынию, западные губернии Российской империи (позднее — западную часть СССР). Большая часть евреев этой «земли-сердца» была уничтожена в результате нацистского геноцида.

⁶⁵ Рош-Ашана (Рош га-Шана — *евр.* «голова года») — еврейский Новый год, день, когда, согласно иудейской традиции, Господь решает, правильно ли живет человек, дает прощение и оказывает милость; отмечается

1 тишири (см. выше, примеч. 45). День Искупления — так здесь назван Судный день (Иом Кипур), последний день года, когда Всевышний взвешивает поступки людей и определяет их судьбу на следующий год; в Судный день полагается соблюдать полный пост. Отмечается в последний день месяца элул (август—сентябрь).

⁶⁶ Возникновение реформистского течения в иудаизме связано с веком Просвещения. Еще в XVIII в. в образованных еврейских кругах в Германии распространились представления о том, что Тора есть текст, конечно, священный, но имеющий историческое происхождение, запреты и предписания в ней обусловлены теми или иными историческими условиями и с изменением этих условий должны видоизменяться. Сторонники таких взглядов получили название реформистов, противники, настаивавшие на точном исполнении всех мицвот (см. выше, примеч. 61) — ортодоксов. В XIX в., особенно в США, из реформаторского течения выделились консервативное, сторонники которого считали, что отклонения от Торы, конечно, неизбежны, но должны воплощаться в жизнь весьма осторожно и лишь в крайнем случае, а также либеральное, приверженцы которого вообще считают иудаизм не столько религией, сколько совокупностью национальных обычаев евреев; так, в США существует даже синагога евреев-атеистов.

⁶⁷ Дефоссилизация — термин, введенный Тойнби. Фоссилизация — процесс превращения органических предметов (костей, раковин) в окаменелости, в переносном смысле — застой, стагнация, окостенение; дефоссилизация соответственно есть обратный процесс: возвращение к жизни чего-то закосневшего.

⁶⁸ Согласно учению ислама, Аллах послал в мир пять пророков. Это — Адам, Нух (Ной), Муса (Моисей), Иса (Иисус, которого мусульмане считают человеком, а не сыном Божьим) и самый последний и самый великий — Мухаммед, и более пророков уже не будет.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАПАДА

¹ Первоначально Тойнби делил цивилизации Китая на две: Китайскую (Sinic; в предыдущих томах это слово переведено как «Древнекитайская») и Дальневосточную основную (см. «Постижение истории», т. 1, с. 61–62 и соответствующие примеч.). Однако в процессе переосмысления он в последних томах «Постижения истории» объединил их в одну — Китайскую. Впрочем, как можно судить, это проведено не вполне последовательно. Здесь он говорит о Китайской цивилизации как о завершившейся, т. е. отстаивает прежние положения, однако ср. ниже.

² Универсальное государство, в терминологии Тойнби (см. особенно «Постижение истории», т. 6, «Универсальные государства»), есть государство, охватывающее всю или почти всю область распространения той или иной цивилизации. С точки зрения автора «Постижения истории», универсальное государство — последний этап жизни цивилизации, не период ее наивысшего расцвета, как это обычно считается, но время упадка, когда творческие силы цивилизации уходят на внешнюю экспансию и внутреннее устройство одного государства.

³ Не вполне ясно. Выше Тойнби под Китайской цивилизацией явно имел в виду закончившую свое существование Древнекитайскую. Но время существования древнекитайского универсального государства Тойнби оценивает в 442 года, с 221 г. до н. э. до 221 г. н. э., от возникновения империи Цинь до падения династии Хань (см. «Постижение истории», т. 1, с. 61—62, и примеч. 44 к «Сравнительное исследование цивилизаций»), а существование эллинского универсального государства — Римской империи — в 409 лет, от утверждения единоличной власти Октавиана Августа в 31 г. до н. э. до поражения империи от варваров-готов в 378 г. (см. «Постижение истории», т. 5, с. 491—493). Видимо, здесь он считает Китайскую цивилизацию продолжающейся доньше в форме универсального государства, которое, таким образом, насчитывает, с 221 г. до н. э., более 2000 лет.

⁴ О космосе средневекового города-государства см. «Постижение истории», т. 5, примеч. 38 к «Раскол в душе».

Ганза — объединение немецких городов-коммун, занятых посреднической торговлей. Начало Ганзы относится к 1241 г., когда был заключен союз между Гамбургом и Любеком. Окончательный договор о создании Ганзы оформлен в 1356 г. В момент наивысшего расцвета в кон. XIV в. Ганза насчитывала более 80 городов в Северной Германии, Прибалтике и нижерейнских землях.

⁵ Война (в исторической науке обычно — Морская война) Кьоджа — вооруженный конфликт между Венецией и Генуей в 1378—1380 гг. (так!) за господство на Средиземном море. Первые морские сражения развернулись близ Далматинского побережья и Кипра; в мае 1379 г. генуэзский флот начал осаду города Кьоджа к югу от Венеции на берегу глубоко вдающегося в глубь материка лимана (лагуны), 13 августа Кьоджа пала, но 1 января 1380 г. венецианский флот разбил генуэзский и запер его в лагуне. 24 июля Кьоджа сдалась венецианцам, что считается концом войны. Эта война доказала превосходство Венеции.

⁶ Согласно Тойнби, надлом цивилизации не ведет сразу же к распаду ее, распады имеют свой ритм, который автор именует «Спад-и-Оживление». Надлом Эллинской цивилизации произошел, по Тойнби, как указывалось, в 431 г. до н. э., но с завоеваниями Александра Македонского (334—323 до н. э.) началось оживление. Надлом Китайской цивилизации Тойнби датирует 634 г. до н. э., а эпохой оживления считает время жизни Конфуция (ок. 551—479 до н. э.).

⁷ Имеются в виду так называемые Итальянские войны (1494—1559) между Францией с одной стороны и Испанией, Священной Римской империей и (временами) Англией — с другой за обладание Апеннинским полуостровом и Фландрией. Главными противниками в этих войнах были король Франции Франциск I (1494—1547, король с 1515) и император Карл V (1500—1558, король Испании — Карл I — в 1516—1556, император в 1519—1556; отрекся от престола); впрочем, война велась и их предшественниками и преемниками. Король Англии Генрих VIII (1491—1547, король с 1509) был в основном союзником империи (и объединенной с ней с 1519 г. Испании); правда, его устремления не распространялись на Италию и ограничивались Францией.

⁸ Во время Третьей Македонской войны (171—168 до н. э.) между Римом и Македонией римская армия наголову разбила македонское войско

в битве при Пидне (Пидна — город в Македонии близ залива Термаикос) 22–23 июня 168 г. до н. э., что привело к уничтожению Македонского царства. 2 сентября 31 г. до н. э. Октавиан в морской битве при мысе Акций на западном побережье Греции разбил объединенный флот египетской царицы Клеопатры и ее мужа Марка Антония; эта победа принесла Октавиану единоличную власть над Римской державой и почетное имя-титул Август (*от лат. augete* — «увеличивать», подразумевается — «увеличивать римские владения»).

⁹ Конфликт между революционной Францией и монархическими государствами Европы возник с самого начала Французской революции в 1789 г. По мере развития революции европейские державы все более желали покончить с «революционной заразой», а французы — разнести свои идеи по всей Европе и «освободить угнетенные народы». 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии. Сразу же французскую армию стали преследовать неудачи. 11 июня 1792 г. Законодательное собрание Франции своим декретом объявило «Отечество в опасности» (декрет был введен в действие 22–23 июня); по этому декрету все мужчины, способные держать оружие, подлежали призыву, 24 июня был принят закон об организации добровольческих батальонов. «Тотальной войной» Тойнби называет такую, в которой в той или иной степени участвует все население страны, в отличие от прежних войн, которые велись лишь силами профессиональной армии. Строго говоря, словоупотребление Тойнби отличается от общепринятого. Этот термин ввел в 1935 г. генерал Эрих Людендорф, один из ведущих германских военачальников в Первой мировой войне, основатель и первый руководитель (1919–1921) Национал-социалистской германской рабочей (нацистской) партии. Доктрина тотальной войны признавала допустимым нанесение любого ущерба противнику, в том числе массовое уничтожение мирного населения.

¹⁰ Имеется в виду, скорее всего, Лазар Карно (1753–1823), деятель Французской революции, организатор военного дела и видный ученый-механик. Большое внимание Л. Карно уделял артиллерии, причем как в практическом плане — производство пушек, обучение персонала и т. п., так и в теоретическом — он известен как автор трудов по баллистике, в том числе заложивший основы расчетов стрельбы по невидимым (находящимся за горизонтом) целям. Здесь подразумевается использование в Первой мировой войне дальнобойной артиллерии.

¹¹ Видимо, Тойнби отсчитывает начало периода соперничества Франции с европейскими державами с Итальянских войн (см. выше).

¹² Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинский политический и военный деятель времен греко-персидских войн. Здесь имеется в виду, что он был инициатором создания в 478 г. до н. э. Делосской симмахии (*греч. букв.* «соборчество», т. е. «военный союз»), союза городов (союзная казна и союзный совет находились на острове Делос) для борьбы, в первую очередь на море, с Персией. Формально все полисы этого союза были равны, но довольно быстро он превратился в инструмент гегемонии Афин над остальными полисами.

¹³ Корейская война 1950–1953 гг. началась 25 июня 1950 г. с вторжения армии Корейской Народно-Демократической Республики (создана на территории Северной Кореи, занятой советскими войсками в ходе Второй

мировой войны 17 июля 1947 г.) в Республику Корея (создана в Южной Корее, занятой американцами, 3 сентября 1947 г.), причем КНДР поддерживали коммунистический Китай и СССР, а Южную Корею — США (формально они действовали под флагом ООН на основании резолюции Совета Безопасности от 27 июня 1950 г.). Эта война закончилась перемирием 27 июля 1953 г., восстанавливающим статус-кво до начала войны. В 1945—1954 гг. на территории Вьетнама шла война между Францией, которой с кон. XIX в. принадлежал Вьетнам, и образовавшейся в августе—сентябре 1945 г. коммунистической Демократической Республикой Вьетнам. Эта война закончилась Женевскими соглашениями от 21 июля 1954 г., в соответствии с которыми Франция предоставляла Вьетнаму независимость и выводила свои войска. Однако на этом вьетнамская война не закончилась (хотя дальнейшие события разворачивались уже после написания А. Дж. Тойнби данных строк, а полностью завершились уже после его смерти в 1975 г.). В 1964 г. вспыхнули военные действия между коммунистическими повстанцами в Южном Вьетнаме (Республика Вьетнам), поддержанными ДРВ (открыто) и СССР (менее явно), и Республикой Вьетнам, поддержанной вооруженными силами США. 27 января 1973 г. были подписаны Парижские соглашения, по которым США выводили свои войска. Оставшееся без поддержки южновьетнамское правительство было свергнуто (фактически — войсками ДРВ) в апреле 1975 г., а в апреле 1976 г. обе части страны формально объединились в единую Социалистическую Республику Вьетнам, а фактически — Северный Вьетнам присоединил Южный. Так что в конечном счете война эта завершилась военной победой одной из сторон.

¹⁴ Имеется в виду так называемая «политика мирного сосуществования государств с разным общественным строем», провозглашенная Н. С. Хрущевым во 2-й пол. 50-х гг. XX в., знаменовавшая окончание «холодной войны».

¹⁵ Тойнби принадлежал в тем кругам леволиберальной интеллигенции Запада, которые с определенной симпатией относились к Советскому Союзу — отсюда не только неточности в его предсказаниях, но и неверное восприятие политической реальности начала 60-х гг. XX в., когда писались эти строки. Западные державы давно уже не боялись реванша со стороны Западной Германии (во всяком случае по отношению к себе), а, наоборот, рассматривали тогдашнюю ФРГ как бастион против СССР, а Польша и Чехословакия (во всяком случае большинство населения там) никак не желали мириться с советской гегемонией из-за весьма гипотетичных агрессивных намерений Западной Германии. Это доказали события 1968 г., а особенно — последних лет, когда Польша и наследницы Чехословакии — Чехия и Словакия — стремятся в военный союз НАТО, где немалую роль играет объединившаяся Германия.

¹⁶ Частично Тойнби, писавший эти строки ок. 1961 г., оказался прав. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия (кроме подземных) был подписан в Москве 5 августа 1963 г. между правительствами СССР, США и Великобритании; из остальных ядерных держав Франция присоединилась к этому договору только в 1991 г., Китай не подписал его доныне. Договор о нераспространении ядерного оружия СССР, США, Великобритания и Франция заключили 1 июля 1978 г. Полного отказа от ядерного оружия не произошло и по сегодняшний день.

¹⁷ Первая осада Вены турками-османами была в 1529 г.; хотя и безуспешная, она знаменовала начало наступления Османской империи на государства не только Южной и Центральной, но и Западной Европы. С осады Вены в 1683 г. началась австро-турецкая (на стороне Австрии выступали также Венеция, Польша и — с 1686 г. — Россия) война 1683—1699 гг. Неудачная осада Вены, завершившаяся разгромом турецких войск под австрийской столицей, предопределила поражение Турции в этой войне и во многом дальнейший упадок Османской империи.

¹⁸ «Государство всеобщего благосостояния», или в иной терминологии, «социальное государство», — система, при которой забота о нетрудоспособных, безработных и вообще неимущих есть дело государственных органов, а не исключительно частной благотворительности, как это предполагалось в государствах с классической либеральной экономикой XIX — нач. XX в.

¹⁹ Ошибка или опечатка. Имеется в виду Папа Пий XII (Эудженио Пачелли; понтификат 1939—1958).

²⁰ Для гуманистов, в первую очередь итальянских, но не только, никак не являвшихся атеистами, корпус текстов античных авторов обладал таким же авторитетом, что и Священное Писание.

Сторонники Реформации в большинстве не признавали особого священнического сана, отвергали учение о Церкви как Теле Христовом, настаивали на том, что источником веры является исключительно Библия. Мартин Лютер утверждал, что Церкви как института, состоящего из лиц, наделенных особой благодатью, не существует, а потому дело Реформации должны взять в свои руки представители безусловно богоустановленного учреждения — светской власти, что в условиях Германии нач. XVI в. означало — территориальных князей: к ним должны были отойти церковные имущества, они должны были назначать церковных администраторов и т. п. Религиозные междоусобицы в Германии закончились Аугсбургским религиозным миром в 1555 г., в соответствии с которым и был принят вышеприведенный принцип, означавший, что государственную (а иногда и единственно разрешенную) религию на той или иной территории определяет ее государь.

²¹ В кон. XVII в. во Франции разгорелся литературный спор между так называемыми «древними» и «новыми»; название пошло от вышедшего в свет в 1688—1697 гг. четырехтомного труда известного Шарля Перро «Параллель между древними и новыми», где глава «новых» весьма запальчиво доказывал, что новая французская литература намного превзошла античную и нечего уделять внимание всякому старью. «Древние», в частности Никола Буало, утверждали, что античная литература есть высшая и непревзойденная норма. Любопытно, что обе стороны апеллировали к великой литературе XVII в. — Корнелию, Расину, но если «новые» заявляли, что высочайший уровень этой литературы сам по себе уже говорит в их пользу, то «древние» настаивали на том, что сей уровень достигнут благодаря неукоснительному следованию правилам античной поэтики.

²² Имеется в виду битва «древних» и «новых» (см. пред. прим.). Название дано потому, что «битва» эта проходила в форме литературной полемики, а главными в ней были труды Н. Буало, в первую очередь «Поэтическое искусство» (1674) и упомянутый выше трактат Ш. Перро.

²³ Видимо, здесь имеется в виду выработанная в средневековом монашестве этика труда. В античной системе ценностей, в системе ценностей варваров физический труд считался занятием рабов либо людей несвободных, во всяком случае социально низких. Св. Бенедикт Нурсийский (ок. 480—547) ок. 529 г. основал монашеский орден, получивший его имя, причем главным правилом устава бенедиктинцев было: «Молись и трудись». Тяжелый физический труд должен был отвлекать монаха от соблазнов, но в бенедиктинских же кругах возникает теология труда: он есть средство спасения, средство искупить первородный грех. Монахи-бенедиктинцы активно занимались сельским хозяйством, распахивали целину, даже развивали в своих монастырях ремесла. Св. Франциск Ассизский (наст. имя и фамилия Джованни Бернардоне; 1182—1226) основал в 1209 г. первый нищенствующий монашеский орден (утвержден в 1223 г.) миноритов (меньших братьев; обычно называются францисканцами), члены которого, кроме обычных монашеских обетов бедности (понимаемой как отсутствие личной, но не общей, монастырской собственности), целомудрия и послушания, давали обет абсолютной нищеты: они не должны были иметь никакого имущества даже и в коллективном пользовании, обладать одной рясой, обходиться без обуви и без постоянных жилищ, скитаться, питаясь подаянием, каковое можно было принимать лишь пищей, но ни в коем случае не деньгами (со временем эти строгости были смягчены). Если прежние монахи стремились уйти из мира, то францисканцы шли в мир, в первую очередь в города (бенедиктинские монастыри, как правило, располагались в сельской местности), где проповедовали на площадях и в городских храмах. Сам св. Франциск не очень много внимания уделял проблемам труда, но его последователи уже во 2-й пол. XIII в. стали развивать учение о том, что труд есть не только следствие проклятия и средство спасения, но и призвание человека: честный труженик исполняет заповедь Божью и тем угоден Господу.

²⁴ Современные исследования историков питания показывают, что начиная со времен неолита (12—10 тыс. лет до н. э.) человек может неопределенно долгое время обходиться без мясной пищи, если в его рацион входит 70% зерновых и 30% бобовых. По распределению продуктов питания исследователи выделили три первоначальных региона развитого земледелия (не обязательно пашенного, но обязательно могущего обходиться без охоты и даже без животноводства — хотя охота и животноводство могли присутствовать в этих регионах): средиземноморский, где основными возделываемыми растениями были пшеница и горох; дальневосточный, где питались рисом и соей; американский, где главными продуктами питания были кукуруза и фасоль.

МЕСТО РОССИИ В ИСТОРИИ

¹ Тойнби касается здесь так называемой «норманнской теории» происхождения Руси. Сегодня течение событий представляется следующим (конечно, все сказанное есть лишь гипотеза). Кон. VIII — 1-я пол. XI в. именуется историками «эпохой викингов», временем активной экспансии скандинавов в первую очередь, но не исключительно военной. Набеги

норманнов происходили от Ирландии до Южной Италии и даже Греции, и Русь не была исключением. Во 2-й пол. IX в. (летописная дата — 862 г.) какая-то группа воинов-скандинавов по призыванию местного населения или военной силой установила свою власть над несколькими славянскими племенами в районе Новгорода и даже распространила эту власть на юг (Полоцк, Киев). Возможно, предводителя этих викингов звали Рюриком (не исключено, что он идентичен Хрёрику Датскому скандинавских саг и королю Рорику Норманнскому латинских монастырских хроник). Большинство исследователей считает этих варягов выходцами из Швеции (но возможно, что и из Дании; впрочем, скандинавские народы тогда еще четко не разделились). При этом в большинстве своем исследователи не считают, что образование государства на Руси произошло под норманнским воздействием. Во-первых, вряд ли вообще можно весьма рыхлые союзы племен и племенные княжества именовать термином «государство»; во-вторых, собственно славянские протогосударственные образования существовали и ранее указанных дат, и вне области скандинавских набегов.

² Согласно учению А. Дж. Тойнби, не все цивилизации проходят полный цикл своего развития и могут быть поглощены (военным, политическим или культурным путем) иными цивилизациями. Так, возникшая на севере Европы Скандинавская цивилизация была, по мнению Тойнби, поглощена в IX–XI вв. Западной через обращение в христианство.

³ Тойнби имеет в виду существовавшие в его время (сер. XX в.) христианские цивилизации: Западную, Православную основную (православные народы Балканского полуострова, включая греков и румын), Православную русскую и неразвившуюся (реликтовую) Дальневосточную христианскую — Монофизитскую и Несторианскую, распространенную среди небольших групп народов Ближнего Востока, Ирана и Индии.

⁴ Тойнби, как это неоднократно отмечалось (в том числе и им самим), корректировал свою концепцию в процессе работы над «Постижением истории». Исламскую цивилизацию он то полагал единой и продолжающейся донныне, то цивилизацией-предшественницей двух других: Арабской и Иранской — и связывал это с разделением на суннитов и шиитов. Современные исследователи, как правило, не связывают столь жестко различие цивилизаций с религиозными различиями и отмечают, что иранский вариант Исламской цивилизации распространялся не только в Иране, но и, например, в других государствах Средней Азии, среди не только ираноязычных, но и меж тюркоязычных народов, у суннитов, так же как и у шиитов. Эти исследователи указывают, что наличие особого иранского варианта связано с тем, что в Иране и области распространения этой цивилизации были гораздо более сильные, нежели в Арабском мире, традиции государственности (это замечает и Тойнби), а также с тем, что в указанном регионе языком культуры (в первую очередь литературы) был персидский (языком религии и частично науки оставался арабский).

⁵ Тойнби имеет здесь в виду два натиска турок на Византию — выходцев из Приаралья турок-сельджуков в XI в. и сформировавшихся уже в Малой Азии турок-османов с кон. XIII в., а также завоевание части Византийской империи крестоносцами в 1204 г. и образование на завоеванных землях так называемой Латинской империи (название дано позднейшими историками), просуществовавшей до 1261 г. Даже и после падения

Латинской империи Византия оказалась сильно ослабленной, некоторые ее части, отколовшиеся при завоевании Восточной Римской империи крестоносцами, так и не объединились под властью Константинополя. Сам Второй Рим был завоеван в 1453 г., а последний осколок православной греческой империи — так называемая Трапезундская империя — захвачен турками в 1461 г. Давление Западнохристианского мира на Россию, если не считать достаточно спорадических, как показывают последние исследования, набегов шведов и немецких рыцарей Тевтонского ордена на Северо-Западную Русь в XIII в., началось после объединения в кон. XIV — 1-й пол. XV в. Великого княжества Литовского, большую часть населения которого составляли православные русские (точнее, западные русские, предки украинцев и белорусов), с Польшей и полонизации и окатоличивания местного населения. Формальный отказ от подчинения Русского (Московского) государства от подчинения татарским (Казанским) царям произошел в 1480 г. Кстати сказать, в указанное время значительная (даже основная) часть татар от кочевого хозяйства, характерного для эпохи татаро-монгольского завоевания в XIII в., перешла к оседлому земледелию.

⁶ По всей видимости, Тойнби имеет в виду возвышение Московского княжества и первую, хотя и не вполне удавшуюся попытку Руси стряхнуть зависимость от татар в результате Куликовской битвы в 1380 г. (в 1381 г. Москва взята и разорена татарскими войсками, а зависимость — так называемое «иго» — продолжалась еще 100 лет; см. пред. примеч.).

⁷ Наступление турок на Болгарское царство началось ок. 1360 г., и к 1396 г. оно было полностью завоевано. После поражения в битве при Косовом поле в 1389 г. Сербия стала вассальным государством Турции, а в 1459 г. была окончательно присоединена к Османской империи.

⁸ На деле в 1453–1461 гг. существовало еще одно православное государство — Грузия, но об этом тогда практически не вспоминали (как не вспомнил и Тойнби). Это, среди прочего, может объясняться тем, что в 1466–1483 гг. Грузия разделилась на три отдельных государства: Кахетию, Картли и Имеретию, а в XVI в. из царства Имеретия выделилось три фактически независимых княжества: Мегрелия, Абхазия и Гурия.

⁹ В посланиях старца псковского Трехсвятительского Елеазарова монастыря Филофея, адресованных Великому князю Московскому Василию III и его дьяку Мисюрю Мунехину, написанных между 1514 и 1523 гг., развивается идея о том, что Первый Рим (собственно Рим) и Второй (Константинополь) пали из-за измены подлинному, т. е. православному, христианству, а Третий Рим — это Москва: «все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве... и это русское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать!», и следовательно, русский государь «во всей поднебесной есть христианам царь» и является «сохранителем... Святой Вселенской Апостольской Церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве».

¹⁰ Конгрессова Польша (иначе — Конгрессово Королевство Польское) — принятое в западной, и особенно в польской, исторической науке (в последней, и более всего в польской публицистике, существует даже полупрезрительное название «Конгрессовка») наименование Царства Польского (в самой Польше — Королевство Польское), существовавшего

в составе Российской империи в 1815—1918 гг., образованного по решению Венского конгресса 1814—1815 гг., созданного для организации Европы после революционных и наполеоновских войн.

¹¹ В 1783 г. Восточная Грузия (объединенное царство Картли и Кахетия) признала протекторат Российской империи, а в 1801 г. была включена в ее состав; Западная Грузия была присоединена к России в 1803—1810 гг. Вопреки широко распространенным (и имеющим определенные основания) представлениям об «освободительной миссии России», «добровольном вхождении» Грузии в Российскую империю, присоединение Грузии происходило не гладко: в 1802, 1804—1805, 1812, 1819—1820, 1832, 1841, 1857, 1860 гг. происходили восстания, направленные на отделение Грузии от России.

Румыния как государство образовалась достаточно поздно. Населенные румынами княжества Валахия (образовалось в 1272 г.) и Молдова (образовалось в 1360 г.; не смешивать с современным независимым государством Молдавия, которое занимает лишь часть территории исторической области Молдова) попали в вассальную зависимость от Турции в 1476 и в 1504 гг. соответственно. В 1829 г. после победы России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. оба княжества получили внутреннюю автономию, в 1862 г. объединились в единое княжество Румыния, также автономное в составе Османской империи. В 1877 г., с началом русско-турецкой войны 1877—1878 гг., было объявлено о полной независимости Румынии, которая выступила в этой войне на стороне России. В 1881 г. Румыния была провозглашена королевством. Надо отметить, что до Второй мировой войны антироссийские настроения в Румынии были незначительными, в 1916 г. Румыния объявила Германии войну.

В результате победы России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Болгария по решению Берлинского конгресса была объявлена фактически самостоятельным, но формально вассальным по отношению к Османской империи конституционным княжеством и полную независимость (а болгарский князь — титул царя) обрела лишь в 1908 г. Однако, несмотря на явную главенствующую роль России в деле освобождения Болгарии, уже вскоре после 1878 г. в стране началась борьба про- и антироссийской партий, и в конечном итоге в Первой мировой войне Болгария в 1915 г. выступила на стороне Германии и Австро-Венгрии против России.

¹² В 1526 г. Венгрия оказалась разделенной между Австрией и Турцией. В результате австро-турецкой войны 1683—1699 гг. и подавления восстания князя Ференца Ракоци (1676—1735) в 1703—1711 гг. вся Венгрия вошла в состав владений Габсбургов. Во время общеевропейской революции 1848 г. Венгрия провозгласила собственное конституционное устройство и отдельное правительство в составе Австрийской империи, а в апреле 1849 г. — полную независимость. Сначала венгерские войска активно сопротивлялись австрийским, но в августе 1849 г. Николай I отправил на помощь Австрии стотысячную российскую армию, и к осени 1849 г. венгерское восстание было подавлено.

¹³ Отношения между Югославией (с 1945 г. — Федеративная Народная Республика Югославия, с 1963 г. до распада в 1991 г. — Социалистическая Федеративная Республика Югославия) и СССР резко ухудшились в 1948 г., когда Югославия взяла курс на определенное сближение с Западом и отказалась безоговорочно следовать в русле советской политики. Раскол

вынудил руководство ФНРЮ несколько смягчить коммунистический режим — во всяком случае в направлении определенной либерализации экономики. Особая «югославская модель социализма» продолжала практиковаться и после нормализации в 1953–1954 гг. отношений между СССР и Югославией (формально — между правящими и единственными партиями: КПСС и Союзом коммунистов Югославии); впрочем, трения продолжались до распада обоих государств и крушения власти обеих партий. Следует отметить, что в Югославии, при абсолютном господстве коммунистической идеологии, была все же ббльшая, нежели в иных государствах социалистического лагеря, возможность высказывания некоммунистических взглядов, в том числе либеральных, что, среди прочего, объяснялось антисоветскими настроениями всего югославского общества.

¹⁴ Вогулы — устаревшее название манси, небольшого (5 тыс.) финно-угорского народа в Ханты-Мансийском автономном округе Российской Федерации. Остяки — *здесь*: устаревшее название хантов (существовали и другие остяки), также небольшого (11 тыс.) финно-угорского народа в Ханты-Мансийском АО.

¹⁵ Внешняя Монголия — *здесь*: старое название территории, на которой в 1921 г. образовалась Монгольская Народная Республика, независимое (хотя фактически до 1989 г. во всем подчиненное СССР) государство, в отличие от Внутренней Монголии, подчиненной Китаю (ныне — автономный район в составе Китайской Народной Республики).

¹⁶ В данном случае А. Дж. Тойнби оказался неважным политическим наблюдателем и плохим пророком. В 1961 г. Китай уже не был главным союзником СССР и тем более не оставался таким в дальнейшем. Разногласия между КНР и Советским Союзом начались в 1958 г., обострились в 1960 г., дошли до вооруженных столкновений в 1969 г. и так в полной мере и не нормализовались до перестройки, падения власти КПСС и распада СССР.

¹⁷ Проникновение арабского языка и арабской культуры в Тропическую Африку началось в VII в. и охватило не весь континент, а исторический Судан (область к югу от Сахары до пояса тропических лесов и от Атлантики до Красного моря; не смешивать с современной Республикой Судан, находящейся на востоке этого региона) и восточное побережье, включая близлежащие острова, север Мадагаскара и районы в глубь материка до Великих африканских озер. Однако после начала европейских завоеваний арабский язык и арабская культура (кроме Северной Африки, которая *здесь* не рассматривается) сужают поле своего применения, уступая языкам и культуре колонизаторов.

¹⁸ Несмотря на испанское завоевание Центральной и Южной Америки и активное истребление местного населения, там доныне существуют значительные группы индейцев. В ряде стран индейские языки объявлены официальными и даже государственными наряду с испанским, на этих языках издается литература и периодика, осуществляется теле- и радиовещание, но область применения этих языков ограничивается бытом и постоянно сужается за счет испанского, так что этот последний язык является не столько средством межэтнического и межкультурного общения, сколько орудием ассимиляции.

¹⁹ Синьхайская революция 1911–1913 гг. в Китае («синьхай» — по китайскому календарю день 12 апреля 1912 г., когда была упразднена монархия)

шла под лозунгами демократических реформ, но возглавившему эту революцию Сунь Ятсену и возглавляемой им партии Гоминьдан не удалось удержаться у власти: в 1916 г. началась гражданская война, Китай распался на отдельные области, управляемые, как правило, военными, правительство Гоминьдана признавалось лишь на юге страны, в провинции Гуандун. В 1925 г. Сунь Ятсен объявил свое правительство общенациональным, и в начале 1926 г. гоминьдановская армия во главе с Чан Кайши выступила в так называемый Северный поход, который привел в кон. 1928 г. к почти полному объединению страны под главенством произведшего в 1927 г. переворот в правительстве и партии Чан Кайши (Сунь Ятсен к этому времени уже умер). Его правительство провело ряд прогрессивных реформ, в частности земельную в 1930 г. (левые, в особенности коммунисты, считали эти реформы недостаточно радикальными), однако установленный новым главой Гоминьдана режим никак нельзя было считать демократическим (и это вызывало недовольство китайских либералов, впрочем, не очень многочисленных). В 1931 г. в дела Китая вмешалась Япония, захватив Маньчжурию, где было создано марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с последним китайским императором, а в 1937 г. Япония объявила войну Китаю, почти полностью оккупировав его к 1938 г. и создав там свое прояпонское правительство. Таким образом, падение власти Гоминьдана объясняется не только утратой доверия к нему со стороны населения, но и внешним завоеванием. Борьбу с японцами весьма активно вели коммунисты, еще в 1927 г. порвавшие с Гоминьданом, не признававшие власти Чан Кайши и создавшие в 1928—1930 гг. контролируемые ими так называемые «советские районы» (в них, по образцу СССР, создавались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). После 1941 г. вступившие во Вторую мировую войну США стали оказывать помощь еще остающимся силам Гоминьдана. После победы над Японией попытка примирения Чан Кайши и коммунистов не удалась, последние создали свои базы в занятой Красной Армией Маньчжурии, откуда начали в 1946 г. гражданскую войну, закончившуюся в 1949 г. поражением Гоминьдана и эвакуацией остатков сторонников Чан Кайши на занятый американцами Тайвань.

²⁰ После ухода Франции из Вьетнама в 1954 г. и до установления коммунистического контроля надо всем Вьетнамом в 1975 г., несмотря на войну, экономика Южного Вьетнама относительно быстро развивалась, но, хотя установившийся там режим (правительства в Южном Вьетнаме менялись весьма часто в основном в результате военных переворотов) был куда мягче, чем в Северном, контролируемом коммунистами, Вьетнаме, все же говорить о торжестве западных либеральных принципов никак не приходилось.

²¹ С сер. XVI в. испанские монархи носили титул королей Испании и Обеих Индий. Подразумевались Западная Индия, т. е. Америка (никак не только современная Вест-Индия, т. е. бассейн Карибского моря), ибо, как известно, Колумб считал, что он достиг Индии, и, хотя его ошибка вскоре открылась, название осталось, а также Восточная Индия (тогда Индией именовали всю Южную и Юго-Восточную Азию, а не только Индийский субконтинент), в данном случае открытые Магелланом в 1521 г. Филиппинские острова.

ПЕРЕСМОТР КЛАССИФИКАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

¹ Изменение взглядов А. Дж. Тойнби, как он сам отмечает, связано как с пересмотром некоторых теоретических основ его концепции, так и с появлением новых данных, в основном благодаря археологическим раскопкам. В работе над первыми томами «Постижения истории» Тойнби выделил две цивилизации, существовавшие в Индии: Индскую и Индуистскую, связанные родственными отношениями. Первую он считал родительской по отношению ко второй и, хотя и с колебаниями, дочерней по отношению к Шумерской. Начало Индуистской цивилизации он отнес ко II в. до н. э., а Индской — к III тыс. до н. э. Впоследствии под напором археологического материала он признал Индскую цивилизацию автохтонной, самостоятельной и существовавшей до сер. I тыс. до н. э., когда в Индию вторглись кочевники-арьи, создавшие Индийскую цивилизацию, дочернюю по отношению к Индской и материнскую по отношению к Индуистской. Позднее Тойнби две последние цивилизации — Индийскую и Индуистскую — объединил в одну — Индийскую, дочернюю по отношению к Индской. Надо сказать, что спор о взаимоотношении всех упомянутых цивилизаций (включая Шумерскую) продолжается донныне. Уже после выхода в свет двух русских изданий «Постижения истории» появились работы, в которых, хотя и не ставится под сомнение автохтонность Индской цивилизации, неким импульсом для ее сложения признается воздействие Шумерской. Кроме того, исследователи высказывают мнение о том, что влияние Индской цивилизации на Индийскую (Древнеиндийскую) было более слабым, чем считалось ранее. Аргументы: Индская цивилизация пришла в упадок еще до вторжения арьев в Индостан, центром сложения Индской цивилизации была долина Инда, а Индийской — долина Ганга, и вообще, Индийская цивилизация генетически исходит в большей мере от культуры арьев (индоевропейцев) Иранского нагорья, нежели от местной доарийской культуры.

Относительно изучения китайской культуры ситуация не менее сложная. Предложенная Тойнби схема цивилизаций оказалась слишком жесткой применительно к Китаю. С одной стороны, ритм китайской истории демонстрирует потрясающую цикличность: создание единого государства, междоусобицы, вторжения варваров, распад единого государства и воссоздание его (при этом политические перевороты или завоевания могли означать лишь смену правящей династии, но не изменение сути государства) — все это неоднократно повторяется в китайской истории. Посему Тойнби, дабы сохранить свою схему применительно к Китаю (первоначально он выделяет там две цивилизации — Китайскую, существовавшую с XVIII в. до н. э. по II в. н. э., и Дальневосточную основную — со II в. н. э. по наши дни), да и, строго говоря, не только к Китаю, вводит понятия «Раскола-и-Палингенеза», «Спада-и-Оживления», «эвокации», «призраков умершего универсального государства» и т. п. Кроме этого, он в процессе работы над «Постижением истории» ввел применительно к Китаю еще одну цивилизацию — Шанскую, т. е. цивилизацию времен правления династий Шан и Западного Чжоу (XVIII в. — 771 г. до н. э.), причем смена династии Шан на династию Чжоу не стала (и это подтверждают и другие исследователи) гибелью «универсального государства». Однако всем

исследователям бросается в глаза, что, несмотря на периодические крушения и возрождения, распады и объединения китайского государства, китайская культура остается удивительно неизменной по меньшей мере до нач. XX в. Может быть, именно поэтому Тойнби в конечном счете объединил все указанные цивилизации в одну — Китайскую.

² Аватара (*др. инд.* «нисхождение») — в собственном смысле: в индийской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в смертном существе ради спасения мира, восстановления закона и добродетели или защиты его приверженцев, при сохранении божеством частично божественной природы и приобретения им отчасти земной природы; одно и то же божество может иметь последовательно несколько аватар. В переносном смысле, как здесь, — последовательное воплощение одного исторического феномена в другой, например одного «универсального государства» (скорее, даже его идеи или «призрака») в другое, в частности Римской империи — в Византийскую.

³ Имеется в виду поражение Турции в Первой мировой войне и последующая революция 1919—1922 гг., закончившиеся распадом Османской империи и установлением республики.

⁴ Междоусобицы в Китае, происходившие в последние десятилетия правления династии Мин (1398—1644), облегчили завоевание страны в 1644 г. (впрочем, сопротивление продолжалось до 1676 г.) северными кочевниками-маньчжурами, которые еще во 2-й пол. XVI в. создали сильный союз племен и начали в 1618 г. борьбу с Китаем. Их вождь Абахай (ум. 1643) в 1626 г. провозгласил себя китайским императором, назвав свою династию Цин. Эта династия весьма быстро (уже во 2-й пол. XVII в.) окитаилась (система государственного управления в Китае, сложившаяся еще в эпоху Цинь и особенно Хань, практически не менялась), но в массовом сознании, особенно в XIX — нач. XX в., не без влияния западных идей о национальном государстве, рассматривалась как маньчжурская, т. е. иноземная, что облегчило ее свержение в результате Синьхайской революции (см. выше) в 1912 г.

⁵ О древней эгейской (критской) письменности см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 59. Майкл Вентрис (1922—1956), гениальный филолог-самоучка, инженер-строитель по образованию, в 33-летнем возрасте погиб в автомобильной катастрофе, и дальнейшие исследования проводил его друг и соратник, профессиональный филолог Джон Чедвик (род. 1920).

⁶ Копты (*араб.* аль-кутб, от *греч.* αἰγυρτοζ — «египтянин») — потомки древнего населения Египта, после арабского завоевания сохранившие христианство монофизитского толка и коптский язык — поздний вариант древнеегипетского (ныне — только в качестве богослужебного; в быту используется арабский). Считать коптов монофизитской диаспорой нет особых оснований, ибо Александрия Египетская еще в V в. была центром монофизитства; разве что Тойнби имеет в виду, что сегодня копты (их ок. 10% населения Египта) живут в основном в Верхнем Египте, тогда как Александрия располагается в Нижнем.

⁷ Абиссинское нагорье — устаревшее название Эфиопского нагорья, горного массива на северо-востоке Африканского континента; на этом нагорье расположена Эфиопия, население которой на 2/3 состоит из христиан-монофизитов. Тюр Абдин — нагорье в Северной Месопотамии,

ныне — в Сирии; большая часть населения этого региона принадлежит к приверженцам так называемой сиро-яковитской монофизитской Церкви. Ереванская республика — так Тойнби назвал Армению (в 1961 г. — Армянская ССР в составе СССР); Армяно-григорианская Церковь (основана в 301 г.), глава которой — патриарх-католикос — имеет резиденцию в г. Эчмиадзин близ Еревана, придерживается монофизитства.

⁸ Несторианство было широко распространено в Месопотамии вплоть до походов Тимура в Междуречье и Малую Азию в 1400–1402 гг. Большинство несториан было истреблено или приняло ислам, но часть бежала в горные районы Курдистана. Несториане принадлежали в основном к народу ассирийцев (айсоров), расселившихся впоследствии вплоть до озера Ван на Армянском нагорье. Правительство Османской империи весьма отрицательно относилось к религиозным меньшинствам, особенно к армянам и ассирийцам, подозревая их в симпатиях к России. Во время Первой мировой войны преследование турецких властей вызвало в 1918 г. восстание, жестоко подавленное, что привело к массовому бегству айсоров за границу, а также в те, в основном населенные арабами части Османской империи (Ирак, Сирия, Ливан), где было немало христиан, где местное население недолюбливало турецкие власти и где, главное, уже действовали англо-французские войска. Массовая эмиграция несториан (айсоров и арабов; впрочем, разделить их не всегда возможно, ибо айсоры Ближнего Востока, как правило, в быту пользуются арабским, а богослужebным языком несториан является арамейский, поздняя форма которого — новосирийский — и есть язык айсоров) в США началась уже после Второй мировой войны.

⁹ Петен — департамент на севере Гватемалы (название дано по озеру Петен, или Петен-Ица), занимающий почти половину страны и покрытый почти не заселенными тропическими лесами. Усумасинта — река на юге Мексики, впадающая в залив Кампече (часть Мексиканского залива), в среднем течении протекающая по границе между Мексикой и Гватемалой. Именно в этих регионах в 30-е гг. XIX в. были обнаружены заброшенные города майя эпохи Древнего Царства (см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 101; этот период в истории майя именуется также «классическим»), и именно там в середине того же века начались археологические раскопки.

¹⁰ О современной периодизации Эгейской цивилизации см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 63. Действительно, старая схема развития доэллинской цивилизации Греции, согласно которой родиной этой цивилизации являлся Крит, откуда она распространилась на материк и на островную Грецию (Архипелаг), поставлена под сомнение. Древнейшие памятники этой цивилизации обнаружены и на о. Лемнос (ок. 2500 до н. э.), и на юге Пелопоннеса (г. Лерна, ок. 2200 до н. э.), и на Крите (гг. Кносс, Фест и др., ок. 2200 до н. э.). Часть городов на Архипелаге (в частности, на Лемносе) пришла в упадок ок. 2200 г. до н. э., видимо, ввиду землетрясения. Лерна была примерно тогда же уничтожена в результате завоевания. Современные исследователи предполагают, что создателями этой цивилизации были аборигены юга Балканского полуострова, неиндоевропейские народы либо индоевропейские, родственные хеттам. События XXII в. до н. э., видимо, связаны

с вторжением в Южную Грецию греческих ахейских племен. Уже после этого начинается расцвет цивилизации на Крите, не затронутом ахейским завоеванием, критская (минойская) культура становится господствующей, в XX—XVIII вв. до н. э. происходит объединение критских государств под гегемонией Кносса и распространение влияния (или даже власти) Крита на Архипелаг и, возможно, материковую Грецию. Ок. 1450 г. до н. э. Минойское царство гибнет в результате землетрясения (см. там же, примеч. 61) и/или вторжения ахейцев с материка. Начало подъема микенской культуры приходится на время ок. 1600 г. до н. э., т. е. еще до падения Критской монархии. Помимо этого, многие исследователи придерживаются того мнения, что Ахейская цивилизация, во всяком случае культура микенского периода, создавалась под явным влиянием критян.

¹¹ Действительно, картина культур древней Мезоамерики представляется ныне более сложной, нежели считал Тойнби во время написания первых томов «Постижения истории» (и, кстати, более сложной, нежели он описывает ее уже в данном томе — ср. ниже). Древнейшим центром цивилизации на Мексиканском нагорье, возможно, прародиной последующих цивилизаций в этом регионе, был Теотихуакан (см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 97). Что же касается возникновения цивилизации майя, то эта проблема не разрешена и донныне. Можно считать доказанным, что цивилизация эта возникла не в регионе Петена и Усумасинты, вообще не в области распространения культуры Древнего Царства (ср. «Постижение истории», т. 2, «Природа генезиса цивилизаций», примеч. 16). Если «классическая» культура майя сложилась не ранее II в. н. э., то многие ее существенные черты (особая архитектура зданий, календарь, письменность), датируемые гораздо более ранним временем (период 500—200 гг. до н. э.; датировка, впрочем, не очень надежна), обнаруживаются в других и достаточно удаленных друг от друга местах: в области горных майя (территорию цивилизации майя специалисты делят на две части: горную, включающую Горную Гватемалу, мексиканские штаты Чиapas и Табаско, и низменную — Петен, долину Усумасинты, мексиканский штат Кинтана-Роо, Белиз) и на побережье Мексиканского залива, в мексиканском штате Веракрус, где обнаружены памятники так называемой «ольмекской» культуры (Тойнби помещает этот этноним в кавычки, ибо мы не знаем подлинного названия народа, создавшего эту культуру, ольмеки — племя, населявшее указанные места во времена испанского завоевания в XVI в.; существует гипотеза, что древние «ольмеки» были родственны майя). Относительная хронология архаической майянской (в горных областях) и «ольмекской» культур не выяснена, и мы не знаем, где те или иные элементы культуры «классических» майя возникли ранее, как происходило (если происходило) заимствование и т. п.

¹² Во 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX в. были сделаны значительные археологические открытия в Малой Азии, начиная с находки гомеровской Трои в 1870-е гг. На рубеже XIX и XX вв. началось изучение памятников Хеттского царства, в 30-е гг. XX вв. — изучение дохеттских культур Малой Азии. Выяснилось, что в различных районах Малоазийского полуострова к сер. II тыс. до н. э. образовалось несколько государств, созданных хурритами. Первым из таких государств была исследована Киццувадна, царство на юго-

востоке Малой Азии, к северу от Малоазийского Тавра; это государство, скорее всего, возникло в XVI в. до н. э. и было завоевано хеттами в XIV в. до н. э. Бейс Султан — городище на месте древнего города, датируемого III тыс. до н. э. и являвшегося, видимо, центром какого-то хурритского государства. Последующие раскопки не только усложнили картину хурритских культур Анатолии, но и привели к сенсационным открытиям: близ деревни Чатал-Хююк на Анатолийском нагорье (к юго-западу от древнего города Хаттуса — столицы Хеттского царства, к северо-западу от Киццувадны и к юго-востоку от Трои) была обнаружена одна из древнейших цивилизаций протогородского типа и, возможно, древнейшая, использовавшая металл (медь), датируемая 2-й пол. VII — 1-й пол. VI тыс. до н. э.

¹³ Следует помнить об особенностях терминологии А. Дж. Тойнби. Для него «пролетариат» — это никак не рабочий класс, а самые социально пониженные слои населения как внутри того или иного общества, так называемый «внутренний пролетариат» (рабы, зависимые крестьяне, неимущие свободные и т. п.), так и вне, во всяком случае на периферии его, «внешний пролетариат» (варварские племена на границах цивилизации, затронутые ее влиянием, народы колоний и т. п.).

¹⁴ Наиболее древние надписи на китайском (древнекитайском) языке дошли до нас от сер. II тыс. до н. э. и были обнаружены в различных районах среднего течения Хуанхэ, где располагалось царство Шан (город Аньян, названный так археологами по одноименному городищу на этом месте, существовал в XIII—XI вв. до н. э., не являлся единственным местом обнаружения надписей и не был столицей упомянутого царства; столица, именовавшаяся, как и государство, Шан, не найдена донныне). Эти надписи представляют собой вырезанные на костях или панцирях черепах иероглифические тексты, являющиеся вопросами, обращенными к оракулу, в том числе вопросы, касающиеся судеб государства. Шанские иероглифы, действительно, весьма похожи на современные.

¹⁵ Современные ученые связывают возникновение критского линейного письма «Б» (см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 59) ок. 1500 г. до н. э. со вторжением ахейцев на Крит и считают изобретением именно ахейцев (не аборигенного населения Крита), воспользовавшихся существовавшим с XVII в. до н. э. и использовавшимся до XIV в. до н. э. линейным письмом «А» собственно критского происхождения (см. там же). Приблизительно в то же время на Кипре, так же и тогда же завоеванном ахейцами, возник особый местный вариант линейного письма «Б», использовавшийся там до 200 г. до н. э. Распространенное в микенской Греции линейное письмо «Б» было забыто после гибели Микенской цивилизации в кон. XII в. до н. э. Новое греческое (алфавитное) письмо, основанное на модифицированном финикийском алфавите, появилось не ранее рубежа VIII и IX вв. до н. э. (самый древний памятник — 3-я четверть VIII в. до н. э.), так что разрыв письменной традиции в Греции составил не менее трех веков. Иероглифическая письменность Индской цивилизации исчезает в сер. II тыс. до н. э. (хронология весьма ненадежна, датировка колеблется от XVIII до XIII вв. до н. э.), тогда как индийское алфавитное письмо (ряд исследователей полагает, что его прообразом был также финикийский алфавит, прошедший через промежуточные, может быть, арамейские формы) появилось ок. сер.

I тыс. до н. э., т. е. в Индии разрыв письменной традиции составил около тысячи лет.

¹⁶ Сун — *здесь*: одно из царств, возникших из распадающегося царства Чжоу эпохи Чуньцю (см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 44).

¹⁷ Великое переселение народов — в собственном смысле: принятое в исторической науке название событий IV–VI вв. н. э., когда варварские племена сокрушили Римскую империю и создали в западной ее части собственные королевства. Здесь этот термин употреблен в расширительном смысле: наступление варваров («внешнего пролетариата», в терминологии Тойнби, — см. выше) на некое государство (или область распространения цивилизации) и уничтожение этого государства (этой цивилизации).

¹⁸ Иероглифическая письменность майя возникла в последние века до н. э. (датировка не очень точна), но основная часть дошедших до нас текстов — это весьма краткие календарные, погребальные или мемориальные надписи на обелисках или сохранившихся фресках храмов эпохи Древнего Царства. Существовали красочно исполненные рукописи на листах из высушенной пальмовой коры, но почти все они были уничтожены во время испанского завоевания миссионерами, видевшими в иероглифах «дьявольские письмена», а в рукописях — «языческие заблуждения»; сохранились лишь три рукописи, созданные уже в постклассическую эпоху и содержащие, насколько можно судить (в полной мере письменность майя не расшифрована), разъяснения к священному календарю. Кроме этого, до нас дошли написанные на языке майя латиницей в XVI в. мифологические и эпические тексты: «Пополь-Вух» и «Книги Чилам-Балам». Помимо того, наши сведения о Мезоамериканской цивилизации базируются на сочинениях испанских хронистов (наиболее известное из повествовавших о культуре майя — «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланды; 1566), чьи сообщения не всегда надежны.

¹⁹ Действительно, археологические исследования изменили приводимую А. Дж. Тойнби в первых томах «Постижения истории» картину мезоамериканских цивилизаций, однако английский историк несколько поторопился с описанием окончательной, как ему показалось, версии истории этих цивилизаций. Сегодня картина предстает следующей (и все равно весьма гипотетической). Классическая цивилизация майя периода Древнего Царства сложилась под влиянием культур «ольмеков» и горных майя (или в результате переселения носителей этих культур) в районах Петена, Усумасинты и других низменных регионах во II–III вв. н. э. и пришла в упадок к VIII в. по не вполне ясным причинам. Многие города (в частности расположенные в нынешней Северной Гватемале Тикаль и Вашактун) оказались заброшены, а их жители переселились в северные, засушливые районы Юкатана (южная часть этого полуострова, покрытая тропическими лесами, входила в область Древнего Царства), населенные племенами, говорившими, судя по всему, на диалектах (языках) майя, но не достигших стадии цивилизации (так что заявление Тойнби об одновременном существовании цивилизации «классических» майя и в Тикале, и Вашактуне, и на Юкатане — если, конечно, имеется в виду Северный Юкатан — сегодня считается неверным). Культуры Мексиканского нагорья, в частности нынешней долины Мехико, изучены не очень хорошо, но ныне

считается, что цивилизация Теотихуакана (см. выше) не связана с классической цивилизацией майя и культурами ее предшественников — «ольмек» и горных майя. Ок. 700 г. Теотихуакан пал под набегами бродячих племен (или одного племени), пришедших с севера. Некоторые исследователи полагают, что это было племя тольтеков, говоривших на одном из языков группы науа (впрочем, другие настаивают на том, что тольтеки появились в долине Мехико лишь в IX в., третьи отрицают принадлежность тольтеков к группе науа), которые создали в IX в. мощное государство Толлан. В X в. началось вторжение тольтеков на север Юкатана, и в результате завоевания городов майя там сложилась смешанная Майя-тольтекская (Юкатанская) цивилизация (см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», примеч. 100). Толлан был разрушен в XI (или XII) в. опять же пришедшими с севера племенами, которые жители долины Мехико называли «чичимеки», т. е. на языке науа «дикие»; кстати сказать, тольтеков так никогда не именовали. По легенде, набегов чичимеков было семь, и последними в названную долину пришли ацтеки, основавшие ок. 1325 г. г. Теночтитлан (нынешнее Мехико), ок. 1427 г. овладевшие всей долиной и к кон. XV в. установившие гегемонию надо всей Центральной Мексикой; Юкатан же они никогда не завоевывали. Ср.: там же, примеч. 101 и 102.

²⁰ Последний могущественный царь Ассирии Ашшурбанипал (прав. 669 — ок. 630 до н. э.) собрал в своей столице — Ниневии — огромную библиотеку, из более чем 200 000 клинописных глиняных табличек. После его царствования начался стремительный упадок Ассирии, в 612 г. до н. э. Ниневия пала, город погиб в огне, но библиотека уцелела, погребенная под грудой развалин (многие таблички разбились, но, естественно, не сгорели), и была обнаружена британскими археологами в 1849—1854 гг.

²¹ О Миссисипской цивилизации см. «Постижение истории», т. 3, «Процесс роста цивилизаций», примеч. 5; о Юго-западной цивилизации см. «Постижение истории», т. 2, «Природа генезиса цивилизации», примеч. 14. Большинство современных исследователей считает, что обе эти культуры возникли самостоятельно, без влияния иных, в том числе мезоамериканских цивилизаций.

²² Существование особых цивилизаций, являющихся сателлитами Андской, ставится большинством исследователей под сомнение. Племена Северного Чили и Северо-Западной Аргентины не достигли еще уровня цивилизации в то время, когда эти территории были завоеваны инками. Взаимосвязь цивилизации Эквадора, до его завоевания инками в сер. XV в., с Андской цивилизацией остается проблематичной. В сер. I тыс. н. э. в горных районах Колумбии возникла городская цивилизация чибча-муисков (но не единое государство), но связь ее с Андской цивилизацией не доказана.

²³ Наличие особой Итальянской цивилизации, общей для всех народов Апеннинского полуострова, гипотетично. Древнейшие доиндоевропейские народы Италии не достигли стадии цивилизации, постепенно вытеснявшие их с нач. II тыс. до н. э. индоевропейские племена (италики) пришли к началам цивилизации ок. X в. до н. э. (точность датировки не очень велика). Загадочные этруски — то ли выходцы из Малой Азии, то ли автохтоны, то ли смешанный этнос — появляются на страницах истории ок. VIII в. до н. э., первые греческие поселения в Италии появились в том же столетии.

Письменность как италиков (кроме латинских — римских — текстов, до нас дошли только отдельные надписи), так и этрусков была заимствована (с вариациями) от греков, которые уже в Италии создали особый, отличный от классического, западногреческий алфавит (первые надписи, исполненные этим алфавитом, обнаружены в г. Кумы в Южной Италии, основанном ок. 750 г. до н. э.), от которого произошел латинский алфавит.

²⁴ О первой Сирийской цивилизации см. «Постижение истории», т. 3, «Задержанные цивилизации», примеч. 1.

²⁵ Дальнезападной христианской А. Дж. Тойнби называет цивилизацию Британских островов эпохи раннего средневековья. Начало ее он видит в принятии Ирландией в V в. христианства (первые миссионеры пришли туда еще в IV, а может быть, и в III в.), причем эта разновидность христианства, хотя и не считалась еретической, значительно отличалась в организационном и обрядовом отношении (но не в вероучении) от римской (будущей католической) формы христианской религии; в V—VII вв. ирландские миссионеры активно действовали в Англии, но в кон. VI—VII в. были вытеснены миссионерами римскими, и английская Церковь подчинилась римскому престолу. В Ирландии действительно развивалась весьма своеобразная цивилизация, начало крушения которой относится к началу английского завоевания в XII в., а почти полная гибель ее — ко времени полного захвата Ирландии Англией в XVII в.

СЛЕДУЮЩИЙ УСТУП

¹ Проблема понятия «миф» у Платона не решена доныне. Дело в том, что великий философ употреблял данное слово в самых разных значениях нередко в одном и том же произведении. Здесь, насколько можно судить, Тойнби имеет в виду следующее: миф есть вымысел, но вымысел (аллегория), имеющий глубинный истинный смысл и служащий для наставления и поучения.

² Термин «историзм» имеет несколько значений. В широком смысле — это рассмотрение всех социальных и культурных феноменов в их историческом развитии. В узком — направление философии истории, возникшее в XIX в., считающее главным в историческом исследовании выявление неповторимых черт того или иного исторического феномена, объявляющее индивидуализирующий метод изучения истории единственно плодотворным. Немецкий философ Эрнст Трёльч (1865—1923) в 1922 г. выпустил в свет книгу «Историзм и его проблемы», где выделил два вида историзма: историзм «историзирующий» и историзм «натурализирующий». Первый ориентируется на индивидуальное, неповторимое в истории; при доведении этого метода до логического предела история превращается в неструктурированное собрание пестрых фактов. Второй, нацеленный на поиски законов истории, грозит выродиться в спекулятивное системосозидательство, построение абстрактных умственных конструкций, где исчезает живая ткань истории. Выход Трёльч видит в синтезе двух типов историзма.

³ Границы нижнего (раннего) палеолита с развитием науки меняются и уточняются. Сегодня этот период самых первых орудий труда, период

существования древних предков современного человека (архантропов) датируется временем приблизительно 2 млн — 150 тыс. лет тому назад.

⁴ Здесь, видимо, игра слов. Слово «conditioned», употребленное здесь (и другие производные от этого слова, приведенные ниже), означает и «обусловлен» и «кондиционирован», т. е. очищен, доведен до должной кондиции, до наилучших, оптимальных условий; возможен также намек на кондиционирование воздуха, т. е. очищение его от естественного, природного состояния.

⁵ Мимесис — *здесь*: подражание. Имеется в виду, что человек получает знания, навыки не путем целенаправленных обучающих действий, но через подражание другим людям; в этом случае обучение воспринимается без рефлексии: так сказать, «все так делают, потому так делаю и я».

⁶ О законах Ликурга и спартанском воспитании см. «Постижение истории», т. 3, «Задержанные цивилизации», с. 204–214, и примеч. 26–28. Предполагалось, что ликургово воспитание формирует суровых воинов, озабоченных лишь нуждами отечества и равнодушных к житейским благам.

⁷ Знаменитый христианский философ, один из Отцов Церкви Аврелий Августин (354–430), он же Августин Блаженный (в католичестве — святой), заложил, а виднейший деятель Реформации Жан Кальвин (1509–1564) довел до логического предела учение о предопределении. Согласно ему, человек не может спастись без помощи Божественной благодати, но она даруется не всем: Господь еще до Сотворения мира предопределил, кто спасется, а кто погибнет, и только первым открыта указанная благодать.

⁸ Тойнби имеет в виду деятельность известных английских филантропов. Джон Хоуард (1726–1790) посвятил свою жизнь реформе тюремного дела, улучшению положения заключенных, Уильям Уилберфорс (1759–1833) — борьбе за отмену работорговли.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

МОЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

¹ Итальянские племена самнитов в 1-й пол. I тыс. до н. э. заняли горную область в Центральных Апеннинах — Самний. К сер. I тыс. до н. э. там образовалась т. наз. Самнитская Федерация — союз городов-государств. Между Римом и Федерацией шла борьба за господство над Средней Италией. В результате трех Самнитских войн (343–341, 327–304, 298–290 до н. э.) Самний был завоеван Римом, но сопротивление самнитов римской власти продолжалось до I в. до н. э.

² Время царствования королевы Виктории (1819–1901, королева с 1837) считается идеальной эпохой английского общества и английской культуры, базировавшихся на христианской религии и классическом образовании, а также периодом наибольшего колониального могущества Великобритании. Вряд ли, однако, можно считать, что история острова при Альфреде Великом (см. «Постижение истории», прим. 10 к т. 1, «Поле исторического исследования»), когда началось объединение англосаксонских королевств в единое государство, либо время правления Елизаветы I Тюдор, когда Англия стала делаться «владычицей морей» и когда творил Шекспир, оказали слабое влияние на жизнь Англии 2-й пол. XIX в.

³ Основным источником наших знаний об англосаксонском периоде истории Британии является «Церковная история народа англов» (ок. 731), написанная Бэдой Достопочтенным (см. «Постижение истории», прим. 9 к т. 9, «Контакты цивилизаций во времени»); история английской Церкви в его изложении является частью истории Вселенской Церкви, и, таким образом, история Англии — частью мировой истории.

⁴ Роберт Уолпол (1676–1745), граф Оксфорд, лидер партии вигов (предшественницы либеральной партии), премьер-министр Великобритании в 1721–1742 гг., вошел в историю Великобритании как сторонник развития торговли, промышленности и мореплавания, полных экономических свобод, а также противник крупного землевладения и одновременно всеобщего избирательного права.

⁵ После поражения Турции в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Босния и Герцеговина, входившая с нач. XVI в. в состав Османской империи, в 1878 г. была оккупирована Австро-Венгрией, а в 1908 г. — аннексирована ею, что вызвало резкий протест России и поставило Европу на грань войны. Эта аннексия была признана европейскими державами, однако в самой Боснии активизировалось поддерживаемое Сербией националистическое движение, принявшее форму террористических актов; 28 июня 1914 г. в столице Боснии Сараеве членом организации «Молодая Босния»

был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд фон Эсте (1863—1914), что послужило поводом к 1-й мировой войне.

⁶ Льюис Бернштейн Намьер (1888—1960) — английский историк, специалист по новой истории.

⁷ Основой старых британских университетов — Оксфорда и Кембриджа — являются колледжи. Поскольку средневековые университеты не имели своих помещений, со 2-й пол. XIII в. на благочестивые пожертвования стали создаваться общежития для студентов и преподавателей — коллегии, представлявшие собой автономные общины со своим уставом, в которых жили, читали и слушали лекции, занимались науками. Колледжи нередко назывались по имени их основателей. Так, колледж Бейлиолл был основан то ли в 1263 г. английским и шотландским государственным деятелем Джоном Бейлиоллом (ум. 1269), то ли в 1269 г. по его завещанию.

⁸ В результате разделов Польши в 1772—1795 гг. историческая область Галиция, включающая восточнопольские и западноукраинские земли, отошла к Австрии (см. «Постижение истории», прим. 34 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы»), а ряд украинских территорий, входивших в Речь Посполитую (объединенное польско-литовское государство), — к Российской империи. До начала 1-й мировой войны граница между Россией и Австро-Венгрией проходила по р. Збруч, разделяющей ныне Хмельницкую и Тернопольскую области Украины.

⁹ «Шоколадный солдатик» — пьеса Дж. Б. Шоу.

¹⁰ Эпаминонд (ок. 418—362 до н. э.) — фиванский полководец, в 70—60-е гг. IV в. до н. э. один из руководителей Беотийского союза, созданной в V в. до н. э. конфедерации городов в Беотии (Средняя Греция); под руководством Эпаминонда Беотийский союз достиг значительного могущества и в 371 г. до н. э. благодаря полководческому таланту Эпаминонда разгромил спартанские войска при Левктрах.

¹¹ Филопемен (253—183 до н. э.) — древнегреческий полководец, один из руководителей Ахейского союза (см. «Постижение истории», прим. 48 к т. 2, «Вызов-и-Ответ», и 14 к т. 4, «Надлом цивилизаций»), ярый противник Рима; прозван «последним эллином».

¹² См. «Постижение истории», прим. 3 к т. 10, «Вдохновение историков». Великобритания до 1-й мировой войны стремилась поддерживать единство Османской империи против национальных устремлений населявших ее народов, на стороне которых (не всегда бескорыстно) выступала Российская империя; политика Англии вызывала раздражение в Греции — исконном враге Турции.

¹³ См. «Постижение истории», прим. 16 к т. 1, «Поле исторического исследования».

¹⁴ По мнению А. Дж. Тойнби, Греко-римская (ранее он называл ее Эллинской) цивилизация возникла в XII—XI вв. до н. э. в результате вторжения на Пелопоннес северогреческих дорийских племен и гибели Эгейской (ранее он называл ее Минойской) цивилизации, наследником которой оказывается Греко-римская.

¹⁵ Упомянутые А. Дж. Тойнби архаические общества, хотя и не достигли уровня цивилизации, принадлежат к разным стадиям развития. Папуасы внутренних районов Новой Гвинеи являлись неолитическими

земледельцами; к кон. 40-х гг. XX в., времени написания данной работы, ок. 100—200 тыс. из них сохраняли традиционное хозяйство и не были знакомы с металлами. Огнеземельцы, бродячие охотники и рыболовы не знали земледелия, ко времени создания данной статьи их насчитывалось 200—300 человек, полностью утеревших свой язык и культуру. Народы северо-востока Сибири — чукчи и коряки — были и остаются разделенными на две группы: оседлых рыболовов и кочевых оленеводов; их традиционная культура начала разрушаться еще в XVIII в. под воздействием русских, и это разрушение резко усилилось после 2-й мировой войны.

¹⁶ Джон Фредерик Теггарт (1870—1946) — американский историк, специалист по истории освоения США и по методологии истории.

¹⁷ *Sub specie temporis* — букв. «с точки зрения времени», парафраз приписываемого Спинозе выражения «*Sub specie aeternitatis*» — «с точки зрения вечности», т. е. не принимая во внимание временных перемен, выявляя вечную суть того или иного явления.

¹⁸ Традиционное в России название труда Освальда Шпенглера (1880—1936) — «Закат Европы» — не совсем точно, верно — «Закат западного мира», ибо Запад у Шпенглера обнимает США, но не включает Россию. Шпенглер пытался нарисовать картину мировой истории как смену культур, зарождающихся, расцветающих, окостеневающих и гибнущих. Он насчитывал 7 культур, прошедших (или проходящих) полный цикл развития: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская) и «фаустовская» (западноевропейская). Одна культура — майя — погибла, не достигнув завершения, две — хеттская и персидская — не развились, подавленные другими, еще одна — сибирско-русская — уже зародилась, но расцвет ее впереди. Срок жизни каждой культуры — 1000—1200 лет, и ничто не может увеличить или (кроме прямой гибели) уменьшить этот срок. Все культуры абсолютно замкнуты, непроницаемы друг для друга, любое влияние одной на другую — иллюзия, и представители одной культуры даже не могут понять другую.

¹⁹ См. «Постижение истории», т. 1, «Поле исторического исследования».

²⁰ «Когда они (пифагорейцы. — *Комм.*) что-либо утверждали в спорах, то на вопрос, почему это так, обычно отвечали: сам сказал. «Сам» — это был Пифагор. Такова была предубежденность, что авторитет имел силу и без разумного основания» (*Цицерон. О природе богов. 1, 5, 10*).

²¹ *Лат.* «род человеческий»; здесь имеется в виду биологический вид *Homo sapiens*.

²² Неточное утверждение. См. «Постижение истории», прим. 13 и 14 к т. 2, «Природа генезиса цивилизаций».

²³ О цивилизациях Андского региона см. «Постижение истории», прим. 95 и 99 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». На Кенийском нагорье следов древних цивилизаций не обнаружено, но на юге Африканского плоскогорья, хотя и не в столь высоких горах, как в Кении, обнаружены места зарождения цивилизаций, напр. независимо возникшая ок. VIII в. н. э. на юго-западе Заира в горах Мулумбе культура Санга.

²⁴ А. Дж. Тойнби имеет в виду сформулированную швейцарским психологом Карлом Густавом Юнгом (1875—1961) теорию архетипов, особых психических структур, схем образов, воспроизводимых бессознательно,

формирующих активное воображение и выявляемых в снах, бредовых фантазиях, мифах и художественных произведениях.

²⁵ «Divina Commedia» («Божественная Комедия») — здесь: не только название поэмы Данте, но и художественное произведение, повествующее о встрече человека с Богом.

²⁶ См. «Постижение истории», т. 2, «Вызов-и-Ответ».

²⁷ См. «Постижение истории», т. 3, 4, 5.

²⁸ См. «Постижение истории», прим. 77 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы». Здесь имеется в виду прекращение Октавианом Августом гражданских смут после установления единоличной власти.

²⁹ Период относительно стабильного развития Римской империи Тойнби отсчитывает от приблизительно 31 г. до н. э., установления Августом единоличной власти, до 192 г., даты убийства императора Коммода и начала длительных междоусобиц. Эпоха с 192 г. до воцарения Диоклетиана в 284 г. именуется историками «кризисом III в.». Диоклетиан и его преемники превратили империю в сверхцентрализованное государство типа восточных деспотий. С кон. IV в. Римская империя подверглась нападениям варваров, и в теч. V–VI вв. ее западная часть распалась на множество королевств, основанных завоевателями.

³⁰ См. «Постижение истории», прим. 44 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

³¹ См. «Постижение истории», прим. 37 к т. 1, «Поле исторического исследования», и 50 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

³² Строго говоря, нельзя говорить об исторических взглядах Будды — индийская мысль принципиально не интересовалась подобными вопросами. Говоря о мнениях Будды, не следует забывать, что Сиддхартха Гаутама жил в VI в. до н. э., а первые буддийские тексты появились во II в. до н. э.

³³ Капитан Марриэт — полупсевдоним популярнейшего в XIX в. писателя-мариниста Фредерика Марриэта (1792–1848).

³⁴ В зороастрийской и иудейской религии наличествует идея начала и конца мира и отсюда — однолинейной направленности исторического процесса. Ср. «Постижение истории», прим. 15 к т. 3, «Уход-и-Возврат».

³⁵ Ср. «Постижение истории», т. 3, «Рост цивилизаций». Истолкование трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» как воплощения идеи очищения страданием есть мнение А. Дж. Тойнби и не разделяется большинством специалистов.

³⁶ По Библии (Быт. 11: 28), Авраам жил в Уре и отправился в Ханаан по велению Господа (Быт. 12: 5). А. Дж. Тойнби интерпретирует этот сюжет как разрыв с Шумерской цивилизацией, которая, по Тойнби, вошла в кризис в XVIII в. до н. э. (см. «Постижение истории», т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»), и рождение первой Сирийской (неразвившейся) цивилизации. Ср.: «Постижение истории», прим. 1 к т. 3, «Задержанные цивилизации».

³⁷ Культуру древних евреев А. Дж. Тойнби относит к Сирийской цивилизации.

³⁸ Имеются в виду люди, захваченные массовыми и не всегда добровольными переселениями во время 2-й мировой войны и вскоре после нее в результате перекройки политической карты Европы.

³⁹ Ср.: Пс. 136. Вавилонским пленением именуют период пребывания части еврейского населения Палестины в Вавилонии, от 586 г. до н. э., взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II и насильственного переселения многих из его жителей, до 539 г. до н. э., когда завоевавший Вавилонию персидский царь Кир II разрешил изгнанникам и их потомкам вернуться на родину.

СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТ ИСТОРИИ

¹ Выражение из пьесы римского комедиографа Публия Теренция Афры (ок. 195—159 до н. э.) «Формион», ставшее поговоркой.

² Слово «nationality» имеет иной оттенок, нежели русское «национальность», и означает не столько этническое происхождение, сколько принадлежность к нации, понимаемой как историко-культурное единство.

³ Это стихотворение Редьярда Киплинга (1865—1936), воспевающее Британскую империю, посвящено юбилею царствования Виктории и было опубликовано в «Таймс» в 1897 г.

⁴ См. Иис. Нав. 10: 14.

⁵ После победы над Францией в наполеоновских войнах Великобритания до 1-й мировой войны не участвовала в европейских вооруженных конфликтах (Крымская война понималась как азиатская).

Билль о реформе 1832 г., касающийся избирательной системы, учредил округа с примерно равным числом населения (до реформы большие города не имели своих представителей в парламенте, зато имелись округа — т. наз. «гнилые местечки» — с несколькими десятками, а то и единицами избирателей) и распространил избирательные права, которые имели лишь земельные собственники и домовладельцы, на арендаторов и квартиросъемщиков. Всеобщее избирательное право, однако, введено не было. Наемные рабочие получили право голоса в результате избирательных реформ 1867 и 1884 гг., а женщины — лишь после 1-й мировой войны.

Созданная в 1600 г. Английская Ост-Индская компания для торговли с Индией постепенно, особенно со 2-й пол. XVIII в., превратилась в государственную организацию по управлению английскими владениями в Индии. В 1857 г. вспыхнуло вызванное, среди прочего, недовольством управлением компании антианглийское восстание, главной силой которого были сипаи — туземные войска, обученные и экипированные на английский лад и находившиеся под командой английских офицеров. Британское господство в Индии оказалось под угрозой, но правительство Великобритании воспользовалось соперничеством туземных владык и раздорами в среде повстанцев и подавило восстание в 1859 г. Еще в 1858 г. Ост-Индская компания была распущена, и управление Индией перешло непосредственно к английскому правительству. В 1876 г. была учреждена из находившихся под протекторатом Великобритании туземных княжеств и территорий, непосредственно управляемых из Англии, Индийская империя, а королева Виктория приняла титул императрицы Индии.

⁶ «Гамлет», действие 2, сцена 4.

⁷ Соединенные Штаты Америки с момента образования переживали серьезный конфликт между северными штатами, основой экономики

которых было свободное фермерское землевладение и развивающаяся промышленность, и южными, где господствовало плантационное хозяйство и применялся труд рабов-негров. Конфликт вылился в Гражданскую войну 1861–1865 гг., начавшуюся с образования южанами Конфедеративных Штатов Америки (иначе — Конфедерации) и закончившуюся победой сторонников единых США — федералистов — и запрещением рабства на всей территории государства; это способствовало ускоренному экономическому развитию государства. С окончания Гражданской войны и примерно до кон. 80-х гг. XIX в. был освоен до того почти не заселенный запад Северо-Американского континента, причем выходцами в основном с севера.

Объединение Германии вокруг Пруссии стало неизбежным после поражения Франции во Франко-Прусской войне 1870–1871 гг. и захвата Пруссией французских Эльзаса и Лотарингии. Сразу же за победой была провозглашена Германская империя, причем императором ее становился прусский король. О принятой в немецкой науке до 1945 г. периодизации германской истории см. «Постижение истории», прим. 3 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами».

⁸ См. Быт. 1: 8, 10, 12, 18, 21, 25.

⁹ Князь Отто фон Шенхаузен фон Бисмарк (1815–1898), министр-президент (премьер-министр) Пруссии с 1862 г. и рейхсканцлер (глава правительства) Германской империи в 1871–1890 гг., стремился к объединению Германии вокруг Пруссии и нейтрализации конкурента в деле воссоединения Германии — Австрийской империи. Австрия потерпела от Пруссии поражение в Тридцатидневной войне (см. «Постижение истории», прим. 31), причем решающее сражение произошло у деревни Садовы близ города Кёнигграц (ныне — Градец-Кралове в Чехии). После победы Пруссия не имела соперников в Германии и не посягала на австрийские владения.

¹⁰ В состав Австро-Венгрии (см. «Постижение истории», прим. 34 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы») входили, кроме собственно австрийских (немецких) и собственно венгерских земель, территории, заселенные итальянцами, хорватами, сербами, словенцами, чехами, словаками, поляками, украинцами и др. Эти народы, как и народы, находившиеся во 2-й пол. XIX в. под господством турок — сербы, болгары, боснийцы, албанцы и др., — стремились к национальной независимости и находили в этом одобрение европейского общественного мнения.

¹¹ В 1870-е гг. группой ирландских общественных деятелей была выдвинута программа Гомруля (Home Rule — самоуправление), самоуправления Ирландии в рамках Британской империи. Эта идея вызвала сопротивление в Англии, но в конечном счете по англо-ирландскому договору 1921 г. большая часть Ирландии получала права доминиона (с 1949 г. — независимая республика), Северная Ирландия (Ольстер) — автономию в рамках Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии.

В 1906 г. партия Индийский национальный конгресс (создана в 1885 г.) выдвинула требование самоуправления, и тогда же по всей Индии прокатилась волна забастовок и началось движение за бойкот английских товаров. Это было названо в метрополии «индийскими беспорядками».

¹² Стремление сохранить социальный мир в стране, где промышленное развитие приводило к резкому расслоению общества, побуждало

английские правящие круги к решению социальных проблем. В 1824 г. было разрешено создание рабочих союзов (тред-юнионов), в 1834 г. принят Закон о бедных (см. след. прим.), в 1867 г. министр финансов в правительстве консерваторов, будущий (с 1868 г.) лидер тори и премьер-министр Бенджамен Дизраэли (1804—1881) с огромным трудом провел в палате общин закон о даровании рабочим избирательных прав, в 1870 г. введено обязательное бесплатное начальное обучение, в 1871 г. профсоюзы получили права юридических лиц, в 1875 г. принят закон о рабочих жилищах (большинство рабочих не имело своего жилья и размещалось в общежитиях казарменного типа), в 1878 г. — об ограничении рабочего дня 14 часами и охране труда женщин и детей.

¹³ Закон о бедных 1834 г. требовал учреждения в каждом муниципальном округе работных домов, где содержались безработные (им вменялось в обязанность трудиться на общественных работах) и нетрудоспособные, не имеющие источников дохода. Нищенство объявлялось преступлением. Условия жизни в работных домах были близки к тюремным. Закон подвергался резкой критике и был существенно пересмотрен в 1909 г., но формально отменен лишь в 1970 г.

¹⁴ Напомним, что это написано в 1947 г.; 25 сентября 1949 г. СССР объявил об испытании отечественной атомной бомбы.

¹⁵ Неясно, что конкретно имеет в виду А. Дж. Тойнби. Во время 2-й мировой войны на территории СССР действовали две крупные вооруженные группировки, объявившие своей целью борьбу против советской власти: созданная по инициативе германского командования Российская освободительная армия (т. наз. «власовцы») и Украинская повстанческая армия (т. наз. «бендеровцы»), сражавшаяся с Красной Армией, но пытавшаяся временами дистанцироваться от гитлеровцев.

¹⁶ Современные историки фиксируют достижение обществом уровня цивилизации по наличию поселений городского типа. Во времена написания данной работы датой возникновения городов считали рубеж IV—III тыс. до н. э., ныне — кон. VIII тыс. до н. э. (ср.: «Постижение истории», прим. 109 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»).

¹⁷ Первоначально, в первых томах «Постижения истории», А. Дж. Тойнби насчитывал двадцать одну цивилизацию, позднее, с завершением работы в 1961 г., — тридцать три (см. «Постижение истории», прим. 7 к т. 9, «Конфликты между цивилизациями в пространстве»).

¹⁸ О цивилизациях Дальнего Востока см. «Постижение истории», т. 1, прим. 44—46 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», и 1—4 к т. 5, «Ритмы распада».

¹⁹ Деян. 8: 14.

ПОВТОРЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ?

¹ См. Лк. 18: 11.

² Микерин (Менкаура) — египетский фараон, правивший на рубеже XXVII и XXVI вв. до н. э. Геродот передает, что оракул возвестил Микерину, что тому осталось жить шесть лет; решив удвоить этот срок, фараон отказался от сна и веселился круглые сутки.

³ Завершением Гражданской войны в США (она же Война Севера и Юга) обычно считается капитуляция основной группировки войск южан, возглавляемой главнокомандующим армией Конфедерации генералом Робертом Эдуардом Ли (1807—1870), 9 апреля 1865 г. близ местечка Аппоматок-Корт-Хаус в Северной Вирджинии. На деле последнее военное соединение конфедератов сдалось северянам 27 апреля 1865 г.

⁴ Пахотное земледелие возникло на Ближнем Востоке, насколько известно, на рубеже IV и III тыс. до н. э., мотыжное — в VIII тыс. до н. э. в эпоху развитого (не раннего!) неолита (новокаменного века, характеризующегося развитой каменной индустрией) до изобретения металлургии.

⁵ Генерал Уллис Симпсон Грант (1822—1885) был во время Войны Севера и Юга главнокомандующим армией северян, и именно он принял капитуляцию генерала Ли (см. выше, прим. 3 к наст. статье); в 1869—1877 гг. — президент США.

⁶ Имеются в виду Датская война 1864 г., во время которой Пруссия в союзе с Австрией отняла у Дании Шлезвиг-Гольштейн, австро-прусская война 1866 г. и франко-прусская 1870—1871 гг.

⁷ См. «Постижение истории», прим. 3 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами».

⁸ Возникшие в 1776 г. Соединенные Штаты Америки приняли в 1781 г. конституцию, в соответствии с которой они образовывали довольно непрочную конфедерацию. Конституция 1787 г. объявила США федеративным государством с широкими полномочиями штатов. Борьба между требовавшими большей самостоятельности штатами и федеральным правительством фактически завершилась с Гражданской войной победой сторонников централизации, хотя никаких конституционных перемен в управлении США не делалось.

Выражение «восемьдесят и семь лет» (букв. «четыре двадцатилетия и семь лет») приблизительно соответствует нашему «тридцать лет и три года» и не подразумевает конкретного промежутка времени.

⁹ После поражения Наполеона упраздненная по его требованию в 1806 г. Священная Римская империя германской нации не была восстановлена, а в 1815 г. был основан Германский союз в составе 39 государств, включая Австрию и Пруссию. Этот союз не был государством, не имел ни общих органов власти, ни единых монетной и таможенной систем. В 1834 г. ряд северогерманских государств во главе с Пруссией образовал таможенный союз. Германский союз был распущен в 1866 г. после австро-прусской войны. В 1867 г. возникло довольно рыхлое государственное образование с конфедеративным устройством — Северо-Германский союз — с общим парламентом и прусским королем в качестве президента; в 1871 г. — единая федеративная Германская империя.

¹⁰ Бразилия не являлась федеративным объединением прежде отдельных колоний, как остальные названные страны; XVI в. она была колонией Португалии, с 1822 г. — унитарной независимой империей, с 1889 г. — федеративной республикой.

¹¹ Соответствующие современному состоянию науки данные см. «Постижение истории», прим. 110 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

ГРЕКО-РИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

¹ После разрушения римлянами в 70 г. н. э. Иерусалимского храма во время Иудейской войны 66–73 гг. религиозная жизнь иудеев полностью перемещается в общины. С исчезновением храмового культа и жрецов основными духовными наставниками евреев становятся раввины (*от др. евр. «рабби» — «мой учитель»*) — руководители иудейских общин, а стержнем религии — не храм, а Писание. Еще в IV в. до н. э. начинается, а со времени разрушения храма усиливается традиция толкования Библии; во II–V вв. комментарии, составленные в основном раввинами, были объединены в Талмуд (*др. евр. «изучение»*). Раввинистический, иначе — талмудистский, способ толкования Писания состоял, среди прочего, в тщательном изучении Библии, осмыслении ее, короче — в работе над писанным текстом. В классической Греции слово было в первую очередь словом устным, воспринимаемым на слух. Художественные и даже научные (напр., исторические) сочинения декламировались, иногда публично самим автором, записи диктовались. Однако это характерно для классической античности. В поздние времена, одновременно со сложением Талмуда в Иудейском мире, в Греко-римском мире распространяются многочисленные комментарии на Гомера и Гесиода, позднее — на Вергилия, т. е. также торжествует раввинистический подход.

² Классический период греческой литературы специалисты отсчитывают от греко-персидских войн (500–449 до н. э. с перерывами) до окончательного покорения Эллады Македонией в 322 г. до н. э., т. е. «классической» названа эпоха независимости греческих полисов, ярким защитником которой был знаменитый афинский оратор Демосфен (ок. 380–322 до н. э.).

³ Понятие «литература» было в античности куда шире, чем ныне: кроме поэзии и драматургии (собственно художественной прозы тогда практически не было, позднеантичные романы относили к «низкому» жанру) в изящную словесность включали философские, исторические, географические и естественнонаучные сочинения. Потому в числе классиков греческой литературы здесь названы историк Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.), географ и историк Страбон (63 до н. э. — 23 н. э.), философ и историк Плутарх (ок. 45 — ок. 127), писатель-сатирик и философ-моралист Лукиан (ок. 120 — ок. 190), историк Флавий Арриан (между 95 и 175), знаменитый философ Эпиктет (ок. 50 — ок. 140), ничего, впрочем, сам не писавший (его высказывания зафиксированы учеником, упомянутым Аррианом), римский император (писавший на языке культуры — греческом) и одновременно знаменитый философ Марк Аврелий (121–180, император с 161).

⁴ Об эллинизме см. «Постижение истории», прим. 18 к т. 1, «Поле исторического исследования». Период, когда Эллада и грекоязычные области в Сирии, Египте и Малой Азии находились под римским господством, именуется имперским.

⁵ В морской битве при мысе Ациум (Акция) флот Октавиана разбил соединенные силы последней египетской царицы Клеопатры и ее мужа Марка Антония, что послужило прелюдией к покорению Египта.

⁶ См. «Постижение истории», прим. 18 к т. 1, «Поле исторического исследования».

⁷ Еще в поздней античности труды историка Фукидида (ок. 460—400 до н. э.) считали образцом греческой, а оратора, философа и государственно-го деятеля Марка Туллия Цицерона (104—49 до н. э.) — римской (латинской) прозы.

⁸ Поэмы Джона Милтона (Мильтона) (1608—1674) «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671) почитаются в Британии образцом английской поэзии наряду с творениями Шекспира.

⁹ Имеется в виду период между Милтоном и современностью: представитель английского классицизма Джон Драйден (1631—1700) — младший современник Милтона, современный английский поэт Джон Мэнсфилд (1878—1967) — старший современник А. Дж. Тойнби.

¹⁰ Подразумевается как раз время от Драйдена до Мэнсфилда: от восстановления династии Стюартов после Английской революции в 1660 г. до периода после кончины королевы Виктории в 1901 г.

¹¹ Римская комедия, яркие образцы которой представлены творчеством Тита Макция Плавта (ок. 255—184 до н. э.) и Публия Теренция Афры (см. прим. 1 к ст. «Настоящий момент истории»), являла собой переводы произведений т. наз. «поздней аттической комедии», но переводы-переработки, переводы, приспособленные к римским условиям.

¹² *Гораций*. Послания, I, 2, 156—157.

¹³ Лидия, область на западе Малой Азии, в VIII—VII вв. до н. э. являлась независимым государством, а в VI—IV вв. до н. э. входила в состав Персидской державы. Ее основное население составляли лидийцы — этнос, близкий к хеттам, но столица — Сарды — была еще до персидского завоевания практически полностью греческим городом. Поэтому ничего удивительного нет в том, что житель этого города Ксанф (V в. до н. э.) написал свои не дошедшие до нас «Лидийские истории» на греческом. Лидийский язык обладал письменностью (до нас дошли только отдельные надписи) на близком к греческому алфавите; к IV в. до н. э. этот язык исчез полностью.

¹⁴ Каппадокия, область в центре Малой Азии, римская провинция с 18 г. н. э., подверглась эллинизации еще в IV в. до н. э., когда вошла в состав державы Александра Македонского и его преемников, к рубежу н. э. население там было полностью греческим по языку и культуре. Уроженцы Каппадокии, представители т. наз. «каппадокийского кружка» — центра церковной политики и церковной образованности на греческом христианском Востоке — св. Василий Кесарийский, или Великий (ок. 330—379), его брат св. Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394) и его ближайший друг св. Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 329 — ок. 390), были глубоко укоренены в греческой культуре, учились в лучших риторских и философских школах. Григорий Назианзин в своей поэзии следовал классическим античным риторическим и поэтическим образцам. Определенная «неклассичность» его стихов, выразившаяся в нетипичной для эпохи расцвета эллинской культуры исповедальности, во внимании к внутренним переживаниям, объясняется тем, что этот поэт был еще и христианским святителем, аскетом, чутко прислушивающимся к своей душе.

¹⁵ Сирия и Египет (не названные А. Дж. Тойнби), завоеванные Римом в I в. до н. э., и Армения, входившая в круг римского политического влияния, подверглись определенной, хотя и менее значительной, чем Малая

Азия, эллинизации со времен походов Александра Македонского. В III—IV вв. на Ближнем Востоке происходило не восприятие греческой культуры, а, наоборот, стимулированное христианством негреческого, монофизитского (см. «Постижение истории», прим. 26 к т. 1, «Поле исторического исследования») толка становление национальных литератур на сирийском (арамейском), коптском (поздней форме древнеегипетского) и армянском языках.

¹⁶ Заявление А. Дж. Тойнби об этническом происхождении Диодора спорно. Даже если предположить, что Агир не был греческой колонией (мы не имеем данных о его основании греками, которые, впрочем, селились в центре Сицилии), то, во-первых, бурная история острова от заселения греками в нач. VIII в. до н. э. до завоевания римлянами в сер. III в. до н. э. привела к столь значительным миграциям, что место происхождения человека ничего не говорило о его этнической принадлежности, и, во-вторых, сикулов (см. след. прим.) как особого этноса со своим языком и культурой в I в. до н. э. попросту не существовало, ибо они были полностью ассимилированы греками и римлянами еще за сто лет до этого.

¹⁷ Проблема сикулов весьма сложна. С одной стороны, язык сикулов, судя по дошедшим до нас его остаткам, был родствен латинскому. С другой стороны, сведения античных авторов, косвенно подтверждаемые археологическими и историко-лингвистическими исследованиями, говорят, что сикулы были древнейшим и, возможно, неиндоевропейским населением не только Сицилии, но и Апеннинского полуострова. Наиболее убедительной представляется ныне гипотеза о том, что доиндоевропейцы-сикулы, жившие на полуострове, были завоеваны во II тыс. до н. э. италиками, пришедшими из Дунайского региона; смешавшиеся с победителями передали им свое имя. Затем под воздействием новых нашествий с севера либо ввиду межиталийских распрей они двинулись на юг и заняли Сицилию, населенную, безусловно, неиндоевропейским народом сиканов.

¹⁸ Основатель могущества Македонии, превративший ее из племенного царства в сильное государство, отец Александра Македонского, царь Македонии Филипп II (прав. 359—336) в 353—346 гг. до н. э. завоевал находившуюся к северу от Македонии Фракию, где в 348 г. до н. э. овладел районом горы Пангей с богатыми золотыми рудниками. Эти месторождения разрабатывались задолго до Филиппа, и еще в V в. до н. э. Афины стремились установить свой контроль над Пангейскими рудниками.

¹⁹ Эпоха династии Сун в Китае (960—1279) считается временем расцвета традиционной китайской живописи.

²⁰ Определенные контакты между эллинской и индийской культурами, безусловно, осуществлялись в результате завоеваний Александра Македонского, доходившего до междуречья Окса (Амударьи) и Яксарта (Сырдарьи), а также распространения государств его преемников до Северной Индии (см. «Постижение истории», прим. 37 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»). Культура существовавшего в I—II вв. в Северной Индии, Средней Азии и Синцзяне, где протекает река Тарим (см. там же, прим. 38 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»), Кушанского царства представляла сплав иранских, индийских и греческих элементов. Однако тезис А. Дж. Тойнби о безусловном влиянии Эллинской цивилизации на цивилизацию стран махаянистского буддизма, воздействии

греческого искусства на искусство Индии и особенно Китая не может считаться сколько-нибудь доказанным, а важное для дальнейших рассуждений положение о зарождении махаянистского буддизма в бассейне Тарима попросту неверно. См. там же, прим. 50 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

²¹ См. «Постижение истории», прим. 37 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

²² См. прим. 2 к т. 1, «Относительность исторического мышления».

²³ В терминологии А. Дж. Тойнби, «империя» — область политического и культурного господства какой-либо державы, не обязательно единое государство. О Минойской «империи» см. «Постижение истории», прим. 53 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Тойнби включает в ее состав и царства материковой Греции, что не вполне соответствует сегодняшнему состоянию науки. См. там же, прим. 63 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Под «междоцарствием» (см. «Постижение истории», прим. 48 к т. 1, «Поле исторического исследования») здесь понимается период XI—IX вв. до н. э., время от дорийского завоевания (см. «Постижение истории», прим. 70 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций») до возникновения античных государств-полисов.

²⁴ Имеется в виду Великая колонизация (см. «Постижение истории», прим. 14 к т. 1, «Поле исторического исследования»).

²⁵ Лидийское царство граничило с Ионией (см. «Постижение истории», прим. 70 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»). Считать это царство «империей» ни в общепринятом, ни в свойственном Тойнби смысле нет оснований.

²⁶ Данное А. Дж. Тойнби объяснение греко-персидских конфликтов конкуренцией со стороны Финикии (она входила в состав Персидского государства, чей флот был в основном финикийским) не находит подтверждения у античных авторов. Какими бы ни были скрытые причины, осознанные или неосознанные, войн между Персией и Элладой, официальным лозунгом греков была свобода от персидского владычества.

²⁷ На время царствования в Персии Дария I (522—486 до н. э.), Ксеркса (486—464 до н. э.) и Артаксеркса I (464—423 до н. э.) приходятся греко-персидские войны и начало Пелопоннесской войны.

²⁸ Имеется в виду время сложения классического полиса, перехода власти от аристократии, могущество которой базировалось на землевладении, к богатой части незнатного населения, чьи претензии основывались на торговом капитале. Этот переход в политическом плане осуществлялся благодаря реформам Солона (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.), который в 594 г. до н. э. установил доступ к государственным должностям в зависимости от размера имущества, а не родовитости, и тирании (тогда это слово не имело одиозного оттенка и означало власть, полученную нетрадиционным, хотя и не обязательно насильственным путем) Писистрата (ум. 526 до н. э.), который правил Афинами с 560 г. до н. э. (с перерывами).

²⁹ Соперничество между греками и финикийцами в Западном Средиземноморье началось еще в VIII в. до н. э. Главный опорный пункт финикийцев в этом регионе — основанный в IX в. до н. э. Карфаген стал к кон. IV в. до н. э. центром приморской державы, объединившей финикийские колонии. Соперничество закончилось победой карфагенян.

³⁰ Имеется в виду Делосский союз, или Делосская симмахия (букв. «соборчество», т. е. военное содружество), основанный по инициативе Афин для борьбы с Персией. Этот союз имел общую казну, создававшуюся на основе особого налога, т. наз. «фороса». Первую раскладку фороса между полисами — членами симмахии — произвел прославившийся своей справедливостью афинский политик Аристид (ок. 540 — ок. 457 до н. э.).

³¹ Подразумевается восстание ионийских полисов против персидского господства ок. 500 г. до н. э. Поддержка греческими городами-государствами повстанцев послужила поводом к греко-персидским войнам. После подавления восстания ионяне сохранили внутреннюю автономию, но Персия контролировала их внешние сношения и взносы в имперскую казну. Делосский союз также превратился со временем в сообщество под гегемонией Афин, которые определяли размер фороса и внешнюю политику своих союзников.

³² Римляне, установившие господство над эллинскими государствами, сохранили полисный строй, оставив за своими наместниками внешнюю и военную политику и определение имперских (но не местных) налогов.

УНИФИКАЦИЯ МИРА И ИЗМЕНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

¹ Для А. Дж. Тойнби главным результатом эпохи Великих географических открытий было не столько открытие Америки, сколько установление регулярных контактов Западного мира с Азией, появившихся с открытием морского пути в Азию, по которому первым прошел португалец Васко да Гама (1469—1524) в 1497—1499 гг.

² Ксанф из Асса в Троаде (ок. 330 — ок. 232 до н. э.), один из зачинателей стоической философии, выступил среди прочего с учением о том, что жить можно лишь в соответствии с логосом, т. е. внутренним законом природы; тот, кто понимает это, следует логосу добровольно, противящийся закону все равно вынужден его исполнять.

³ См. «Постижение истории», прим. 110 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

⁴ Создатель империи Великих Моголов, поэт и правитель, потомок Тимура (см. след. прим.) Бабур (1483—1530) распространил свой удел в Фергане до Афганистана, а в 1526—1527 гг. завоевал Северную Индию; создал автобиографическую поэму «Бабур-наме», которую вряд ли можно считать мемуарами (см. ниже).

⁵ Среднеазиатский полководец, потомок одного из монгольских военачальников Чингисхана, Тимур (его прозвище Тимур Ленг, т. е. Хромой Тимур, европейцы переделали в Тамерлан) (1336—1405) распространил свою власть далеко за пределы Трансоксании (так в античности называли междуречье Сырдарьи и Амударьи), где он захватил власть в Самарканде в 1370 г. Его государство включало многие районы Средней Азии, Афганистана, Иранского нагорья, Северо-Западной Индии, Месопотамии и Малой Азии. Считать его, однако, последним сухопутным объединителем мира можно довольно условно: он действительно объявлял себя, подобно древним

завоевателям — Александру Македонскому или Чингисхану, — покорителем (но не объединителем!) Вселенной, однако и после него турки или русские, хотя и не заявляя открыто претензий на мировое господство, строили континентальные империи.

⁶ А. Дж. Тойнби имеет в виду скрещение культурных традиций Востока и Запада в Кушанском царстве (см. прим. 20 к статье «Греко-римская цивилизация»). Со времен исламских завоеваний Средняя Азия была центром Ойкумены разве что в чисто географическом смысле.

⁷ После завоевания монголами Средней Азии в XIII в. они смешались с местным населением, приняли ислам и к сер. XIV в. говорили на тюркских языках. Предки турок пришли в Малую Азию из Приаралья в XI в., до вторжения туда монголов.

⁸ Гази — по-арабски «завоеватель», Рум, т. е. Рим — Византийская империя, позднее — европейские районы Турецкой империи.

⁹ Имеется в виду Анетта Сюзанна Беверидж (1842—1929), переводчик и издатель текстов по истории Индии XVI в.

¹⁰ См. «Постижение истории», прим. 34 к т. 1, «Поле исторического исследования».

¹¹ Имеется в виду эпоха крестовых походов. Дар-аль-Ислам (букв. араб. «дом ислама») — территории, населенные мусульманами.

¹² См. «Постижение истории», прим. 77 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

¹³ См. там же, прим. 27 к т. 1, «Поле исторического исследования».

¹⁴ По схеме А. Дж. Тойнби, наиболее ранними самостоятельно возникшими цивилизациями Старого Света были Египетская, Шумерская, Минийская, Китайская и Индская (сначала он считал последнюю наследницей Шумерской, но потом изменил мнение). Ко второму поколению относятся: Хеттская, Вавилонская, Сирийская, Эллинская (последние две породили Исламскую и две христианские), Дальневосточная (от Китайской и частично Индской) с китайским, индокитайским, японо-корейским и индонезийским (с участием Исламской цивилизации) ответвлениями и Индусская (от Индской).

¹⁵ По мнению А. Дж. Тойнби, в Новом Свете к моменту открытия Америки было две цивилизации: Андская (см. «Постижение истории», прим. 95 и 99 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций») и Мексиканская (см. там же, прим. 97, 100—105 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»). Можно считать достаточно точно установленным, что доколумбовы цивилизации Мезоамерики, с одной стороны, и Андского нагорья — с другой, не имели никаких контактов и не подозревали о существовании друг друга.

¹⁶ А. Дж. Тойнби явно преувеличивает активность эллинских мореплавателей и единство процессов в Древнем мире. Действительно, во II в. до н. э. александриец Гиппал проник в Индийский океан и, возможно, достиг Цейлона (совр. Шри-Ланка), но это было единичное плавание. Что же касается заселения Полинезии, то это совершенно независимый процесс, хронология которого отличается кое в чем от приведенной А. Дж. - Тойнби. Предки нынешних полинезийцев появились на острове Тонга ок. 1250 г. до н. э., а на островах Самоа ок. 1000 г. до н. э., по-видимому из Индонезии. Заселение ими других островов Тихого океана началось во II в.

до н. э. с достижения Маркизских островов. Остров Пасхи был далеко не последней землей, на которой высадились полинезийцы. Он был достигнут в V в. выходцами с Маркизского архипелага, тогда как Центральная Полинезия — в VIII в., Гавайи и Новая Зеландия открыты полинезийцами в кон. I тыс., а заселены предками нынешних гавайцев и маори в XII и XIV вв. соответственно.

¹⁷ О Петре и Пальмире см. «Постижение истории», прим. 29 и 30 к т. 2, «Вызов-и-Ответ».

¹⁸ В отличие от всех иных перечисленных здесь поселений, расположенных в оазисах, известный еще с кон. IV тыс. до н. э. Ур (см. «Постижение истории», прим. 80 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций») возник на отвоеванной у болот Нижней Месопотамии территории.

¹⁹ О Мустафе Кемале (1881–1938) см. «Постижение истории», прим. 7 к т. 6, «Универсальные государства как цели».

²⁰ Имеется в виду Великое переселение народов, когда ираноязычные кочевники Великой степи (см. там же, прим. 1 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций») были вытеснены монголоязычными гуннами частично на Запад, где они растворились среди других народов, частично в Предкавказье, где они перешли к оседлости в V в. Однако вне Великой степи существуют и поныне кочевники-индоевропейцы, напр. пуштуны и белуджи в Афганистане и Пакистане, частично курды в Иране, Ираке, Турции и Сирии и др.

²¹ Неточность. Османы потерпели поражение от соединенных сил европейцев в кон. XVII в., но это было лишь началом сокращения турецких владений в Европе, а не падением династии, просуществовавшей до 1923 г. Династия Сефевидов (см. «Постижение истории», прим. 20 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций») иранского происхождения и пала в 1736 г., а в 1796 г. к власти пришла династия Каджаров, этнических тюрок. Империя потомков Тимура, Великих Моголов, действительно стала стремительно сокращаться к кон. XVII в., но прекратила свое существование лишь в 1857 г.

²² Здесь сведены воедино самые разные тюркоязычные народы. Центром сложения тюркской общности была, по-видимому, Центральная Азия, а не район Ферганы. Тюркские этносы неоднократно вторгались в Западный Китай, но не в Маньчжурию, населенную тунгусо-маньчжурскими народами. Алжир был завоеван османами лишь в 1520 г. Южнорусские (украинские) степи были заняты еще в нач. IX в. тюркоязычными печенегами, в XI в. — тюркоязычными же половцами (кипчаками); эти области вошли в сер. XIII в. в состав Золотой Орды, а после распада ее в 1443 г. образовалось татарское Крымское ханство, попавшее в 1473 г. под протекторат Турции. Захватившие Центральную Индию (плоскогорье Декан) Великие Моголы были среднеазиатскими тюрками по происхождению, но довольно быстро ассимилировались местным населением.

²³ Имеется в виду начало эпохи Великих географических открытий: центром морской колониальной экспансии сначала были Португалия с ее столицей — портом Лиссабон, и Испания, основным портом — воротами на Запад — которой была Севилья; со 2-й пол. XVI в., времени царствования Елизаветы I, владычество над морями начало переходить к Англии.

²⁴ Видимо, А. Дж. Тойнби неточен. Слово «*tiruchag*» на языке среднеазиатских тюрок значит «жеребая кобыла».

²⁵ См. «Постижение истории», прим. 108 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Георг III окончательно сошел с ума уже после кончины Цзянлуна.

²⁶ В 1756–1767 гг., во время царствования Цзянлуна, китайцами было разгромлено находящееся на северо-западе нынешнего Китая Джунгарское ханство, населенное монголоязычными кочевниками-ойратами.

²⁷ См. «Постижение истории», прим. 44 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций», и 3 к т. 9, «Контакты цивилизаций во времени».

²⁸ Имеется в виду Первая опиумная война 1840–1842 гг. См. «Постижение истории», прим. 20 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами».

²⁹ Царским венцом (русское «царь» — от «цезарь», т. е. «император») на Руси впервые венчался в 1547 г. Иван IV Грозный, но титул царя прилагался и к его деду Ивану III (1440–1505, Великий князь Московский с 1462 г.).

³⁰ Имеется в виду утеря Византией Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки в 636–709 гг. в результате арабских завоеваний (в 717 г. арабы осадили Константинополь), Малой Азии в 1071 г. после поражения от турок-сельджуков и создание крестоносцами, в 1204 г. захватившими Константинополь, в европейских и частично малоазиатских владениях Византии т. наз. Латинской империи (1204–1261). Каждый раз после этих сокрушительных поражений Византия все же не гибла окончательно, но выходила из потрясений сильно ослабленной.

³¹ Следует отметить особенности терминологии А. Дж. Тойнби. Империя Цинь у него — Китай III в. до н. э. — III в. н. э., т. е. эпоха правления самой династии Цинь и ее преемниц — Старшей и Младшей Хань. Римская империя здесь — вся сфера распространения, хотя бы частично, античной культуры, включая подразумеваемый здесь бассейн реки Тарим, завоеванный китайцами в кон. I в. н. э. Прямых контактов Китая с Римом никогда не было.

³² В нач. I тыс. н. э. в Индии наметился упадок буддизма и возвращение к индуистской религии; индуизм окончательно вытеснил буддизм в Южной Индии к VIII в., в Северной — к XII в.

³³ Брахманы — высшая каста в индуизме, члены которой обладают исключительным правом на совершение культовых обрядов.

³⁴ Арьи — первоначальное самоназвание индоевропейских (индоиранских) народов, во II тыс. до н. э. вторгшихся в Индию.

³⁵ Мусульмане считают, что Аллах послал миру пять великих пророков: Адама, Нуха (Ноя), Мусу (Моисея), Ису (Иисуса) и Мухаммеда, последнего и величайшего. Пророки до Мухаммеда были не поняты их последователями, священные книги этих последователей содержат истину, но неполную. Потому правоверные должны делить всех неверных на две группы: «людей Писания» и язычников. С первыми — иудеями и христианами — нужно сражаться, пока они не выразят покорность, после чего могут жить на своей земле под покровительством мусульман, уплачивая определенную подать. Перед вторыми может быть поставлен только один выбор: принятие ислама или смерть. Индуисты, безусловно, являлись «язычниками», но мусульманские завоеватели Индии вынуждены были, учитывая огромную численность туземного населения Индостана, объявить их «людьми Писания».

³⁶ Шейх (*здесь*: почетный титул мусульманского богослова) Абд ар-Рахман Аль Габарти (правильнее — Аль Джабарти) (1756—1825) — египетский историк, во время оккупации Египта французами (см. ниже) был членом созданного завоевателями консультативного Совета (Дивана) в 1798—1801 гг.

³⁷ Хиджра (*букв.* «переселение») — переезд Мухаммеда с соратниками из Мекки в Ясриб (Медину); считается исходной датой мусульманского календаря. Состоялась в сентябре 622 г., но с 638 г. летосчисление ведется от 16 июля 622 г. Мусульманский календарь — лунный, год насчитывает 354 (високосный — 355) дня.

³⁸ Святые города Хиджаза — Мекка и Медина. В главной святыне Мекки — храме Кааба — находится черный камень, который, кроме времени свершения особых обрядов, покрыт черным покрывалом (кисвой), ежегодно привозимой из Египта во время особого большого паломничества (хадж). Сурра (*араб.* «кошель, сума») — не сумка, а название особой платы (понимаемой как дар), которую паломники вручают вождям кочевых племен, через земли которых проходит караван совершающих хадж.

³⁹ Бану Осман, т. е. племя Османа — турки. С 1517 г. Египет был провинцией Османской империи.

⁴⁰ Вычисление начала года Хиджры неточно: он отсчитывался с июля, а не с июня. В июне 1798 г. французские войска под командованием генерала Бонапарта высадились около Александрии и захватили Египет, однако прочно закрепиться там не удалось, и в 1801 г. французы сдались английской армии и флоту.

⁴¹ Айны — аборигенное население Японских островов, юга Сахалина, Курил и крайнего юга Камчатки. Относятся к особой айнской расе, возможно, ветви австралоидов, обладают монгольским типом лица, но — в отличие от монголоидов, к которым относятся и японцы, — сильно развитым волосным покровом. После VIII в. сосредоточивались на Хоккайдо и землях к северу. В XII—XV вв. Хоккайдо полностью покорен японцами.

⁴² С 1-й трети XIV в. центральная власть в Японии подвергалась натиску мощных, враждебных друг другу аристократических кланов, чьи распри приводили к длительным междоусобным войнам. К нач. XVI в. правительство сёгунов потеряло власть над страной, единство которой было восстановлено лишь в кон. XVI—XVII в.

⁴³ Первые контакты Китая и Японии относятся к I в. н. э. В VI—VIII вв. происходит активное воздействие китайской культуры, языка, письменности и распространение буддизма (названного здесь индийской религией). В 645 г. произошел переворот, приведший к созданию в Японии государства по китайскому образцу (см. «Постижение истории», прим. 16 к т. 6, «Универсальные государства как цели»).

⁴⁴ В Никео-Константинопольском Символе Веры, принятом в 325 и 381 гг. на I и II Вселенских Соборах, говорится, что Дух Святой исходит от Отца. В 589 г. на поместном Толедском Соборе было добавлено — «и от Сына» (*лат.* «*filioque*»). Это положение было повторено на ряде западно-христианских Соборов и осуждено в 787 г. на VII Вселенском Соборе голосами восточных иерархов Церкви. Проблема «*filioque*» стала одним из поводов к разделению Восточной и Западной Церквей в 1054 г.

⁴⁵ В кон. XV в. Священная Римская империя, практически потеряв власть над немеческими территориями, стала называться Священная Римская империя германской нации.

⁴⁶ Имеется в виду упразднение в 476 г. сана отдельного императора, правившего западной частью Римской империи, что, впрочем, не означало в глазах современников гибели империи, ибо сохранялся константинопольский престол.

⁴⁷ Согласно возникшей в V в. христианской легенде, семь юношей-христиан из Эфеса укрылись в пещере от преследований, предпринятых императором-язычником Децием (прав. 249–251). Узнав об этом, Деций приказал замуровать вход в пещеру, дабы юноши погибли от голода. Но они, по милости Божьей, заснули, проспав более 300 лет и проснулись при благочестивом христианском императоре Феодосии II (прав. 408–450). Поздние агиографы заметили несоответствие дат и сократили время сна до 193 или 187 лет, но первых излагателей этого чуда точные цифры не интересовали.

⁴⁸ Имеется в виду требование британского правительства к Китаю отменить ограничения на ввоз опиума. Отказ Китая вызвал Первую опиумную войну.

⁴⁹ «Деяния Бога через франков» — название хроники Гвиберта Ножанского (1053–1121), посвященной 1-му крестовому походу.

⁵⁰ Аль-Азхар (аль-Джем-аль-Азхар) — высшее богословское учебное заведение в Египте, основанное в X в. при одноименной мечети в Каире и пользующееся высочайшим авторитетом во всем Исламском мире.

⁵¹ Заняв Египет в 1798 г., французы более чем энергично вводили там свои порядки, не обращая внимания на местные обычаи и руководствуясь привычными для них идеями Просвещения. Население роптало, подогреваемое мусульманским духовенством. 21 сентября 1798 г. священнослужители мечети Аль-Азхар провозгласили священную войну против неверных. Во время восстания 21–23 сентября, подавленного французскими войсками, было убито немало французов и еще больше местных жителей и разрушен ряд домов, где квартировали французы, в т.ч. помещение, которое занимал генерал (не ученый) Луи Мари Жозеф Максимилиен Кафарелли (1756–1799).

⁵² Покинув в 1799 г. тайком Египет, Бонапарт возложил обязанности командующего на генерала Жана Батиста Клебера (1753–1800). 17 июня 1800 г. Клебер был убит ударом ножа на террасе своего дворца в Каире студентом Аль-Азхар Сулейманом Алепином, которому помогали трое его товарищей. Каирцы боялись жестокой мести, но французы ограничились правильно проведенным судом над убийцей и его сообщниками. Казнь, к которой приговорили Алепина, вряд ли могла, однако, считаться допустимой по европейским нормам: его заставили смотреть, как отрубает головы его товарищам, потом сожгли ему правую руку и посадили на кол, оставив медленно умирать; египтяне, впрочем, не рассматривали такое наказание как особо жестокое.

⁵³ Мехмед (правильнее — Муххамед) Али (см. «Постижение истории», прим. 22 к т. 1, «Поле исторического исследования»), этнический албанец, был уроженцем нынешней греческой Македонии.

⁵⁴ Бонапарт поощрял сближение своих офицеров с египтянами. Генерал Жак Мену (1750–1810), сменивший Клебера на посту командующего

окупационным корпусом, принял ислам под именем Абдалла и женился на мусульманке.

⁵⁵ Султан Селим III (1761—1808, прав. 1787—1807) пытался провести в Турции реформы в области административного управления, землепользования, финансов и армии. Все это вызывало недовольство ревнителей старины, и он был свергнут, а позднее убит; А. Дж. Тойнби, однако, ошибается — это произошло девятью годами *позднее* высадки французов в Египте. Сын Селима Махмуд II (1784—1839, султан с 1807) продолжил дело отца в проведении реформ, но также был свергнут. Реформы, однако, продолжались и даже ускорились после его смерти.

⁵⁶ Хотя переворот Мэйдзи Исин (см. «Постижение истории», прим. 15 к т. 6, «Универсальные государства как цели») был направлен на модернизацию Японии по западному образцу, он именуется там не революцией, а реставрацией, ибо была свергнута власть сёгунов, учрежденная в XII в., и формально восстановлена во всей полноте власть императоров, восходящая к богам.

⁵⁷ Рам Мохан Рой (правильнее — Раммохан Рай) (1772 или 1773—1833) — бенгальский мыслитель, под влиянием западной культуры выдвинувший идею создания национальной монотеистической религии, индуистской с элементами ислама и христианства; резко выступал против системы каст и за широкое просвещение, критиковал традиционное индуистское духовенство.

⁵⁸ Пандит (*санскр.* «ученый») — в Индии почетное прозвание ученого брахмана, а также вообще человека, образованного в системе классической санскритской словесности.

⁵⁹ См. «Постижение истории», прим. 10 к т. 9, «Контакты между цивилизациями в пространстве».

⁶⁰ После завершения Пелопоннесской войны в 404 г. до н. э. в Греции скопилось большое число людей, для которых война стала профессией. Подталкиваемые Спартой, желавшей ослабить исконного врага греков — Персию, и воспользовавшись династической смутой на землях восточного соседа, 10 тыс. греков поступили на службу к претенденту на престол царевичу Киру, боровшемуся с братом, царем Артаксерксом II. Среди этих наемников был афинский политический деятель, философ и историк, ученик Сократа Ксенофонт (ок. 426—354 до н. э.). В 401 г. до н. э. греки нанесли поражение войску царя, но в сражении погиб претендент. Артаксеркс предложил грекам перейти к нему на службу, на что те согласились, пригласил командиров наемников на пир и приказал перебить их. Греки, однако, не впали в панику, избрали новых начальников (Ксенофонт был среди них) и с боями, пройдя всю Малую Азию, вернулись на родину, понеся минимальные потери. Эти события были описаны Ксенофонтом в его сочинении «Анабасис», что значит буквально «восхождение» и употреблено в смысле «поход от моря во внутренние районы». Т. к. главным содержанием книги было возвращение 10 тыс. греков, А. Дж. Тойнби употребляет выражение «катабасис», т. е. «нисхождение», «поход из внутренних районов к морю». Эта военная операция рассматривается многими историками как прообраз движения Александра Македонского на Восток, как событие, показавшее превосходство греков над персами не только при защите родины, но и в завоевательном походе.

⁶¹ Расцвет исламской культуры приходится на VIII—XII вв., причем важной сферой этой культуры были философия и естественные науки, базировавшиеся на переведенных на арабский язык трудах античных авторов. Большинство историков отмечают начало упадка этой культуры в кон. XI в. и связывают с сельджукскими завоеваниями и крестовыми походами, а не с кратковременным захватом Месопотамии монголами.

⁶² Лондонское королевское общество естествоиспытателей, одно из старейших в мире объединений ученых, работавших в области наук о природе, было основано в 1660 г. Упадок деятельности иезуитских миссий на Востоке достаточно растянут во времени. С сер. XVI в. отцы-иезуиты активно вели проповедь христианства в Индии, Китае, Японии и других странах. Первоначально им сопутствовал успех, особенно в захваченных португальцами районах Индии и в Японии, где они активно вмешивались в местные смуты. Но уже в 1587 г. их проповедь была в Японии запрещена (в 1613 г. христианство там вообще было поставлено вне закона). В Индии их влияние падало в XVII—XVIII вв. с вытеснением португальцев. В Китае христианизация вообще оказалась малоуспешной.

⁶³ В средневековых европейских университетах «нациями» называли официально признанные землячества студентов, созданные по территориальному, а не этническому признаку. Восточные высшие школы, которые неточно называют тоже университетами (они не имели основного признака европейских университетов — самоуправления), так не подразделялись.

⁶⁴ Галла (самоназвание — оромо), живущие в Эфиопии (Абиссинии), и сомалийцы говорят на языках кушитской группы афразийской (семито-хамитской) языковой семьи; в XIX — нач. XX в. все несемитские языки этой семьи объединяли в хамитскую (по имени библейского Хама) группу. Кушиты относятся к эфиопской расе, переходной между европеоидами и негроидами: обладая очень темным цветом кожи, чертами лица они схожи с ближневосточными народами. Все сомалийцы и большинство галла исповедуют ислам, но среди последних есть значительное христианское меньшинство.

⁶⁵ 21 июля 1798 г. близ Каира около знаменитых египетских пирамид произошло сражение между французским экспедиционным корпусом и войском мамлюков. Победу одержали французы.

⁶⁶ 29 июля — 15 октября 1946 г. состоялась Парижская мирная конференция, посвященная рассмотрению мирных договоров с государствами — союзниками Германии; А. Дж. Тойнби принимал в ней участие как эксперт британской делегации. В том же качестве он присутствовал на другой Парижской мирной конференции (18 января 1919 — 20 января 1920 г.), которую державы-победительницы создали для выработки договоров с побежденными.

⁶⁷ Во время франко-прусской войны германские войска окружили под Седаном французскую армию, в которой находился французский император Наполеон III, и 2 сентября 1870 г. принудили ее сдаться. 4 сентября Наполеон был низложен и наспех созданное правительство национальной обороны предложило Пруссии перемирие, которое было отвергнуто, а в ответ выдвинуты обширные территориальные претензии. Правительство национальной обороны объявило всеобщую мобилизацию и призвало население к «битве за Францию». Несмотря на героизм наспех собранной и

необученной французской армии и мощный патриотический подъем, 28 января 1871 г. Франция подписала перемирие с Пруссией на условиях победителя.

⁶⁸ Ироническое название. Намекая на то, что «битва за Францию» (см. пред. прим.) была французами проиграна, А. Дж. Тойнби, видимо, имеет в виду военные действия, развернувшиеся на территории Германии во время 2-й мировой войны.

⁶⁹ Названы этапы покорения Индии. В 1757 г. около селения Плесси близ Калькутты английские войска разбили армию калькуттского раджи, обученную французскими инструкторами. Это сражение положило начало британскому завоеванию Индии, в процессе которого англичане столкнулись с союзом маратхских (маратхи — народ в Юго-Западной Индии) княжеств и покорили их в трех англо-маратхских войнах (1775—1782, 1803—1805, 1817—1818). Во время Второй англо-маратхской войны в сентябре 1803 г. близ местечка Ассайа англичане нанесли поражение маратхам.

⁷⁰ На рубеже XVI—XVII вв. сикхи (см. «Постижение истории», прим. 21 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами») вступили в конфликт с государством Великих Моголов; в 1765 г. они создали в Пенджабе свое государство, разрушенное Великобританией в результате англо-сикхских войн 1845—1846 и 1848—1849 гг.

⁷¹ См. «Постижение истории», прим. 44 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

⁷² «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф. 3: 3); «идет за мной Сильнейший меня» (Мк. 1: 7).

⁷³ Имеются в виду знаменитые философы и мудрецы Запада и Востока.

⁷⁴ Перечислены те, кого А. Дж. Тойнби считает основателями религий. Второ-Исайя — так в науке именуется еврейский религиозный мыслитель и пророк, в VI в. до н. э. продолживший созданную в VIII в. до н. э. Книгу пророка Исайи (гл. 40—55); именно там толкователи находят пророчество о Христе.

⁷⁵ Здесь А. Дж. Тойнби, видимо, имеет в виду пророков Востока и Запада.

⁷⁶ Выше перечислены основатели религиозных философий, осмыслявшие веру в философских категориях: создатель философских основ индуизма Шанкара (по преданию, 788—820), его оппонент и продолжатель Рамануджа (XI—XII вв.), первый христианский платоник, один из Отцов Церкви св. Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215), христианский неоплатоник и еретик Ориген (185—253).

⁷⁷ Упомянуты основоположники как восточной, так и западной ветвей христианства задолго до их официального разделения: каппадокийцы (см. прим. 14 к ст. «Греко-римская цивилизация»), а также зачинатели западной персоналистической христианской философии св. Августин (354—430) и западного общежитийного монашества св. Бенедикт Нурсийский (480—547).

⁷⁸ Ибн Хальдун (1332—1406) и Жак Бенинь Боссюэ (1627—1704) равно являются историками, понимавшими исторический процесс как проявление в земной жизни Божественного замысла; но первый из них — мусульманин, второй — христианин.

⁷⁹ А. Дж. Тойнби соединяет незападных (Ленин, Ганди, Сунь Ятсен) и западных политических вождей, включая в число последних лидера левого крыла итальянских революционеров-республиканцев, участника всех итальянских восстаний, Джузеппе Мадзини (1805—1872), считавшего борьбу за объединение Италии религиозным долгом каждого итальянца.

⁸⁰ По мнению многих толкователей Библии, воителю Давиду дано было начать, но не завершить строительство Иерусалимского храма; последнее Господь доверил миротворцу Соломону.

⁸¹ Геркулесовыми столбами древние именовали Гибралтарский пролив; здесь — крайний предел.

⁸² Перемещение атрибута древнегреческого бога морей Посейдона — его трезубца — в устах А. Дж. Тойнби означает перенос центра морских дорог.

⁸³ А. Дж. Тойнби имеет в виду, что большинство населения Земли составляет крестьянство, культура которого сложилась еще в эпоху неолита, во времена возникновения земледелия и скотоводства, и не менялась в своих основах до нового времени.

⁸⁴ В «Тысяче и одной ночи» рассказывается, как Синдбад-мореход во время пятого путешествия оказался на острове, где обнаружил единственного обитателя — древнего старика. Старик знаками попросил Синдбада перенести его через ручей, но, когда это произошло, отказался слезать, и несчастный мореход более месяца таскал старика на плечах. В конце концов ему удалось освободиться, подпоив старика.

⁸⁵ Явно намек на роман Г. Дж. Уэллса «Когда спящий проснется» (1889). Название имеет буквальный и символический смыслы: герой романа засыпает, чтобы проснуться через несколько сот лет, и, проснувшись, после ряда перипетий возглавляет народную революцию с явно социалистическим оттенком; так что Спящий — это и герой и народ.

⁸⁶ А. Дж. Тойнби хочет сказать, что и античная культура, достигшая расцвета в Афинах V в. до н. э., и культура итальянского Ренессанса, центром которой считается Флоренция, при всей яркости и значимости для человечества мало затронули жизнь большинства современников.

⁸⁷ Имеется в виду промышленная революция XVIII в.

⁸⁸ Франко-канадцы, живущие в провинции Квебек, потомки французских переселенцев XVI — нач. XVIII в., до сер. XX в. оставались в основном крестьянами и вели образ жизни их далеких французских предков — в отличие от стремительно урбанизирующегося англоязычного и эмигрантского населения страны.

⁸⁹ Ultima Thule (Крайняя Туле) — по мнению античных писателей, земля, лежащая на дальнем севере Ойкумены (скорее всего, это отзвуки сведений о Скандинавии), в переносном смысле — крайний предел.

ЕВРОПА СУЖАЕТСЯ

¹ Слово «улан» на тюркских языках значит «молодой человек», «юноша», «мальчик»; у татар так именовались легковооруженные конники. Отряды улан появились в Польше в XVI в., в Пруссии — в середине XVIII в. Слово «казак» (в форме «козак») впервые зафиксировано в русском языке

в кон. XIV в. в значении «батрак», однако, по мнению большинства исследователей, оно происходит от тюркского «казак» — «свободный, независимый человек», «искатель приключений», «бродяга».

² Заимствованное из Библии название Среднего Междуречья — Сеннаар — А. Дж. Тойнби распространил на Месопотамию. Следует напомнить, что английский историк именовал Шумерской цивилизацию не только собственно шумеров, но объединял в ней все культуры Междуречья с кон. IV по сер. II тыс. до н. э. Вопрос о влиянии шумерской культуры на иные регионы весьма сложен. Отдельные предметы явно шумерского происхождения, обнаруженные археологами в Средней Азии, Причерноморье и долине Инда, свидетельствуют о торговых связях, но вряд ли о чем-либо еще.

³ Правительство сёгунов изгнало из Японии испанцев и англичан в 1623—1624 гг., португальцев — в 1633—1639 гг. Проникновение португальцев в Эфиопию (Абиссинию) началось ок. 1490 г.; в 1541—1543 гг. португальцы оказали существенную помощь правителям Эфиопии в борьбе с турками; благодаря этому они надолго закрепились в стране и получили право беспрепятственной проповеди католичества, которое даже было объявлено государственной религией в 1628 г. Это вызвало реакцию в пользу национальной монофизитской Церкви, и в 1632 г. португальцы были изгнаны, а европейцам запрещен въезд в страну.

⁴ Имеется в виду сложение наций американцев США, англо-канадцев (XVII—XIX вв.), англо-австралийцев, англо-новозеландцев и англо-южноафриканцев (XIX в.) на основе англичан, франко-канадцев (XVI—XVIII вв.) на основе французов, африканеров (буров, южноафриканцев) (XVII—XIX вв.) на основе голландцев.

⁵ Для координации национальных почтовых и радиотелеграфных служб, содействия созданию единой международной информационной системы (признание национальных почтовых марок при международной переписке, согласование радиочастот) в 1865 г. был основан Международный телеграфный союз (с 1932 г. — Международный союз электросвязи), а в 1874 г. Всеобщий (с 1878 г. — Всемирный) почтовый союз.

⁶ Опыт не только коммунистической Китайской Народной Республики, но и гоминьдановского Тайваня показывает, что западные демократические институты плохо приживаются на китайской почве. Турция далее иных стран Востока продвинулась по пути парламентаризма, но и там этот путь не был гладким, если принять во внимание авторитарную диктатуру Ататюрка или нередкие военные перевороты 2-й пол. XX в.

⁷ «Европа, если ты ищешь памятник (монумент) — взгляни вокруг» — парафраз надписи на могиле архитектора Кристофера Рена (1632—1723) в соборе св. Павла в Лондоне, который Рен построил. Обращаясь к читающему эту эпитафию (в оригинале вместо «Еуропае» — «Lector»), автор ее призывает не удивляться отсутствию надгробного монумента — сам собор является таковым.

⁸ А. Дж. Тойнби относит начало западного влияния в России к сер. XVII в., т. е. к еще допетровским временам, в Индии — к сер. XVIII в., т. е. к началу британского завоевания, в Китае — к 1-й опиумной войне (1840), в Японии — к т. наз. «открытию страны» (см. «Постижение истории», прим. 14 к т. 9, «Контакты между цивилизациями в пространстве») в 1854 г.

⁹ Данные на 1914 г.

¹⁰ Падение иммиграции в США продолжалось до 2-й мировой войны, но с периода 1941–1945 гг. кривая резко пошла вверх.

¹¹ Кэлвин Кулидж (1872–1933) — президент США в 1923–1929 гг.

¹² Имеется в виду Семилетняя война (см. «Постижение истории», прим. 3 к т. 2, «Природа генезиса цивилизаций»).

¹³ Британское Содружество наций (ныне — просто Содружество) было образовано в 1931 г. как надгосударственное политическое объединение, призванное координировать действия Великобритании, ее колоний и доминионов на международной арене. С течением времени связи между членами Содружества все слабели, и ныне его функции достаточно неопределенные. С 1889 г. стали созываться Панамериканские конференции всех независимых государств обеих Америк. Участников этих конференций называли Панамериканским союзом, но в действительности он не был когда-либо оформлен. В 1948 г. создана Организация американских государств в составе 24 стран Латинской Америки и США.

¹⁴ А. Дж. Тойнби был последовательным сторонником мирового правительств и пытался найти зачатки будущего федеративного государства, объединяющего все нынешние государства Земли, в самых разных образованиях — от суверенных единых федеративных государств типа США до международных межгосударственных (но не надгосударственных) структур типа Организации Объединенных Наций.

¹⁵ Официальное название Австралии — Австралийский Союз, Аргентины — Аргентинская Республика (хотя она является федеративной, это слово не входит в наименование).

¹⁶ Бразилия официально именуется Федеративная Республика Бразилия, Мексика — Мексиканские Соединенные Штаты. Когда А. Дж. Тойнби в 1947 г. писал эти строки, Китай продолжал именоваться Китайской Республикой (сейчас таково официальное название Тайваня); 1 октября 1949 г. после победы коммунистов страна стала называться Китайская Народная Республика (КНР); как до, так и после 1949 г. Китай оставался унитарным государством, и лишь некоторые регионы, населенные национальными меньшинствами, объявлены в КНР автономными.

¹⁷ После походов Александра Македонского и распада его державы на обломках ее образовались государства Селевкидов в Сирии и Птолемеев в Египте, Македонское царство утвердило гегемонию над всей Элладой. Карфаген утвердил свое влияние над многими, в основном прибрежными регионами Западного Средиземноморья к нач. III в. до н. э. без влияния эллинистических государств. Неясно, что А. Дж. Тойнби называет Римской конфедерацией. В нач. I тыс. до н. э. в Средней Италии, в Лациуме, возник союз полисов — Латинский союз, в котором с VI в. до н. э. главенствующее положение занял Рим. В 340–338 гг. до н. э., еще до начала походов Александра, этот союз был упразднен, а его члены попали в прямую зависимость от Рима. Завоевав Италию, а потом и Грецию, Рим формально сохранил самоуправление подчиненных полисов, но считать Римское государство конфедерацией нет оснований, ибо никакого влияния на политику Рима эти полисы не могли оказывать. Объединение Италии вокруг Рима и дальнейшие завоевания Римской республики не имели отношения к походам Александра; активное воздействие греческой культуры на Рим началось во II в. до н. э., после завоевания Эллады, но отдельные

элементы этой культуры проникали в Лаций и ранее, из греческих колоний в Италию.

¹⁸ Имеются в виду Итальянские войны 1494—1559 гг., т. е. войны за обладание Апеннинским полуостровом между Францией и Священной Римской империей, глава которой, Карл V, был одновременно испанским королем. Войны эти привели к экономическому упадку Италии и определенной культурной деградации. Однако вряд ли можно считать, что именно итальянский Ренессанс способствовал сложению национальных государств во Франции и Испании; Германия сплотилась в единое государство вообще в XIX в.

¹⁹ Фридрих Науманн (Нойман) (1860—1919) — немецкий историк, пангерманист.

²⁰ Германский Таможенный союз (см. прим. 9 к ст. «Повторяется ли история?») к нач. 50-х гг. XIX в. оказался на грани распада, но после Тридцатидневной войны снова укрепился, и в 1868 г. был даже образован особый «таможенный парламент», некий прообраз будущего представительного органа Германской империи.

²¹ В 1923 г. австриец граф Рихард Николаус Куденхове-Калегри (1894—1972) основал Панъевропейский союз, целью которого было объединение Западной Европы в таможенный союз и учреждение в ней третейских судебных органов, без ущемления суверенитета каждой из стран. Это предложение оставалось в сфере политических мечтаний, пока в 1929 г. министр иностранных дел Франции Аристид Бриан (1862—1932) не выступил с предложением о создании Соединенных Штатов Европы, или пан-Европы, некоего то ли конфедеративного, то ли федеративного государства, противостоящего как американской экономической, так и советской политической экспансии; в пан-Европу предполагалось не принимать Великобританию, так что Франция должна была занять там главенствующее положение. Приход нацистов к власти в Германии в 1933 г. снизил привлекательность этой идеи, но сейчас она снова активно воплощается в жизнь, как видно на примере Европейского Содружества (с 1993 г. — Европейский союз).

²² В 1947 г. государственный секретарь США Джордж Кэтлетт Маршалл (1880—1959) выдвинул план экономического восстановления послевоенной Европы путем предоставления ей американской финансовой помощи, причем это восстановление должно было происходить совместными усилиями всех европейских наций. В осуществлении плана, введенного в действие в апреле 1948 г., участвовало 17 западноевропейских государств (восточноевропейские страны под давлением СССР отвергли его). План Маршалла действовал до 1951 г., когда он был заменен договором о взаимной безопасности, предусматривавшим оказание всеми странами-участницами экономической или военной помощи тому государству, которому это будет необходимо.

²³ После 2-й мировой войны территория Германии и захваченной ею в 1938 г. Австрии была занята войсками держав-победительниц. В Германии в мае 1949 г. произошло объединение оккупационных зон Англии, Франции и США, а в сентябре провозглашено создание единой Федеративной Республики Германии. СССР отказался признать это государство, и 7 октября в советской оккупационной зоне была образована Германская Демократическая Республика, просуществовавшая до октября 1990 г. Австрия, восстановленная

в 1945 г., также была разделена на оккупационные зоны (советская была на востоке страны), но раздела государства не произошло, по Государственному договору 1955 г. Австрия объявлялась нейтральным государством, и оккупационные войска всех стран, включая СССР, покинули ее.

²⁴ Надежды А. Дж. Тойнби не оправдались. Западноевропейские страны практически не имеют к кон. XX в. колоний и протекторатов, Китай стал и остается коммунистическим, а влияние США в Латинской Америке во 2-й пол. XX в. значительно ослабло.

²⁵ Эвтаназия — безболезненная смерть; в XX в. весьма активно обсуждается проблема допустимости безболезненного умерщвления безнадежных больных с целью прекращения их страданий.

БУДУЩЕЕ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

¹ Имеются в виду международные Парижские конференции (см. прим. 66 к ст. «Унификация мира и изменение исторической перспективы»).

² Pax Romana — см. «Постижение истории», прим. 77 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы». Pax Sinica (Китайский мир) — изобретенный А. Дж. Тойнби парафраз выражения Pax Romana, означающий прекращение войн между китайскими государствами после завоевания их княжеством Цинь.

³ Руритания — вымышленное королевство в центре Европы, где происходит действие стилизованного под рыцарский роман сочинения Энтони Хоупа «Пленник Зенды» (1894). А. Дж. Тойнби имеет здесь в виду отсталые, на британский взгляд (возможно, он услышал в названии страны «rural» — «сельский»), центральноевропейские государства с авторитарными режимами.

⁴ После 2-й мировой войны США были обеспокоены расширяющимся советским влиянием. В 1947 г. президент США Гарри Трумэн выдвинул т. наз. «доктрину Трумэна», согласно которой следовало оказывать экономическую и военную помощь Греции и Турции, дабы остановить там продвижение коммунизма; Трумэн призвал молодых американцев отправиться в эти страны, чтобы на месте помогать тамошним жителям.

⁵ Данный текст написан в мае 1947 г.; Индия и отделившийся от нее Пакистан (районы Британской Индии с преимущественно мусульманским населением) стали независимыми государствами 15 и 14 августа 1947 г. соответственно.

⁶ Имеется в виду — с признания Великобританией независимости США.

⁷ Тринадцать британских колоний в Северной Америке в 1776 г. провозгласили себя Соединенными Штатами Америки.

⁸ Революционная война — принятое в США название Войны за независимость 1775–1783 гг.

⁹ С 1868 г. Канада имеет собственное правительство и не подчиняется английскому премьеру (его резиденция находится в Лондоне, Даунинг-стрит, 10). На британские колонии в Северной Америке не распространялось британское налогообложение; попытка ввести его и была одним из поводов к отделению США.

¹⁰ После капитуляции Османской империи в октябре 1918 г. в результате поражения в 1-й мировой войне Греция вознамерилась присоединить к себе европейские владения Турции и высадила десант в г. Смирна (Измир) в мае 1919 г. Вспыхнула греко-турецкая война, которая велась с колоссальной жестокостью с обеих сторон: мирное население безжалостно вырезалось, селения уничтожались и т. п. Особенно отличилась этим греческая армия во время отступлений из Центральной Анатолии в августе — сентябре 1921 г. и из западных районов Малоазийского полуострова к морю в августе — сентябре 1922 г. 18 сентября 1922 г. военные действия прекратились, хотя Лозаннский договор, определявший границы Турции, был подписан лишь в июле 1923 г.

¹¹ Третья Пуническая война 149—146 гг. до н. э. завершилась полной победой Рима. Карфаген был взят, разрушен, уцелевшее население обращено в рабство, на территорию города было наложено проклятие, и развалины посыпаны солью, в знак того, что на этой земле никогда ничего не должно расти.

¹² Лайонел Куртис (1872—1955) — английский политолог, специалист по международным организациям.

¹³ О первоначальном устройстве США см. прим. 8 к ст. «Повторяется ли история?». Предположение А. Дж. Тойнби о судьбе ООН не подтвердилось: она не распалась и не стала основой для всемирного федеративного государства.

¹⁴ Швейцарская конфедерация в действительности является федерацией 20 кантонов и 6 полукантонов, населенной четырьмя народами: германо-швейцарцами, составляющими большинство в 19 кантонах и полукантонах; франко-швейцарцами — в 6 кантонах; итало-швейцарцами — в 1 кантоне; ретороманцами (аборигенное население Швейцарии) — в двух округах одного кантона. Все четыре языка считаются равноправными и государственными. Кантоны не объединяются в более крупные регионы по языковому признаку; конфессиональное деление на католиков и протестантов не совпадает с этническим. В Канаде провинции организованы по территориальному признаку, за исключением Квебека, большинство населения которого составляют франко-канадцы; в Квебеке официальный язык — французский, в остальных провинциях — английский, государственными считаются оба; франко-канадцы почти целиком католики, англо-канадцы в большинстве протестанты. С сер. XX в. наблюдается возрастающее стремление франко-канадцев к самостоятельности. При рассмотрении проекта конституции Канады, предусматривающей особые права Квебека, ряд англоязычных провинций выступили против этого. В самом Квебеке растет движение за создание конфедерации из франко- и англоязычных частей Канады и даже за независимую республику Квебек.

¹⁵ «Большая двойка» — СССР и США.

¹⁶ А. Дж. Тойнби имеет в виду объединение русских земель вокруг Москвы с XIV в. И считает дальнейшее укрепление и расширение России до дня написания этих строк продолжением того же процесса — развития государства за счет общества.

¹⁷ См. прим. 21 к ст. «Сужение Европы». Вопреки сказанному А. Дж. Тойнби ниже Европейское содружество при всей политической связанности с США конституировалось как противовес заокеанскому соседу в сфере экономики, а СССР — в военной сфере.

¹⁸ Напомним, что это писалось до создания ГДР и ФРГ.

¹⁹ В описываемое время население всей Германии составляло ок. 66 млн человек, Франции — ок. 41 млн.

²⁰ В рамках Европейского содружества тесный союз Франции и ФРГ долгое время являлся объединяющей это содружество силой.

²¹ См. прим. 14 к ст. «Настоящий момент истории».

²² Кули (на одном из языков Южной Индии — тамильском — «заработки») — низкооплачиваемые малоквалифицированные рабочие в странах Азии.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ

¹ См. «Постижение истории», прим. 109–110 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

² См. «Постижение истории», прим. 5 к т. 10, «Вдохновение историков».

³ Декларация независимости США принята в 1776 г. Первая группа английских переселенцев-пуритан в поисках религиозной свободы прибыла к берегам Северной Америки на корабле «Мейфлауэр» («Майский цветок») в 1620 г. Основанная ими колония Нью-Плимут считается началом свободных поселений на территории будущих Соединенных Штатов, началом американского народа (на деле первая колония была основана в 1598 г. в Вирджинии, но это была королевская колония). Колумб достиг острова Гуанакани (Сан-Сальвадор, позднее — Уотлинг) в 1492 г. По преданию, первых германских (по одной, более надежной версии, это были юты, по другой — саксы) вождей, высадившихся в Британии в 449 или 450 г., звали Хенгист и Хорса.

⁴ См. «Постижение истории», прим. 109 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

⁵ См. там же, прим. 9 к т. 1, «Поле исторического исследования».

⁶ См. там же, прим. 3–9 к т. 1, «Поле исторического исследования».

⁷ См. там же, прим. 6 к т. 1, «Поле исторического исследования».

⁸ В США католики составляют ок. 25% населения (на Аляске несколько меньше), в Чили — подавляющее большинство, в Финляндии, почти сплошь протестантской, их не более 3 тыс., в Далмации, исторической области на побережье Адриатики (видимо, имеется в виду Северная Далмация, входящая в Хорватию, т. к. Южная является частью православной Черногории), — значительное большинство.

⁹ Обозначенная А. Дж. Тойнби область распространения западного христианства составляет ок. 40% поверхности суши.

¹⁰ Взгляд А. Дж. Тойнби на систему цивилизаций заставляет его своеобразно видеть географию Земли: Евразийский континент он называет Азией, Африка для него — полуостров массива суши в Восточном полушарии, Южная Америка — остров, хотя Суэцкий перешеек лишь вдвое шире Панамского, а Атлантический океан шириной в 3 тыс. км в самом узком месте между Африкой и Южной Америкой — всего-навсего пролив.

¹¹ В описываемое время Индию (включая не существовавшие тогда Пакистан и Бангладеш) населяли ок. 450 млн человек, Китай — ок. 550 млн.

¹² См. «Постижение истории», *passim*.

¹³ Имеются в виду плавание финикийцев и основание ими колоний в районе нынешнего Марселя и на крайнем юго-западе Испании, а также достижение несторианскими (см. «Постижение истории», прим. 26 к т. 1, «Поле исторического исследования») и манихейскими (см. «Постижение истории», прим. 44 к т. 5, «Раскол в душе») проповедниками Индии и Китая и создание там их религиозных общин. Несторианство шло с Ближнего Востока и из существовавшего с сер. I тыс. до н. э. и завоеванного Ираном в 525 г. Химьяритского царства на юго-западе Аравийского полуострова, в Йемене; несторианская Церковь распространилась в Иране, среди кочевников Центральной Азии и в Индии. Манихейство преследовалось римскими язычниками, зороастрийцами, христианами, мусульманами, но исповедовалось от Сирии до Китая и было даже в VIII в. недолгой государственной религией в Уйгурском ханстве в Средней Азии.

¹⁴ См. «Постижение истории», прим. 29 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

¹⁵ См. там же, прим. 25 и 37 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

¹⁶ К западным цивилизациям А. Дж. Тойнби относит Западнохристианскую, Греко-римскую и, видимо, Минойскую; к современным незападным — Восточнохристианскую (Православную), Исламскую, Дальневосточную (с японо-корейским и китайским подразделениями) и Индийскую.

¹⁷ Богиня-мать — один из древнейших мифологических персонажей, известных предположительно со времен палеолита и распространенных во всех известных культурах, так что нет оснований локализовать появление этого образа именно у шумеров.

¹⁸ Упомянутые предположения А. Дж. Тойнби являются гипотезами, причем разной степени доказанности: от безусловно верного тезиса о христианстве как религии греко-восточного синтеза до неочевидного суждения о махаяне как продукте слияния Индийской и Греческой цивилизаций.

¹⁹ Тибетцы (пёба) — коренное население Тибета (ок. 4 млн), половина их — оседлые земледельцы, половина — высокогорные полукочевники и кочевники; донныне сохраняют традиционную культуру. Эскимосы (инуит) — этническая общность (ок. 105 тыс.), населяющая крайний север Америки и (1,5 тыс.) северное побережье Чукотки; традиционный вид хозяйственной деятельности — рыболовство и охота на морского зверя. Подверглись сильной европейской аккультурации.

²⁰ Перелет через Северный полюс был совершен советским экипажем в составе В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова в 1937 г., через Гималаи — американскими военными летчиками во время 2-й мировой войны.

²¹ Пигмеи (неверно — негритосы; см. след. прим.) — группа народов Центральной Африки (ок. 280 тыс.); не имеют общего самоназвания, говорят на языках окружающих этносов. Относятся к негрильской (центральноафриканской) расе большой негроидной расы, отличаются низким ростом (мужчины — 140–145 см). Бродячие охотники тропических лесов; в настоящее время переходят к оседлости, перенимают европейскую одежду.

²² В Юго-Восточной Азии в изолированных горных районах и на Андаманском архипелаге обитают малорослые темнокожие народы — семанги на Малаккском (А. Дж. Тойнби называет его Малайским) полуострове

(ок. 6 тыс.), аэта (именно они получили от испанцев прозвище «негритос» — «маленькие негры») на Филиппинах (ок. 40 тыс.) и андаманцы (неск. сот чел.). Все они низкорослы (мужчины ок. 145 см, женщины ок. 135 см), все ведут бродячий охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ образ жизни, все подвергаются воздействию окрестных более цивилизованных народов и постепенно переходят к оседлому земледелию, все, кроме андаманцев, говорят на архаических диалектах соседних этносов, последние — на изолированном языке. Ученые не пришли к единому мнению о родстве африканских пигмеев и южноазиатских негритосов; по мнению одних, это остатки некой древней экваториальной расы, по мнению других, независимо сформировавшиеся ветви негроидной и австралоидной рас.

²³ В XIX в. была выдвинута теория прамонотеизма: идея о том, что первоначальной верой человечества было чистое единобожие, впоследствии замутненное магией, политеизмом и суевериями, и самые отсталые народы — пигмеи, негритосы, некоторые племена Индонезии — как раз сохранили прежнюю религию. Позднейшие исследования не подтвердили эту гипотезу.

²⁴ См. «Постижение истории», прим. 110 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Гигантские рептилии (имеются в виду динозавры, но не все они были панцирными) безраздельно господствовали на Земле от 285 до 67 млн лет назад, т. е. на протяжении более 200 млн лет. Рыбы возникли 500 млн лет назад или несколько ранее; панцирные рыбы были как раз бесчелюстными и вымерли не позднее 400 млн лет назад; челюстные рыбы появились 410–450 млн лет назад, крылатые насекомые — также ок. 400 млн лет назад.

²⁵ «Гамлет», действ. III, сцена 5.

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

¹ См. *Гораций*. Послания. 1, 10, 25.

² См. «Постижение истории», прим. 3 к т. 2, «Природа генезиса цивилизаций». Граница между США и Канадой, имеющаяся здесь в виду, проходит по р. Св. Лаврентия только в верховьях, далее — южнее.

³ Возникшая в сер. XVI в. англиканская Церковь, протестантская, но с определенными элементами католицизма (иерархическая организация во главе с английским королем вместо папы, наличие епископов), была объявлена в Англии государственной и единственно разрешенной. Тогда же в Шотландии образовалась, независимо от англиканской, пресвитерианская Церковь, управление которой, независимое от властей, сосредоточивалось в руках выборных коллегий — пресвитерий (епископов у пресвитериан не было). Эта Церковь также была государственной и единственно разрешенной в Шотландии. В XVI в. образовались пресвитерианские общины в Англии, преследуемые государством. Во время Английской революции 1640–1660 гг. сторонники короля выступали за сохранение англиканской Церкви, сторонники парламента — за пресвитериальное устройство, армия во главе с Оливером Кромвелем (1599–1658) — за независимость каждой религиозной общины. В 1643 г. парламент объявил пресвитерианство единственной религией Англии, в 1653 г. провозглашена свобода вероисповедания для всех, исключая католиков и англикан. После того как провозглашенная в 1649 г.

Английская республика пала и в 1660 г. произошла реставрация монархии, восстановлена была и англиканская Церковь, снова объявленная государственной. Возникшая в 1729 г. методистская Церковь (название дано по главной цели сторонников этого течения — методическому соблюдению предписаний религии) сохранила догматику и несколько упрощенный культ Церкви англиканской, но священники и епископы (также оставшиеся у методистов) избираются общиной, а не назначаются правительством, как у англикан.

⁴ Здесь А. Дж. Тойнби соединяет самые разные явления религиозной жизни, общие лишь противостоянием ортодоксальному католицизму. Об альбигойцах см. «Постижение истории», прим. 32 к т. 3, «Надломы цивилизаций». Они не имеют никакого отношения как к адопционистам, раннехристианской секте, считавшей Христа человеком, которого усыновил («adoptio» — лат. «усыновление») Бог Отец, так и к гугенотам (от нем. «eigenossen» — «давшие совместную клятву»), французским протестантам, кроме разве того, что гугеноты, как и альбигойцы, имели опорой Южную Францию. После религиозных войн 1562–1594 гг. в 1598 г. был принят Нантский эдикт, по которому гугенотам давалось право исповедовать свою религию (отменен в 1685 г.). Во 2-й пол. XVII в. во Франции в кругах интеллигенции стало распространяться учение голландского богослова Корнелия Янсена (1565–1638), близкое к некоторым протестантским течениям. Обостренное чувство личной греховности, готовность к мученичеству делали это учение привлекательным для людей с чуткой совестью, а стремление противостоять королевскому деспотизму и безнравственной политике и практике иезуитов приводило к преследованиям и подавлению янсенизма к нач. XVIII в. Среди деятелей французского Просвещения был популярен деизм — признание Бога в качестве верховного нравственного первопринципа, создавшего мир, но не вмешивающегося в дела людей; деисты скептически относились к любым конфессиональным формам религиозности. Спор между клерикалами и антиклерикалами развернулся во Франции с 80-х гг. XIX в., но после 2-й мировой войны, когда А. Дж. Тойнби писал эти строки, начал сходиться на нет.

⁵ В России с принятием христианства установился юлианский календарь, счет годов велся от сотворения мира (5508 до н. э.), новый год начинался 1 марта. В 1492 г. начало года было перенесено на 1 сентября. 19 декабря 7208 (1699) г. указом Петра I было велено считать новый год от 1 января, а летосчисление вести от Рождества Христова.

⁶ В результате трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795) и наполеоновских войн Польша оказалась поделена между Россией, Австрией и Пруссией. В 1815 г. из большей части Польши было образовано особое Царство Польское с правительством, сеймом и российским императором в качестве конституционного монарха. Восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг., подавленные российскими властями, привели к полному уничтожению автономии Польши, к закрытию польских учебных заведений, насильственной русификации и т. п. В XII в. финские земли, не обладавшие государственностью, были завоеваны шведами. В 1809 г., после русско-шведской войны, Финляндия отошла к Российской империи, образовав Великое княжество Финляндское (великим князем был российский император) с сохранением установленного шведами конституционного порядка,

со своим законодательным органом, таможенной границей, валютой, государственной лютеранской Церковью, судоустройством, полицией, ополчением, с нераспространением системы рекрутского набора и ряда российских уголовных законов. Российское правительство всячески стремилось ограничить такую автономию Финляндии, но в конечном счете безуспешно.

⁷ Имеются в виду войны с Польшей и Швецией в XVII в. во время Смутного времени, закончившиеся в конечном счете поражением русских, Северная война 1700—1721 гг., завершившаяся безусловной победой россиян, а также разделы Польши (см. пред. прим.), происходившие — особенно последний, после подавления восстания Тадеуша Костюшко — силой оружия.

⁸ Варягами (*от. сканд.* «*vaicingr*» — «даввшие обет верности») на Руси и в Византии называли наемников со скандинавского Севера и — шире — вообще скандинавов. Споры о происхождении российской государственности продолжаются донныне. По мнению одних, первое протогосударство на Руси с центром в Новгороде основали в 862 г. приглашенные местным славянским населением братья-варяги Рюрик, Трувор и Синеус. Другие считают рассказ о призвании варягов легендой и настаивают на исконно славянских корнях Древнерусского государства.

⁹ В 772—804 гг. король франков и император Карл I Великий завоевал и огнем и мечом христианизировал языческую Саксонию. Помощь саксам в борьбе с франками оказывали скандинавы-язычники с Ютландского полуострова. Мощная экспансия скандинавов в IX — сер. XI в., грабивших приморские земли от Англии до Италии, не имеет отношения к войнам Карла Великого и объясняется демографическим ростом и социальными конфликтами, вызванными возникновением в Скандинавии государств.

¹⁰ Имеется в виду лютеранское вероисповедание шведов, вступивших в XVI в. в конфликт с Россией.

¹¹ Значительная часть западнорусских земель была завоевана в нач. — сер. XIV в. Великим княжеством Литовским, причем язычники-литовцы не только не стесняли православную религию и русскую культуру, но, наоборот, воспринимали их. После Кревской унии (см. «Постижение истории», прим. 6 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы») положение изменилось несильно, но вслед за Люблинской унией 1569 г., упразднившей автономию Литвы, литовское и западнорусское (формирующееся украинское и белорусское) население начало подвергаться усиленным полонизации и окатоличиванию.

¹² А. Дж. Тойнби, как и многие леволиберальные интеллигенты на Западе, видел в Пакте Молотова—Риббентропа 1939 г. не очередной раздел Польши, но восстановление исторической справедливости. Характерно, что английский историк здесь и ниже ставит знак равенства между Россией и СССР.

¹³ Во время 1-й мировой войны, после первоначальных успехов российских войск, в мае 1915 г. австрийская и немецкая армии перешли в решительное контрнаступление, заняв к кон. сентября российскую Польшу, Прибалтику, части Белоруссии и Украины. Февральская революция в России привела к развалу фронта, а Октябрьская повлекла за собой фактическое прекращение военных действий на Восточном фронте. По Брестскому миру 3 марта 1918 г. Советская Россия признавала независимость

Украины, Белоруссии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии (эти государства были оккупированы немцами), а также Армении, Грузии и Азербайджана (там немецких войск не было). Поражение Германии в войне позволило в 1919–1921 гг. установить советскую власть в большей части Украины и Белоруссии и в Закавказье.

¹⁴ После заключения Брестского мира державы — противницы Германии организовали высадку экспедиционных корпусов в разных частях бывшей Российской империи под предлогом противодействия немцам. Фактически это способствовало уничтожению советской власти в местах оккупации. В апреле 1918 г. японцы заняли Приморье (в августе к ним присоединились войска других стран), англичане и американцы в августе того же года — Архангельск и близлежащие регионы. В декабре 1918 г. франко-греческий десант высадился в Одессе для помощи войскам Украинской Народной республики («петлюровцам») в их борьбе с поддерживаемым немцами «гетманом всея Украины». Летом 1918 г. англичане заняли Закаспийскую область, в ноябре — Баку, в декабре — Батум под предлогом борьбы с союзницей Германии — Турцией. Все эти войска были выведены с территории РСФСР и других стран — осколков Российской империи в 1919–1920 гг., и лишь японцы оставались на Дальнем Востоке до 1922 г.

¹⁵ Имеется в виду сообщение летописи о том, как великий князь Киевский Владимир Красное Солнышко, желая избрать себе и Руси неязыческую веру, направил посольства, в т.ч. к хазарам (см. «Постижение истории», прим. 6 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций») и камским булгарам (см. «Постижение истории», прим. 7 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»). Некоторые исследователи считают эту историю легендой.

¹⁶ На Руси слово «царь», происходящее от «цезарь», понималось как императорский титул, но в Византии титул «кесарь», пожалованный Владимиру Красное Солнышко, был одним из высших званий империи, но не означал главы ее.

¹⁷ Дата основания Киевской митрополии точно не известна; ясно, что это произошло вскоре после крещения Руси. После разгрома Киева монголами в 1240 г. киевские митрополиты жили во Владимире, а в 1299 г. официально перенесли туда митрополичий престол. Митрополит св. Петр (ум. 1326) перевел в 1325 г. кафедру в Москву, и с этого времени Москва являлась церковной столицей Руси. В 1448 г. Русская Православная Церковь была объявлена автокефальной, т.е. полностью независимой от Константинопольской патриархии. Это было связано с тем, что умирающая Византия согласилась в 1439 г. на унию с католичеством в обмен на помощь Запада, а на Руси уния была отвергнута.

¹⁸ Константинопольский патриарх Иеремия явился в 1588 г. в Москву, среди прочего, за денежной помощью. В обмен на помощь царь Федор Иоаннович (1557–1598, царь с 1584), а фактически — реальный правитель Руси Борис Федорович Годунов (ок. 1552–1605, царь с 1598), добился возведения главы Русской Православной Церкви в сан патриарха. Первым патриархом стал в 1589 г. ставленник Бориса Годунова митрополит Московский Иов (ум. 1607).

¹⁹ Кроме Руси в сер. XV в. существовало только одно православное государство — Грузия.

²⁰ Старец псковского Трехсвятительского Елеазарова монастыря Филафей в послании к Великому князю Московскому Василию III (1479–1533, великий князь с 1505) обстоятельно развил идею «Москва — третий Рим». Еще в 1492 г. митрополит Московский Зосима называл Ивана III «новым царем Константином», а Москву — «новым градом Константиновым».

²¹ Телеология (от греч. *θελοζ* — «цель») — учение, приписывающее процессам или явлениям некую цель, либо сообщенную извне Богом, либо коренящуюся в свойствах этих процессов или явлений.

²² Славянофильство — течение русской общественной мысли в сер. XIX в., отстаивающее идею о том, что славянские народы, в первую очередь русский, обладают особыми свойствами: общинным бытом, отсутствием, во всяком случае на начальных этапах истории, внешних завоеваний и социальных конфликтов, склонностью к самодержавию, православием; значит, эти народы должны отличаться от народов Западной Европы своим историческим развитием, в котором нет места демократии и свободымыслию (тем более — атеизму) западного типа.

²³ Подразумеваются крайние случаи моральных феноменов Запада. Семейство Борджа, под которым обычно понимают Родриго Борджа (1451–1503), ставшего в 1492 г. папой под именем Александра VI, его сына Чезаре (1475–1507) и дочь Лукрецию (1460–1519), прославилось неслыханными жестокостью и развратом. Королева Виктория, напротив, являла образец буржуазных добродетелей. Английский моралист Сэмюэл Смайлс (1812–1904) в своей книге «Самопомощь» (1859) восхвалял благонравие, бережливость, умение «извлекать из всего наибольшие пользу и удовольствие» как качества, подобающие «джентльмену и христианину». Таммани-Холл, штаб-квартира демократической партии США в Нью-Йорке, вошел в поговорку как символ политической продажности и демагогии.

²⁴ Антонины — династия римских императоров в 96–192 гг. В глазах поздних историков, эпоха Антонинов была временем мира и процветания. Во время их правления происходила эллинизация империи, императоры превращались из высших должностных лиц в божественных правителей.

²⁵ Во времена Антонинов преподаватели философии и риторики — в основном греки — получили статус государственных служащих и жалованье из казны.

²⁶ Город Византии был основан на европейском берегу Босфорского пролива в 1-й пол. VII в. до н. э. выходцами из Северного Пелопоннеса — из Мегар. Константин I назвал основанный им в 324 (фактически — 330) г. как бы на пустом месте (преемственность с Византием не предполагалась) город Новым Римом.

²⁷ Император Юстиниан I (482 или 483–565, император с 527) поставил цель восстановить Римскую империю в прежнем объеме и виде; полностью это достигнуто не было, но Северная Африка, Италия и часть Испании снова отошли к империи. Юстиниан стремился кодифицировать римское право (кодекс Юстиниана), прославился обширной законодательной деятельностью, причем языком закона и администрации была латынь, хотя большинство населения империи говорило по-гречески.

²⁸ Ко 2-й пол. VII в. большая часть Италии была завоевана германцами-лангобардами, однако Рим оставался в руках Византии, и светским

главой города был римский епископ — папа. Во время понтификата Григория I Великого (ок. 540—604, папа с 590) римский первосвященник, признавая власть Константинополя, правил Римской областью вполне самостоятельно.

²⁹ См. «Постижение истории», прим. 13 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

³⁰ Великим переселением народов обычно именуется относительно массовое движение племен в IV—VI вв., вызванное напором двигавшихся с Востока гуннов. Перемещение славян и тюркских народов (в частности, болгар) происходило позднее и, скорее всего, независимо от Великого переселения.

³¹ См. «Постижение истории», там же, прим. 9.

³² См. там же, прим. 8 и прим. 33.

³³ См. там же, прим. 10.

³⁴ См. там же, прим. 25.

³⁵ См. там же, прим. 27.

³⁶ Германский король и император Священной Римской империи Оттон I (см. «Постижение истории», прим. 33 к т. 1, «Поле исторического исследования»), возложив на себя императорскую корону, стремился получить признание от Византии — законного наследника Рима. Его приближенный, епископ Кремонский Лиутпранд (ок. 920 — ок. 972), был отправлен с посольством в Константинополь просить руки византийской принцессы для сына Оттона I, будущего Оттона II (955—983, император с 973). Посольство не увенчалось успехом (впоследствии Оттон II все же женился на греческой царевне), его члены были весьма плохо приняты, что вызвало раздражение Лиутпранда, выразившееся в его «Отчете о посольстве», где он много говорит о заносчивости и двуличии греков.

³⁷ Во время 1-го крестового похода войско крестоносцев проходило через Константинополь. Взаимная неприязнь «франков» и «ромеев» была весьма значительной: первые считали вторых двуличными рабами, вторые первых — заносчивыми варварами. Все это ярко описала Анна Комнина (1083 — после 1153) в своем произведении «Алексиада», одновременно историческом сочинении и панегирике ее отцу, византийскому императору Алексею I Комнину (ок. 1048—1118, император с 1081).

³⁸ См. «Постижение истории», прим. 2 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

³⁹ Св. Иоанн Златоуст (ок. 350—407), непревзойденный проповедник (отсюда и прозвище), защитник бедноты, суровый критик власть имущих и богачей, был в 397 г. возведен в архиепископы Константинопольские (столица империи не имела тогда патриарха). За обличение корыстолюбия императрицы Евдоксии он был низложен и отправлен в ссылку в 403 г. Отстранение его вызвало волнения в Константинополе, и он был восстановлен на архиепископской кафедре, снова выступил против императрицы, снова смещен в 404 г. и снова отправлен в ссылку на окраину империи — в Армению, а потом в еще более глухое место — Питиунт (совр. Пицунда), по пути куда и умер.

⁴⁰ Папа римский Вигилий (ум. 555, папа с 537) во время войны Византии с готами в Италии (535—555) держал сторону Константинополя, но был из-за придворной интриги, затеянной императрицей Феодорой (нач.

VI в. — 547), арестован по приказу Юстиниана, избит и посажен в тюрьму в Константинополе.

⁴¹ О патриархе Сергии см. «Постижение истории», прим. 26 к т. 3, «Надломы цивилизаций». Здесь имеется в виду то, что он во время войны с персами воспрепятствовал попытке императора Ираклия (575–641, император с 610) бежать в 619 г. из осажденного Константинополя.

⁴² Скорее всего, имеется в виду иконоборчество, которое продолжалось, однако, ок. 100 лет. В конечном счете государство уступило Церкви в вероисповедных вопросах, но Церковь подчинилась государству.

⁴³ Св. Нил (910?–1005?) основал на юге Италии греческий монастырь; прославлен своими аскетическими подвигами. Набеги арабов на Сицилию и оккупация ими острова в VIII — нач. XI в. вызвали бегство православного населения в Южную Италию, заселенную греками еще во времена Великой колонизации и носившую в античности название Ггаесиа тагна.

⁴⁴ Критянин Доменико Теотокопули (1541–1614) переселился с принадлежавшего Венеции Крита сначала в Италию, а потом в Испанию, где стал знаменитым художником, прозванным Эль Греко — Грек.

⁴⁵ См. «Постижение истории», прим. 15 к т. 4, «Несостоятельность самоопределения», и 11 к т. 6, «Универсальные государства как цели». Ср.: там же, прим. 13 к т. 6, «Универсальные государства как цели».

⁴⁶ Феодор Студит (759–826) — византийский богослов, ярый противник иконоборчества; трижды ссылался императорами-иконоборцами, в т. ч. Константином VI (ум. 797, император с 780).

⁴⁷ См. «Постижение истории», прим. 20 и 30 к т. 4, «Несостоятельность самоопределения».

⁴⁸ См. там же, прим. 32 и 33 к т. 4, «Несостоятельность самоопределения».

ИСЛАМ, ЗАПАД И БУДУЩЕЕ

¹ Имеется в виду арабский халифат, превратившийся с 632 до 750 г. из государства, расположенного во внутренних районах Аравийского полуострова, в державу от Атлантики до Инда и от Приаралья и Ферганы до Сахары. Распад халифата начался в VIII в. и практически закончился в кон. IX в.

² Династия Аглабидов (800–909) в Северной Африке, правившая практически независимо от халифов, в нач. IX в. предприняла набеги на принадлежавшую Византии Сицилию, которую удалось захватить, и Южную Италию, где набеги арабов к кон. IX в. были отбиты.

³ Имеются в виду крестовые походы. Напор крестоносцев весьма ослаб, и государство их состояло из узкой полосы на побережье Палестины, когда монголы в XIII в. заняли Междуречье.

⁴ Сицилия вошла в Западнохристианский мир, захваченная выходцами из Нормандии, до начала крестовых походов, в сер. XI в.; мусульманская Испания — в основном в XIII в., в эпоху упадка крестоносного движения, а окончательно — в кон. XV в., много позднее завершения этого движения.

⁵ Ряд исследователей полагает, что один из основных элементов готической архитектуры — стрельчатая арка — арабского происхождения. Об

отношении А. Дж. Тойнби к понятию «средние века» см. «Постижение истории», прим. 34 к т. 1, «Поле исторического исследования».

⁶ См. там же, прим. 18–28 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы».

⁷ В Индонезию ислам проник в XIII в., став религией большинства населения к XVI в.; Северо-Западная Индия начала исламизироваться после арабских завоеваний еще в сер. VIII в. Воздействие мусульманства на области к югу от Сахары началось в XI в. и усилилось с XIV в.

⁸ См. «Постижение истории», прим. 16 к т. 3, «Уход-и-Возврат», и прим. 10 к т. 9, «Контакты между цивилизациями в пространстве».

⁹ См. там же, прим. 2 к т. 5, «Раскол в душе».

¹⁰ Пуритане (*от лат.* «*purus*» — «чистый») — в собственном смысле течение в английском протестантизме, выступавшее за «чистоту» истинного христианского учения, за «очищение» его от любых элементов католичества и за «чистоту» повседневного поведения: запрет роскоши, развлечений, зрелищ и т. п. В широком смысле — члены религиозных сект любого вероисповедания, отстаивавшие «чистоту» своего учения и поведения.

¹¹ Сенуситы — члены военно-религиозного объединения Сенусийа, образованного в 30-е гг. XIX в. в Ливии; требуют соблюдения суровых аскетических принципов в повседневной жизни. В настоящее время ок. 30% населения Ливии принадлежит к этому объединению.

¹² См. «Постижение истории», прим. 16 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами».

¹³ См. там же, прим. 7 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами».

¹⁴ См. там же, прим. 41. Иудейское царство Маккавеев, утвердившихся на престоле в 141 г. до н. э., попало под римский протекторат в 63 г. до н. э.

¹⁵ Имеются в виду Иудейская война 66–73 гг., закончившаяся поражением евреев, и восстание Бар-Кохбы (см. там же, прим. 6 к т. 5, «Фуруризм»).

¹⁶ Предположение А. Дж. Тойнби в известной мере подтвердилось. Резкое повышение цены на нефть и сокращение ее добычи нефтедобывающими государствами, в т.ч. Саудовской Аравией, произошли в 70-е гг. XX в. и вызвали т. наз. энергетический кризис. Эти действия стран-экспортеров нефти не были вызваны, однако, давлением исламских фундаменталистов.

¹⁷ См. «Постижение истории», прим. 13 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами».

¹⁸ Антианглийское движение в Индии переплеталось с религиозным, национальным и т. п. В северо-западной провинции Британской Индии (ныне — в Пакистане) весьма влиятельные индийские ваххабиты со времен 1-й мировой войны объединились с борцами за независимость пуштунских племен. В 1930–1936 гг., во время охватившего всю Индию и возглавленного Махатмой Ганди ненасильственного «движения несотрудничества» с колонизаторами, пуштунские «воины Божьи», они же «краснорубашечники», отреклись от непротивления и подняли вооруженное восстание, поддержанное кочевым племенем афридиев. Восстание это было с трудом подавлено.

¹⁹ В Йемене — исторической области на юго-западе Аравийского полуострова — в 860 г. образовалось государство зейдитов — особой шиитской

секты. Руководитель секты — имам — являлся светским и духовным главой Йемена. В XIX в. южная часть Йемена и побережье Красного моря оказались под властью англичан, организовавших в 1914 г. протекторат Аден, а остальной Йемен со столицей Саной — под властью Османской империи, однако духовная власть имамов была сохранена. Во время 1-й мировой войны имам Яхья Ибн Мухаммед (1867 или 1869—1948, имам с 1904) отвоевал у англичан Красноморское побережье с главным портом г. Ходейда, удержал эти территории, несмотря на поражение турок в войне, и отстоял их в войне с англичанами в 1928 г. В 1918 г. Яхья провозгласил себя королем Йемена, сохранив духовную власть имама; свергнут заговорщиками и убит.

²⁰ Формально в Италии и после захвата фашистами власти в 1922 г. до крушения фашистского режима сохранялся парламент, однако он был лишен реального значения, особенно после установления однопартийной системы в 1925 г. и принятия избирательного закона 1928 г. (см. «Постижение истории», прим. 4 к т. 5, «Архаизм»). Вся полнота власти сосредоточивалась в руках Высшего совета фашистской партии, а фактически — в руках Муссолини.

²¹ В 1919 г. была принята и с 1 января 1920 г. вступила в действие восемнадцатая поправка к конституции США, запрещающая производство и продажу алкогольных напитков, т. е. вводился т. наз. «сухой закон». Этот закон непрерывно нарушался, породил широчайшую практику подпольного изготовления, контрабанды и продажи спиртного, явился неиссякаемым источником организованной преступности и коррупции и был отменен двадцать первой поправкой в 1933 г.

²² В 1962 г. династия королей-имамов была свергнута и провозглашена Йеменская Арабская Республика.

²³ Джон Боуринг (1792—1872) — английский государственный деятель и дипломат, экономист, переводчик и издатель немецкой, голландской, испанской, венгерской, чешской и сербской поэзии.

²⁴ Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон (1784—1865) — лидер вигов, неоднократный премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании, творец ее внешней политики в сер. XIX в.; стремился к расширению могущества Англии на Востоке и поддержанию равновесия сил в Европе.

²⁵ Эр-Риад — столица Саудовской Аравии, некогда — оазис в пустыне Дехна (Малый Нефул), ныне — вестернизированный современный город. Куфар (Куфра) — оазис в Ливийской пустыне, центр Сенусийа.

²⁶ Имеется в виду политика «закрытия» Японии, проводившаяся правительством сёгунов с кон. XVI в. до 1854 г. (см. «Постижение истории», прим. 14 к т. 9, «Контакты между цивилизациями в пространстве»), и Реставрация Мэйдзи.

²⁷ См. там же, прим. 5 и 6 к т. 6, «Универсальные государства как цели».

²⁸ Имеется в виду турецкая революция 1918—1923 гг., результаты которой подробно изложены А. Дж. Тойнби ниже.

²⁹ Имеются в виду переворот Тайка (см. «Постижение истории», прим. 16 к т. 6, «Универсальные государства как цели») и Реставрация Мэйдзи.

³⁰ Римская поговорка, источник не установлен.

³¹ Лк. 18: 10—14.

³² «И не понравилось Самуилу, когда они сказали: дай нам царя, чтобы он судил нас» (1 Цар. 8: 6).

³³ Мф. 11: 17.

³⁴ Мухаммед (Мехмед) Али завоевал султанат ваххабитов в 1811—1818 гг., уже в 1830 г. тот был восстановлен.

³⁵ Сын Мехмеда Али, хедив (вице-король) Египта Исмаил-паша (1830—1895, прав. 1863—1879), в стремлении к модернизации страны, но также и в тяготении к роскоши, которую от считал неотъемлемым признаком величия, влез в неоплатные долги и был вынужден продать большую часть акций открытого в 1869 г. Суэцкого канала правительствам Англии и Франции и согласиться на международный контроль над финансами страны. В 1879 г. он попытался ослабить финансовую зависимость от великих держав и был за это смещен англичанами. Его смещение и вообще бесцеремонное поведение англичан вызвало восстание 1882 г., в результате чего страна была оккупирована британскими войсками, хотя формально оставалась частью Османской империи. В 1914 г. Египет объявлен британским протекторатом, с 1922 г. — независимое королевство.

³⁶ Имеется в виду Мухаммед Захир Шах (род. 1914), король Афганистана в 1933—1973 гг. Стремился к активной модернизации и вестернизации страны; после его свержения Афганистан был провозглашен республикой.

³⁷ Первая англо-афганская война 1838—1842 гг. окончилась неудачей Великобритании.

³⁸ Аманулла-хан (1892—1960), взойдя на престол в 1919 г., объявил Великобритании, которая в результате Второй англо-афганской войны 1878—1890 гг. установила контроль за внешними сношениями Афганистана, новую войну (Третья англо-афганская война) и добился в ней победы. В 1926 г. сменил титул эмира на сан падишаха; отменил рабство, заменил натуральные налоги денежными, ввел светское образование, формируемую по принципу всеобщей воинской повинности армию и даже нечто вроде парламента (Народный совет). В 1924 и 1928 гг. вспыхивали жестоко подавляемые восстания горных племен, недовольных повышением налогов и призывом в армию. В 1929 г. свергнут, эмигрировал.

³⁹ Месопотамия с 90-х гг. XVI в. входила в состав Османской империи; после 1-й мировой войны была передана по мандату Лиги Наций под британское управление; в 1923 г. провозглашено создание королевства Ирак, с 1932 г. — независимого. Курды — ираноязычный этнос — никогда не имели своей государственности, разделенные между Турцией, Ираном, Ираком и частью Сирии, и часто восставали и восстают ныне против местных государственных властей.

⁴⁰ См. прим. 18 к наст. ст.

⁴¹ Фоссилизация — окостенение, остановка в развитии.

⁴² *Здесь*: и подавно.

⁴³ Имеется в виду глава сенусситов.

⁴⁴ Ивлин Барнинг, граф Кромер (1841—1917) — британский государственный деятель и дипломат, с 1877 г. член британской миссии в Египте, занимавшийся проблемами внешнего долга, в 1882—1907 гг. генеральный консул Великобритании, фактически — наместник Лондона в Египте.

⁴⁵ Луи Юбер Гонзальв Лиотэ (1854—1934) — французский военачальник, участник колониальных войн, в 1912—1925 гг. — генеральный резидент и командующий французскими войсками в Марокко.

⁴⁶ Феллах — в арабских странах, особенно в Египте, — крестьянин, оседлый земледелец в противовес кочевнику — бедуину.

⁴⁷ Гаммаль — *араб.* «портовый грузчик, носильщик».

⁴⁸ Ирод Антипа — правитель («тетрарх») Галилеи и Перее в 4 г. до н. э. — 39 г. н. э.; известен своей любовью к римлянам. Здесь, видимо, имеется в виду его отказ судить Христа (Лк. 23: 7–12).

⁴⁹ Гамалиил Старший — известный раввин, по преданию, учитель св. Павла, сторонник веротерпимости (см. Деян. 5: 34–39).

⁵⁰ Имеются в виду крайние zeloty, Иуда Галилеянин, вождь антиримского восстания, казненный в 7 г., и Февда, еврейский пророк, возглавивший антиримский мятеж в 44 г. и убитый римлянами.

⁵¹ Мелеагр из Гадары (140–70 до н. э.) — эллинский поэт, родом из г. Гадара в Сирии, автор антологии «Венок» — сборника эпиграмм, популярного на протяжении столетий; А. Дж. Тойнби упоминает его как пример человека одной цивилизации (Греко-римской), живущего в окружении другой (Сирийской) и как бы не замечающего ее.

⁵² Луций Юний Анней Новат Галлион — брат Сенеки, известный ритор, проконсул (назначаемый сенатом правитель) провинции Ахайя (Греция) в 54 г. О его отказе вмешиваться в религиозные дела подвластного ему населения и судить апостола Павла см. Деян. 18: 12.

⁵³ См. Ин. 1: 46.

⁵⁴ Идумеяне — западносемитский народ, родственный евреям, населявший область к югу от Иудеи; Ирод Великий (см. «Постижение истории», прим. 5 к т. 5, «Футуризм») был уроженцем Идумеи.

⁵⁵ О митраизме см. там же, прим. 17 к т. 5, «Движение Раскола-и-Полигенеза», о манихействе — прим. 44 к т. 5, «Раскол в душе».

⁵⁶ Миф о Кибеле и Аттисе малоазиатского происхождения. По нему, Аттис, любимец Матери богов (Великой Матери) Кибелы, хранитель ее храма, нарушил обет целомудрия, увлеченный нимфой. Кибела губит нимфу, насылая безумие на Аттиса, и он, оскотив себя, умирает. Культ Кибелы и Аттиса носил мрачный и одновременно оргиастический экстатический характер. Об Исиде и Горе см. там же, прим. 13 к т. 3, «Уход-и-Возврат». Культ Исиды широко распространился в греко-римском мире, где она воспринималась как Матерь Вселенной, всеобщая утешительница.

⁵⁷ В 1844 г. купец из Шираза (Иран) Али Мохаммед (1820–1850) принял прозвище Эль-Баб, т. е. Врата, и выступил с проповедью установления в Иране мира, порядка и справедливости, изгнания иностранцев, уничтожения привилегий землевладельцев и духовенства; объявил себя махди, т. е. мессией, а написанную им в тюрьме, куда его заключили за проповедь, книгу «Беян» — «Откровение» — новым священным писанием, призванным заменить Коран. Его сторонники воспринимали это учение как проповедь установления Царства Божьего на Земле и подняли восстание в 1848 г. Восстание было подавлено, сам Эль-Баб расстрелян. В 1852 г., после покушения на шаха, на бабидов обрушились репрессии. Один из бабидов, Мирза Хосейн Али Нури (1817–1892), по прозвищу Бехаулла, т. е. Блеск Божий, бежал в Ирак, тогда османский, где объявил себя мессией и написал ок. 1872 г. «Китаб-е акдес», т. е. «Священную книгу», призванную заменить и Коран и «Беян». Его учение о братстве всех людей не носило характера революционных призывов, а требовало ненасилия. Бехаулла отрицал мусульманские

обрядность и культ. Бехаизм получил относительно широкое распространение на Западе, особенно в США и Германии; в настоящее время бехаистов в мире ок. 1 млн. В 80-е гг. XIX в. индийский мусульманин Мирза Гулям Ахмад Кадияни (ум. 1908) основал секту, названную его именем, — ахмадия. Он стремился соединить в своем учении ислам, христианство и индуизм, объявив себя махди и воплощением Мухаммеда и Христа. Отстаивал сугубо мирные способы распространения своей веры. Сегодня в мире ок. 500 тыс. членов этой секты, в основном в Индии и Пакистане.

⁵⁸ Александр Македонский переправился через Геллеспонт (Дарданеллы), дабы начать войну с персами в 334 г. до н. э. Константин I Равноапостольный провозгласил Миланский эдикт, дававший права христианам, в 313 г. н. э., т. е. 647 лет спустя.

⁵⁹ Индийское буддийское сочинение рубежа II и I вв. до н. э. «Милиндапаньха» — «Вопросы Милинды» — представляет собой наставления мудреца Нагасены, обращенные к царю Милинде; если последний идентичен греко-индийскому царю Менандру (см. «Постижение истории», прим. 37 к т. I, «Сравнительное исследование цивилизаций»), то он правил с сер. II в. до н. э. и владел лишь небольшой частью Северной Индии. Буддизм проник в Китай из Индии в I в. н. э., неясно, почему А. Дж. Тойнби датирует прибытие китайских паломников в Индию (место проповеди Будды — окрестности Варнараси (Бенареса) в нынешнем штате Уттар-Прадеш, недалеко от границы со штатом Бихар) ок. 400 г. н. э.

⁶⁰ Касты — профессиональные наследственные эндогамные группы индуистов — никак не тождественны группам индейцев, негров, индийцев или китайцев в англоязычных странах Америки.

⁶¹ Не вполне ясно, что имеет в виду А. Дж. Тойнби. Если не считать оттеснения коренного населения Америки переселенцами на Запад, страны Западной европейской цивилизации и их заморские владения не знали массовых депортаций, кроме переселений мусульманского населения в Пакистан, а индуистского — в Индию в 1947 г., но это произошло сразу после прекращения британского господства.

⁶² В 1-й пол. XVIII в. Франция соперничала с Англией в деле создания колониальной империи, но поражение первой в Семилетней войне привело к утрате колоний в Северной Америке и резкому ограничению создания таковых в Индии. Заявление о большей, нежели у англичан, расовой терпимости французов вряд ли доказуемо.

⁶³ Панисламизм — религиозно-политическое течение, в основе которого лежит идея единства мусульман всего мира и необходимость соединения их в одном общемусульманском государстве. Возник в кон. XIX в. как идеология мусульманских народов в борьбе с Западом и поддерживался турецким султаном Абдул-Хамидом, который в качестве халифа считал себя главой всех мусульман и пользовался панисламизмом для укрепления Османской империи.

⁶⁴ На юге Филиппин проживают т. наз. народы моро (т. е. мавры — название дано испанцами), в XIV в. воспринявшие ислам из Индонезии; на африканском побережье Индийского океана, особенно к северу от р. Замбези, арабские и персидские купцы начали распространять ислам еще в X в. и к XIII в. достигли значительных успехов: большая часть прибрежных народов от Кении до Мозамбика ныне исповедует ислам.

⁶⁵ *Alla franca* — *лат.* букв. «на манер франков», «во франкском духе», т. е. «как поступают люди Запада». А. Дж. Тойнби применяет итальянское выражение, используемое в музыке, — «*alla*» — «в духе», «на манер».

⁶⁶ После того как 3 марта 1924 г. турецкое Национальное собрание постановило навсегда упразднить халифат (турецкий султан как халиф оставался духовным главой турок и после провозглашения республики в 1923 г.), предпринимались неоднократные попытки его восстановления. В 1924 г. король Хиджаза Хусейн провозгласил себя халифом, аргументируя это тем, что в его владениях находятся святыни ислама — Мекка и Медина, но в 1926 г. Хиджаз был завоеван королем Неджда ибн Саудом и составил часть Саудовской Аравии. Короли Марокко неоднократно выдвигали претензии на титул халифа, но они не были признаны Мусульманским миром; в 1926 г. происходили международные халифатские конференции индийских халифов, но никаких решений так и не было принято.

⁶⁷ А. Дж. Тойнби относит Сирию и Египет после персидского завоевания в 525 г. до н. э. к Сирийской цивилизации и считает захват Сирии в 333 г. и Египта в 331 г. до н. э. Александром Македонским покорением одной цивилизацией другой; изгнание чужеродного эллинского элемента происходит, по мнению английского историка, в 636–645 гг., когда первые халифы овладели сирийскими и египетскими владениями Византии.

⁶⁸ Имад ад-Дин-Зенги (ум. 1146), сын тюрка-раба, в 1127 г. стал правителем Мосула, подчинил своей власти ряд иных городов, и в 1144 г. его войска взяли Эдессу, столицу Эдесского графства, первого из крестоносных государств в Святой Земле, образованного еще в 1098 г. Его сын Нур ад-Дин (ум. 1174) в 1154 г. занял Дамаск и стал одним из самых влиятельных мусульманских владык Сирии. Один из его полководцев, курд Асад ад-Дин Ширкух (ум. 1169), стал великим визирем Египта, и этот титул унаследовал его племянник Юсуф ибн Айюб, будущий знаменитый Саладин (см. «Постижение истории», прим. 77 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»). О мамлюках см. там же, прим. 22 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

¹ Это заявление не поддерживается современными учеными. Скандинавия не была затронута античным влиянием, Китай тоже.

² Имеются в виду восстание Маккавеев, Иудейская война и восстание Бар-Кохбы.

³ См. «Постижение истории», прим. 23, 25 и 26 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

⁴ После Второй Македонской войны (200–197 до н. э.) и резкого ослабления Македонии царь Селевкидской Сирии (см. «Постижение истории», прим. 25) Антиох III Великий (242–187 до н. э., царь с 223 до н. э.), резко расширивший владения за счет Парфии, Бактрии и Египта в 212–203 гг. до н. э., занявший некоторые регионы Малой Азии и даже Фракии во время Второй Македонской войны, решил распространить свою власть и на Грецию, формально состоявшую из независимых полисов, но фактически уже подчиненную Риму. Война между Антиохом и Римом (Сирийская

война 192—188 гг. н. э.) оказалась неудачной для сирийского царя. Он вынужден был уплатить крупную контрибуцию, отказаться от всех владений в Европе и на севере Малой Азии. Его поражение привело к отпадению завоеванных земель в Армении и усилению сепаратистских тенденций на востоке его царства.

⁵ А. Дж. Тойнби имеет в виду богов — покровителей городских общин. Афина считалась небесным патроном Афин и носила титул Градо-держидцы; в древнем латинском городе Пренесте, захваченном Римом во Второй Латинской войне (340—338 до н. э.), почиталась фортуна Примигения (Первородная), вошедшая в римский пантеон и ставшая там богиней удачи; Деа Рома (богиня Рома, т. е. Рима) — известная с 204 г. до н. э. богиня — воплощение Рима, ее культ стал распространяться в кон. I в. до н. э. — нач. I в. н. э. больше в провинциях как знак подчинения Риму.

⁶ Имеется в виду: «нет ни Еллина, ни Иудея... варвара, Скифа... но все и во всем Христос» (Кол. 3: II).

⁷ Иисус — евр. *jeŕua* — есть сокращение от *jehoŕua*, т. е. «Бог-помощь»; Христос — от греч. *χρi* — «помазывать» — значит «помазанник» и является калькой евр. *maŕiah*, арамейск. *meŕiha* — отсюда «мессия».

⁸ См. прим. 14 к ст. «Мой взгляд на историю».

⁹ Президент Мексики Порфирио Диас (1830—1915), вторично придя к власти (он был президентом в 1877—1880 гг.) в 1884 г., установил режим жесточайшей диктатуры. В 1910 г. вспыхнуло восстание, свергнувшее в 1911 г. Диаса; период войн, мятежей, переворотов и контрпереворотов продолжался до 1917 г., когда установилось демократическое правление (впрочем, перевороты были и позднее) и была принята конституция, гарантировавшая довольно обширные социальные права.

¹⁰ Во время Мексиканской революции 1910—1917 гг. среди восставших крестьян, в большинстве аборигенного происхождения, был популярен лозунг «Индийской республики». В 20—30-е гг. XX в. радикальные интеллигенты в Перу отстаивали идеи т. наз. «инкасического коммунизма», воспевая экономический строй государства Тауантинсуйу (см. «Постижение истории», прим. 95 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»); в настоящее время подобные взгляды выродились в идеологию левой террористической организации «Сендеро луминосо» (исп. «Светлый путь»). В целом, однако, сложение латиноамериканской культуры происходит как синтез аборигенной, африканской (принесенной неграми-рабами) и испанской и португальской культур; индейские языки сужают поле своего применения, многие аборигены переходят на испанский, несмотря на попытки правительств тех стран, где индейцы составляют значительную часть населения, развивать письменность, книгопечатание, прессу и телевидение на туземных языках.

¹¹ Итальянец на английской службе Джон Кэбот (Джованни Кабото) (между 1450 и 1455—1499?) в 1497 г. достиг Северной Америки, до сих пор неизвестно, высаживался ли он только на острове Ньюфаундленд или и на материке.

¹² Здесь перечислены исторические области Индии: Бенгалия (штат Западная Бенгалия и Республика Бангладеш) на западе, Майсур (штат Карнатака) на юге, Раджпутана (штат Раджастхан) на северо-западе.

¹³ Отсчет сроков дан на 1947 г. А. Дж. Тойнби ведет родословную Западной цивилизации с сер. VI в., конечного предела варварских завоеваний. Объединение Англии в единое королевство завершилось в 954 г. В 1707 г. Англия и Шотландия соединились в единое государство — Великобританию — с общим парламентом. США образовались в 1776 г., но А. Дж. Тойнби считает датой сложения этого государства признание его Великобританией в 1783 г.

¹⁴ Венецианская республика прекратила существование в 1797 г., завоеванная Австрией (в 1805—1815 — в составе созданного и возглавленного Наполеоном Итальянского королевства), с 1866 г. входит в объединенную Италию. Австро-Венгрия распалась после поражения в 1-й мировой войне в 1918 г.

ХРИСТИАНСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

¹ По словам «Тайной истории» византийского историка Прокопия Кесарийского (ок. 500 — после 565), приведенную фразу сказала во время восстания «Ника» (т. е. «Побеждай!») в Константинополе в 532 г. жена Юстиниана I императрица Феодора, дочь служителя ипподрома, в молодости — блудница.

² Норман Хёпберн Бейнс (1877—1961) — английский византинолог, профессор Оксфордского университета.

³ «Господь — просвещение мое».

⁴ Имеется в виду император Марк Аврелий, преследовавший христиан по причинам скорее политическим (они отказывались приносить жертвы гению императора), нежели религиозным; он вряд ли осознавал культурное присутствие христианства, не облеченного еще тогда в привычные философские формы.

⁵ См. «Постижение истории», прим. 6 к т. 4, «Несостоятельность самоопределения».

⁶ См. там же, прим. 50 к т. 1, «Поле исторического исследования».

⁷ А. Дж. Тойнби отсчитывает кризис античной цивилизации с периода Пелопоннесской войны — 431—404 гг. до н. э.

⁸ Один из видных нацистских руководителей и идеологов нацизма Альфред Розенберг (1893—1946) в своей книге «Миф XX столетия» (1933) выдвинул идею избавления культуры «арийских» народов от чуждого расслабляющего духа античной философии и «иудейской» религии, к которой он причислял и христианство.

⁹ Джеймс Джордж Фрейзер (1854—1941), знаменитый этнолог и историк религии, менее всего был затронут расистским духом. Приведенная выше цитата свидетельствует о его активном восприятии идеалов Просвещения, свободомыслия, гражданственности в отношении демократического государства и пренебрежительном отношении к средним векам, где эти ценности отсутствовали.

¹⁰ См. «Постижение истории», т. 7 и 9.

¹¹ Определенный подъем светского начала в Византии происходил в эпоху иконоборчества в VII — нач. IX в. и хорошо виден на примере патриарха Фотия, который, впрочем, сочетал преклонение перед античностью

с богословскими и церковными интересами. Император Фридрих II Гогенштауфен еще при жизни был прозван *Stupor Mundi* — букв. «Ошеломление мира» — за его резко отличающиеся от привычных взгляды. Он довольно безразлично относился к религии и в борьбе с папами не брезговал и антихристианскими выпадами. Позднейшие историки видели в нем прообраз то ли абсолютного монарха XVII в., то ли ренессансного тирана. Вряд ли это верно: будучи, в сущности, терпимым к разномуверию, он, если этого требовали политические обстоятельства, жестоко расправлялся с еретиками, а в конце жизни замыслил создать некую универсальную религию на основе синтеза христианства и ислама с самим собой в качестве первосвященника.

¹² В кон. XIX — нач. XX в. в науке были весьма распространены идеи о том, что христианство заимствовало свою генеральную идею из древневосточных мифов об умирающих и воскресающих божествах (эти божества перечисляются ниже), что, видимо, дало А. Дж. Тойнби основание считать эти мифы зародышем высшей религии. Стоит, однако, отметить, что все подобные божества, олицетворяющие расцветающую и увядающую растительность, вплетены в природный ритм и ни смерть их, ни воскресение не являются окончательными, но периодически повторяются; Крестная смерть и Воскресение Христа есть, напротив, уникальные события.

¹³ О Таммузе и Иштар см. «Постижение истории», прим. 24 к т. 5, «Раскол в душе». Близок к этому мифу греческий миф финикийского происхождения о богине любви и плодородия Астарте (соответствует вавилонской Иштар, а также Венере и Афродите) и ее возлюбленном Адонисе (*от финикийск.* «адон» — «владыка»). Астарта разгневалась на царскую дочь (разные варианты мифа называют разные имена), которая не почитала ее, и внушила царевне преступную страсть к собственному отцу. От противоясственной связи родился Адонис, которого Астарта передала на воспитание богине подземного царства Персефоне. Та не пожелала расставаться с Адонисом, и Зевс постановил, чтобы часть года Адонис проводил в царстве мертвых с Персефоной, часть — на земле с Астартой. Впоследствии Артемида, разгневанная предпочтением, отдаваемым Афродите—Астарте, наслала на юношу дикого кабана, который его смертельно ранил. На Ближнем Востоке и в Греции справлялись Адонии — праздник, первый день которого посвящался оплакиванию погибшего Адониса, второй — ликованию по поводу его воскрешения.

¹⁴ Ранее («Постижение истории», прим. 68 и 69 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций») А. Дж. Тойнби считал, что орфический и адонисийский культы Древней Греции (они, по мнению английского историка, есть зачатки высшей религии) как раз минойского происхождения.

¹⁵ Насколько можно судить по археологическим данным, в регионах, охваченных действием Протоиндийской цивилизации (см. «Постижение истории», прим. 81 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»), был распространен культ божества, изображения которого весьма схожи с изображением позднейшего Шивы; не исключено, что и Кришна — божество не арийского, а автохтонного происхождения.

¹⁶ Дочерней по отношению к цивилизации майя можно считать лишь Юкатекскую — смешанную Майя-мексиканскую (см. «Постижение истории», прим. 100–102) цивилизацию. Остальные цивилизации Мезоамерики развивались независимо от Майянской. Самый популярный из

богов юкатанских майя — Кукулькан, бог ветра и дождя, культурный герой, родоначальник ряда династий, — заимствован у тольтеков Мексиканского нагорья, где он именовался Кецалькоатль.

¹⁷ Παθεὶ μαθοῦς — *букв.* «наука страдания». А. Дж. Тойнби чрезмерно сближает античные верования с христианством и смешивает восприятие этих верований, осмысление их поэтами и философами с сутью античной религии.

¹⁸ Евр. 12: 6.

¹⁹ В пророческих книгах Ветхого Завета, написанных во время упадка и крушения независимых Израиля и Иудеи, явлено представление о Боге как хранителе нравственного закона: поэтому тон пророков, особенно Иеремии (Иеремийаху бен-Хилкайаху, изв. 626 — после 587 до н. э.), наполнен гневом, они обличают народ и царей иудейских за уклонение от Господних путей, от добра и справедливости. Иеремия дожил до падения Иерусалима, захваченного Вавилоном в 587 г. до н. э. Приписываемый ему «плач Иеремии» (автор не назван в тексте, традиция настаивает на авторстве Иеремии, ученые не пришли к единому выводу) представляет собой созданное в жанре погребального причитания сокрушение о судьбе великого града, разрушенного и покинутого. «Скорбный слуга» — отсутствующее в синодальном переводе обозначение Христа в английской Библии.

²⁰ См. «Постижение истории», прим. 73 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций».

²¹ См. прим. 36 к ст. «Мой взгляд на историю». Хронология весьма гипотетична. Историческое существование библейского Авраама не доказано, однако это имя встречается в клинописных текстах со 2-й пол. III тыс. до н. э.

²² См. «Постижение истории», прим. 107 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Здесь А. Дж. Тойнби намекает на метафору английского мыслителя Томаса Гоббса (1588—1679), который в своей книге «Левиафан» (1651) уподобил этому чудовищу государство. «Поклонение Левиафану» есть обожествление государства. Т. Гоббс видел в подавляющем действии государственной власти нечто положительное — прекращение войны всех против всех.

²³ Миссионерская деятельность св. Павла началась в г. Антиохия, стоящем на р. Оронт, и завершилась с его казнью в Риме, расположенном на Тибре.

²⁴ Маттео Риччи (1552—1610) — итальянский иезуит, миссионер, один из первых миссионеров в Китае и первый, принятый при императорском дворе; автор книг «Карта мира» и «Истинная идея Бога».

²⁵ Об Эхнатоне см. «Постижение истории», прим. 73 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Вряд ли, однако, достаточно искусственно сконструированную Эхнатонем монотеистическую религию можно считать философией.

²⁶ Подобное характерно и для Православной Церкви, хотя в ней мощь иерархии значительно меньше, нежели в католицизме, власть любого главы автокефальной Церкви не столь велика, как власть папы.

²⁷ По католическому учению, Церковь делится на две части: воинствующую — совокупность всех верующих на Земле, и торжествующую — соборание достигших блаженства на Небесах.

²⁸ Мф. 22: 30.

²⁹ В письме к близкому ему государственному деятелю Сиракуз Диону (ум. 353 до н. э.) Платон, намекая на наличие у него некоего тайного учения, скрытой сути его философии, заявлял, что никогда этого учения не записывал: «Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя питает» (Письма. 7, 341 с-а).

³⁰ По словам Платона (Государство. 514 а–517), мы, люди, подобны узникам, прикованным в пещере лицом к стене. За нашими спинами проходят процессии, несущие изображения предметов, но мы видим лишь тени этих предметов на стенах пещеры и, только выйдя из пещеры, узнаем действительный мир. По Платону, реальный мир — это мир идей, тогда как земные вещи — их слабое и несовершенное отражение, тени на стене.

³¹ Филологи-классики давно и, казалось бы, прочно установили смысл употребляемого Аристотелем понятия «катарсис» (*греч.* «очищение») применительно к трагедии (Поэтика. VI). Считается, что переживание трагических событий на сцене приводит к очищению души от эффектов, гармонизации страстей. В последнее время стали высказываться предположения, что вся многовековая традиция, объявлявшая Аристотеля отцом идеи о возвышающем и облагораживающем воздействии искусства, неверна: «катарсис» надо переводить как «прояснение» и понимать под ним всеобщее прояснение для зрителя в конце сценического действия всех сюжетных линий, всех загадок и тайн (напр., тайны происхождения Эдипа).

³² О Спарте см. «Постижение истории».

³³ См. прим. 20 к ст. «Унификация мира и изменение исторической перспективы» и Мф. 16: 25.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДУШИ

¹ Эмиль Дюркгейм (1858–1917), французский социолог-позитивист, резко выступил против представлений о человеке как рациональном существе, индивидуально определяющем свое поведение, и настаивал на взгляде на человека как на часть общественного целого, причем человека вообще, а не только первобытного. Любые логические категории есть продукт не индивидуального разума, а коллективных представлений. Последователь Дюркгейма этнолог Люсьен Леви-Брюль (1857–1939) утверждал, что первобытный человек обладает особым «пралогическим» мышлением, в котором отсутствуют законы формальной логики, это мышление определяется коллективным бессознательным, т. е. неосознаваемыми, выражаемыми только в процессе коллективного общения представлениями.

² А. Дж. Тойнби имеет в виду К. Г. Юнга и его последователей.

³ По нынешним представлениям, человек относится к семейству гоминидов (*Homo*), роду (или виду — мнения расходятся) *Homo sapiens*, виду (или подвиду) *Homo sapiens sapiens*; ближайшим его родственником был *Homo sapiens neandertalis* — неандерталец.

⁴ Бальдур фон Ширах (1907–1974) — германский политический деятель, рейхсфюрер СС (руководитель «Гитлерюгенд» — нацистской

молодежной организации «Гитлеровская молодежь») в 1931–1940 гг., гауляйтер (партийный руководитель) и имперский наместник Вены в 1940–1945 гг. Осужден Нюрнбергским трибуналом на 20 лет.

⁵ *Homo aurignacius* (лат. букв. «человек, рожденный в золотой век») — так, видимо, А. Дж. Тойнби называет первобытных людей. Неясно, однако, кто конкретно имеется в виду: если неандертальцы, то они не были физически схожи с людьми современного вида, если последние, то их еще не существовало 100 тыс. лет назад.

МИР И ЗАПАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Эти лекции по проблемам наук и искусств, читавшиеся по радио, названы по имени британского менеджера Джона Чарлза Уормена Рута (1889—1971), изобретателя современной системы организации теле- и радиокомпаний, генерального директора Би-би-си в 1927—1938 гг.

РОССИЯ И ЗАПАД

¹ Имеется в виду временная оккупация значительной части России (СССР) в войнах, в конечном итоге выигранных нашей страной: отступление Красной Армии в начале Великой Отечественной войны; неудачи российской армии в 1-й мировой войне; нашествие Наполеона на Россию; поражения от шведских войск в первом периоде Северной войны; оккупация Москвы поляками во время Смутного времени.

² Имеются в виду колонии, где переселенцы из Европы составляют большинство или значительное меньшинство и непосредственно, а не только путем эксплуатации аборигенов участвуют в экономике колонии. После 1-й мировой войны ряд британских колоний в Восточной и Южной Африке — Кения, Северная Родезия (ныне Замбия), Южная Родезия (Зимбабве) — были объявлены «переселенческими», и земли, с которых сгонялись местные жители, отдавались английским фермерам.

³ Голландская Ост-Индия провозгласила себя Республикой Индонезией в 1945 г., что было признано метрополией в 1949 г., Индия и Пакистан стали независимыми в 1947 г., Бирма и Цейлон (Шри-Ланка) — в 1948 г.

⁴ Голландцы стали переселяться на крайний юг Африки с 1652 г., образовав к нач. XIX в. особую нацию буров (*нид.* *боег* — «крестьянин»), или африканеров. После захвата англичанами в 1806 г. голландской Капской колонии и отмены там в 1834 г. рабства буры-фермеры предприняли массовое переселение на север (Великий трек) и основали на ненаселенных и занятых местными племенами землях свои республики: Оранжевое (по названию реки) Свободное государство, Трансвааль (иначе — Южно-Африканская Республика) и Натал. Последняя была аннексирована Британией в 1842 г., остальные оставались независимыми. Но после открытия там месторождений алмазов и золота в 70-х годах XIX в. Великобритания вознамерилась захватить эти государства, что ей удалось в результате англо-бурской (Южноафриканской) войны 1899—1902 гг., когда за три года Британская империя с огромным трудом смогла победить ведущих партизанскую борьбу буров, все взрослое мужское население которых насчитывало несколько десятков тысяч человек.

⁵ В колониях, еще остававшихся после распада испанской колониальной империи, развивалось движение за независимость, поддерживаемое США. После восстаний на Кубе в 1895 г. и на Филиппинах в 1896 г. американцы демонстрировали поддержку повстанцев и даже послали на Кубу броненосец в качестве военной демонстрации; этот броненосец погиб от взрыва при неясных обстоятельствах. США обвинили во всем Испанию и объявили ей войну, длившуюся с 23 апреля по 10 декабря 1898 г. После поражения Испания отдала США Пуэрто-Рико (ныне — «свободно присоединившийся штат»), Филиппины (независимое государство с 1946 г.) и о. Гуам (ныне — «неинкорпорированная территория США») и предоставила независимость Кубе, занятой американскими войсками.

⁶ Гида (годы жизни неизв.), дочь последнего англосаксонского короля Англии Гарольда (ум. 1066), была между 1070 и 1075 гг., уже после норманнского завоевания и бегства оставшихся в живых родственников Гарольда в Данию, выдана замуж за тогдашнего (с 1067) князя Смоленского, а позднее — с 1115 г. — великого князя Киевского Владимира Мономаха (1053–1125).

⁷ См. прим. 11 к ст. «Византийское наследие России».

⁸ Первая осада турецкими войсками Вены произошла в 1526 г. В 1682 г. город был снова осажден турками, которым нанес поражение в 1683 г. польский король Ян III Собеский (1629–1696, король с 1674). Последовавшая за этим австро-турецкая война 1683–1699 гг., где Дунайская монархия выступала в союзе с Россией, Польшей и Венецией, стала началом сокращения турецких владений в Европе.

⁹ См. «Постижение истории», прим. 17 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы».

¹⁰ А. Дж. Тойнби имеет здесь в виду глав могущественных кланов Японии, выступивших за модернизацию Японии в ходе Мэйдзи исин. На деле это название — по-японски Гэнро — прилагалось к внеконституционному совету при императоре (см. «Постижение истории», прим. 15), образовавшемуся из его старейших соратников по Реставрации Мэйдзи в 1892 г., т. е. много после начала курса на модернизацию.

¹¹ Имеется в виду политика индустриализации СССР, проводившаяся в рамках первых пятилеток (с 1929) и прерванная войной.

¹² Этимология вымышлена А. Дж. Тойнби. Слово это значило первоначально «тщательная, систематическая обработка».

¹³ В 390 (или 387 — данные расходятся) г. до н. э. галлы под водительством своего вождя Бренна захватили Рим. Римляне должны были заплатить выкуп за город в тысячу (по другой версии — в две тысячи) фунтов золота. Когда золото взвешивали, представитель римлян заявил, что принесенные галлами гири фальшивые. В ответ «заносчивый галл» (Бренн. — *Комм.*) положил еще на весы свой меч. Тогда-то и прозвучали невыносимые для римлян слова: «Горе побежденным!» (*Ливий. История. V, 48, 9*).

¹⁴ См. «Постижение истории», прим. 27 к т. 1, «Поле исторического исследования». Русскую Церковь, тогда еще подчиненную Константинопольской Патриархии, представлял на Соборе ее глава, митрополит Московский, грек по происхождению, Исидор (ум. ок. 1462). Он поддержал унию, но по возвращении был за это смещен и посажен в тюрьму; в 1441 г. ему удалось бежать в Италию, где он стал кардиналом.

¹⁵ Не отказываясь от православия, Петр I реорганизовал церковную администрацию в протестантском духе — в 1721 г. было упразднено патриаршество и управление Церковью вручено Святейшему Синоду во главе с подчиненным императору светским чиновником — обер-прокурором.

¹⁶ Массовое обращение христиан в мусульманство происходило во время арабских завоеваний VII—VIII вв. на территории от Месопотамии до Испании. В XIV—XVII вв., во время турецкой экспансии в Европе, исламизация коснулась части народов Балканского полуострова — греков, болгар, сербов, относящихся, по классификации А. Дж. Тойнби, к Православной (Восточнохристианской) цивилизации; лишь небольшое число католиков — венгров и хорватов — перешли в ислам в это время.

ИСЛАМ И ЗАПАД

¹ Имеется в виду — до окончания Триполитанской войны (см. «Постижение истории», прим. 3 к т. 10, «Вдохновение историков»).

² Имеется в виду Турецкая революция и реформы Ататюрка.

³ См. «Постижение истории», прим. 28 к т. 2, «Шесть форпостов в истории Западной Европы».

⁴ Филиппинские острова были провозглашены колонией Испании еще Магелланом в 1521 г., но реально завоевание свершилось в 1565—1571 гг. В это время были покорены и обращены в христианство прибрежные народы архипелага; мусульмане-моро (см. прим. 64 к ст. «Ислам, Запад и будущее») и горные племена оставались фактически независимыми до захвата островов американцами в 1898 г.

⁵ Начало самостоятельного правления Петра I относится к 1689 г., первые гвардейские полки в России — Семеновский и Преображенский — учреждены в 1687 г.

⁶ Подобный жизненный путь характерен скорее для последекабристской России. Термин «рантье» здесь неуместен: русский помещик жил за счет доходов с земли, а не на проценты с капитала; видимо, А. Дж. Тойнби имеет в виду, что и тот и другой получали прибыль, не вкладывая труда.

⁷ См. «Постижение истории», прим. 5 к т. 6, «Универсальные государства как цели», и прим. 2 к т. 9, «Социальные последствия контактов между современными друг другу цивилизациями».

⁸ Уже став полновластным повелителем страны, Мустафа Кемаль был избран в 1923 г. президентом Турции (формально, по конституции — не с такими уж большими полномочиями, реально — с диктаторской властью) и тогда же основал Народную партию, переименованную через год в Народно-республиканскую. Формально создание оппозиционных партий не запрещалось, но на деле в Турции существовал однопартийный режим.

⁹ В 1946 г. была создана Демократическая партия Турции, победившая на выборах 1950 г. и находившаяся у власти до 1960 г., когда группа генералов совершила переворот (премьер-министр был судим и казнен) и распустила ДПТ. Новые выборы в 1961 г. дали перевес Народно-республиканской партии, но после выборов 1965 г. к власти вернулась оппозиция в лице партии справедливости, созданной на основе ДПТ.

¹⁰ Индия представляет собой федеративное государство, но название Индийский Союз она не носила; провинция Восточный Пакистан с 1971 г. образует независимое государство — Народную Республику Бангладеш.

ИНДИЯ И ЗАПАД

¹ Индия получила независимость в 1947 г., Бенгалия была завоевана Великобританией в 1757 г., Пенджаб — в период 1765—1848 гг.

² В империи Великих Моголов земельный налог платили землевладельцы, взыскивая затраты с зависимых крестьян; англичане не только сохранили эту систему, но и распространили ее на всю Индию и ввели свободную продажу земли.

³ Не совсем точно. Раджи (князья), подданные империи Великих Моголов, после распада ее стали независимыми правителями, но с британским завоеванием попали под протекторат, сохраняя свои владения до получения Индией независимости, и утратили их уже позднее; А. Дж. Тойнби имеет здесь в виду борьбу колониальных властей с джагирдарами — военно-земельной аристократией в Северной Индии.

⁴ Имеется в виду парламентская система правления, установившаяся в Англии после т. наз. славной революции 1688 г.

⁵ Арабские набеги на Северо-Западную Индию (ныне — западные районы Пакистана) начались во 2-й пол. VII в., завоевана она была к сер. VIII в.

⁶ В сер. XVII в. от империи Великих Моголов отпали юго-западные провинции, населенные народом маратхов. Единое государство маратхов развалилось к нач. XVIII в., и на его обломках возникла конфедерация мелких маратхских княжеств, покоренная Британией (см. прим. 69 к ст. «Унификация мира и изменение исторической перспективы»).

⁷ В 1952 г., году написания данной статьи, население Азии (без СССР) составляло 55% числа людей на Земле, Индии (включая Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланку) — 19%, Китая — 22%. Коммунистическая революция победила в Китае в 1949 г.; отношения между Китаем и СССР во 2-й пол. 50-х годов XX в. резко ухудшились.

⁸ А. Дж. Тойнби, видимо, отсчитывает начало движения за независимость Индии с создания партии Индийский национальный конгресс (см. прим. 11 к ст. «Настоящий момент истории»).

⁹ См. прим. 5 к вышеуказанной статье.

¹⁰ Управление Индией до сер. XIX в. находилось в руках Ост-Индской компании. По закону об управлении Индией 1777 г. власть осуществляли генерал-губернатор и Совет, назначаемые Короной по представлению руководства компании. С 1784 г. («Закон об Индии») британское правительство стремилось поставить под свой контроль компанию и ее военную и гражданскую администрацию в Индии.

¹¹ Иоганн Зоффани (наст. фам. Цауфелич) (1734—1810) — английский художник, уроженец Германии; в 1783—1789 гг. был в Индии.

¹² Чарлз Корнуоллис (1738—1805) — английский военачальник; в 1781 г. после последнего сражения Войны за независимость США подписал капитуляцию британских войск при Йорктауне; в 1792 г. — командующий британскими войсками в Индии.

¹³ Напомним, что это написано в 1952 г.; после японского «экономического чуда» с 60-х г. XX в. проблема питания в Японии не стоит.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЗАПАД

¹ Португальские мореплаватели первыми из европейцев достигли Китая в 1516 г. (в 1517 г. ими захвачен порт Аомынь (Макао)), Японии — в 1542 г.

² См. прим. 3 к ст. «Европа сужается». Изгнания европейцев из Китая в собственном смысле не было. Видимо, А. Дж. Тойнби имеет в виду ограничение торговли с европейцами портом Гуаньчжоу в 1767 г., причем иностранцам запрещалось селиться в черте города и изучать китайский язык.

³ Выражение возникло в 1937 г. в Испании во время гражданской войны. Лидер антиреспубликанских мятежников генерал Франко заявил, что на столицу — Мадрид — наступают четыре колонны войск, но в самом Мадриде есть пятая колонна тайных противников республиканского правительства, которые ведут диверсионную войну.

⁴ О Гоминьдане см. «Постижение истории», прим. 23. В 1916 г. Сунь Ятсен создал на юге Китая правительство Гоминьдана с местонахождением в Гуаньчжоу. В 1926 г. начался Северный поход — военная экспедиция отрядов гуаньчжоуского правительства. К апрелю 1927 г. Южный и Центральный Китай были в руках гоминьдановцев, на занятых территориях были проведены социально-экономические преобразования (аграрная реформа, развитие системы образования). Конфликт между коммунистами, входившими тогда в Гоминьдан, и Чан Кайши (Цзян Цзешу, 1887—1975), закончившийся в то время победой последнего, помешал развитию успехов сторонников Гоминьдана.

⁵ См. прим. 62 к ст. «Унификация мира и изменение исторической перспективы». В кон. XVII — нач. XVIII в. не одно десятилетие тянулся процесс, возбужденный перед папским престолом монахами ряда орденов против иезуитов; последних обвиняли в том, что они в своей миссионерской деятельности ставили препоны в проповеди слова Божия монахам других орденов, занимались среди местного населения обманом и вымогательствами, смешивали христианство с местными верованиями, предлагали спасение без внутреннего перерождения и т. д. С 1700 г. папы стали регулировать миссионерскую деятельность иезуитов.

ПСИХОЛОГИЯ СТОЛКНОВЕНИЙ

¹ Эпидемия гриппа во 2-й пол. XIX в. сократила число жителей Маркизских островов в десять раз; численность индейского народа манданов в США в результате заболевания оспой в 1837 г. сократилась с 1,5 тыс. до 125 человек; страшные опустошения корь и даже ветрянка нанесли австралийским аборигенам.

² Отмеченная А. Дж. Тойнби этническая пестрота в западных странах не изначальна, а есть следствие миграций населения в полиэтничных империях, континентальных (Россия, Австро-Венгрия, государство Османов) или колониальных (Индия, страны Юго-Восточной Азии). Зак-

репление определенных профессий за этносами существовало лишь вне их первоначальных этнических территорий: у себя на родине армяне, например, не столько занимались торговлей или финансовыми операциями, сколько возделывали землю.

³ Имеется в виду массовое переселение иноэтничных и иноконфессиональных групп населения: немцев из Судетской области Чехословакии в Германию после 2-й мировой войны, мусульман из Индийской Западной Бенгалии в созданный в 1947 г. Восточный Пакистан.

⁴ «Цветные» (часто, но не обязательно «белые») книги — называемые так по цвету переплетов сборники документов, обнаруженные правительствами (иногда также утверждаемые парламентами) для информации и в подтверждение правильности принимаемых решений.

⁵ Лидер индийского национального движения, проповедник активных ненасильственных действий (*инд.* сатьяграха — «упорство в истине») Мохандас Карамчанд (прозвище — Махатма, т. е. Великая Душа) Ганди (1869—1948), принимая западные идеи демократии, стремился сохранить в неприкосновенности национальные традиции, «индийскую душу» и посему отвергал индустриализацию на западный образец. Движение за бойкот английских товаров (1919—1922 и 1930), бывшее экономическим рычагом в борьбе за независимость, Ганди понимал и как возрождение традиционных ремесел, более соответствующих душе индийца, нежели западная технология. Идеи эти оказались утопическими, и ныне Индия вполне активно развивает промышленность.

⁶ В 1653—1656 гг. Патриарх Московский Никон (Никита Минов (1601—1681), Патриарх в 1652—1658) предпринял ряд церковных реформ, в т.ч. исправление богослужебных книг и обрядов по греческим образцам. Противники его реформ создали мощное течение — старообрядчество, разделившееся позднее на множество толков. Староверы отказывались принимать то, что они считали новшествами: трехперстное крестное знамение вместо двуперстного, написание «Иисус» вместо «Исус» и т. п. За этим стояло твердое неприятие перемен, тем более перемен, идущих от иноземцев-греков, находившихся под властью турок-нехристей.

⁷ Идрисидами А. Дж. Тойнби называет тех сенусситов, которые поддерживали претензии на светскую власть внука основателя ордена, Мухаммеда Идриса аль-Махди ас-Сенусси (1890—1974). В борьбе сначала с Османской империей, а затем с захватившими Ливию итальянцами он добился короны в 1950 г. (официально взошел на престол в 1951 г.); свергнут в 1969 г. группой офицеров во главе с полковником Муамаром Каддафи (род. 1942), провозгласивших Ливию республикой. Идрисиды и иные перечисленные секты выступали против османских халифов, ибо те с 30-х годов XIX в. проводили реформы, ведущие к вестернизации (Танзимат).

ГРЕКИ, РИМЛЯНЕ И ОСТАЛЬНОЙ МИР

¹ См. «Постижение истории», прим. 37 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Создание греко-бактрийских и греко-индийских государств нельзя считать завоеванием Индии. В результате 2-й Пунической войны (218—201 до н. э.) владения Карфагена на Иберийском полуострове

отошли к Риму; в 197 г. до н. э. там были образованы две провинции: Испания Ближняя (средиземноморские и внутренние районы полуострова) и Испания Дальняя (приатлантические районы).

² Распространенность греческого языка ок. I в. н. э. несколько преувеличена. Если Массилия (совр. Марсель) была греческой колонией еще ок. 600 г. до н. э., то территорию позднейшего княжества Травандор (Травендур-Кочин) на крайнем юго-западе Индостана (ныне часть штата Керала) разве что изредка посещали торговцы из Парфянского царства, где был в употреблении разговорный греческий.

³ О завоевании Британии см. «Постижение истории», прим. 42 и 49 к т. 1, «Поле исторического исследования».

⁴ См. прим. 20 к ст. «Греко-римская цивилизация».

⁵ Александрийский грек Эратосфен Киренский (275—200 до н. э.) определил окружность экватора в 252 тыс. стадий (около 39 700 км), тогда как в действительности она составляет 40 075,7 км.

⁶ О Митридатe VI см. «Постижение истории», прим. 4 к т. 4, «Несостоятельность самоопределения». Во время борьбы с Римом, в результате которой он был побежден и покончил с собой, этот государь одного из царств-обломков монархии Александра Македонского — Понта в Малой Азии, — потомок правителя о. Хиос в сильно эллинизированной части Персидской империи, выставлял себя, в зависимости от обстоятельств, то защитником эллинской свободы, то законным наследником древних персидских владык.

⁷ См. «Постижение истории», прим. 5 к т. 5, «Футуризм».

⁸ См. там же, прим. 41 к т. 2, «Вызов-и-Ответ», прим. 6 к т. 5, «Футуризм», прим. 7 к т. 5, «Отношения между распадающимися обществами и индивидуумами», и прим. 49 и 50 к ст. «Ислам, Запад и будущее».

⁹ См. там же, прим. 5 к т. 5, «Раскол в социальной системе».

¹⁰ См. там же, прим. 7 к т. 5, «Раскол в социальной системе».

¹¹ Во французской части о. Гаити во время Великой французской революции, в 1791 г., вспыхнуло восстание негров-рабов, руководимое Франсуа Домиником Туссен-Лувертюром (1743—1803). Это восстание охватило и испанскую часть острова, и в 1801 г. Туссен-Лувертюр объявил весь остров независимой республикой, а себя — ее пожизненным консулом (по примеру Бонапарта). Французские войска попытались восстановить колониальное господство и даже взяли «черного консула» в плен, но восстание продолжалось, и в 1804 г. Франция признала независимость Гаити; новое государство возглавил бывший раб, генерал войска Туссен-Лувертюра Жан Жак Дессалин (1760—1806), провозгласивший себя императором Иаковом I.

¹² Гражданская война в Китае длилась с 1916 по 1949 г., сливаясь с борьбой против Японии. В Малайе антияпонское партизанское движение, руководимое коммунистами, началось в 1941 г.; после 1945 г. оно превратилось в антианглийское; особо активно военные действия велись в 1948—1949 гг., вооруженная борьба не прекратилась и после провозглашения независимости Малайской Федерации в 1957 г. (с 1963 г. — Федерация Малайзия), коммунисты формально не сложили оружие и поныне. Неясно, какие конкретно африканские колонии имеет в виду А. Дж. Тойнби; наиболее вероятны Алжир, Марокко и Кения.

¹³ Греческие традиции активно культивировались в Римской империи, менее активно — в Парфянском государстве (см. «Постижение истории»,

прим. 25, 26 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»), еще менее — в Кушанском царстве (см. там же, прим. 38 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»).

¹⁴ Измаилиты — арабы, возводящие свое происхождение к Измаилу, сыну праотца Авраама и рабыни Агари.

¹⁵ Аршаки — имеются в виду первые цари Парфянской династии Аршакидов (см. там же, прим. 26 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций»). *Канишка* (даты царствования неизвестны, скорее всего рубеж I и II вв. н. э.) — кушанский царь; при нем государство достигло наибольшего могущества, сам он носил четыре титула: китайских императоров (Сын Неба), персидских владык (Царь Царей), индийских правителей (Махараджа) и римских государей (Кайсара, т. е. Цезарь). А. Дж. Тойнби явно преувеличивает как стабильность Рима, Парфии и Кушанского царства на протяжении семи веков до арабских завоеваний, так и анархию, воцарившуюся с приходом арабов.

¹⁶ См. там же, прим. 17 к т. 5, «Раскол в социальной системе».

¹⁷ См. там же, прим. 137 к т. 1, «Поле исторического исследования», и прим. 52 к т. 1, «Сравнительное исследование цивилизаций». Амитабха не бодхисатва, а будда — владыка Рая, почитаемый махаянистами; хинаянисты признают только одного Будду — Сиддхартху Гаутаму.

¹⁸ «Когда царь (Александр Македонский. — *Комм.*) спросил его (захваченного пирата. — *Комм.*), о чем тот думал, творя смуту на море, тот достойно ответил: “О том же, о чем и ты, творя смуту во всем мире. Я делаю это с одним кораблем и зовусь пиратом, ты — с огромным флотом и зовешься императором”» (*Августин*. О граде Божьем. IV, 4). Этот сюжет, заимствованный Августин у Цицерона (О государстве. III, XIV, 34), А. Дж. Тойнби излагает весьма вольно, «историзируя» притчу: во времена Александра в Тирренском море действительно свирепствовали пираты (не обязательно бывшие тирренами, т. е. этрусками, покоренными и частично ассимилированными к тому времени римлянами), но ни Августин, ни Цицерон не локализуют место рассказа либо этническую принадлежность героя.

¹⁹ См. «Постижение истории», прим. 16. Формально Август отказался от обожествления и был причислен к сонму богов лишь после смерти. Однако еще при жизни ему посвящали храмы (по его требованию только вне Италии и только совместные — ему и Богине Рима), клятва гением (т. е. духом-покровителем) императора признавалась нерушимой, был учрежден особый культ божества Августов Мир, воплощавшего прекращение гражданских смут.

²⁰ «Грабить, похищать, разорять — это на их лживом языке зовется управлением, а когда они все обратят в пустыню, то называют это миром» — эти слова Тацит (*Агрикола*. 30, 7) вкладывает в уста Калгака, вождя бриттов.

²¹ Это не цитата, а весьма вольный пересказ рассуждения императора-философа: «Разумная душа облетает весь мир и окружающую его пустоту, исследует его форму, проникает в беспредельную вечность, постигает периодическое возрождение Целого и понимает и сознает, что наши потомки не увидят ничего нового, как и наши предки не видели ничего сверх того, что видим мы, но что человек, достигший сорока лет, если обладает хоть каким-нибудь разумом, в силу общего единообразия некоторым образом уже видел все прошедшее и все имеющее быть» (К самому себе. XI, I).

**По вопросам оптовых закупок обращаться:
тел./факс: (095) 785-15-30, e-mail: trade@airis.ru
Адрес: Москва, пр. Мира, 106**

Наш сайт: www.airis.ru

**Вы можете приобрести наши книги
с 11⁰⁰ до 17³⁰, кроме субботы, воскресенья
в киоске по адресу: пр. Мира, д. 106, тел.: 785-15-30**

Адрес редакции: 129626, Москва, а/я 66

Научное издание

Тойнби А. Дж.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

Издание второе

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*

Редактор *Н. И. Кольшикина*

Художественный редактор *А. М. Драговой*

Технический редактор *С. С. Коломеец*

Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*

Корректор *Н. С. Калашникова*

Подписано в печать 14.10.2002. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».

Печ. л. 37. Усл.-печ. л. 37. Доп. тираж I 5000 экз. Заказ № 5309.

ООО «Издательство “Айрис-пресс”»

113184, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50, стр. 3.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Л. Н. Гумилев

От Руси до России:

Очерки этнической истории

320 с., с илл., карты, переплет

Открытие Хазарии

416 с., с илл., карты, переплет

Древняя Русь и Великая степь

768 с., с илл., карты, переплет

Этногенез и биосфера Земли

560 с., с илл., карты, переплет

Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению

384 с., с илл., карты, переплет

Тысячелетие вокруг Каспия

384 с., с илл., карты, переплет

Древние тюрки

560 с., с илл., карты, переплет

**Поиски вымышленного царства.
(Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»)**

432 с., с илл., карты, переплет

Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи

576 с., с илл., переплет

Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов

560 с., с илл., переплет

Хунну. Хунны в Китае

624 с., с илл., переплет

Судьба и идеи

512 с., переплет

